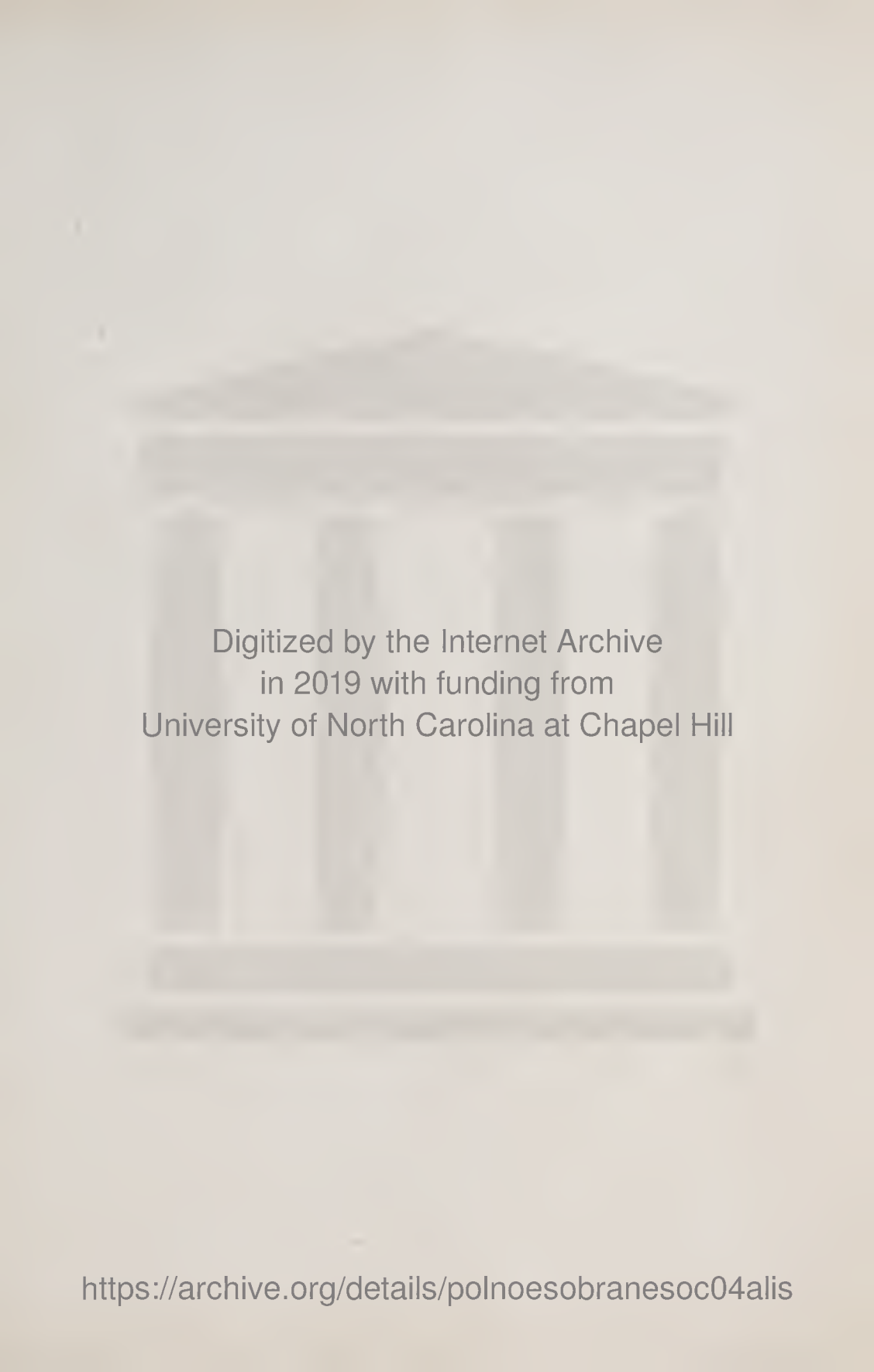
Digitized by the Internet Archive
in 2019 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/polnoesobranesoc04alis

Полное Собраніе Сочиненій

П. Ѳ. АЛИСОВА

2-е Изданіе

Исправленное и дополненное

Вошли статьи не бывшія въ печати

САТИРЫ И ПАМФЛЕТЫ

КНИГА IV

Цѣна 6 фр.

Ницца

Типографія Я. Е. Клейдмана, 7, rue Cotta

1910

„Исторія великихъ людей всегда мученическая легенда, если они не страдали за великое человѣчество, они страдали за свою великую самебытность".

——— Гейне.

Докторъ. Есть истины, волнующія и терзающія ебществе.

— Да, милый докторъ, истина — ревелюціеперъ.

Докторъ. Согласитесь, наконецъ, что есть истины, способныя пугать.

— Да, какъ и всегда, свѣтъ пугаетъ воревъ.

Докторъ. Есть истины, которыя отвратительно слушать.

— Да, когда онѣ мѣшаютъ опьяненію или возбуждаютъ угрызеніе совѣсти.

Докторъ. Есть и такія истины, которыя опасны для ихъ проповѣдниковъ.

— Да когда у нихъ сердце раба или лакея.

Лабуле.

———

„Истины самыя простыя тѣ, до которыхъ человѣкъ доходитъ позднѣе".

——— Герценъ

„Свобода — могучее и молодое дерево, чѣмъ болѣе будутъ обрѣзать его вѣтви, тѣмъ болѣе дадутъ ему силы для роста".

Жакеліе.

———

„Новый міръ переросъ васъ, не вѣритъ въ ваши права и скоро не будетъ вѣрить въ силу..."

„Заспанные, отяжелѣвшіе они не умѣютъ никогда во время проснуться, они тогда придутъ въ себя, когда бѣда разразится надъ головой, то есть когда не только поздно понимать, уступать, но поздно спасаться..."

——— Герценъ.

„Тотъ, кто ломаетъ старое зданье, иногда заслуживаетъ болѣе похвалъ, чѣмъ тотъ, кто строитъ, такъ какъ трудъ нерваго еще важнѣе".

Гейне.

———

„Что поставимъ мы на его мѣсто — говорите вы. Свирѣпое животное высосало всю кровь изъ моихъ ближнихъ, я вамъ говорю, что нужно скорѣе избавиться отъ кровожадной гадины, и вы спрашивате меня, что поставятъ на его мѣсто!"

Вольтеръ.

———

„Однимъ изъ обыкновенныхъ плисцадныхъ заблужденій служитъ привычка принимать пламенное, сердечное чувство, жгучую впечатлительность и ничѣмъ не сдерживаемую искренность, за пахальное, пенстовое выраженіе крайнихъ мнѣній".

Гладстонъ.

Дѣло Нечаева

Другу ***

Брось свои иносказанья
И гипотезы пустыя!
На проклятые вопросы
Дай отвѣты мнѣ прямые.
* * *
Отчего подъ ношей крестной
Весь въ крови влачится правый?
Отчего вездѣ безчестный
Встрѣченъ почестью и славой?
* * *
Кто виной? иль силѣ правды
На землѣ не все доступно?
Иль она играетъ нами?
Это подло и преступно...
* * *
Такъ мы спрашиваемъ жадно
Цѣлый вѣкъ, пока безмолвно
Не забьютъ намъ рта землею
Да отвѣтъ ли это? полно.

Г. Гейне.

Дѣло Нечаева, печатаемое во всѣхъ газетахъ, лихорадочно прочитывалось молодою и ветхою публикою; старички-мракобѣсцы ужасались, коварно, продолжительно перешептывались; молодые люди горько улыбались, ждали съ нетерпѣніемъ развязки. Судебная палата, въ первый разъ, гласно, съ адвокатами, разбирала политическое преступленіе. Мы далеки отъ предположенія, что правительство, изъ любви къ прогрессу, рѣшилось дозволить политическій заговоръ разоблачить передъ обществомъ, лучшая половина котораго, тайно, но глубоко всегда сочувствовала всѣмъ политическимъ мнимымъ преступленіямъ. Правительство знало, кому поручало дѣло, не боялось за исходъ. Много мучитель-

ныхъ думъ вызвалъ процессъ; многіе спрашивали себя: „какъ отличится наша, смакующая кровь, обвинительная власть, что скажутъ въ защиту наши адвокаты, пріобрѣтшіе такую громадную популярность, не только въ столицахъ, но и глухихъ провинціяхъ?“ Процессъ Павленкова приготовилъ насъ къ той горькой мысли, что обвинительная власть приложитъ непомѣрное стараніе, чтобы подлизаться къ тому щедрому, бездушному владыкѣ, который за собачье вылизыванье и мусульманское раболѣпіе не жалѣетъ крестиковъ, звѣздочекъ, кругленькихъ пенсіончиковъ, временныхъ вознагражденій; мы не забыли г. Тизенгаузена, царскаго жарко преданнаго камердинера. Не забыли г-на сенатора Ковалевскаго — пугая кассаціоннаго департамента! Эти пережитки кромѣшнаго прошлаго назойливо преслѣдуютъ наше воображеніе; умудренные опытомъ, мы многое предчувствовали и не даромъ! Г. прокуроръ не обманулъ нашихъ надеждъ, но и кромѣ прокурора, многое оказалось не лишеннымъ интереса. Нравоучительный фактъ: подсудимые два года съ мѣсяцами уже успѣли просидѣть въ Петропавловской крѣпости, они, предварительно, были допрошены третьимъ отдѣленіемъ, въ главномъ залѣ котораго, по слухамъ, фигурируетъ, удивительнѣйшее по своему механизму, кресло, съ помощью котораго истязались розгами не только неблагонадежные мужчины, но и женщины. Третье отдѣленіе, еще такъ недавно, допрашивало Каракозова. Время скоро разоблачитъ, на омерзеніе цѣлой Европы, кровавую драму, разыгравшуюся по дѣлу Каракозова. Сѣдая гіена — Муравьевъ, питавшаяся до отвала трупами поляковъ, была приглашена „Освободителемъ“ для разслѣдованія дѣла. Каннибальская оргія, справленная имъ надъ заподозрѣнными, носила названіе суда! Сотни молодыхъ людей были отданы на сожраніе непостоянствующей жандармеріи, лучшіе журналы запрещены, огромное, неслыханное число было замучено въ крѣпостяхъ и на каторгѣ; страшные разсказы еще живы въ нашей памяти: ненависть, презрѣніе безъ границъ къ царю и правительству затаилось съ того времени у огромнаго большинства; кровь горячо идетъ по жиламъ при одной мысли, сколько мощныхъ, великихъ силъ погребено безслѣдно въ тундрахъ Сибири, мракѣ

крѣпостей! Но не успѣли мы еще передохнуть послѣ повальнаго избіенія молодежи, какъ правительство, еще покрытое теплою кровью прежнихъ жертвъ, снова начало, съ прежнею звѣрскою энергіей, тиранить молодежь! Петропавловская крѣпость и третье отдѣленіе сдѣлали свое дѣло: подсудимые явились на судъ съ разбитымъ здоровьемъ, истощенные, измученные, постарѣвшіе на десятки лѣтъ; у этихъ несчастнѣйшихъ изъ несчастныхъ разбойнически отняли здоровье, лучшіе, цвѣтущіе года молодой жизни, у нихъ отняли то, что не могли имъ дать соединенныя силы цѣлаго міра; но все это — съ самодержавно-полицейской точки зрѣнія — пустяки, о которыхъ смѣшно говорить, пустячками считается даже то невинно-идиллическое обстоятельство, что нѣсколько подсудимыхъ оправдано, слѣдовательно, они томились въ крѣпости совершенно невинные, ихъ мучили для примѣра, хотѣли предохранить отъ превратныхъ толкованій. Но перейдемъ къ самому дѣлу Нечаева. Изъ напечатанныхъ прокламацій революціонныхъ правилъ, мы узнаемъ, что г. Нечаевъ задумалъ ниспровергнуть существующій въ Россіи безпорядокъ дѣлъ; средства, имѣвшіяся въ его распоряженіи, были до грусти незначительны, но какъ видно изъ отвѣта подсудимыхъ, онъ слѣпо вѣрилъ, что не смотря на ничтожность данныхъ, при личной энергіи и кружка, онъ съумѣетъ поднять недовольный, близкій къ возстанію, народъ, свершить радикальный переворотъ.

Не смотря на наше слабое знаніе 80 милліоновъ, составляющихъ русское государство, мы увѣрены, что Нечаевъ глубоко ошибался, думая, что народъ возбужденъ и близокъ къ поголовному возстанію; подмѣтить это глухое броженіе въ настоящій моментъ свыше не только Нечаевскихъ, но и человѣческихъ силъ вообще. Нечаевъ прошелъ Россію изъ одного конца въ другой, но этотъ путь — простая линія въ сравненіи съ пространствомъ всей Россіи. Во Франціи, въ концѣ XVIII вѣка, можно было предчувствовать революцію по страшному количеству дѣятелей, которые, какъ изъ земли выросли, на канунѣ грознаго времени: неслыханное въ исторіи сочувствіе общества къ этимъ огненнымъ пророкамъ свободы, страшное возбужденіе во всѣхъ классахъ общества въ Парижѣ, провинціяхъ, ощутительно

для грубыхъ нервовъ, показывали, что исторія готовитъ катаклизмъ, атмосфера полна была тѣхъ паровъ, вслѣдъ за которыми колеблется земля и проглатываетъ цѣлые города, сотни тысячъ человѣческихъ жизней. Ни Петербургъ, ни Москва, не обнаруживаютъ пока, даже, легкихъ намековъ броженія, чреватаго грозными революціями: въ Петербургѣ могучее броженіе охватило только одну полицію, подъ ярымъ владычествомъ Трепова.

Если бы Нечаевъ лучше вникнулъ въ русскую исторію, онъ узналъ бы изъ нея, что до ужаса, до отчаянія терпѣливъ русскій народъ, онъ снесъ проклятое, рѣжущее ярмо: царствованіе Павла I, Николая I. Понятно, что освободивши народъ, пошатнувъ въ его головѣ принципъ царской и помѣщичьей непогрѣшимости, расширивъ его потребности, нужно быть крайне осторожными, останавливаться на пути реформъ — дѣло чрезвычайно опасное. Исторія намъ подсказываетъ страшныя вещи: всѣ чудовищные ужасы происходили тамъ, гдѣ тупое правительство, спустивши плотины, раскаявалось и старалось слабенькими ручеьками задержать бѣшеное теченіе, оно уносило жалкихъ идіотовъ и выбрасывало избитыхъ, окровавленныхъ исковерканныхъ бурнымъ теченіемъ. Нечаевъ разсчитывалъ, съ помощью кружковъ, направить взбунтовавшіяся силы народа; въ своихъ прокламаціяхъ онъ обрекаетъ смерти все гнетущее: царскую семью, со всею омерзительною кучею ненасытныхъ паразитовъ, всю бюрократію, жандармерію, явную и тайную полицію, аристократію, дворянство, купечество; царя — какъ исключительнаго кровопійцу, вора — онъ приберегалъ для десерта: для мучительной казни, на глазахъ цѣлаго народа; всѣ несочувствующіе радикальному перевороту, должны были быть безпощадно уничтожены. Читая процессъ, трудно войти въ экзальтированное, болѣзненно напряженное положеніе Нечаева и подсудимыхъ; трудно допустить, что онъ вѣрилъ, что могъ бы направить поднявшіяся милліонныя массы, а не потонуть въ нихъ, какъ капля, попавшая въ разъяренный океанъ! Неужели ему не пришло въ голову, что геров народныхъ революцій неслышно зрѣютъ въ самомъ сердцѣ народа, что никто изъ насъ не угадаетъ: какія формы примутъ

RBC/NcU SAVINF

эти властители массъ, въ чемъ будутъ состоять желанія народа, на чемъ остановится онъ?

Давать народу программы дѣйствій, во время переверты вающихъ все вверхъ дномъ революцій — романтическая наивность: революція — крайнее возбужденіе, если трудно угадать, какое направленіе примутъ массы, во время нормальнаго движенія, то какая же безумная прихоть угадать, какъ будутъ дѣйствовать возбужденные до бѣшенства милліоны людей. Знай онъ народъ, онъ прежде всего сомнѣвался бы, находится ли его жизнь въ большей или меньшей опасности, чѣмъ тѣхъ извергов, не обрызганныхъ, но залитыхъ народною кровью, которыхъ онъ совершенно справедливо приговорилъ къ жестокой казни! Народъ, во время революцій, часто щадитъ своихъ палачей и казнитъ великихъ фанатиковъ свободы, готовыхъ за нее отдать по каплѣ свою кровь. Въ прокламаціяхъ, правилахъ нѣтъ намека на то, какой бы міръ воцарился на мѣсто разрушеннаго, перерѣзаннаго, стараго міра. Нечаевъ, черезъ чуръ наивно сваливаетъ дѣло созиданія на голову неподготовленнаго народа; рабство, невѣжество не создадутъ разумнаго соціальнаго строя, для этого нужна умственная, нравственная подготовка, упорная и горячая пропаганда среди народа. Растоптать власть, смѣшать ея кровь съ грязью, еще не значитъ ее вполнѣ, безвозвратно уничтожить; онъ хотѣлъ съ своими микроскопическими силенками, однимъ ударомъ, разрушить въѣвшіеся въ 80 милліонную массу предразсудки, безобразныя отношенія, невѣжество и чудовищную ложь; всѣ роковыя послѣдствія чуть не трехсотлѣтняго рабскаго растлѣнія. Такіе могущественные фокусы фигурируютъ только на страницахъ библіи, гдѣ по повелѣнію деспота — Іеговы хаосъ и мракъ мгновенно превратились въ свѣтъ.

На бумагѣ перерѣзать людей не трудно, быть тираномъ только въ проектахъ не такъ мерзко, какъ быть имъ въ дѣйствительности; всякій мыслящій человѣкъ вѣритъ всею душою, что если правительство остановится на пути реформъ, то революція неизбѣжна, но ее создадутъ не Нечаевы, а та грозная сила недовольныхъ, проснувшихся отъ летаргіи массъ, среди которыхъ Нечаевы имѣютъ значеніе поля съ минусомъ.

Нечаевъ, пропагандируя свѣтлыя убѣжденія, могъ бы принести большую пользу народу, но это было бы слишкомъ мало для поднятія его къ возстанію. Тайныя общества, во главѣ которыхъ стоятъ Каракозовы и Нечаевы, показываютъ, что есть уголки въ Россіи, гдѣ бродитъ неспокойная, жаждущая радикальныхъ реформъ сила, она можетъ разростись, распустить свои корни, если царь и правительство не перестануть быть кровавымъ палачемъ, стихійною силою, безсмысленно разящею все на пути, правое и виноватое. Обнаруженное тайное общество интересно съ психической стороны: оно напомнило царю и правительству, что пора безнаказанности прошла, и замучивать молодежь по каторгамъ, казематамъ удивительно опасно. — Если царь съ непостижимымъ тупоуміемъ, бездушіемъ будетъ опираться на такое искаріотское, живущее чудовищными насиліями и попраньями всѣхъ человѣческихъ правъ, учрежденіе, какъ третье отдѣленіе — Каракозовы неизбѣжны, они будутъ появляться, какъ фатумы въ древнихъ трагедіяхъ. Наше время и безъ революцій умудрится добиться до многаго. Въ средніе вѣка, когда личность императора была обвѣяна миѳическою божественностію, а большинство вѣрило, что разгнѣванное божество пошлетъ сонмы ангеловъ, съ пылающими мечами мести, въ защиту своего помазанника, тогда въ то невозвратимое, старое, рабское время, только, изрѣдка, выдвигались великіе судьи, святые мстители за человѣчество, возстановители правосудья. Наше время разоблачило императорскій миѳъ: дурацкая божественность на вѣки испарилась, остался одинъ жалкій трупъ, полный заражающей вони; теперь слово императоръ получило роковое, для носящихъ этотъ титулъ, значеніе.

Теперь царская корона равносильна клейму каторжника. Такія личности, какъ Березовскій, Каракозовъ показываютъ, что цари, поставивши себя внѣ закона, внѣ отвѣтственности, не съумѣли и не съумѣютъ себя оградить отъ карающихъ мстителей, которые, рискуя жизнью, мстятъ за униженныя человѣческія права, за царскія преступленія; этотъ безгласный судъ страшнѣе гласнаго, этотъ судъ неизбѣженъ, и онъ наставитъ царей на путь истины. Цари очаровательно наивны, они

не могутъ разжевать ту полынь, что если имъ можно, безпощадно звѣрски карать мнимыя преступленія, то, въ свою очередь, не нужно свершать дѣйствительныхъ тяжкихъ преступленій, чтобы не подвергнуться той же расправѣ — какъ аукнется, такъ и откликнется. Такіе суды надъ царями, отъ которыхъ ихъ не убережетъ цѣлая армія изъ полицій, только тогда перестанутъ быть логичными, когда цари докажутъ, что они непогрѣшимы, докажутъ, что они не люди, въ качествѣ же простыхъ смертныхъ, они должны жестоко побаиваться, если за ними водятся безчисленные грѣхи; давши свободу народу, нужно широко, быстро идти впередъ, если царь, правительство остановятся, революціи, мелкія кровавыя реакціи неизбѣжны; мы не возьмемъ на себя смѣлости опредѣлить точно годъ революціи, какъ это сдѣлалъ Нечаевъ, но мы вѣримъ, что она развернется, поразитъ своею неожиданностью; пусть правительство перестанетъ дѣтски вѣрить въ пушки, плети, штыки, Сибирь, Петропавловскую крѣпость, въ разфранченную гвардію; въ тяжкія минуты, за деньги купленная любовь обнаружится; мимо вѣрныя, царскія стражи перейдутъ на сторону замученныхъ страдальцевъ, своихъ кровныхъ братьевъ, онѣ сердечно не связаны съ фантастическими дворцами, безумными, животными оргіями, онѣ кровнѣе связаны съ жалкими хатами, занесенными снѣжными мятелями и тѣмъ несчастнымъ, нагимъ людомъ, который, стеная, копошится въ грязи и навозѣ этихъ хатъ; матери, отцы, братья, сестры, все родное по духу, плоти охраняющимъ войскамъ, въ жалкихъ хатахъ, а не роскошныхъ дворцахъ; грядущее покажетъ, что они съумѣютъ, не смотря на обезличивающую солдатчину и нескончаемую демораліацію, отличить правду отъ лжи; истины свободы, общаго блага чрезвычайно просты и ослѣпительно ясны, тутъ не нужно созидать геніальныхъ софизмовъ, какъ въ уголовномъ правѣ.

II

Большая часть публики, слѣдящая за процессомъ, была поражена прокламаціями и правилами; мы не выписываемъ прокламацій: въ правилахъ всѣ они приве-

дены къ одному знаменателю; правила — продуктъ долгаго, упорнаго, невыносимаго ожесточенія, они наслаивались вѣками, въ холодномъ мракѣ крѣпостей, подъ лязганіе цѣпей. Нѣтъ ни одной націи, которая не выронила бы въ эти правила слезы отчаянія, безумнаго порыва, желчнаго гнѣва; отъ нихъ пахнетъ гнилымъ холодомъ римской башни св. Ангела, тлѣномъ венеціанскихъ тюрмъ австрійскаго владычества, каменными гробами русскихъ крѣпостей. Я ихъ выписываю, чтобы показать, что горючія слезы, кровь невинныхъ не пропадаютъ безслѣдно, что почва, орошенная такою жидкостью, рано или поздно, породитъ чудовищную Немезиду, которая вверхъ дномъ перевернетъ міръ и заплатитъ долгъ сторицею.

Отношеніе революціонера къ самому себѣ.

1) Революціонеръ — человѣкъ обреченный, у него нѣтъ своихъ интересовъ, ни дѣлъ, ни чувствъ, ни привязанностей, ни собственности, ни даже имени, все въ немъ поглощено единымъ исключительнымъ интересомъ, единою мыслью, единою страстью — революціей.

2) Онъ въ глубинѣ своего существа, не на словахъ, а на дѣлѣ, разорвалъ всякую связь съ гражданскимъ порядкомъ, и со всѣмъ образованнымъ міромъ, со всѣми законами и приличіями, общепринятыми условіями и нравственностью этого міра, онъ для него врагъ безпощадный, и если бы онъ продолжалъ жить въ немъ, то для того только, чтобы его вѣрнѣе разрушить.

3) Революціонеръ презираетъ всякое доктринерство и отказался отъ мірской науки, предоставляя ее будущимъ поколѣніямъ, онъ знаетъ только одну науку, науку разрушенія! для этого и только для этого онъ изучаетъ теперь механику, физику, химію, медицину; для этого изучаетъ день и ночь живую науку людей, характеровъ, положеній и всѣхъ условій общественнаго, настоящаго строя... цѣль же одна: наискорѣйшее разрушеніе этого поганаго строя

4) Онъ презираетъ общественное мнѣніе, онъ презираетъ и ненавидитъ во всѣхъ побужденіяхъ и проявленіяхъ нынѣшнюю общественную нравственность; нравственность для него все то, что способствуетъ торжеству революціи, безнравственно и преступно все, что мѣшаетъ ей.

5) Революціонеръ — человѣкъ обреченный, безпощаденъ для государства и вообще для всего сословно образованнаго общества, онъ и отъ нихъ не долженъ знать пощады, между ними и имъ существуетъ тайная или явная, но непрерывная и непримиримая борьба на жизнь и смерть, онъ долженъ пріучать себя выдерживать пытки.

6) Суровый для себя, онъ долженъ быть суровымъ и для другихъ, всѣ изнѣживающія чувства родства, дружбы, любви, благодарности и даже самой чести должны быть въ немъ задавлены единою, холодною страстью революціоннаго дѣла; для него существуетъ одна нѣга, одно утѣшеніе, вознагражденіе и удовлетвореніе —

успѣхъ революціи; денно и нощно у него должна быть одна мысль, одна цѣль — безпощадное разрушеніе, стремясь хладнокровно и неумолимо къ этой цѣли, онъ долженъ быть готовъ и самъ погибнуть и погубить своими руками все, что мѣшаетъ ея достиженію.

7) Природа настоящаго революціонера исключаетъ всякій романтизмъ, всякую чувствительность, восторженность, увлеченіе, она исключаетъ даже личную ненависть и мщеніе; революціонная страсть, ставъ въ немъ обыденностью, ежеминутно должна соединяться съ холоднымъ расчетомъ, всегда и вездѣ онъ долженъ быть не то, къ чему его побуждаютъ влеченія личныя, а то что предписываетъ ему общій интересъ революціи.

Отношеніе революціонера къ товарищамъ по революціи.

8) Другомъ и милымъ человѣкомъ для революціонера можетъ быть только человѣкъ, заявившій себя на дѣлѣ такимъ же революціоннымъ дѣломъ, какъ и онъ самъ; мѣра дружбы, преданности и прочихъ обязанностей, въ отношеніи къ тому товарищу, опредѣляется единственно степенью полезности въ дѣлѣ всеразрушительной практической революціи.

9) О солидарности и говорить нечего, въ ней вся сила революціоннаго дѣла. Товарищи революціонеры стоятъ на одинаковой степени революціоннаго пониманія и страсти, должны всѣ крупныя дѣла по возможности обсуждать всѣ вмѣстѣ и рѣшать ихъ единодушно. Въ исполненіи, такимъ образомъ, рѣшеннаго плана, каждый долженъ разсчитывать, по возможности, на себя. Въ выполненіи ряда разрушительныхъ дѣйствій, каждый долженъ дѣлать самъ и прибѣгать къ совѣту и помощи товарищей только тогда, когда это для успѣха необходимо.

10) У каждаго товарища должно быть подъ рукою нѣсколько революціонеровъ втораго и третьяго разряда, то есть не совсѣмъ посвященныхъ, на нихъ онъ долженъ смотрѣть, какъ на часть общаго революціоннаго капитала, отданнаго на распоряженіе, онъ долженъ экономически тратить свою часть капитала, стараясь всегда извлечь изъ него наибольшую пользу, на себя онъ смотритъ, какъ на капиталъ, обреченный на трату для торжества революціоннаго дѣла, только какъ на такой капиталъ, которымъ онъ самъ и одинъ, безъ согласія всего товарищества, вполнѣ посвященныхъ, распоряжаться не можетъ.

11) Когда товарищъ попадаетъ въ бѣду, рѣшая вопросъ, спасать его или нѣтъ, революціонеръ долженъ соображаться не съ какими нибудь личными чувствами, но только съ пользою революціоннаго дѣла, потому онъ долженъ взвѣсить пользу, приносимую товарищемъ съ одной стороны, а съ другой — трату революціонныхъ силъ, потребныхъ на избавленіе и на которую сторону перетянетъ, такъ и долженъ рѣшить.

Отношеніе революціонера къ обществу.

12) Принятіе новаго члена, заявившаго себя не на словахъ, а на дѣлѣ, въ товарищество, не можетъ быть рѣшено иначе, какъ единодушно.

13) Революціонеръ вступаетъ въ государственный, сословный, такъ называемый, сословный міръ, и живетъ въ немъ только съ вѣрой въ полнѣйшее и скорѣйшее разрушеніе. Онъ не революціонеръ, если ему чего-нибудь жаль въ этомъ мірѣ, если онъ можетъ остановиться передъ истребленіемъ положенія, отношенія какого либо человѣка, принадлежащаго къ этому міру. Всѣ и все должны быть ему равно ненавистны. Тѣмъ хуже для него, если въ немъ есть родственныя, дружескія и любовныя отношенія; онъ не революціонеръ, если онѣ могутъ остановить его руку.

14) Съ цѣлію безпощаднаго разрушенія революціонеръ можетъ и часто даже долженъ жить въ обществѣ, притворяясь совсѣмъ не тѣмъ, что онъ есть; революціонеръ долженъ проникнуть всюду, во всѣ высшія и среднія сословія, въ купеческую лавку, въ церковь, барскій домъ, въ міръ бюрократическій, военный, литературный, въ третье отдѣленіе и даже въ зимній дворецъ.

15) Все это поганое общество должно быть раздроблено на нѣсколько категорій: 1) категорія неотлагаемо осужденныхъ на смерть; да будетъ составленъ товариществомъ списокъ такихъ осужденныхъ по порядку ихъ относительной зловредности для успѣха революціоннаго дѣла, такъ, чтобы предыдущіе номера убрались прежде послѣдующихъ.

16) При составленіи такихъ списковъ и для установленія вышереченнаго порядка должно руководствоваться отнюдь не личнымъ злодѣйствомъ человѣка, ни даже ненавистью, возбуждаемою имъ въ товариществѣ или въ народѣ; это злодѣйство и эта ненависть могутъ быть отчасти и полезными, способствуя къ возбужденію народнаго бунта, должно руководствоваться мѣрою пользы, которая должна произойти отъ его смерти для революціоннаго дѣла; и такъ прежде всего должны быть уничтожены люди, особенно вредные для революціонной организаціи, а также внезапная, насильственная смерть которыхъ можетъ навести наибольшій страхъ на правительство, лишивъ его умныхъ и энергическихъ дѣятелей, потрясти его силу.

17) Вторая категорія должна состоять изъ такихъ людей, которымъ даютъ только временно жить, чтобы, они рядомъ звѣрскихъ поступковъ, довели народъ до неотвратимаго бунта.

18) Къ третьей категоріи принадлежитъ множество высоко поставленныхъ скотовъ или личностей, не отличающихся ни особеннымъ умомъ, ни энергіей, но пользующихся по положенію богатствомъ, связями, вліяніемъ, силою; надо ихъ эксплуатировать всевозможными манерами, путями, опутать ихъ, сбить съ толку и, овладѣвъ ихъ грязными тайнами, сдѣлать ихъ своими рабами; ихъ власть, богатство, вліяніе и сила дѣлаются такимъ образомъ неистощимою сокровищницею и сильною помощью для разныхъ предпріятій.

19) Четвертая категорія состоитъ изъ государственныхъ честолюбцевъ и либераловъ съ разными оттѣнками, съ ними можно конспирировать по ихъ программамъ, дѣлая видъ, что слѣпо слѣдуешь за ними, между тѣмъ прибирать ихъ въ руки, овладѣть всѣми ихъ тайнами, скомпрометировать ихъ до нельзя, такъ чтобы возвратъ былъ для нихъ невозможенъ и ихъ руками мутить государство.

20) Пятая: доктринеры, конспираторы-революціонеры, всѣ праздноглаголющіе въ кружкахъ и на бумагѣ; ихъ надо безпрестанно только тянуть впередъ въ практичныя, головоломныя заявленія, результатомъ которыхъ будетъ безслѣдная гибель большинства и настоящая революціонная выработка немногихъ,

21) Шестая категорія — женщины, которыхъ нужно раздѣлить на три разряда: одни пустыя, безсмысленныя, бездушныя, которыми можно пользоваться какъ третьей и четвертой категоріей мужчинъ; дру-

гія — горячія, преданныя, способныя, но не наши, потомучто не доработались еще до настоящаго, безстрашнаго, фактическаго, революціоннаго пониманія: наконецъ, женщины совсѣмъ наши, т. е. вполнѣ посвященныя и принявшія всецѣло нашу программу, мы должны смотрѣть на нихъ, какъ на драгоцѣннѣйшія сокровища наши, безъ помощи которыхъ намъ обойтись невозможно.

Отношеніе товарищества къ народу.

22) У товарищества нѣтъ другой цѣли, кромѣ полнѣйшаго освобожденія и счастія народа, то есть чернорабочаго люда, но убѣжденіе въ томъ, что это освобожденіе и достиженіе этого счастія возможно только путемъ всесокрушающей народной революціи, товарищество всѣми силами и средствами будетъ способствовать къ развитію и разобщенію тѣхъ бѣдъ и золъ, которыя должны вывести наконецъ народъ изъ терпѣнія и понудить его къ поголовному возстанію.

23) Подъ революціей товарищество разумѣетъ не регламентированное, по западному классическому образцу, движеніе, которое всегда останавливается передъ собственностью и передъ традиціей общественнаго порядка въ такъ называемой цивилизаціи и нравственности, до сихъ поръ ограничивалось всегда низверженіемъ одной политической формы и замѣщенія ея другою, и старались создать такъ называемое революціонное государство. Спасительной для народа можетъ быть только та революція, которая уничтожитъ въ корнѣ всякую государственность и истребитъ всѣ государственныя традиціи, порядки и классы въ Россіи.

24) Товарищество поэтому не намѣрено навязывать какую бы то ни было организацію сверху, будущая организація, безъ сомнѣнія, выработается изъ народнаго движенія и жизни, но это дѣло будущихъ поколѣній. Наше дѣло — безпощадное разрушеніе.

25) Поэтому сближаясь съ народомъ, мы прежде всего должны соединиться съ тѣми элементами народной жизни, которые со времени основанія московской государственной силы, не переставали протестовать не на словахъ, а на дѣлѣ противъ всего, что прямо или косвенно связано съ государствомъ; противъ дворянства, чиновничества, гильдейскаго міра, противъ кулака міроѣда. Соединимся съ лихимъ, разбойничьимъ міромъ, съ этимъ единственнымъ и истиннымъ революціонеромъ въ Россіи.

26) Сплотить этотъ міръ въ одну непобѣдимую, всесокрушающую силу, вотъ вся наша организація, конспирація и задача".

Составители катихизиса не люди дѣла, но удивительные романтики, идеалисты; іезуитскій катихизисъ, столкнувшись съ суровою дѣйствительностью, превращается въ мистическій бредъ, въ напрасно испорченный лоскутъ бумаги; я разберу всю благородную основу этихъ правилъ и всю ихъ крайнюю непрактичность. Тайныя общества съ такими разрушительными безпощадными замашками никогда не удадутся; такіе колоссальные проекты закончутся обыкновенно тѣмъ, что тайное общество, не успѣвъ собраться въ крошечную кучку, распадется, благодаря малюсенькому шпіончику;

единодушіе немыслимо въ подобныхъ кружкахъ. Требованія тайнаго общества такъ противоестественны, громадны, что выдержать ихъ могутъ, не надорвавшись, только колоссальныя личности, въ родѣ г. Рахметова, обыкновеннымъ — это не подъ силу; съ расширеніемъ общества станетъ увеличиваться разногласица, обнаруживаться неодинаковыя стремленія, всѣ человѣческія слабости: (съ революціонной точки зрѣнія) любовь, дружба, жалость, великодушіе, недостатокъ энергіи, отчаяніе, апатія, робость, неспособность разстаться съ средствами къ жизни, жажда жизни выплывутъ наружу; стремленіе къ индивидуальности превращаетъ подобныя тайныя общества въ карточные домики, способные рухнуть отъ слабенькаго дуновенія. Чтобы убивать всѣхъ злобныхъ людей, эксплуатировать на разные лады аристократовъ, дворянство, купечество, выпытывать изъ нихъ всѣ ихъ тайны, нужно создать партію могущественнѣе той, которой хотятъ воспользоваться. Нужно, чтобы партія революціонеровъ владѣла волшебной палочкой, по мановенію которой аристократы начали бы съ восторгомъ выворачивать свои карманы передъ карманщиками-революціонерами, начали бы имъ навязывать свои грязненькія и чистенькія тайны; я глубоко увѣренъ, что гг. аристократы скорѣе повывернутъ карманы гг. революціонерамъ: они великіе практики по этой части. Отъ прикосновенія этой дивной палочки всѣ конспираторы, доктринеры, либералы, всѣ празднословящіе бросились бы въ головоломныя предпріятія, въ самый водоворотъ революціи, рискуя жизнью, средствами, жертвуя родственными и семейными чувствами; бездушныя, пустыя женщины обрѣли бы мгновенно небывалыя души, повысыпали бы изъ себя всѣ сальненькія тайны, послѣ чего стали бы сундуками, переполненными ассигнаціями для гг. революціонеровъ; женщины, дѣвушки, умныя, горячія, тотчасъ же превратились бы въ ярыхъ революціонерокъ, побросали бы мужей, отцовъ, матерей, дѣтей, родныхъ, а свою жизнь и состояніе принесли бы въ дань революціонному дѣлу: безъ волшебной палочки свершить это крайне мудрено. Революціонеръ въ духѣ этихъ правилъ — іезуитъ общаго блага, тутъ та же нетерпимость, кровожадная жестокость, ярый фанатизмъ, та же основная формула,

что цѣль оправдываетъ средства, съ тою разницею, что іезуиты стремились къ гробовому застою и мраку, тутъ же къ свободѣ, къ свѣту. Въ каждой строкѣ правилъ сквозитъ посяганіе на свободу личности въ духѣ абсолютнаго монархизма, претензія на непогрѣшимость, которая черезъ чуръ дорого обошлась несчастному человѣчеству; революціонный катехизисъ волшебно превращаетъ людей въ гайки, винты, рычаги, котлы революціонной машины; правила не беруть въ разсчетъ, что человѣкъ можетъ служить дѣлу въ тысячѣ различныхъ видовъ и чѣмъ болѣе онъ руководствуется свободно вытекающимъ изъ него внутреннимъ убѣжденіемъ, тѣмъ болѣе шансовъ на успѣхъ. Правила съ самодержавною развязностью обрекаютъ смерти сотни тысячъ людей, которые такъ же виноваты, что они рабы, консерваторы, какъ и крапива, выросшая рядомъ съ розами. Въ правилахъ упоеніе разрушеніемъ доходитъ до необузданныхъ размѣровъ: они не разбираютъ, что тысячи людей, ими приговоренныхъ, родились отъ самодовольныхъ рабовъ и выросли среди рабства; что ихъ цари, правительства растлѣвали съ изумительнымъ постоянствомъ цѣлые вѣка; завербовывали прочно, поставивъ ихъ жизнь, счастье въ зависимость отъ себя; что пожертвовать своею жизнью, средствами, семействомъ для служенія свободѣ, нужно быть необыкновеннымъ человѣкомъ; тогда какъ масса вся обыкновенно состоитъ изъ среднихъ людей, которые не въ состояніи противиться силѣ жизни. Правила повелѣваютъ людямъ, ввиду повальнаго разрушенія, вышвырнуть изъ себя, какъ хламъ негодный, чувства горячей любви, юношескаго увлеченія, жалости, великодушія; проповѣдуютъ революціонный аскетизмъ: босоногіе капуцины вѣрили, что загаживая, истязуя тѣло, они очистятъ духъ, но исковеркавъ тѣло, они исковеркали и духъ, продуктъ тѣла. Буквально вѣрныхъ этимъ правиламъ людей отыщется немного; но и они должны страдать мукою душевной дисгармоніи между долгомъ, предписаннымъ правилами и добрыми инстинктами своей природы. Дантонъ, Маратъ, Робеспьеръ слѣпо вѣрили въ возможность въ нѣсколько мѣсяцевъ истребить гильотиною весь гнилой, ветхій міръ до основанія; король погибъ на плахѣ, но новый извергъ

взошелъ по кровавымъ ступенямъ на тронъ; вмѣсто отсѣченныхъ головъ, какъ у Лернейской гидры, выросли новыя, болѣе страшныя, съ печатью мести, вражды; такая ошибка простительна колоссальнымъ героямъ 93 года, которые явились въ безумное время, когда народъ въ первый разъ мстилъ за тысячелѣтнее надруганье надъ собой; мы поняли ошибку прошлаго, взвѣсили результаты кровавой борьбы. Мелкіе, кровавые бунты, моментальные взрывы не обезпечиваютъ большинства, показываютъ не силу, а безсиліе. Если народъ дѣйствуетъ не глубоко сознательно, если онъ выдерживаетъ на своей мощной спинѣ разнаго рода эквилибристовъ, его благосостояніе, освобожденіе отодвигаются въ далекое будущее; я увѣренъ, что путемъ кровавой борьбы — не такъ скоро, какъ многіе думаютъ — люди завоюютъ себѣ свободу, миръ, счастье; ожесточеніе будетъ расти, неумѣніе всего взвѣсить, предвидѣть будетъ обнаруживаться на каждомъ шагу, а свѣтлое, непонятное будущее отодвигаться въ темную даль. Только путемъ пропаганды въ самомъ обширномъ и гибкомъ значеніи этого слова, можно добиться всего; нужно всѣми силами, тайно и открыто развивать большинство. подымать его нравственный, умственный уровень; горячимъ, ѣдкимъ словомъ превращать идоловъ въ жалкихъ, ненужныхъ деревяшекъ; съ либеральныхъ шарлатановъ нужно сдернуть маски, разоблачить противорѣчивое пустозвонство. Нашъ вѣкъ, разрушивъ на животныхъ инстинктахъ основанное государство, создалъ новое государство, въ программу котораго не входятъ неограниченно ворующіе, давящіе монархи, поѣданіе одного государства другимъ, цензуры, тюрьмы, каторги, религіозныя и политическія преслѣдованія; это новое царство не фантастическій міръ, оно основано на общечеловѣческой пользѣ: одинъ для всѣхъ — всѣ для одного; экономическій вопросъ сталъ роковымъ, безотлагательнымъ вопросомъ настоящаго; требованія наслажденія, довольства за трудъ стало насущною потребностью не однихъ развитыхъ единицъ, но и сознавшихъ въ себѣ человѣка массъ; къ этому строю стремится все разумное, способное, честное и смѣлое, отбросившее съ презрѣніемъ кучи софизмовъ, пущенныхъ сытыми. Новые люди не щадятъ силъ для

осуществленія новаго міра, не блѣднѣя глядятъ въ черное будущее, въ слѣпомъ ужасѣ грозящее терновыми вѣнцами, снѣгами Сибири, каменными гробами крѣпостей, ненавистью того общества, которое такъ безпечно покоится, такъ безпечно наслаждается, торгуя человѣчьимъ мясомъ, непересыхающими слезами. Призрачно не то государство, въ которомъ будутъ торжествовать свобода, величайшая справедливость въ раздѣлѣ труда, благъ, наслажденій; но чудовищно призраченъ тотъ міръ, въ которомъ подавлены всѣ естественныя, человѣческія права, въ которомъ необузданно жадно пьетъ чашу наслажденій микроскопическое, недостойное наслажденія меньшинство, а милліонныя массы, давшія имъ жизнь, счастіе, богатства, облизываютъ свои запекшіяся, пересохшія губы. Новый строй, глухо рвущійся изъ отживающаго дряхлаго, наполнитъ здоровой, обильной пищею тѣ милліоны желудковъ, которые тысячи лѣтъ оставались ненаполненными; за трудъ онъ заплатитъ довольствомъ, наслажденіемъ, которыя въ старомъ мірѣ были обѣщаны хитрыми попами въ какомъ-то безпочвенномъ, никѣмъ не изслѣдованномъ фантастическомъ мірѣ; государственные законы въ немъ сойдутъ на минимумъ, будутъ исчезать, по мѣрѣ исчезновенья причинъ зла.

Науки, искусства, разработываемыя не микроскопическою долею человѣчества, а всѣмъ человѣчествомъ, обнаружатъ свои несмѣтныя богатства, превзойдутъ необузданныя грезы нашего жалкаго настоящаго. Женщина перестанетъ быть аппаратомъ для одной только чувственности, она выйдетъ изъ подъ опеки браковъ, изъ подъ звѣрскаго гнета мужчинъ; тысячи лѣтъ придавленныя, непроизводительно замиравшія, мощныя силы вырвутся наружу и обогатятъ міръ; религію поповъ, залившую землю кровью, борьбою сектъ, тайною инквизиціею, варварскою нетерпимостью, обокравшую человѣчество для того, чтобы капиталы, добытые изъ его пота, преобразить въ ни къ чему негодные храмы, монастыри и осыпать сокровищами картинки, изображающія фантастическіе сюжеты; религію, развившую въ человѣчествѣ гнусную способность пассивно вѣрить въ нелѣпость, породившую болѣзненныя галлюцинаціи, затормозившую его на тысячи лѣтъ, замѣнитъ религія

разума, справедливости, раскрывающая полный просторъ критикѣ разума и всѣмъ святымъ стремленіямъ ко благу всего человѣчества. Этотъ государственный строй воплощается въ федеративной демократической, соціальной республикѣ; государства будутъ жить мощно, самостоятельно развиваться, сообразуясь только съ физическими условіями, ихъ окружающими и собственными стремленіями къ большей и большей свободѣ, къ обоюдной пользѣ. Мысль, умѣющая глубоко понять идею величайшей справедливости, свободы, блага — страшная сила, она грознѣе небесныхъ бурь несетъ въ міръ разрушеніе; сила слова породила христіанство, охватившее полміра; свободные, гуманные принципы нашего вѣка могли же родить: Фурье, Прудона, Маркса, Лассаля, Овена, Луи Блана и тысячи людей, готовыхъ пожертвовать всѣмъ для осуществленія своихъ идеальныхъ стремленій. Радикальныя идеи вращаются во всей ихъ глубинѣ, ширинѣ пока среди единицъ, нужно сдѣлать ихъ достояніемъ массъ. Относясь критически къ разрушительнымъ стремленіямъ анархическаго катихизиса, доказывая непримѣнимость правилъ, я продолжаю утверждать, что основа правилъ велика и свята; истина, какъ свѣтлый родникъ, бьетъ на самомъ днѣ этого ожесточеннаго ученія; въ основѣ ихъ лежитъ та недвижная, стоящая первая на очереди истина, что всѣмъ одинаково нужно трудиться, ѣсть питательную пищу, одинаково дышать свѣжимъ воздухомъ въ здоровыхъ, удобныхъ жилищахъ и наслаждаться всѣми благами; передъ этою незыблемою, какъ міръ, аксіомою, цѣлыя горы философскихъ трактатовъ, утонченныхъ софизмовъ о правѣ разлетаются, какъ пухъ, отъ дыханія урагана; сквозь ожесточеніе этихъ правилъ проглядываетъ мысль, что государство — заговоръ меньшинства противъ большинства, въ этомъ логически мыслящій человѣкъ сомнѣваться ни на одну минуту не можетъ; деспотическое государство, пѣтъ сомнѣнія, болѣе, чѣмъ другое, держится на дикомъ насиліи, подкупѣ; оно можетъ существовать до поры, до времени, оберегаемое пушками, пулями, штыками, умственно и нравственно развращенными солдатами. Государство пережило себя, является два вопроса: чѣмъ можетъ оправдать свое существованіе не только худшее, но и

самое лучшее современное государство? чѣмъ можетъ защитить себя отъ неминуемой гибели? На первый вопросъ представители государства могутъ отвѣтить: „Все наше великое право на существованіе заключается въ томъ, что насъ, пока, еще всѣхъ не передушили“. На второй вопросъ они ничего не могутъ отвѣтить; если они вздумаютъ запкнуться о таинственныхъ человѣческихъ правахъ, всеохраняющемъ законѣ, справедливости ко всѣмъ людямъ, служеніи народу, возможности спасти его, то мертвые расхохочутся.

III.

„Задумали подорвать Кесаря,
Не хотѣли они орла кровожаднаго,
Али ястреба, падалью сытаго.

Является вопросъ: можно ли изречь карательный приговоръ надъ осужденными по дѣлу Нечаева, которые перерѣзали имущіе классы только на бумагѣ, участвовали въ убійствѣ Иванова, вынужденные только чувствомъ крайняго самосохраненія, мыслью, что дѣло общаго блага можетъ рухнуть, если ихъ выдастъ Ивановъ, все преступленіе которыхъ заключалось въ томъ, что они читали прокламаціи, составляли крошечные кружки, совершенно безопасные для цѣлаго государства? на это положительно можно отвѣчать: нѣтъ! они погибли невинно, какъ тысячи политическихъ жертвъ, замученныхъ до нихъ! они не виноваты, какъ не виновата моль, которая завелась въ мѣхѣ, висящемъ въ сырости; виноваты не Успенскій, Прыжовъ, Кузнецовъ, а виноваты, страшно виноваты тѣ зловѣщія, давящія силы, эксплуатирующія все живое! Правительство душитъ честныхъ людей, загораживаетъ имъ пути къ честной дѣятельности, поневолѣ, они конвульсивно начинаютъ отстаивать свое существованіе! чѣмъ сильнѣе давленіе, тѣмъ сильнѣе отпоръ; требовать логики, гуманности отъ человѣка, умирающаго съ голоду, мудрено! Сытый онъ не раздавитъ мухи, голодный, что случалось на суднахъ, затерянныхъ въ океанѣ, безъ пищи, онъ высосетъ изъ роднаго брата кровь, смѣясь сожретъ его мясо. Правительство само завариваетъ жгучую, ядовитую микстуру и корчитъ кисленькія гримасы, ког-

да приходится ее выпить. Тамъ, гдѣ мирный протестъ противъ насилія, зла, заканчивается ссылкою безъ суда или каторжной работой, тамъ Каракозовы, Нечаевы становятся болѣе, чѣмъ понятны; то, что кажется непонятнымъ въ государствахъ свободныхъ, то является совершенно нормальнымъ въ государствахъ рабскихъ. Многіе изъ наивныхъ могутъ замѣтить, что подобныя тайныя общества, удавшись, могутъ потрясти государство, что если допустить безнаказанность подобныхъ дѣйствій, государство, общество и отдѣльная личность не обезпечены; я уже доказывалъ, что удаться они не могутъ; перевороты, потрясающіе, но въ то же время и обновляющіе страну, возникаютъ не изъ Нечаевыхъ, а изъ уродливо сложившейся жизни; вы ихъ не предотвратите, какъ бы ни были варварски жестоки ваши преслѣдованія; преслѣдованія никогда никого не застращивали и не застращаютъ, но всегда возбуждали и возбуждаютъ еще болѣе сильное ожесточеніе. Идеи — огонь, чѣмъ глуше, невидимѣе горитъ онъ, тѣмъ онъ страшнѣе; неужели нужно доказывать, что и при теперешнемъ государственномъ порядкѣ, ни общество, ни отдѣльная личность не обезпечены; обезпечены хищные звѣри: царская фамилія, генералы, жандармы, омерзительные шпіоны, провокаторы, лютое, внѣ законовъ неистовствующее III отдѣленіе, свора ничтожествъ, продавшихъ свой человѣческій образъ за золотую игрушку и милліоны пулей, все же, носящее человѣческій образъ, безобразно не обезпечено; безукоризненно честная дѣятельность у насъ миѳъ, честный человѣкъ у насъ Блонденъ, ходящій въ мѣшкѣ по канату надъ стосаженною пропастью, наша честность секретная, замаскированная, обнаружить ее вполнѣ, значитъ попасть въ заплѣсневѣлые казематы Петропавловской крѣпости, или сдѣлать моціонъ въ тысячи верстъ, въ кандалахъ, въ Сибирь, по той вытоптанной сотнями тысячъ жертвъ дорогѣ, смоченной кровью, пропитанной до центра земли горючими слезами, которая получила мрачную кличку въ народѣ: „проторенная цѣпями“. Блѣдныя, страшныя тѣни погибшихъ потребуютъ къ суду виновныхъ и ужасный то будетъ день! Судъ апокалипсиса будетъ нѣжною лаской возлюбленной въ сравненіи съ нимъ.

Неужели можно заикнуться, не свершая тяжкаго преступленія, что обезпечена народная масса, т. е. другими словами, самая суть государства, чудовищное большинство, создавшее чудеса цивилизаціи и на которое цивилизація даже нечаянно, не выронила ни одной живительной капли. Народъ задыхается въ невѣжествѣ, безвыходности, его грабятъ всѣ, съ него, съ чувствомъ высочайшей законности, сдираютъ послѣдніе клочья кожи; его страдальческій потъ непостижимо быстро превращается въ сказочные дворцы, языческую роскошь; онъ видитъ надъ собою право, но только лютое, право сильнаго, словомъ блажействуетъ, жируетъ вся та гниль, мерзость, которая не имѣетъ правъ на жизнь, наслажденіе и копошится въ грязи, раздавленное, все святое великое. Государство балансируетъ на головѣ, ему необходимо стать на ноги, иначе оно рискуетъ задохнуться отъ апоплексіи. Такой извращенный порядокъ въ себѣ самомъ несетъ зародышъ неминуемой гибели, онъ рухнетъ отъ собственнаго чудовищнаго безсмыслія. Подсудимые хотѣли свергнуть не существующій порядокъ дѣлъ, а безпорядокъ дѣлъ; съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ взглянуть на ихъ мнимое преступленіе; ихъ ожесточеніе — продуктъ царскаго произвола; врядъ ли нужно прибавлять, что стремленія ихъ были чисты, прекрасны; въ свободномъ государствѣ, гдѣ существуетъ свобода пропаганды, право сходокъ и ассоціацій, такіе люди были бы глубоко прекрасными, полезными дѣятелями. Потребность безпощаднаго разрушенія немыслима тамъ, гдѣ есть выходъ болѣе мирный, разумный, она вырабатывается насиліемъ, произволомъ, гнетомъ.

IV

Тайное общество Нечаева, сколокъ съ заговора Бабефа съ тою разницею, что у того было много сообщниковъ, у Нечаева же ихъ очень мало. Это споръ о правахъ. Масса голодающая, обездоленная, униженная, обойденная на пиру жизни, требуетъ законныхъ и естественныхъ правъ своихъ. Этотъ споръ принимаетъ безумно ужасный характеръ въ государствахъ деспотическихъ и мирный въ государствахъ свободныхъ. Въ

Англіи громадная организація рабочихъ, не стѣсненная правительствомъ, ведетъ тихую, но непоколебимую борьбу на жизнь, смерть съ фабрикантами, рабочіе входятъ въ свои права медленно, но съ неотразимою силою законовъ природы; эти Муціи Сцеволы рабочаго міра ведутъ борьбу съ такимъ непостижимымъ постоянствомъ, мужествомъ, безконечнымъ терпѣніемъ, что вызываютъ невольный восторгъ; все глубже и глубже уясняя себѣ сущность своего положенія и всѣ средства къ выходу изъ него, они добьются всеобщаго избирательнаго права, заставятъ правительство вмѣшаться въ дѣло трудящагося народа, помочь ему своимъ кредитомъ въ созданіи тѣхъ безчисленныхъ, производительныхъ, рабочихъ ассоціацій и деревенскихъ общинъ, въ которыхъ рабочій міръ пользовался бы всѣми продуктами своего труда, а не терзался бы пытками Тантала, видя какъ плоды, созданные имъ, улетучиваются въ бездонные карманы эксплуататоровъ; въ которыхъ онъ укорачивалъ бы часы физическаго труда, и увеличивалъ часы умственнаго; эти могущественныя ассоціаціи, сплотившись въ одну исполинскую силу, раздавятъ самонадѣянную, крошечную кучку, все себѣ захватившихъ барышниковъ; единица ступуется передъ массою, перестанетъ ее истязать, коверкать; эта величайшая, несвившаяся міру революція, свершится, безъ потоковъ крови, пожаровъ, дикихъ воплей толпы голодной, стоновъ, убійствъ, скрежета зубовнаго: она побѣдитъ неестественный строй одною силою святой идеи, созрѣвшей въ большинствѣ, и тогда, незамѣтно, тихо, вымрутъ лиліи, не занимавшіяся никакою работою и, не смотря на это, одѣтыя какъ Соломонъ, во всемъ блескѣ своей роскоши: завянутъ лирическіе восторги. Народъ, удовлетворенный во всѣхъ своихъ потребностяхъ, безъ злобы, шума разрушитъ уцѣлѣвшіе остатки деспотической гнили: онъ ужасною цѣною крови и слезъ узналъ ей цѣну, онъ знаетъ, что она сначала была въ союзѣ съ дворянами, землевладѣльцами, потомъ съ буржуазіей и въ вѣчномъ, послѣдовательномъ заговорѣ противъ него. Новыя формы будутъ непоколебимы, старымъ возврата будетъ невозможенъ: трупъ не оживитъ никакая сила; онѣ будутъ глубоко обдуманныя, выработаются во время долгой, послѣдовательной борь-

бы и не обрывками массъ, а цѣлою массою, тутъ пріобрѣтется общность понятій, желѣзное убѣжденіе въ полной негодности стараго: нѣтъ той силы въ мірѣ, которая устояла бы противъ такой сплотившейся, неизмѣримой силы, передъ нею все, безпрекословно, склонится; протестъ и новыя посяганія возбудятъ не злость, а смѣхъ Титана надъ усиліями гнома. Совсѣмъ другое свершается тамъ, гдѣ подавлено народное образованіе, гдѣ живую мысль охраняютъ евнухи, гдѣ буржуазія, въ союзѣ съ императорскою властью, заградила всѣ выходы къ спасенію: тамъ завоеваніе правъ свершается судорожнымъ путемъ. Вспомните Коммуну, съ пылающими дворцами, кровавою борьбою; опьяненному справедливою местью народу не дороги бездѣлушки цивилизаціи, созданныя изъ его мяса и пота; въ очищающемъ, возроздающемъ пламени революціи, очень рискуютъ погибнуть мраморные боги, богини красоты, въ ея дыму блекнуть розы, соловьиныя невѣсты, тускнѣютъ ослѣпительно бѣлые, яркіе лепестки лилій; подавленный въ своихъ мирныхъ порывахъ восемнадцатилѣтней тиранiей, народъ не могъ вести правильной борьбы, онъ ее велъ съ безумнымъ, конвульсивнымъ ожесточеніемъ, и эта борьба, обезсиливающая націю, не улучшающая быстро общаго состоянія, будетъ продолжаться; и кончится она только тогда, когда полная свобода водворится во Франціи.

V

„У него-жъ все орелъ на знамени,
Духъ святой явился въ видѣ голубя,
А орелъ птица кровожадная".

Рѣчи подсудимыхъ я не выписываю, думая, что каждый грамотный человѣкъ читалъ ихъ и глубоко запомнилъ; онѣ показываютъ ясно, что осужденные участвовали въ тайномъ обществѣ, вынужденные царскимъ произволомъ; переберите всѣ рѣчи, и чѣмъ глубже вы вникните въ ихъ внутренній смыслъ, тѣмъ болѣе замѣтите всюду разлитой желчный, скорбный протестъ, неспособность помириться съ мерзостью, неправдою жизни. Что заставило Успенскаго броситься съ закружившеюся головою, въ тайное общество? На это одинъ

отвѣтъ: полная безвыходность; онъ разсказываетъ съ твердостью, искренностью, что неправда, безобразіе людскихъ отношеній и произволъ, ссылающій, безъ суда, лучшихъ, способнѣйшихъ молодыхъ людей на каторгу, возбудили въ немъ ожесточеніе, заставили участвовать въ тайномъ обществѣ; онъ указываетъ, что на его глазахъ сослали сто пятьдесятъ человѣкъ невинныхъ, и въ ихъ числѣ его родную сестру, слабаго, беззащитнаго ребенка; онъ ярко выдвигаетъ черныя средневѣковыя злодѣйства; публика, въ первый разъ, услышала тѣ рвущіе за душу стоны, увидѣла тѣ горючія, кровавыя слезы, которыя беззвучно тонули въ тишинѣ далекой, страшной Сибири. Нестерпимое впечатлѣніе производитъ безвыходность несчастныхъ; что дѣлать имъ въ странѣ, гдѣ остаться серьезно честнымъ, полезнымъ человѣкомъ равносильно смерти въ протухлой лужѣ, или Сибири; гдѣ слово радикалъ — синонимъ слову воръ и разбойникъ? Неужели администраторы такъ младенчески наивны, что воображаютъ, что человѣкъ можетъ безъ протеста отдать свое тѣло и душу на растерзаніе? Такая идіотская кротость показала бы въ человѣкѣ не живое существо, а каменную глыбу.

Дементьева въ своей рѣчи глубоко, сознательно выговариваетъ потребности многихъ женщинъ; судьи ожесточенно допрашиваютъ ее и осуждаютъ за то, что она требуетъ слѣдующихъ, ужасныхъ беззаконій: чтобы вѣчнымъ паріямъ, русскимъ женщинамъ, дали возможность трудиться, допустили въ университеты, чтобы ихъ не пожирала полиція и высшая администрація за то, что онѣ хотятъ вырваться изъ душнаго невѣжества, за то, что онѣ предпочитаютъ увлеченіе наукою, современными великими вопросами, увлеченію гвардейскими и армейскими офицериками, миленькими штацкими, попойками у Излера и танцклассами у Марцинкевича; ее съ инквизиторскою злобою караютъ за то, что она, рискуя состояніемъ и чуть не жизнью, хотѣла оправдать передъ обществомъ студентовъ, добивающихся, съ непостижимымъ терпѣніемъ, крайне необходимыхъ реформъ: права сходокъ, права распоряжаться собственною кассою, и которыхъ обоврала, опакостила наша, пользующаяся покровительствомъ жандармовъ и шпіо-

новъ, пишущая сволочь. Колоссально, либерально то правительство, подъ сѣнію котораго все это считается тяжкимъ преступленіемъ!...

Я не привожу содержанія остальныхъ рѣчей, всѣ онѣ — обвинительные акты современнаго порядка вещей, въ нихъ тѣ же мотивы, та же скорбь, то же справедливое негодованіе! Невольно, возникаютъ тяжелые вопросы: неужели судьи, манекены въ рукахъ безпощаднаго, звѣрскаго закона, не поняли всю святость того дѣла, за которое эти несчастные пожертвовали своими молодыми силами, будущими упованіями? Они заблуждались, думая, что имъ по силамъ переродить, обновить старый, злой міръ, но это святыя заблужденія сердца, карать которыя болѣе, чѣмъ преступно; пусть вспомнятъ, что они стремились завоевывать не ордена, отличія, богатства, славу, но завоевать существованіе народа и свое существованіе, защитить бѣдную, отовсюду притѣсненную народную и свою частную жизнь; мѣры ихъ были непрактичны, но экзальтированное и исключительное положеніе, въ которомъ они находились, совершенно извиняетъ ихъ. Участіе въ убійствѣ Иванова становится не преступленіемъ, когда узнаешь, что они всею душею вѣрили, что гибель одного спасетъ милліоны терпящихъ нужду; бывши свидѣтелями убійства, они были такъ далеки отъ него, такъ мало ему сочувствовали, что оно совершенно теряетъ преступный характеръ; кровожадности въ нихъ не заподозритъ самый злѣйшій врагъ ихъ. Маленькая Швейцарія давно практически разрѣшила вопросъ, что такое политическое убійство: Вильгельмъ Телль убилъ Геслера и въ честь убійцы, удачно убившаго тирана, (потому что за этимъ послѣдовало народное освобожденіе) народный судъ воздвигъ памятникъ, который оказался тверже Наполеонова столба; голова тирано убійцы окружена сіяніемъ, увита лавровымъ вѣнкомъ, старикъ и ребенокъ благоговѣйно произносятъ его прекрасное имя; путешественники, даже изъ русскихъ, заматерѣлые, царскіе холопы, безтрепетно, не кипятясь, взираютъ на памятникъ, воздвигнутый судомъ народнымъ. Не убей на повалъ Телль Геслера, Геслеръ холодно сгноилъ бы его въ крѣпостномъ подземельи, будущіе Геслеры, медленно пытая на мелкомъ огнѣ цѣлую стра-

ну, убивая, заѣдая каждый день тысячи жизней, съ чувствомъ высокой правоты, предали бы имя Вильгельмъ Телля проклятію, царскіе псы о немъ визжали бы, какъ о черномъ убійцѣ; совѣтую читателю поглубже вдуматься, на досугѣ, въ этотъ незамысловатый, жизненный фактъ. Сдѣлаю еще ссылку на сочиненіе „О свободѣ“ Джона Стюарта Милля, вотъ что говоритъ онъ о тирапоубійствѣ: „вопросъ объ убійствѣ частнымъ человѣкомъ преступника, который ставъ выше законовъ, тѣмъ самымъ поставилъ себя внѣ возможности быть наказаннымъ законами, былъ постоянно предметомъ изслѣдованія моралистовъ, такое убійство было признано всѣми народами и многими лучшими и мудрѣйшими людьми, не за преступленіе, но за выраженіе самой экзальтированной добродѣтели“. Пусть читатель продолжитъ эту мысль до конца, можетъ быть, это заставитъ его на многое въ сей жизни взглянуть совершенно другими глазами, если только мой читатель не изъ свѣтобоязненныхъ. Неужели скорбныя рѣчи подсудимыхъ не повернули все вверхъ дномъ въ головахъ судей, если въ нихъ тлѣетъ хоть искра человѣческой души? Неужели скрытая въ радикальныхъ стремленіяхъ логика не потревожила тѣхъ завѣтныхъ уголковъ въ головахъ судей, гдѣ хранятся софизмы о правѣ? Не думаю, чтобы публика не разобрала, что подсудимые имѣли неизмѣримо болѣе правъ судить тѣ дикія силы, по милости которыхъ, въ невыразимыхъ страданіяхъ гибнетъ все живое, чѣмъ дикія силы ихъ. Неужели не обливалось кровью сердце у каждаго порядочнаго человѣка при произнесеньи каннибальскаго приговора надъ осужденными? Этотъ приговоръ напоминаетъ времена Нерона, Эліогобала, когда христіанъ за ихъ святое ученіе выбрасывали на растерзаніе голоднымъ тиграмъ и львамъ. Чтобы это сравненіе показалось блѣднымъ, ничтожнымъ въ сравненіи съ чудовищною дѣйствительностью, я напомню читателю, что Успенскаго приговорили къ 15-лѣтней каторгѣ, а Прыжова къ 12-лѣтней крѣпости, а послѣ на вѣчное поселеніе въ Сибирь. Этотъ приговоръ произнесенъ въ 1871 г., онъ одобренъ, закрѣпленъ самодержцемъ, пунктуально исповѣдующимъ христіанскую религію, цѣлующимъ каждое воскресенье крестъ, съ распятымъ на немъ, за пре-

вратные, крамольныя идеи, великимъ безумцемъ, молившимся на крестѣ за враговъ своихъ. Если бы религіозный монархъ велѣлъ живыхъ Успенскаго и Прыжова сжарить, а послѣ аппетитно скушалъ бы ихъ съ своимъ семействомъ и свитою, его поступокъ былъ бы идеально нѣжнымъ, въ сравненіи съ этимъ приговоромъ. И не окаменѣли мозги у людоѣдовъ, составителей уголовнаго кодекса, прибавившихъ къ 15-лѣтней каторгѣ вѣчное поселеніе! Неужели этимъ папивнымъ извергамъ не пришла въ голову та аксіома, что если бы подсудимые владѣли силою Самсона, то и тогда они превратились бы въ изъѣденный трупъ, послѣ такого коротенькаго заключенія? Страшна судьба несчастныхъ молодыхъ людей! Ихъ, надломленныхъ допрашиваніемъ въ третьемъ отдѣленіи, двухъ годовымъ заключеніемъ въ крѣпости, слабыхъ физически, громадно впечатлительныхъ къ малѣйшему оскорбленію, обрекли на 15-типлѣтнія плети, палки, работу до растяженія жилъ, при 40° морозѣ въ Сибири. Судьямъ не пришло въ голову, что, изрекая приговоръ, они разыгрываютъ ужасную роль дикаго Ирокеза, топчутъ ногами убитаго, плюютъ въ лицо мертвому! Почтенные читатели, если вы будете читать тѣ страшныя книжки, гдѣ разсказывается о томъ, какъ на удаленныхъ отъ цивилизаціи, неприступныхъ островахъ Тихаго океана, злобныя, отвратительныя чудовища, носящія человѣческій образъ, поймавъ путешественника, обухомъ разбиваютъ ему голову, а послѣ жрутъ, съ адскимъ хохотомъ, его мозгъ и мясо, запивая теплою кровью, то будьте послѣдовательны, не ужасайтесь, не ахайте, это сладенькія сентиментальности въ сравненіи съ дѣйствительностью, которая у васъ вертится передъ глазами, передъ которой вы ползаете и пресмыкаетесь до истощенія нравственныхъ силъ. Привыкайте обобщать ваши мысли и проникать поглубже въ предметы, ставшіе черезъ чуръ обыденными, но черезъ это не теряющими ни одного атома своего зловѣщаго значенія. Людоѣдство процвѣтаетъ не на однихъ неприступныхъ, дикихъ островахъ Тихаго океана, замаскированное, но черезъ это еще болѣе кровожадное, ожесточенное, утонченное, оно пышно процвѣтаетъ въ нашемъ мнимо цивилизованномъ русскомъ государствѣ. Но пусть не забудетъ правительство, что каторги, каз-

маты, кандалы, пытки не задушатъ живаго протеста; безчеловѣчныя мѣры создадутъ болѣе страшные и вѣрнѣе направленные заговоры: муки создаютъ героевъ; соціализмъ, въ самыхъ широкихъ размѣрахъ — очищенное отъ чудесъ, темной божественности, загробныхъ наградъ, лжи и грязи—христіанство; эту новую религію не затопчутъ, не задушатъ никакія силы, ея зачатки не могли задушить языческіе цезари, „есть заклинанія сильнѣе ружей и золота, есть слова, вызывающія мертвыхъ изъ гробовъ и посылающія живыхъ на смерть, слова, превращающія карликовъ въ великановъ и низвергающія великановъ въ прахъ“.

VI.

Рѣчи защитниковъ Урусова, Спасовича, Арсеньева, носятъ крайне возможный въ Россіи, честный характеръ; они дошли до той математической линіи, перейдя которую на волосъ, они рисковали вмѣсто защитниковъ попасть въ число подсудимыхъ; нужно удивляться адвокатской способности этихъ господъ балансировать на тонкомъ, какъ остріе меча, мостикѣ, перекинутомъ черезъ клокочущій адъ, о которомъ говорится въ Коранѣ, и не упасть въ бездну. Такое удивительное самообладаніе пріобрѣтается долгою практикою. Многіе изъ честно мыслящихъ людей, послѣ приговора, иронически спрашивали: какое значеніе имѣли рѣчи адвокатовъ для подсудимыхъ? онѣ ни на волосъ не отвратили отъ нихъ ужасной участи, на одинъ атомъ не смягчили чудовищнаго приговора. Въ глупой, кровожадной комедійкѣ, носившей громкое названіе гласнаго суда, все было заранѣе опредѣлено высшею властью, убійцами изъ подъ угла; не даромъ были исключены присяжные! за нелицепріятныхъ судей правительство не боялось: оно знало, что данный имъ ножъ, они, отъ излишняго усердія, еще болѣе отточутъ, но за присяжныхъ оно могло очень бояться, среди холоповъ могли совершенно неожиданно сыскаться люди, которыхъ мудрено было бы застращать!... Рѣчи адвокатовъ, странно и грустно выговорить, не имѣли ровно никакого значенія для подсудимыхъ и огромное нравственное, воспитательное значеніе для публики; горячія, свободныя рѣчи облетѣ-

ли всю Россію. Идеи любви, всепрощенія, протестъ противъ дикаго произвола, жестокаго закона, судей, рѣзко, бурно, сильно были высказаны, и не въ запрещенныхъ статьяхъ, а съ разрѣшенія правительства, во всеуслышаніе, въ публичномъ мѣстѣ. Много зловѣщихъ тайнъ, о которыхъ только догадывалась непосвященная публика, выплыли наружу при полномъ освѣщеніи; не только все честное, воспріимчивое, молодое, лихорадочно содрогнулось при чтеніи этихъ рѣчей, но даже и въ свинцовыхъ черепахъ забродили враждебныя китайскому богдыхану мысли. Рѣчи адвокатовъ имѣютъ громадное значеніе, какъ запрещенныя зажигательныя статьи, пущенныя правительствомъ въ обращеніе въ публику.

Рѣчь Урусова носитъ теплый, сердечный характеръ; онъ былъ поставленъ въ качествѣ защитника въ критическое положеніе. Какъ честному человѣку, ему нужно было говорить на прямикъ, но онъ сознавалъ ясно, что высказываніе на прямикъ приведетъ прямо въ Петропавловскую крѣпость; пожертвовать своею полезною жизнью тамъ, гдѣ такое пожертвованіе никому не принесло бы пользы и гдѣ такой героическій поступокъ канулъ бы въ бездонный омутъ, въ которомъ погребено много великихъ думъ и дѣлъ, было бы въ высшей степени непрактично, отрѣшиться же отъ истины онъ не рѣшился. Въ рѣчи Урусова вы подмѣчаете полное оправданіе Успенскаго, но эта свѣтлая основная мысль замаскирована діалектическими тонкостями; Урусовъ съ желчью указываетъ на гнусные, злодѣйскіе аресты, которымъ были подвергнуты 150 человѣкъ и въ томъ числѣ невинный ребенокъ—Надежда Успенская; онъ указываетъ г. прокурору, какимъ образомъ скромный, тихій, склонный къ мирнымъ реформамъ Успенскій, волнуемый болѣзненною желчью, негодованіемъ, переходитъ послѣ этихъ возмутительныхъ арестовъ на сторону Нечаева; онъ ясно намекаетъ, приводя цитаты изъ Гизо, что политическое преступленіе — мнѣ, что самое благое дѣло, въ какомъ-нибудь государствѣ считается тяжкимъ преступленіемъ; онъ ссылается на германскій кодексъ и, сравнивая наказанія за одинаковый поступокъ, очень рельефно выказываетъ все варварство, звѣрство нашихъ законовъ; онъ очень ясно кладетъ

границу между заговоромъ и тайнымъ обществомъ; защищая Успенскаго, какъ участника въ убійствѣ Иванова, онъ проводитъ ту мысль, что тайное общество въ борьбѣ противъ государства вооружается его прерогативами, что убійство одного лица, производящее отвратительное впечатлѣніе съ нравственной точки зрѣнія, съ государственной точки зрѣнія не болѣе, какъ вычеркиваніе статистической единицы, если она оказывается вредною; продолженіе этой мысли ведетъ къ слѣдующему скромному выводу: если вы, гг. судьи, не разрывали на куски царя за то, что онъ изъ подлой трусости ссылалъ на каторгу тысячи невинныхъ людей и изъ личной прихоти посылалъ войска на бойню, то имѣете ли вы право убійство Иванова, совершенное въ виду спасенія большинства, считать преступленіемъ? Я не стану останавливаться на внѣшнихъ красотахъ рѣчи Урусова, на его топкихъ сарказмахъ, обращенныхъ на личность будущаго полнаго генерала прокурора Половцева; разбирая его рѣчь, приходишь къ тому умозаключенію, что Урусовъ свершилъ все возможное и не обманулъ тѣхъ надеждъ, которыя возложило на него наше передовое общество.

Рѣчь Спасовича, защищающая Кузнецова, могла произвести эфектъ только на тѣхъ господъ, которые увлекаются внѣшностью, разбирать ее было бы дѣломъ утомительнымъ; это красивенькая бездѣлушка, изящная, не лишенная по временамъ очень глубокихъ мыслей беллетристическая статья, но отнюдь не серьезная, пламенная защита; въ этой рѣчи Спасовичъ мило балагуритъ, съ необыкновенною развязностью дѣлится съ публикою своими взглядами на дѣло; онъ критически относится къ правиламъ, старается à propos охарактеризовать личность Нечаева, забывая, что это дѣло очень трудное: Нечаева не беретъ обоюдоострый мечъ анализа, онъ возродившійся Рахметовъ, то есть мечущійся по Россіи революціонный принципъ; за революціонными ширмами такъ глубоко скрывается его индивидуальность, каждый его поступокъ такъ вѣренъ буквально революціонному катихизису, что Спасовичъ напрасно терялъ время въ догадкахъ. Далѣе Спасовичъ даетъ родительское и весьма доброе наставленіе о томъ, какъ слѣдовало Нечаеву поступить съ Ивано-

вымъ, онъ втискиваетъ въ защитительную рѣчь много интересныхъ подробностей, забористыхъ мыслей и фразъ, критически разбираетъ стихотвореніе „Студенту“, приписываемое Огареву, весьма небрежно относится къ его литературной дѣятельности, весьма снисходительно причисляетъ его къ поэтамъ средней руки, показывая этимъ ясно, что онъ крайне поверхностный дилетантъ литературы, и заставляетъ сильно заподозрить, что онъ или не читалъ такихъ произведеній, какъ „Разсказъ этапнаго офицера“, „Ночь“, „Съ того берега“, „Марія Магдалина“, Монологи“ и десятки другихъ произведеній, принадлежащихъ Огареву, или же не имѣетъ ровно никакого критическаго, эстетическаго чутья. Кузнецовъ на волосъ не выигралъ отъ того, что одинъ изъ первыхъ адвокатовъ защищалъ его; защита же Ткачева и Томиловой носитъ менѣе эфектный, но болѣе серьезный характеръ; въ этихъ рѣчахъ вы слышите смѣлаго, энергическаго защитника, мощныя, благородныя мысли рвутся со дна души. Говорятъ, что на публику оставили сильное впечатлѣніе слова Спасовича, обращенныя къ камнямъ, засѣдающимъ въ видѣ судей; потрясающимъ душу голосомъ онъ произнесъ: „Пощадите эти молодыя, свѣжія силы!“ Но эти слова исчезли, какъ звукъ въ пустынѣ, пощада свѣжихъ, юныхъ силъ выразилась въ двадцатилѣтней каторгѣ. Спасовичъ разбиваетъ прокурора по пунктамъ; читая рѣчь, чрезвычайно живо представляешь себѣ перекопфуженную физіономію г. прокурора, этого поганенькаго лакея, который съ ехидною злобою старается изъ мухи сдѣлать слона, чтобы получить деньжонки или крестикъ за облизываніе высшей власти; желаніе подслужиться въ этомъ царскомъ хамѣ было такъ необузданно, что онъ готовъ былъ пожертвовать для этого жизнью всѣхъ подсудимыхъ; говоря о выстрѣлѣ Каракозова, онъ выражается такимъ мусульманскимъ языкомъ: „послѣ покушенія на священнѣйшую особу нашего императора, на жизнь столь священную для цѣлаго государства.“ Патетическій холуй, воспитанный въ духѣ филаретовскаго катихизиса и исторіи Кайданова, не взялъ въ разсчетъ, что за этимъ дѣломъ слѣдила вся читающая Европа и что его фанатически угодливыя, іезуитски жестокія обвиненія наложатъ на всю его будущую дѣятельность

черное пятно, что русская публика догадается, какая гаденькая задняя мысль копошилась въ его жестяномъ черепѣ; впрочемъ, для такихъ субъектовъ мнѣчія честныхъ людей неизмѣримо менѣе имѣютъ значенія—крошечнаго ордена, которымъ перетянутъ ихъ шею.

Рѣчь Арсеньева болѣе всѣхъ носитъ характеръ защиты; она не блеститъ цвѣтами радуги, въ ней мало розъ и шипящихъ змѣй, но за то очень много дѣла; его рѣчь, не смотря на глубочайшій анализъ мелочей, производитъ потрясающее впечатлѣніе: онъ затлядываетъ въ самую глубь души Прыжова; онъ обаятельно, горячо и въ высшей степени послѣдовательно, разоблачаетъ всю его жизнь, всю его прекрасную дѣятельность и наконецъ болѣзненный исходъ жизни; личность Прыжова глубоко врѣзывается въ память. Очерчивая его до мельчайшихъ подробностей, г. Арсеньевъ производитъ мучительно гнетущее впечатлѣніе, невыносимо жаль становится эту личность, вышедшую изъ бѣднаго народа; этотъ мученикъ шелъ всю жизнь тяжкимъ путемъ, его путь не освѣщало ласковое солнышко; надъ его несчастной головой всю жизнь носились безразсвѣтныя сумерки, и чѣмъ далѣе шелъ онъ, тѣмъ темнѣе становилось у него на душѣ и темнѣе вокругъ. Этотъ тернистый путь вѣчнаго не по душѣ труда, вѣчной безвыходности, превратилъ несчетное число сильныхъ и свѣтлыхъ личностей въ трупъ; пройти этотъ путь, подобно Прыжову, и сохранить въ себѣ молодость, впечатлительность, вѣру въ свѣтлое грядущее, доходящую до самоотверженія любовь къ народу, надо быть не обыденнымъ человѣкомъ, а титаномъ, котораго вполнѣ оцѣнитъ только будущее. Рѣчь Арсеньева заканчивается вылившеюся изъ сердечной глубины фразою: „Господа судьи, какъ бы ни былъ снисходителенъ вашъ приговоръ, онъ будетъ стоять выше дѣйствительной вины Прыжова“. Когда я прочитывалъ эти знаменательныя строки, что-то суровое поднялось въ моей душѣ, мнѣ съ отчетливою ясностью вспомнились послѣднія слова Прыжова: „Господа, я знаю, что я послѣдній разъ въ моей жизни говорю въ присутствіи общества; я любилъ глубоко народъ и готовъ былъ для него пожертвовать своею жизнью, пусть разсудитъ будущее, можетъ быть, оно пойметъ тѣ роковыя обстоятельства,

которыя непопятны теперь; въ послѣдній разъ, господа судьи, я вамъ вспомню грустныя слова Гете: „гибли жертвы не бычьи, не телячьи, а гибли, страшно сказать, жертвы все человѣчьи.“ Мы повторимъ за г. Прыжовымъ, что не только страшно сказать, но и подумать, что гибли и гибнутъ жертвы все человѣчьи. Время — великій міровой критикъ; оно все оцѣнитъ, все пойметь, все вспомнитъ, за все заплатитъ сторицею; оно оцѣнитъ Прыжова и подсудимыхъ, оцѣнитъ судей, правительство и глубоко оцѣнитъ добродѣтельнаго, карманнымъ воришкою, Комиссаровымъ, спасеннаго, самодержца.

Берлинъ. 1871 г.

Нечаевъ

—

„Самсонъ порабощенный, ослѣпленный
Есть и у насъ въ странѣ. Онъ силъ лишенъ
И цѣпь на немъ. Но горе! если онъ
Поднимете руки въ скорби изступленной,
И пошатнетъ, кляня свой тяжкій плѣнъ,
Столбы и основанья вашихъ стѣнъ —
И безобразной грудой рухнутъ своды..."

I.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ разнесся слухъ, что Нечаевъ вытребованъ русскимъ правительствомъ изъ Швейцаріи, и его, закованнаго съ ногъ до головы въ цѣпи, провезли въ Петербургъ, и что скоро онъ будетъ судимъ въ Московскомъ окружномъ судѣ. Какимъ путемъ было опровергнуто его политическое преступленіе —публикѣ не извѣстно; какимъ образомъ, неслыханно дерзко, было нарушено международное право — такъ же неизвѣстно. Въ нашемъ нѣкоторомъ царствѣ, нѣкоторомъ государствѣ всѣ возмутительныя, разбойничьи низости облечены покровомъ тайны и тишины; трудно сказать, кто сдернетъ этотъ покровъ: революція ли протянетъ кровавую десницу и презрительно сдернетъ покрывало, безпощадно раздавивъ злыхъ паразитовъ, притаившихся въ его складкахъ; или правительство, вынужденное непобѣдимою силою времени, само разоблачитъ себя, обнаживъ заразительную, протухшую гангрену, которую анатомическій ножъ, холодно и спокойно, долженъ будетъ вырѣзать съ корнями, для спасенія огромнаго царства.

8 Января окружной судъ разбиралъ Нечаевское дѣло: носились разнообразные слухи: одни говорили, что Нечаевъ задыхался отъ гнѣва и желчи, не признавая суда надъ собою, другіе—что онъ дрожалъ отъ страха, произносилъ мелодраматическіе монологи, чуть не паясничалъ. Одно удивительно, что публика видѣла что-то унизительное въ томъ, что Нечаевъ поблѣднѣлъ при произнесеніи приговора на 20-лѣтнюю каторгу. Если бы сама публика обладала мужествомъ и терпѣ-

ніемъ Муціи Сцеволы, и тогда это показалось бы до чрезвычайности дикимъ! По этимъ отрывочнымъ мнѣніямъ можно было бы заподозрить публику въ самомъ жестокомъ звѣрствѣ, на самомъ дѣлѣ, это показываетъ наивную, безсердечную глупость, полное неумѣніе войти въ ужасное положеніе подсудимаго; ей кажется пустячками приговоръ на предсмертную агонію, которая должна будетъ длиться 20 лѣтъ! такой приговоръ въ состояніи омертвить самаго безстрашнаго, отчаянно мужественнаго человѣка; въ Нечаевѣ, что почти невѣроятно, онъ возбудилъ холодную злость. Дѣло, напечатанное въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ," безъ различныхъ прикрасъ со стороны достойнаго редактора, разсѣяло пошлыя сплетни; Нечаевъ остался тою же желѣзною личностью, тѣмъ же фанатикомъ, іезуитомъ свободы, какимъ онъ вырисовается въ показаньяхъ подсудимыхъ, въ особенности Успенскаго; если бы онъ надѣялся на спасеніе, онъ съ злымъ, внутреннимъ смѣхомъ старался бы вывернуться изъ бѣды; задуманное дѣло составляло для него жизнь, мнѣнія судей,публики, какъ бы они враждебны ни были — временными и ничтожными непріятностями. Насильно взятый изъ Швейцаріи, онъ почувствовалъ ясно, что спасенія нѣтъ и не зачѣмъ скрывать глубокую ненависть къ существующему порядку; выданный противъ всѣхъ правъ, онъ совершенно справедливо не призналъ суда надъ собою, слѣдовательно, онъ очень послѣдовательно отказался отъ защитниковъ и отвѣтовъ; малѣйшій отвѣтъ на вопросъ противорѣчилъ бы смыслу того убѣжденія, что судъ надъ нимъ — незаконное, вопіющее дѣло; онъ остался самимъ собою до послѣдней минуты. На первый вопросъ предсѣдателя: онъ ли Сергѣй Геннадьевичъ Нечаевъ? онъ громко отвѣчалъ:

„Прежде чѣмъ отвѣчать, я заявляю, что права суда надо мною за русскимъ судомъ не признаю, подсудимымъ себя не считаю. Если суду угодно знать причины, почему не считаю, то я сочту своимъ долгомъ объяснить эти причины.

Предсѣдатель,— Подождите объяснять (горько соленыя пилюли нашъ вѣрноподданническій желудокъ не переноситъ), вы преданы судебною палатою — (не для суда, а для растерзанія и сожранія)—суду московскаго окружного суда: окружной судъ на основаніи 549-й ст. Устава Уголовнаго судопроизводства (изъ помойной ямы всегда можно, по мѣрѣ надобности, вытащить подходящую статью) не имѣетъ права входить въ разсмотрѣніе вопроса о подсудности этого дѣла и

обязанъ исполнить указъ московской судебной палаты. Если же вы считаете распоряженіе судебной палаты о предачіи васъ суду окружнаго суда неправильнымъ, то можете обжаловать это распоряженіе (вчинить искъ) въ кассаціонной жалобѣ сенату. Затѣмъ я (выпотрошилъ изъ себя всю мою предсѣдательскую, бездонную мудрость) считаю этотъ вопросъ рѣшеннымъ (также и тебѣ, мой добрый другъ, совѣтую считать его рѣшеннымъ), предлагаю вамъ къ нему не возвращаться.

Но не смотря на всю несокрушимость доводовъ, коварный подсудимый ихъ въ грошъ не ставитъ и снова продолжаетъ:

Нечаевъ (сильно возвысивъ голосъ, надорванный пытками): Г. предсѣдатель! я эмигрантъ, подданнымъ русскаго императора быть пересталъ, формальности вашего судопроизводства не имѣютъ для меня никакого значенія (по приказанію предсѣдателя, который уже началъ обнаруживать при словѣ императоръ первыя желудочныя схватки на предсѣдательскомъ креслѣ, его уводятъ, онъ еще громче продолжаетъ), я признавалъ бы позорнымъ для себя допустить судить мое поведеніе (дверь затворяется).

На второй вопросъ предсѣдателя, желаетъ ли онъ воспользоваться правомъ отвода присяжныхъ засѣдателей (онъ имѣлъ дерзость громкимъ голосомъ отвѣчать):

Всѣ формальности русскаго судопроизводства не имѣютъ для меня ровно никакого значенія (удушаемый предчувствіями предсѣдатель спѣшитъ повелѣть вывести подсудимаго изъ залы, въ дверяхъ онъ кричитъ). Рабомъ вашего проклятаго деспота я быть пересталъ, да здравствуетъ земскій соборъ! (предсѣдателя снова схватываетъ, прокуроръ чувствуетъ ясно приближеніе перваго серьезнаго припадка, грозящаго судейскому креслу*).

Послѣ гнусной рѣчи прокурора, проникнутой клеветою, предсѣдатель снова спрашиваетъ его, не имѣетъ ли онъ чего нибудь сказать въ свое оправданіе, Нечаевъ громко отвѣчалъ:

Я считаю унизительнымъ для моего имени защищаться отъ клеветы, очевидной для всѣхъ. Вся Россія знаетъ, что я преступникъ политическій, повторяю то, что сказалъ графу Левашеву: правительство можетъ у меня отнять жизнь, но честь останется при мнѣ.

---

*) Это не сильная острота, а радужная дѣйствительность. Хорошіе знакомые предсѣдателя и прокурора передавали мнѣ, что они (мужи доблестные) сами сознавались, что они трепетали за послѣдствія желудочныхъ, нестерпимыхъ схватокъ, которыя происходили отъ патріотическаго волненія при святотатственныхъ словахъ противъ владыки.

Послѣ произнесенія чудовищнаго приговора на 20 лѣтнюю каторгу, на вопросъ предсѣдателя: „доволенъ ли онъ судомъ?“

Нечаевъ ангельски нѣжно отвѣчалъ палачамъ — инквизиторамъ: „Это Шемякинъсудъ.“ Это все равно,если бы невиннаго человѣка, растянувъ на сковородѣ, начали поджаривать въ маслѣ, по временамъ вытягивая изъ него жилы, отрѣзывая со всѣхъ сторонъ тоненькіе куски поджареннаго мяса и при этомъ его, учтиво, всякій разъ спрашивали бы: „доволенъ ли ты, братъ мой, что мы капельку поджариваемъ тебя въ постномъ маслицѣ, тянемъ изъ тебя жилы и, затѣмъ, кушаемъ твое мясцо съ превеликимъ аппетитомъ?“

Выходя изъ залы, на вѣки прощаясь съ судомъ и обществомъ, онъ громко произнесъ:

Да здравствуетъ земскій соборъ! долой деспотизмъ!

Почтеннѣйшій читатель, если тебѣ эта фраза покажется слишкомъ напыщенной, не спѣши приговоромъ; много восторженныхъ фразъ, наводящихъ улыбку, щемили сердца палачей, когда ихъ произносили въ дыму и пламени костровъ; эта фраза напыщенной покажется тому, кто носится по улицамъ въ ляндо на десятитысячныхъ рысакахъ, обдавая вонючею грязью оборванныхъ, трясущихся отъ голода, холода, бѣдняковъ,—тому, кто, умильно улыбаясь, поддакивая старикамъ и молодежи, въ тихомолку давитъ, очень давитъ народъ, — тому, кто въ роскошныхъ квартирахъ, за стаканомъ шампанскаго, съ гаванской сигарой во рту, для вящаго варенія испорченнаго желудка, либеральничаетъ, оглядываясь по сторонамъ, о благѣ народа; но не кажется она смѣшна тому, кто крикъ вырвался со дна души, передъ погребеніемъ заживо, какъ послѣдняя свѣтлая надежда и какъ послѣднее суровое проклятіе. Эти слова потрясающи въ устахъ Нечаева, который приговоренъ на пожизненное сгниваніе въ Сибири. Но кромѣ этого, мы догадываемся, что онъ много перенесъ отъ взятія его въ Швейцаріи до появленія на судѣ; объ этихъ адскихъ, нравственныхъ пыткахъ черезъ чуръ ясно намекаютъ слова Нечаева; послѣ приведенныхъ предсѣдателемъ импера-

торскихъ, низко лживыхъ фразишекъ: „да торжествуетъ въ судахъ правда, да торжествуетъ милость!“ Нечаевъ заткнулъ медоточивыя уста болтуна сальною, вонючею тряпкою — прервавъ словами: „А меня билъ жандармскій офицеръ!“ Къ сожалѣнію, Нечаевъ не сказалъ имени отвратительнаго жандарма истязателя. Вотъ какимъ униженіямъ, безконечно свирѣпымъ жестокостямъ подвергаютъ политическихъ подсудимыхъ при конфиденціальныхъ допросахъ! Но довольно объ этихъ ужасахъ, мы ими сыты по горло! Правительство вытягиваетъ жилы у политическихъ жертвъ, зубами рветъ ихъ мясо, съ неутолимою жаждою высасываетъ изъ нихъ послѣднія капли крови; а само, чтобы поддержать выгодный только для себя шпіоно жандармскій, азіатскій строй, замариваетъ милліоны людей голодомъ, холодомъ, невѣжествомъ, обираетъ народъ до костей непосильными налогами, безжалостно наказываетъ за малѣйшее отступленіе отъ варварскихъ, въ угоду и ограду себѣ, сфабрикованныхъ законовъ, и за все это царь — глава заговора противъ государства, убійца, покрытый кровью безчисленныхъ жертвъ, со всѣмъ своимъ безчисленнымъ чухоно-романовскимъ отродіемъ, наслаждается до пресыщенія несчетными милліонами, оргіями поганизма, холопскимъ облизываніемъ его особы. Но довольно раскапывать дворцовую, отхожую яму, гдѣ посмѣшаны до послѣднихъ предѣловъ всѣ понятія о чести, справедливости, перейдемъ къ обвинительнымъ рѣчамъ прокурора и предсѣдателя. Обвинительная власть, представительница судейской правды и милости, была очень не тонко предупреждена, что если Нечаеву будетъ дано малѣйшее снисхожденіе, то предсѣдатель и прокуроръ, по независящимъ обстоятельствамъ, покинутъ мѣста свои, но предупрежденія были напрасны, высшая власть не съумѣла измѣрить всего знойно необузданнаго холопства прокурора и предсѣдателя; они проявили въ своихъ рѣчахъ такія ищейскія инстинкты, что, мнѣ кажется, неожиданно превзошли ожиданія высшаго начальства. Прокуроръ съ необыкновеннымъ паѳосомъ исковеркалъ все дѣло на жандармскій ладъ, его рѣчь расползлась по двумъ громаднымъ страницамъ „Московскихъ Вѣдомостей,“ опъ въ ней бьется, какъ рыба объ ледъ,

чтобы съузить и безъ того крошечныя, заказныя, третьеотдѣленскія рамочки; общими фразишками, страшно противорѣча показанію подсудимыхъ по нечаевскому дѣлу, онъ старается доказать, что Нечаевъ убилъ Иванова, рискуя собственною жизнью и четырехъ товарищей, руководясь антипатіею; въ одномъ мѣстѣ онъ даже чуть не приписываетъ подсудимымъ желаніе ограбить Иванова, но спохватясь, что такое обвиненіе можетъ превзойти ожиданія высшаго начальства, онъ замямливаетъ его, сваливаетъ на ничтожную ссору съ Ивановымъ; вся сущность дѣла, съ грубо подьяческою находчивостью, замята, заговорена. Рѣчи предсѣдателя проникнуты такимъ неслыханнымъ даже въ судахъ тупоуміемъ и враньемъ, что стоятъ выше критики. Я приписываю все это адскому состоянію его желудка и штановъ; его мысль, никакъ не могла умудриться перепрыгнуть черезъ полицейскую шпаженку, особенно рѣзко выдаются только два его опроверженія нечаевскихъ словъ, онѣ такъ восхитительно глупы, что я ихъ выписываю, какъ нѣчто чрезвычайное, вполнѣ достойное перейти въ область скандаловъ и анекдотовъ, онъ говоритъ:

„Если Нечаевъ считалъ себя преступникомъ политическимъ, то ничто не мѣшало ему въ то время, когда свершилось это событіе, остаться въ Россіи и такимъ образомъ судиться въ томъ, въ чемъ онъ, по его мнѣнію, долженъ быть судимъ.“

Второе опроверженіе слѣдующее:

„Всякое самостоятельное государство судитъ лицъ, совершившихъ въ немъ извѣстное преступленіе, если бы они даже были иностранцы.

Напрасно Нечаевъ не остался въ Россіи, расправившись съ шпіономъ! Изъ словъ предсѣдателя ясно видно, что въ Россіи лелѣютъ политическихъ преступниковъ. Но фраза, что каждое самостоятельное государство судитъ, даже иностранцевъ, своимъ судомъ, ясно показываетъ, что или предсѣдатель, изъ любви къ шутовству, корчилъ изъ себя, очень удачно, идіота или же предсѣдатель московскаго окружнаго суда гордо на своихъ плечахъ носитъ, въ компаніи съ г. прокуроромъ, не голову, а кадушку съ царскимъ по-

метомъ. Соломонъ, окружного московскаго суда! Иностранцы судятся по законамъ того государства, гдѣ они свершили преступленіе, но я не вижу тутъ никакой, самой даже отдаленной связи съ Нечаевымъ: его вытащили силою изъ Швейцаріи, его судила не Швейцарія, въ которою онъ эмигрировалъ и которая не признаетъ политическихъ преступленій, а Россія, насильно привезшая его къ себѣ, нарушившая международное право!

Гг. присяжные, согрѣтые нѣжно журчащимъ краснорѣчіемъ прокурора, подогрѣтые увѣщаніями жандармовъ, полиціи, рѣшили, что онъ виновенъ и не заслуживаетъ снисхожденія. Выводъ очень сложный изъ несложной фразы: пытки Тантала въ продолженіе 20 лѣтъ, а послѣ вѣчное поселеніе въ Сибири! Это отвратительное, умышленное, заранѣе состряпанное искаженіе правды, гнусная клевета на человѣка беззащитнаго, носили названіе гласнаго суда! Въ деспотіи нѣтъ ничего неприкосновеннаго, она играетъ во все, и въ судъ, и земство, и выборы, и очень безцеремонно играетъ... тасуетъ людьми, ихъ священными правами, какъ деревянными шашками. Это былъ не гласный судъ, а гласный дневной разбой, при нѣмой публикѣ; 20 лѣтняя каторга необыкновенно гармонируетъ съ словами монарха: „да торжествуетъ правда въ судахъ, да торжествуетъ милость!“ Приговоръ переполненъ справедливостью и милостью!

II.

Не хотѣли они орла кровожаднаго,
Али ястреба, падалью сытаго.

Трудно сомнѣваться, что Нечаевъ — политическій преступникъ, человѣкъ идеи, для котораго свобода и народное благо составляютъ сущность жизни; если это такъ, то его страданія за святую идею ужаснѣе распятія! Шпіонъ, Стемпковскій, дорого обошедшійся русскому правительству, посланный за нимъ въ Швейцарію, тихо вползъ въ его душу; онъ опуталъ его съ ловкостью полицейской ищейки и не выпустилъ до тѣхъ поръ, пока его, закованнаго съ ногъ до головы

въ цѣпи, не отправили съ тѣмъ же самымъ шпіономъ, разыгравшимъ очень удачно роль эмигранта, въ Петербургъ, путь позора былъ страшно длинепъ отъ Женевы до Петербурга. Въ Петербургѣ, при допросѣ, его подвергли пыткамъ; находясь въ Москвѣ, въ заключеніи, онъ вспоминалъ объ нихъ и задыхался, осыпая бѣшенными проклятіями своихъ тирапющихъ во мракѣ палачей; изъ его показанія, въ окружномъ судѣ, видно, что его билъ жандармскій офицеръ; только мерзавецъ, не пойметъ что оплеуха жандарма ужаснѣе жаренія на огнѣ и выматыванія жилъ! Униженіе за униженіемъ, мука за мукою щедро сыпались на его беззащитную, несчастную голову; на судѣ онъ долженъ былъ, не смѣя произнести слова, выслушать, въ обвинительныхъ рѣчахъ прокурора и предсѣдателя, безпощадную клевету на себя; передъ громаднымъ собраніемъ людей, его обвинили, какъ чернаго убійцу, изъ ненависти удавившаго человѣка; даже слово политическое, тайное общество, не было упомянуто прокуроромъ! Опозореннаго, раздавленнаго, его холодно, съ чувствомъ правоты, приговорили къ 20 лѣтней каторгѣ и вѣчному поселенію въ Сибири; его провезли по всему городу на черныхъ погребальныхъ дрогахъ, похожихъ на висѣлицу; связаннаго, съ доской на груди, на которой были написаны крупными буквами слова: „за убійство,“ надъ нимъ прочли приговоръ на московской Голгоѳѣ.

Послѣ прочтенія приговора, въ публикѣ распространился слухъ: что вмѣсто Сибири, его, чтобы скорѣе замучить, отправятъ въ Алексѣевскій равелинъ; тамъ, въ каменномъ гробу войлокомъ дырѣ, его, кипящаго избыткомъ жизни, заморятъ голодомъ, холодомъ и утонченными муками; — лишенный свѣта, защиты, окруженный извергами, осыпаемый униженіями, онъ быстро сгоритъ отъ чахотки или въ огнѣ нервной горячки. Онъ тихо замретъ во мракѣ своей норы, какъ огонекъ, блудящій въ болотѣ; вынося, пока будутъ силы, ужасныя муки, онъ будетъ ясно сознавать — и печально страшно будетъ это сознаніе — что для него нѣтъ спасенія, что его проклятія безплодны; что жалобные, раздирающіе стоны, горячія мольбы о состраданіи не пролетятъ сквозь саженныя, гранитныя стѣны;

а горючія слезы уйдутъ въ камни, насквозь пропитанные слезами, кровью прежнихъ безчисленныхъ жертвъ; подъ конецъ, онъ пойметъ — и ужасно будетъ это пониманіе, — что его, самодовольно, сгноитъ въ каменномъ мѣшкѣ та безпощадная, дикая сила, которая безтрепетно засосала тысячи жертвъ и для которой еще не наступила пора отмщенія. Но, можетъ быть, его предсмертныя муки озаритъ слабая надежда, что послѣ долгихъ лѣтъ, когда безслѣдно разложится его спущенный въ яму трупъ, по всей Россіи, какъ торжественный звонъ колокольный, раздастся звукъ порванныхъ цѣпей и несчастный народъ воспрянетъ изъ хаоса, муки, къ новой, чудно свѣтлой жизни; можетъ быть, сгорая отъ нечеловѣческихъ мукъ, въ давящемъ бреду нервной горячки, передъ нимъ бурно пронесутся свободные сны!... Можетъ быть, передъ тѣмъ, какъ разбить, съ отчаянія безграничнаго, свою страдальческую голову о гранитную стѣну, онъ будетъ утѣшать себя, что кровавыя слезы не текутъ даромъ, что великими страданіями, наконецъ, завоюются общая свобода общее счастье, и наступитъ тотъ день, которымъ грезили мученики свободы, день, когда народъ взвѣситъ, наконецъ, свое страданіе и великое страданіе за него страдавшихъ и окружитъ ихъ головы позднимъ сіяніемъ; что наконецъ прійдетъ тотъ желанный часъ, когда вѣчное, народное проклятіе прогремитъ надъ головою палачей!... но это все только можетъ быть!... Дорогою цѣною царь и правительство покупаютъ себѣ сладкій покой, они неустанно сѣютъ и сѣютъ сѣмя, и, можетъ быть, они доживутъ до ужаснаго дня жатвы!...

Москва — 1872 .г.

Процессъ 196

—

„И вѣрь неослабно, мой мученикъ ссыльный,
Иной рудокопъ не исчезъ, не потухъ,
Незримый, но слышный, повсюдный, всесильный,
Народной свободы таинственный духъ,
Онъ роется мыслію, работаетъ словомъ,
Онъ юношей будитъ въ безмолвіи ночей,
Пророчитъ о племенѣ сильномъ и новомъ,
Хоронитъ безжалостно ветхихъ людей.
Иди жъ безъ унынія, иди жъ безъ роптанія,
Твой подвигъ прекраснъ и святы страданія.“

Огаревъ.

I

Не успѣла занавѣсъ опуститься, не успѣли сойти со сцены несчастные 50 человѣкъ, и на ихъ мѣсто выступаютъ 196. Процессы ростутъ, число политическихъ жертвъ увеличивается не въ ариѳметической, но геометрической пропорціи. Средневѣковые приговоры надъ 50 пропагандистами,по слухамъ, возбудили негодованіе не только въ юныхъ душахъ, но и въ томъ мрачномъ сонмищѣ, которое хихикало, прислушиваясь къ приговорамъ первыхъ политическихъ жертвъ. Ветхозавѣтная исторія начинаетъ разыгрываться на нашихъ глазахъ: гоненія плодятъ мучениковъ. Правительство убиваетъ вѣстниковъ жизни и, съ тупоуміемъ дряхлости, думаетъ, что удастся убить самую жизнь, родящую ихъ; въ непроглядномъ мракѣ оно машетъ своими тяжеловѣсными дубинами, не заглядывая въ будущее, игнорируя ужасное настоящее.

Сжимается сердце тоскою, злобою при мысли, что имѣешь дѣло съ ювальнымъ безуміемъ, съ припадками падучей.

Я прочитываю газеты и, невольно, вертятся въ головѣ слова Гамлета: „за человѣка, за человѣка страшно мнѣ!“ Господа, печатающіе процессъ, не питомцы дворца, они имѣютъ претензію на человѣческую мысль и чувства, и, въ тоже время, они мертвенно-холодно, безъ одного слова отъ себя, печатаютъ, какъ о жальчайшемъ ничто, о помѣшательствѣ подсудимыхъ, ихъ

смерти въ тюрьмѣ!... О пропавшей моськѣ печатаютъ съ нѣкоторымъ апломбомъ, описываютъ ея примѣты, скорбятъ, что ее нельзя найдти; о пропавшихъ, замученныхъ людяхъ они не говорятъ — какое-то блеяніе вырывается у нихъ!... продажные, ничтожные прохвосты, съ жидкостью молюски, вмѣсто крови, съ студнемъ, вмѣсто мозга!!

Читая процессъ, не вѣришь глазамъ: не китайскія стѣны отдѣляютъ насъ отъ Европы, но непроходимые, снѣжные Гималайскіе хребты! Соціалистическое ученіе возбуждаетъ тотъ ужасъ, который возбуждало христіанство въ первые вѣка своего существованія.

Въ раболѣпной Германіи, въ шестидесятыхъ годахъ, на народныхъ сходкахъ, изъ нѣсколькихъ тысячъ рабочихъ, Лассаль произносилъ громовыя рѣчи; капиталу, религіи, абсолютизму публично наносились очень тяжеловѣсные удары; жалчайшее нѣмецкое правительство слабо отшучивалось процессами, Лассаль выходилъ изъ нихъ побѣдителемъ, черпая въ нихъ силы.

Въ Англіи, Швейцаріи, Бельгіи, Италіи собирались тайные и явные международные конгрессы; будущій переворотъ обсуждался со всѣхъ сторонъ, безжалостной критикѣ подвергался ветхій строй. Соціальныя науки всюду въ Европѣ разрабатываются съ величайшею тщательностью, фанатическою страстностью. Соціализмъ имѣетъ свою обширную литературу.

На глазахъ стараго фельдфебеля Гиля и настоящаго повелителя Германіи, деспота Бисмарка, германскіе ряды рабочихъ все гуще сплачиваются, соціалистическія газеты имѣютъ сотни тысячъ подписчиковъ. Разрозненныя партіи отыскали связующую ихъ общую нить и становятся, съ каждымъ годомъ, все сильнѣе. Правительство начинаетъ тревожиться, считать своихъ все прибывающихъ враговъ; и, кажется, скоро будетъ поставлено въ положеніе Казбека въ „Спорѣ“ Лермонтова:

„Сталъ считать Казбекъ угрюмый
И не счелъ враговъ.....“

Что же представляетъ Россія? — Всѣ книги соціалистическаго характера строжайше запрещены; о сходкахъ, конгрессахъ, публичныхъ проповѣдяхъ не

мечтаютъ завзятые либералы! Рабочій вопросъ — вопросъ о туманныхъ пятнахъ на небѣ, желаніе пользы народу, забота о его благосостояніи—бунтъ, крамола!.. И, въ то же время, этотъ народъ жертвуетъ, ставшій ребромъ, послѣдній грошъ на все то, что его губитъ; 900-тысячная армія составлена изъ него; сыновья ободранныхъ нищихъ свершаютъ героическіе подвиги за Балканами, надѣваютъ лавры на головы тѣхъ, у которыхъ только одна забота: найти способъ еще ограбить, еще что нибудь вытянуть изъ народа! Всѣ понятія, начиная съ самыхъ простѣйшихъ, безконечно перепутаны; самый глубокій психіатръ станетъ въ тупикъ, смотря на этотъ хаосъ, на эту „тьму безъ темноты, бездну пустоты, безъ протяженія и границъ“.

Но посмотримъ, какимъ путемъ дошло большинство молодыхъ людей до скамьи подсудимыхъ. — Развитой юноша, стемящійся принести пользу, любящій ближняго, невольно, остановится съ отчаяніемъ въ груди, глядя на окружающій его русскій міръ. Одного толчка, одной книги, иногда, бываетъ достаточно, чтобы онъ рпнулся на самое рискованное дѣло..... Способный, сильный человѣкъ страшится болѣе всего пустоты, безсмыслія въ жизни; разъ вы наполнили его жизнь свѣтомъ, надеждою, вѣрою, онъ съ радостью пойдетъ па гибель..... Онъ глядитъ вверхъ, — все гадко тамъ до омерзѣнія, до ненависти; всюду кишатъ жандармы, провокаторы, шпіоны; съ болѣзненною торопливостью они подслушиваютъ, подсматриваютъ, вскрываютъ письма... это своего рода испанскіе инквизиторы: по одному подозрѣнію они хватаютъ, обыскиваютъ, сажаютъ въ тюрьмы. Шпіоны, жандармы не подвластные люди, они—власть, они самодержцы — на плохомъ жалованьи, съ дурной обстановкой.—Изъ всѣхъ угловъ на васъ глядитъ злое чудовище: произволъ; самый суровый законъ не такъ страшенъ, какъ этотъ капризъ, взлелѣянный полною безотвѣтственностью! Суровый законъ—вашъ открытый врагъ, вы видите его размѣры, тутъ-же... пѣтъ мысли. Хотимъ, говоритъ оскалившаяся харя жандармскаго начальника, погубимъ васъ, хотимъ — помилуемъ, погладимъ по головкѣ; захотимъ живыхъ зарыть въ

каменный мѣшокъ крѣпости, зароемъ, и никто намъ не судья!!...

Все блуждаетъ въ какихъ-то подземныхъ клоакахъ, гдѣ вы не знаете, на какую протухлую трясину наткнетесь чрезъ минуту.

Судъ существуетъ надъ политическими преступниками въ цѣлой Европѣ, у насъ — это, инквизиціонный трибуналъ! Еще до суда судья знаетъ, съ математическою точностью, какимъ способомъ онъ доконаетъ жертву, и къ какой категоріи ее нужно отнести; онъ нанизываетъ несчастныхъ на категоріи, какъ поваръ—жаренное на громадный вертелъ...

Съ ужасомъ отворачивается молодой человѣкъ отъ высшихъ ватерклозетовъ; онъ всматривается въ общество около него... но назвать средній, высшій классъ русскій обществомъ—нужно быть низкимъ льстецомъ: это—нѣмое стадо, возбуждающее въ великихъ размѣрахъ презрѣніе! Въ Европѣ, во время самаго необузданнаго абсолютизма, столѣтія назадъ, общество было силою; руки гнѣвной толпы вырывали жертву изъ рукъ палача; на позорный столбъ оно, нерѣдко, смотрѣло, какъ на распятіе; законъ оставался мертвою буквою передъ взволнованнымъ мнѣніемъ общества... Какое же поучительное зрѣлище представляютъ наши мнимо-интеллигентные классы? Мы знаемъ приблизительно, какое количество людей заключается въ нихъ, но проявленія ихъ существованія мы не видимъ, это не болѣе, какъ ариѳметическія цифры. Самодержецъ можетъ продѣлывать все, буквально все, на глазахъ интеллигентныхъ классовъ! Прійди нынѣче ѳантазія Александру повѣсить пропагандистовъ на крестахъ московскихъ церквей, и Москва, съ христіанскимъ смиреніемъ, воззритъ на болтающіеся въ воздухѣ трупы, будетъ слезно молить Иверскую матерь, чтобы она налелѣяла сердце грознаго помазанника; вели онъ имъ перерѣзать собственныхъ дѣтей, они, со скорбью великою, даже безъ настоянія со стороны жандармовъ, безмолвно перерѣжутъ ихъ!...

Жечь на кострахъ, пороть плетьми, выворачивать суставы, все можно на глазахъ нашей интеллигенціи и если это не продѣлываютъ въ публичныхъ мѣстахъ, то отнюдь не изъ уваженія къ публикѣ: царь, прави-

тельство конфузятся сосѣднихъ державъ; не шутя можно сказать, что ихъ сдерживаетъ то, что они послѣ этого не въ состояніи будутъ ѣздить жуировать за границу. Ни петля, ни топоръ, не въ состояніи поколебать безграничнаго русскаго холуйства! Энтузіазмъ, обнаруженный въ послѣднюю войну, на волосъ не противорѣчитъ моимъ словамъ: всѣ сіи возвышенныя чувства обнаружены съ позволенія начальства. Правительство, желая поживиться деньжонками, велѣло вздуться сочувствію, а болѣе — карманамъ; сочувствіе и карманы тотчасъ же раздулись. Правительство не сдѣлало бы всего этого, если бы знало средство вытащить деньги у Россіи другимъ манеромъ, но налоги имѣютъ безконечно тягучія, но все таки, границы! Слѣдовательно, нужно было пустить въ ходъ раздражающія средства. Правительство очень удачно разыграло роль муравья, общество еще удачнѣе — роль травяной вши: муравей усиками щекочетъ ее, и она испускаетъ, съ превеликимъ удовольствіемъ, свой сладкій сокъ. Но если интеллигентные классы, не понявъ размѣровъ раздраженія, вздумаютъ зашушукать, сверху цыкнутъ на нихъ, и они въ разсыпную, давя другъ друга, съ прыткостью выпоронаго катковскаго лицеиста, разбѣгутся по щелямъ и будутъ клясться другъ другу, что они ничего, что это только такъ..... и тотчасъ же напишутъ царишкѣ адрессы. Наши интеллигентные классы пока умѣютъ только апплодировать палачамъ и пресмыкаться передъ силою!

„Тщетно отголосковъ жизни ловитъ ухо,
Все мертво и глухо...“

Молодой человѣкъ смотритъ внизъ и сердце бьется „со страхомъ и трепетомъ, голова клонится на руки“. Мужицкая хата завязла въ грязи по крышу, окно въ вершокъ; когда такъ чисто и бѣло кругомъ, внутри хаты черно, мутные ручьи, не изсякая, текутъ по ея стѣнамъ. Когда цвѣты благоухаютъ въ лѣсахъ, въ хатѣ пахнетъ гнилью, навозомъ, потомъ. Въ дыму, грязи, навозѣ, смрадѣ копошатся дѣти; подъ крошечнымъ ребенкомъ лежитъ ветошка тверже желѣза; онъ сосетъ тряпку, напитанную грязью; тѣло его въ коростѣ, ссадинахъ. Если изъ люльки упадетъ ребенокъ

и изуродуется, туда ему и дорога!... Въ этой ужасной жизни все изуродовано. Подростающіе дѣти не синіе, но черные отъ холода, бѣгаютъ въ грязныхъ дерюгахъ по морозу, босикомъ и гибнутъ, какъ мухи, но тѣмъ лучше: они спасаются отъ своего будущаго!... Ѣдятъ люди хатъ очень скверный хлѣбъ и пьютъ очень кислый квасъ, но это въ хорошіе, урожайные годы, въ неурожайные — они объѣдаютъ кору съ деревьевъ. Рѣдкая женщина этихъ логовищъ не поражена ломотою, рѣдкое тѣло не покрыто струпьями!...

При свѣтѣ лучины, послѣ долгаго рабочаго дня, баба, нагнувшись надъ станкомъ, ткетъ полотно; мужъ, часто въ мятель, ночью везетъ послѣдній скарбъ на продажу, чтобы насытить бездонное брюхо высокостоящихъ грабителей. За что они мучаются? спрашиваетъ до дна души потрясенный юноша, какія преступленія тяготѣютъ надъ ними? за что они такъ страшно наказаны? Чѣмъ помочь? Какъ помочь? — Вверху раздается рыканіе, злобный скрежетъ, внизу все до боли молчитъ.

Онъ ищетъ разгадать тайну въ книгахъ, но такого рода книги запрещены; нѣсколько ихъ провозятъ, чуть не съ рискомъ жизни, черезъ границу... Онъ набрасывается на нихъ, жадно прочитываетъ..... Эврика! вскрикиваетъ юноша, я знаю, какъ спасти! горе бьетъ черезъ край, всеобщее, немедленное возстаніе одно только можетъ спасти!...

Семейство съ ужасомъ глядитъ на юношу, пророчитъ гибель, умоляетъ остановиться; оно говоритъ: „ты стучишься въ двери тюрьмы!“ Да! они стучались во всѣ двери, идущія къ выходу, спасенію, но опѣ были наглухо заколочены; за дверьми раздавался вой бульдоговъ. Но за то двери тюрьмы безъ стука, требованія, волшебною силою растворялись настежь и принимали ихъ въ свои темныя норы!!...

Эти темныя норы — разсадники ужасныхъ недуговъ и сумасшествія; вы прочитываете въ газетахъ: „подсудимый Б. не могъ отвѣчать, по случаю душевной болѣзни“, за этими летучими словами прячутся веселенькіе пейзажики!...

Въ квартиру заподозрѣннаго ночью стучатъ; все семейство встаетъ въ ужасѣ; на лѣстницѣ звенятъ

шпоры, сабли; незащищенную крѣпость идутъ брать съ оружіемъ въ рукахъ. Начинается осмотръ, съ достойною лучшаго дѣла любознательностью, съ тою любознательностью, которая не видитъ препятствій ни въ мебели, ни въ обояхъ, стѣнахъ и даже доскахъ пола... Молодого человѣка берутъ съ тайною на устахъ; мать безъ звука провожаетъ сына, ея сухіе глаза выражаютъ то безпредѣльное отчаяніе, когда, на глазахъ у матери, на гробъ любимаго сына падаетъ, съ глухимъ шумомъ, первый комъ земли... Его ведутъ долго по закоптѣлымъ коридорамъ, и, наконецъ, онъ остается одинъ въ маленькой, сырой конурѣ; въ дверяхъ дырка, въ нее смотритъ часто безсмысленный глазъ караульнаго фантома. Убитый предчувствіемъ, онъ садится въ свой темный уголъ; мысли, какъ вихри, кружатся въ воспаленной головѣ; по временамъ онъ судорожно вздрагиваетъ... Смутно, какъ въ страшномъ снѣ, онъ начинаетъ сознавать, что года пройдутъ, а онъ все будетъ сидѣть въ своемъ темномъ углу безъ книгъ, пера, бумаги, безъ участія, защиты. Онъ съ трепетомъ до мозга костей, предчувствуетъ, что медленно, безплодно истаютъ его силы; смертельный воздухъ тюрьмы, не жалкая пища, но скорѣе медленная отрава, тоска, скука, нестерпимая жажда жизни будутъ мучить его изо дня въ день, долгіе годы и, наконецъ, доканаютъ его. Долго сидитъ онъ задумавшись, но думы прерываются неожиданно,непоэтично,онъ начинаетъ чувствовать что онъ въ тюрьмѣ не одинъ—сырость,грязь,мракъ обитаемы; на него лѣзутъ клопы, блохи, вши и начинаютъ жрать съ остервенѣніемъ жандармской команды; ему некуда дѣться: тюрма полна ими. Изъѣденный, онъ впадаетъ въ безпамятство, но сонъ не несетъ тихаго успокоенія: онъ видитъ во снѣ эшафотъ, петлю, плети, топоры, штыки, подземные коридоры, рожи чертей... но сны бѣгутъ... онъ видитъ оспротѣлую мать, съ застывшимъ взоромъ, безъ кровинки въ лицѣ, безпомощно опущены ея руки; любимица его сестра громко, судорожно рыдаетъ, уткнувъ разгорѣвшуюся головку въ подушки. Онъ просыпается съ холоднымъ потомъ на лбу; кругомъ темно; въ дырку двери слабо свѣтится огонекъ, въ нее глядитъ долго и часто безмысленный глазъ караульнаго фантома; опускаетъ свою

страдальческую голову юноша и тихо шепчетъ: „первая ночь, а такъ невыносимо тяжело, что будетъ дальше?“

Сумасшествіе подкрадывается тихо, день за днемъ, сначала поражается желудокъ, за нимъ первная система, мозгъ. Замученный, истощенный организмъ становится широко воспріимчивъ, но только не къ радостнымъ впечатлѣніямъ, а къ ужаснымъ болѣзнямъ...

Но стоитъ ли говорить о такихъ пустякахъ! Если мы не умѣемъ понимать своего, внутри насъ засѣвшаго горя, то эта мертвенная нечуткость вполнѣ выкупается чуткостью къ отдаленному горю: мы сгараемъ негодованіемъ, читая про баши-бузуковъ!...

Много печальныхъ лицъ проходитъ передо мною, ихъ нельзя перечесть на нѣсколькихъ страницахъ, но образъ одной дѣвушки надолго останется въ памяти. Больная, слабая, идетъ она въ горючій зной, въ далекой, пустынной странѣ; грубая, крестьянская рубашка третъ ея молодые нѣжные члены; жмутъ опухшія отъ неустанной ходьбы ноги тяжелые лапти; беззащитная и изнуренная физически, она могуча и сильна зрѣющею въ ней святою вѣрою, безпредѣльною жалостью къ бѣднымъ людямъ. Она безъ страха глядитъ въ ту далекую сторонушку, гдѣ полгода стоитъ ночь, гдѣ шумятъ снѣжныя вьюги и замерзаетъ не только теплое дыханіе, но и ртуть въ термометрѣ. Она предчувствуетъ, что съ нея скоро снимутъ тяжелые лапти и надѣнутъ тяжелыя цѣпи; близокъ къ ней тотъ конецъ, тѣ муки, при мысли о которыхъ злодѣй, безтрепетной рукою рѣжущій ребенка, блѣднѣетъ отъ ужаса. Она не хочетъ терять времени; своему другу, который, зная ея здоровье, умоляетъ не жертвовать слѣпо собою и зоветъ ее въ Петербургъ, она отвѣчаетъ: „напрасно вы говорите мнѣ объ опасности, смерти, дѣло главное-то въ томъ, что невозможно развернуться тамъ, тамъ сила угрожающая ляжетъ не на личность, а на дѣло.“

Она въ восторгѣ отъ скитаній, пропаганды. „Книгъ мнѣ не надо, пишетъ она, что касается до ихъ чтенія, то они расходятся крайне медленно, нѣтъ, здѣсь не книги нужны, людей то больно ужъ мало, а то могло бы быть важное дѣло. Эхъ, кабы народу было поболь-

ше!“ Ей товарищи намекаютъ, что въ Сибири можно вести дѣло хорошо, но что-то похожее на молитву въ саду Геѳсиманскомъ: „Да мимо идетъ меня чаша сія“, вырывается у нея: „о Сибири не стоитъ говорить, я рѣшительно не поѣду туда, здѣсь больше надобности въ насъ, а тамъ... а тамъ мы еще будемъ!“

Морозъ дралъ по кожѣ, когда я читалъ другое письмо, не дѣвушки, но молодаго человѣка: „моя пѣсенка спѣта, остается вамъ рѣшить, хорошо или нѣтъ, если откажетесь отъ меня, то дайте яду; все бы вынесъ, но не нравственную каторгу; какъ бы я желалъ слышать вашъ приговоръ о себѣ!“

Къ такимъ вещамъ, я думаю, что комментаріи лишни...

Очень интересно сопоставить рядомъ логику жертвъ и ихъ палачей. Съ нелицепріятіемъ суровой Ѳемиды, держащей балансирующіе вѣсы, посмотримъ, какая чаша перетянетъ: въ одной лежитъ государственная мудрость, воплощенная въ безчисленныхъ томахъ сводовъ законовъ; другая полна скорбью безъ предѣла, вѣрою, надеждою, самоотверженіемъ и безвыходностью.

Жертвы говорятъ: „жизнь народа ужасна; онъ гибнетъ въ невѣжествѣ, непокрытой нищетѣ; его эксплоатируютъ всѣ, начиная съ царя, кончая кулакомъ — міроѣдомъ. Нужно бросить отца, мать, семью и идти въ его среду, надѣть его грубую одежду, взять добровольно на себя его тяжкую долю, нужно работать вмѣстѣ съ нимъ подъ лучами жаркаго солнца и въ морозную стужу; нужно ѣсть его черствый, облитый кровавымъ потомъ хлѣбъ; нужно слиться съ невинными мучениками, пропагандировать въ ихъ средѣ, указывать имъ пути спасенія, и въ самомъ скоромъ времени, погибнуть за нихъ мучительною смертью, въ полномъ расцвѣтѣ жизни!“

Что же могутъ на это отвѣчать палачи? Непреодолимою силою обстоятельствъ они поставлены въ необходимость глубоко противорѣчить имъ: иначе не за что карать, слѣдовательно, они должны отвѣчать: „положеніе народа свѣтло, его жизнь услаждаютъ всѣ, начиная съ царя и кончая кулакомъ міроѣдомъ; любя его, тысячи посылаютъ осаждать неприступныя скалы, и когда они сваливаются, осыпаемые пулями, картеч-

нымъ огнемъ и камнями, то нѣсколькихъ уцѣлѣвшихъ, съ георгіемъ на шеѣ, сбрасываютъ въ лазареты, похожіе на чумные вертепы; любя его, приближенные государя издали любуются опасностями. Колоссальные налоги платитъ не народъ, но неусыпно пекущіеся о немъ военные, чиновники, помѣщики и міроѣды. Не слиться нужно съ народомъ, а все болѣе, болѣе разъединяться съ нимъ; не гибнуть нужно за него, но за полное разъединеніе съ нимъ получать чины, кресты, громадные оклады!“

Жертвы. Царская фамилія тратитъ на себя фантастическія суммы, она швыряетъ „Россіи потъ и кровь“ на безсмыслицы, необузданную роскошь, парадныя церемоніи, скотскія удовольствія и на построенія безчисленныхъ, необитаемыхъ дворцовъ; она сказочно воруетъ и держитъ около себя шайки сказочныхъ воровъ.

Палачи. Нѣтъ, царская фамилія не тратитъ ничего; только сотую часть изъ капитала, оставшагося отъ покойнаго родителя, она тратитъ на скромныя трапезы, мирныя, невинныя сельскія удовольствія, все же остальное она отдаетъ на государственную пользу, на несчастныхъ, бѣдныхъ.

Жертвы. Мы поставлены въ полную безвыходность; нужно стремиться поднять народъ: всеобщее возстаніе только одно въ состояніи перевернуть этотъ ужасный міръ преступленій человѣка противъ равнаго себѣ человѣка, міръ ненависти, грабежа, неравенства! Вся человѣческая исторія — исторія революцій; борьба за существованіе — основной законъ всего живущаго. Свобода не сходитъ, въ видѣ голубя, ее нужно завоевывать.

Палачи. Вздоръ! вздоръ! революціи выдуманы историками, литераторами, онѣ не должны быть. Революція — печальное недоразумѣніе; завоеваніе правъ—безсмыслица! Пусть тысячелѣтія проносятся надъ народомъ, онъ не долженъ смѣть шевельнуть исчерпленными членами; разъ ему не даютъ свыше, онъ не долженъ смѣть мечтать получить снизу! Пусть десятки милліоновъ гибнутъ въ адскихъ, незаслуженныхъ мукахъ, пусть перерождается человѣческая раса; разъ наверху есть кучка сытыхъ, наслаждающихся, упива-

ющихся до пресыщенія, этого довольно! Народъ долженъ упиваться ихъ веселіемъ, наслаждаться ихъ наслажденіемъ, быть сытымъ до пресыщенія созерцаніемъ ихъ сытости и пресыщенія!... Нельзя всѣмъ имѣть права на жизнь; это чистѣйшая утопія!...

Жертвы. Подумать страшно, что человѣкъ съ однимъ и тѣмъ же подобіемъ, а часто и безъ малѣйшаго человѣческаго подобія, присвоилъ себѣ неслыханное право: обирать до послѣдняго клочка кожи милліонныя массы и изрекать абсолютные приговоры! По одному капризу онъ сгнаиваетъ тысячи людей, у которыхъ онъ, по своимъ умственнымъ, нравственнымъ качествамъ, недостоенъ разуть ногу. Что-то абсурдное есть въ этомъ расплывшемся на всеобщій счетъ, нелѣпомъ самодержавномъ существѣ, которое держится помимо азбучныхъ понятій логики. Разбои, жестокости разъ только выходятъ изъ нѣдръ этого бедлама, тотчасъ же окуриваются ѳиміамомъ, освящаются благодарственными молитвами. Безуміе, исходящее изъ него, получаетъ значеніе величайшей разумности; преступленіе, имъ подписанное, становится величайшею добродѣтелью; за то святое слово, вырвавшееся изъ устъ затерзанной жертвы — тяжкое преступленіе, за которое нужно безъ суда пытать, ссылать, искалѣчивать!....

Палачи. Царь есть выраженіе..... то естъ, мы хотимъ сказать... другими словами, это ѳокусъ, въ которомъ всѣ лучш... царь вымазанъ масломъ въ Успенскомъ соборѣ, и это дѣлаетъ его невмѣняемымъ но..... конечно, нашъ скептическій вѣкъ, что очень грустно..... Царь это не человѣкъ..... то есть, мы хотимъ сказать.....

РОССІЙСКОЕ БРОЖЕНІЕ,

обнаруженное съ помощью микроскопа

„Какъ ихъ безбрежныя поля
Безгласны люди. Отъ Китая
До стѣнъ недвижнаго Кремля,
Подъ дикимъ гнетомъ изнывая,
Томится русская земля.
Живутъ и мрутъ среди смиренья
Въ молчаньи вяломъ поколѣнья.
. . . . . .
. . . . . .
И сверху внизъ все давитъ, давитъ,
И тѣсно, тяжело дышать...“

1.

Если въ настоящую минуту взглянуть на Россію въ стекло, увеличивающее въ три тысячи разъ, можно довольно ясно разглядѣть броженіе; имѣя обоняніе американскаго индѣйца, обнюхать тончайшій, но, тѣмъ не менѣе, пикантнѣйшій ароматъ, неизмѣримо медленно плывущей къ намъ изъ Дарданеллъ, конституціи. Но броженіе и конституція — слова, которыми шутить опасно и предосудительно, они требуютъ быстраго, толковаго объясненія. Броженіе я понимаю въ очень умѣренномъ смыслѣ, это не то стремительное броженіе, рвущее пробки, встрѣчающееся въ кислыхъ щахъ, не то всѣмъ замѣтное, дымящееся броженіе, проявляющееся въ навозной кучѣ! Нѣтъ! это то броженіе, которое свершается въ глинистой почвѣ, подъ вліяніемъ дол-

гихъ, долгихъ, холодныхъ осеннихъ дождей. На конституцію мы смотримъ такъ же отнюдь не утопически; я увѣренъ, что мы не станемъ слѣдовать примѣру коварнаго, безслѣдно разложившагося запада: мы прежде всего татары, и послѣ всего славяне; мы народъ глубоко молчаливый, самостоятельный, мы можемъ снизойти до нахальнаго обезьяньяго передразниванья пахабныхъ сторонъ гнилаго запада, но мы никогда не унизимся до перениманія у него конституціи! Наша конституція, изъ уваженія къ націи, должна непремѣнно носить восточный татарско-ханскій характеръ; въ силу неодолимаго историческаго прошлаго, она должна быть смѣшанною, т. е. азіатско-россійскою конституціею. Но трепетать намъ не изъ чего: по вѣрнымъ слухамъ, начальникъ III отдѣленія Мизинцевъ будетъ удаленъ и надѣленъ имѣніемъ въ западномъ краѣ въ первый же день обнародованія конституціи, и, вмѣсто него, назначенъ добрѣйшій, елейной души, тайный совѣтникъ Пальчиковъ; шпіонамъ будетъ прибавлено жалованіе, жандармамъ тоже. Мы увѣрены, что тайный совѣтникъ Пальчиковъ не воспользуется правомъ: посѣкать изрѣдка политическихъ преступниковъ; пламенѣя любовью къ молодежи, онъ будетъ только ее увѣщевать, ублаготворять, наставлять и сдобрять. Въ III отдѣленіи часто будутъ устраиваться семейные вечера для молодежи, публичныя лекціи, филантропическіе конгрессы. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ опускалось подъ полъ знаменитое стуло, съ высшей степени озадаченнымъ, не смотря на знаніе этого фокуса, субъектомъ, будетъ опускаться, подыматься этажерка, нагруженная не „кущами райскихъ садовъ“, но лакомыми блюдами, сластями для рѣзвящейся молодежи. Я привожу въ примѣръ III отдѣленіе и останавливаюсь на предполагаемыхъ радикальныхъ измѣненіяхъ въ немъ для того, что бы вполнѣ обнаружить мой взглядъ на плывущую къ намъ изъ Дарданелль конституцію. Всякій любящій свою родину понимаетъ, что III отдѣленіе — святая святыхъ, бездоннѣйшая сущность всего сложнаго государственнаго механизма; I, II и IV отдѣленія составляютъ только эфемерные аксессуары III отдѣленія, они играютъ роль раззолоченаго швейцара съ алебардою, отворяющаго и затворяющаго двери знатнаго дома.

III отдѣленіе — солнце, около котораго вращаются всевозможныя министерства; оно обдаетъ ихъ своими мягкими лучами, питаетъ злаки, ростущіе въ нихъ, поддерживаетъ въ нихъ круговращеніе матеріи; померкни оно, и попадаютъ учрежденія государственныя въ ночь безъ разсвѣта, превратятся въ безсмысленныя ледяныя глыбы! Но кромѣ этого, III отдѣленіе имѣетъ глубоко религіозное значеніе: пока оно существуетъ, никто, или рѣдко кто, усомнится въ божественной тройцѣ, въ обѣтованныхъ словахъ, относящихся къ ней: „Отецъ, слово и святой духъ и сіи три едино суть“ (Катехизисъ Филарета, страницы не помню).

Я слишкомъ горячо люблю родину, чтобы смѣть вообразить ее осиротѣвшею, безутѣшною вдовицею, безъ защитника, путеводителя, словомъ безъ III отдѣленія! Вообразить это — другими словами впасть въ кровавый нигилизмъ, анархизмъ, якобинизмъ, коммунизмъ, коллективизмъ!!... Прочь сатана, соблазняющій на кровлѣ храма, обѣщающій всѣ царства земныя, чтобы мы поклонились ему!!...

II.

Чтобы доказать броженіе ясно, я беру только одинъ номеръ расчестнѣйшей русской газеты, именуемой *Сѣвернымъ Вѣстникомъ* и скромную книгу любимаго публикою, Щедрина. *Сѣверный Вѣстникъ* положительно не возбуждаетъ мучительныхъ приступовъ морской болѣзни; руки, послѣ держанія его, нѣтъ надобности вымывать фенеловой кислотой. Онъ свою честность доказалъ неоспоримо тремя весьма непуточными фактами:

1) Онъ перепечаталъ статью изъ „Обозрѣнія о Шахъ-надировскихъ непстовствахъ въ Оренбургской губ.,“ описанныхъ русскимъ прокуроромъ, т. е. кондоромъ стараго свѣта; звѣрства до того ужасны, что если тысячную долю ихъ разсказалъ бы писатель, пишущій за границею, его всѣ, въ одинъ голосъ, упрекнули бы въ дикомъ преувеличеніи. Къ чести революціонеровъ, нужно сказать, что фантазія ихъ никогда не опускалась до такихъ по истинѣ дантовскихъ преисподней; дѣйствительность безконечно перещеголяла фантазію. Прокуроръ, разжалованный изъ своего званія жандармскимъ

полковникомъ, искавшій 4 года нелицепріятнаго суда' простеръ руки въ отчаяніи и, несмотря на все уваженіе къ законамъ, составленнымъ кондорами, хотѣлъ эмигрировать.

2) Послѣ выстрѣла въ Трепова, *Сѣверный Вѣстникъ* не затаилъ знаменательныхъ словъ несчастной дѣвушки: „Вотъ тебѣ за истязанія надъ Боголюбовымъ!„ Для незатаенія требовалось великое мужество: всѣ газеты, зная сущность дѣла, толсто намекали на личную месть, эротическіе порывы. „Голосъ“ упрекалъ дѣвушку, выстрѣлившую въ упоръ, въ „посягательствѣ изъ-за угла!“ Органъ лисицъ, дерзко присвоившій себѣ высочайшій человѣческій атрибутъ, называемый голосомъ, требовалъ, чтобы дѣвушка на подносѣ поднесла револьверъ къ градоначальнику, затѣмъ попросила бы его обернуться къ ней животомъ, и послѣ тщательнаго выбора надежнѣйшаго мѣста, помолясь богу, выстрѣлила въ него. Органъ лисицъ только этотъ одинъ, дѣйствительно откровенный, способъ считаетъ не изъ подъ угла! Клеветать на беззащитную, несчастную дѣвушку, похороненную въ крѣпости, онъ считаетъ поступкомъ вполнѣ откровеннымъ, не изъ подъ угла!!..

Номеръ *Сѣвернаго Вѣстника*, на которомъ, какъ на краеугольномъ камнѣ, зиждется вся сила моихъ доказательствъ въ пользу броженія, поражаетъ своими остроумными сочетаніями; невинное и виновное переплетаются въ немъ съ причудливостью цвѣточныхъ гирляндъ: описываются въ немъ военныя дѣйствія, произносятся слова на очень свѣжей могилѣ Черкасскаго, и рядомъ, въ крошечной статьѣ, скромно описываются похороны замученнаго, политическаго преступника. 350 человѣкъ провожали, рано угасшаго въ тюрьмѣ, товарища, на кладбище; дѣвушки несли крышку гроба съ вѣнкомъ (терновымъ или обыкновеннымъ, не сказано). Процессія противъ зданія окружного суда остановилась и подняла гробъ. Нѣтъ сомнѣнія, авторъ не разъясняетъ мотивовъ безмолвнаго вниманія къ окружному суду, повидимому, между молодежью, часто хоронящею своихъ замученныхъ товарищей и окружнымъ судомъ установились совершенно отчетливыя отношенія; салютованіе окружного суда гробомъ мученика имѣетъ необычайно зловѣщее значеніе; трудно, очень трудно

переложить на слова это безмолвное салютованіе. Полиція. не успѣвъ украсть трупъ, начала дѣйствовать натискомъ; авторъ прибавляетъ отъ себя: „не прибѣгая къ энергическимъ мѣрамъ“. Русскіе нравы удивительно ноншаляптные: полицейскій натискъ никому, не исключая литераторовъ, не кажется дѣйствіемъ энергическимъ, но подготовительнымъ къ энергическимъ! Энергическою мѣрою у насъ называется раскроеніе головъ тесаками на нѣсколько неравныхъ частей, раздвоеніе же на двое — не болѣе какъ натискъ! Авторъ остается глубоко вѣренъ русской средѣ, выражаясь такимъ образомъ. На натискъ полиціи молодые люди отвѣчали, что полиція свершаетъ святотатство, выбивая изъ рукъ гробъ; пораженная въ самую глубь своихъ религіозныхъ воззрѣній, полиція умѣрила натискъ и покойникъ былъ мирно похороненъ...

Но это все вздоръ, въ печально популярномъ *„Новомъ Времени“* помѣщена повѣсть Костомарова, въ которой безпристрастный русскій историкъ разсказываетъ, какъ Ушаковъ, во время царствованія Екатерины I, опускаетъ кн. Долгорукую на волшебномъ тронѣ, подъ полъ и подвергаетъ пещадному сѣченію, а кн. Долгорукаго, кровнѣйшаго русскаго аристократа, ругаетъ мерзавцемъ, подлецомъ, осломъ и собирается съ него спустить шкуру.

Взгляните на все сіе въ стекло, увеличивающее въ три тысячи разъ, и нѣтъ сомнѣнія, что броженіе существуетъ, и конституція снялась въ Дарданеллахъ съ якоря! Но если, несмотря на всю строгую научность доказательствъ, вы неудовлетворены выхваченнымъ на удачу газетнымъ номеромъ, то разверните невинную книжечку: „въ средѣ умѣренности и аккуратности“. Щедринъ нѣкогда весьма игриво описывалъ помпадуровъ; читая поверхностно, казалось, что сатира его въ высшей степени мелкотравчатая; онъ нарисовалъ типъ типовъ и не договорилъ пустяковъ, возложивъ (это мое смѣлое предположеніе) надежду на здравый смыслъ читателей. Помпадуры являются у него съ воздушными корнями, съ самопроизвольнымъ зарожденіемъ; не трудно догадаться, что градоначальники Щедрина ничтожные помпадуришки, жалчайшія копіи; оригиналы ихъ — пюръ помпадуры — засѣдаютъ въ государственныхъ

совѣтахъ, сенатахъ, а идеальный Помпадуръ Помпадуровичъ, фокусъ, въ которомъ собраны, въ волшебной игрѣ, всѣ лучи помпадурскіе — Александръ II, самодержецъ всероссійскій, царь польскій, финскій, алеутскій и пр. и пр.

Въ книжечкѣ, озаглавленной „Въ средѣ умѣренности и аккуратности," помпадуры болѣе на сцену не являются, по крайней мѣрѣ подъ этимъ вульгарнымъ названіемъ, взамѣнъ ихъ, выдвигаются необычайные департаменты: „Возмездій, воздаяній и вздоховъ." Авторъ получаетъ приглашеніе явиться въ департаментъ „воздаяній по преимуществу," но онъ предупрежденъ, что многое тамъ перемѣнилось, изъ намековъ очень темно, но видно, что кресло не опускается подъ полъ съ прежнею разрушительною быстротою, сѣдалища не исполосовываются, и штатъ подпольныхъ экзекуторовъ, видимо, сокращенъ; довольно ясно указывается на царствующую тамъ пастушескую идиллію: сторожъ зажигаетъ спичку объ обшлагъ для закуриванья папиросы и часто даетъ двѣ спички въ запасъ, чиновники говорятъ о реформахъ; изъ центральнаго кабинета не выносятся оторванныя уши, вырѣзанные языки и проч. Въ курильной комнатѣ, похожей на арестанскую, гдѣ собираются шпіоны, авторъ нечаянно наталкивается на своего товарища по школѣ. Товарищъ, двадцать лѣтъ служащій въ департаментѣ „вздоховъ," совершенно неожиданно покрывается багровыми пятнами; смущенный, онъ порывисто, азартно, нервно спѣшитъ излиться въ разсказахъ о реформахъ. Человѣкъ, посѣдѣвшій въ департаментѣ „вздоховъ," сплится оправдаться...

Дорогой читатель! если багровыя пятна выступаютъ на лицѣ чиновника III отдѣленія, двадцать лѣтъ приносящаго посильную пользу государству, то какого цвѣта пятна должны выступить на лицахъ тѣхъ, которые только живутъ и дышатъ этимъ удивительнѣйшимъ учрежденіемъ, государственной хитрой механики! Какія пятна должны выступать на лицахъ тѣхъ либераловъ, радикаловъ, которые безмятежно уживаются бокъ о бокъ съ этимъ учрежденіемъ, единымъ звукомъ, мановеніемъ не протестуя противъ него!? Какія черныя пятна должны выступить на тѣлѣ тѣхъ журналистовъ, которые денно и нощно пекутся объ этомъ ангельскомъ

учрежденіи, охраняютъ, патетически защищаютъ его, поставляютъ ему жертвъ тайными и явными доносами и частенько, якобы запмообразно, выхватываютъ деньженки изъ него!? Краска стыда, отчаянья должна броситься въ лицо каждаго порядочнаго человѣка при мысли, что онъ русскій!!...

Разговоръ о реформахъ въ одномъ мѣстѣ принимаетъ такой пикантный характеръ, что было бы литературнымъ преступленіемъ не выписать его. Пусть юноши заучатъ выписанное мѣсто и повторяютъ его рядомъ съ молитвою: „Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его.“

Чиновникъ III отдѣленія говоритъ:

„Въ прежнее время объектъ воздаянія не выслушивался, не приносилъ оправданій, чаще всего даже не зналъ, что объ немъ идетъ рѣчь. Онъ разработывался исключительно съ отвлеченной точки зрѣнія. Дѣло начиналось, созрѣвало и округлялось само собой, независимо отъ объекта и безо всякаго вниманія къ тому, что онъ долженъ былъ ощущать, вслѣдствіе этого созрѣванія и округленія. Наблюдалось, чтобы всѣ отвѣты были получены, всѣ справки собраны, и когда являлась увѣренность, что надлежащее округленіе достигнуто... фюить: все происходило, какъ въ сонномъ видѣніи...

„Не меньшею фантастичностью отличались отношенія самихъ дѣлопроизводителей къ принятымъ ими на себя обязанностямъ по сему предмету. Они исполняли эти обязанности безъ всякой руководящей нити, почти, автоматически. Они не понимали, что можетъ быть и очень больно, и умѣренно больно, и просто больно; что хотя все это стадіи одного и того же принципа воздаянія, но стадіи, находящіяся въ значительномъ другъ отъ друга отдаленіи и потому требующія очень осторожнаго, очень тонкаго примѣненія. Они не различали бытія отъ небытія и потому съ неумѣстной расточительностью прописывали небытіе даже въ тѣхъ случаяхъ, когда достаточно было удовлетвориться лишь болѣе или менѣе легкимъ ограниченіемъ бытія. Прописать небытіе казалось легче, проще — вотъ оно и прописывалось. Словомъ сказать: ихъ отношеніе къ дѣлу было столь же неосмысленно, какъ и самаго объекта. И первые и послѣдній являлись орудіями и жертвой мрачнаго канцелярскаго фатума, который несся, какъ смерчъ, одинаково давя на пути своемъ и орудія, и жертву.

„Не такъ ли? Вѣдь правда? Правду я говорю?

„ — Да, но ты забываешь, что орудія, все таки получали присвоенное имъ штатами содержіе, тогда какъ объектъ пользовался только правами и преимуществами, проистекающими изъ слова: ф ю и т ь“!

Жертвамъ, перешедшимъ изъ бытія въ небытіе, подъ давленіемъ мрачнаго, канцелярскаго фатума, счетъ давнымъ давно утерянъ; канцелярскій смерчъ закрутилъ и унесъ много, много свѣтлыхъ личностей!

Мнѣ кажется, что авторъ сдѣлалъ фальшивую ноту, назвавъ одинъ изъ департаментовъ III отдѣленія депар-

таментомъ „вздоховъ“. Нужно быть вѣрнымъ національному духу; департаментъ „вздоховъ“ носитъ на себѣ нѣсколько южный, итальянскій колоритъ, венеціанскій „Мостъ вздоховъ“ возникаетъ въ воображеніи. Посмотрите на Москву, „градъ сердечный, коренной Россіи градъ!“ Сколько тамъ разсыпано въ переулкахъ, улицахъ сокровищъ для сравненія: „Смердячій, Мертвый, Песій переулки, Гробовая, Гнилая улицы, Живодерка, Колесовка, Ножевка, Дригаловка, Бѣшенка“ и проч., и проч.

Но пора, наконецъ, отдохнуть на славянскомъ вопросѣ. Я нѣсколько разъ заявлялъ очень мрачные, дисгармонирующіе взгляды на это величавое движеніе, но для укрѣпленія себя въ позиціи, сошлюсь на Щедрина: онъ вращался въ тѣхъ кружкахъ, гдѣ славянскій вопросъ возведенъ былъ въ „перлъ созданія,“ раздирающія впечатлѣнія онъ вынесъ изъ общаго взбаломошнаго возбужденія, фривольныя картинки сіяютъ кругомъ. Международныя соломенныя дамочки, слѣсшія съ модныхъ картинокъ, въ присутствіи публики, солдатикамъ раночки перевязываютъ, чайкомъ съ блюдечка ихъ поятъ, французско-нижегородскимъ языкомъ чувства свои, во всеуслышаніе, описываютъ. Бонтонныя дамочки о „гирлахъ, проливахъ“ бесѣду вели, завоевать ихъ немедленно требовали; Турцію съ карты европейской сносили; по свистку шкатулочки земскія отпирались, крестьянскіе грошики на утѣхи комитетскія спускались; Грегуары, Сержи, Левушки стерлядями, осетрами, съ воинственнымъ пыломъ, обжирались, шампанскимъ опивались, славянскимъ вопросомъ жуировали. Балалайкины тухлую кильку, гнилую махорку, съ жаромъ патріотическимъ, въ армію доставляли, капиталы себѣ въ мигъ наживали, уваженіе, поклоненіе себѣ стяжали. Международныя дамочки маіора турецкаго шампанскимъ поили, ложе ему розами усыпали, дурнымъ словамъ учили. Купчины, для всеславнаго трезвона, колокола для Болгаріи отливали.

Отбросимъ въ сторону, нещадящаго грандіозныхъ чувствъ, коварнаго сатирика, изъ тьмы поднимемся въ область свѣта! У насъ есть реформаторы, защитники свободы, друзья человѣчества: у насъ былъ и только недавно сплылъ кн. Черкасскій, онъ русскую свободу вводилъ въ Болгарію, турецкое иго предавалъ забвенію.

Мудро и несложно было правленіе нашего краснаго цирюльника-реформатора: онъ отмѣнилъ десятину и перепоролъ нещадно всѣхъ, радостно принявшихъ реформу; на слѣдующій день онъ наложилъ налогъ, равный двумъ десятинамъ и перепоролъ нещадно всѣхъ, печально принявшихъ реформу; говорилъ онъ розгами, писалъ декреты розгами, жаловалъ, миловалъ розгами, вводилъ и выводилъ воинъ реформы розгами; не зная славянскаго языка, онъ ввелъ общепонятный, универсальный, музыкальный языкъ: языкъ розогъ! Имя покойника записано кровавыми буквами на болгарскихъ задахъ; заклеймено надолго имя русскаго краснаго реформатора на скрижаляхъ. Надорвавъ здоровье порками, кн. Черкасскій потекъ въ С.-Стефано, предложить свои услуги для просвѣтленія турокъ, для скорѣйшаго замиренія, но изнемогъ и умеръ. На скромномъ памятникѣ, его еще очень свѣжей, могилы, признательное потомство начертитъ:

Покойникъ, князь Черкасскій, свободу, розги
Въ высшей степени любилъ, всюду ихъ бѣшенно вводилъ.

Всемогущій Аллахъ! Что за притча! за что намъ отрыгнулась такъ пышно николаевщина, ужъ не за патріотическое ли участіе въ славянскомъ вопросѣ?? Черкасскій поретъ, Треповъ поретъ, Крыжановскій поретъ, и сколько еще разбросано по оазисамъ русскимъ неоцѣненныхъ, неузнанныхъ героевъ палки, кнута! Предсмертный ли это румянецъ чахоточнаго или же здоровый румянецъ, вернувшейся къ намъ прежней, славной юности?

Но поднимемся еще выше, въ свѣтозарные чертоги Олимпа, отпаримъ душу нашу взглядомъ на скромный домикъ „трясущагося студня“ въ Горномъ Студенѣ. Незнакомецъ въ *Новомъ Времени* описалъ намъ диво дивное, чертогъ аскетизма царскаго! слезы навертывались при описаніи домика о двухъ комнатахъ. Незнакомецъ (скажи намъ имя свое для запечатлѣнія на скрижаляхъ) захлебывался, разсказывая, доказывая, что монархъ спалъ въ одной комнатѣ, а не разомъ въ десяти; ѣлъ въ одной столовой, а не разомъ въ десяти; писалъ на одномъ столѣ (да писалъ ли?), а не разомъ на двадцати! Уютно спалось въ этомъ домикѣ, славно

ѣлось въ небольшой, свѣтлой столовой! разнообразныя водки, закуски сервировались; замороженное въ льдахъ балканскихъ шампанское разливнымъ моремъ лилось; стерляди, осетры чрезмѣрные подавались; сербскія, болгарскія филеи кровью розовою сочились; студни янтарные пожирались; подвиги классическаго самоотверженія ежесекундно разыгрывались. По вечерамъ Мезенцевъ страшныя и интересныя сказки про соціалистовъ разсказывалъ, новыя пещеры, прохладные гроты для нихъ придумывалъ, въ часы ночные конституцію созидалъ, изъ тьмы ее вызывалъ.

Проходъ Шибкинскій не охранялся, благополучные проходы пищи по кишкамъ царственнымъ воинственною арміею охранялись.

Рядомъ, на поляхъ сраженія, солдатикамъ уютно жилось подъ тучками небесными; весело свѣжепькіе червячки въ заплѣснѣвѣлыхъ сухаряхъ кишали, въ солдатскихъ кишкахъ переваривались!!

Въ январѣ мѣсяцѣ, лежа на прохладной землицѣ, съ вывороченными кишками, оторванными членами, размозженными головами, плѣнительный кейфъ справляли солдатики. Истерзанныхъ, израненныхъ, большими кучками, ихъ складывали и на таратайкахъ, въ молодецкихъ шинелькахъ, въ снѣжныя мятели, перевозили. Слезами, кровью обливались сердца солдатскія, когда на ихъ застывающія тѣла вѣшали георгіевскія цацачки. Много было у насъ разноцвѣтныхъ орденскихъ ленточекъ и очень мало для ранъ тряпочекъ!!...

Удивили мы міръ нашими подвигами! Мы брали голыми руками неприступныя крѣпости, стрѣляли углемъ, вмѣсто пороха, брали приступомъ то, что берется голодомъ; клали десятки тысячъ тамъ, гдѣ было свирѣпымъ преступленіемъ положить одного человѣка!

Побѣдоносныя арміи у насъ питались червивою плѣсенью и, не смотря на это, милліоны каждый день улетали.

Мы геройски освобождали народы и геройски, въ потьмахъ, своихъ замучивали!!

Великій помпадуръ II, открой мнѣ, какимъ образомъ умудрялся ты, въ одно время, освобождать чужія націи и чинить цѣпь для своей несчастной, рабской родины,

ужасаться свирѣпствамъ въ Болгаріи и умиляться надъ собственными; вести войну съ турками и еще болѣе ужасную — съ лучшими сынами твоей родины!?

Турецкій султанъ далъ конституцію странѣ, которая считалась, считается на три четверти разложившеюся. Ты же, русскій султанъ, ничего не далъ и обрекъ націю на обгладываніе твоихъ залежалыхъ объѣдковъ! Турецкій султанъ отказался отъ сумасшедшихъ правъ въ пользу родины, ты, даже въ тяжкую годину народныхъ бѣдствій, не отказался ни отъ одного! Нищій труженникъ-крестьянинъ, по твоему повелѣнію, несъ послѣдній грошъ на войну, ты же припрятывалъ милліоны въ иностранные банки и не пожертвовалъ ничѣмъ! Азіатское правительство блестяще опередило тебя, великаго реформатора! На цѣлой половинѣ земного шара остались два самодержца: персидскій шахъ и ты! Заведи оффиціальный гаремъ, неоффиціальный ты уже давно завелъ; только эта ничтожная формальность раздѣляетъ тебя съ шахомъ! Долой стѣсняющіе брюки, облачись въ широкіе шаровары; окутай чресла персидскою шалью, теплота будетъ полезна твоему, въ конецъ испорченному, желудку. Скорѣй долой тѣсный, глупый мундиръ и напяль на себя мусульманскую кофту! Брось негодныя церемоніи, ложный стыдъ передъ цивилизаціею; незамучивай нестерпимо медленно тысячи юношей, сажай ихъ прямо на колъ, руби имъ тупыми тесаками головы и прицѣпливай ихъ за волосы, для устрашенія, къ твоему дворцу! Будь логиченъ, пойми, что все это пустяки, весь фокусъ не въ колахъ и рубленныхъ головахъ, а въ самодержавіи! оно носитъ въ себѣ разнообразнѣйшія возможности! Ты конфузишься, а какой нибудь абиссинскій самодержецъ не конфузится; конфузливость — чувство не устойчивое!...

Что же касается до выматыванія сухожилій изъ народа, то твое 23-лѣтнее царствованіе ясно показало, что ты давно перещеголялъ удавленнаго султана, персидскаго шаха, абиссинскаго царя; имъ также далеко до тебя, какъ мусульманской блѣдной, ущербленной лунѣ до православнаго яснаго солнышка! По части высасыванія ты взялъ у нихъ все, добытое ими, по этой части, у древнихъ цивилизацій, и взялъ всѣ утонченные, вновь открытые способы у западныхъ сосѣдей;

нашлись труженники, дивно сочетавшіе древнѣйшіе способы съ новѣйшими, и ты по азіатски воспользовался ихъ смѣлыми выводами!

. . . . . .

Но гдѣ же наконецъ свѣтъ? неужели ни одинъ лучъ не сверкнулъ среди темнаго царства? неужели абсолютный мракъ? Спѣшу успокоить тебя, читатель: въ природѣ нѣтъ абсолютнаго мрака, какъ нѣтъ абсолютнаго покоя, абсолютнаго холода; 70 градусовъ холода — очень неумѣренная температура, но при 70 градусахъ холода углекислота кипитъ. Громадно темно вокругъ насъ, полярнымъ холодомъ вѣетъ, и, несмотря на это, есть уголки, гдѣ брезжитъ свѣтъ, кипитъ жизнь. Когда же загорится свѣтлая заря жизни, мы не знаемъ!...

Мартъ 1878 года.

Александръ II Освободитель

Самовластительный злодѣй
Тебя, твой родъ я ненавижу,
Твою погибель, смерть дѣтей
Я съ злобной радостью увижу...
Читаютъ на твоемъ челѣ
Печать проклятія народы:
Ты ужасъ неба, срамъ природы,
Упрекъ ты Богу на землѣ.

„Ода на свободу“ А. Пушкина

Исторія — каторга въ наше время.

В. Гюго.

...Надгробное рыданіе
По людямъ убіеннымъ за родину,
За любовь къ волѣ человѣческой.

Н. Огаревъ.

Николай I, всходя на престолъ, тотчасъ же употребилъ всѣ зависящія отъ него средства — сдѣлаться „незабвеннымъ.“ Онъ повѣсилъ пять декабристовъ, остальныхъ сослалъ въ Сибирь, но на каторгѣ онъ не тиранилъ своихъ беззащитныхъ жертвъ. Генералъ-губернаторъ Сибири Муравьевъ Амурскій, давшій имъ возможную свободу, боялся отвѣтственности, но къ великому удивленію, услыхалъ отъ Николая слѣдующія, удивительныя слова: „Я для примѣра долженъ былъ къ нимъ отнестись строго, но я не хочу ихъ карать теперь: они и такъ наказаны,“

Николай сослалъ (навѣрное тоже для примѣра) на десятилѣтнюю каторгу кружокъ Петрашевскаго за проникновеніе идеями Фурье, Кабе и за прочтеніе вслухъ письма Бѣлинскаго къ Гоголю.

Николай носилъ на могучихъ плечахъ незабвеннѣйшую мѣдную голову; мѣдь, изъ которой была отлита голова, годилась, бы по звонкости, упругости звука и прочимъ качествамъ, не для трона, но для лучшаго колокола, лучшей церкви первопрестольной столицы нашей Москвы. Онъ вѣровалъ очень искренно, что самодержавіе, подъ ручку съ православіемъ, окруженныя

дремучими лѣсами розогъ, могутъ спасти дорогое отечество. Онъ гналъ сквозь строй всю Россію. Путь самодержавнаго прогресса былъ усѣянъ отрепанными пучками розогъ, былъ вспрыснуть кровью отечественныхъ задовъ. Никогда не разсуждающій солдатъ, онъ стремился сдѣлать 80 милліонное царство неразсуждающимъ солдатомъ. Идеалъ Николая былъ такой же мѣдный, выполированный, какъ его голова. Раскруглый невѣжда, не прочитавшій во всю жизнь ни одной книжки, онъ съ остервенѣніемъ гналъ литературу; литература и декабристы были для него синонимами. Цѣлый день онъ носился на борзомъ конѣ, и его уста гремѣли: „Благодарю, ребята!“ „молодцы!“ „хорошо!“ Или же изъ царственныхъ устъ, какъ изъ жерла Везувія, вырывались шипѣнія, клокотанія, сѣрные пары, дымъ; за ними, немедленно, слѣдовали разрушительныя сотрясенія: у виновныхъ очень тщательно отдирали мясо отъ костей; они прогуливались между тысячами солдатъ, вооруженныхъ прутьями.

Севастопольская война обрушилась грозою на главу мѣднаго всадника; въ нѣсколько лѣтъ идеалъ, не смотря на его металлическія свойства, разлетѣлся безъ остатковъ; самодержавіе, православіе узрѣли себя заплеванными. Не удалось спасти отечество острогами, крѣпостями, рабствомъ, кнутами, III отдѣленіемъ, цензурами, закрытіями университетовъ. Царское „быть по сему“ не привело ровно ни къ чему...

Мѣдный всадникъ проигралъ всѣ ставки и очень вѣжливо попросилъ своего домашняго врача угостить его ядомъ... неоцѣненный домашній врачъ угостилъ, и мѣдная голова покоится въ металлическомъ саркофагѣ, въ назиданіе потомству.

Суровый приговоръ изрекла надъ опочившимъ, очнувшаяся отъ безконечныхъ порокъ Россія. Отовсюду зашумѣли голоса: „Брандмейстеръ!“ „Висѣльникъ!“ „Экзекуторъ!“ „Царственный чурбанъ!“ „Третьеотдѣленскій сыщикъ!“ И много, очень много еще болѣе лестныхъ, игривыхъ, совершенно нецензурныхъ кличекъ и выраженій. Зашумѣвшіе вѣрноподданные ясно показали. что нельзя очень пристраститься къ вѣчному лежанію на скамьѣ, подъ розгами...

Не по кровавымъ ступенямъ, но по роскошнымъ, бархатнымъ коврамъ, взошелъ на опозоренный тронъ Александръ II — освободитель. Насколько глазныя железы Николая были дѣвственно упруги, свѣжи, настолько глазныя железы сына оказались рыхлы и расположены къ катарральнымъ истеченіямъ. Это удивительное въ домѣ Романовыхъ устройство желѣзокъ предрекало славное, сентиментальное царствованіе. Новый монархъ, еще до трона, чувствовалъ позывъ къ вину, клубничкѣ и реформамъ, съ тою разницею, что реформы онъ любилъ умѣренныя, пьянство, питаніе клубничкой — необузданныя. Новый царь зашалилъ реформами. Царь, правительство — что очень рѣдко случается — занялись ариѳметическими выкладками: „гораздо лучше — разсуждали они — освободить крестьянъ, оставивъ ихъ голыми-нищими, сбывъ имъ по дорогой цѣнѣ негодную землю, чѣмъ дожидать той благословенной минуты, когда они съ дрекольями, ножами въ рукахъ перебьютъ, перерѣжутъ всю опору государственную, лучшихъ хранителей трона. Гораздо пріятнѣе, на видъ благообразнѣе грабить Россію, съ широкимъ участіемъ безсловеснаго земства, чѣмъ съ помощью чиновниковъ, которые черезъ чуръ не забываютъ себя. Что же касается до суда надъ несчастнымъ Трифономъ или Стенаномъ, то не все ли равно, кто засудитъ ихъ, полиція или гласный судъ! Мы ровно ничего не проигрываемъ, но огромно выигрываемъ передъ державами и нашими несравненными вѣрноподданными. Но совсѣмъ другое, когда дѣло дойдетъ до обузданія нашего самодержавія, до отвѣтственности министровъ, таинственныхъ нашихъ владѣній въ III отдѣленіи — тутъ все пойдетъ по старому: съ политическими преступниками мы расправимся по своему; дѣло идетъ не о Россіи, а о нашемъ спокойствіи!... Мы закуемъ мысль въ стальныя цѣпи, запрячемъ ее подъ семь кованныхъ замковъ.“

Полилось шампанское, полились слезы, полились реформы!!...

Заликовали столбы государственные, узрѣвъ неизреченную глупость вѣрноподданныхъ. Отборные пискари, негодныя плотицы, тучами, виляя хвостиками, понеслись на царскую удочку... понеслись они даже не на червячка, а на хлѣбныя крошечки!... Заликовали подданные

отъ всеradостной мысли; что имъ позволили быть громадно глупыми... Сказочное время переживала святая родина: изъ Лондона (о, золотое время вѣры, довѣрія!) отправились письма къ императору и императрицѣ; идилліею дышали письма, въ нихъ говорилось о широкихъ реформахъ, великомъ царскомъ предназначеніи. Государь прочелъ письма, омочилъ ихъ катарральною слезинкою. Если сердца грозныхъ агитаторовъ на время смягчились, то до какого размягченія дошли сердца патріотическія, — ни разсказать, ни перомъ ни описать!.. Дорогая Русь!! Неисчерпаемыя залежи безкорыстнаго, задушевнаго холопства таятся въ нѣдрахъ твоихъ, ничто передъ ними твои желѣзные рудники, серебро, золото, даже крохами кажутся массы зернового хлѣба, выпускаемые тобою въ далекіе края!... Но отрезвѣли ли послѣ хамскаго угара отечественныя мирныя стада?.. Послѣ кабачныхъ пиршествъ заскребли ли у нихъ кошки на сердцѣ?... Поняли ли малолѣтніе патріоты, что безжалостно нагло дурачили ихъ реформишками, что и не снилось никому обновлять націю? Все велось и свелось на гумозные пластыри, клистиры съ мыломъ, кровочистительное... Закипѣло ли въ ихъ душахъ неукротимое негодованіе, когда злодѣйства начали смѣняться злодѣйствами, идя кресчендо!?.. Нѣтъ! патріотическое большинство до настоящей минуты валяется, угорѣлое, въ ногахъ царскихъ; рабы ползаютъ, съ чадомъ въ головѣ, по полу и бормочутъ безсмысленныя слова: „мягкая, гуманная личность," „все несчастіе въ слабохарактерности," „онъ сбиваемъ съ толку придворными," „его запугиваютъ," „его нервы въ конецъ разстроены!" Эти фразы — не выдумка, ихъ слышалъ сотни разъ каждый. Разберемъ летучія характеристики: „мягкая личность." И несмотря на это, она подмахиваетъ сотни злодѣйскихъ приговоровъ!.. Я не помню ни одного случая, гдѣ бы царствующая мегера смягчила приговоръ. Если было возможно, онъ усиливалъ приговоръ; въ послѣднихъ политическихъ процессахъ онъ воспользовался святымъ правомъ миловать и перемѣнилъ разстрѣляніе на висѣлицу... „Все несчастіе въ слабохарактерности." Когда дѣло идетъ о широкихъ реформахъ, — онъ нерѣшителенъ; когда дѣло зайдетъ о грабящихъ, куралесящихъ министрахъ, о разбойничающихъ Мура-

вьевыхъ, Дрянкиныхъ, ворующихъ Митрофаніяхъ, Ландау, Овсяниковыхъ, онъ слабохарактеренъ, но когда дѣло коснется Каракозова, Нечаева, тайной пропаганды — онъ черезъ чуръ характеренъ!!... „Онъ сбиваемъ съ толку придворными.“ Если такъ, то зачѣмъ эта пѣшка, этотъ пигмей называется самодержцемъ? Зачѣмъ пассивному, рыхлому ничтожеству — царю-тряпью выдаютъ 30 милліоновъ ежегоднаго содержанія!? „Его запугиваютъ, у него нервы въ конецъ разстроены.“ Въ такомъ случаѣ, на что нуженъ Россіи ребенокъ, боящійся сказокъ, кричащій отъ нихъ во снѣ? Русскій тронъ не лазаретная постель. Сдайтэ въ богадѣльню выжившаго изъ ума стараго, запуганнаго, неизлѣчимо больного ребенка. Самодержавные, разстроенные нервы разстроили въ конецъ всю Россію, въ конецъ здоровье тысячъ молодыхъ людей!!.,.

Поверхностный, чуть прикасающійся къ предмету обзоръ покажетъ господамъ-патріотамъ, что Алексан. II отличается тѣмъ старушечьимъ, мелкимъ, черствымъ звѣрствомъ, передъ которымъ блѣднѣютъ размашистыя, идіотскія звѣрства Николая. Александръ II — достойная копія съ своего наставника, Якова Ростовцева. Ростовцевъ запарывалъ до смерти несчастныхъ кадетъ, и въ то время, когда ручьи крови лились изъ жертвы, раздавались хриплые, затихающіе стоны, онъ горько плакалъ и говорилъ: „Мнѣ жаль тебя, но я исполняю долгъ мой.“ Николаевскія злодѣйства не замаскировывались такъ тщательно, не закутывались игрою въ судъ, не заговаривались адвокатами, не замазывались отводящими глаза подачками, смертельный ядъ не подслащивался! Во времена Николая слѣпой произволъ душилъ и не кривлялся передъ жертвою. Въ царствованіе Александра слѣпой произволъ, запустивъ раскаленныя до бѣла щипцы во внутренность жертвы, рветъ, жжетъ все внутри и, благолѣпно улыбаясь, сладко лепечетъ о печальной необходимости. Только сотая часть злодѣйствъ свершается откровенно, напрямикъ, — все остальное мерзко, до безумія жестоко — во мракѣ. Молодежь не такъ часто, какъ многіе думаютъ, умираетъ по тюрьмамъ; но за мѣсяцъ, недѣлю до смерти, несчастнаго юношу выпускаютъ умирать на свой счетъ; за часъ до смерти его легкія впиваютъ свѣжій воздухъ. Молодежь

додерживаютъ въ каменныхъ гробахъ крѣпостей до яркихъ признаковъ сумасшествія и, во избѣжаніе скандала, выпускаютъ съ ума сходить на свободѣ, въ своей семьѣ. Людей ни въ чемъ неповинныхъ, но смѣющихъ быть знакомыми съ опасными людьми, сдаютъ подъ присмотръ полиціи, подвергаютъ административнымъ высылкамъ; подвергнувшіеся этой невинной процедурѣ, обречены на тихое угасаніе въ пустынныхъ дебряхъ, безъ книгъ, средствъ, людей, съ строгимъ запрещеніемъ добывать средства къ жизни; если административная жертва — докторъ, онъ не имѣетъ права лечить; учитель, онъ не имѣетъ права давать уроковъ. Но если онъ самъ не имѣетъ ровно никакихъ правъ, то за то всѣ, до послѣдняго солдата, жандарма имѣютъ надъ нимъ права безъ границъ. Въ медленной, нестерпимо мучительной агоніи погибаетъ молодая, полная огня, силы жизнь; но этотъ родъ гибели — сравнительное блаженство, то удѣлъ слегка заподозрѣнныхъ, ни въ чемъ не уличенныхъ личностей.

Я не стану разсказывать о поразившихъ Европу чумныхъ опустошеніяхъ, произведенныхъ во время польскаго возстанія; на бѣдную страну была напущена сѣдая гіена. Во время разгара вѣшанія, Муравьевъ получилъ отъ Александра только одно знаменательное слово: „свирѣпствуйте...“ (sévissez). Я не стану говорить о заѣданіи цѣлыхъ племенъ на Кавказѣ, нѣтъ! я приблизительно подведу итогъ роднымъ намъ по плоти, крови жертвамъ. Польскую висѣлицу силились оправдать необходимостью, — домашнія злодѣянія оправдать нечѣмъ. Нашъ царь, правительство не люди, но вороны, питающіяся падлою...

Въ 1861 году злодѣйства въ селѣ „Бездны.“ — Крестьяне послѣ удивительнаго освобожденія, ясно почувствовали, что имъ дарована завидная свобода умпрать съ голода, холода, на отведенныхъ имъ, по очень дорогой цѣнѣ, пескахъ и мѣлѣ. Во многихъ мѣстахъ, гдѣ мѣлъ, песокъ оказались очень безукоризненными, крестьяне начали волноваться; во время подобныхъ волненій являются, обыкновенно, вдохновенныя, великія личности, воплощающія въ себѣ завѣтныя мечты, желанія народа, способныя геройски умереть за народъ. Океанъ во время страшныхъ бурь, часто, говорятъ, выбрасыва-

етъ драгоцѣнныя жемчужины. Въ Казанской губерніи, Спасскаго уѣзда, селѣ Безднѣ, крестьянинъ Антонъ Петровъ утверждалъ, что обнародованный манифестъ фальшивый; говорилъ, что земля принадлежитъ крестьянину, что пришелъ желанный конецъ страшнымъ податямъ и рабству. Только что извѣстіе объ этихъ воззрѣніяхъ дошло до Казани, предержащая власть напустила на село Бездну убійцу — графа Апраксина съ ротою днѣпровскаго полка. Апраксинъ принадлежалъ къ тѣмъ незатейливымъ людямъ, которые подъ словомъ усмиреніе подразумѣваютъ выворачиваніе внутренностей, сдираніе кожи; ихъ краснорѣчіе, правосудіе — штыки и пули. Апраксинъ, прибывъ въ Бездну, потребовалъ у собравшагося народа выдачи Антона Петрова; народъ отказался выдать своего заступника, говоря: „онъ добрый, тихій человѣкъ и стоитъ за правду.“ Апраксинъ рѣшилъ стрѣлять по народу, — Черезъ часъ все было кончено. Искалѣченные крестьяне валялись съ глухими стонами на площади. Во время разгара убійствъ, чтобы прекратить ихъ, Антонъ Петровъ самъ отдался въ руки изверговъ. 120 человѣкъ были убиты на повалъ, 72 человѣка умерли въ страшныхъ мукахъ отъ ранъ до прибытія врача; многіе изъ бѣжавшихъ отъ пуль, утонули, провалившись на льду. Врачъ пріѣхалъ черезъ три дня, но подать помощи не могъ: онъ забылъ хирургическіе инструменты, они прибыли черезъ двѣ недѣли... Полевой военный судъ приговорилъ Антона Петрова, за мечту о свободѣ, за свѣтлый взглядъ на царя, котораго онъ не считалъ способнымъ издавать обнародованный имъ манифестъ, къ разстрѣлянію; 12 пуль такъ были дурно направлены, что не могли убить истощеннаго, отъ природы слабаго человѣка; пуля въ упоръ покончила адскія муки. Александру по душѣ пришлась апраксинская расправа, онъ началъ входить во вкусъ: l'appetit vient en mangeant.

Въ томъ же году генералъ Дренякинъ въ Пензенской губерніи, усмиряя ничѣмъ не обнаруженное, но глубоко подозрѣваемое имъ волненіе, убилъ 9 человѣкъ, 28 тяжело ранилъ, 30 прогналъ сквозь строй и 22 человѣка сослалъ на поселеніе.

1875 году въ Чигиринскомъ уѣздѣ, Кіевской губерніи, 200 семействъ, послѣ ужасающихъ кровавыхъ по-

рокъ, были закованы въ кандалы и сосланы на поселеніе въ Сибирь. Все преступленіе крестьянъ заключалось въ томъ, что они не хотѣли брать въ надѣлъ, по огромной цѣнѣ, великолѣпныя песочныя розсыпи, не хотѣли, не смотря на штыки, признать чудный песокъ чуднымъ черноземомъ.

Не даромъ Александръ сказалъ московскому дворянству: „пусть лучше реформы идутъ сверху, чѣмъ снизу.“ Онъ правъ и способенъ въ рѣдкихъ случаяхъ быть даже логичнымъ (самосохраненіе—вещь великая!), для него и правительства лучше пули, штыки сверху, чѣмъ ножи, дреколья снизу. Что же дѣлать, если интересы воюющихъ сторонъ такъ фатально расходятся!

Въ 1861 году аресты и бойни студентовъ. — За невинный протестъ студентовъ петербургскаго университета противъ новыхъ стѣснительныхъ правилъ, университетъ былъ закрытъ; сотня молодыхъ людей была засажена въ Петропавловскую крѣпость, около 200 были перевезены въ Кронштадтскую. Московскіе студенты, возмущенные арестами и новыми правилами, послали депутатовъ къ своему попечителю, просить принять адресъ къ государю; попечитель не принялъ; они силою вошли въ профессорскую залу къ попечителю и заявили свои требованія. Ночью начались аресты. На слѣдующій день большая толпа студентовъ, узнавшая объ арестахъ, рѣшилась идти съ жалобой къ генералъ-губернатору; 200 человѣкъ пошли по Тверской улицѣ, но на площади, противъ дома генералъ-губернатора, произошло избіеніе: изъ засады на студентовъ бросились верхами жандармы, они хватали всѣхъ безъ различія, били, разбивали лица, волочили несчастныхъ по землѣ; одного студента удавили шарфомъ, другого ударили тесакомъ по головѣ, онъ упалъ замертво и былъ раздавленъ наѣхавшимъ жандармомъ. Пока шла ловля, плѣнныхъ загнали на большой дворъ Тверской части и, не смотря на морозъ, съ нихъ стащили шинели; они стыли голодные, рискуя жизнью, съ 11 часовъ утра до перваго часа ночи. На дворѣ произошли сцены такого свирѣпаго характера, что перестаешь довѣрять неотразимымъ документамъ, сохранившимся по этому дѣлу: жандармъ ударилъ больного, чрезвычайно слабаго студента въ лицо, разбилъ очки и стекла вошли въ глаза

несчастнаго; тесаками измяли грудь другому и полумертваго бросили на дворъ Тверской части, онъ умеръ вскорѣ въ клиникѣ, съ восемью другими избитыми, искалѣченными. Монарху-реформатору эти сцены показались недостаточно энергичными. Онъ приговорилъ десятки къ ссылкѣ въ отдаленныя губерніи. десятки—къ исключенію изъ университета, десятки отдалъ на забаву жандармеріи и полиціи. Наблюдательный человѣкъ могъ уже предвидѣть, что изъ этихъ сѣверныхъ, густо уродившихся цвѣточковъ, впослѣдствіи разовьются роскошные пунцовые плоды, въ родѣ избіенія на Казанской площади въ Петербургѣ въ 1876 году.

Въ 1863 году въ Казани, за распространеніе воззваній и ложнаго манифеста, были сначала выморены въ острогѣ, а потомъ разстрѣляны въ Подлужной слободѣ на площади: Иваницкій, Мрочекъ, Станкевичъ и французъ Кневичъ. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, на той же площади разстрѣлянъ, пойманный въ Польшѣ по тому же дѣлу, Чернякъ. Приговорены къ 15-ти лѣтней каторгѣ: Олехновецъ, Маевскій, Госцевичъ и Иванъ Орловъ; десятилѣтней каторгѣ—поручикъ Михаловъ, послѣ мучительнаго двухлѣтняго заключенія; къ 4-хъ лѣтней каторгѣ—Элпидинъ, Булгаковъ и проч...

Въ 1865 году сосланъ въ Сибирь на вѣчное поселеніе Серно-Соловьевичъ за сношеніе съ лондонскими изгнанниками и за пріютъ, данный Кельсіеву, во время его тайнаго пріѣзда въ Петербургъ. Дорогой въ Сибирь онъ заболѣлъ, но продолжалъ путь, часто падая отъ страшнаго изнеможенія; во время одного изъ паденій черезъ него переѣхала тройка, везшая ссыльныхъ. Онъ былъ свезенъ въ Иркутскую больницу и тамъ вскорѣ умеръ... Великій счастливецъ!!..

Въ 1866 году рядовой Невѣдомскій, за оскорбительныя слова противъ кроткаго, милостиваго монарха, приговоренъ къ семилѣтней каторгѣ.

Въ 1886 году Мосоловъ, Шатиловъ, Лебедянскій сосланы въ Сибирь на поселеніе за распространеніе никому невѣдомыхъ воззваній.

Въ 1866 году, 4 апрѣля карманный воришка изъ костромскихъ лѣсовъ помѣшалъ попасть въ царя. По дѣлу Каракозова во всѣхъ углахъ Россіи и въ столицахъ было привлечено къ допросу не менѣе пяти ты-

сячъ человѣкъ; полиція, жандармы носились, какъ бичи божьи, по столицамъ, врывались по ночамъ въ квартиры заподозрѣнныхъ, ломали полы, сдирали обои, потрошили мебель, остукивали съ спиритическимъ энтузіазмомъ потолки, стѣны, и такъ тщательно осматривали до гола раздѣтыхъ заподозрѣнныхъ, что имъ могли бы позавидовать лучшіе доктора (изслѣдованіе заднепроходней кишки они довели до послѣднихъ предѣловъ научнаго совершенства). Квартиры, по уходѣ полиціи, представляли тоже, что болгарская деревня послѣ башибузуковъ. Крѣпости, полиціи, тюрьмы были переполнены не только въ столицахъ, но и въ провинціяхъ. Очумѣлый, пьяный отъ польской крови Муравьевъ былъ назначенъ предсѣдателемъ живодерни. Осужденные подвергались безпощаднымъ униженіямъ, побоямъ; ихъ тиранили, моря голодомъ по гнилымъ подваламъ и ямамъ: ихъ не кормили, но ими откармливали клоповъ, вшей, блохъ; ихъ запутывали, сбивали на допросѣ, розыскивая, связывая фантастическія нити фантастическаго дѣла; доведеннымъ до полнаго отчаянія подсудимымъ грозили висѣлицами, вѣчною Сибирью. Сотни вышли съ неизлечимыми недугами, десятки съ зачатками сумасшествія. Какую мрачную жизнь ужаса, безконечнаго страданія пережили матери, отцы, сестры, братья заключенныхъ! Этому въ тиши пережитому страданію не суждено никогда вполнѣ обнаружиться; только глубоко страдавшій, глубокомыслящій человѣкъ можетъ подняться воображеніемъ до отдаленнаго пониманія этого страданія... Слезы, проклятія затаились, ушли внутрь жизни, но въ живой природѣ, какъ и въ мертвой, ничего не пропадаетъ безслѣдно!!..,

Къ вѣчной каторгѣ приговоренъ Ишутинъ, къ 20 лѣтней — Ермоловъ, Странденъ, Юрасовъ; 8-лѣтней — Николаевъ, 6-лѣтней — Загибаловъ, Шагановъ, Мотковъ; вѣчному поселенію въ Сибири — Худяковъ, Малининъ, Линкинъ, Александръ Ивановъ, Федосѣевъ, Марксъ, Маевскій, Шестаковъ, Лаунгаузъ и проч. Каракозовъ, пожираемый неизлѣчимыми болѣзнями еще до выстрѣла, былъ подвергнутъ пыткамъ: умирающаго человѣка драли розгами, били; закованному съ ногъ до головы въ цѣпи плевали въ лицо, и когда, затерзанный до послѣднихъ предѣловъ, онъ, чтобы какъ

можно скорѣе покончить съ собою, отказался отъ пищи, его питали клистирами; въ немъ искуственно поддерживали жизнь, чтобы страшнѣе истерзать, надѣясь выпытать обвиненія, признанія, но желѣзный человѣкъ, впадая въ безпамятство отъ мукъ, даже въ бреду не проговорился. Ненавистью, презрѣніемъ дышали его краткіе отвѣты; полуживой страдалецъ не сдался ни на секунду, не согнулся передъ лютыми палачами... Чуть шевелящіеся остатки приговорили къ висѣлицѣ. Александръ II расчеркнулся на смертномъ приговорѣ и, можетъ быть, — о, кровавая иронія! — даже оросилъ слезою приговоръ. Изглоданный трупъ вывѣсили на площади, въ урокъ грядущимъ великимъ безумцамъ.

Въ 1871 году дѣло Нечаева. — За посяганіе на государственный строй къ суду были привлечены сотни. Снова были пущены въ ходъ предварительные аресты, побои, замариваніе голодомъ, холодомъ, гнилымъ смрадомъ крѣпостей. Предварительное заключеніе вогнало большинство въ чахотку, первныя болѣзни. Чудовищные приговоры обрушились на главныхъ виновниковъ: Успенскаго, Прыжова, Кузнецова; 20-лѣтняя каторга, 20-лѣтняя крѣпость, вѣчное поселеніе. Громадное число безъ вѣсти запропастилось по невѣдомымъ угламъ нашего великаго пространствомъ отечества.

1872 г. былъ взятъ силою изъ Швейцаріи Нечаевъ; его считали способнымъ послѣдовать примѣру Каракозова съ тою разницею, что въ Нечаевской рукѣ предполагалось болѣе твердости, этого было достаточно, чтобы не пожалѣть никакихъ денегъ для подкупа, никакихъ интригъ, мерзостей, для поимки врага. Разыгралась надъ нимъ Каракозовская процедура: его сѣкли, били по щекамъ, тирапили день и ночь, и прочли приговоръ на площади, какъ надъ чернымъ убійцею. Отравленъ ли онъ? Затерзанъ? Убитъ?—Никто не знаетъ. У насъ нѣтъ для политическихъ жертвъ уголовныхъ законовъ, а физическіе: чѣмъ энергичнѣе виновный, тѣмъ энергичнѣе расправа.

Журнальные размѣры статьи не позволяютъ мнѣ входить въ надрывающія душу подробности; я буду говорить приблизительными цифрами, но пусть не забываетъ читатель ни на секунду, что каждое дѣло, какъ бы оно мало ни было, сопровождалось пашествіемъ

жандармскихъ, полицейскихъ иноплеменниковъ, битьемъ, ломаніемъ, обстукиваніемъ; физическіе, моральные недуги были удѣломъ большинства осужденныхъ; слезы матерей, женъ, отцевъ, братьевъ обливали каждое изъ этихъ дѣлъ. Муки. разбой, бѣшенное самоуправство стоятъ, неотразимо, за каждою цифрою,

1874 г. Дѣло Долгушина о пропагандѣ въ народѣ.— Послѣ двухлѣтней тюрьмы, сосланы на каторгу: Долгушинъ, Дмоховскій, Панинъ, Плотниковъ, Малиновскій. Едва живы Долгушинъ и Панинъ, остальные задохнулись въ зараженной атмосферѣ гнилыхъ подваловъ.

1876 г. 26 мая процессъ о распространеніи запрещенныхъ книгъ. Къ 9-лѣтней каторгѣ приговоренъ крестьянинъ Александръ Осиповъ.

1876 г. 23 сентября молодая дѣвушка, Александра Бутовская, за недоказанное обвиненіе въ распространеніи запрещенныхъ книгъ, сослана на 4-лѣтнюю каторгу.

1876 г. 6 декабря демонстрація на Казанской площади. — Жандармы, полиція избили до полусмерти тесаками болѣе тридцати совершенно невинныхъ личностей, бывшихъ при произнесеніи рѣчи въ соборѣ. Въ тюрьму ихъ вталкивали ударами въ грудь, голову, спину; дѣвушекъ били такъ же безжалостно, какъ и мужчинъ. Въ тюрьмѣ заключенныхъ топтали ногами. Въ числѣ убитыхъ, исковерканныхъ была беременная женщина, при послѣднихъ дняхъ. Нѣсколько человѣкъ приговорены къ 20-лѣтней каторгѣ (подробности можно найти въ любой русской газетѣ).

1877 г. въ мартѣ, процессъ пятидесяти осужденныхъ за революціонную пропаганду. Въ числѣ осужденныхъ — 15 дѣвушекъ и женщинъ отъ 15 до 25 лѣтъ. Къ 10-лѣтней каторгѣ приговорены 3 человѣка, 9-лѣтней каторгѣ 6 человѣкъ, 6-лѣтней — двѣ дѣвушки, 5-лѣтней — одинъ; остальные сосланы въ смирительные дома, крѣпости, въ дальнія губерніи.

Въ октябрѣ 1877 г. процессъ 192, тотъ процессъ, о которомъ газеты Европы выразились: „procès politique monstre.“ Болѣе двухъ тысячъ человѣкъ нѣсколько лѣтъ томились въ заключеніи, ожидая гибели. По мрачнымъ слухамъ, носящимся въ публикѣ, нѣсколько че-

ловѣкъ сошли съ ума, нѣсколько, за неимѣніемъ ничего въ рукахъ, зарѣзались разбитыми стаканами; одно время раскроетъ все!!...

На судъ нѣкоторыхъ подсудимыхъ приносили въ креслахъ, съ атрофированными членами; руки, ноги болтались, какъ плети; полумертвые, изнуренные, они оставляли ужасное впечатлѣніе на публику. Когда Мышкину во время его защитительной рѣчи жандармы начали рвать ротъ, душить его платкомъ, нѣсколько женщинъ упали въ обморокъ.

Къ удивленію процессъ кончился менѣе свирѣпо, чѣмъ остальные. Монархъ, слышавшій каждый день, во время пребыванія въ „Студнѣ," о героическомъ, самоотверженномъ поведеніи въ больницахъ молодыхъ дѣвушекъ, заподозрѣнныхъ въ нигилизмѣ, почувствовалъ, — что почти невѣроятно, — угрызеніе совѣсти. Только нѣсколько человѣкъ было сослано на каторгу; остальные, послѣ оправданія, замучиваются въ центральныхъ тюрьмахъ...

За процессомъ 192 наступаетъ переломъ. Невинно избиваемая молодежь стала искать спасенія въ кинжалѣ, револьверѣ. Осатанѣлые разбойники, бѣгающіе съ завязанными глазами, ножомъ въ рукахъ, рѣжущіе всѣхъ встрѣчныхъ, сами, наконецъ, натолкнулись на ножъ... Отчаяніе охватило несчастныхъ; запрещенная книга, найденная у подсудимаго, сулила три года тюрьмы до суда, и затѣмъ гибель въ замерзлой пустынѣ,.. Не только участіе, но и знакомство съ революціонерами — смерть въ тюрьмѣ.

Кинжалъ сталъ единственнымъ, логическимъ орудіемъ освобожденія.

Отъ февраля 1878 до декабря 79 г. свершились событія, оглушившія громомъ Европу, навѣки заклеймившія правительство освободителей клеймомъ каторжника. Они покрыли его позоромъ, кровью, которыхъ не смоютъ никакія очистительныя жертвы... Это тѣ пятна невинной крови, которыя вмѣстѣ съ кожей старалась стереть съ рукъ, въ ночномъ кошемарѣ, леди Макбетъ, говоря: „океаны чистой воды не смоютъ этихъ пятенъ, отъ нихъ волны заплещутъ кровавыя..."

Первый раздавшійся въ Россіи выстрѣлъ заставилъ Европу, забыть на нѣсколько дней славянскій вопросъ,

всѣхъ царей, дипломатовъ, всю политическую жизнь Европы.

Замученная по тюрьмамъ, молодая дѣвушка, узнавъ о страшномъ истязаніи розгами въ тюрьмѣ Боголюбова и видя индифферентизмъ не только въ правительствѣ, но и въ обществѣ, рѣшилась пожертвовать жизнью, показать, что Россія не сплошная могила, что нельзя безнаказанно затерзывать беззащитныхъ. Слабая дѣвушка, на нѣкоторое время, заставила Европу задуматься надъ нашимъ будущимъ. Французская радикальная пресса оцѣнила подвигъ великаго самоотверженія...

Душа дрогнула у присяжныхъ; не смотря на свои пожилые лѣта, консерватизмъ, они вынесли оправданіе Вѣрѣ Засуличъ. Держащіе въ рукахъ „громы земные“ сенаторы, министры, чуть не жандармскіе служители, охваченные всеобщимъ восторженнымъ движеніемъ, апплодировали праведному суду. Предсѣдатель ни на секунду не прервалъ адвоката, во время его безпощадной рѣчи, раскрывающей всѣ сказочныя преступленія, свершаемыя всюду безотвѣтственнымъ III отдѣленіемъ. Послѣ оправданія, жандармы опомнились, хотѣли силою взять Вѣру Засуличъ и задушить ее въ крѣпости, но молодежь отстояла ее, и студентъ Сидорадскій былъ убитъ жандармомъ.

Монархъ пришелъ въ ярость, поцѣловалъ тюремнаго палача и перевелъ его чиномъ выше въ Государственный Совѣтъ.

Получивъ оплеуху отъ суда и русскаго общества, онъ себѣ самъ далъ другую, болѣе звонкую, свершивъ этотъ незабвенный поступокъ.

При полномъ сіяніи дня, на многолюдной улицѣ, былъ убитъ япычаръ Мезенцевъ, другъ царя. Бывъ помощникомъ шефа жандармовъ, онъ былъ замѣшанъ въ громадномъ дѣлѣ Мясниковыхъ: о поддѣлкѣ духовнаго завѣщанія и векселей. Пользуясь своей неотвѣтвѣтственностью, онъ уморилъ въ крѣпости всѣхъ опасныхъ для него свидѣтелей дѣла. Въ другой странѣ онъ былъ бы сосланъ на вѣчныя галеры, у насъ онъ былъ вскорѣ пожалованъ въ шефы жандармовъ, и это логично: кто же — исключая каторжника — рѣшится взять эту должность, сберегающую „основы!“ Сухой, свирѣпый негодяй, солдатъ, невѣжда, убійца, воръ по

призванію, онъ затерзалъ по тюрьмамъ тысячи невинныхъ людей. Чудными строками охарактеризовалъ одинъ изъ мучениковъ своего палача:

Жизнію распутною всхоленный
Нашею кровью вспоенный
Жалости въ сердцѣ не вѣдавшій,
Пытки и казнь проповѣдавшій.

Шедшихъ дорогой тернистою
Мявшій стопою нечистою,
Въ страшной неравной борьбѣ,
Вѣчная память тебѣ.

Память позорная
Мысли гонителю,
Память укорная
Злому мучителю-

Земля и Воля, №1

Съ этой кровавой отмѣткой на мѣдномъ лбѣ, ты явишься, подлый злодѣй, передъ судомъ исторіи... Говоря объ убитомъ Мезенцевѣ, монархъ произнесъ знаменитыя слова: „скоро честному человѣку нельзя будетъ выйти на улицу...“

Ты правъ, повелитель правовѣрныхъ! мы желаемъ отъ всей души, чтобы честные люди, подобные тебѣ и Мезенцеву, не могли выходить на улицу, чтобы они лежали смирно въ своихъ гробахъ...

Но иностранцы не должны удивляться, что, говоря о второмъ царѣ русскаго царства, шефѣ жандармовъ, я указываю, что онъ поддѣлывалъ завѣщанія, векселя. Не только высшая административная сфера вся состоитъ изъ ненасытныхъ воровъ, которые въ послѣднее время выкрадываютъ себѣ, втихомолку, громадныя имѣнія въ Польшѣ, но и сама царская семья поражена до мозга костей этимъ плачевнымъ недугомъ. Константинъ Николаевичъ настолько извѣстный всему міру воръ, что о немъ странно говорить; онъ грабитъ не только желѣзныя дороги, пароходныя общества, флотъ, но и не брезгаетъ кабаками; сынъ его ободралъ бриллианты съ иконы, обчистилъ воръ столъ папаши. Подающій огромныя надежды воришка былъ сосланъ въ Ташкентъ усовершенствоваться.

Николай Николаевичъ, во время войны за освобожденіе славянъ отъ грабительства турокъ, ограбилъ армію.

Герои солдаты ѣли живыхъ червей, стрѣляли углемъ, вмѣсто пороха, валялись искалѣченные, покрытые ранами въ снѣгу, Николай Николаевичъ весело откладывалъ десятки милліоновъ на черный день, на бѣдность, и удѣлялъ довольно добросовѣстно незначительный процентъ своей дѣвкѣ. Константинъ и Николай Николаевичи числятся столбами на, которыхъ покоятся „основы семейства и собственности".

Монархъ, въ то время, когда ограбленная Россія жертвовала послѣднія лохмотья на войну, съ своихъ громадныхъ удѣловъ велѣлъ снять всѣ лежавшіе на нихъ государственные налоги. Онъ беретъ изъ государственнаго казначейства развязно, съ видомъ человѣка, творящаго благодѣянія, все, что ему вздумается; мало тридцати милліоновъ, возьметъ шестьдесятъ; неоткуда взять, попроситъ у европейскихъ банкировъ; съ презрительной усмѣшкой откажутъ — со злости выпуститъ нѣсколько сотъ милліоновъ бумажнаго навоза. Россія въ убыткѣ, онъ въ барышѣ; но Россія и существуетъ исключительно для того, чтобы терпѣть и быть въ убыткѣ. Всѣ, имѣющіе честь въ паспортахъ называться вѣрноподданными, — его безгласные холопы; ихъ кровавыя деньги — его деньги. И тотъ же самый монархъ день и ночь душитъ, душитъ молодежь по тюрьмамъ, увѣряя всѣхъ, что она шатаетъ собственность...

Въ Россіи принципъ, послѣдовательность — дикіе звуки, „значеніе ихъ темно и ничтожно". Нужно вспомнить, что самый ярый зищитникъ семейства, у насъ былъ шефъ жандармовъ Потаповъ. Эта весталка, въ борьбѣ за семейную добродѣтель, получила много ранъ и, несмотря на удивительныя дозы меркурія, а затѣмъ сѣрныя ванны, онѣ не проходили: затяжной сифилисъ палъ на мозгъ, „потухъ огонь на алтарѣ" и Потаповъ сошелъ съума; но, несмотря на это невинное обстоятельство, онъ, по слухамъ, продолжалъ бредить семействомъ.

Герои славянскаго освобожденія: Гурко, Тотлебенъ и пр. въ одинъ часъ, тотчасъ по полученіи приказа отъ барина, выродились въ персидскихъ сатраповъ, и, навѣрное, менѣе другихъ сознаютъ безуміе метаморфозы.

Ни одно семейство въ Россіи — разъ кто-нибудь изъ его членовъ не служитъ въ жандармеріи — не можетъ спать покойно, ожидая съ минуты на минуту ночного нападенія хранителей семейнаго очага; имъ даны ключи съ правомъ вязать и разрѣшать. Безграмотный солдатъ можетъ всякаго, кто ему не понравится, взять за шиворотъ и оттащить въ крѣпость, и пройдутъ долгіе мѣсяцы, пока догадаются, въ чемъ дѣло; недавно, въ Херсонѣ, урядникъ, живущій съ замужнею женщиною, недовольный тѣмъ, что мужъ ея взираетъ недостаточно снисходительно, въ одну скверную ночь свелъ его въ крѣпость, какъ политическаго преступника, и только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, случайно, узнали о заключенномъ мужѣ и, убѣдившись, что онъ невиненъ, какъ голубь, освободили, при чемъ не забыли сдѣлать уряднику выговоръ. Верховые и пѣшіе жандармы, шпіоны, палачи, на оффиціальномъ языкѣ называются спасителями семейства, хранителями государственныхъ основъ...

Убитъ во время веселаго возвращенія съ бала харьковскій губернаторъ Кропоткинъ, холопъ и палачъ. Во время его сатрапства, въ одну недѣлю скоропостижно умерло около двухсотъ политическихъ арестантовъ; онъ замучивалъ молодыхъ людей съ фанатическою жестокостью испанскаго инквизитора; перечень его мрачныхъ злодѣйствъ былъ напечатанъ тайною прессою и прибитъ на стѣнахъ улицъ въ Харьковѣ.

Убитъ жандармскій полковникъ за то, что морилъ голодомъ политическихъ жертвъ и безпощадно издѣвался надъ ихъ нестерпимыми муками,..

Раненъ прокуроръ Котляревскій, бѣшенный песъ, напущенный правительствомъ на политическихъ преступниковъ; за деньги, чины онъ ихъ обвинялъ съ пѣною у рта, требовалъ для нихъ вѣчной каторги.

Убиты въ Одессѣ, Таганрогѣ, Ростовѣ, Москвѣ и Петербургѣ 5 шпіоновъ.

Сдѣлано покушеніе на новаго шефа жандармовъ Дрентельна.

Въ Одессѣ нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ, молодыхъ людей, вооруженные револьверами, кинжалами, въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ защищались отъ

нападенія на ихъ квартиру, ночью, сотни жандармовъ.

Въ Кіевѣ нѣсколько дѣвушекъ, молодыхъ людей, вооруженные кинжалами, защищались отъ ватаги напавшихъ на ихъ квартиру, ночью, хранителей основъ.

Въ Харковѣ во время провоза политическаго преступника Ѳомина сдѣлана была попытка его освобожденія, съ оружіемъ въ рукахъ.

Въ Москвѣ, во время провоза политическихъ преступниковъ, студенты сдѣлали имъ овацію и были избиты до полусмерти нанятыми полиціей мясниками. Гармоническій союзъ: мясники изъ Ножовой линіи и правительство освободителей! Чудный каламбуръ, „разыгранный жизнію самой.“

При произнесеніи приговора надъ Ковальскимъ вооруженная толпа старалась его освободить.

Отыскано нѣсколько тайныхъ типографій. И наконецъ...

2 апрѣля Соловьевъ не попалъ въ царя. Ожирѣлый рыхлый трусъ до того одурѣлъ отъ страха, что, сталъ дѣлать фантастическіе прыжки, достойные балаганнаго гаера, и затѣмъ съ быстротою 12 верстъ въ часъ, на четверинкахъ, удостоилъ всемилостивѣйши прослѣдовать всю огромнную площадь и растянулся, весь огаженный, на осчастливленныхъ имъ ступеняхъ дома Горчакова. Мстительный злодѣй, трусъ, выместилъ свой страхъ, позоръ, на несчастномъ Соловьевѣ. Англійскія, французскія газеты съ очень лѣстными коментаріями печатали о пыткахъ въ войлочной комнатѣ, съ помощью электричества.

Когда я готовилъ статью въ печать, газеты со всѣми подробностями передавали событіе 1 декабря. Царскій поѣздъ былъ весьма неделикатно пріостановленъ Мининымъ Сухоруковымъ. Полчаса и случай спасли монарха. 4-ое страшное предостереженіе получаетъ мучитель молодежи. Давно ли висѣлицы, муки, новыя биткомъ набитыя центральныя тюрьмы, сатрапы, урядники, жандармы, дворники считались могучимъ талисманомъ, которымъ можно заговорить на вѣки святой гнѣвъ, кипящій въ груди у молодежи, заворожить въ ней человѣческія чувства. Не далѣе, какъ нѣсколько

дней назадъ казалось, что палачъ съ веревкою можетъ спасти царя и III отдѣленіе.

Иди далѣе, послѣдній хранитель абсолютизма! и хотя у тебя будетъ свертываться кровь въ жилахъ отъ страха, подкашиваться ноги, напряги послѣднія силы, порази, если можешь, міръ еще новыми ужасами, потанцуй, новый Блонденъ, еще разъ надъ сто-саженною пропастью на канатѣ, враги будутъ тебѣ горячо апплодировать! Иди быстрѣе, ты сходишь съ исторической сцены, и скользки стали облитыя кровью невинныхъ твои послѣднія ступени!!...

Не даромъ монархическія государства, какъ утопающіе за соломенку, цѣпляются за бога: они знаютъ, что когда умретъ Богъ на небѣ, за нимъ вслѣдъ умретъ послѣдній король на землѣ. Фантастическимъ будетъ казаться слѣдующимъ поколѣніямъ, что существовали нѣкогда жалкія, глупыя твари, обивающія себѣ лбы передъ чурбаномъ, выпачканнымъ святымъ міромъ, съ дурацкимъ колпакомъ на верху.

Русская молодежь смотритъ на своего помазанника, не болѣе и не менѣе, какъ на пьянаго, одурѣвшаго, очумѣвшаго злодѣя, какъ на невыносимо вредное, безконечно уродливое существо, каждый часъ жизни котораго—смерть, гибель лучшихъ людей Россіи, у которыхъ онъ, въ лучшее время жизни, не достоинъ былъ снять грязные сапоги.

Противъ этого вкравшагося въ душу воззрѣнія можно нагородить цѣлыя горы подлой галиматьи, но высказать хоть одно здравое слово—не представляется абсолютно ни малѣйшей возможности. Въ царя можно вѣрить, какъ вѣрятъ въ муроточивыя черепа, посы, зубы, молоко богородицы, но разсуждать о его божественныхъ качествахъ невозможно...

Видѣли ли Вы Александра II, самодержавнаго сыщика? если нѣтъ, приглядитесь внимательно къ его послѣдней карточкѣ: обвислыя щеки, мутные, злобные глаза испуганной кошки; выраженіе всего лица, какъ будто онъ напряженно прислушивается и слышитъ легкіе шаги террориста. „Магбетъ зарѣзалъ сонъ и отнынѣ уже никогда не спать Магбету.“ Онъ трясется по ночамъ; его возятъ по Россіи съ арміей солдатъ въ желѣзной клѣткѣ, какъ гориллу. Но 1-ое декабря

показало, что желѣзная клѣтка стала на положеніи броненосца, послѣ изобрѣтенія торпедъ. Логовище царя —Ливадія; сезоны перестали существовоть въ Крыму съ того момента, когда Александръ очутился тамъ въ мартѣ мѣсяцѣ; море охраняетъ его тамъ съ одной стороны, лѣса изъ жандармовъ, шпіоновъ съ остальныхъ; часъ суда уже давно пробилъ для него, порядочные люди — ихъ было такъ мало — отшатнулись отъ него, убійцы, воры приблизились: ему стоитъ свиснуть, и они поползутъ отъ него съ ножомъ въ рукахъ убивать перваго встрѣчнаго. Но союзъ съ убійцами не навѣваетъ сладкихъ сновидѣній, его безсонныя ночи, навѣрное, тревожитъ мысль, что они, такъ охотно выползающіе отъ него съ ножомъ въ рукахъ, могутъ такъ же охотно — кто больше дастъ — вползти къ нему съ тѣмъ же ножомъ въ рукахъ. Эта математическая выкладка была превосходно доказана Павломъ I.

Но не одни люди возстали противъ единственнаго на цѣлой половинѣ земнаго шара отживающаго абсолютнаго деспота. Въ Европѣ существуютъ теперь двѣ рѣдкости: зубръ въ Бѣловѣжской пущѣ и Александръ на русскомъ тронѣ. Противъ абсолютизма возстала сама стихійная природа; близорукіе люди не замѣчали этого натиска, нужно было встать всемогущей наукѣ, чтобы доказать это. Докторъ Якоби въ своемъ оригинальномъ трудѣ: *De l'hérédité et de la sélection chez l'homme**). который въ первомъ своемъ абрисѣ получилъ первую премію отъ Мадридской академіи, перелистывая исторію страницу за страницею, доказываетъ, что самодержцы не способны долго продолжать свой родъ, въ 4-омъ поколѣніи природа ихъ вышвыриваетъ за дверь; она увѣнчиваетъ ихъ идіотизмомъ или частенько короной venerіa. Сильный деспотъ начинаетъ свой родъ, отличаясь энергіей, умомъ; 4 поколѣніе того же деспота не способно плодиться—хотя мудрость не велика — они сходятъ съ огромной сцены, какъ освистанные актеры, въ тьму, неизвѣстность... Человѣкъ, воля котораго никогда не обуздывается, — искусственный сумасшедшій; эти выблядки природы слышатъ всю жизнь

*) Въ журналѣ Мадр. Мед. за 1877 г. France, 5 янв. 1879.

то, что слышалъ король Лиръ отъ своихъ придворныхъ „у меня не было волосъ на бородѣ, они уважали мои сѣдины“ „они мнѣ говорили и да и нѣтъ въ одно и то же время, они говорили, что я всесиленъ, а лихорадка сильнѣе меня.“ Дворцовая фабрикація царей ведетъ къ полному ослабленію умственныхъ силъ, воли. Искусственный сумасшедшій передаетъ свое сумасшествіе второму поколѣнію; оно его совершенствуетъ, натурализируетъ и затѣмъ 4 поколѣніе наслаждается благопріобрѣтеннымъ. Докторъ Якоби, въ самыхъ приличныхъ выраженіяхъ, доказываетъ брезгливость природы къ деспотамъ, ни на волосъ не вдается въ тенденціозность—зачѣмъ она ему—если выводы, и безъ того черезъ чуръ мрачные, даетъ безцеремонная наука?

Дарвинъ, доказывая происхожденіе человѣка отъ обезьяны, мало заботился о томъ, что это лохматенькое, неряшливое, циническое существо заставило кувыркомъ полетѣть библію, евангеліе, божественныя происхожденія, непорочное постное зачатіе, короны, аристократическіе гербы и у корня подрѣзало нашу таинственную душу, которой мы такъ непозволительно долго гордились, увѣряя цѣлыя тысячелѣтія, что Егова вручилъ ее намъ отдѣльно, обидѣвъ весь остальной великій животный міръ... О! великіе теологи, глубокіе философы, жалкая смерть ожидаетъ васъ; ваши боги погибли не въ борьбѣ съ титанами,—ихъ прихлопнула лохматая лапа обезьяны!!...

Въ настоящее время Россія, по приказанію полиціи, урядниковъ, предлагаетъ соорудить нѣчто грандіозное въ память 25-лѣтняго царствованія Александра II,—Освободителя жандармовъ, шпіоновъ. Если бы какимъ нибудь чудомъ можно было бы собрать всѣ черепа погибшихъ въ это мудреное царствованіе, сложить изъ нихъ пирамиду, я увѣренъ, что гнилая трясина, поддерживающая Петербургъ, не выдержала бы роковой тяжести; какой игрушкой передъ ней показались бы пирамиды изъ череповъ Тамерлана и Аттилы!

Послѣ выстрѣла въ царя начинается вальпургіева ночь деспотизма. Старую, рыхлую шкуру нужно было спасти во что бы то ни стало, хоть цѣною гибели цѣлаго молодого поколѣнія. Да здравствуетъ быкъ Навуходоносоръ и да погибнутъ люди! Ветхозавѣтная тьма

охватываетъ Россію со всѣхъ сторонъ. Университеты закрываются, народныя школы подавлены, онѣ замѣнены рѣчами съ кафедры Исаакіевскаго собора; земство отдано въ руки сатраповъ, жандармовъ; литература превращена въ публичный домъ; выброшенныя кости вырвали, съ пинками въ задъ, обратно, бросили въ навозную кучу. Суворины, Краевскіе, Катковы, съ кучею талантливыхъ прохвостовъ, паняты поденно III отдѣленіемъ съ приказомъ зарываться по уши въ навозную кучу. Литературныя проститутки сидятъ, ничего не дѣлая, въ тепломъ навозѣ, и дѣлаютъ видъ, что розыскиваютъ жемчужину; но день проходитъ за днемъ, и они, наконецъ, до того просочились вонью отъ падали, что имъ стало казаться — какъ солдату въ повѣсти Гейне, проспавшему въ навозѣ—что весь міръ воняетъ; они стали доказывать, что это и есть то благое провидѣніе, то великое предназначеніе Россіи, о которомъ ратовали славянофилы и еще такъ недавно Соловьевъ въ „Трехъ силахъ."

Все путается въ страшномъ хаосѣ: скачущіе урядники, дворники, жандармы, шпіоны, сатрапы, эшафоты; половина бюджета уходитъ на разбойниковъ, шпіоновъ; обнищавшая страна платитъ, подъ ударами вымоченныхъ въ соленомъ растворѣ розогъ, послѣдніе гроши на собственную гибель, на содержаніе безчисленныхъ палачей; они врываются по ночамъ всюду, хватаютъ сотнями; до суда десятки умираютъ отъ голода, холода, сырости, физическихъ и моральныхъ недуговъ; въ пять мѣсяцевъ 12 человѣкъ политическихъ преступниковъ повѣшено.

Семьсотъ самыхъ опасныхъ повезли хоронить на Сахалинъ дикій, ужасный ледяной островъ. Командиръ парохода писалъ сентиментальныя донесенія, и они, съ поразительною наивностью, перепечатывались нашею презрѣнною прессою; по его увѣренію, на пароходѣ царила пастушеская идиллія; преступники наслаждались комфортомъ, о которомъ не смѣютъ мечтать пассажиры I класса „Messagerie Nationale"; они принимали холодныя души во время жары, питались кровавыми ростбифами, пили водку, испанскія, французскія вина, спали ночью на палубѣ и нѣсколько разъ въ день распѣвали молитвы съ пароходнымъ по-

помъ, моля Бога, чтобы онъ осѣнилъ крыльями ангеловъ облагодѣтельствовавшаго ихъ, но, не смотря на это, страдающаго безсонницей монарха, лили слезы великаго покаянія всякій разъ, когда попъ, на сонъ грядущій, въ яркихъ краскахъ, подобно проповѣднику Исаакіевскаго собора, описывалъ моральныя страданія монарха въ борьбѣ съ терроризмомъ. Во время остановокъ преступники поочередно посѣщали кафе-шантаны и умилялись пѣніемъ, танцами арфистокъ, нѣкоторые приглашали ихъ къ себѣ любоваться луною...

Но прозаическая Англія разрушила быстро, пастушескую идиллію; пастушекъ, кроткіе барашки мгновенно исчезли въ чащѣ лѣсовъ... Заслуживающіе полнаго довѣрія корреспонденты „Times“ и другихъ очень солидныхъ журналовъ, въ одинъ голосъ заявили, что 700 человѣкъ политическихъ въ 45 градусовъ жары были брошены на дно парохода, въ смрадныя каюты въ цѣпяхъ, и что около 200 счастливцевъ кончили веселое путешествіе въ земной рай въ страшныхъ мукахъ.

Благородный голосъ раздался въ парламентѣ, онъ требовалъ суда надъ русскими башибузуками. При описаніи случившагося, были произнесены замѣчательныя слова: „ такія злодѣйства требуютъ отмщенія. “

Я закончу неслыханный мартирологъ неслыханнымъ происшествіемъ, которое извѣстно всей Европѣ, оно лучше тысячъ томовъ, памфлетовъ разъяснитъ тайну тайнъ нашей тюремной жизни; покажетъ, какая лучезарная жизнь выпала у насъ на долю тысячъ молодыхъ людей, смѣющихъ быть честными, свободными. Заподозрѣнный въ политическомъ дѣлѣ Сомовъ пробылъ до суда три года въ крѣпости; въ одинъ вечеръ онъ, связанный, приподнялся на стулѣ до лампы, снялъ зубами раскаленное стекло, зажегъ себѣ одежду, легъ на соломенный матрацъ и началъ, безъ стона, звука, зажариваться: онъ молчалъ, лежа на огненной постелѣ, боясь, что жандармы помѣшаютъ ему умереть. Почуявъ гарь, сбѣжалась стража тюрьмы и нашла его на половину обугленнымъ; изъ прозженнаго живота высовывались кишки. Послѣднія его слова, передъ

ужасною смертью, были: „жизнь политическаго преступника такъ страшна, что я нахожу, что смерть въ огнѣ есть самый пріятный выходъ изъ нея...“

Огненныя тучи сбираются надъ нашею головою, онѣ несутся съ зловѣщею быстротою, молніи прорѣзаютъ мглу, судъ народа близокъ, и судя потому, что свершается передъ нашими глазами, онъ будетъ безуменъ, безпощаденъ.

Насъ можетъ спасти только революція, иначе мы будемъ раздавлены натискомъ всей Европы; мы выпьемъ до дна горькую чашу, приготовленную абсолютизмомъ; съ нами поступятъ, какъ съ Турціей, и мы безсловесные, безсердечные, трусливые холопы заслуживаемъ этого вполнѣ...

Призываю тебя, святое мщеніе! Не медли, спаси мою родину, обрушься съ яростью, силою индѣйскаго урагана на этотъ невѣроятный, дикій міръ остервенѣлыхъ палачей; смѣшай ихъ кровь съ вонючею грязью, очисти невыносимо душную, чумную, могильную атмосферу русской жизни!...

Монархъ-мясникъ, заправлявшій бойнями, пальцемъ не шевельнувшій, чтобы остановить ихъ, по разсказамъ многихъ, склоненъ къ нѣжнымъ, семейнымъ чувствамъ, любимая тема сентиментальныхъ лакеевъ— любовь монарха къ своей дочери. Неужели у нѣжнаго папаши ни разу не мелькнула мысль, что у тысячъ несчастныхъ молодыхъ людей, приговоренныхъ къ страшной гибели, есть матери, отцы, жены, сестры, братья, друзья?... Одна слеза несчастнаго юноши для насъ дороже, значительнѣе цѣлыхъ ведеръ слезъ плаксиваго императора. Онъ за одинъ разъ слѣпо разилъ отцевъ и дѣтей, старое и молодое поколѣніе, — такое палачество скоро обратитъ консерваторовъ въ революціонеровъ! Неужели потому только, что его собственныя слезы текутъ изъ ослабѣвшихъ железокъ, онъ забылъ про настоящія слезы, текущія изъ святого источника любви? Чѣмъ оправдываются царь, правительство, закапывая тысячи людей живыхъ въ землю? дико выговорить — *печальною необходимостью!* Земля промокла кровью до центра черезъ эту удивительную, печальную необходимость. Загляните въ историческую тьму, въ дантовскій адъ прошедшаго — Тиберій, Не-

ронъ, Калигула, Эліогабалъ, Ричардъ III, Генрихъ VIII, Филиппъ II, Альба, Иннокентій III, Борджіо, Шахъ Надиръ, Іоаннъ Грозный, Павелъ, Николай и проч., и проч. Все это невинные продукты печальной необходимости! Если бы меня попросили изобразить въ аллегорическомъ образѣ „печальную необходимость“ я изобразилъ бы ее въ видѣ индѣйской богини Кали: все ея тѣло темносинее, ладони красныя — знакъ жажды крови; у нея четыре руки — двумя загребать жертвъ ей недостаточно; языкъ опухлый, виситъ до пояса — знакъ, что черезъ чуръ много сожрала жертвъ; къ ея поясу прикрѣплены невкусныя руки ея вкусныхъ жертвъ; шея украшена не адамантами, а нанизанными человѣческими черепами.

Служители необходимости говорятъ, что пойманныя тайныя общества грозили цѣлости государства. Если тайное общество, какихъ бы оно размѣровъ ни было, можетъ перевернуть государство, то такое государство — созрѣвшій нарывъ, къ которому стоитъ только коснуться ланцетомъ и гной прыснетъ, такое безсильное, неустойчивое, мизерное царство—китайскій, игрушечный болванчикъ.

Неужели въ высшихъ государственныхъ сферахъ до эгихъ поръ, не смотря на печальные уроки, царитъ такое геркулесовское невѣжество, что они, правители, ревнители, не знаютъ, что серьезные перевороты не могутъ быть на линію отвратимы остервенѣлымъ палачествомъ? Казните мучительною казнью себя, если управляемое вами государство такъ плохо, что довольно одного дуновенья, чтобы перевернуть его!

Нѣтъ! мудрые администраторы знаютъ все это, но ихъ „*нравъ*“ черезъ чуръ разнуздался на полной свободѣ; они хотятъ по ночамъ врываться въ квартиры заподозрѣнныхъ, ломать полы, стѣны, переворачивать все вверхъ дномъ; хотятъ сѣчь, бить, мучить, ссылать, залѣзать въ чужую частную жизнь и бушевать въ ней, какъ въ кабакѣ; хотятъ строить вавилонскія башни изъ пакостей, разбоя, невѣроятныхъ низостей, и, при этомъ желаютъ всеобщей благоговѣйной благодарности, пламенныхъ просьбъ продолжать, не стѣсняясь!... Нецензурная, правдивая исторія изрекетъ злой приговоръ надъ Александромъ II, царствующею пьеврою. Тамъ,

гдѣ 100 милліонами имѣетъ безуміе дерзость управлять одинъ самодержецъ, такой достойный спиртовой банки самодержецъ отвѣчаетъ за все...

Бѣдная, жалкая моя родина! скотски безропотно сносишь ты все сильнѣе, сильнѣе разгуливающіеся ужасы. Единицы, сбросившія съ себя рабскія кандалы, стряхнувшія вѣковую летаргію, съ ужасомъ отрекшіяся отъ прошлаго, идутъ и гибнутъ за тебя, и ты мутнымъ взоромъ провожаешь ихъ на гибель, не шевелишь атрофированными членами! Бѣдная, жалкая родина! не духъ свободы, не сознаніе человѣческихъ правъ горятъ въ тебѣ, а безграничная, какъ твое пространство, холопская подлость!...

Теперь полюбуемся подвигами царя-реформатора въ области умственной жизни. Реформы въ полномъ смыслѣ радикальныя! умственная жизнь схоронена. Царь-освободитель можетъ смѣло сказать: „Ни одинъ честный писатель, честный труженикъ не были мною забыты, я ихъ содержалъ и содержу, въ убытокъ себѣ, въ моей громадной Петропавловской гостинницѣ; за служеніе добру, истинѣ я ихъ тяжеловѣстно наградилъ кандалами, я самъ надѣлъ на ихъ головы страдальческіе вѣнцы; я никого не забылъ. Помѣщеніе, содержаніе въ моихъ гостинницахъ роскошныя: самые сильные или сгнили, или догниваютъ!“

Самое крупное умственное убійство, самое позорное злодѣяніе Александра II — ссылка на каторгу Н. Г. Чернышевскаго. Правительство ясно почувствовало, что такого мощнаго бойца, трудно направить по тропиночкѣ благочестія; проніи его была остра, какъ бритва, его трезвый умъ не шелъ на компромисы, его взгляды черезъ чуръ рѣзко расходились съ доморощеннымъ, дозволеннымъ либерализмомъ. Нужно было расправиться сурово, по-азіатски съ личностью писателя, смѣющаго жить глубоко-самостоятельною умственною жизнью! Чернышевскій, зная нѣкоторую повадливость монарха къ человѣчьему мясу, былъ необыкновенно остороженъ; не смотря на остроумнѣйшія исхищренія, его не съумѣли поймать въ законный, волчій капканъ, и прибѣгли къ излюбленнымъ, незаконнымъ средствамъ: правительство пустило въ ходъ подлогъ, доносчиковъ; эти два универсальныя средства не мо-

гутъ не удасться. Въ 1862 году за мнимую прокламацію къ крестьянамъ онъ былъ засаженъ въ Алексѣевскій равелинъ; въ 64 году надъ нимъ изрекли приговоръ. Чернышевскій, подкосившій здоровье неутомимымъ умственныхъ трудъ, былъ приговоренъ къ восьмилѣтней каторгѣ и вѣчному поселенію въ Сибири! У кого тлѣетъ хоть искра души, поймете, что вынесъ этотъ невинный мученикъ, съ громадными умственными потребностями, съ жаждой жизни, дѣятельности, 16 лѣтъ захлопнутый въ каменномъ гробу! Есть нравственныя страданія до того ужасныя, что передъ ними тускнѣетъ распятіе, прокатываніе по гвоздямъ кажется отдыхомъ.

Въ 1862 году Писаревъ за невинную ненапечатанную прокламацію былъ засаженъ на 5 лѣтъ въ Петропавловскую крѣпость. Пять лѣтъ одиночнаго заключенія равны десяти годамъ каторги, самые сильные организмы обыкновенно кончаютъ сумасшествіемъ. Когда тюремщики замѣтили полное разрушеніе его здоровья и роковые признаки разыгрывающагося сумасшествія, они выпустили его на свободу; послѣ пятилѣтняго заключенія онъ наслаждился свободой въ больницѣ. Изъ больницы онъ уѣхалъ лечиться холодными морскими купаньями и утонулъ отъ прилива крови въ голову.

Въ 1871 г. 14 декабря Михайловъ, за свое святое воззваніе къ молодому поколѣнію, былъ приговоренъ къ 6-лѣтней каторгѣ; счастливецъ! его слабый организмъ быстро зачахъ отъ убійственнаго обращенія, убійственнаго холода, тяжелыхъ цѣпей. Онъ умеръ, по мнѣнію многихъ, послѣ тѣлеснаго наказанія, но это обвиненіе до того ужасно, что мы готовы не довѣрять слухамъ, думать, что этотъ разсказъ — сказка про людоѣдовъ.

Мартьяновъ за свое пламенное сочиненіе: „Земскій царь“ былъ сосланъ на каторгу; его сослали за вѣру въ царя, какъ въ освободителя. Удивительнѣйшее царствованіе! не вѣришь въ царя — вѣчная Сибирь, черезъ чуръ вѣришь—тоже вѣчная Сибирь! все измѣряется отечественнымъ градусникомъ, вѣчно стоящимъ на нолѣ.

Щаповъ, профессоръ казанскаго университета, даровитый ученый и писатель, сосланъ на поселеніе въ Иркутскъ за книгу: „Земство и Расколъ.“ Оторванный отъ науки, живыхъ людей, самой жизни, онъ тихо угасалъ, его мощное здоровье медленно разрушалось отъ нравственныхъ мукъ, матеріальныхъ стѣсненій; онъ умеръ въ изгнаніи въ пору, когда зрѣлый мозгъ болѣе всего способенъ къ широкой, плодотворной дѣятельности.

Флеровскій, авторъ знаменитаго сочиненія: „Положеніе рабочаго класса въ Россіи.“ Болѣе десяти лѣтъ его швыряютъ изъ одного вертепа въ другой, день и ночь его травитъ полиція; безъ средствъ, людей, вѣчно оскорбляемый, мучимый, онъ тянетъ жизнь, какъ волжскій бурлакъ свою бичеву. Тащи, мученикъ, свой собственный крестъ на плечахъ, падай подъ нимъ, обливаясь кровавымъ потомъ и помни, что правящая Россіею сволочь не любитъ горькихъ, не вызолоченныхъ пилюль! Зачѣмъ сдернулъ ты повязки съ широко раскрытыхъ ранъ твоей родины? Зачѣмъ назвалъ спасителей, освободителей отечества бездушными гробокопателями?...

1866 г. П. Л. Лавровъ, авторъ „Историческихъ писемъ,“ сосланъ административнымъ порядкомъ; суровая доля ждала его, если бы ему не удалось бѣжать за границу.

1866 г. Г. Соколовъ за напечатаніе проникнутаго горечью, правдою сочиненія: „Отщепенцы“ былъ засаженъ на годъ въ крѣпость, а послѣ сосланъ на пожизненное гніеніе въ Мезень, и только бѣгство за границу спасло его отъ роковой участи.

Кто же уцѣлѣлъ въ неравномъ бою на залитыхъ кровью поляхъ сраженія?—Невинные романисты, затаившіе на днѣ души свои симпатіи; критики, рѣзвящіеся въ аллегорическомъ просторѣ; лирики, около царя витающіе, но къ нему не прикасающіеся. Уцѣлѣвшая литература на военномъ положеніи, живетъ вылазками; если же явится снова мощная сила, способная не къ вылазкамъ, а къ генеральнымъ сраженіямъ, то такая умственная сила неминуемо погибнетъ,— Чернышевскій, Писаревъ намъ тому порукою. Если Александръ не умретъ скоро, вся славянская раса будетъ

передушена, останется только омерзительная татарская. Если будетъ такъ продолжаться, подданство у Зулусовъ будетъ для насъ освобожденіемъ...

Литература идетъ старою дорожкою, съ одной стороны выполняетъ святую миссію, съ другой ходитъ, на головѣ, четверинкахъ, въ разноцвѣтныхъ заплатахъ, захлебывается отъ усердія безкорыстно, или служа на жалованьи у III отдѣленія.

Но довольно!... я невыносимо усталъ, измучился, блуждая по этому необозримому кладбищу, на немъ похоронены протестующія силы Россіи, ея свѣтлыя, рано убитыя надежды. Когда я пишу, образы измученные, похожіе на тѣни, гремя цѣпями, встаютъ передо мной; на лицахъ многихъ, я съ холодомъ въ душѣ различаю страшную улыбку сумасшедшаго, на меня дико глядятъ смѣющіеся глаза помѣшанныхъ; я вижу на ихъ спинахъ лиловые рубцы, темныя пятна, а вдали, въ зловѣщей темнотѣ, стоятъ все гробы, гробы.....

Чувство мучительное давно овладѣло душою: я сознаю, что людей, клянущихъ, сознающихъ, мало, отпоръ до ужаса непропорціоналенъ давленію, они разбросаны по необозримой Россіи, несутъ одиноко свои безсильныя проклятія въ могилу, изнемогаютъ подъ ношей крестной; но чуть только живая нить начинаетъ вязать разрозненныя единицы,—изъ тьмы тянется проклятая, когтистая лапа, загребаетъ ихъ и въ томъ же непроглядномъ мракѣ душитъ...*)

*) Размѣры журнальной статьи и недостатокъ матерьяла не позволили мнѣ войти въ подробности; я пропустилъ очень много частныхъ арестовъ и ссылокъ: кровавая монотонность событій, нескончаемый мартирологъ утомили бы читателей. Пора оцѣнить близящееся къ концу царствованіе Александра II; пусть читатель смотритъ на мою коротенькую сжатую статью, какъ на очень слабое начинаніе въ этомъ дѣлѣ.

1879 г. декабрь.

Спасеніе отечества

съ выдачею 100.000 рублэй впередъ

(Торжище)

Очень значительное лицо, выдавая Цитовичу деньги, сочло долгомъ переговорить съ нимъ, хотя и нѣсколько отрывочно, о самыхъ выдающихся пунктахъ его миссіи. Во время разговора, значительное лицо называло Цитовича „mon cher“, „любезный“, „братецъ“, говорило ему ты, изъ чего читатель пойметъ, насколько лицо значительно, хотя долженъ прибавить, что при выдачѣ большихъ казенныхъ суммъ, такой тонъ принимали даже средне значительныя особы... Тонъ становился совсѣмъ амикошонскимъ, когда нанимали писаку...

Значительное лицо. — Ты, братецъ, по настоящему, долженъ даромъ защитить отечество ... любовь къ отечеству долгъ... во всѣхъ тетрадкахъ для юношества это сказано. За кушъ всякій будетъ защищать, стоитъ только свиснуть, наконецъ, parbleu! ты, чортъ знаетъ, что запрашиваешь! Катковъ, тому десять лѣтъ, за четверть этой цѣны согласился...

Цитовичъ — Ваше сіятельство, можете обратиться къ другимъ.

Зн. л. — Ну, ну, ну! Ты, кажется ужъ очень принялъ къ сердцу. (Въ раздуміи) И то правда, прежде говядина была дешевле, квартиры и вообще вся жив-

ность; въ то время отъ журналистовъ отбоя не было. Сколько разъ ихъ писаря въ шею выталкивали.

Цитов. — Трудныя времена наступили, мудрено подлецовъ (нигилистовъ) чѣмъ нибудь озадачить. Отъ висѣлицы не они, а мы отказались, мы струсили! Знаете ли вы, ваше сіятельство, что они намъ всѣ свои возмутительнѣйшія дерзновенія посылаютъ и просятъ выругать насколько возможно, что это де очень способствуетъ распространенію; иные даже деньги за рекламу готовы выслать. Одинъ еще недавно увѣрялъ, что мы держимъ въ рукахъ страшную силу, но не смѣемъ ею, къ ихъ благу, воспользоваться; похвали и — пропалъ человѣкъ, висѣлица сама не смоетъ этой грязи. Сорокъ лѣтъ каторги не оправдаютъ; въ настоящей жизни не выйдешь изъ клички шпіона и въ загробной преслѣдуемъ будешь... Наши защиты „основъ“ они наизустъ знаютъ, въ грошъ доводы не ставятъ; защитниковъ собственности грабителями, хищниками называютъ; религіи — идіотами, пролазами; семейства — развратниками изподтишка, сифилитиками, и признаюсь откровенно, логика у нихъ убійственная, противъ нея не словами, а только висѣлицею, тюрьмой можно защищаться..... Впрочемъ, имъ все въ прокъ идетъ, они на весь свѣтъ извѣстны стали, всѣ ихъ защищаютъ. Вспомните, какъ по дѣлу Гартмана французская нація все зерцало наше заплевала, да мало ли такихъ примѣровъ! Цареубійцъ сіяніемъ окружаютъ, на манеръ иконъ, памятниковъ для нихъ требуютъ, почетные револьверы, съ золотыми надписями, подносятъ. Только остается отъ крамолы спасать генераловъ, чиновниковъ, кабатчиковъ, дай богъ ихъ отъ крушенія удержать.

Зн. л. — Да, теперь, любезный, и кабатчики стали очень либеральничать, хвостомъ вилять, какъ бы съ насмѣшкой. И отъ чего все это пошло?

Ц. — Семейство попрано, школы настоящей нѣтъ! А семейство всего болѣе требуетъ защиты, это краеугольный камень.

Зн. л. — (хохочетъ) A propos, mon cher, правда, что ты, говорятъ, того?... ха! ха! ха! то есть того! (подмигиваетъ).

Ц. — Я васъ не понимаю, ваше сіятельство.

Зп. л. — Скажи откровенно, это останется между нами, говорю не какъ начальникъ. Я самъ, mon cher, въ корпусѣ, ха! ха! ха!... Ну, точно, сѣкли, и все таки опять, какъ ни въ чемъ небывало. Царская семейка и та пошаливаетъ, маменька дозволяетъ, якобы во избѣжаніе мезальянсовъ...

Ц. — Я попрошу васъ откровенно высказаться.

Зп. л. — То есть я хочу сказать на счетъ Содома и Гоморы братецъ.

Ц. — Я буду просить, ваше сіятельство, перемѣнить разговорь.

Зп. л. — Entre nous, mon cher, положа руку на сердце, какъ частному лицу.

Ц. — (Угрюмо молчитъ).

Зп. л. — Ну, извини, ты знаешь, у меня душа русская, на распашку, что на душѣ, то и на языкѣ..... перейдемъ къ дѣлу. Главное не въ томъ, чтобъ защитить, искоренить нужно; школу нужно хорошенько къ рукамъ прибрать. Зящищать основы всякій можетъ. Краевскій, Суворинъ, Полетика, Буква даромъ защищаютъ, а приласкай ихъ, руку имъ пожми, рюмку водки при себѣ позволь выпить, — они изъ кожи вылезутъ! Одно скверно, очень болтливы, непостоянны, нынче одно, завтра другое! Круглый годъ передергиваютъ. (подумавши) Шуллера! Флюгера!!

Ц. — Въ томъ то и дѣло, ваше сіятельство, что услуга безъ гонорара не имѣетъ большой устойчивости. Послѣ ласки, рюмки водки, они, точно начнутъ отъ усердія захлестываться, висѣлицу воспоютъ; тюрьму, каторгу, застѣнокъ превознесутъ, печальную необходимость на первый планъ выдвинутъ... А потомъ, послѣ первой горячности, какъ увидятъ, что другіе за тѣ же чувства гонорары, кругленькіе захапываютъ, тотчасъ же обозлятся и кляузу подпустятъ. И понятъ не хотятъ, что правительство, какъ бы ни было финансами затруднено, готово каждаго вознаградить, за вполнѣ русскую любовь къ отечеству, но нужно, чтобъ человѣкъ достоинъ былъ, чтобы у него характеръ былъ. Представьте себѣ, ваше сіятельство, что вы Суворину, Буквѣ за поддержаніе „основъ“ денежныя вознагражденія велѣли изъ тайной полиціи выдать. Увѣрены ли вы, что они это въ секретѣ сохранятъ? Нѣтъ! первое,

они похвастаютъ между своими, что деньги получили; во вторыхъ, при первомъ, самомъ незначительномъ вѣтеркѣ изъ подъ какой-нибудъ подворотни, тотчасъ же, какъ волчки закружатся, и самъ бы чортъ не разобралъ, спасаютъ ли они отечество, или по вѣтру его пускаютъ..... Правительству человѣкъ съ принципами нуженъ!!

Зн. л. — (съ увлеченіемъ) Да, намъ прожженные писаки нужны. Чтобы ужъ разъ денежки захапалъ, не финти! ни, ни, ни! (еще съ большимъ увлеченіемъ) Намъ нужно, чтобъ не только повиноваться, но и угадывать замыслы начальственные умѣлъ! Изъ ретирадныхъ мѣстъ съ фанаберіей выходилъ, и кромѣ всего этого, чтобы всѣ паши дѣянія, какъ бы искренно воспѣть смогъ; обывательскія сердца размягчить; ловкенько подмазать, слезы у старцевъ и невинныхъ юношей вызвать; на бой съ крамолою науськать. Вотъ какая намъ тварь нужна... (опомнившись) pardon, mon cher, я хочу этимъ сказать, что намъ писатели съ принципами нужны! Школу! школу! (распростираетъ длани)

Ц. — Вы правы, ваше сіятельство! На школѣ все покоится. Послѣ очень долгихъ размышленій, я пришелъ къ тому, что важнѣе всего, даже самой религіи, преподаваніе въ школахъ философіи, не какой нибудь новѣйшей, а прежней, старинной. Не Спиноза, даже жидами отъ синагоги отверженный, намъ нуженъ, и не какой нибудь тамъ Кантъ, но философы благонамѣренные. Съ небольшими исключеніями, благожелательные метафизики были всегда приняты при дворѣ и служили какъ бы украшеніемъ его. Вы не разъ говорили, ваше сіятельство, что не сильны въ философіи, и, не смотря на старанія одного вашего стараго товарища, служащаго въ III отдѣленіи, постигнуть ее не могли.

Зн. л. — Я и теперь повторяю, у насъ, въ Пажескомъ корпусѣ, на нее плевать хотѣли; флигель-адъютантъ Висѣльниковъ еще недавно отличился ..... Но, впрочемъ, это послѣ ..... продолжай.

Ц. — Постараюсь въ наглядныхъ примѣрахъ изобразить значеніе философіи въ дѣлѣ воспитанія юношества. Представимъ себѣ, что молодой человѣкъ не только далѣе своего носа ничего не видитъ, но даже въ опрятности его держать не можетъ. Что можетъ спа-

сти его отъ самоуниженія? Философія одна спасетъ его и возвеличитъ! Онъ начнетъ гордо держать себя; внутренній голосъ будетъ постоянно подшептывать ему: „Ты проникъ мірозданіе, ощупалъ со всѣхъ сторонъ безконечность“. Мысль эта, охватившая все его существо, заставитъ его презрѣть вполнѣ и на всегда человѣчество; вся исторія представится ему шатаньемъ изъ стороны въ сторону, колебаніемъ міроваго маятника, всѣ историческія перспективы — метафизическимъ туманомъ покроются, и разъ такой молодой человѣкъ получитъ 5 баловъ на экзаменѣ и позволеніе отъ директора въ плечо себя поцѣловать, его трудно будетъ съ мѣста сдвинуть и невозможно въ немъ вѣру поколебать, что человѣчество не болѣе, какъ абстрактъ. Соціализмъ ему покажется столь презрѣннымъ, что онъ, съ чувствомъ собственнаго достоинства, тотчасъ же обратится къ полицейскому служителю, съ просьбою остановить теченіе его и поможетъ свести пропагандиста въ участокъ. Нужно поднять молодаго человѣка на ту высоту духа, чтобы жандармскій служитель явился ему въ видѣ ангела съ масляничною вѣтвью, царящаго надъ безалаберно шатающимся изъ стороны въ сторону человѣчествомъ.

Одна философія заставитъ гимназиста, студента облобызаться съ полицейскимъ служителемъ, выпить брудершафтъ съ провокаторомъ правительственнымъ. Главное, чтобы юнный питомецъ философіи ясно, какъ день, созналъ, что онъ прозрѣлъ безконечность, сжалъ ее въ юношескомъ кулакѣ. Безъ философіи онъ скоро перестанетъ любить себя, не опираясь твердо на вѣчность, онъ можетъ впасть въ мизантропію, жизнь ему можетъ вдругъ представиться скотскимъ пиршествомъ, прогулкою по Ножовой линіи, и тогда, нѣтъ сомнѣнія, онъ съ закружившеюся головою бросится въ шайку крамольниковъ и начнетъ исключительно царскими поѣздами заниматься, восхищаться ихъ подпрыгиваньями. Молодой человѣкъ, упитанный не только сѣдою, но даже лысой мудростью, спокойно просозерцаетъ всю жизнь свое *Я*, высшею мечтою его станутъ теплыя пантуфли и стеганный на ватѣ халатъ; душа его будетъ полна „абсолютомъ, предвѣчнымъ движеніемъ поля“, онъ даже помышлять не станетъ о человѣчествѣ. Чтобы все

для васъ стало ясно, я напомню взглядъ монарха Петра III на философію, изумительный по тому времени: пребывая въ довольно тѣсномъ помѣщеніи, наканунѣ неожиданнаго поноса, повлекшаго къ гибели, онъ писалъ супругѣ „премудрой Фелицѣ“ — „пришли мнѣ скрипку, дѣвку, кисетъ табаку и библію, я хочу быть философомъ“

Слыхали ли вы что-нибудь, ваше сіятельство, о схоластикѣ?

Зн. л. — Нѣтъ, ты знаешь, я воспитывался въ Пажескомъ корпусѣ, но все равно, продолжай.

Ц. — Схоластика, ваше сіятельство, оказала изумительную услугу правительствамъ и вообще полиціямъ, не будь ее, человѣчество уже давно избрало бы ту стезю, которая въ концѣ XVIII вѣка погубила королевскую семью, и съ нею и Францію.

Зн. л. — Говори яснѣе, mon cher, безъ затемнѣній, безъ Демосфенщины.

Ц. — Мороченье головъ ~~есть~~ лучшее средство, разъ правительство намѣрено ввести народъ въ землю обѣтованную. Если вы не задурите народъ вполнѣ, онъ тотчасъ же захочетъ разсуждать, и тогда, исключая шатаній, колебаній, расплесканій мыслей, ничего не выйдетъ. Не мы его, а онъ насъ вѣшать начнетъ; назначеніе же всякаго трезво понимаемаго правительства избрать первое.

Зн, л. — Но, однако, ты выпускаешь изъ виду вполнѣ русскую религію!

Ц. — Религія, несомнѣнно, нужна; только человѣкъ, вполнѣ увѣровавшій въ мутоточивый черепъ, можетъ быть истиннымъ вѣрноподданнымъ, обожающимъ царя. Малѣйшее шатаніе рано или поздно приведетъ къ шатанію дворцовой столовой. Человѣкъ, вполнѣ охватившій святую тройцу и таинства елеосвященія, мупомазанія, безъ малѣйшаго напряженія пойметъ всѣ „основы“ и защититъ ихъ. Не евангельское ученіе нужно, которое можетъ быть самымъ крамольнымъ образомъ перетолковано первымъ встрѣчнымъ нигилистомъ; не библія нужна, гдѣ воспѣвается развратная дѣвка Юдиѳь, вполнѣ достойная висѣлицы; въ которой, частенько плодя соблазнъ, являются въ самомъ неприличномъ видѣ пророки съ разными указаньями, угрозами, руганью,

не только къ высшему начальству, но и монарху. Нужны и нужны разсказы о чудесахъ нетлѣнныхъ угодниковъ, о наитіяхъ, успленьяхъ, преподобіяхъ, благолѣпіяхъ. Гдѣ монархъ встрѣчалъ болѣе всего обожанія? Нѣтъ сомнѣнія, у Иверской божьей матери или у иконы божьей матери „взыграніе“, конечно, люди, умиленно ставящіе свою свѣчку у Иверской иконы и „взыграніе“, кладущіе въ ихъ сумочки свою послѣднюю копѣечку, болѣе всѣхъ склонны обожать монарха. Взгляните на юродивыхъ, кликушъ, какая бездна преданности, патріотизма лежитъ въ нихъ! Но не могу не прибавить, что религія недостаточно наполняетъ, не засиживается въ человѣкѣ; при первомъ толчкѣ, наступаютъ поношенья той же религіи, и крайняя порнографія.....

Естественныя науки должны быть гонимы съ неумолимымъ постоянствомъ; онѣ расшатываютъ всѣ священнѣйшія основы. Очень рѣдки случаи, гдѣ бы юноша, занимавшійся естественными науками, съ нѣкоторою гордостью записался въ урядники, сталъ разъѣзжать верхомъ съ плеточкой, спасая отечество, или же поступилъ въ число тѣхъ любопытныхъ людей, которые, рискуя мордобитьемъ, переломомъ костей, отдаютъ себя на подслушиванье и разузнованіе. Тогда, какъ молодой человѣкъ, пропитанный метафизикой, всерадостно поступитъ въ тайную полицію, и если долгъ повелитъ, покойно, оглядывая съ презрѣніемъ толпу, выдернетъ скамейку изъ подъ ногъ святотатственнаго злодѣя, и послѣ будетъ продавать, по весьма возвышенной цѣнѣ, кусочки веревки своимъ товарищамъ-матафизикамъ, такъ какъ существуетъ поэтическое повѣріе, что обладатель кусочка веревки съ повѣшеннаго будетъ всегда выигрывать въ карты, слѣдовательно не будетъ болѣе нуждаться въ передержкѣ, которая часто кончается преображеніемъ физіономіи, и такіе именно люди нужны правительству, только на нихъ незыблемо будутъ покоится: самодержавіе, собственность, семейство, религія. Но это не все, носящемуся по бурнымъ волнамъ океана, юношеству нуженъ „*Берегъ.*“

Зн. л. — Хорошо то, хорошо, да привьется ли къ намъ твоя философія? Можетъ быть, ты все это затѣялъ, чтобы побольше содрать. Берега, mon cher, бываютъ разные, мнѣ морское дѣло немного знакомо. Я зна-

комъ съ адмираломъ Поповымъ и съ поповками; иногда они бываютъ очень обрывистые, иногда очень песчаные, а иногда представляютъ изъ себя протухлое болото, куда никто не высаживается по той причинѣ, что тамъ лихорадки, и въ тинѣ много всякихъ гадовъ ползаетъ.

Ц. — Вы говорите, что я много запрашиваю, вы забыли, что я вашему сіятельству живую душу продаю, съ совѣстью навсегда разстаюсь; я университетъ на тайную полицію мѣняю. Иногда мнѣ такъ тошно становится, что взялъ бы все и къ черту бросилъ... Ухъ, какъ тяжело одною шкурой жить... Мнѣ стало, какъ Гоголевскому городничему, часто свиныя рылы кругомъ представлятся; я, ваше сіятельство, 18 лѣтъ замурованнаго въ тюренной стѣнѣ Чернышевскаго на лобное мѣсто подъ ручку вывелъ, багряницу на него надѣлъ, къ столбу привязалъ, глаза завязалъ, и бія его тростію по головѣ съ моими товарищами, писаками, ищейками, я всякій разъ спрашивалъ: „Другъ мой, узнайте, кто бьетъ васъ“? Въ тотъ день, какъ я на него, безотвѣтнаго, мои брошюрки выпустилъ, грозный голосъ мнѣ всю ночь кричалъ: „Подлецъ! Іуда! сколько ты серебрянниковъ взялъ?“

Зн. л. — О какой ты совѣсти, mon cher, говоришь? Ты самъ не разъ указывалъ, что ее злодѣи крамольники выдумали и стали въ жизнь проводить.

Ц. — Нѣтъ, ваше сіятельство, такого человѣка въ свѣтѣ нѣтъ, у котораго бы иногда совѣсть не шевелилась. Вы знаете слова Пушкина:

. . . . . Совѣсть
Когтистый звѣрь, докучный собесѣдникъ
Заимодавецъ грубый . . . . . .

Многіе увѣрены, что онъ написалъ эти строчки вскорѣ послѣ стихотворенія: „Клеветникамъ Россіи“.

Вы меня наняли въ плохое время, обожаемый монархъ нашъ черезъ чуръ поспѣшно, выражаясь вульгарно, почти въ припрыжку сходитъ въ могилу; что будетъ съ нами послѣ его смерти, когда вся безгласность возговоритъ, а новые люди, совѣсть нами заброшенную нашедшіе, явятся? Тяжело намъ будетъ счеты сводить, поздно змѣиную шкуру мѣнять, прощеніе со слезами

молить. Катковъ еще недавно попробовалъ руку протянуть, лазаря запѣть. Вы знаете, ваше сіятельство, какъ сіе пѣніе было встрѣчено и какъ маститый старецъ, въ бояхъ мракобѣсныхъ посѣдѣлый, долженъ былъ свою руку публично въ карманъ штановъ запрятать, такъ какъ она, болтающаяся шально въ пространствѣ, неловкое впечатлѣніе производила на публику. И у Каткова совѣсть заговорила, тогда, какъ всѣ сомнѣнія о существованіи ее давно всѣми покинуты, и самъ онъ не разъ, указывая друзьямъ на преподнесенную ему, послѣ польскихъ висѣлицъ, чернильницу, какъ бы въ шуточку, говаривалъ: „вотъ она, моя совѣсть полна чернилъ стоитъ...“

Они насъ, третьеотдѣленскихъ наемщиковъ, съ грязью сотрутъ; все, все вспомнятъ, и пойдемъ мы подъ кличкою христопродавцевъ по широкой Россіи - матушки разгуливать.

Зн. л. — Наплюй на нихъ, братецъ, а бы денежки были въ карманѣ.

Ц. — Откровенно вамъ скажу, когда я вижу, какъ эта молодежь честнаго человѣка чествуетъ, на голову лавровые вѣнцы надѣваетъ, внутри горѣть начинаетъ. Въ свое время и я чуть радикаломъ не былъ, молодые люди ко мнѣ съ уваженіемъ относились; шпіоны на меня косо поглядывали, но только я къ жандармамъ руки простеръ, губы для лобзаній іудиныхъ приготовилъ, какъ только я брошюрки, какъ авангардъ выпустилъ, они меня въ тотъ же день, какъ бѣшенаго пса, обходить стали и сколько, сколько разъ я за свою физіономію страшился и къ разнымъ авантюрамъ ее приготовлялъ.

Катковъ въ хорошее время нанялся, онъ 12 лѣтъ серебряники безмятежно получалъ, надъ врагами подсмѣивался, въ тюрьмы ихъ заточалъ. Мнѣ же недолго праздновать придется. Тяжелъ будетъ часъ, когда люди новые, совѣсть въ себѣ пріютившіе, тихимъ, но твердымъ голосомъ станутъ намъ говорить: „Мы по тюрьмамъ плакали, какъ свѣчи въ мѣшкахъ каменныхъ таяли; чашу горечи до дна пили за то, что свою родину горячо любили; *вы*, въ своемъ кабинетикѣ, весело для насъ новыя помѣщенья, болѣе мрачныя, болѣе тѣсныя, придумывали; гнилыя веревки совѣтовали; нашимъ

смертнымъ мукамъ радовались и по рублю отъ строчки на насъ пасквили пописывали".

„Мы, истерзанные, въ саванѣ на висѣлицу подымались, и въ эти страшныя минуты въ любви къ народу не раскаивались. *Вы* нашу смерть съ каламбурами описывали; убійцами, подлецами, трусами насъ называли".

„*Мы*, съ петлею на шеѣ, около васъ свободное слово отстаивали; на послѣднія крохи газету издавали. Вы прибавочку у тайной полиціи канюпьчали, за розничную продажу цѣпляясь, палачей, кровопійцъ, грабителей самоуправцевъ, „основами" называли; за прикосновеніе къ нимъ, разрушеніемъ міра грозили и ежедневно нѣжные сонеты въ III отдѣленіе посылали, довѣрія просили. *Мы*, въ сермягѣ шли, въ народъ; *Вы*, въ канцелярскомъ мундирѣ — въ полицію; *Мы* — въ станъ погибающихъ „за великое дѣло любви", *Вы* — въ станъ губящихъ; (замѣтя волненіе, трагически продолжаетъ) часто мнѣ, ваше сіятельство, лица ихъ блѣдныя, глаза лихорадочные во снѣ грезятся; часто ихъ рѣчи мужественныя въ ушахъ раздаются.

Зн. л. — Ну, положимъ, это ты врешь, любезный!

Цитовичъ угрюмо протягиваетъ руку; значительное лицо, растроганное картинами будущаго, вынимаетъ бумажникъ и, кромѣ назначенной суммы, прибавляетъ отъ себя 25 рублей.

(*Занавѣсъ опускается*).

Ноябрь, 1880.

ПРОЦЕССЪ 16

I.

Наконецъ, ожидаемыя показанія Гольденберга прочтены на судѣ. Изумительныя, непостижимыя показанія!!...

Человѣкъ, убившій губернатора Кропоткина, предложившій свои услуги Соловьеву, съ цѣлью доканать вдвоемъ стараго злодѣя, устроитель минъ, перевозчикъ динамита, вдругъ, совершенно неожиданно, послѣ одиночныхъ размышленій, въ одиночномъ заключеніи, начинаетъ добровольно писать показанія, уговариваетъ молодежь не прибѣгать къ политическимъ убійствамъ; тюрьма, эшафотъ, не ужасавшіе его на свободѣ, но разжигавшіе на борьбу, ужаснули его въ заключеніи; смѣявшійся надъ безсиліемъ правительства на свободѣ, видѣвшій это безсиліе на каждомъ шагу, онъ начинаетъ вѣрить въ его непобѣдимое могущество въ заключеніи. Вѣря въ его гибель на свободѣ, онъ начинаетъ вѣрить въ его побѣду въ заключеніи. Онъ выдаетъ всѣхъ своихъ товарищей, съ цѣлью спасти несчастную, невинно замучиваемую Россію. Онъ желаетъ увѣрить правительство, что ужасъ его напрасенъ, и приведшая его въ неописанное смятеніе терротистическая партія насчитываетъ всего нѣсколько десятковъ людей.

Несмотря на полную увѣренность правительства, что мистификація блистательно удалась, люди, привыкшіе читать между строкъ, слышатъ отчетливо, ясно крокодилій плачъ перемѣнившихъ квартиру третьеотдѣленскихъ провокаторовъ. Не смотря на горестныя причитанія, соболѣзнованія о молодежи, даромъ гибнущей по тюрьмамъ, невольно читается слѣдующее:

„Господа революціонеры, ради всего святаго, оставьте проклятыя политическія убійства! вы невыносимо отравляете наше недремлющее существованіе, желудки наши и сновидѣнія совсѣмъ разстроились; лучшіе искаріоты разбѣжались въ страхѣ по Европѣ, увѣряя, что тамъ корни крамолы. Послѣдній шпіонишка, оставшійся на родинѣ, и тотъ требуетъ непозволительныхъ прибавокъ. Обожаемый монархъ измаялся, его слабитъ день и ночь; въ судно превратился тронъ Мономаха!!,.. Онъ не спитъ по ночамъ, и намъ спать не даетъ; богъ знаетъ, какъ ѣсть и намъ ѣсть всласть не даетъ; цѣлый день, какъ на ножахъ и раскаленныхъ угольяхъ мечется, и насъ съ ногъ совсѣмъ сбилъ. Обожаемый самодержецъ все болѣе, болѣе жертвъ алчетъ, всѣ монументы висѣлицами замѣнить требуетъ.

Если въ васъ есть хоть искра русской души, дайте намъ съ надлежащимъ спокойствіемъ вѣшать васъ, морить въ каменныхъ мѣшкахъ, высылать тысячами на голодную смерть въ мѣста чрезвычайно отдаленныя; позвольте васъ капельку драть нагайками; не мѣшайте намъ за все это денежныя вознагражденія получать, чины, звѣзды, кресты, табакерки и перстни; не принимайте правительственныхъ несовершенствъ, такъ горячо къ сердцу, одинъ Богъ совершенъ, Къ чему непріятныя, безполезныя, политическія убійства! Сколько самыхъ крѣпкихъ подпоръ трона пало! Мезенцевъ, на Черной рѣчкѣ не павшій, около Цѣпнаго моста палъ! Предоставьте намъ васъ избивать безнаказанно, безполезно, на то мы русское правительство! На то царь самимъ Богомъ поставленъ, помазанъ.“

Невольно возникаетъ вопросъ: если Гольденбергъ, выдавая товарищей, спасалъ всю русскую молодежь отъ тюремъ, крѣпостей, казней, что помѣшало ему явиться въ судъ и безстрашно провести выпошенную въ

одиночномъ заключеніи, зрѣлую мысль, передъ замученными товарищами?

Почему онъ, спаситель отечества, избираетъ для себя смерть Іуды? Зачѣмъ онъ повѣсился, спасая?

II.

Палачи, тянущіе жилы въ застѣнкахъ, пожелали надуть публику, слишкомъ знакомую съ ихъ азіятскими инстинктами, одною лишнею, наглою фальсификаціею.

Гольденбергъ былъ пойманъ съ динамитомъ; трудно было усомниться въ его принадлежности къ тѣмъ, которые вырыли подъ рельсами три могилы царю и одну колоссальную Зимнему дворцу. Послѣ 5 февраля нужно было допросить; всѣхъ запытать было нельзя; пришлось бросить жребій, онъ палъ на злополучнаго Гольденберга.

Намъ ли, освободителямъ славянъ, затрудняться надъ допросомъ, съ пристрастіемъ, краснѣть передъ вѣчнымъ орудіемъ царей, наслѣдіемъ татарскихъ хановъ: колесомъ, встрясками, жаровнями, клещами, плетью съ тройнымъ наконечникомъ!

Русское правительство пустило свое задушевнѣйшее орудіе: пытку!! Не захочетъ пытать жандармъ, позовемъ казака...

Изъ несчастнаго потянули жилы; по замореннному тѣлу загуляла плеть... Въ темномъ, глухомъ подвалѣ полилась кровь; раздались, задушаемыя кулаками жандармовъ, стенанія... Людоѣды остервенились; кровь бросилась въ голову; бѣшенная слюна потекла изо рта. Муки смѣнялись муками... Словъ не стало слышно, одни гоготанія, прерываемыя предсмертнымъ хрипомъ... Окровавленный, затерзанный заговорилъ...

Выжавши всю кровь, вымотавши всѣ показанія и жилы, на обезображенные остатки накинули петлю. Затѣмъ позвали талантливаго сотрудника мракобѣсной газеты съ повелѣніемъ, съ жаромъ изложить показанія и отъ лица убитаго прочесть патетическую проповѣдь о вредѣ, безполезности политическихъ убійствъ... За лиризмъ рубль отъ строчки.

Сомнѣнія кончены,.. Удавленный не проговорится.

Дознаніе снято... отечество спасено... мораль террористамъ отъ ихъ собственнаго товарища прочитана... неразрѣшимыя дилеммы разрѣшены самымъ экономическимъ образомъ...

Порфироносная дохлятина можетъ, на время, успокоиться, днемъ заснуть, вкусить, по мѣрѣ старческихъ силъ, наслажденіе съ дебелой наложницей. Взрывателей поѣздовъ какихъ-нибудь десятокъ, два, не болѣе. Остальные — блѣдно прѣсные либералы...

Дѣлаются смѣлые планы поѣздокъ; желѣзная дорога отъ Петербурга до Севастополя оцѣпляется тройною цѣпью хранителей основъ; милліоны истрачиваются, и самодержавный бабникъ пробирается съ наложницей въ южное логовище. Арміи впереди, арміи сзади... губернаторы, полицмейстеры, исправники, служащіе на дорогѣ, мчатся по своей губерніи въ переднихъ вагонахъ, доказывая наглядно, что взрывателей нѣтъ...

Крестьяне тысячами сгоняются съ полей, они усѣиваютъ окрестности близь лежащей желѣзной дороги, чтобы взрыватель, въ случаѣ сверхъестественнаго событія, не убѣжалъ...

Проходитъ нѣсколько мѣсяцевъ, и тотъ же немощный бабникъ перебирается съ наложницей изъ южнаго логовища въ сѣверное. Снова тройная цѣпь хранителей... арміи впереди, арміи сзади... Снова милліоны рублей... снова губернаторы, чиновники, всѣ служащіе на дорогѣ, исправники, становые и несмѣтныя толпы народа, согнанныя съ полей...

Да здравствуютъ царскіе поѣзда!! да здравствуетъ самодержавный рамоли, и пусть гибнетъ отъ холода, голода русскій крестьянинъ, мретъ по тюрьмамъ цѣлое поколѣніе, и два столба съ перекладиной попрежнему изображаютъ тріумфальную арку для въѣзжающаго въ столицу монарха!!...

Но не плохое ли предзнаменованіе эта черная тріумфальная арка?

Вамъ мало было запытать человѣка, вамъ нужно было съ его страдальческой головы спять вѣнецъ терновый, растоптать его сапогами жандармовъ. Несчастнаго, невыдержавшаго чудовищныхъ пытокъ, вами удавленнаго, вы опозорили, оклеветали! Истерическія

рыданія, вопли, конвульсіи вы назвали добровольнымъ сознаніемъ!!...

Но вамъ не удалось наплевать въ лицо мертвому, всѣ догадываются, какимъ способомъ вы добыли признаніе.

III.

Десятокъ взрывателей!!... Не спѣшите улыбаться; если бы вы были хотя немного менѣе идіоты, ваши лица помертвѣли бы отъ ужаса!

Правительство 90-милліоннаго царства! повелители десятковъ тысячъ жандармовъ, шпіоновъ и провокаторовъ! воздвигатели висѣлицъ и центральныхъ тюрьмъ! Десятокъ людей, только десятокъ, заставилъ васъ впродолженіи двухъ лѣтъ метаться по всей Россіи, въ слѣпомъ звѣрствѣ, вѣшать, бить, мучать, ссылать! Десятокъ людей заставилъ васъ трепетать день и ночь, надрывать мозги, выдумывая кровавыя безумства!

О! Полицейско-жандармское, шпіоно-провокаторское правительство! ты, со всѣми своими мечущимися по Россіи легіонами, послѣ долгихъ, неусыпныхъ сыскиваній, арестовъ тысячами, повальныхъ удушеній, на силу сыскало десятокъ виновныхъ! а остальные?... Ищи ихъ, требуй ихъ у враждебныхъ тебѣ государствъ, получай оплеухи въ обѣ щеки, изображай изъ себя всеобщую европейскую плевательницу!! Сильное, русское правительство, ты этого вполнѣ стоишь!

Зачѣмъ, шпіоно-урядническое правительство, тебѣ нуженъ былъ Гольденбергъ? Почему всевидящее, недремлющее, безумно дорого оплаченное кровавыми деньгами народа, *око шпіоновъ* не прозрѣло тайны? Если только десятокъ человѣкъ, то зачѣмъ ты, полномощное въ смыслѣ произвола, правительство, впродолженіи десятковъ лѣтъ мучило и губило понапрасну Россію?? О, Эдипъ, разрѣши!

Ты третировало вѣчно колоссальнѣйшую, способнѣйшую въ мірѣ страну, какъ кучу ни къ чему негодныхъ выродковъ, ребятишекъ, ты опекало нашу мысль, сердце, водило гулять на цѣпочкѣ и, несмотря на все, просмотрѣло всѣ покушенья...

Будущее полно для васъ чрезвычайныхъ сюрпризовъ. Не болѣе, какъ два года назадъ, самый необузданный революціонеръ не предсказалъ бы случившагося. Политическіе процессы ростутъ не въ ариѳметической, но геометрической пропорціи, и съ ними вмѣстѣ ростетъ неумолимая необходимость политическаго убійства; оно вошло въ революціонную среду не какъ гость, но хозяинъ. Оно стало историческимъ прогрессомъ, единственною мѣрою противъ кровопійцы, „который всесиленъ на зло, безсиленъ на добро“.

Ну если, въ силу историческихъ судебъ, эти десятки превратятся въ тысячи, а тысячи — въ десятки тысячъ,

Что тогда?...

Ваше лютое безуміе начинаетъ переходить границы возможнаго; революціонный вооруженный протестъ только народился. Ваши безсмысленныя, звѣрскія опеки его вымучили...

Одинъ вамъ сознался подъ пыткою, но не спѣшите радоваться. Вспомните Каракозова, Соловьева, десятки другихъ.

Не *Вы* вышли побѣдителями, а десятокъ взрывателей! Не *Они*, но *Вы* позорно сдались, послѣ взрыва въ Зимнемъ дворцѣ! Безстрашные, дивно лучезарные, неодолимые, они во всеоружіи стоятъ противъ васъ, съ хохотомъ слушаютъ панихиды и колыбельныя пѣсни.

IV.

Цареубійство становится все болѣе лозунгомъ всѣхъ революціонеровъ всего земного шара; монарховъ изведутъ, какъ клоповъ въ старыхъ русскихъ гостинницахъ, не прибѣгая къ грандіознымъ революціямъ. Всякій вѣкъ вырабатываетъ свои орудія, свои пріемы борьбы. Республиканская форма правленія становится необходимостью для всей Европы; монархія, пораженная уже давно третичнымъ сифилисомъ, умираетъ отъ осложненій; водянка мозга уже началась.

Нѣсколько недѣль назадъ, Феликсъ Піа въ горячихъ передовыхъ статьяхъ газеты „Commune“ потребовалъ выбора, до настоящей минуты не помилованнаго Березовскаго, въ депутаты; предложилъ подписку на почет-

ный револьверъ. На немъ должна была сіять надпись, съ одной стороны: France regicide au citoyen Beresovsky, съ другой: Moscou, Varsovie, Paris. — 96.788 человѣкъ въ нѣсколько дней отозвались на призывъ; въ собраніи, при тысячахъ народа, былъ изреченъ приговоръ надъ деспотомъ, были пересчитаны чудовищныя злодѣйства, и вся зала огласилась громовымъ крикомъ: „Да здравствуетъ цареубійство!“

Въ собраніи была предложена поучительная дилемма: или убійство цѣлаго народа, или убійство одного очумѣвшаго, нравственнаго идіота, присвоившаго себѣ сверхъестественныя права. Существованіе царя признано было всѣми кровавымъ оскорбленіемъ человѣка и гражданина, растаптываніемъ въ грязь принциповъ равенства, свободы.

Убійство царя неизбѣжно станетъ такой же необходимостью, какъ убійство рыскающей, бѣшенной собаки.

Никто не станетъ справляться о пользѣ для всего человѣчества, она до осязательности очевидна, никто не станетъ перерывать архивовъ, розыскивая въ тысячелѣтней исторіи нравоученій, какъ никто не справляется о томъ, можетъ ли убійство одной бѣшенной собаки спасти все человѣчество отъ бѣшенныхъ собакъ.

. . . . . .

Но у васъ есть выходъ, если вамъ удастся, съ помощью Цитовичей, Катковыхъ увѣрить Россію, что она предназначена благимъ провидѣніемъ единственно на перевозку самодержавной дохлятины изъ Петербурга въ Ливадію и обратно — вы побѣдители.

Если вамъ удастся доказать, что десятки тысячъ жандармовъ, шпіоновъ, урядниковъ, рыскающихъ по голодающей, ограбленной Россіи, губящихъ ее въ компаніи съ саранчею, куською, тифомъ, дифтеритомъ, сифилисомъ, черною оспою и чумою, дѣйствительно нужны — вы побѣдители.

Если вамъ удастся доказать, что весь смыслъ человѣческой исторіи заключается въ томъ, чтобы за царями и его лютыми прохвостами сохранить дворцы, сверхъестественныя права, а за крестьяниномъ его убогую

хату и отсутствіе всѣхъ естественныхъ человѣческихъ правъ — вы побѣдители.

Но вы превосходно знаете, что доказывать вы не умѣете, вы умѣете только заточать, ссылать, вѣшать. Тюрьма, висѣлица ваши единственныя доказательства; правительственная логика заключается въ нихъ; вы ими боритесь противъ убѣжденія, истины.

Мы скоро увидимъ, кто выйдетъ побѣдителемъ.

Съ одной стороны трепетъ за свою змѣиную шкуру, за тепленькія мѣста, и, въ случаѣ карающаго кинжала, позорная смерть зарѣзаннаго палача.

Съ другой — презрѣніе къ жизни, ея всѣмъ благамъ, полное презрѣніе самой смерти, пытокъ, въ виду поглощающей великой идеи, и, въ случаѣ висѣлицы, славная смерть, мученическій ореолъ за святыню убѣжденій. Впереди слава, слава безъ конца, горячая признательность цѣлаго народа.

Мы скоро увидимъ, кто выйдетъ побѣдителемъ.

Но смѣшнѣе всего, что пуская въ ходъ висѣлицы, тюрьмы, вы, въ компанію къ нимъ, пустили въ ходъ Цитовичей, Суворинныхъ, Катковыхъ, принимая въ простотѣ душевной ихъ за моральную силу. Вглядитесь въ вашихъ защитниковъ, какою умственною рухлядью они стараются замаскировать свою бездонную умственную нищету, добровольное, за деньги нагнанное на себя идіотство.

Если бы мнѣ предложили опредѣлить въ двухъ словахъ всю сокровенную суть всѣхъ ихъ циничныхъ заморачиваній, опредѣлить ихъ программу, желанія, идеалы, я опредѣлилъ бы съ математическою точностью —

Жандармерія впередъ! мы за тобою!!

Читайте ихъ десятки лѣтъ, пытайте ихъ электричествомъ, кладите подъ прессъ въ тысячу лошадиныхъ силъ, болѣе этого вы изъ нихъ не выдавите. Странно, никому еще въ голову не приходило доказывать существованіе консерваторовъ въ Персіи и почему-то стало возможнымъ узрѣть ихъ въ Россіи. Но консерваторъ долженъ же что-нибудь защищать! Что же такого драгоцѣннаго, требующаго защиты, нашли они въ нашемъ райскомъ прошедшемъ, если они даже Александровскія реформы считаютъ необузданными, крамольными!!

О, русское правительство! Цитовичи и Катковы — твоя моральная сила, опора, и ты даже знаешь, сколько тысячъ рублей въ мѣсяцъ ты истрачиваешь на эту моральную силу.

Висѣлица, тюрьма за убѣжденіе — смертный приговоръ не надъ русскими революціонерами, но надъ вами самими. Являясь передъ вами въ послѣдній разъ для выслушиванія, задолго до суда составленнаго, каннибальскаго приговора, они, гордо смотря въ ваши безстыжіе глаза, говорили: „Вы безжалостно убиваете насъ за любовь къ родинѣ, за желаніе ей блага, но помните, не пойдетъ вамъ въ прокъ наша гибель, вы сѣете вѣтры, и вы пожнете бурю: за нами вслѣдъ встанутъ другіе и число наше умножится. Вы смѣялись надъ стонами, идущими изъ тюрьмы, и они превратились въ побѣдный кличъ, призывъ къ оружію! Встали суровые люди, полные величавой любви, святой, безграничной ненависти; въ одной рукѣ они держали книжку для народа, въ другой — смертельное оружіе; явились охотники на царей...“

Но это не все, и если ваши головы не убѣлены сѣдиною, вы доживете до той великой, страшной ночи, когда ангелъ смерти сойдетъ на нивы и отдѣлитъ плевелы... Броситъ ихъ въ огонь.

Вы этого хотѣли!!!

Ноябрь, 1880 г.

Консерваторы и либералы

(Этюдъ сравнительной психологіи)

———

„Всѣ ихъ либеральныя желанія ограничиваются, чтобы имъ позволили свободно помахать хвостомъ.

Гейне.

Господинъ Б. — Что такое либералъ?

Господинъ В. — Существо вездѣсущее. Къ нему можно вполнѣ примѣнить слова о богѣ, въ катехизисѣ Филарета: „Подымусь въ высшія сферы, ты тамъ еси; спущусь въ ретирадное мѣсто, ты тамъ еси; войду въ въ публичный домъ, ты тамъ еси; взберусь на подмостки висѣлицы, ты тамъ еси; заберусь во дворецъ, ты тамъ еси". Словомъ, сколько не опускайся, не подымайся, не мечись изъ стороны въ сторону, вездѣ и всюду либералъ.

Консерваторъ, подобно гремучей змѣѣ, носитъ на своемъ хвостѣ трещетку, заслышавъ ее, путникъ можетъ спастись на необгонимой тройкѣ, купленой у Ноздрева.

Либералъ переливается цвѣтами, ползетъ неслышно, будто любуется солнышкомъ, муравой, обоняетъ цвѣты и, вдругъ, неожиданно, вонзаетъ ядовитый зубъ; спасенія отъ него нѣтъ.

Г. Б. — Гдѣ можно встрѣтить консерваторовъ?

Г. В. — Въ тайной и явной полиціи, въ секретномъ столѣ, жандармеріи, синодѣ, сенатѣ, государственномъ совѣтѣ, въ комитетѣ министровъ, въ „Берегѣ“, „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, „Полицейскихъ Вѣдомостяхъ“, среди крѣпостниковъ—помѣщиковъ, дворниковъ, швейцаровъ, урядниковъ.

Г. Б. — А либераловъ?

Г. В. — За малымъ исключеніемъ, въ тѣхъ же мѣстахъ, но въ болѣе шаловливой формѣ, но кромѣ этого, они дирижируютъ журналы терпимости. Консерваторы въ судахъ — прокуроры; либералы — адвокаты. Консерваторы въ тюрьмахъ служатъ сторожами, экзекуторами; если нужно высѣчь, они собственноручно размачиваютъ въ соляномъ растворѣ розги и порятъ до предсмертнаго хрипа, при этомъ наружность ихъ не мѣняется.

Либералы въ тюрьмахъ служатъ смотрителями; они приказываютъ сѣчь и быстро удаляются, но, движимые любопытствомъ, возвращаются и, смакуя, ждутъ конца тѣлеснаго наказанія. Въ случаѣ отвѣтственности, все сваливаютъ на консерваторовъ. Бьютъ, мучаютъ политическихъ жертвъ не сами, но препоручаютъ консерваторамъ. Свое поведеніе скрываютъ отъ всѣхъ. Консерваторы охотно поступаютъ въ должности, требующія быстраго выворачиванья суставовъ... Либералы еще охотнѣе въ шпіоны, за границу, и тамъ, нерѣдко, пылкимъ либерализмомъ, плѣняютъ оппортунистовъ.....

Консерваторы — губернаторы. Либералы — чиновники особыхъ порученій. Консерваторы подвизаются въ государственныхъ совѣтахъ и во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ люди совѣтуютъ другъ другу, ничего не дѣлая, получать жалованіе. Либералы подвизаются въ провіантскихъ комиссіяхъ, ревизіяхъ, въ комитетахъ опеканія сиротъ.

Консерваторы въ банкахъ мрачно переносятъ съ мѣста на мѣсто кучи бумажнаго тряпья, носящія эффектное названіе: русскія государственныя цѣнности; они высчитываютъ проценты съ денегъ, которыхъ никогда не видятъ.

Либералы въ банкахъ нерѣдко крадутъ.

Консерваторы держатъ винные и водочные погреба, продаютъ оптомъ.

Либералы содержатъ питейные дома съ призывною надписью: „Распивочное, раздробительное на выносъ“, и вывѣшиваютъ трехцвѣтное знамя, цвѣтовъ сторожевой будки; подливая воду въ водку, они горячо говорятъ о равенствѣ, солидарности, свободѣ.

Консерваторы во дворцѣ служатъ конюхами, истопниками, обершьенками, шанбеляпами, кучерами, гофмейстерами, поварами, камергерами.

Либералы сводничаютъ, врачуютъ послѣдствія августѣйшихъ дебошей и, главное, ставъ флигельадъютантами, съ напыщенностью, выносятъ царскіе горшки.

Консерваторы нерѣдко противорѣчатъ либералу-монарху, съ угрюмою монотонностью, высказываютъ вѣчно одни и тѣ же воззрѣнія, они могутъ быть выражены въ нѣсколькихъ словахъ: Православіе и висѣлица, народность и размоченныя въ соляномъ растворѣ розги, любовь къ ближнему и участокъ, собственность и захапываніе уфимскихъ черноземовъ, пресса и распепеленье всѣхъ книгъ, исключая кухонныхъ, альтруизмъ и жандармерія и вообще казармы, семейство и мужелоство, принципы и каторга. Все сіе сложенное вмѣстѣ составляетъ поддержаніе основъ.

Либералы никогда не противорѣчатъ либералу-монарху. Они разсказываютъ ему анекдотцы, съ жаромъ декламируютъ ему стихи Баркова; „Первую ночь“, „Царя Никиту“ Пушкина, „Петергофское гулянье“ Лермонтова. Неномѣрными усиліями, щекотаньями доводятъ вѣнценосца до того, что тотъ, хватаясь за брюхо, готовъ отъ смѣха кататься по полу. (Мнѣ кажется, не нужно объяснять, что подобныя веселыя хватанья за животъ были мыслимы въ доброе старое время, теперь, послѣ взрыва столовой, не до того!) Князь Долгорукій, описывая дѣловое утро Александра II, повѣствуетъ, что, страдая запоромъ, онъ сидитъ цѣлые часы на суднѣ и куритъ кальянъ, по его мнѣнію, способствующій выходу самодержавнаго кала; „бары, повышенные въ лакеи“ стоятъ за ширмами, разсказываютъ ему сальности, городскія сплетни. Этимъ способомъ дѣлаютъ быстро карьеру, получаютъ высшія назначенія; наши министры, самые полные генералы, начали свою блестящую карьеру въ царскомъ нужникѣ... Благодаря придворнымъ высшимъ чинамъ и кальяну, вѣнценосецъ,

наконецъ, освобождается отъ бременившаго его, августѣйшаго кала...

Нѣтъ сомнѣнія, что кальянщики представляютъ самыхъ очищенныхъ либераловъ. У дворцовыхъ либераловъ воззрѣній нѣтъ. Каждый часъ, каждая минута родятъ новые, новые взгляды; все переливается, смѣшивается, какъ камушки въ калейдоскопѣ. Воззрѣнія ихъ такъ же капризны, какъ чрево и голова помазанника; все перепутывается: висѣлица и религія; семейство и бардель; цѣломудріе и сифилисъ; каменные мѣшки для политическихъ жертвъ и общество облюбованія животныхъ; человѣколюбіе и размоченныя въ уксусѣ розги; собственность и вывертываніе кармановъ ближняго; человѣческое достоинство и ночной царскій горшокъ; прогрессъ, цивилизація, необгонимая тройка и вѣнчаніе зданія у Цѣпнаго моста, съ надписью — конституція...

Въ десять часовъ утра они и, по ихъ словамъ, весь народъ содрогаются, цѣпенѣютъ, трепетно замираютъ по поводу пассажа со столовой въ Зимнемъ дворцѣ. Молитва, полная до верха слезъ, возносится изъ убогой хижины кроткаго поселянина, мирной конуры кроткаго рабочаго, изъ больницъ, сумасшедшихъ домовъ. Церковныя паперти, даже самыя стѣны пламенной Колхиды, и уступы „финскихъ хладныхъ скалъ“ заливаются слезами. Ужасъ, выше всѣхъ описаній, приводитъ въ полнѣйшій безпорядокъ кишки, мозги, сердца и, невольно, вызываетъ грозныя проклятія противъ святотатственныхъ злодѣевъ, дерзновенно проникшихъ съ динамитомъ въ самый дворецъ и проч. Въ десять часовъ вечера мечты о самодержавной конституціи, потребность титуловаться гражданиномъ.

Нынче восторженный взглядъ на Вѣру Засуличъ, завтра такой же на Трепова.

Нынче строгіе взоры, обращенные внутрь, требованіе безпощаднаго суда не надъ Вѣрой Засуличъ, но надъ обществомъ, то есть правительствомъ и надъ собою; завтра — порывистое предложеніе тянуть изъ нея жилы, затѣмъ требованіе гнилыхъ веревокъ для политическихъ жертвъ и не только суда надъ собою, но и отсутствіе невинныхъ угрызеній совѣсти.

Такъ какъ мы очень, очень любимъ лизать, то сравню либераловъ и консерваторовъ съ псами разныхъ

породъ. Нося въ душѣ сверхъестественное пресмыканіе, мы обидѣться не можемъ, не смѣемъ. Въ пресмыканіи, лизаніи, мы превзошли ихъ.

Консерватора можно уподобить вѣрной лягавой, или еще лучше вѣрному пуделю. За кость, остатокъ жаркого, жирныя помои, онъ будетъ неотступно слѣдовать за обожаемымъ вѣнценосцемъ или валяться въ его священныхъ стопахъ. Отлупленный имъ палкою, онъ черезъ минуту возвращается, какъ ни въ чемъ не бывало, и вѣрноподданически виляя хвостомъ, полный благопожеланій, ложится у его ногъ и принимается снова за вылизываніе. Каждаго подходящаго онъ встрѣчаетъ злобнымъ, ревнивымъ рычаніемъ.

Либералъ подобенъ шаловливой ливреткѣ. За кусокъ сахару, она вдругъ бросается къ стопамъ и съ какимъ-то остервенѣніемъ, Комисаровскимъ паѳосомъ начинаетъ лизать, пытливо обнюхивать заднія самодержавныя части. Черезъ минуту она уже, забывъ вполнѣ хозяина и сахаръ, довѣрчиво бросается къ первому встрѣчному, и разъ онъ запасся кускомъ кренделя, она начинаетъ продѣлывать надъ нимъ то же самое.

Либеральная ливретка отличается полною, безпринципностью, безшабашностью, игрывымъ собачьимъ легкомысліемъ, непостижимою забывчивостью. При перемѣнѣ властителей, пуделей-консерваторовъ, за ихъ упорство, злопамятность, часто выбрасываютъ въ живодерни или отправляютъ въ деревни, кормиться постными помоями, дохлыми галками. Либераловъ-ливретокъ обыкновенно оставляютъ при дворѣ, не боясь ничего, надѣясь на полную перемѣну чувствъ, мыслей.

Пудель, какъ ночной сторожъ, незамѣнимъ.

Ливретка, при малѣйшей опасности, летитъ кубаремъ подъ постель, и безумнымъ завываніемъ усиливаетъ панику.

Пуделя легко пріучить не дѣлать на мебель и посреди комнаты. Ливретку никакими сѣченьями не отучишь, и она, хитрымъ образомъ, всегда себѣ сыщетъ уютный уголокъ и втихомолку напакоститъ.

Пудель-генералъ степененъ, маститъ.

Ливретка, если „обожаемый“, въ минуту благослонности или благопожеланія, снизойдетъ до игры съ нею,

въ порывѣ вѣрноподданичества, можетъ сдѣлать на ногу.

Если вѣнценосецъ соизволятъ милостиво удостоить прочуствованно рявкнутъ: „ату!“ песъ-консерваторъ съ свирѣпствомъ бросается и начинаетъ заѣдать жертву. Кровь опьяняетъ его до такой степени, что нужно обломать объ него всю палку, чтобы отогнать отъ окровавленной добычи.

Ливретка-либералъ, при крикѣ „ату!“, ужасно замечется изъ стороны въ сторону, станетъ жестоко завывать, бросаться впередъ, дѣлая видъ, что готова разорвать. Кусать начинаетъ только тогда, когда вѣрный песъ-консерваторъ уже перегрызъ горло царской добычѣ.

Генералъ или тайный совѣтникъ-пудель требуетъ за свои вѣрноподданическія чувства жирныхъ помоевъ, но будетъ продолжать быть вѣрнымъ даже и тогда, когда ему будутъ выбрасывать объѣденныя, но съ мозгомъ, кости и говяжьи жилы. Главное для него, чтобы богомъ дарованный порфироносецъ, желая отбыть или прослѣдовать во внутреннія покои, позволилъ ему слѣдовать сзади и благоговѣйно обонять слѣдъ.

Ливретку помоями не удовлетворишь, какъ бы онѣ жирны не были; она требуетъ сливокъ, сахару, пирожковъ съ кремомъ, сладкихъ булочекъ, невысосанныхъ цыплячьихъ косточекъ, требуетъ бархатный ошейничекъ, съ серебряными бубенчиками, колокольчиками, съ блестящимъ замочкомъ и съ полированною дощечкою, съ именемъ хозяина, шелковую тесемочку.

Пуделя-консерватора можно бить, сѣчь нещадно: онъ не боится боли. О собственномъ достоинствѣ упоминать нечего: на то онъ и песъ, чтобы его не имѣть!

Либеральная ливретка, блистая отсутствіемъ призрака собственнаго достоинства, блистаетъ также отсутствіемъ консервативной выносливости наказанія. Ничего не имѣя противъ сѣченія, проповѣдуя его для другихъ, она жалобнымъ визгомъ умоляетъ, чтобы было не больно.

Такъ какъ мы до мозга костей полны собачьихъ инстинктовъ, то, конечно, не должны принимать къ сердцу наглядныя сравненія.

Консерваторы бываютъ часто недовольны и рѣзко недовольны.

Либералы бываютъ неопредѣленно довольны и недовольны. Человѣкъ, имѣвшій безуміе допытаться причинъ неудовольствія или удовольствія, рискуетъ впасть въ смертельное отчаяніе. Съ одной стороны выйдетъ чрезвычайно паскудно, и очень трудно въ этомъ не признаться, съ другой — выйдетъ до того хорошо, исторически необходимо, что трудно не сознаться.

Консерваторы поддерживаютъ семейство, собственность, самодержавіе, религію, вслѣдствіе безграничнаго тупоумія и вѣры, что съ ихъ исчезновеніемъ, солнце печально померкнетъ, звѣзды съ крикомъ: „караулъ, батюшки бьютъ!“, спадутъ, силы небесныя поколеблятся, печати слетятъ съ сосудовъ Соломоновыхъ, и освобожденные демоны возликуютъ.

Либералы поддерживаютъ религію по требованію полиціи и потому, что идіотизмъ, невѣжество, до поры, до времени, съ комерческой точки, незамѣнимы; семейство — потому, что можно дѣлать выгодные браки; собственность — потому что при коллективизмѣ нельзя воровать.

Консерваторы издаютъ газеты, и онѣ выписываются по предписанію начальства, читаются онѣ даже „іереями“, скорѣе изъ курьеза. Жандармы ими брезгаютъ: „намъ де все это давно извѣстно“.

Либералы издаютъ много газетъ и ихъ вообще читаютъ, такъ какъ они представляютъ единственную, такъ называемую духовную пищу, разрѣшаемую администраціей.

Но консерваторъ идетъ до конца. Онъ сумрачно надѣваетъ на политическую жертву саванъ; на шею — петлю и суетъ ему цѣловать христіанскаго бога, подъ сѣнію котораго процвѣтаютъ висѣлицы.

Либералъ сконфуженно, но быстро выдергиваетъ скамейку, и затѣмъ пылкое, легко написанное описаніе казни, съ нравоученьями, отсылаетъ въ либеральное „Новое время“, съ намекомъ на двойную плату отъ строчки.

Господинъ Б. — Что такое славянофилы?

Господинъ В. — Они очень упрямые.

Г. Б. — И только?

Г. Б. — И кромѣ того, очень, очень скучные люди, замѣчательно скучные.

Г. Б. — Чего желаютъ славянофилы?

Г. В. — Тоску разогнать у западныхъ народовъ, сказать имъ великую правду, произнести слово чудное.

Г. Б. — Что же они произнесли?

Г. В. — Нѣтъ! 40 лѣтъ обѣщаютъ, но пока не только у западныхъ народовъ тоску не разогнали, но умудрились и на своихъ тоску смертельную навести.

Г. Б. — Что они хотятъ?

Г. В. — 40 лѣтъ около царя-пушки, изъ которой стрѣлять нельзя, и около разбитаго колокола, въ который звонить нельзя, сидятъ и все натуживаются, но сдѣлать пока ничего не смогли. Пробовали на Воробьевы горы подыматься, къ церковнымъ колоколамъ московскимъ, издали прислушивались, но перезвонъ колоколовъ, только трезвонъ въ ихъ головахъ усилилъ. Сидя, они все назадъ оглядывались въ историческое прошлое.

Г. Б. — Что же они видятъ въ прошломъ?

Г. В. — Диво дивное.

Г. Б — А что вы видите?

Г. В. — Дикія полчища широкоскулыхъ, узкоглазыхъ, жрущихъ кобылятину; котлы съ кипящею смолою, колы, жаровни, крючья, костры, кнуты, кнуты безъ конца, опричнину, терема, блудъ всеобщій, разбой, грабежъ, семейныя заколачиванія въ гробъ, теплящіяся лампады у всѣхъ святыхъ угодниковъ; ужасающее невѣжество, кромѣшный мракъ, омерзительное рабство, самодовольное варварство, палача въ красной рубахѣ, съ блестящимъ топоромъ, и ярче всѣхъ видится, жрущій человѣчье мясо, царь московскій.

Г. Б. — Чтожъ, по ихъ мнѣнію, уцѣлѣло отъ завѣтной старины?

Г. В. — Царь, жрущій человѣчину, свѣтящіяся лампады у всѣхъ святыхъ угодниковъ, палачъ въ красной рубахѣ, но не съ блестящимъ топоромъ, а гнилою веревкою въ рукахъ и русское село.

Г. Б. — Уцѣлѣли ли вполнѣ царь и село?

Г. В. — Не совсѣмъ. Село кабатчики, саранча, жучки съѣли, а прахъ его становые, урядники по вѣтру развѣяли.

Царь тоже не совсѣмъ уцѣлѣлъ; на него, какъ на медвѣдя, охотились; поѣздъ его съ коронами по рельсамъ сигалъ и даже столовая было совсѣмъ улетѣть собралась. Съ точки зрѣнія славянофиловъ, это показываетъ силу, прочность трона.

Г. Б. — Но люди такъ спокойно, просто заставляющіе канканировать „разобожаемаго вѣнценосца“ кто они?

Г. В. — Русскіе, и главный изъ нихъ Сампсонъ, пошатнувшій стѣны подъ пирующими злодѣями, человѣкъ села; онъ вышелъ изъ среды, обожающихъ монарха.

Г. Б. — Религіозные ли эти люди? если нѣтъ, то легко ли они отрѣшаются отъ каѳолической трухи, т. е. отъ славянофильскихъ стропилъ?

Г. В. — Такъ же легко, какъ и отъ царя-пушки и колокола безъ языка.

Г. Б. — Но развѣ это показываетъ твердость стропилъ?

Г. В. — Спросите у нихъ. Но, впрочемъ, у нихъ есть всегда готовый отвѣтъ: что не по нихъ, то они сейчасъ объясняютъ западнымъ вѣяніемъ. Они подтасовываютъ чужую исторію; они забыли, что народъ французскій, во время болѣзни Людовика XV, очень горячо болѣзнь къ сердцу принялъ, у посла, разъѣзжавшаго съ извѣстіемъ, что вѣнценосцу получшело, ноги цѣловалъ и цѣловалъ ноги, брюхо его лошади, а затѣмъ, при общихъ народныхъ аплодисментахъ, головка наслѣдника обожаемаго вѣнценосца съ окравленныхъ ступеней въ мѣшокъ съ отрубями соскользнула.

Такимъ патріотическимъ экстазомъ похвастаться мы не можемъ: семь покушеній на „милліонъ разъ обожаемаго“ мы поразительно спокойно вынесли. Что же касается до содроганій мозговъ, заднепроходныхъ кишекъ, сердецъ, мытья церковныхъ половъ теплыми слезами народными, вознесеній пламенныхъ молитвъ къ престолу всевышняго и прочихъ Комисаровскихъ чувствъ, то всякій знаетъ, что эти чувства безпредѣльныя были почерпнуты журналистами въ секретномъ столѣ; что всю эту „безпредѣльность, безконечность“ становые, урядники, на обывательскихъ, развозили по Россіи и диктовали дворянству, купечеству.

Г. Б. — Вспомните Комисарова!

Г. В. — Да, я помню, какъ московскіе кабатчики, царскіе псы, народъ водкой съ водой травили. Помню также, какъ одинъ мужичекъ, волнуемый „обожаніемъ“, произнесъ: «Такого дня мы отъ самой коронаціи дожи' дались, на силу богъ молитвы услыхалъ“. Въ тѣ дни въ матушкѣ бѣлокаменной свершилось много чудесъ. Мы черныхъ евнуховъ за поясь заткнули! Сколько было на радостяхъ зеркальныхъ и простыхъ стеколъ побито, публичныхъ домовъ въ пухъ разнесено! Сколько неслыханныхъ членовредительствъ учинено! Пьяные, грязные, сопатые, съ зрачками налитыми кровью, купчины качались по улицамъ, рычали „Боже царя храни“. Портретъ карманнаго воришки — Комисарова у Иверскихъ воротъ вывѣшивали; лампаду около него зажигали. Но хорошенькаго по немножку! Въ слѣдующіе разы, не смотря на то, что вся тайная полиція взывала къ чувствамъ народнымъ, они, съ ея помощью, только въ газетахъ проявились, не народъ, но газетная бумага шумѣла; тщетно мясниковъ умаливали: снова ножи и окровавленные въ бычьемъ мясѣ кулаки въ ходъ пустить, но мясники лавочекъ не бросили, чувствъ не показали.

Г. Б. — Но почему смиренные подданные напустили на себя гордыню, отъ которой ихъ Гоголь предостерегалъ въ цѣломъ томѣ писемъ, свой органъ „Русью“ назвали? Лепетъ юродивыхъ обозвали великой правдой? Завываніемъ кликушъ разогнать захотѣли тоску у западныхъ народовъ?

Г. В. — Они забыли къ своей „Руси“ бездѣлицу прибавить: азіатская. Самодовольные царскіе рабы, не желая, вызываютъ изъ кромѣшной тьмы восточную деспотію, мечтаютъ о Харунъ-анъ-Рашидахъ; они идутъ въ тактъ съ царемъ. Давно, давно нашъ царизмъ распростираетъ свои объятія къ востоку. Ужасною цѣною народнаго горя, цѣною его лохмотьевъ, захватываетъ себѣ ненужныя владѣнія; теряя почву подъ собою въ европейской Россіи, онъ осѣдаетъ въ Азіи.

Г. Б. — Какимъ образомъ они могутъ совмѣстить два понятія: личность и богомъ дарованный царь? человѣческое достоинство и земной полубогъ? народъ и богомъ ввѣренные вѣрноподданные? Откуда они хотятъ выписывать, неподдающихся никакимъ вліяніямъ

царей, геніевъ ума и добра? Какимъ образомъ ихъ царь, выросшій въ чумной лакейской, палатѣ умалишенныхъ, манекенъ въ рукахъ придворныхъ, выучится уважать человѣка въ ближнемъ, склоняться передъ народомъ, который самъ ему позорно навязался въ хамы, въ стопы его челомъ бьетъ? Кто будетъ обуздывать его и дворцовую опричнину? Не общее ли пресмыканіе?? Если его и опричнину обуздаетъ народъ, то отъ нихъ праха не останется; если онъ и опричнина обуздаютъ народъ, то отъ народа останется только гнусный рабъ, недостойный исторіи, и его выметутъ, отбросятъ штыками въ безпредѣльныя пустыни востока.

Не казаки ли съ нагайками разгонять тоску у западныхъ народовъ? Не царскіе ли наушники скажутъ великую правду? Не палачъ ли съ веревкою произнесетъ то слово чудное, отъ котораго дремучій боръ разступится, мостъ черезъ широкую рѣку перекинется.

Г. В. — Человѣческое достоинство они искусно забалтываютъ во всѣхъ своихъ туманныхъ, пустозвонныхъ проповѣдяхъ, называютъ его западничествомъ, они вѣрятъ въ чудодѣйственную царскую волю, внѣ жизни, времени, пространства, ихъ я поглащается въ царскомъ я; они всѣхъ русскихъ въ факировъ обращаютъ, вѣжливо приглашаютъ войти въ чрево царское. Они проповѣдуютъ нетолько Нирвану, но и стервану.

Г. Б. — Чѣмъ они плѣняютъ умы извѣстной московской интеллигенціи?

Г. В. — Они отрицаютъ бюрократію, казенщину; упоминаютъ часто слова: „народъ“, „хата“, „село“. Люди, выросшіе на полицейскихъ вѣдомостяхъ Михаила Никифорова Каткова, ихъ принимаютъ чуть не за разрушителей. Читая каждый день о фундаментахъ, балкахъ, стропилахъ, устояхъ, рычагахъ, щебнѣ, они ихъ скоро примутъ даже за строителей. Но они забыли, что въ дѣлѣ отрицанія современнаго капиталистическаго буржуазнаго строя, люди запада ихъ давно оставили за барьеромъ, и колоссальныя революціи произнесли смертный приговоръ надъ ихъ излюбленными воззрѣніями. Расчищая обломки, созидая идеалъ будущаго, люди запада съумѣли, безъ малѣйшаго колебанія, обойти низкоподданническія пресмыканія.

Г. Б. — Обращаетъ ли на нихъ вниманіе молодое поколѣніе, вышедшее изъ того же народа?

Г. В. — Ни малѣйшаго. Молодые люди правду ищутъ не въ Азіи, а въ Европѣ; въ Россіи они для нея видятъ дѣвственную почву. Царю они не тронъ укрѣпляютъ, но могилу роютъ! Всѣ тюрьмы полны ими; новыя тюрьмы, какъ храмы божьи, „ростутъ по лицу земли родной“, но все ихъ мало. Непасытный Молохъ все жертвъ алчетъ. Всѣ русскіе центры изукрасились крестами, и на нихъ, въ терновыхъ вѣнцахъ, встекли праведною кровью 24 революціонера, свою любовь къ ближнему закрѣпивъ страшнымъ мученичествомъ.

Г. Б. — Проявилась ли послѣ 40 лѣтняго существованія славянофильская партія, сказалась ли въ чемъ нибудь ея сила? Лили-ли они кровь, или одно лампадное масло?

Г. В. — Не знаю навѣрное, а спросить совѣстно: считаютъ ли они исторію мясниковъ, Ножевой линіи, то есть бойню безоружныхъ студентовъ, привѣтствовавшихъ своихъ замученныхъ товарищей, своею исторіею, народнымъ одушевленіемъ, обожаніемъ уцѣлѣвшаго царя.

Г. Б. — Понимаютъ ли они, что благовѣствуютъ, какъ откровеніе, осатанѣлое хамство, татарщину?

Г. В. — Не думаю. Вытащите текинца, турка, образуйте ихъ и начните имъ проповѣдывать свободу личности, они васъ, при всемъ желаніи, никогда не поймутъ; вся тайна въ мозговой гущѣ ... Великое несчастіе Россіи, что въ ней разсѣянъ безпадежный, сумрачный, погребальный элементъ: текинскій.

Рядомъ съ поколѣніемъ, полнымъ огня, мужества, свѣтлыхъ надеждъ, гордыхъ мечтаній, всюду валяется мертвечина, никто ее не прибираетъ, всѣ силы деспотизма устремлены на уничтоженіе живыхъ силъ, а мертвечина лежитъ и воняетъ, покровительствуемая произволомъ... Эта ужасная, могильная вонь зачумляетъ атмосферу, разводитъ страшные, душевные недуги, помогаетъ губить здоровые организмы. Грустная, грустная страна!

Январь 1881.

Великая казнь

(Прибавленіе къ брошюрѣ: *Александръ II Освободитель.)*

„Только что панъ окровавленный
Палъ головой на сѣдло,
Рухнуло древо громадное,
Эхо весь лѣсъ потрясло.
Рухнуло древо, скатилося
Съ инока бремя грѣховъ."

. . . . . .

(О двухъ великихъ грѣшникахъ. Стих. *Некрасова.)*

I

Перваго марта 1881 года казненъ Александръ II, безумный злодѣй, двадцать лѣтъ безъ перерыва истязавшій родину; уморившій по тюрьмамъ, безъ суда, чуть не цѣлое молодое поколѣніе. Бомба оторвала ему ноги, швырнула на снѣгъ; самодержецъ, вымазанный въ Успенскомъ соборѣ, былъ раздавленъ, какъ дождевой червякъ, ногою юноши.

Потрясающее зрѣлище! великій духъ наконецъ пробудился въ задавленномъ столѣтіями рабѣ!

Съ этой минуты мы спокойны. Мы умремъ съ могучею вѣрою въ родину, и какъ бы ни были тяжки удары жизни, уже никогда не потеряемъ вѣры въ ея освобожденіе.

Исторія—увы!—немного насчитываетъ грандіозныхъ моментовъ. Въ 1649 году, 30 января, замаскированный палачъ показалъ торжествующему народу окровавленную голову Карла I. Въ 1793 году, 21 января, голова Людовика XVI, при хохотѣ, пляскахъ, скатилась въ мѣшокъ съ отрубями. Въ 1881 г. 1 марта былъ расплюснутъ Александръ II.

Послѣдняя казнь — единственная въ исторіи всего земнаго шара. Мучитель былъ приговоренъ къ смерти за годъ, и ничто не спасло его. Не камни, но бомбы возопіяли...

Праведный судъ свершился; потоки польской крови, сотни польскихъ висѣлицъ, тысячи русскихъ задох-

шихся въ сибирскихъ тундрахъ и каменныхъ мѣшкахъ, двадцать четыре висѣлицы въ одинъ годъ, наконецъ отомщены!...

Чудный юноша! наступитъ твой часъ, ты подымешься изъ безвѣстнаго гроба, и ослѣпительнѣе солнечнаго свѣта засіяетъ вокругъ твоей головы вѣнецъ славы. Не по приказанію полицейскихъ ищеекъ, передъ тобою склонится русская нація; кускомъ кирпича покажется, передъ твоимъ памятникомъ, Александровская колонна. Имена погибшихъ праведниковъ за великое дѣло любви забудутся только тогда, когда въ груди у человѣка умретъ все человѣческое.

Пройдутъ года, въ область гнусныхъ сказокъ отойдутъ сотрясающіеся, платоническіе холуи; съ отвращеніемъ, презрѣніемъ взглянутъ люди будущаго на сволочь, лизавшую вонючія остатки царя; громадный писсуаръ воздвигнется на томъ мѣстѣ, гдѣ валялся казненный царь.

Не трудно было предугадать ударъ; послѣ взрыва въ Зимнемъ дворцѣ нельзя было на минуту усомниться въ революціонныхъ силахъ, бродящихъ въ Россіи. Приговоренный къ казни, царь долженъ былъ погибнуть; никакія земныя, шпіонствующія, жандармствующія силы, никакое небесное провидѣніе не могли отвратить исполненія приговова.

Не менѣе ужасный приговоръ произнесетъ правдивая исторія надъ царемъ вѣшателемъ.

Александръ II былъ, облеченный безграничною властью, неотвѣтственный агентъ—провокаторъ; безумнымъ произволомъ, безхарактерностью, животнымъ эгоизмомъ, чорствою жестокостью онъ вызывалъ тайныя общества, и затѣмъ, замучивалъ по тюрьмамъ попадавшихся, вѣшалъ ихъ на площадяхъ.

Пусть скажутъ намъ защитники Александра II, чѣмъ лично онъ пожертвовалъ для низкоподданныхъ; оторвалъ ли онъ хоть одинъ ломанный грошъ отъ своихъ сотенъ милліоновъ для родины? пожертвовалъ ли на пользу Россіи хоть однимъ своимъ, дикимъ, сверхъестественнымъ правомъ? Всю жизнь онъ самодержавно правилъ самовластно неистовствовалъ; зло, лично мстилъ. Онъ лишилъ помѣщиковъ права терзать, продавать кресть янъ, распоряжаться ихъ жизнію, и оставилъ за собою

права: мучить, грабить, распоряжаться жизнію всѣхъ русскихъ. Незадолго до смерти, когда голодъ охватилъ полъ-Россіи, и труженикъ—крестьянинъ ѣлъ древесную кору по поламъ съ лебодою, сотнями умиралъ въ степяхъ отъ голода, отдавая, за ломоть хлѣба, дѣтей. Александръ II десятки милліоновъ откладывалъ своей длиннорукой любовницѣ, съ которой онъ, защитникъ семейнаго очага, жилъ при живой женѣ; десятки милліоновъ истратилъ на пловучій дворецъ, который такъ фатально предсказалъ его будущее, лопнувъ по всѣмъ швамъ отъ соприкосновенья съ морской волной... Нелѣпая, деревянная масса, построенная воришками, походила на тебя, старый деспотъ, — взволнованное, разъяренное море на тебя, революціонеръ!! Вспомните, съ какою развязностью царь совалъ впереди себя своихъ опричниковъ; они проѣзжали въ переднихъ вагонахъ нѣсколько разъ роковой путь, рискуя ежесекундно жизнію, и при этомъ они должны были изображать изъ себя ликованіе; имъ позволялъ царь — азіатъ, ради него, искалѣчиться; онъ разрѣшалъ имъ быть Сусаниными, безъ малѣйшей надежды, когда нибудь попасть въ оперу.

Когда катился освѣщенный электрическими солнцами поѣздъ чудовищи Сивы, десятки тысячъ народа сгонялись сторожить желѣзную дорогу, десятки людей буквально умирали отъ холода, и голода.

Газеты въ настоящую минуту снова побираются, молятъ о пожертвованіяхъ въ пользу погибшихъ за царя простыхъ людей, защищавшихъ его грудью, какъ мишенью, за мѣдные гроши. Царская фамилія, имѣющая десятки милліоновъ дохода, желаетъ облагодѣтельствовать изуродованныхъ изъ за нихъ, изъ чужаго кармана! Послѣ взрыва въ Зимнемъ дворцѣ, царь послалъ полицію побираться для пострадавшихъ.

Но смѣшнѣе всего, что газетныя балалайки, расчитывая на выручку, кричатъ о вопляхъ, стонахъ по городамъ. Духовное око корреспондента въ одну минуту обозрѣвало весь городъ. Мы прочли о содроганіяхъ, обнаруженныхъ даже за границей. Я былъ свидѣтелемъ содроганій; я цѣлые дни наблюдалъ ихъ и никогда не забуду видѣннаго мною свѣтлаго праздника; изъ устъ всѣхъ, начиная съ рабочаго, кончая ла-

вочникомъ, всюду раздавались однѣ и тѣ же слова: „По дѣломъ злодѣю!“ — „Собакѣ собачья смерть!“ — „Одно жаль, мало мучился.“ Остротамъ, смѣху конца не было. Въ кафе, на улицахъ всѣ неудержимо обнаруживали свои чувства. Меня горячо поздравляли люди незнакомые, знавшіе только въ лицо, и не забывайте, что я наблюдалъ чувства въ Ниццѣ, въ самомъ отсталомъ городѣ Франціи, набитымъ русскими, которымъ угождаютъ лавочники...

Скоро мы полюбуемся полицейскими сказками про русскій народъ. Послушайте однихъ славянофиловъ, и васъ охватитъ отчаянье за наше историческое будущее. Весь народъ я разпросить не могъ, но судя по сотнямъ наблюденій, разсказамъ изъ прошлаго, я по аналогіи пришелъ къ очень нерадостнымъ выводамъ для царскаго режима. Помню разсказъ очень богатаго генерала. На другой день послѣ Каракозовскаго выстрѣла, къ нему собрались крестьяне просить пустить скотину въ лѣсъ на траву. Воспользовавшись огромнымъ сборищемъ, онъ торжественно объявилъ о „репримантѣ,“ но вообразите ужасъ, ни тѣни удивленія не промелькнуло ни на одномъ лицѣ; они молча, лѣниво почесали затылки и послѣ нѣсколькихъ минутъ обиднаго, вялаго молчанія, сказали: „Чтожъ, батюшка, какъ же на счетъ скотинки?“ Разсказавъ это, генералъ съ негодованіемъ прибавилъ: „Скажи я имъ, что у одного изъ нихъ собака взбѣсилась, и я велѣлъ ее пристрѣлить, они бы болѣе это къ сердцу приняли.“ Имѣніе генерала находится въ самомъ центрѣ Россіи, въ Курской губерніи. То былъ первый выстрѣлъ, диковинка! То былъ чудный предлогъ для обильныхъ выпивокъ!... Холуйскій энтузіазмъ былъ всегда вопросъ жира, хамская эстетика требуетъ взлелѣянья, особенныхъ, очень пышныхъ обстановокъ, умственныхъ напряженій; желудокъ, привыкшій къ мякинѣ, ее не переваривaетъ. Что связываетъ русскій народъ съ его правительствомъ? Что у нихъ общаго? Россія на положеніи завоеванной страны у нашего правительства.

Разсказывалъ мнѣ одинъ консерваторъ другой характерный случай, изъ другой среды. Въ Ментонѣ, въ большомъ обществѣ онъ получилъ извѣстіе о шатаніи

столовой въ Зимнемъ дворцѣ, присутствовали маститые, тайные и дѣйствительные статскіе совѣтники, первыя, вырвавшіяся слова, были: „Охъ, кабы его чортъ прибралъ скорѣе! никому отъ него житья не стало!“ Всѣ расхохотались. Конечно, это не помѣшало имъ въ тотъ же день отправить телеграмму, полную дрыганій, заканчивающуюся словами: „съ вѣрноподданическимъ замираньемъ припадаемъ къ священнѣйшимъ стопамъ милліонъ разъ обожаемаго, стоны и проклятія противъ злодѣевъ наполняютъ воздухъ.“

. . . . . .

Исторія дала два страшныхъ урока: два режима отпраздновали свое существованіе. Послѣ выстрѣла Соловьева, реакція перешла возможное; справлялся по всей Россіи шабашъ вѣдьмъ; остервенѣлые звѣри, съ кровавою пѣною, рыскали по несчастной Россіи, пожирали все молодое и сильное; висѣлица была отвѣтомъ на всѣ требованія свободы и блага; она была единственнымъ правительственнымъ аргументомъ.

Галопирующій поѣздъ у стѣнъ распрохамской столицы былъ отвѣтомъ русской молодежи.

Столовая, собравшаяся улетѣть, была вторымъ отвѣтомъ той же молодежи.

Восточный человѣкъ былъ призванъ на сцену; наступило царство мистификацій. Въ наивности душевной насъ думали безнаказанно водить десятки лѣтъ обѣщаніями, притворствомъ, сладкими крошками, ласковымъ враньемъ, „но только безъ иллюзій“ и за эти десятки лѣтъ потихоньку собирались попередушить по тюрьмамъ всѣхъ честныхъ людей. Изъ тысячъ сосланныхъ административнымъ порядкомъ, возвратились десятки, и снова сосланы были сотни. Лорисъ-Меликовъ слылъ спасителемъ царя, всеобщимъ освободителемъ. Лакеи, трусы ликовали, о крамолѣ говорили какъ о прошедшемъ; ее отпѣли, заживо погребли; гробъ забивали крѣпкими гвоздями либералы и съ смѣхомъ, толкая ногою въ гробъ, говорили: „Ты не проснешься!“

Перваго марта она проснулась, подняла, какъ пылинку, туго забитую, тяжелую крышку; встала страшная изъ гроба,

Во время кровавой реакціи ударомъ снизу взлетѣла столовая; во время процвѣтанія либеральнаго замарачиванія взлетѣло высочайше, широчайшее, августѣйшее чрево...

Исторія дала два блистательныхъ урока, и нужно быть слѣпымъ и глухонѣмымъ идіотомъ, чтобы не понять вполнѣ ея суровыя, ясныя, какъ день, нравоученія.

Мы не хотимъ болѣе палачей, не хотимъ фальсификаторовъ...

Закончимъ главу удивительнѣйшимъ курьезомъ изъ газеты „Улей," какимъ то чудомъ пропущеннымъ бдящею цензурою.,.

Вотъ какіе медовые соты поднесла намъ газетка:

„Изъ достовѣрнаго источника передается слѣдующій странный фактъ: Недѣли двѣ назадъ государь сталъ замѣчать каждое утро убитыхъ голубей на своемъ окнѣ; оказалось, что огромная хищная птица, одни говорятъ — коршунъ, другіе — орелъ, помѣстилась на крышѣ Зимняго дворца; всѣ усилія убить ее оказались тщетными въ теченіи нѣсколькихъ дней. Это обстоятельство встревожило государя, онъ выразилъ, что это дурное предзнаменованіе. Наконецъ, былъ поставленъ капканъ; птица попала въ него ногой, но имѣла силу улетѣть и, таща его съ собою, упала на дворцовую площадь, гдѣ была взята. Это оказался коршунъ такихъ небывалыхъ размѣровъ, что чучело его будетъ помѣщено въ Кунсткамерѣ..."

Съ находчивостью древнихъ пророковъ, разъяснимъ смыслъ таинственныхъ словъ: коршунъ небывалыхъ размѣровъ значитъ монархъ, убитые голуби — правды мученики; кончилъ царствовать ты,—смыслъ послѣдней черты. Далѣе сопоставленія еще поразительнѣе: и у Александра, и у коршуна ноги попали въ капканъ; коршунъ кончилъ хищническіе дни на дворцовой площади, Александръ II — лютое царствованіе во дворцѣ; обѣ птицы страшно кровожадныя. Коршунъ попалъ въ кунсткамеру; рано или поздно и Александъ II будетъ фигурировать среди всевозможныхъ чудищъ въ балаганныхъ музеяхъ. Чтобы набить чучело, нужно было выпотрошить коршуна; чтобы сохранить Александра

II въ прокъ, его тоже нужно было выпотрошить, и кромѣ этого набальзимировать.

Внутренности оказались у того и у другого въ полной свѣжести. Какъ долженъ быть обязанъ Александръ III революціонерамъ: безъ ихъ помощи онъ состарѣлся бы во дворцѣ въ качествѣ безсловеснаго мальчишки.

Нравоучительнѣе всего, что злостное и недвусмысленное повѣствованіе было повторено съ пылкостью нашею мракобѣсною и славянофильскою прессою. Неужели эти умные господа могли подтасовать подъ избиваемыхъ голубковъ Александра II, а подъ одиночнаго коршуна небывалыхъ размѣровъ, всѣхъ революціонеровъ...

III.

Николай I взошелъ по кровавымъ ступенямъ; Александръ II — по бархатнымъ коврамъ; Александръ III — по скользкимъ, вонючимъ кишкимъ разорваннаго въ куски отца.

Невольно является вопросъ: что за человѣкъ Александръ III? куда направятся его симпатіи? какой у него характеръ? просвѣщенный ли онъ человѣкъ или дикій, упрямый невѣжда? съ иллюзіями ли онъ, или безъ иллюзій?

Многіе приписываютъ ему волю, какъ нѣкогда неьѣжественные куртизаны, приписывали ее Николаю I, Александру II, нѣкоторые чуть даже не образованность, чуть не начитанность, забывая, что ни въ одномъ дворцѣ, еще никто никогда не могъ сыскать ни одной хорошей книжки. Воля, въ томъ ограниченномъ смыслѣ, какъ ее понимаетъ наука, требуетъ, какъ и простой мускулъ, упражненія. Александръ III до 35 лѣтъ былъ окруженъ тою исключительною обстановкою, которая неотразимо въ самомъ корнѣ атрофируетъ волю. Онъ былъ жалкая пѣшка въ рукахъ дворцовыхъ интригановъ, онъ не смѣлъ мечтать, думать, знать, имѣть свои взгляды, свои симпатіи, антипатіи. Съ перваго дня рожденія изъ него выдрессировывался будущій фараонъ. Александръ III долженъ быть очень золъ, упрямъ, мстителенъ, какъ всѣ люди безхарактерные, задавлен-

ные, не смѣвшіе жить. Добрымъ сильнымъ, рѣшительнымъ можетъ быть только свободный человѣкъ; въ мозгъ обреченнаго на вырожденье царька, какъ въ бѣлую книгу, безцеремонно записывали дворцовую мораль; въ его пустую грудь спокойно вкладывали предписанныя дворцовыми интересами симпатіи и антипатіи. Нравственный, умственный уродъ, отпѣтый самодуръ формировался неустанно, впродолженіи 35 лѣтъ. Какимъ чудомъ можетъ вырости человѣкъ, уважающій себя, ближняго въ сумасшедшемъ вертепѣ, гдѣ снуютъ, съ самодовольною сладенькой улыбкою на вылощенныхъ рожахъ, воры, сводники, лжецы, лицемѣры, прихвостни, посѣдѣвшіе въ лакействѣ, гдѣ униженіе, безличность, песья преданность, мусульманское раболѣпіе возведены въ гражданскія доблести? Вглядитесь внимательно въ царскую семью, въ этихъ нравственныхъ и умственныхъ чудовищъ. Въ концѣ XIX вѣка, есть страна, гдѣ существуютъ юродивые, увѣряющіе насъ каторгою, тюрьмами, что они не смертные, но боги, что имъ все можно, а намъ ничего нельзя. Полюбуйтесь на августѣйшій пометъ:

Члены царской семьи въ пеленкахъ получаютъ чины и ордена, о которыхъ не смѣютъ мечтать, послѣ долгой службы, простые смертные; въ пеленкахъ получаютъ пенсіоны, на которые бы могли безбѣдно существовать тысячи русскихъ. Не зная на волосъ своего народа, родной литературы, не получивъ ни малѣйшаго образованія, еле знающіе читать по русски, они назначаются на самыя высшія государственныя должности. Несмотря на накраденные милліоны, они продолжаютъ, съ болѣзненнымъ аппетитомъ, обворовывать ввѣренныя имъ арміи, флотъ; ихъ подлая жизнь проходитъ въ обжорствѣ, пьянствѣ, блудѣ; заносчивость, грубость, наглость этой сволочи не знаетъ предѣловъ. Какое бы преступленіе они не свершили, они неотвѣтственны; отъ нихъ нельзя избавиться, ихъ нельзя покарать — простымъ судомъ*; имъ все можно за то, что они

*) Изъ вѣрныхъ источниковъ мы узнали, что Александръ III скоро понялъ всю чудовищность ихъ безнаказанности. Въ случаѣ крупной пакости, онъ призывалъ мышинаго жеребчика къ себѣ въ кабинетъ и билъ его смертнымъ боемъ. Всѣ, такъ называемые, великіе князья тряслись, буквально умирали отъ страха, когда ихъ призывали въ кабинетъ. При безсильномъ сморчкѣ Николаѣ II они снова распустились. Январь 1910 г.

умѣли родиться, въ моральномъ смыслѣ—скверно родиться...

И среди этой единственнѣйшей въ своемъ родѣ семьи выросъ Александръ III, и онъ божьей милостью будетъ править!...

Міръ кругомъ измѣняется, измѣняется и Россія.

Исторія выдвинула новыя формы борьбы; великія вещи будутъ свершаться малыми средствами. Отъ громадной растраты революціонныхъ силъ люди, наконецъ, пришли къ величайшей ихъ экономіи; они стали разить въ самый центръ гибельнаго режима, не разбрасываясь. Въ разсказѣ Гаршина „Красный Цвѣтокъ," впитавшій въ себя всю человѣческую кровь, вырываетъ сумасшедшій... Въ дѣйствительной жизни, этотъ символическій цвѣтокъ будутъ стараться вырвать самые разумные, самые дивные люди страны...

Чтобы предотвратить гибель, Александръ III долженъ, не теряя времени, изрѣчь полную амнистію, для всѣхъ политическихъ безъ исключенія, объявить полную свободу прессы, уничтожить тотчасъ же проклятую административную ссылку и чрезычайные суды; созвать земскій соборъ!!!

И снявъ съ своей головы, облитый кровью, обрызганный желудочнымъ сокомъ отца, тяжелый царскій вѣнецъ, онъ долженъ смиренно повергнуть его къ стопамъ народныхъ представителей!!!

Мартъ 1881 г.

Витова пляска

Лишь тѣни прокаженныя я вижу,
Да рожи глупыя, и самъ не знаю
Въ больницѣ я, иль въ домѣ сумасшедшихъ.

Гейне.

I

Холуи нестерпимо воютъ; припадки патріотической астмы усилились до такой степени, что можно опасаться за скоропостижную смерть. Полиція начинаетъ понемногу унимать энтузіастовъ; просить кое-что оставить въ запасъ, посолить въ прокъ, намариновать: чувства стали очень ужъ припахивать; запахъ разлагающагося пса сталъ носиться всюду. Редакціи многихъ газетъ стали походить на астраханскіе тузлуки. Уличные и газетные патріоты начинаютъ производить впечатлѣніе людей, испражняющихся на серединѣ улицы, при дамахъ и дѣтяхъ.

Смердящая клоака разлилась, затопила весь городъ и окрестности; напустившіе мерзость смекнули, что они сами рискуютъ задохнуться отъ вони.

Газетчики черезъ чуръ ужъ навоняли!

Распространился слухъ, что редакторъ „Позорнаго Времени“, Суворинъ, проглотившій при всѣхъ крошечный кусочекъ царской кишки, затѣмъ кинувшійся, съ

истеричными подвываньями, въ самую середину клоаки, по возвращеніи домой, получилъ краткую записочку:

„Балалайка, довольно! Ты, истинный русскій, скорѣе вымойся въ бани и уймись, иначе ты примешь наказанье на лицѣ".

Говорятъ, что выгнанные изъ III отдѣленія дряхлые шпіоны, вновь потребованы; самый маститый изъ нихъ, въ ночныхъ походахъ посѣдѣлый, былъ избранъ изображать изъ себя, на проводахъ Александра II, Сусанина и вообще русскій народъ. Въ простомъ кафтанѣ, влекомый двумя пожилыми доносчиками, онъ слѣдовалъ за гробомъ, изнемогая подъ тяжестью третьеотдѣленскаго вѣнка. Онъ и товарищи передъ церемоніей получили по штофу водки; благодаря ей, патріотизмъ поднялся до такой степени, что они цѣлый часъ валялись по ступенямъ катафалка, слезно взывая: „На кого ты насъ родимый оставилъ?" Генералъ Рылѣевъ успокаивалъ стариковъ, сулилъ безмятежность въ будущемъ; но они не унимались и наконецъ стали пророчествовать и поносить; пришлось ихъ взять за лохмы, и вывести. Шпіонскій вѣнокъ былъ положенъ на самое сердце помазанника.

Гдѣ то набраны были малютки, съ ангельскою невинностью, они возложили вѣнокъ съ надписью: „Царю-отцу отъ рыдающихъ малышей". Суворинъ взываетъ къ шпіонскимъ походамъ противъ Англіи, Швейцаріи, Франціи, Бельгіи, Австріи, Америки. Щедро расточаются чудесные замыслы: запрещеніе ввоза часовъ и шкатулочекъ съ музыкой; пріостановка на границѣ пэль-эля, портера; недопусканіе парижскихъ модъ, вѣнскихъ кожаныхъ издѣлій, брюссельскихъ кружевъ; страшныя пошлины должны налечь на всѣ товары, идущіе изъ Европы и Америки; всѣ иностранцы должны быть капельку побиты и изгнаны: русскимъ выѣздъ за границу запрещенъ; требуется конфискаціи подозрительныхъ домовъ, въ пользу казаковъ. Всѣ жители безъ исключенія, должны день и ночь помогать розыскивать неблагонадежность.

По улицамъ всѣ должны ходить, растегнувъ жилеты, сюртуки, панталоны (на животѣ можетъ быть спрятанъ кинжалъ), безъ шапокъ (въ нихъ можетъ таиться бомба) безъ сапогъ (въ нихъ можетъ быть запхнутъ ядъ),

безъ платковъ (въ нихъ были завернуты бомбы) съ вывернутыми карманами (въ нихъ могутъ быть револьверъ и деньги для святотатственныхъ покушеній), курсистки должны носить костюмы „имперіи“ чтобы все непремѣнно сквозило.

„Русь“, „Московскія Вѣдомости“ приглашаютъ Александра III въ Москву, ему отводятъ на жительство, похожую на него „Царь-пушку“, и символическій „Колоколъ безъ языка“, изображающій Россію безсловѣсную.

Петербургъ оказывается недостаточно хамскою столицею; нужно избрать другую: идеально распрохамскую. Да здравствуютъ мясники Ножевой линіи, да возликуетъ „порфироносная вдова!“ Откройте намъ свою программу московскія кликуши! Велите подтереть разлитую вокругъ васъ патріотическую блевотину и объяснитесь ... Вотъ ужъ двадцать лѣтъ, какъ всѣ силы правительственныя явныя и тайныя растрачиваются, но поразительно тщетно, на вырываніе крамолы. Нѣтъ того палачества, безумія, которыя не были бы пущены въ ходъ; результаты вы имѣли удовольствіе зрѣть *перваго марта*. Но, вы остались глухи къ великимъ урокамъ жизни; вы снова взываете къ мщенію, вырыванію корней. Что хотѣли, вы, сказать слѣдующею тирадою:

„Въ Москву! домой! здѣсь только, въ колыбели государства и своей власти, почувствуетъ себя русскій царь вполнѣ у себя; здѣсь его окружитъ его народъ твердымъ, несокрушимымъ, какъ онъ самъ, оплотомъ (положимъ, Александръ II оказался очень сокрушимымъ), Такимъ, котораго не замѣнитъ никакая полиція въ свѣтѣ, круговою порукою, порукою всей земли (всей ли земли? въ Москвѣ 450.000 жителей, всякаго сброда врядъ ли они всѣ до послѣдняго раздѣляютъ холопскую истерію Аксакова!) Его окружитъ народъ исполинъ, которому нѣтъ равнаго въ мірѣ по любви, по самоотверженной преданности къ своимъ вождямъ, къ вѣнчаннымъ представителямъ его исполинства“.

Не знаю, были ли Разинщина и Пугачевщина выраженіемъ самоотверженной преданности, несравненной любви къ вѣнчаннымъ вождямъ. Человѣкъ, имѣющій каплю смысла, уважающій себя и читателей, не осмѣ-

лится открыто увѣрять, что всеобщее непроходимое невѣжество, несознаніе своихъ человѣческихъ правъ, индиферентизмъ, безсмысленное, не имѣющее почвы, холопское обожаніе могутъ, гдѣ бы то ни было, считаться исполинскою силою. Мы вѣримъ въ будущее русскаго народа только по тѣмъ колоссальнымъ, мощнымъ силамъ, которыя, такъ вскорѣ послѣ освобожденія, онъ выдвинулъ изъ себя. Двадцать четыре висѣлицы, тысячи замученныхъ „за великое дѣло любви“ заставляютъ насъ свѣтло смотрѣть на будущее. Повѣшенные раскрыли передъ нами безграничные горизонты; *1 Марта* освѣтило наше черное прошлое ослѣпительной молніей. Писатель безъ идеала — ничтожный слизнякъ; идеализировать омерзительную сторону нашей жизни, вытекшую изъ многовѣковаго рабства, возводить нашу рабскую подлость въ гражданскую доблесть не только глупо, но и гнусно. На наше счастіе, нашъ народъ такъ же индиферентенъ къ царю, какъ итальянцы къ папѣ; вы можете смѣло всей царской семьѣ выпотрошить внутренности, онъ презрительно отвернется отъ вашего захлестыванья.

Царелюбцы, вникните въ приглашеніе въ Москву; отбросьте неряшливую реторику, и въ результатѣ получится слѣдующее: „царь! къ намъ скорѣе въ Москву; ненужно полиціи: мы всѣ охотно превратимся въ жандармовъ, шпіоновъ, полицейскихъ! Въ мірѣ нѣтъ болѣе холуйскаго населенія, какъ наше московское; наше хамство ввошло въ пословицу, оно историческое. Наши предки со слезами лизали потныя пятки татарскому хану; мы будемъ лизать твои!“ Но лизаніе августѣйшихъ пятокъ не есть гарантія, это отвлекаетъ отъ охраны. Не знаю, какимъ образомъ лизанья, припаданья, дрожанья, пресмыканья, круговыя поруки, единеніе съ исполинами-мясниками могутъ помѣшать прорыть мину или бросить бомбу; открыто это не подготовляется, что же касается до ясновидѣнія, то даже и московскіе обыватели, при всѣхъ своихъ низкоподданническихъ способностяхъ, врядъ ли умудрятся насквозь прозрѣть стѣны домовъ и мостовую; осматривать же другъ друга день и ночь обойдется себѣ дороже, неизбѣжно наступитъ неизлѣчимое преутомленіе, наконецъ, не будетъ

же Александръ III сиднемъ сидѣть взаперти всю жизнь, не смѣя никуда показать носа.

Отчего такъ были сухи ваши слезливыя очи, такъ каменно тверды сердца, когда на вашихъ глазахъ десятки тысячъ невинныхъ молодыхъ людей умирали страшною, долгою мучительною смертью въ безотрадной мглѣ изгнанія, въ ледяныхъ пустыняхъ Сибири, административной ссылкѣ, въ каменныхъ мѣшкахъ по тюрьмамъ? Когда сотни изъ нихь, изможденные, надорванные, съ кровохарканьемъ или началомъ сумасшествія возвращались къ своимъ роднымъ? Кровавыя слезы тысячъ несчастныхъ отцовъ, матерей, сестеръ, братьевъ, друзей, растопили ли ваши хамофильскія душенки? вызвали хоть одну слезинку, хоть одно слово негодованья, протеста?... Обливалось ли кровью ваше сердце, когда тысячи русскихъ людей, кормильцевъ нашихъ, пухли отъ голода, а милліоны ѣли лебеду? Правда, не смотря на всѣ ярыя выкрикиванья о народѣ—исполинѣ, вы въ глубинѣ души считали его вьючною тварью, не имѣющую правъ на жизнь, на счастье! Но когда взорвали ненасытное царское брюхо, казнили злодѣя, обокравшаго всю Россію, высосавшаго изъ нея всю кровь, всѣ жизненные соки, вы тотчасъ же выпустили изъ себя собственныя кишки отъ горя, слезами стали мыть полы царскихъ лакейскихъ... Пусть Аксаковъ не забудетъ своего совѣта правительству („Русь“ № 17, стр. 8): никогда не прощать попавшихся по политическому дѣлу, не вѣрить ихъ исправленію; вѣчно ихъ мучить и никогда до самой смерти не выпускать изъ тюремъ. Онъ совѣтуетъ заживо погребсти все русское молодое поколѣніе. Грязные, безсердечные, свирѣпые холуи, прійдетъ вашъ часъ, васъ оцѣнитъ Россія!...

Вы—предпочли бы еще двадцать лѣтъ терпѣть униженія, разбой, грабежъ, безобразія, произволъ, только бы царь былъ живъ! Онъ не человѣкъ, ему все можно, даже должно! Намъ, холопамъ, ничего, ничего нельзя, мы должны точить слезы радости при мысли, что онъ удостоиваетъ терзать, топтать насъ!...

. . . . . .

Оказывается, народъ не только въ Россіи, но даже въ Варшавѣ, вотъ уже пятнадцать дней, не отдыхая ни

минуты, рыдаетъ и посылаетъ грозныя проклятія..... Мясники Ножевой линіи, уже пожертвовали нѣсколько телячьихъ головъ, хвостовъ и бычьихъ потроховъ на лавровый вѣнокъ и послали адресъ царю, съ грознымъ требованіемъ, чтобы всѣ крамольники до единаго предстали передь ихъ ясныя очи, раскрыли всѣ святотатственные планы; если же они не предстанутъ, то мясники обѣщаютъ сыскать ихъ, прирѣзать и скушать, такъ какъ они „крѣпкою, какъ смерть любовью обожаютъ царя". Они угрожаютъ идти походомъ на Францію, Швейцарію; сухимъ путемъ — пройти въ Англію и, окруживъ ее, перерѣзать всѣхъ ея быковъ. Горячо просятъ новаго царя, на время похода, охранять хорошо мясныя лавки: въ нихъ все спасеніе. Русскій тронъ только и можетъ держаться на „рогатой говядинѣ". Продавцы сѣна, цѣловальники, развернувъ побѣдное знамя Сѣнной площади, примкнули къ мясникамъ; говядина, сѣно, водка вздорожали; въ предводители выбраны: вмѣсто Минина-Сухорукова — Аксаковъ; вмѣсто Пожарскаго — пожарская пережаренная котлета — Суворинъ.

„Никакое раскаяніе, никакія очистительныя жертвы — восклицаютъ корреспонденты — во вѣки не смоютъ кроваваго пятна!" Врядъ ли много найдется людей, способныхъ искренно пожертвовать одной лаханкой мыльной воды на такое смываніе.

Но нетолько корреспонденты, но даже попы обрѣли прочувствованное слово. Я начинаю вѣрить въ говорящую ослицу Валаама. Нѣкоторые изъ нихъ дошли до кощунства: Александръ II сравнивался съ Іисусомъ. Въ Москвѣ одинъ пастырь, проводя парралель между смертью Александра II и Іисуса, изрекъ: „Монархъ изволили воскликнуть: „карауль! помогите!" Братіи, не то же самое произнесъ Христосъ, возопивъ: „жажду„? Монархъ удостоили сказать: „холодно", не то же ли самое произнесъ Христосъ, возвавъ: „свершилось". Воинъ приподнесъ на копьѣ богу нашему губку съ уксусомъ, не то же самое свершилъ жандармъ Кобелевъ, закрывъ главу помазанника своимъ засмарканнымъ платкомъ"?

Я напомню пастырямъ, что они сравниваютъ два существа, нѣсколько разныхъ обстановокъ и происхож-

деній. Іисусъ, сынъ Бога и дѣвушки еврейки Маріи, Александръ II, сынъ Николая Павловича и нѣмки Александры Ѳеодоровны. Логичнѣе сравнить Александра II съ блаженной памяти царемъ Иродомъ. За усердныя сравненія попу, вмѣсто часовъ или перстенька, слѣдовало бы поднести рюмку очищенной, со словами: ври, подлый попъ, но знай же мѣру...

Весь міръ въ опасности: война объявлена. Если бы вы знали крошечные, разъяренные „Держиморды“ до чего вы безобразно смѣшны, когда затѣваете одолѣть весь міръ хамствомъ. Оглянитесь на Персію, Турцію и смиритесь!...

Смертельный ужасъ объялъ Европу: Суворинъ, Мартенсъ, Катковъ, Аксаковъ идутъ на нее! Полицейскія старыя крысы осаждаютъ Монъ-Бланъ.

Повѣрятъ ли намъ наши внуки, что мы заново пережили исторію Тацита? Люди мы? — нѣтъ! Псы? — нѣтъ! Я боюсь сравненіемъ оскорбить честныхъ собакъ. Собачья порода для насъ, великихъ русскихъ душъ, стала чѣмъ то недостижимымъ, идеальнымъ. Выкормленная сливками шавка не напишетъ хвостомъ того, что писали петербургскіе и московскіе, такъ называемые, выразители общественнаго мнѣнія...

II

Славно начинаетъ свое царствованіе Александръ III! Снова прохожихъ хватаютъ; снова разбойники врываются въ частные дома, квартиры и безчинствуютъ, какъ въ публичномъ домѣ.

Подымаются изъ тьмы: осадное положеніе, чрезвычайные суды. Герой „Весты“ Барановъ, осаждавшій турецкіе броненосцы, начинаетъ съ тѣмъ же геройствомъ, осаждать дома, квартиры петербургскихъ обывателей. Александръ II всѣхъ героевъ славянскаго освобожденія превратилъ въ заплечныхъ мастеровъ. Александръ III превратитъ ихъ въ своихъ сатрановъ, шпіоновъ, провокаторовъ...

Славно начинаетъ царствованіе Александръ III!

На предложеніе петербургской думы: построить на мѣстѣ разлитія крови дешевенькую часовню, Александръ III собственноручно приписываетъ: „Желатель-

но было бы построить церковь". Чудное распоряженіе великолѣпныя проблески государственной экономіи! Вмѣсто школъ, больницъ, лучше — церковь. Распоряженіе достойное попа Бѣдоносцева! Ограбленная, несчастная Россія, ввидѣ добровольныхъ пожертвованій, должна выжать изъ себя послѣдніе соки, чтобы построить роскошный храмъ, во имя того, кто ее безпощадно грабилъ, безпощадно терзалъ.

Александръ Ш забылъ, что церковь будетъ носить двусмысленный характеръ: Россія не будетъ знать, нужно ли ей молиться за юношу, избавившаго ее отъ „Синей Бороды", или за кишки „Синей Бороды".

Александръ Ш, повидимому, намѣренъ, подобно родителю, всѣ свѣденія о Россіи черпать въ полицейскомъ участкѣ; онъ не предложилъ бы церковь, если бы догадывался о настоящихъ чувствахъ, которыя питаетъ Россія къ Вѣшателю. Трудно узнать обратную сторону, когда малѣйшій проблескъ искренняго чувства ведетъ въ тюрьму. Пусть вѣритъ льстецамъ, лизоблюдамъ, высокопоставленнымъ лакеямъ! Пусть вѣритъ адресамъ, донесеньямъ отъ губернаторовъ, полицмейстеровъ, исправниковъ, тѣмъ ужаснѣе будетъ, впослѣдствіи, разочарованіе.

Иностранныя газеты, пораженныя чрезвычайнымъ судомъ надъ Желябовымъ, Перовской и ихъ товарищами, предрекаютъ висѣлицы.

Мы отказываемся вѣрить: Александръ Ш, подписавъ смертный приговоръ судьямъ отца, подпишетъ свой смертный приговоръ. Онъ взойдетъ на тронъ между ногъ повѣшеннаго; висѣлица будетъ его тріумфальною аркою; онъ будетъ коронованъ палачемъ Фроловымъ; страшное то будетъ предзнаменованіе!

Ужасное будущее развернется передъ новымъ царемъ Вѣшателемъ: онъ будетъ дрожать, какъ отецъ, день и ночь, ожидая казни. Страхъ плохой совѣтникъ. Трусъ всегда безпощадный злодѣй; спасая негодную шкуру, онъ начнетъ выдумывать жестокости. Тайная полиція, какъ отвратительный паукъ, тихонько втянетъ его въ свою паутину. Одна гнусная мѣра вызоветъ другую; пьяный палачъ снова подыметъ голову; безотвѣтственные изверги, съ безстыдною наглостью, снова выступятъ на всероссійскую сцену; преслѣдуя револю-

ціонеровъ, они неизбѣжно начнутъ преслѣдовать всѣхъ. Россія снова превратится въ домъ терпимости, въ который входъ не запрещенъ ни днемъ, ни ночью. Злоба, тайное ожесточеніе, начнутъ сказочно быстро расти. Революціонеры, на этотъ разъ, поддерживаемые массами, съ презрительнымъ хохотомъ, взорвутъ, не умѣвшаго понять страшныхъ уроковъ исторіи, жалкаго, безумнаго, упрямаго глупца. Во всѣхъ полицейскихъ скорбяхъ объ Александрѣ II всюду указывается на освобожденіе крестьянъ и прочія попытки реформъ. Объ Александрѣ III и этого нельзя будетъ сказать. Исторія скажетъ о немъ два слова: „Александръ III, взойдя „божіею милостью на тронъ прародителей, казнилъ (число казненныхъ), усилилъ непомѣрно ввѣренную ему жандармерію и тайную полицію и, наконецъ, самъ вскорѣ погибъ ужасною смертью отъ руки своихъ неумолимыхъ враговъ."

То будетъ достойная участь для сына Вѣшателя! не даромъ новый царь объявилъ, что послѣдуетъ, божіею помощью, путемъ своего отца, т. е. по Екатеринскому каналу или по Малой Садовой. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Апрѣль, 1881 г.

АЛЕКСАНДРЪ III МИЛОСТИВЫЙ

Прекрасна
Была жизнь Брута, въ немъ стихіи
Такъ соединились, что природа можетъ,
Возставъ, сказать предъ цѣлымъ міромъ:
Это былъ человѣкъ.

Юлій Цезарь. Шекспира

То, что въ пѣснѣ будетъ вѣчно,
То должно погибнуть въ жизни.

Гейне.

Злодѣйство свершилось; пять великихъ праведниковъ, пять судей царей взошли на эшафотъ, приняли мученическій вѣнецъ. Безсмертная слава убитымъ! Вѣчный позоръ, проклятія оставшемуся въ живыхъ, бездушному вѣшателю!

Въ тьму отодвинулся крестъ на Голгоѳѣ.

Ужасъ, ненависть, презрѣніе охватили не только весь цивилизованный міръ, но и Россію. Въ Женевѣ, на всѣхъ улицахъ, на стѣнахъ были расклеены прокламаціи; представители всѣхъ сословій протестовали противъ безумнаго варварства, средневѣковой казни. Во всей Франціи готовятся громадныя манифестаціи противъ злодѣйства.

Повѣшена женщина; приговорена къ вѣшанію другая, носящая въ утробѣ младенца. Рука Александра II не въ состояніи была подписать смертнаго приговора женщинѣ: она бы дрогнула; рука сына безтрепетно подписала. Впередъ идетъ проклятая порода.

Восхваляемая, сентиментальными институтками, новая царица не остановила руки средневѣкового палача, готовящагося задушить младенца въ утробѣ измученной матери, она забыла, что у нея есть дѣти, забыла моментъ, когда у нея самой въ первый разъ „ребенокъ подъ сердцемъ шевельнулся“.

Страшно кончится царствованіе, начатое страшнымъ преступленіемъ. Чудовищныя событія разовьются изъ висѣлицы 3 апрѣля.

Подробности бойни ужасны: пьяный палачъ, по приказанію царя, не вѣшалъ, но запытывалъ несчастныхъ.

Михайловъ обрывался два раза; на Желябова, Перовскую надѣты были петли такъ, что имъ пришлось задыхаться около 20 минутъ.

Великіе, безстрашные, они взошли, не дрогнувъ, на эшафотъ. Желябовъ поцѣловалъ крестъ... Я понимаю тебя, печальникъ народный, мученикъ правды! ты поцѣловалъ запытаннаго на крестѣ не какъ бога, но какъ брата, умѣвшаго умереть за святыню убѣжденій! Ты вспомнилъ роковой день, когда онъ, пригвожденный ко кресту, въ терновомъ вѣнцѣ, умиралъ, истекая кровью. Іерусалимскіе Муравьевы, Аксаковы, Катковы, Суворины съ дикими воплями, плевали въ его, блѣдное лицо, издѣвались надъ его послѣдними муками, его ученіемъ. Но прошли года, и распятый сталъ богомъ для половины міра.

Великіе страдальцы! ваши муки кончились; висѣлица васъ подняла выше звѣздъ; ваши позорные саваны скоро превратятся въ ту лучезарную, затмѣвающую свѣтъ солнца, легендарную ризу, при видѣ которой, въ трепетѣ, пали ницъ апостолы на горѣ Ѳаворѣ. Муки вашего палача только начинаются. — „Макбетъ зарѣзалъ сонъ и отнынѣ уже никогда не спать Макбету". — Любуйтесь на Калигулу: онъ вчера взошелъ на тронъ, и уже заарестованъ! Не успѣла нога окрѣпнуть на тронѣ, и онъ дрожитъ по ночамъ, его днемъ пугаютъ привидѣнія! Въ мрачномъ, еще такъ недавно покинутомъ дворцѣ, онъ запираетъ самъ въ своей комнатѣ желѣзныя ставни. Вооруженные, съ головы до пятъ, солдаты стерегутъ его логовище; онъ окопалъ рвами дворецъ, забывъ о бомбахъ и новыхъ изобрѣтеніяхъ. Жена его кричитъ по ночамъ, ее давятъ кошмары; навѣрное, ей слабая, закутанная въ саванъ дѣвушка грезится и больная, беременная, зарытая въ каменномъ мѣшкѣ, ожидающая казни... Онъ сокращаетъ государственные расходы, съ мечтою: убить все на тайную полицію; она высосетъ изъ него всѣ соки, какъ сѣрый паукъ, соки, попавшейся въ паутину мухи, затѣмъ такъ же убережетъ его отъ крамолы, какъ уберегла его отца...

Александръ II двадцать лѣтъ, одинъ, свободно, гулялъ по улицамъ; Александръ III, съ перваго дня, окружилъ себя безчисленнымъ конвоемъ; съ перваго дня

сталъ подводить изъ-за себя подъ смерть своихъ вѣрныхъ рабовъ; его, какъ арестанта, возятъ по улицамъ; онъ поскользнулся въ крови, упалъ, и нѣтъ сомнѣнія, никогда не встанетъ. Его отецъ началъ реформами, его волновали либеральныя вожделѣнія; онъ становился подъ вліяніемъ, все болѣе и болѣе озвѣрѣвавшихъ мракобѣсцевъ, злодѣемъ постепенно. Александръ III, сразу опозорилъ себя неслыханною жестокостью, лютою местью, чисто въ казни его отца было что-нибудь личное...

Онъ подарилъ, вмѣсто всѣхъ реформъ, амнистій: пять висѣлицъ, полицейскій парламентъ, знаменитое вотированіе по квартирамъ, съ завѣтною мыслію: осмотрѣть всѣ дома.

Тайная, какъ всегда, неотвѣтственная полиція, хватающая всѣхъ по улицамъ, сказочно глупыя, ежесекундно смѣняемыя мѣры, снова превратили всю Россію въ кабакъ, ночлежный пріютъ для жандармовъ и полицейскихъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ хуже, и чѣмъ хуже, тѣмъ лучше!!...

Александръ III свою изумительную трусость обнаружилъ, бывъ наслѣдникомъ. Вспомните его ссору съ прусскимъ наслѣдникомъ, съ застрѣлившимся офицеромъ шведомъ, бѣгство изъ Аничкова дворца въ день подаванія петиціи. Тиранъ, трусъ, безпощадная гадина, облеченный безграничною властью, онъ обыкновенно не останавливается ни передъ какою гнусностью, кровожадностью, и въ самое короткое время обыкновенно сходитъ съ ума,—если не считать самое признаніе себя самодержцемъ за злостное сумасшествіе. Прежде помѣшанныхъ идіотовъ душили во дворцѣ свои, теперь ихъ будутъ истреблять на улицахъ герои, вышедшіе изъ народа, мученики свободы, правды.

Александръ III, не смотря на страшный конецъ отца, объявилъ на весь міръ, что онъ выше закона... онъ забылъ продлить мысль, прибавить, что стоящій выше закона, становится внѣ закона... его въ тупикъ становитъ гнилая Европа, не признающая политическаго преступленія. За убитую собаку — штрафъ; за убитаго самодержца даже штрафа не полагается. Стоящій выше закона, нравственный идіотъ не долженъ осмѣливаться

обращаться къ закону, искать въ немъ въ критическую минуту защиты.

II.

Муравьевъ, ѣздившій въ Парижъ, съ грезою: заковать Гартмана, пускавшій слюну при мысли о лакомой добычѣ, былъ напущенъ на жертвъ 1 марта. Оплеванный въ Парижѣ, разочаровавшійся въ наградахъ, выпустившій изъ жадныхъ рукъ серебрянники Іуды, онъ захотѣлъ нагнать событіемъ 1 марта. Деньги, ордена, повышенія возбуждали въ немъ тѣ инстинкты, на которые неспособно самое лютое животное. Онъ потребовалъ смерти для беременной, для 19 лѣтняго юноши; пять часовъ онъ громоздилъ хамство на клевету, клевету на подлость, подлость на непостижимую глупость. Но когда пришлось заговорить приговореннымъ къ казни, предсѣдатель Фуксъ началъ учить ихъ, какъ защищать себя, какъ отвѣчать; онъ не далъ имъ развить передъ судомъ то ученіе, тѣ принципы, за которые они пожертвовали своею молодою жизнью.

Онъ запретилъ говорить адвокатамъ; онъ повелѣлъ имъ считать, во что бы то ни стало, терроръ жаждою крови и съ воздушными корнями. По мнѣнію суда, т.е. застѣнка, не историческая необходимость выдвинула терроръ, но адъ, переполнившійся крамолою.

Когда Герардъ, вскользъ упомянулъ о заарестованіи по одному только процессу 193 около тысячи невинныхъ; въ одномъ только Петербургѣ и о 4-лѣтнихъ предварительныхъ одиночныхъ, тюремныхъ заключеніяхъ, ему, находчиво посовѣтовали не вспоминать стараго—въ тоже время вѣчно новаго, не входить въ подробности. Когда другой адвокатъ заявилъ, что мнимые злодѣи отличаются кротостью, простотою, любовью къ ближнему, энергіей, мужествомъ, ему тоже посовѣтовали не входить въ подробности. Каждое слово о снисхожденіи прерывалось завываніемъ: „распни! распни! ты не другъ цезаря!“

Не забудетъ молодая Россія прокурора, строющаго свою карьеру на трупахъ и его усердствующихъ товарищей, не розами будетъ усыпанъ ихъ жизненный путь... Близорукіе, тупые злодѣи думаютъ, что на ихъ

вѣкъ хватитъ, забыли, что „злое дѣло вѣчно за собою духа мстителя несетъ...“ Крестъ на шею, или на пустую грудь заслонили крестъ Голгоѳы.

Бѣшенство, желчь душатъ насъ при мысли, что въ концѣ XIX вѣка, на нашихъ глазахъ свершаются тѣ ужасы, при видѣ которыхъ современники Торквемады взяли бы въ руки оружіе и съ воплемъ мести ринулись бы на своихъ враговъ.

Упорные слухи носятся всюду, что четыре дня, между приговоромъ суда и казнью, не прошли даромъ. Не боясь болѣе разоблаченій на судѣ, палачи перестали женироваться. Совѣтъ Каткова: смирить, во что бы то ни стало, приговоренныхъ, не пропалъ даромъ; ихъ смиряли огнемъ, раскаленнымъ желѣзомъ, кнутомъ, электричествомъ. Мы скоро узнаемъ, что кричалъ Михайловъ съ черной колесницы, что сказалъ Желябовъ попу, цѣлуя крестъ. Людей-титановъ хотѣли обезсилить пытками; палачи дрожали отъ злобы при мысли, о ихъ побѣдоносномъ шествіи на висѣлицу.

Петербургскіе оракулы передаютъ странное стеченіе первоначальныхъ буквъ именъ царской фамиліи: Николай, Александръ, Владиміръ, Алексѣй, Сергѣй, буквы, сложенныя вмѣстѣ, составляютъ: *на васъ*, а обратно — *саванъ*...

Невольно, приходитъ на память галлюцинація Вальтасара: исполинская огневая рука, начертавшая пророческія, таинственныя слова...

Геся Гельфманъ будетъ дожидать пять мѣсяцевъ, въ каменномъ мѣшкѣ, своей смерти. Каждый, прожитый въ мукахъ день, ее будетъ приближать къ висѣлицѣ.

Что передумаетъ мать, обреченная казни, въ долгіе, долгіе дни, безконечныя, мучительныя ночи!... Какъ сладки пытки инквизиціи передъ ея пытками! сладко бичеваніе у позорнаго столба, съ терновымъ вѣнцомъ на головѣ! Mater dolorosa! твои огненныя слезы разольются по всей Россіи неугасимымъ пожаромъ, онѣ расплавятъ души, тверже стали; въ твоихъ огненныхъ слезахъ растаетъ царская корона! онѣ вызовутъ на подвиги не сотни, но тысячи юношей!

Испить тебѣ выпало на долю такую чашу, что кровь стынетъ, при мысли о ней!

Тебя, запытанную, больную повезутъ на висѣлицу; царь Достоевскаго, Аксакова покажетъ на тебѣ свою самодержавную твердость, чухоно-романовское мужество. Надъ кѣмъ же и пробовать свое мужество, какъ не надъ больной, истерзанной женщиной въ цѣпяхъ, надъ невинными прохожими на улицахъ!!... Тебя повезутъ на эшафотъ, твоего ребенка — въ воспитательный домъ. Если онъ тотчасъ не умретъ, его задушатъ: онъ зелье!

Не думай, что царь посовѣстился задушить тебя, съ младенцемъ въ утробѣ, тебя оставили жить, чтобы пытать; отъ тебя надѣются получить оговоры, показанія; черезъ тебя надѣются прибавить къ погибшимъ жертвамъ новыя жертвы!

Первый крикъ твоего ребенка раздастся въ крѣпости... Можетъ быть, этотъ страшный крикъ, таинственнымъ путемъ, проникнетъ подъ своды Петропавловскаго собора, потревожитъ смертный сонъ въ бозѣ казненнаго...

Первый воздухъ онъ вдохнетъ — воздухъ смрадной крѣпости. Прокуроръ Муравьевъ будетъ твоей воспреемной матерью... это онъ перегрызетъ горло твоему младенцу: онъ дѣлаетъ карьеру!!

Монархъ Милостивый, желаю тебѣ и супругѣ чудныхъ грезъ! Пусть около пышной колыбели вашего сына вамъ по ночамъ видится въ утробѣ замученный, больной ребеночекъ, родившійся въ тюрьмѣ отъ приговоренной къ смерти матери! Пусть до самаго вашего гроба, всякую ночь, передъ вами встаютъ громадная, черная висѣлица, черные гробы! И пусть четыре мужчины и двѣ женщины, въ саванахъ, темносиніе, съ кровавыми рубцами отъ петли, съ высунутыми, распухшими языками, смотрятъ на васъ своими мутными, налитыми кровью очами!... Ихъ божественные, идеальные образы пусть будутъ для васъ только ужасными трупами...

Мракобѣсцы! полюбуйтесь дѣяніями рукъ вашихъ; это вы увѣрили Александра III, что вся Россія — кровожадная, волчья стая, жаждущая пытокъ, казней! Это вы возвели жандармо-шпіонскую скорбь въ народную. Вы скоро увидите настоящія чувства.

Г. Аксаковъ, полюбуйтесь вашей исторической традиціей, царемъ-папашею!

Вы, въ передовыхъ статьяхъ, требовали страшной казни, просили распростереть грозную десницу. Любуйтесь православнымъ царемъ-мясникомъ, онъ *вашъ!*

Но успокойтесь гг. Аксаковы, не повезло и не повезетъ вамъ на вашей святой Руси. Послѣ 50 лѣтъ существованія, вы, вдругъ, оказались пустоцвѣтомъ, и вашъ новый царь окажется тоже пустоцвѣтомъ. Еще никогда ничего нелѣпѣе, злѣе, безумнѣе не было настоящаго царствованія, это не царствованіе, но универсальная царская агонія!

Настоящій самодержецъ не можетъ повториться: онъ умеръ съ мѣднолобымъ Николаемъ I. 25-ти лѣтнее царствованіе Александра II не болѣе, какъ неудачная фальсификація, медленное умираніе. Первый похоронный колоколъ прозвучалъ по всей Россіи 4 апрѣля 1866 г., но его не поняли. Каракозовъ не попалъ въ царя, но попалъ въ самодержавіе. Самодержавіе могло существовать только опираясь на крѣпостную Россію... Баринъ, давившій, терзавшій раба, очень естественно склонялся, ползалъ передъ своею опорою, самодержавнымъ царемъ-бариномъ; рабъ — передъ помѣщикомъ, помѣщикъ — передъ царемъ. Крѣпостникъ и человѣкъ, сознающій собственное достоинство, — понятія несодинимыя. Николай былъ по своему логиченъ: онъ распространялъ крѣпостной принципъ на все; онъ забивалъ, день и ночь, батогами, въ школахъ и въ жизни, въ русскихъ, чувства человѣка и гражданина; только два слова царили надъ опозоренной Россіей: „Быть по сему“ и „не разсуждать“. Подъ конецъ своего ужаснаго, опустошительнаго царствованія онъ почувствовалъ, что его — царя, сыщика, жандарма — переросла Россія; нравственно убитый, онъ въ самомъ разгарѣ севастопольскихъ неудачъ, несознательно имъ приготовленныхъ, принялъ ядъ. Ему оставалось одно изъ двухъ: или начать фальшивить, отрицать себя, или умереть... То былъ послѣдній царь, абсолютный мракобѣсецъ... Не нужно забывать, что и Европа вокругъ не отличалась особенною свободою, гуманностью. Онъ взошелъ на тронъ, подъ черными крылами священнаго союза...

Подъ вліяніемъ разгрома всего чудовищнаго строя, пробудившаго общество, подъ вліяніемъ либеральныхъ совѣтниковъ, а главное, дрожа передъ новой Пугачевщиной, Александръ II освободилъ рабовъ отъ помѣщиковъ, а Россію не освободилъ отъ себя, и въ силу этого, ему все приходилось дѣлать въ половину, парализировать словомъ: „но“ всѣ благія начинанія.

Поэтъ-народникъ охарактеризовалъ глубоко освобожденье крестьянъ, стихомъ: „Порвалася цѣпь великая, порвалася и ударила: однимъ концомъ по барину, другимъ по мужику“. Старая, отвратительная, азіатская Россія боролась во все время его 25 лѣтняго царствованья съ новой Россіей, пробивающейся на свѣтъ, свободу...

Свободная Россія побѣдила безповоротно крѣпостную Россію 1 марта 81 года. Этотъ знаменательный день, по грозному, доблестному величію, не имѣетъ себѣ равнаго во всей исторіи Россіи.

Воровской классъ выдѣляетъ изъ себя на верху — короля-вора, но непремѣнно конституціоннаго, или денежную республику...

Крѣпостное право, съ его насиліями, звѣрствомъ, самодурствомъ, буйнымъ произволомъ, преступленьями, питало, оживотворяло, освящало святымъ мазаньемъ въ соборѣ, перваго вора, убійцу-самодура, самоуправца; оно взывало къ нему: „Мы тебѣ будемъ строить дворцы, давать несмѣтныя деньги, но ты долженъ до конца дней, оставаться деспотомъ-самодержцемъ, долженъ продолжать окружать себя самыми богатыми, хитрыми, ловкими крѣпостниками, и слѣпо имъ повиноваться во всемъ. Въ тебѣ должны быть сконцентрированы всѣ наши насилія, хищничества, безобразія, пороки, преступленья... Мы связаны кровно, ты нашъ отецъ, мы твои дѣти... Мы будемъ, въ нашихъ интересахъ, растлѣвать націю въ раздробь, ты всю ее въ цѣломъ... Армія твоя должна стать ордою лютыхъ, безсмысленныхъ убійцъ, никогда не разсуждающей, повинующейся слѣпо твоему рявканью, свистку. Теплой крови своей не жалѣючи, она должна защищать не братій своихъ, нашихъ крѣпостныхъ, но насъ, поддерживающихъ тебя. Помни, что корона твоя можетъ ярко блестѣть только средь кромѣшной тьмы и что фиміамы, окуривающіе, одуряю-

щіе, съ ума сводящіе тебя, подымаются изъ черныхъ безднъ народнаго горя, невѣжества, рабства, одуренья, вырожденья... Ты царь тьмы, ты уродливый продуктъ чудовищнаго, уродливаго крѣпостничества. Преврати всю Россію, если можешь, въ сумасшедшій домъ, но продолжай быть самодержцемъ, наше существованіе безъ твоего немыслимо...“

Въ силу историческаго роста націи, крѣпостное право рухнуло, а за нимъ, нѣизбѣжно, должно рухнуть азіатское самодержавіе, оно можетъ держаться только до тѣхъ поръ, пока перегніютъ въ странѣ, оставшіеся кой-гдѣ, корни крѣпостного права. Сгніютъ они, и тотчасъ же отпадетъ, распространяя омерзительную вонь, проклятый, гнилой наростъ...

По вашему желанью, гг. Аксаковы, новый царь распростеръ грозную десницу надъ закованными въ цѣпяхъ; онъ удушилъ женщину; умирающая въ мукахъ, она, въ свою очередь, распростерла надъ нимъ свою руку, и только будущее измѣритъ всю грозную силу этой, на видъ слабенькой, руки.

Вы хотѣли спасти царя, и, не желая, его погубили. Опираясь на холопство, невѣжество, вы хотѣли сохранить царя; вы стремились заболтать ваши крѣпостническія поползновенія шумливой реторикой, но вамъ не удалось выгодное предпріятіе: явились новыя историческія комбинаціи и захватили васъ врасплохъ; потерявъ послѣдній смыслъ, вы дико завыли: „Смерть крамолѣ, смерть интеллигенціи! Душите, заточайте, пытайте, вырывайте корни!“ Васъ послушались, но не спѣшите торжествовать; вспомните прошлое: вы не въ первый разъ хороните крамолу, вырываете корни и самое сердце изъ груди живого человѣка; не въ первый разъ пускаете въ ходъ палача и тюрьмы. Вы похожи на животныхъ во время пожара: спасшись, они снова вбѣгаютъ въ огонь...

III.

Нѣтъ той гнусности, подлости, свирѣпости, которой мы не ожидали бы отъ любителей вполнѣ русскаго бога, обожателей царя. Но фельетонъ „Новаго Времени„ 4-го апрѣля далеко превзошелъ всѣ наши смѣлыя

ожиданія; нѣкто Аверкіевъ въ фривольномъ тонѣ, съ каламбурцами, описываетъ казнь. По его мнѣнію, лица всѣхъ приговоренныхъ грубыя, не интеллигентныя; румянецъ, игравшій на щекахъ Перовской, есть тотъ румянецъ, о которомъ нужно справиться у докторовъ; ея улыбка — корчи. Онъ упрекаетъ приговоренныхъ за блѣдность, они не въ правѣ быть блѣдными! Лица ихъ должны быть розовыми, даже послѣ мѣсяца тюрьмы, безчисленныхъ денныхъ и ночныхъ допросовъ, послѣ цѣлыхъ недѣль безсонныхъ ночей, ужасающихъ душевныхъ волненій!... Вспомните, съ какимъ душевнымъ трепетомъ, ту же казнь, тѣхъ же людей, описывали иностранные корреспонденты. Они поняли ихъ величавую мощь, героическое спокойствіе, душевную красоту...

Желали бы мы взглянуть, маленькіе, газетные Фроловы, какія розы расцвѣтали бы на вашихъ щечкахъ, если бы васъ повезли не на висѣлицу, но только для того, чтобы посадить на знаменитое кресло, въ зданіи у Цѣпного моста.

Въ то время, когда Михайловъ два раза обрывался съ висѣлицы, два раза умиралъ, а Перовская, Желябовъ задыхались въ петляхъ, затянутыхъ такъ, что имъ пришлось мучиться 20 минутъ. Аверкіевъ приводитъ слова городового, своего пріятеля; „Дрыгай! дрыгай! таково впередъ дѣлать не будешь!“ Ужасная смерть не произвела на него ни малѣйшаго впечатлѣнія; всѣ слезы, чувства онъ израсходовалъ на казненнаго царя, но его поразили новые сапоги, выглядывающіе изъ подъ савановъ, онъ обѣщаетъ ихъ не забыть.

Не смотря на аллегорію съ романтическимъ оттѣнкомъ, я понимаю тебя, фельетонистъ Суворина, новые сапоги пробудили въ поэтической душѣ твоей мародерскіе инстинкты; сапоги сулили тебѣ громадную выручку, охотниковъ заплатить большія деньги явилось бы много; ты такъ мало получаешь отъ строчки. Ты заслужилъ за свой фельетонъ вполнѣ сапоги съ казненныхъ! Но не позабудь подѣлиться съ товарищами, талантливыми сотрудниками; пошли одинъ сапогъ Каткову, другой Аксакову; положи одинъ сапогъ на гробъ обожателя царя, Достоевскаго.

Но есть предѣлы! Неужели въ цѣломъ Петербургѣ не сыщется ни одного порядочнаго человѣка, который взялъ бы на себя трудъ поймать за ослиные уши Аверкіева и заплевать сверху до низу всю его холопскую морду?

Суворины, Катковы, Аксаковы, пользуясь тѣмъ, что честная пресса, подъ страхомъ тюрьмы и пріостановки газеты, не смѣетъ стереть ихъ съ грязью, пользуясь тѣмъ, что революціонеры смотрятъ на нихъ, какъ на свирѣпыхъ, гаденькихъ лакеешекъ, о которыхъ не стоитъ грязнить подошвы стараго сапога, стали писать такія вещи, отъ которыхъ самъ, вѣчно пьяный, палачъ Фроловъ отрекся бы, какъ отъ чего-то черезчуръ ужъ пакостнаго.

Палачу Фролову, чтобы свершить истязанія, понадобилось быть пьянымъ.

Гнилыя веревки для Михайлова были подсунуты Черевинымъ и Барановымъ, по приказу Александра Ш. Фроловъ получаетъ огромныя деньги, червонные валеты обогатили его, покупая обрывки веревокъ съ повѣшенныхъ... Палачъ Фроловъ спасается вѣшаніемъ отъ вѣчной каторги: онъ прощенный воръ, отцеубійца. Аверкіевъ настрочилъ фельетонъ за гривенникъ; его не миловало правительство, все его преступленіе передъ обществомъ заключается въ томъ, что онъ состряпалъ нѣсколько драмъ, романишковъ, теперь уже давно забытыхъ. Всѣ милости правительства къ нему заключаются въ томъ, что ему позволили постоять, во время казни, около городового, и затѣмъ напоили въ участкѣ водкой, не даромъ онъ, бѣдняга, такъ соблазнялся на новые сапоги!...

Намъ необходимо сохранить для будущаго особенно выдающихся мерзавцевъ, они расчитываютъ нырнуть въ виду грозно надвигающихся событій, и затѣмъ, вынырнуть при другихъ обстоятельствахъ, въ новенькихъ шкурахъ. . . . . .

. . . . . .

IV.

То что въ пѣснѣ будетъ вѣчно
То должно погибнуть въ жизни.
Гейне.

Болѣзненно ширится моя душа при думѣ о васъ, исполинскіе сыны народа! Вы мужественно взошли по роковымъ ступенямъ, закрѣпили свое ученіе грандіозною смертью!

Не выходишь ты у меня изъ головы, легендарная русская дѣвушка! я вижу тебя, какъ живую, въ саванѣ, щеки твои пылаютъ, свѣтлая, добрая улыбка играетъ на вдохновенномъ, дивномъ лицѣ; загадочнымъ взоромъ смотришь ты въ будущее, чѣмъ выше, прекраснѣе будетъ оно, тѣмъ выше, выше будетъ подыматься твой образъ. Я слышу слова твои передъ казнью: „Я радуюсь, смерть моя принесетъ болѣе пользы, чѣмъ жизнь моя“. Великую услугу оказалъ Алекс. Ш твоему ученію, тебѣ самой. Эшафотъ еще нуженъ, Іисусъ безъ распятія не былъ бы богомъ. Великая пропаганда — висѣлица на глазахъ всего изумленнаго міра.

Весеннее солнце грѣло, свѣтило въ день вашей гибели; вы казнены въ страстную пятницу, въ день, когда религіозные люди праздновали день Голгоѳы-

„Вы смертью, смерть попрали!!“

Заря свободы кровавымъ пламенемъ разгорается на ледяномъ, сумрачномъ сѣверѣ. Смотрите! Охваченные свѣтомъ, черные столбы висѣлицы раздаются вверхъ, безконечно ширятся... То уже не висѣлица, а во все небо горящая, тріумфальная арка. Свѣтъ струится отовсюду, и вдали, на огненной, всепобѣдной колесницѣ, торжественно выѣзжаютъ люди, въ ослѣпительныхъ

бѣлыхъ одеждахъ, И вся въ лучахъ грозная, прекрасная, съ развѣвающимися волосами, съ глазами ярче звѣздъ, божественная дѣвушка могучими руками правитъ бурными, какъ вихрь, огненными конями. Она въ саванѣ; станъ ея опоясанъ веревкою; обнаженный, пылающій мечъ виситъ на ней. Голова кружится, глазамъ больно смотрѣть, такъ невыносимо сіяетъ ея саванъ; струятся молніи съ концовъ ея веревки. . . . . .
. . . . . .

Апрѣль, 1881 ,

Александръ III реформаторъ

Картина первая.

Англичанинъ, причастный къ газетному міру, бѣседуя со мной о Россіи, произнесъ слѣдующую тираду: „докажите намъ несомнѣнно, что у васъ политическихъ жертвъ пытаютъ, и вы можете быть увѣрены, что русское правительство буквально потонетъ въ плевкахъ, Вашего задичавшаго самодержца начнутъ третировать, какъ нѣкогда Гладстонъ третировалъ Неаполитанскаго Бомбу...“

Трудно, отвѣчалъ я, вложить ваши пальцы въ глубокія раны пытаемыхъ; трудно васъ провести въ тѣ подвалы, гдѣ гогочущіе звѣри рвутъ, терзаютъ беззащитныхъ людей. Вы не довѣряете по очень простой причинѣ: вы, люди гнилаго запада, не можете себѣ представить, что тюремное начальство дерзнуло бы допустить кого бы то ни было, не принадлежащаго къ персоналу суда, къ заключенному. У насъ, напротивъ, первый жандармствующій палачъ, любой агентъ тайной полиціи, входитъ въ казематъ, къ политическому преступнику, какъ собственную спальню. Не забывайте на минуту, что всякое открытіе, какою бы кровавою цѣною оно не было добыто, ведетъ за собою очень быстрое повышеніе, награды, чины. Правительство провокируетъ самые черные инстинкты въ душахъ самыхъ грубыхъ, невѣжественныхъ людей, оно взываетъ: „жги! рѣжь! пори! бей! но добудь показаніе!“ Наконецъ, у васъ, людей перегнившаго запада, есть все разоблачающая пресса; у насъ пока только существуетъ прессъ!!

Разговоръ нагналъ мрачныя мысли.

Пусть, разъ на всегда, русское правительство коротко отвѣтитъ: Можетъ ли начальникъ явной или тайной полиціи явиться въ тюрьму къ политическому, такъ называемому, преступнику до начала слѣдствія, во время и, наконецъ, послѣ приговора суда? Даетъ ли онъ отчетъ въ своихъ натискахъ судебному слѣдователю, прокурору и проч?? Если гг. Черевинъ, Барановъ и К° не могутъ никакимъ образомъ, пробраться въ тюрь-

му, мы отказываемся отъ нашихъ ужасныхъ обвиненій; скажемъ откровенно: въ Россіи настоящихъ, прямыхъ пытокъ нѣтъ! Если же эти мрачные злодѣи, большей частью алькоолики, способные, изъ за чина, ордена, перегрызть горло собственному дѣтищу, могутъ войти хоть на часъ въ тюрьму, мы, насколько хватитъ силъ, будемъ продолжать твердить: въ Россіи пытки существуютъ.

Кто намъ поручится за Черевина и за сотни подвластныхъ ему заплечныхъ мастеровъ? ихъ способность не останавливаться въ виду чиновъ, наградъ, ни передъ чѣмъ, всѣмъ извѣстна. Неужели эти вполнѣ русскія души смутятся на секунду передъ „печальною необходимостью“, разъ дѣло зайдетъ о спасеніи десяти пудовъ августѣйшаго сала. Мало ли Фроловыхъ на святой Руси?!

Развѣ изъ Каракозова, Соловьева, Гольденберга не тянули жилы? Желябову, Михайлову, Рысакову, послѣ приговора. не ломали кости? Кровавыя пятна, истерзанные члены не скрылъ саванъ, страшная тайна не ушла въ могилу. Петербургъ видѣлъ этихъ людей; не смотря на гулъ барабановъ, слышалъ крикъ Михайлова: „насъ пытали“.

Запытанный, обреченный смерти человѣкъ, своею издробленною рукою, кровью, гноемъ ранъ начертилъ на лбу Александра III: **палачъ**. Черепъ Александра III превратился въ пыль, но клеймо будетъ ярко пылать.

Вы забыли сказочныя показанія прокурора Селиванова: разлогающіеся черные трупы, валяющіеся рядомъ съ живыми узниками, колючій терновникъ, размоченный въ соляномъ растворѣ, битье полуумирающихъ людей кандалами. Забыли расправу въ тюрьмѣ, послѣ истязанія Боголюбова, полотняные вальки, набитые пескомъ, которыми били по головамъ, безъ шума, до тѣхъ поръ, пока вся голова, лицо обращались въ сплошную кровяную опухоль. Казематы около паровой прачешной съ температурою въ 60 градусовъ по Реомюру, съ испражненіями на полу.

Забыли расправу съ беременными женщинами, послѣ исторіи на Казанской площади. Битье батогами, нагайками, саблями студентовъ въ Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Кіевѣ...

Мы взяли событія самыя свѣженькія, послѣ которыхъ мы еще сапогъ не износили.

Но это не все. Въ архивѣ III отдѣленія, все пространство, отъ пола до потолка, наполнено тѣми кипами, при чтеніи которыхъ, волосы подымутся, „какъ щетина на дикобразѣ“, на головахъ историковъ, рѣшившихся заглянуть въ этотъ послѣдній кругъ Дантовскаго ада. Мы изумимъ міръ; покажемъ, на что способенъ остервенѣлый, разнузданный азіатъ, не страшащійся отвѣтственности, получающій чины, награды за страшныя преступленія, свершенныя въ тюремныхъ гробахъ, надъ беззащитными людьми.

Странно! въ моемъ мозгу слово пытка тотчасъ же вызываетъ слова: „единеніе“ и „оздоровленіе корней“, странная ассоціація идей! Я читалъ Достоевскаго, Аксакова; читалъ Суворина, Каткова, Цитовича; исчерпалъ литературу „единенія“ и „оздоровленія корней“ до нелуженаго дна; устранялъ, въ виду безпристрастія, навязчивое слово: пытка, но, увы! восхититься, постигнуть не смогъ; какъ не крутилъ, все выходилъ Харунъ-анъ-Рашидъ!..,

Все ясно, какъ день. Гоголевская тройка мчится... Развалившись, сидятъ Сколозубовъ, Собакевичъ, Расплюевъ, Кречинскій, Хлестаковъ, за кучера, сильно подвинившій, Ноздревъ, хлещетъ казацкой нагайкой коней „напрягшихъ мѣдныя груди“, нѣкогда пышные бакенбарды почти уничтожены послѣдней потасовкой, несется разорванный въ куски воздухъ, пропасти, огненные мосты, зданіе у цѣпнаго моста, полицейскія будки, облака и дымъ, все мимо... Америка безъ шапки, Европа валяется, въ испугѣ, на животѣ, великая правда провозглашена, возбуждающій всесвѣтную зависть государственный строй, отысканъ, слово чудное сверхчеловѣкомъ, внѣ времени и пространства, произнесено.

Оглушенный, ослѣпленный, я громко вопрошалъ: отчего мы не объединялись прежде??

Счастіе было для насъ такъ близко, возможно; стоило только царю и народу слиться, войти другъ въ друга и, затѣмъ, замереть до паденія звѣздъ ... Отчего мы не объединились? Была у насъ Екатерина II, были Павелъ, Александръ I, Николай I, Александръ II, на-

конецъ, у насъ есть Александръ III. Но отчего мы не объединяемся, корней не оздоровляемъ, хлѣбъ съ лебедою не покидаемъ? Единеніе — плодъ нашей исторіи, и мы не срываемъ плода. Царь обожаетъ народъ, ссылаюсь на манифесты. Народъ обожаетъ царя, — на это не нужно доказательствъ. И не смотря на все, мы не объединяемся, корней не оздоровляемъ, висѣлицу не покидаемъ!

Почему гнилой западъ, біющійся надъ идеей освобожденія, всеобщаго блага, лившій за свободу безъ конца кровь, воспріимчивый ко всякой новой идеѣ, не пожелалъ спастись, войти въ эдемъ, объединиться съ королемъ-отцемъ? Зачѣмъ была пущена въ ходъ гильотина, и головка самодержца-короля, въ мѣшкѣ объединилась съ отрубями? Зачѣмъ срѣзали ее, какъ простой качанъ капусты? Почему день сей затмилъ свѣтлое христово воскресенье и почему никто не раскаявается?

Но отъ единенія перейдемъ снова къ пыткамъ. На нашихъ глазахъ свершается событіе невиданное, неслыханное... Прологъ разыгранъ, беременная приговорена къ висѣлицѣ, послѣдній актъ: „пиръ смерти“ уже наступаетъ. Послѣ колоссальныхъ манифестацій въ защиту Геси Гельфманъ въ Парижѣ, Марсели, Бордо, Брюсселѣ, послѣ протеста въ Женевѣ, трусливое, гаденькое русское правительство стало униженно извиняться, фальсифировать. Крикъ Парижскаго народа: „смерть царю!“, достигъ до слуха *Храбраго*. Заплечные мастера спохватились. Оказалось: Гесю Гельфманъ не замучиваютъ въ тюрьмѣ, она въ ней блаженствуетъ; ей отведена покойная квартирка, кругомъ тихо, она питается сладкими яствами. Жандармы ухаживаютъ, какъ родные; румянецъ довольства, жизни началъ играть на ея нѣкогда блѣдныхъ щекахъ; ребенокъ радостно шевелится, какъ бы предчувствуя скорое освобожденіе.

Ей даже даютъ читать запрещенныя книги, бояться нечего: для обмѣна мысли у ней впереди только одинъ человѣкъ: вѣчно пьяный палачъ, совратить его трудно. Шевелись въ этой чорствой, крамольной душѣ хоть одинъ атомъ чувства, она невольно воскликнула бы: о женщины, носящія въ утробѣ младенцевъ! придите ко мнѣ, я успокою васъ, ибо иго мое благо и бремя мое

легко; ангелы въ небесныхъ лазурныхъ одеждахъ стерегутъ мое ложе; часы Петропавловской крѣпости поютъ мнѣ день и ночь, каждый часъ, колыбельную пѣсню.*)

Три мѣсяца протекли, и помилованіе не произнесено. Три мѣсяца она живетъ на помостѣ висѣлицы, съ петлею надъ головою, ожидая съ минуты на минуту палача. Каждый вечеръ, надѣвая рубашку, похожую на саванъ, она, можетъ быть, становится сама бѣлѣе полотна своей рубахи; мертвенный холодъ, щемя материнское сердце, бѣжитъ жестко, больно по всѣмъ ея членамъ и, наконецъ, останавливается, медленно замираетъ въ всёприбывающемъ животѣ... Три мѣсяца она ѣстъ вкусныя яства, и всякій кусокъ раскаленнымъ желѣзомъ останавливается въ ея пересохшемъ горлѣ. Она откармливаетъ себя для висѣлицы! Часы поютъ ей колыбельную пѣсню; тихо, неотразимо, мѣрно отсчитываютъ ей часы жизни. Она сочла часы; смертельныя страданія въ ней развили математическія способности до изумленія, она сочла минуты, секунды, терціи. Поющіе часы это — страшная сѣкира, спускающаяся съ потолка, описанная, грезящимъ страшными снами на яву, Эдгардомъ Поэ.

Сладки ея сны!... Думы дня по ночамъ облекаются въ ужасающіе, исполинскіе образы, они ее душатъ, мучаютъ. Она, навѣрное, истерически рыдаетъ, дико кричитъ, ежеминутно просыпается, щупаетъ свою шею. Ей, навѣрное, часто снятся: мужъ въ крови, съ пулею въ груди, черная, колоссальная висѣлица, чорные гробы, трясущійся попъ въ черномъ, съ крестомъ, тысячи солдатъ и люди, тихо всходящіе, въ бѣлыхъ саванахъ. Раздался ударъ... скамейка летитъ изъ подъ ногъ... конвульсивно вздрагивая, повисаетъ одинъ... два... три... четыре... пять... Она узнаетъ ихъ, грудь рвется отъ мукъ... То товарищи, друзья, люди одной великой вѣры, одного дѣла, праведники... Тюрьма ея освѣщается, она силится подняться, но невыносимый ужасъ омертвилъ ея члены, языкъ. Босикомъ крадется къ ней пьяный палачъ въ красной рубахѣ: глаза налиты кровью, грязныя лапы держутъ веревку; чудовище ухмыляется и вдругъ, мгновенно, набрасываетъ петлю. Она

*) Часы играютъ "Коль славенъ" и „Боже царя храни!"

подымается быстро на воздухъ; огненнымъ пятномъ становится комната; дышать нѣтъ силъ ... ударъ ... скамейка летитъ изъ подъ ногъ ... съ воплями, рыданіями просыпается мать, посящая въ утробѣ младенца; дрожащею рукою она хватаетъ себя за горло: ледяной потъ струится съ ея лба; страшная боль въ животѣ, удары въ животъ. То кошмаръ ... рубашка тѣснила ей шею ... то ударъ не палача въ скамейку, то ударъ ручки ребенка въ животъ ... мать терзается, жить ему не даетъ. Въ тюрьмѣ тихо уютно, часы поютъ „храни боже царя"; ровно, грозно, неотразимо отсчитываютъ часы жизни.

Ее пощадятъ, кричите Вы, иначе камни возопіютъ! Голышъ въ груди у царствующаго казака, жандарма, наконецъ, превратится въ сердце; его жена *не бѣшеная волчица*, она сама мать!

Но развѣ камень въ груди тупаго злодѣя превращался въ сердце, когда слабую дѣвушку пьяный палачъ 20 минутъ душилъ на эшафотѣ, когда Михайловъ два раза обрывался, два раза умиралъ? Текли ли слезы изъ бычьихъ глазъ, когда онъ втихомолку любовался послѣднюю дрожью? И если онъ пощадитъ, развѣ три мѣсяца, у подножья эшафота, не останутся на вѣки тѣмъ средневѣковымъ злодѣйствомъ, при воспоминаніи о которомъ, невольное проклятіе будетъ вырываться изъ груди нашихъ дѣтей?

Развѣ вѣчная каторга пощада???

Навѣрное, ни одинъ лучъ надежды ни на секунду не озарилъ въ концѣ изстрадавшейся души. Она знаетъ, что онъ, пока, никого не пощадилъ:

Тысячи политическихъ жертвъ изнываютъ въ Сибири, на Сахалинѣ, въ каменныхъ мѣшкахъ по тюрьмамъ; мѣсяцы идутъ за мѣсяцами, и ни одного звука, похожаго на состраданіе, забвеніе, произнесено не было во дворцѣ. Мѣсяцы идутъ за мѣсяцами, и голышъ бьется въ проклятой, пустой груди, не вѣдая состраданія..,

Россіи нѣтъ! Одна бегемотова шкура: все въ ней, для нея и изъ за нея!! Шкура моя шкура! Все царство за шкуру!!

Несчастная, несчастная страна!!

II

Виноватъ, я забылъ, онъ реформаторъ!

Отмѣтимъ событія величайшей важности. Матеріалы будемъ черпать изъ русскихъ газетъ, самыхъ интересныхъ въ цѣломъ мірѣ. Но предварительно остановимся на самихъ газетахъ. Въ послѣднее время, черезъ чуръ часто, Катковъ, Аксаковъ и К° стали пускать въ ходъ, съ претензіями на саркастичность, словцо: „говорильня“ (понимай парламентъ) и смѣшнѣе всего, что это игривое словцо невыносимо смущаетъ либераловъ; они начинаютъ дѣлать книксены, краснѣть, извиняться; сказать на чистоту въ чемъ дѣло они, увы! не рѣшаются, боятся, что честные противники взвоютъ: „А! ба! вы противъ самодержца замышляете! Бомбочки въ ходъ пустить желаете, 21 января 1793 года у насъ продѣлать? Давно бы сказали: вѣшай! бей! рѣжь! крамольники!...“

Когда слово „говорильня“ произнесетъ анархистъ, выросшій въ республикѣ, пресытившійся говореніемъ, которое не подвигаетъ дѣла съ тою быстротою, съ какою онъ бы желалъ, я его вполнѣ понимаю; я знаю, тотъ колоссальный масштабъ, которымъ онъ мѣряетъ современное буржуазное государство; знаю, какъ широки, человѣчны его идеалы. Но когда, подло скалясь, подмигивая участку, усѣдая передъ тайной полиціей, то же словцо произнесетъ маститый доносчикъ-хамъ, изувѣръ, кликуша, для котораго весь міровой прогрессъ заключается въ сатрапіи, жандармеріи, который кричитъ, что мы заткнемъ на дняхъ за пазуху Америку, Францію, Швейцарію, на томъ основаніи, что вполнѣ русскаго бога любимъ, царя-папашу, мамашу-царицу обожаемъ, полицейскій участокъ чтимъ, и на висѣлицу, какъ на спасеніе отъ всѣхъ золъ, смотримъ, — то, воля ваша, меня стошнитъ...

Вѣрноподданный, самой безсловесной страны на цѣломъ земномъ шарѣ, вдругъ, разыгрываетъ изъ себя пресыщеннаго человѣческою рѣчью...

Разъ выбирать между людьми, обладающими свободнымъ словомъ, имѣющими право разсуждать о своихъ дѣлахъ и управлять страною, и оскотинившимися въ вѣчномъ рабствѣ, умѣющими только лизать, дрожать,

пресмыкаться, обожать, которыхъ гуртами гонитъ плетью глухонѣмой пастухъ, сопровождаемый кровяными псами, то кто бы я ни былъ, я выберу, не задумываясь, людей, доразвившихся до человѣческой рѣчи и самоуправленія...

Недавно Щедринъ зло подтрунилъ надъ республикой; зная его уголъ зрѣнія, я его понимаю вполнѣ. Но когда на ту же тему начинаетъ выводить визгливыя рулады съ присмаковываньями „бѣшеный хвостъ", Буренинъ, то меня стошнитъ...

Щедринъ, Михайловскій зло трунятъ надъ либералами, надъ ихъ постыдною увертливостью, душевною дряблостью, благонамѣреннымъ виляніемъ, я ихъ вполнѣ понимаю. Но когда вдругъ выкатится изъ полицейской будки, только что кончившая жрать постныя объѣдки городоваго, неряшливая шавка, съ намѣреніемъ вцѣпиться въ икру, то я поймаю шавку за хвостъ и водворю ее снова подъ постель въ будку.

Самый умѣренный либералъ способенъ иногда говорить разумнымъ человѣческимъ языкомъ; онъ имѣетъ въ глубинѣ души хоть тощенькіе, но идеалы: онъ способенъ мечтать о розовой коституціи.

Предложите любому европейцу анархисту, недовольному говорильней, не захочетъ ли онъ ее промѣнять на молчаливое самодержавіе и, нѣтъ сомнѣнія, онъ васъ сочтетъ или сумасшедшимъ или идіотомъ...

Но довольно! перейдемъ къ реформамъ.

1) Реформы по сокращенію государственныхъ расходовъ. — „Мы божію милостію самодержецъ Александръ III отъ сотворенія міра (7.392), повелѣваемъ: превратить въ нашей арміи штаны изъ широкихъ въ узкіе; всѣ султаны употребить на матрацы. Я самъ султанъ и не потерплю личностей, въ видѣ конскихъ хвостовъ. Желая увѣковѣчить въ полицейскихъ нижнихъ чинахъ преданнаго намъ градоначальника Баранова, повелѣваемъ: завести всѣмъ бараньи шапки. Собственною рукою АЛЕКСАНДРЪ. (Комната съ желѣзными ставнями въ Гатчинскомъ дворцѣ)".

2) Реформы по полиціи. — „Мы божію милостью повелѣваемъ: всѣ государственные излишки, сбереженія, все полученное отъ сокращенія бюджета передать въ благополучно охраняющую насъ тайную полицію. Въ

бозѣ почившій, скомпрометировавшій себя реформами, родитель нашъ, въ погонѣ за безопасностью, съ 1864 г. по роковой 1881, съ 4 милл. руб. поднялъ расходъ на тайную полицію до 10½ милл. руб. Мы надѣемся, съ божію помощію, дойти вскорѣ до 20 милл. Мѣры, практикуемыя нашимъ Барановымъ: мгновенный захватъ въ одну ночь 500 человѣкъ, съ похвальною цѣлью отыскать въ средѣ ихъ одного подозрѣваемаго въ лжетолкованіяхъ, вполнѣ одобряемъ, совершенно новое показываніе за зеркальными стеклами женщинъ и дѣвицъ всему Петербургу вполнѣ одобряемъ, хотя бы даже сіи женщины, сіи дѣвицы оказались въ послѣдствіи невинными. Сей акваріумный пріемъ будетъ развивать въ женщинахъ и дѣвицахъ чувство истинно русской стыдливости, въ публикѣ же — восторгъ къ мудрымъ, остроумнымъ нововведеніямъ... Прогрессъ въ формѣ сей весьма желателенъ...

Выбирать депутатовъ въ полицію разрѣшаемъ, но съ тѣмъ, чтобы всеобщая подача голосовъ происходила по квартирамъ ночью, съ помощью вооруженныхъ полицейскихъ; пренія депутатовъ должны сохраняться въ великомъ секретѣ. Всѣ, пріѣзжающіе въ Петербургъ, должны за подписью быть сдаваемы извощикамъ на ихъ отвѣтственность. Пѣшеходы должны быть сопровождаемы до квартиръ агентами тайной полиціи. Приведя, не должно преминуть осмотрѣть квартиру. Съ пожилыми членами фамиліи обращеніе должно быть не грубое, битье допустимо только при разсужденіяхъ.

3) Реформы въ области филантропіи. — „Мы божію милостью, сострадая къ крамольникамъ, которыхъ при публичной казни можетъ въ куски разорвать обожающій, объединенный съ нами вполнѣ русскій народъ, отмѣняемъ ее, повелѣваемъ вѣшать гдѣ придется, но только втайнѣ. Одинъ жандармъ и одинъ полицейскій чинъ должны присутствовать; въ случаѣ, если имъ некогда, можно довѣрить одному палачу; мертвецки пьянымъ быть не долженъ. Иностранныхъ корреспондентовъ отнюдь не допускать; изъ своихъ допускать только безпредѣльно вѣрныхъ. Если пожелаютъ помочь палачу, то не убивать въ нихъ нужныхъ намъ чувствъ.

4) Реформы въ области свободы мысли. — Повелѣваемъ говорить, писать нашимъ Аксакову, Каткову и

всѣмъ, кого они найдутъ достойными. Остальнымъ крѣпко повелѣваемъ молчать, не раздражать, способный растерзать ихъ, объединенный съ нами, русскій народъ. Александръ III (Ретирадное мѣсто въ Гатчинѣ).

5) Реформы въ области случки. — Милостиво назначаемъ вѣрнаго старымъ традиціямъ, нашего генерала отъ инфантеріи, графа Воронцова-Дашкова въ случныя конюшни, съ оставленіемъ при нашей особѣ и министерствѣ двора. Да процвѣтаетъ конозаводство на святой отчизнѣ и вмѣстѣ съ нимъ православіе, самодержавіе, собственность! Александръ III. (Гатчинская случная конюшня).

6) Реформы въ собственномъ семействѣ. — Всѣхъ нашихъ дядюшекъ за блудъ, воровство, интриги повелѣваемъ выслать за предѣлы отечества, чтобы соблазна не было, чтобы захваченное проживали не дома. Повелѣваемъ братьямъ нашимъ занять ихъ привольныя мѣста.

Единеніе съ народомъ. — Оно выразилось двояко: въ формѣ депутацій отъ сословій и въ повальной поркѣ дорогихъ мужичковъ по городамъ и деревнямъ, гдѣ происходили столкновенія съ евреями. Порка должна была показать всѣмъ, что новый монархъ желаетъ стоять на исторической, народной почвѣ, желаетъ чтить завѣтныя традиціи.

Депутаціи отличались такимъ восточнымъ, древне египетскимъ характеромъ, что умолчать о нихъ нельзя. Депутація отъ петербургскихъ артельщиковъ, прогнанная нѣсколько разъ сквозь шпіонскій строй, обшаренная, снятая голою въ гатчинской фотографіи и затѣмъ напоенная чаемъ, предстала предъ очи. Депутація повалилась въ ноги (Игнатьевъ, я узнаю персть вашъ) и со слезами молила о позволеніи облобызать руки помазанника. Императоръ, одѣтый въ общегенеральскій сюртукъ, повелѣлъ имъ встать. Маститый Соловьевъ, задыхаясь отъ слезъ, трепеща всѣмъ тѣломъ, прочелъ адресъ. Императоръ милостиво позволили облобызать свою руку и руку государыни императрицы. Депутація, выходя, рыдала навзрыдъ, благословляя небо и министра внутреннихъ дѣлъ, доставившаго имъ счастье.

Депутація отъ Крестьянъ Рыльскаго уѣзда, Курской губерніи, состоящая изъ 18 человѣкъ, послѣ неизбѣж-

ныхъ процедуръ, предстала передъ очи. Обливаясь горячими слезами, она пала на колѣни; маститый старецъ, на колѣняхъ, дрожа, прочелъ адрессъ. Затѣмъ депутація, продолжая стоять на колѣняхъ, вымолила позволеніе видѣть наслѣдника и поднесла ему бархатный альбомъ съ интересными видами города Рыльска. Государь, видимо тронутый, позволили милостиво облобызать депутаціи свою руку и руку государыни императрицы. Восторгъ дошелъ до размѣровъ необыкновенныхъ: лія слезы, депутаты благословляли небо и министра внутреннихъ дѣлъ, доставившаго имъ счастіе...

Но окрылись духомъ читатель... Покрѣпись еще, возбуждающій рвоту холопскій бредъ еще не кончился. Это, такъ называемый, народъ, мужички по рецепту Аксакова, Достоевскаго, Игнатьева, Побѣдоносцева; это русскій народъ, напятый посуточно для выраженія чувствъ, закрѣпленія самодержавія. Это тѣ же напятые мнимые калѣки, на случай открытія мощей новаго угодника. Отъ адрессовъ воняетъ „Русію“, „Дневникомъ писателя“; слогъ, чувства всюду одни и тѣ же, суточные... Мерзко, подло, фальшиво, несетъ раздробительнымъ на выносъ, Нижегородскою ярмаркою, Астраханскимъ тузлукомъ. Фабриканты овацій безгранично глупы: они не подозрѣваютъ, что смѣшатъ весь образованный міръ, возбуждаютъ отвращеніе невыразимое,

Г. Игнатьевъ — депутацій дѣлъ мастеръ — хочетъ доказать, что вся Россія жаждетъ, какъ путникъ въ знойной Сахарѣ, самодержавія. На этотъ случай г. Игнатьевымъ уже разосланы секретныя предписанія къ губернаторамъ. Какъ глубоко презираетъ этотъ сотканный изъ лжи, фальши, куртизанства, интригъ, старый крѣпостникъ — Александра III, какими дѣтскими пріемами морочитъ его пустую голову. Не даромъ онъ такъ долго крутился въ качествѣ посланника около Абдулъ Азиса. Всѣ султаны другъ на друга похожи, что годилось тамъ, пригодится и тутъ.

Теперь полюбуемся земскою силою, которой стараются на время заслонить передъ глазами гатчинца ту зіяющую пропасть мракобѣсія, въ которую онъ стремглавъ летитъ.

Депутація отъ Курскаго земства, пройдя всѣ необходимыя, позорныя процедуры, предстала передъ очи.

Выдающійся членъ депутаціи Е. Марковъ, нѣкогда либеральный писака, страдавшій позывомъ на рахптическую конституцію, нынѣ царскій лютый холопъ. Вся депутація — соль курскаго чернозема. Е Марковъ безпредѣльно, прочувствованно, дрожащимъ голосомъ пропѣлъ гимнъ деспотіи. О крамолѣ депутація выразилась такъ мило, что самъ защитникъ, за 125 тысячъ рублей, православія, самодержавія, — Цитовичъ могъ бы позавидовать.

Выходя, вся хамская сволочь удивлялась простотѣ обращенія. Депутаты правы: ихъ не высѣкли, даже не выругали по матерному; имъ дали палецъ, напоили чаемъ, привезли и отвезли на казенныхъ дрожкахъ; сіяніе, окружавшее лысину самодержца, не спалило ихъ. Но, увы! они забыли, что съ нихъ нагихъ, снимали фотографіи и что нѣкоторые изъ нихъ, далеко непоходившіе на Адонисовъ, послѣ подверглись безпощадной критикѣ на кухнѣ, куда, обыкновенно, послѣ циничныхъ вышучиваній сдаются, для увеселенья, фотографіи голыхъ депутатовъ. Не знаю, вѣрить ли, говорятъ, что одинъ депутатъ, изъ древнихъ дворянъ, при раздѣваніи, былъ вдругъ схваченъ за горло и тяжко избитъ, у него замѣтили между ногъ привѣшенную громадную бомбу; при внимательномъ разсмотрѣніи она оказалась запущенною грыжею...

III

Но можетъ ли нетолько царствовать, но и долго существовать презрѣнный трусъ, ставшій посмѣшищемъ для всей Европы, чурбанъ, котораго перебрасываютъ съ рукъ на руки, куртизаны; вѣшатель, мечтающій вѣшать по дворамъ тюремъ и крѣпостей, гіена, роющаяся по почамъ въ могилахъ, пожирающая въ потьмахъ трупы???

Нѣтъ! Тысячи разъ нѣтъ! Царствующій анахронизмъ несетъ въ себѣ зародышъ неминуемой гибели; такъ обыкновенно кончаютъ царствованіе, но не начинаютъ. Послѣ знаменитаго манифеста и постыдныхъ посяганій на свободу Болгаріи, маска сползла, и морда нравственнаго идіота выглянула во всемъ феноменальномъ безобразіи,

Посмотрите, какіе ихтіозавры, невѣроятные гады періода папортниковъ выползли на историческую сцену. Или погибнетъ это допотопное звѣрьё, могущее существовать только среди жаркихъ, душныхъ паровъ, міазмовъ, атмосферы, насыщенной зловредною углекислотою, или погибнемъ мы всѣ. Стукъ чудовищныхъ челюстей, шумъ гигантскихъ крыльевъ драконовъ раздается день и ночь въ воздухѣ. Пожираніе, пожираніе, пожираніе... То міръ горячечныхъ сновъ, хаотическихъ призраковъ. Природа отрыгнула что то мерзкое, ужасное.

Юродивые, кликуши, косноязычные благовѣствуютъ новое откровеніе, пророчествуютъ, бормочутъ на тарабарскомъ языкѣ какую то чертовщину, бредятъ съ открытыми глазами. Все вымершее, отпѣтое, выдохшееся, залежалое воззвано къ жизни. Распутники, догнивающіе отъ сифилиса, намъ читаютъ мораль, педерасты воскуряютъ фиміамъ на семейномъ очагѣ, остервенѣлые, безсмысленные палачи, ввиду покушеній, совѣтуютъ за зло платить добромъ, очумѣлые воры громятъ хищенья.

Бѣдоносцевы, Мещерскіе, Катковы потянулись отовсюду; они грызутся за куски отечества, протягиваютъ крючковатыя лапы, присасываются... Въ отчаяніи хватаются за вѣчно губимаго ими во тьмѣ крестьянина, возлагаютъ надежды на его вѣрное рабство, дикое невѣжество, объединяются съ нимъ, грезя о крѣпостномъ правѣ. На исполинской спинѣ, на незажившихъ ранахъ отъ ихъ плети, они отплясываютъ присядку. Продѣлывается все это грубо, нагло, съ ножомъ за пазухой и безъ малѣйшихъ шансовъ кого-нибудь надуть...

Все, предчувствуя скорый конецъ, „жить торопится и чувствовать спѣшитъ“, конечно на казенный счетъ. Ревъ, скрежетъ зубовъ стоятъ въ воздухѣ. Смерть интеллигенціи, смерть призраку свободы, смерть обществу, всякому развитію, шагу впередъ, честному стремленію, живому вздоху. Смерть человѣку... жизнь, всѣ блага презрѣнному, продажному, ненасытному рабу, скоту!...

Весь народъ, охраняющій царскую шкуру, существующій для нея и Царь, дерущій шкуру съ народа... Но

развѣ это жизнь? исторія?! Это міръ папортниковъ, сонъ гробовъ!!...

Вставай грозная, непобѣдимая крамола! Твое царство наступило!

Жизнь быстро покидаетъ ветхое тѣло. Передъ тобою одна мертвечина!!!

Іюль, 1881 г.

Александръ III реформаторъ

Картина вторая

I.

При созерцаніи нашихъ пилигримовъ отъ земствъ, сословій, ползущихъ въ нашу Мекку на поклоненіе — камню, у многихъ порядочныхъ людей, навѣрное, шевелились слѣдующіе вопросы и отвѣты:

Господа депутаты, зачѣмъ вы торопитесь вылизывать Александра III?! Зачѣмъ продѣлываете позорные, безполезные экзерсисы? Заручились ли вы подачкою? Но, можетъ быть, вы поклоняетесь его государственному уму?—Вы знаете отлично, что онъ глупъ, дубоватъ, какъ урядникъ. За доброту?—Онъ лютѣе вѣчно пьянаго отцеубійцы, палача Фролова, безпощаднѣе, предавшаго мать, начальника дворцовой охраны Черевина. За познанія?—Первый становой приставъ образованнѣе его. Вы предполагаете въ немъ благія намѣренья, волю?—Онъ попросту, неотесанный, гнилой внутри, большой чурбанъ, слѣпо исполняющій велѣнья окружающихъ его черныхъ бандъ.

Чего вы ждете отъ него, когда онъ самъ не знаетъ, что ждетъ его завтра, что онъ подпишетъ завтра? Сознайтесь, положа руку на сердце, многіе изъ васъ мечтаютъ вернуть крѣпостное право; у многихъ изъ васъ, толпящихся вокругъ трона еще не умерли сладкія воспоминанья о конюшнѣ и раздольной дѣвичьей. Да, онъ грезитъ крѣпостнымъ правомъ, давно догадывается, что безъ него самодержавіе — миѳъ, но онъ и окружающіе его, слыхали, хотя и отрывочный разсказъ, про Пугачевщину; знаютъ, что послѣ такой дивной реформы, сама Турція потребуетъ возвращенія всего назадъ, и шахъ Персидскій, въ купѣ, любѣ, съ Китай-

скимъ богдыханомъ, начнутъ оспаривать престолъ его, примѣривать шапку Мономаха...

Ждете уничтоженія гласныхъ судовъ, разпепеленія всѣхъ кухонныхъ книгъ, разъ на ихъ страницахъ попадется растлѣвающее слово; „вольный духъ“?!... По приказанью камарильи, онъ уже началъ широко практиковать ваши планы. Но даже вы замѣтили, что дѣла отъ этого пошли далеко не лучше...

Ждете задушенія цѣлаго молодаго поколѣнія? желаете узрѣть 100,000 болтающихся труповъ? Но это вамъ самимъ обойдется дороже: мучить, вѣшать будутъ вашихъ дѣтей и, наконецъ, въ бозѣ расплюснутый родитель Александра III наглядно показалъ, что висѣличной истеріи есть предѣлы; палачъ Фроловъ спасалъ, но не спасъ его.

Послѣдствія висѣлицъ вы можете выслѣдить на новомъ реформаторѣ: онъ не заарестованъ, но содержится въ клѣткѣ; по ночамъ его кормятъ трупами, онъ въ потьмахъ свирѣпѣетъ, но только наступаетъ утро и раздается побѣдный львиный ревъ, гіена, съ вздыбыренной шерстью, поджавши хвостъ, начинаетъ метаться, не зная угла...

Онъ процарствовалъ только 7 мѣсяцевъ, и кажется, что цѣлые Гималаи давили насъ десятки лѣтъ. Долгое существованіе этого безобразнаго абсурда, навѣрное, даже и Вамъ представляется чудомъ...

Но вы напомните о его недавнемъ полетѣ. Да! онъ подобно метеору, пронесся по Россіи.

Былъ у матушки Москвы
И у Каспія широкаго...

Туда и назадъ три дня...

Немножко быстро — съ точки зрѣнія изученія края, но не быстро съ точки спасенія бегемотовой шкуры...

По Волгѣ онъ проѣхалъ на пароходѣ „Отважный.“ Вникните, какой безпощадный каламбуръ подстроила ему жизнь: все пошло войною на него, даже стихійныя силы; молнія ударила въ гатчинскій дворецъ, дала первое предостереженіе; пароходъ достался „Отважный.“ Если самъ не изъ отважныхъ, то, по крайней мѣрѣ, ѣздитъ на пароходахъ храбрыхъ.

Плохи дѣла, когда царь, красное солнышко, прячется

все за тучками, летаетъ быстрѣе пушечнаго ядра по Россіи. Скоро на лекціяхъ географіи разстояніе отъ земли къ солнцу, планетамъ будутъ измѣряться Александромъ III. Какъ снѣгъ на голову падаетъ онъ то въ одинъ, то въ другой градъ. Очень плохи дѣла, если приходится печатать о полетахъ новаго Леотара въ газетахъ, на третій день, по выѣздѣ изъ городовъ; глубокое довѣріе внушаютъ телеграммы, обязательныя для всего міра, писанныя рукою министра внутреннихъ, омерзительныхъ дѣлъ...

Слогъ корреспонденцій поразительный, еще немножко поддать риторики и вышло бы не хуже Аксакова.

„Пучежъ 21 іюля. Во Владимірѣ народъ бросился за поѣздомъ, обгоняя другъ друга, падая; онъ провожалъ съ восторженными криками въ ночной темнотѣ слишкомъ версту...“ Очень прытки Владимірцы, но разъ они обгоняли поѣздъ, то нужно было бы сказать не съ восторженными криками, но задыханьями...

Въ Нижнемъ-новгородѣ, гулъ, стонъ встали въ воздухѣ, до отдаленныхъ концовъ города (Игнатьевъ, и глазами, и ушами, съ умѣлъ объять весь городъ до самыхъ концовъ) въ толпѣ крестились и радостно плакали“ („Голосъ“ 24 іюля).

Не знаю, съ какихъ поръ стонъ сталъ считаться выраженіемъ обожанія, ликованія. При Александрѣ III опуханіе отъ голода скоро будетъ выраженіемъ „единенія,“ „средостѣнія“ и „упорядоченія.“

Почти сто лѣтъ назадъ, Потемкинъ провезъ въ Крымъ свою любовницу Екатерину; въ пустынѣ онъ настроилъ пышныя декораціи; по мановенію его руки выростали кроткіе, обожающіе поселяне, въ атласныхъ кафтанахъ, съ заученнымъ счастьемъ на лицѣ. Старая, умная распутница знала цѣну карточнымъ домикамъ; ее, болѣе Россіи, тѣшилъ ея любовникъ, его смѣлыя, наглыя затѣи, безумное мотовство. Обезображенные остатки Пугачева успѣли уже перегнить въ землѣ. Страшный призракъ, протянувшій кровавую десницу къ ея коронѣ, чуть не смявшій ее, не волновалъ ее болѣе. Россія лежала у ногъ Екатерины бездыханнымъ трупомъ. То былъ Потемкинъ и Екатерина,—люди злые, но сильные, и ту же траги-комедію, но при другихъ

условіяхъ, продѣлываютъ Александръ III и Игнатьевъ, — люди ничтожные, слабоумные, не близорукіе, но слѣпорожденные.

Екатерина знала, что передъ нею картонная бумага; нашъ дурачишка и того не знаетъ.

Но, можетъ быть, вы лижете его руки только потому, что онѣ царскія? но, вспомните, онъ этими царскими, жирными руками удушилъ дѣвушку; давилъ пять мѣсяцевъ животъ беременной; кровавая лапа подписала смертный приговоръ пяти праведникамъ.

Но, озадаченные, вы воскликнете: „Но онъ царь!“ Скажите вы это нелѣпѣйшее безобразнѣйшее слово тридцать лѣтъ назадъ, оно показалось бы нелишеннымъ значенья, оно опиралось, на сто тысячъ крѣпостниковъ, полицмейстеровъ—добровольцевъ... Но много, много воды утекло съ тѣхъ поръ; много чудныхъ дѣлъ свершилось у насъ, и вокругъ насъ. Желѣзныя дороги, телеграфы, телефоны, сказочное электричество, десятки тысячъ газетъ дѣлаютъ и дѣлаютъ свое дѣло неумолимо.

Отвратительный призракъ тьмы, разсѣялся, дурацкій идолъ вывѣтрился, распался,

Вѣра въ царя въ настоящее время безъ денегъ, заполученій чиновъ, мертва есть. Всѣ „единепія,“ „оздоровленія,“ — вопросы грабежа, лазейки. Нашимъ патріотамъ, отрубленная голова Александра III на новенькомъ золотомъ любезнѣе сердцу цѣльнаго Александра во плоти. „Денегъ дай, денегъ дай, и успѣховъ не ожидай!“ Вотъ единственный лозунгъ всѣхъ нашихъ охранителей, смыслъ всѣхъ ихъ духовныхъ задачъ! Князь Мещерскій воспѣлъ обожаніе, но не премнулъ это обожаніе, воплощенное въ двухъ томахъ, тотчасъ же пристроить во всѣхъ казенныхъ заведеніяхъ, и присутственныхъ мѣстахъ, чѣмъ и стяжалъ себѣ немедленно нѣсколько десятковъ тысячъ. Цитовичъ воспѣлъ висѣлицы, тюрьмы, семейство, религію и улизнулъ съ 70 тысячами казенныхъ денегъ въ карманѣ.

Бѣлинскій въ 40 годахъ произнесъ: „въ Россіи нѣтъ литературы!“ Дерзость поразила всѣхъ. Въ 81 году мы можемъ, никого не удививъ, сказать: „Россія не существуетъ, у нея нѣтъ исторіи.“ Восточная деспотія не исторія, но зоологія.

Посмотримъ, какъ выражается историческое существованіе страны въ 90 милл. жителей.

Царь повѣсилъ и спрятался..... Царь спрятался и снова хочетъ вѣшать...

Царь на коврѣ самолетѣ, въ шапкѣ невидимкѣ пролетѣлъ въ Москву, приложился къ иконамъ, принялъ хлѣбъ, соль, пообѣдалъ и сбѣжалъ.....

Царь отважно прокатился на „Отважномъ“ по Волгѣ, опять сбѣжалъ... Царь вернулся въ клѣтку къ гіенамъ, принималъ въ ней эмалированныя иконы, альбомы... Царь подписалъ манифестъ и прогналъ старыхъ министровъ; написалъ новый манифестъ, прогналъ новыхъ министровъ...

Царь желаетъ сгноить корни, учредить „средостѣніе,“ желаетъ упорядочить Россію, выпустивъ изъ виду себя...

Но гдѣ же Россія? откликнись! Нѣтъ отвѣта!!...

Зачѣмъ погребаютъ тысячи невинныхъ людей?...

—Чтобы спасти царскую шкуру... Зачѣмъ вся Россія превращена въ безплатный публичный домъ, въ который входитъ безъ спроса, день и ночь, жандармствующая сволочь? Чтобы спасти широчайшую шкуру...

Почему нельзя вздохнуть отъ нестерпимой боли, произнести человѣческое слово, выразить накипѣвшія муки, стыдъ, желанія, надежды? Почему вся Россія нѣма, неподвижна, какъ мертвая скотина? То нужно для спасенія царской шкуры.

Зачѣмъ черная банда убійцъ, воровъ присосалась къ наболѣвшему народному мясу и сосетъ, сосетъ день и ночь кровь? Зачѣмъ выколачиваютъ изъ обнищалаго народа, солеными розгами, ставшій ребромъ грошъ?.., Для тайной полиціи, чтобы спасти царскую толстѣйшую шкуру.,. О, сказочная шкура! когда же, наконецъ, сдерутъ тебя?!...

Сентябрьскія благоволенія. Мы, Александръ III, отъ скончанія міра (годъ, число), наконецъ, пожелали облагодѣтельствовать ввѣренную намъ Богомъ, обожающую насъ, русскую націю. Мы пожелали, немедля, водворить, упрочить навѣки заливанье корней. Поручаемъ все сіе Игнатьеву, вѣрному рабу нашему и подвластнымъ ему губернаторамъ, жандармамъ; разрѣшаемъ имъ на все время нашего царствованья — да продлить

богъ наши дни! — брать въ свою пользу частныя имущества людей неблагонадежныхъ, давая отчетъ одному мнѣ. Мы поклялись уничтожить хищеніе, и пришла пора исполнить клятву. Повелѣваемъ имъ осматривать всѣхъ мирныхъ гражданъ днемъ и ночью; если, обезумѣвъ отъ страха, они вздумаютъ защищать очаги свои, принявъ спасителей отечества за сбѣжавшихъ изъ тюрьмы переодѣтыхъ каторжниковъ, то вѣшать ихъ тотчасъ же, безъ суда, въ полицейскихъ участкахъ, безъ свидѣтелей. Разрѣшаемъ имъ запрещать разговоры въ частныхъ домахъ; игру же въ дурачки, да дозволяютъ всюду. Разрѣшаемъ въ дѣлахъ съ душкомъ политическимъ, обходиться совсѣмъ безъ законовъ и медлительныхъ, шаблонныхъ формальностей... Губернаторамъ, жандармамъ, служащимъ въ тайной полиціи поручаемъ рѣшать всѣ дѣла, какъ Богъ на душу положитъ, надѣясь вполнѣ на православные, освященные исторіей „авось“ и „небось“... Разрѣшаемъ кличъ кликнуть на всю Россію: не пожелаетъ ли кто поступить въ палачи. Новобранцевъ подвергнуть испытаньямъ и, наловчивъ руку ихъ надъ заподозрѣнными, приготовить къ болѣе высокой миссіи: окончательному уничтоженію всѣхъ виновниковъ крамолы...

Облагодѣтельствованіе или упорядоченье вообще. Мы, Александръ III, съ нашимъ вѣрнымъ рабомъ, графомъ Игнатьевымъ, замыслили создать для спасенья нашей драгоцѣнной для отчизны особы, тайное общество, названіе ему: *священный легіонъ*. Приглашаемъ въ него офицеровъ гвардіи, дворцовыхъ патріотовъ и всѣхъ дворянъ земли русской (купцовъ и прочія сословія, чтобы хамы не зазнались, исключаемъ). Цѣль общества: возвести палача Фролова, какъ бы въ перлъ созданія. Тайное общество въ своей организаціи должно стараться слѣпо подражать ненавистному тайному обществу крамольниковъ; перемѣнивъ фамиліи, запасшись фальшивыми паспортами, лозунгами, они должны отправиться на поиски крамолы. Члены легіона будутъ называться цареносцами. Цѣли общества — всюду, по всей Россіи, по всему обширному міру, разносить доносъ, шпіонство и провокаторство. Но симъ не исчерпывается дѣятельность тайныхъ цареносцевъ; самые достойные изъ нихъ должны заняться убійствомъ изъ

подъ угла; они должны убивать всѣхъ враговъ моихъ, графа Игнатьева и начальника тайной полиціи. Предписываемъ всѣмъ нашимъ посольствамъ, консульствамъ принимать посланныхъ нами провокаторовъ, убійцъ, доносчиковъ, съ распростертыми объятьями. Въ случаѣ поимки иностранной полиціей, не допускать ихъ до гильотины, галеръ, стараться, ни передъ чѣмъ не останавливаясь, даже передъ угрозой войны, спасать ихъ, не забывая, что люди эти — основы государства, на которыхъ, какъ на лонѣ Авраамовомъ, покоятся: законность, порядокъ, религія, семейство, собственность... Они чистѣйшее выраженіе чувствъ истинно русскихъ. Пора дворянамъ не въ пышныхъ словахъ, но въ пышныхъ дѣлахъ, обнаружить свою исконную готовность... Если между членами священной дружины произойдутъ большія денежныя недоразумѣнія, и нѣкоторые изъ заслуженныхъ дворцовыхъ сановниковъ проиграютъ или пропьютъ съ наложницами ввѣренныя имъ для свершенія убійствъ... то есть, подвиговъ, деньги, то всѣ денежные вопросы поручаемъ рѣшать безапеляціонно безкорыстному графу Игнатьеву... Не принимать ни подъ какимъ видомъ въ общество цареносцевъ дядю нашего, Его Высочество Константина Николаевича; извѣстный своими интригами, онъ съумѣетъ такъ закружить членовъ священной дружины нашей, что тѣ, войдя во вкусъ, тайнаго общества, могутъ превратиться въ рукахъ его высочества, дяди нашего, въ прельстительныя, гибельныя орудія противъ нашей царствующей особы, чѣмъ и подорвется самое святое основаніе общества...

Если какое-нибудь правительство вздумаетъ укорять насъ возобновленіемъ опричнины, съ песьими головами и начнетъ нашъ образъ дѣйствій подвергать нелѣпымъ сравненіямъ, то мы тотчасъ пригрозимъ ему войною и закидаемъ дерзкое государство бараньими шапками.

. . . . . .

Новыя реформы въ области свободы мысли. Мы, Александръ III, находя, что оздоровленная нами русская нація, съ отвращеніемъ, ужасомъ относится къ свободоязычію и дерзновеньямъ, запрещаемъ всѣ газеты, съ отдаленнымъ намекомъ на вольный душокъ... Каткову, Аксакову, Суворину, Маркову, Мещерскому дозволяемъ

направлять читающую публику къ благонамѣреннымъ, истинно русскимъ цѣлямъ.

Секретное прибавленіе. Разрѣшаемъ рабу графу Игнатьеву, для его обширныхъ государственныхъ замысловъ, завести запрещенную газету, въ самомъ гнусномъ гнѣздѣ крамолы: въ Женевѣ. Пусть она воспоетъ насъ и дѣла наши въ пещи огненной!! Пусть сразится на смерть съ крамолой на крамольной почвѣ! Набросившіеся на тайный плодъ не скоро, познаютъ кислоту его; можетъ быть, многіе отпадшіе члены снова приростутъ. Понявъ суету конституціи, прелесть самодержавія, хотя поздно, но поймутъ и оцѣнятъ всѣ реформы и благодѣянія наши. Въ случаѣ ловкаго, крупнаго доноса, позволяемъ простить ихъ, водворивъ на Сахалинъ, на пять лѣтъ... И, наконецъ, органъ сей приготовитъ восшествіе на престолъ Болгаріи Николая Игнатьева I, когда послѣ окончательнаго истребленія корней крамолы, онъ захочетъ почить на виноградныхъ лозахъ и розахъ болгарскихъ...

Но это тайное разрѣшеніе требуетъ оговорки. Появленіе провокаторскаго, шпіонскаго органа среди запрещенной прессы, это тоже пародированье Брутовъ, Гармодіевъ нашимъ придворнымъ жульемъ, доморощенными Фроловыми. Министръ внутреннихъ дѣлъ, начальникъ тайной полиціи, издающій заграничный органъ — событіе такое сказочное, что даже послѣ священной дружины, мы готовы подозрительно улыбнуться. „Но, другъ Горацію! на землѣ есть вещи, которыя не снились нашимъ подлецамъ“. Увы! это правда. „Вольное слово“ несомнѣнно — органъ Игнатьева. Говорятъ: „трудно шило въ мѣшкѣ утаить“, поймите, на сколько труднѣе утаить въ штопанномъ, дырявомъ, дурацкомъ колпакѣ, отъѣвшагося на Ниже-Городской ярмаркѣ, цѣлаго Игнатьева.

Игнатьевскій органъ повелъ дѣло жалко, неумѣло, тотчасъ же обнаружилась импотенція. Въ первомъ же номерѣ онъ торопливо началъ ругать его враговъ и черезчуръ поторопился расхвалить своего барина, за что — неизвѣстно. Такая нѣжность въ виду сентябрьскихъ указовъ, очень озадачила читающую публику. 4-ый номеръ сталъ уже его сажать на болгарскій престолъ, и если это экзотическое полицейское существованіе,

заползшее въ столь чуждую, ненавистную для него среду, быстро не увянетъ, то мы скоро узримъ Игнатьева въ роли претендента на русскій престолъ.

Но вся суть не въ Игнатьевѣ; главное — это борьба съ террористами на крамольной почвѣ.

Одинъ, не знающій пощады писатель („Общее Дѣло“ № 45) поймалъ за кончикъ, обросшее волосами, неопрятное ухо и вытащилъ его, оказалось оно ухомъ „чавкающей правду свиньи“.

Нѣтъ, графъ Игнатьевъ, орудуйте въ области родной вамъ, пользуясь дарованнымъ вамъ правомъ, конфискуйте частныя имущества неблагонадежныхъ, подсылайте на казенный счетъ убійцъ; душите безъ суда; высылайте въ Сибирь цѣлое поколѣніе, всю надежду, всѣ молодыя силы родины; громоздите мерзость на мерзость, свирѣпость на свирѣпость, но не суйтесь въ міръ, вами запрещенный, безпощадно преслѣдуемый. Пусть предатель не присаживается къ непредчувствующей опасности жертвѣ, не лѣзетъ съ искаріотскими лобзаньями!! Вы удавили русскую мысль: за запрещенную книгу приговариваете къ каторгѣ, и рядомъ, вы прибѣгаете къ запрещенной прессѣ, и гдѣ же?... въ Женевѣ!!...

Вы выпустили одно изъ виду, что свободное, незавпсимое слово и *Вы* — вещи несоединимыя; оно несетъ смерть людямъ, подобнымъ вамъ! Оно ваша могила!!... Правдивое печатное слово ужасно тѣмъ, что оно неуничтожаемо; клеймо въѣдается въ оловянный черепъ жгучее, глубже, больнѣе клейма каторжника. Не успѣете вы протянуть ноги, какъ уже отъ диѳирамбовъ, оплаченныхъ полиціей, останется столько же, сколько отъ звука, замолкшаго въ пустынѣ. Правдивое же слово все ярче будетъ выступать, все болѣе пріобрѣтать значенія. Не льстивый шопотъ „Вольнаго Слова“, но мрачный приговоръ запрещенной прессы будетъ вашей надгробной эпитафіей...

Кто же, исключая самыхъ презрѣннѣйшихъ шпіонишковъ, рѣшится защищать васъ? Только подлый, растлѣнный рабъ въ состояніи защищать своего лютаго палача; но кто же вы, какъ не палачъ, поставленный другимъ, еще большимъ палачомъ надъ несчастною, неповинною страною?!!...

Вы воспитались, духовно окрѣпли въ Китаѣ, Турціи;

шелковые шнурки, колы, застѣнки, бамбуковыя трости вамъ не въ диковинку. Вы налюбовались раздольнымъ житьемъ кровожадныхъ сатраповъ, плѣнились имъ, и, ставъ во главѣ правленія, тотчасъ же стали укоренять ихъ на своей родинѣ; но вы упустили изъ виду бомбы съ динамитомъ, эти маленькіе мячики начинаютъ перестраивать всю Россію на новый ладъ. Какъ ни шаловливо наше правительство, но долго играть въ эти мячики оно не будетъ; оно устанетъ, головка разболится. Дивные мячики, ими играть, оказывается, гораздо труднѣе, чѣмъ цѣлой Россіей.

Куда только васъ не бросала судьба! Вы побывали посланникомъ въ Константинополѣ; въ званьи губернатора повеселились съ купчинами на Нижегородской ярмаркѣ. Но ваша кипучая натура ярморочнымъ соглядатайствомъ, даровыми осетрами, стерлядями не захотѣла ограничиться, вы полѣзли выше, виноватъ!—т.е. стали спускаться все ниже, ниже и, наконецъ, стали не правою рукою, но челюстью гіены, обожравшейся трупами. Вы, первый министръ Александра III, будущему историку переложить вашу репутацію на слова будетъ такъ же трудно, какъ музыкальную какофонію.

Во время царствованія Александра II мы налюбовались въ административномъ мірѣ такими нравственными гадами, что. въ сравненіи съ ними, монстры парижскаго музея могли показаться существами, если не совсѣмъ миловидными, то, во всякомъ случаѣ, не очень пугающими. Но признаюсь, въ сравненіи съ вами, администраторы Александра II, — Аполоны Бельведерскіе, Адонисы, встань изъ гроба Аракчеевъ и онъ, конфузливо снявъ шапку, смирился бы передъ вами: въ пять мѣсяцевъ онъ не въ состояніи былъ бы натворить того, что вы натворили.

Вы воплощенное отрицаніе историческаго прогресса. Лорисъ Меликовъ одного мѣсяца не устоялъ около Александра III, вы устояли — съ позволенія сказать — шесть!! Герой полиціи, Барановъ не устоялъ, а вы устояли!!...

Вы можете быть вполнѣ увѣрены, что вашъ смертный скачекъ вырветъ изъ груди всѣхъ русскихъ дружное проклятіе.

Но не только общество, самъ Александръ III, если

ему придется умереть въ сознаніи и ранѣе васъ, навѣрное, скажетъ: „Свирѣпый визирь, наглый враль! это ты все толкалъ меня подъ бомбы! ты все клялся, что губя Россію, спасаешь мою шкуру, любуйся!...“

II.

Мы стоимъ наканунѣ грозныхъ событій. Если героическая молодежь не нанесетъ скоро страшнаго, неожиданнаго удара, и народъ не возстанетъ на допотопныхъ чудовищъ, мы неудержимо быстро пойдемъ на распаденіе. Страна, выносящая безъ кровавой революціи Александра III, не имѣетъ историческаго будущаго. Россія, имѣющая во главѣ Александра III, не только не въ состояніи бороться съ Европою, но даже съ одной Турціей: прогрессъ, свобода на ея сторонѣ.

Ничтожные рабы, скопцы, безропотно валяющіеся передъ остервенѣлымъ идіотомъ, недостойны историческаго призванія; такая падла зачумляетъ безграничное пространство, по которому она разбросана; живыя націи рискуютъ задохнуться.

Жить болѣе такъ нельзя. Мы идемъ къ ножамъ, топорамъ, бомбамъ, очистительному пламени революціи, или къ самоубійству, страшно быстрому разложенію... Распростертая въ страшныхъ корчахъ страна, стаи голодныхъ волковъ, рвущіе съ завываніями клочья больного, изстрадавшагося тѣла, тучи воронья, кружащіяся надъ добычею, рои песьихъ мукъ, производятъ такое подавляющее впечатлѣніе, что кровь стынетъ отъ ужаса, сердце изнываетъ въ груди.

Жить болѣе такъ нельзя. У насъ впереди позорная смерть, или великая побѣда; середины болѣе для насъ не существуетъ: она растоптана вмѣстѣ съ Александромъ II,

Палача Александра III долженъ неизбѣжно смѣнить грозный, безпощадный судья, великій мститель революціи...

Ноябрь, 1881 г.

Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ

I

Не знаю, господа, не покажется ли вамъ нѣсколько безумнымъ слѣдующее предположеніе: истинно, истинно говорю вамъ, скоро наступятъ времена, когда мы восплачемъ о самомъ Игнатьевѣ.

Вытаращивъ глаза, вы начинаете съ грустью смотрѣть на меня, и въ вашей головѣ мелькаетъ мысль: „неужели и онъ соблазнился и поступилъ сотрудникомъ въ „Вольное Слово?“

Игнатьевъ, подобно святой тройцѣ, сочеталъ въ себѣ три лица: Чичикова, Ноздрева и Хлестакова, онъ ужасенъ тѣмъ, что внутри у него въ высшей степени помѣстительный желудокъ, восхитительныя кишки; чувствительные, какъ вываренныя говяжьи жилы, нервы и жирная мозговая гуща, по которой мысли скользятъ, не приводя въ движеніе ни одного мозгового атома. Со дня рожденія онъ не слыхалъ, что существуетъ слово: принципъ; онъ искреннѣйшимъ образомъ даже теперь подозрѣваетъ, что это какая то подпольная гнусность, сфабрикованная святотатственность; стоитъ повѣсить двѣ, три сотни заподозрѣнныхъ, и она тотчасъ же сгинетъ съ тѣмъ, чтобы во вѣкъ не нарождаться, не смущать покоя самодержавія. Все кружится у него около: подкупить или заточить. Китай, Турція, конечно, не могли выработать въ немъ понятіе о принципѣ. Бамбукъ, шелковый шнурокъ замѣняли тамъ вполнѣ слово: принципъ.

Онъ прежде съума сойдетъ, чѣмъ на секунду предположитъ, что могутъ существовать люди, способные

снять послѣднюю одежду на всеобщее дѣло, вынести пытки, смерть за общее благо; все его нравственное существо представляетъ колосальный, вязанный карманъ, въ который все валится, валится, а онъ все тянется ... тянется ...

Нынче его зоветъ храбрый узникъ №Ш и говоритъ: „Я тебя дѣлаю министромъ всѣхъ моихъ внутреннихъ дѣлъ; ты долженъ на пропалую провокировать, интриговать, заточать, вѣшать; отдаю тебѣ отечество на съѣденіе, дѣлай съ нимъ, что хочешь, главное, ты долженъ спасти мою, самимъ богомъ вымазанную, шкуру. Мнѣ говорили, что среди полныхъ генераловъ нѣтъ человѣка, способнѣе тебя свершить невозможное; говорятъ, что ты совсѣмъ лишенъ способности конфузиться и задумываться; у Фролова точно такая же бездонная натура, какъ у тебя, но, увы, онъ не имѣетъ надлежащаго чина и много пьетъ, почти какъ я“.

— Слушаю, ваше величество, отвѣчаетъ Игнатьевъ. И начинается игривая импровизація о томъ, что порфироносная внутренняя политика представляетъ послѣднее слово государственной спасительной мудрости, проводя безсонныя ночи на Нижегородской ярмаркѣ, въ думахъ о благѣ обожаемой матушки родины, у него слово въ слово въ головѣ вертѣлись тѣ же широчайшія, гуманныя мысли...

Черезъ девять, десять мѣсяцевъ, трясущійся кавалеръ святаго Георгія*) призываетъ вновь Игнатьева и говоритъ: „Ты увѣрялъ, что въ одну недѣлю повыкапаешь всѣ корни, развѣтвленія и сдашь это мѣсто подъ огородъ. для помдамуровъ. Ты хотѣлъ въ 24 часа всѣхъ террористовъ, настоящихъ и будущихъ, поперемучить и передушить. Ты разослалъ приказы по всѣмъ тюрьмамъ, въ самую Сибирь — губить ихъ всѣхъ, не теряя времени на секунду, и, не смотря на универсальность мѣръ, нѣсколько улицъ подрыты снова; меня обложили, какъ скорпіона, раскаленными угольями,; измѣна кишитъ всюду; мы, съ божіей милостью, съ женою цѣлые дни плачемъ, крестимъ углы, служимъ молебны, но тщетно. Въ Черевина стрѣляли; каждый день ловятъ

*) Какъ могъ онъ вынести, безъ ужаса, на праздникѣ Георгія огромный наплывъ храбрецовъ? Самое торжество оскорбленіе Величества!!!

террористовъ десятками, но они снова, снова нарождаются; шкурка моя виситъ на одной жилкѣ; никакъ не разберу: самъ ли я лечу, или земля поползла изъ подъ ногъ. Фроловъ, въ пьяномъ видѣ, меня поноситъ; кричитъ, что во снѣ видѣлъ, что меня самаго вѣшаетъ, а террористы хлопаютъ и смѣются. Справился у Побѣдоносцева, что сей сонъ значитъ; увѣряетъ, что къ побѣдѣ весьма великой. Я вижу, что ты отпѣтый враль, но дѣло не въ томъ... Не хватить ли по части реформъ, по иллюзій ни, ни, ни... Намъ нужно вполнѣ русское, истинно русское!!"

Слушаю, ваше величество, отвѣчаетъ Игнатьевъ. И снова пышная импровизація... Реформы были его вѣчною мечтою. Во время безсонныхъ ночей, на Нижегородской ярмаркѣ, съ позволенья сказать, у него не выходило изъ головы, чисто русское, вполнѣ..

Около Александра III, пока въ тѣни, стоитъ человѣкъ; имя его скоро будетъ легіонъ. Онъ заткнетъ за поясъ Игнатьевыхъ. Дворцовая дворня съ нескрываемымъ отвращеніемъ протягиваетъ ему руку; его заподазриваютъ въ частомъ исканіи уединенія, въ тѣхъ упорныхъ занятіяхъ, которыя въ корпусахъ награждались розочкой, въ шалостяхъ, приведшихъ Гоголя къ „Перепискѣ съ друзьями". Если подобный человѣкъ возьметъ въ свои привычныя къ работѣ руки кормило правленія, то наступитъ для насъ танецъ смерти, возродятся казни Египетскія. У насъ, какъ и вездѣ, посты, бдѣнія, акафисты, панихиды, теплящіяся лампады, крестныя знаменья, сокрушеніе о грѣсѣхъ, очищенія муками, благолѣпіе храма, покоятся, главнымъ образомъ, на исканіи уединенія, за которое нѣкогда сѣкли въ корпусахъ...

Доносцевъ носитъ Христа въ шляпѣ, въ палкѣ, въ панталонахъ подъ задомъ, въ карманахъ сюртука, онъ осѣняетъ крестомъ, во время почныхъ бдѣній, даже свой руль, то есть, кормило правленія, по слухамъ онъ поклонникъ тюрьмъ, обожатель висѣлицъ, онъ настоялъ на казни Перовской, молилъ повѣсить беременную. Онъ ползаетъ, творя крестныя знаменья, передъ богомъ — рушителемъ основъ, крамольникомъ, святотатственнымъ злодѣемъ, приговореннымъ законнымъ правительствомъ къ распятью, между воромъ и разбойникомъ,

и рядомъ онъ плюетъ въ лицо распятымъ третьяго апрѣля!...

Скоро, скоро пустосвяты взойдутъ на русскую балаганную сцену. Въ воздухѣ уже раздаются все громче, громче слова Фердинанда VIII, короля испанскаго, титулярнаго совѣтника Поприщина: „Господа, пойдемте спасать луну!!“

И наканунѣ дней срама раздаются щебетанья: о разсредоточеньяхъ, мирныхъ преуспѣваніяхъ; предлагаются достойныя райской обители программы; пускаются дѣтскими ручонками камышинныя стрѣлки, съ наконечниками изъ рыхлаго тѣста въ террористовъ и вполнѣ игнорируется то обстоятельство, что терроръ, народившійся только вчера, успѣлъ уже расшатать весь государственный, разбойничій строй сверху до низу, поставилъ въ осадное положеніе деспотію. Мирныя же преуспѣванія, застѣнчивыя требованія, розовыя иллюзіи практикуются цѣлый вѣкъ, но не идутъ далѣе ломаннаго гроша, выѣденнаго яйца и всегда, чѣмъ мирнѣе, научнѣе становились требованія, тѣмъ звончѣе раздавались затрещины, пинки въ задъ, расточаемые сверху.

Русскіе шпіоны, провокаторы, напутствуемые благословеніями, дипломатическими совѣтами Игнатьева, заполонили Европу; не нынче, завтра, члены священной дружины начнутъ возводить въ перлъ созданья Фролова. Нѣтъ уголка, даже въ Европѣ, гдѣ человѣку, не причастному къ доносу, можно было бы дышать полною грудью. И въ эти дни намъ суютъ прописную мораль, копѣечные учебники!

Ужасъ леденитъ душу при одной только мысли, что вооруженный съ головы до пятъ великій революціонный протестъ можетъ на минуту пріостановиться; къ счастію, мы вступили на ту столбовую дорожку, съ которой свернуть некуда; съ одной стороны засасывающая трясина, съ другой, полный чудовищъ дремучій лѣсъ; мирная пропаганда пропѣла свою лебединую пѣснь; она воскреснетъ во всей лучезарной красотѣ, послѣ дней суда, дней славы... Возвратись мирная пропаганда теперь, Россію буквально живьемъ сожретъ проклятая правительственная банда, изъ нея высосутъ не только по каплѣ кровь, но и мозгъ изъ костей; ее

мертвую заклюютъ коршуны... Путь мирнаго преуспѣванія — прямой путь въ скотобойню.

II

Катковы, Суворины, Аксаковы, не унимаясь ни на минуту, продолжаютъ „чавкать“ крамолу, разбойниковъ пера, рушителей основъ; съ прежнимъ пыломъ громятъ лже-либерализмъ, вѣянія гнилаго запада, но не смотря на все свое мужество, очень поощряемое будочниками, не рѣшаются произнести послѣднее, роковое слово. Набросаю за нихъ картину обѣтованнаго рая, о которомъ они сладко мечтаютъ, не смѣя высказаться на прямикъ. Всякому, пожелающему упрекнуть меня въ утрировкѣ, сгущеніи красокъ, совѣтую глубже вдуматься, хорошенько припомнить все, написанное охранителями.

Чтобы картина вышла полною, нужно предположить, что крѣпостное право, столь ими желанное, возвращено. Даже для самаго Каткова не новость, что освобожденіе вымучено давленіемъ гнилаго запада, пожарами, бунтами крестьянъ, суровыми протестами разбойниковъ пера. Государство непротестующее, совсѣмъ освобожденное отъ тягостей политической борьбы, представляетъ нѣчто очень кроткое, игривое, мечтательное; козликомъ припахиваетъ, сытою свинкою. Преслѣдуя утопіи, охранители въ сущности, проповѣдуютъ мракобѣсное сновидѣніе.

Упоительное царство! Все въ немъ въ гармонію слилось!... Обожающій начальство поселянинъ, послѣ трудового дня, кротко жуетъ свой кусочекъ хлѣбца, благоговѣйно взирая на лубочный портретъ вымазанника божьяго, помѣщенный рядомъ съ пречистою дѣвой троеручицей. Если кой когда въ его хлѣбецъ попадутъ частички древесной коры и поэтично шумящіе, весеннею порою, листики, онъ еще благоговѣйнѣе склонится передъ мудрымъ божьимъ промысломъ. Небесная благость очевидна! Папашѣ-царю она вручила десятки дворцовъ, десятки милліоновъ ежегоднаго вспомоществованія; сыночку-поселянину — хаточку и хлѣбецъ съ гигіеническими примѣсями. Папашѣ-царю она дала права, при помощи соленыхъ розочекъ, собирать пода-

ти; сыночку-поселянину дозволила восторженно платить подати. Встрѣчая помѣщика съ палочкой и начальника съ плеточкой, поселянинъ бьетъ имъ челомъ, зная, что на ихъ палочкахъ, плеточкахъ покоятся: религія, семейство, собственность...

Университетовъ въ блаженной странѣ нѣтъ, — науки нерѣдко подрываютъ не только вѣру въ Тихона Задонскаго, но и въ самаго создателя; вѣру не только въ становаго пристава, но и въ самодержца, и, наконецъ, приходится пользоваться прѣлыми плодами гнилаго запада. Лицеи, по образцу Катковскаго, одни преуспѣваютъ въ вѣрной Россіи. Юноши, незлобивые сердцемъ, пасутся въ садахъ лицейскихъ, играя, цѣлуясь съ жандармскими служителями — ихъ надзирателями, наставниками; надоѣдливость съ поцѣлуями останавливается во время данной, ловкой пощечиной.

По городамъ, деревнямъ начальство, имѣя въ виду истинно русскія традиціи, на славу, бьетъ, поретъ нещадно; царь-папаша при крикахъ „ура“, деретъ съ своихъ дѣтишекъ послѣднюю шкурку. Явная полиція возбуждаетъ слезы; тайная полиція утираетъ слезы, и, не смотря на все, государство процвѣтаетъ, самодержавіе, православіе, семейство пускаютъ всюду корни, отростки, и если шумятъ, то только листьями. Вся тайна благополучія въ томъ, что нѣтъ крамолы, ничего политическаго. Нѣтъ созиданій, но за то нѣтъ разрушеній; въ результатѣ — сладкое благосостояніе. Обыватель, встрѣчаясь съ полицейскимъ и голубымъ архангеломъ въ аксельбантахъ, прижимаетъ ихъ ко груди, со словами: „Добрые руководители наши, мы люди непротестующаго царства, любимъ и уважаемъ васъ; вы отягчены ношей, на васъ покоятся государственныя стропилы и проч.“

Разбойниковъ пера, лже-либераловъ гнилаго запада и помину нѣтъ, все вошло въ русло. Добрые русскіе, со слезою умиленія, читаютъ, перечитываютъ цѣлые уймы духовныхъ богатствъ, накопленныхъ самодержавною и православною мудростью, подъ слѣдующими заглавіями: „Розги юношей питаютъ“, „Достовѣрный, въ то же время волшебный разсказъ о чудесномъ потѣ пресвятой богородицы“, „О бѣлой кости, находящейся въ Аѳонскомъ скитѣ“, „О преклоненіи

передъ примитивною наивною народною правдою", „Славная гибель поселянина Сусанина за основы и стропилы", „Истинно христіанскій взглядъ на сѣдалище души", „Перечень неисчислимыхъ благъ его величества III отдѣленія, утираніе потоковъ вдовьихъ слезъ", „Не выноси сора изъ избы или Симъ и Іафетъ, прикрывающіе валявшагося нагишемъ пьянаго родителя ихъ", „Оздоровленіе корней при помощи участка", „Ежедневное цѣлованіе въ плечо начальства, какъ вѣрнѣйшій способъ упорядоченія", „Славянскій, чертовски размашистый порывъ лечь костьми за обожаемаго безпредѣльно", О неподвижности балокъ, стропилъ и щебня", „О плеткѣ, поощрительницѣ семейнаго благоуспѣванія", „О неразрывности таинствъ, даже въ виду содомскаго грѣха", „Взглядъ счастливаго русскаго на безпутства революцій", „Объ утопичности равенства", „О безмятежномъ довольствѣ малымъ", „Тайная полиція, разсматриваемая какъ главный двигатель всемірнаго прогресса", „Славянскій бѣшенный разгулъ, направляемый ко благу нисшими чинами полиціи", „Полегонечку да потихонечку, мелконькими шажками: аллегорическій разсказъ для обузданія мечтательныхъ крайностей", „Страстотерпцы или всемірное торжество православія". „Многосторонній взглядъ дряхлаго, опытнаго околодочнаго на легкость, безплодность отрицанія". „Нравоучительный разсказъ о томъ, какъ высокопоставленныя лица, обремененные желудочными недомоганьями, нерѣдко завидуютъ желудку послушнаго рабочаго", „Мирный сонъ обывателя, увѣреннаго въ крѣпости стропилъ", „О самосѣченіи, очищеніи продолжительными каторжными работами", „О невозможности всѣмъ имѣть пресловутыя, человѣческія права", „Начальство, разсматриваемое какъ вполнѣ русская эволюція, какъ перстъ истинно божій", „Слово іерея Пафнутія на тему: той же рабъ видѣвый волю господина и не уготовавъ, не сотворивъ по волѣ его, біенъ будетъ много", „Слово архимандрита Ефендроса на тему: раби повинуйтесь во всякомъ страхѣ владыкамъ не только кроткимъ, но и свирѣпымъ", „Слово придворнаго дьякона Протопупова о заушеніяхъ и бичеваніи господа бога нашего, съ восхитительными выводами для всѣхъ, находящихся въ лакейскомъ услуженіи„, „Лекція профессора Иванова о

трехъ китахъ", „Надгробная рѣчь жандармскаго полковника Слезкина о тѣлѣ, какъ темницѣ духа", „Трогательная рѣчь Побѣдоносцева о торжествѣ надъ плотью", „Прочувствованная рѣчь начальника дворцовой тайной полиціи, генерала Черевина, объ истинной любви къ самодержавной, благолѣпно православной родинѣ".

Православные царелюбцы, узнаете ли вы въ этомъ перечнѣ моралей—свою проповѣдь, свои идеалы???

Эдему не достаетъ смоковницъ, удрученныхъ плодами, курчавыхъ ягнятъ, рѣзво пасущихся по зеленымъ лужайкамъ, среди ручейковъ. Къ сожалѣнію, климатъ нашей родины не позволяетъ намъ довести „бѣлую Арапію" до этого вожделеннаго конца...

III

Скоро выплеснутъ на насъ седьмую чашу ярости. Россію предадутъ въ руки эпилептиковъ, косноязычныхъ, кликушъ, святошъ. Смрадъ отъ лампаднаго масла начнетъ душить насъ, какъ веревка висѣлицы. Зацарятъ всюду панихиды, молебны, всенощныя бдѣнія, посты, молитвы, осатанѣлый грабежъ, вѣшанья. Передъ русскимъ подданнымъ, во всемъ кровавомъ безобразіи, встанетъ роковое: „быть или не быть". „Холуй, хочешь быть шпіономъ, провокаторомъ, — не дремли, записывай разговоры твоихъ знакомыхъ, все подслушанное и подсмотрѣнное и рапортуй. Не хочешь, — ступай въ тюрьму, въ Сибирь; ты выродокъ гнилаго запада, въ тебѣ умерли завѣтныя преданія старины, лучшіе національныя идеалы, святѣйшія чувства русскаго холуя!"

Царелюбцы загрохочутъ на всю Россію: „Блаженны подлые духомъ, ибо ихъ есть царствіе небесное. Вѣшатели, доносчики, хамы, святоши, жулики, входите смѣло въ настежь раскрытыя двери царствія русскаго, грядите истинные сыны отечества!!"

Мы будемъ удостоены созерцать пышное зрѣлище: онаники холодными, потными руками будутъ помогать вздергивать на висѣлицу; кликуши, заливаясь на голоса, будутъ топтать молодую жизнь, рвущуюся изъ

тьмы; грязными тряпками тушить, охватившій Россію, пожаръ . . . . . .

. . . . . .

Иди впередъ, впередъ, рожденная въ мукахъ, слезахъ, всепобѣдная, грозная сила, будущее твое! Твои разрывающія царей бомбы — святыя орудія прогресса, освобожденія; грохотъ твоихъ бомбъ пробудитъ отъ тысячилѣтняго сна крестьянина въ его темной конурѣ; заноютъ раны, натертыя цѣпями; изможденныя руки рванутъ и порвутъ ржавыя цѣпи; обвернутые пеленами Лазари выйдутъ изъ склеповъ, пробужденные неслыханнымъ призывомъ; страшный трескъ, гулъ подыметъ голоднаго, онъ пойдетъ на зовъ довѣрчиво.

Иди грозная, полная ослѣпительнаго свѣта, молодая сила! Враги твои будутъ громить тебя съ каѳедръ соборовъ, фарисейскою брехнею святошъ; ты громи бомбами и посмотримъ: какой громъ раскатится шире, по всей Руси, отъ какого болѣе вздрогнутъ, изнывшія болью, сердца, пробудится, незнавшая страха, совѣсть! Трезвонъ всѣхъ церковныхъ колоколовъ православной Руси не заглушитъ треска одной твоей маленькой бомбы.

Идите! За вами вслѣдъ встаетъ красное солнышко; легко будетъ дышать дѣтямъ будущаго, послѣ всеочищающей грозы. Но добрые, благодарные дѣти, злыхъ, неблагодарныхъ отцовъ, не забудьте праведниковъ, принявшихъ страшныя муки, мучительную смерть за ваше освобожденіе; завоевывая для васъ вольный воздухъ, они задыхались въ сыромъ смрадѣ крѣпостныхъ подваловъ; согрѣвающій васъ солнечный лучъ вышелъ изъ ихъ, незнающей свѣта, тюрьмы... . . . . .

. . . . . .

Январь, 1882 г.

Заколдованный кругъ

„Подавай, говорятъ, намъ самую силу небесную, мы и съ тою силою справимся.“ И спустилась на нихъ сила не здѣшняя, столбъ огненный. Они столбъ перерубятъ — два станетъ — все поединщики; еще перерубятъ — четыре станетъ — все поединщики. И чѣмъ дальше рубятъ, тѣмъ болѣе поединщиковъ становится... рубились, рубились витязи, притупились ихъ мечи булатные, уходились ихъ кони добрые, измахались плечи могутныя. Раздавила ихъ, какъ комаровъ, грозно множившая „сила не здѣшняя...“

I.

Исторія намъ повѣствуетъ странныя вещи. Когда королю, прижатому парламентомъ, требовалось, во что бы то ни стало, спасти свою царственную особу, царственныя привиллегіи, онъ, скрипя зубами, съ крокодильимъ плачемъ, бросался въ народныя объятія. Безгранично презирая, ненавидя народъ, вѣчно высасывая изъ него послѣдніе жизненные соки, онъ, вдругъ, начиналъ клясться ему въ любви, вѣрности, и, какъ не дико сказать — наглый обманъ иногда удавался. Довѣрчивый, бѣдный народъ выводилъ изъ плѣна своего короля, и затѣмъ, конечно, снова начиналась старая, подлая трагикомедія.

Нашъ царь-неудачникъ, видимо, отъ кого-то прослышалъ про удававшіеся фокусы; забывъ время, мѣсто, онъ самъ задумалъ, на краю гибели, продѣлать незабвенный фарсъ.

Падишахъ ясно сознадъ, что интеллигенція твердо рѣшилась вѣрноподданническія чувства замѣнить мячиками, наполненными динамитомъ; она отказалась

признать въ немъ не только падишаха, но вообще человѣка. Онъ поставилъ себя внѣ законовъ, и она вполнѣ согласилась — поставила его внѣ законовъ. Бѣшеннымъ волкамъ устраиваютъ капканы, самодержцамъ — мины.

Мины, бомбы загнали царя-неудачника въ народъ. Александръ Ш сдѣлался народникомъ. Прочтя эти слова, я знаю, что не только живые люди лопнутъ отъ смѣха, но и мертвецы зашумятъ костями, заскрежещутъ зубами...

Аксаковы, Катковы, Достоевскіе убѣдили Митрофанушку, что русскій народъ былъ и есть подлый, вѣрный хамъ, вѣчно жаждущій растерзать интеллигенцію; его завѣтные идеалы: нагайка и мертвая петля. Встрѣчая народъ только на главныхъ улицахъ, всегда безъ шапокъ, онъ повѣрилъ нашимъ царелюбцамъ. „На такой народъ“, сказалъ самъ себѣ Александръ Ш, „опереться не только можно но и должно“.

Царь изволили пожелать пошалить съ народомъ, но, видимо, не въ добрый часъ. Нежданно, негаданно, со всѣхъ концовъ земли русской пришли ошеломляющія извѣстія. Вѣрный народъ, которому Александръ Ш такъ довѣрчиво протянулъ нози для лобзанія, все громче и громче начинаетъ поговаривать о „равненіи“ и „о боги! неужели это васъ веселитъ?“ сами урядники (и ты, Брутъ!), старшины, полицейскіе нисшіе чины, забывъ покоющуюся на ихъ хребтахъ священную собственность, стали вторить имъ. Попы въ церквахъ, по приказу Бѣдоносцева, бесѣдуютъ о крамолѣ; поселяне, выходя изъ церкви, увѣряютъ, что бесѣдовали они о всеобщемъ равненіи. Не только взрослые, но и малые дѣти, съ поразительною, не дѣтскою находчивостью, развиваютъ ту же святотатственную мысль. Созерцая ужасную гибель тысячъ людей по тюрьмамъ, десятковъ на висѣлицахъ за ту же идею, кто предчувствовалъ, что безумныя утопіи были такъ близки къ разрѣшенію, такъ дороги сердцу народному!

Исправники, потрясенные крамольными толкованьями, умоляютъ опомниться, вспомнить царскія слова о неприкосновенности его и дворянской собственности, подкрѣпляютъ мольбы кой-гдѣ розочками, и не смотря

ва все — превратная идея „равненія“ охватываетъ все болѣе, болѣе массы.

Наши газетчики, защитники народной политики, передавая слухи, прибавляютъ съ лазурною наивностью; „Такія, лишенныя малѣйшей логики, гнусныя, превратныя воззрѣнія могутъ только исчезнуть съ развитіемъ образованія!“

Чудные плоды приноситъ образованіе! Какъ же могутъ поселяне не чтить, не обожать, не вѣровать въ священную собственность, когда они сами еще такъ недавно были, если не священной, то во всякомъ случаѣ, неприкосновенной собственностью. Г. Аксаковъ и ком.! вы насъ тридцать лѣтъ учили склоняться передъ народною правдою, волею, передъ мироточивымъ черепомъ, помазаньемъ въ Успенскомъ соборѣ, передъ Иверской матерью. Вы насъ осыпали проклятіями и площадною бранью, когда мы откровенно сознавались, что, не смотря на народную волю, мы на волосъ не намѣрены увѣровать въ эту поразительную народную правду. Скажите намъ теперь по секрету, что вы намѣрены дѣлать, писать, въ случаѣ, если „постящіеся купно“ мужички, уставъ дожидаться „милости“, начнутъ потихоньку приводить въ исполненіе охватившую ихъ идею „всеобщаго равненія“, идею народной правды. Намѣрены ли вы, народолюбцы, считать всеобщее равненіе „народною волею“, „народною правдою?“ И если оно будетъ сдѣлано безъ разрѣшенія высшей администраціи и высшей полиціи, очутитесь ли вы на сторонѣ 80 милліоновъ или на сторонѣ папеньки 80 милліоновъ?

Нѣтъ, не всегда самодержавно-православное пустозвонство сходитъ съ рукъ удачно!

Для царствующихъ хлѣвовъ „равненіе“ вещь не совсѣмъ подходящая; люди, охваченные подобной идеей, неибѣжно должны прійти къ дѣланью сюрпризовъ...

Все, все противъ тебя, неудачникъ! Стихіи и люди двинулись на тебя, какъ на Макбета передъ гибелью— на тебя пошелъ „бирманскій лѣсъ.“

Широко разметались передъ тобою двѣ дороженьки: одна — „равненія“ можетъ повести тебя и семью прямехонько къ эшафоту, воздвигнутому судомъ народнымъ, другая...

Вспомнишь ты тогда тюрьмы, ссылки, висѣлицы!!...

II.

Министры, наѣзжавшіе изрѣдка въ Европу, съ способностью хотя слегка конфузиться передъ цивилизованными людьми, оказались непригодными; вытащили на позорную сцену азіата. Во главѣ правленія очутился, затмившій Хлестакова, лгунишка, проведшій всю жизнь въ тѣсномъ общеніи съ мандаринами и Богдыханомъ, съ евнухами сераля и султаномъ. Съ водвореніемъ Игнатьева послѣдніе, наружные признаки цивилизаціи исчезли; Россія превратилась изъ Турціи въ Персію; зацарили сатрапы; судъ сталъ вполнѣ живодернею, пресса выразительницею полицейской будки.

Все, все свершилъ этотъ, непостижимо растягивающійся, вязаный карманъ, съ яркою вывѣскою: чего хочешь, того спросишь, главное — накладывай".

Катковъ правленіе Лорисъ-Меликова называетъ: диктатурой сердца; правленіе Игнатьева можно назвать диктатурою ненасытнаго чрева, бездоннаго кармана...

Осатанѣлая отъ страха куча дворцовыхъ убійцъ продолжаетъ фантазировать, расчитывать на спасеніе, все еще въ пьяномъ видѣ вызываетъ на бой „силу не здѣшнюю" и, какъ всѣ умирающія правительства, играетъ на руку своимъ неумолимымъ врагамъ.

Въ Монтре какая-то оголтѣлая психопатка, подосланная „священной дружиной", выстрѣлила въ невиннаго нѣмца, принявъ его за Петра Лаврова. Русское правительство, нѣтъ сомнѣнія, напрягетъ послѣднія силенки, чтобы замять неслыханное дѣло; интриги, огромныя деньги, Станиславчики на лентѣ будутъ пущены въ ходъ, но можно надѣяться, что на этотъ разъ коса найдетъ на камень, и на судѣ обнаружатся подробности, которыя удивятъ Европу. Извѣстія о „Священной Дружинѣ" обошли давно всѣ газеты, но никто не хотѣлъ вѣрить безумнымъ слухамъ. Одна крупная газета, вполнѣ соглашаясь съ общимъ мнѣніемъ, что русское правительство вполнѣ азіатское, напоминаетъ, что оно не порвало еще всѣ сношенія съ Европою, поэтому не осмѣлится рѣшиться на актъ, сразу ставящій его на положеніе турецкаго правительства, и тѣмъ болѣе, послѣ жалобныхъ заискиваній у всѣхъ прави-

тельствъ, съ цѣлью выдачи политическихъ жертвъ.

Правительство, истрачивающее крупную часть бюджета на тайную и явную полиціи, вѣшающее за покушенія и тайныя общества, и затѣмъ, само составляющее тайныя общества, подсылающее убійцъ — феноменальное явленіе, переходящее границы вѣроятнаго.

По законамъ азбучной логики можетъ произойти слѣдующее: революціонеры, вникнувъ въ событіе, неожиданно могутъ заявить: „За одного убитаго товарища десять (говорю приблизительно) священныхъ убійцъ". Разъ война на жизнь и смерть объявлена, все возможно. Крупные члены тайнаго общества священныхъ сбирровъ извѣстны на перечетъ, „Народная Воля" опубликовала гнусныя имена, и въ случаѣ, рокового рѣшенія, крупные, царскіе сбирры могутъ погибнуть за мелкихъ и темныхъ. Священная дружина затѣваетъ опасную, полную кровавыхъ послѣдствій, игру. Свирѣпымъ холуямъ баловаться революціоннымъ, грознымъ оружіемъ не слѣдуетъ. Очень смѣшное зрѣлище представляютъ уродливые карлы, примѣривающіе исполинскій панцырь и шлемъ Ричарда Львинаго сердца, силящіеся гурьбою приподнять его тяжелый, заколдованный мечъ. Обезьянка, захотѣвшая поиграть бритвою, перерѣзала себѣ горло.

Господа, священные убійцы! вы вызываете на бой революціонную партію; взвѣсимъ, на чьей сторонѣ болѣе выгодъ.

Революціонеръ, вступая въ незнающую пощады борьбу съ „мрачнымъ сонмищемъ", заранѣе обрекаетъ себя на гибель. У него нѣтъ личной жизни, она поглощена великой идеей. Тысячи схороненныхъ по тюрьмамъ и десятки погибшихъ на висѣлицѣ, слишкомъ краснорѣчиво подтверждаютъ мою мысль. Смерть отъ палача или наемнаго мерзавца для революціонера — тріумфъ: она увѣнчиваетъ его ослѣпительнымъ ореоломъ, утысячеряетъ значеніе его словъ, дѣйствій, а главное, вызываетъ сотни новыхъ, еще болѣе безпощадныхъ мстителей.

Вы, крупные члены тайнаго общества священныхъ убійцъ, (пишу въ очень веселомъ, нѣжномъ настроеніи и поэтому буду выражаться очень мягко), прежде всего — жупры. Отдаваясь всецѣло тайной полиціи, замыс-

ловатымъ политическимъ махинаціямъ, вы, въ тоже время, стремитесь отдаться всецѣло кокоткамъ, роскошнымъ обѣдамъ съ шампанскимъ, картежничеству, рулеткѣ; ваша жизнь — жизнь шкуры по преимуществу; лишенные внутренней жизни, живя минутою; съ общественнымъ идеаломъ, не превышающимъ зданіе у Цѣпного моста, продажные, свирѣпые, вы, нѣтъ сомнѣнія, очень привязаны къ своей выхоленной плоти; мысль о преждевременной смерти должна для васъ быть невыносимо ужасна; погибая, вы будете сознавать ясно, что смерть ваша — сколѣваніе взбѣсившагося пса, что ваша преждевременная могила рискуетъ быть украшена осиновымъ коломъ...

Въ цивилизованныхъ странахъ непоколебимо сложилось понятіе: если народъ вѣшаетъ на фонаряхъ полицейскихъ, жандармовъ, шпіоновъ, провокаторовъ, топчетъ въ грязи давяшихъ его злодѣевъ — онъ дѣлаетъ революцію; если же полицейскіе, жандармы, шпіоны, провокаторы убиваютъ народъ — они свершаютъ отвратительное, грязное убійство. Господа, священные убійцы, вы затѣяли все дѣло съ завѣтною мыслью: въ сласть понагрѣть руки въ чужихъ карманахъ; вамъ удалось оболванить двухъ-трехъ очень богатыхъ идіотовъ, но — увы! — въ Россіи богатства быстро испаряются; оставшись съ пустыми карманами, вы, неизбѣжно, пережрете другъ друга, какъ пауки въ банкѣ, и всѣ ваши политическіе планы лопнутъ, какъ мыльный пузырь.

Увидимъ, кто выйдетъ побѣдителемъ: полицейскіе добровольцы, силящіеся остановить на полномъ ходу исторію, или живая, мощная жизнь, рвущаяся изъ удушающей „собачьей пещеры“.

Люди, взнесшіе на воздухъ Александра II, врядъ ли сочтутъ для себя труднымъ растереть въ пыли царскую сволочь не охраняемую.

Закончу главу глубокими, пророческими словами В. А. Зайцева, написанными не задолго передъ смертью, по поводу священныхъ разбойниковъ.

„Дураки, сила не въ жезлѣ, а въ феѣ, въ ея рукахъ простая орѣховая вѣточка рушитъ троны, растворяетъ двери темницъ, поднимаетъ море ломать стѣны неприступнаго людямъ замка. Разорванный пистолетъ Бере-

зовскаго 15 лѣтъ бьетъ осколками въ физіономію вашего царя, отъ криковъ: „vive la Pologne!“ которыми его встрѣтили во французскомъ Palais de Justice до прошлогднихъ манифестацій въ честь Березовскаго. И теперь въ физіономію же вашего царя отдадутъ всѣ револьверы, которыми вы вооружите вашихъ сбирровъ, хотя бы ихъ пули попали по назначенію. Тамъ, гдѣ наши герои нашли себѣ безсмертную славу Гармодіевъ и Брутовъ, а отечеству своему пробужденіе, вы найдете позоръ и вызовете противъ себя вопль негодованія всего цивилизованнаго человѣчества. Повторяемъ, куда бы вы не цѣлили, ваши заряды попадутъ въ физіономію вашего держимордства и обезобразятъ ее такъ, что въ сравненіи съ ней физіономія стараго Фрица, послѣ Ноблинга, покажется идеаломъ человѣческой красоты...

„Non plus ultra“. Общее Дѣло, № 44.

III.

Въ моментъ, когда я клалъ мою статью въ конвертъ, почтальонъ принесъ письмо съ радостнымъ извѣстіемъ объ изгнаніи Игнатьева. Начиналось письмо пѣснью ангеловъ: „Тебя, Бога, хвалимъ“. Подробности изгнанія мнѣ показались интересными, взглянувъ на нихъ съ чисто русской точки, я даже не удивился: всѣмъ стало извѣстно, что самое необузданное воображеніе никогда не подымется до русской дѣйствительности; все, кажущееся на первый взглядъ до сумасшествія невѣроятнымъ, всегда оказывалось лишь блѣдною, жалкою копіею съ очаровательной дѣйствительности.

Скажите откровенно, кто могъ бы предсказать Игнатьева въ роли министра внутреннихъ преступленій, или наемныхъ убійцъ „священной дружины,“ сентябрьскіе указы?

Отношенія нашего гатчинца къ министрамъ очень упрощены: покушеній, минъ нѣтъ, министръ живетъ, да поживаетъ и страшно быстро добро наживаетъ; что онъ собою представляетъ, куда онъ ведетъ Россію, объ этомъ никто не безпокоится. Соси кровь, тяни жилы, жри Россію, главное: чтобы мины не розыскивались, покушенія не задумывались. Но разъ открываются ми-

ны, свершается покушеніе, — пошелъ министръ на всѣ четыре стороны, ко всѣмъ чертямъ! О Россіи въ настоящее время смѣшно упоминать: царская шкура отбросила на нее густую, черную тѣнь, ея болѣе уже никто не замѣчаетъ.

Фатальное время мы переживаемъ: царя, вотъ уже годъ, какъ у насъ нѣтъ, и въ тоже время, вся Россія обречена кого-то и что-то спасать, зачѣмъ?—неизвѣстно. По моему, одного стараго служиваго за глаза довольно, чтобы оберегать томящуюся въ клѣткѣ гіену.

Получивъ отставку, Игнатьевъ, какъ жукъ, упалъ навзничъ и, подогнувъ лапки, притворился мертвымъ. Гатчинскій узникъ струсилъ; ставъ на колѣни, онъ сталъ гладить его по щекамъ, лысинѣ, приговаривая: „Успокойся, старый Хлестаковъ, я тебя пошлю посланникомъ въ Персію; житье тамъ привольное, почти какъ у насъ, ты гаремъ и даже мальчиковъ заведешь“. Замѣтивъ, что не помогаетъ, онъ вылилъ на него цѣлый самоваръ, къ сожалѣнію, остывшей воды; Игнатьевъ, надѣясь на полную милость, не шевелился. Датскій кобель императрицы, самый умный изъ всѣхъ, окружающихъ Гатчинца, обнюхавъ его, сталъ дуть ему въ носъ, рычать; убѣдившись, что министръ внутренностей притворяется, онъ поднялъ лапу и окропилъ его.

Люди, жаждущіе пирога, не дремали, съ позволенія Александра Ш, они выволокли внутренняго министра за ноги въ садъ, въ грязь, нѣсколько разъ стукнули его головой о камни. Министръ не шевелился; люди пирога обратились къ нему со словами: „Вставай, ясно какъ день, что какъ только мы оставимъ тебя на секунду, ты сейчасъ же воскреснешь и юркнешь къ Александру Ш, начнешь валяться въ ногахъ, прося прощенья. Мы знаемъ тебя насквозь, если черезъ минуту ты не очнешься, мы уложимъ тебя въ гробъ и забьемъ крышку гвоздями...“ Вспомнивъ о содержанкѣ, вытащенной изъ Ниццы и о нахапленныхъ имѣньяхъ, Игнатьевъ началъ слегка шевелиться, вздрагивать внутреннимъ правленіемъ, т. е. животомъ и, вдругъ, на весь садъ разревѣлся. „Отпустите меня, добрые люди (голосилъ онъ), хоть на недѣлю въ квартиру министерства внутреннихъ дѣлъ, мнѣ нужно уложить чемо-

даны". — Какъ бы не такъ! — отвѣчали люди правительственнаго пирога — въ недѣлю ты вычистишь квартиру такъ, что половъ, рамъ не останется. Довольно разговаривать съ проходимцемъ, валите его на дрожки! — Уложили его на тѣ самыя дрожки, на которыхъ возили въ Гатчину народныхъ представителей, вооруженныхъ солью, хлѣбомъ, иконами, и быстро повезли въ трактиръ „Бѣлаго осла", содержимый урядникомъ. Свѣдущіе люди, изумившіе Россію по питейной части, послѣ долгихъ проволочекъ, были посланы опечатать квартиру; прибывъ въ оную, они всплеснули руками, разодравъ одежды, они посыпали головы золою изъ камина... Зеркала, ковры, мебель, часы, канделябры, портреты маститыхъ генераловъ, самыя постели, все, все безслѣдно исчезло. Къ великому удивленію, печи, рамы остались невредимы, и только въ одной комнатѣ нѣсколько дорогихъ паркетныхъ узоровъ были вынуты. Бросились на пароходную пристань; всѣ подробности мгновенно раскрылись... Узнавъ отъ племянницы дворцоваго повара о приближающейся катастрофѣ, министръ заблаговременно все сплавилъ на казенный счетъ черезъ Кронштадтъ въ Ниццу. Посланы были депеши въ Ниццу. Нерадостные отвѣты были получены. Телеграммы отличались отрывочностью: видимо, ихъ писала взволнованная рука.

„Ницца, 12 часовъ ночи. Открываетъ въ лучшихъ кварталахъ, четыре гостинницы истинно-русскія, съ разнообразными водками, икрою, балыкомъ, пирогами о четырехъ углахъ, кулебяками; мебель устанавливается. Двумъ, нанятымъ имъ во время исполненія должности, убійцамъ, не платитъ и пугаетъ общественнымъ мнѣніемъ Франціи. Хочетъ разрушить съ мѣстнымъ священникомъ, храмъ божій *въ три дня*, и, затѣмъ, берутъ подрядъ на построеніе новаго*). Воздвигаетъ колоссальный публичный домъ, на неслыханно новыхъ и совершенно научныхъ основаніяхъ; радикальныя реформы... Ну, батенька! если бы вы знали, какихъ намѣревается выписать китаяночекъ, турчаночекъ, персіяночекъ, не даромъ же онъ былъ, батенька, посланникомъ въ странахъ злачныхъ; связей, протекцій у него бездна..."

*) Не понимаю, что сей сонъ значитъ.

Апрѣль, 1882 г.

Бѣлый Генералъ

I

Грустное, отталкивающее зрѣлище представляютъ наши Зюлейки, рыдающія, въ трескучей прозѣ и въ вздутыхъ стишонкахъ, на гробѣ храбраго Абдалуя. Безпощадный, незаслуженный приговоръ изрекли онѣ невольно „надъ почившимъ исполиномъ,“ „безпримѣсною русскою душой.“

Нехорошее впечатлѣніе производятъ наши краснокожіе: Катковы, Марковы, Аксаковы, Суворины, Мещерскіе, танцующіе дикій танецъ, съ волчьими завываніями и кувырканіями на гробѣ вождя, безвременно погибшаго не на полѣ брани, но на бурномъ ложѣ, между тремя пьяными дѣвицами-нѣмками изъ Риги. (Безпримѣсная русская душа!)

Вспомните: кого хвалили краснокожіе, чѣмъ восторгались, по комъ плакали?! Они разодрали ризы свои, узнавъ о пораженномъ чревѣ Трепова; они стенали, лили вдовьи слезы на могилахъ Кропоткина, Мезенцова, Александра II, Стрѣльникова; страстно, нѣжно воспѣли ихъ доблести. Сострадательные, гуманные, они восторгались пытками, казнями. Съ скрежетомъ требовали новыхъ висѣлицъ, новыхъ полицейскихъ неистовствъ; совѣтовали обществу доносить даромъ.

Въ ихъ несравненныхъ головахъ азіатская деспотія, ни одною нитью не связанная съ страною, и сильная власть, смѣшивались въ одно понятіе. Они курили благовоніями, пѣли гимны палачеству, застою, мракобѣсію. И эти людишки до настоящей минуты не могутъ понять, что ихъ похвала, восторгъ — проклятіе, позоръ для честнаго человѣка!

Мы знаемъ превосходно, что они подразумѣваютъ подъ „великимъ русскимъ духомъ," „безпримѣсною русскою душою," „истиннымъ патріотизмомъ," „самосознаніемъ народа," „славянскимъ священнымъ исполинствомъ."

Подкладка ходульныхъ, пустозвонныхъ фразъ—великая русская вонь, застѣнки, центральныя тюрьмы, административныя ссылки залѣзаніе въ казенный ящикъ, обдѣлываніе втихомолку своихъ карманныхъ, грязныхъ дѣлишекъ, ликующее холопство, старушечье ханжество, подлая лесть и лампадное масло.

Мы знаемъ этихъ господъ; мы читали всѣ ихъ произведенія; видѣли ихъ въ передрягахъ; любовались ими, когда стояли они на высотѣ призванія; мы помнимъ „Московскія Вѣдомости," „Новое Время," „Русь," „Минуту," „Русскій Вѣстникъ," „Русскую Рѣчь".

Будь Скобелевъ герой, а главное человѣкъ. не пришелся бы онъ по плечу нашимъ рабамъ-азіатамъ; они плевали бы въ его мертвое лицо, топтали его бренные остатки, лягали бы безъ пощады ослинымъ копытомъ.

Впомните то, что никогда не забудетъ Россія, какъ подвизались они послѣ 1 марта, въ день казни 3 апрѣля. Сердца ихъ бились въ тактъ съ сердцемъ отцеубійцы-палача Фролова, и они хвастались этимъ, возводили дружное біеніе въ гражданскую доблесть *) Палачъ Фроловъ, передъ казнію тираноубійцъ, затопилъ свою черную душу водкою, онъ весь трясся, когда надѣвалъ петлю на великую праведницу, только угроза смертью заставила его рѣшиться... Наши царелюбцы писаки, перещеголяли палача...

Если они восторгаются будьте увѣрены, что то участковый восторгъ; если плачутъ, то плачутъ мясники Ножевой линіи. Ни одной слезинки не выронятъ

*) Лучше всѣхъ отличился въ это ужасное время Евгеній Марковъ. Совѣтую прочесть въ никѣмъ нечитаемой „Русской Рѣчи" статью „У Голговы," 1881, Мартъ. Мрачный холуй заткнулъ за поясъ Цитовича, Каткова, Аверкіева. Нужно отдать справедливость „Голосу" правильнѣе, „Шопоту, повидимому онъ прогналъ перехолопившаго мерзавца. Въ настоящую минуту пѣвецъ Голговы" прихвостничаетъ, съ горя, въ послѣднемъ притонѣ грязи, лжи и шпіонства, въ газетѣ: „Гнусное Время".

они безъ разрѣшенія, поощренія тайной полиціи и жандармеріи.

Укажите, когда рабы минуты, поклонники офиціальнаго успѣха произнесли суровую, сердечную, недозволенную правду, пискнули независимый звукъ, прошептали, хотя въ нечаянномъ порывѣ, честное, смѣлое безкорыстное слово!

Скобелевъ — славянофилъ! Кто выслѣдилъ дѣятельность Игнатьева на высотѣ и его панегириста Аксакова внизу, тотъ пойметъ роковой смыслъ, заключающійся въ невинной кличкѣ.

Герои-генералы, слившіе въ своихъ непостижимыхъ головахъ, сердцахъ, любовь къ народу и его палачу-царю, не наши герои; къ нимъ безслѣдно заростетъ народная тропа. Что общаго у нихъ съ народомъ? Роль народа всегда плачевная, страдательная. Слава героевъ-генераловъ—гной, кровь въ грошъ нецѣнимаго солдата. Имъ чины, награды, фиміамы, признательность слѣпой толпы; солдату—червивые сухари, муки, голодъ холодъ, искалеченье, безвѣстная смерть и полное забвеніе! Генераламъ лавры, розы; солдатамъ прутья, шипы!...

Мы живемъ въ концѣ XIX вѣка. Прежніе идолы безшумно гніютъ, разваливаются на нашихъ глазахъ. Скоро сойдутъ со сцены историческія маріонетки, герои бѣличьяго колеса, вѣрные послушные слуги коронованныхъ шутовъ. Смететъ ихъ исторія, какъ она уже смела тѣхъ, передъ которыми наши Скобелевы меньше зерна горчичнаго. Давно ли ихъ раздували въ героевъ, въ настоящую минуту, въ глазахъ даже самихъ раздувателей, они стали простыми бандитами, которыхъ еще при жизни всегда переростала пользующаяся презрѣньемъ правителей масса.

Проходятъ горячечныя времена; военныя доблести потускнѣли; пышные трофеи пали; яркій пурпуръ оказался простою тряпицею; блестящіе золото, каменья — копѣечною мишурою, стеклышками отъ разбитыхъ бутылокъ; тихо вѣющія знамена — балаганною вывѣскою, флагомъ питейнаго заведенія.

Созерцая, превозносимое нашими холопами, мужество русскаго солдата, его невѣроятныя покорность, терпѣніе, выносливость, многіе съ отчаяніемъ спраши-

вали себя: неужели у этой страны, страшной своею нелѣпостью, есть будущее? Герои они или просто падла, годная для унаваживанія чужихъ полей и зарожденія чумы? Что несутъ самодовольные, бездушные рабы на своемъ кабацкомъ знамени, на которомъ слова: „братство, равенство, свобода“ весело замѣнены: „Ура! насъ бить пора!“ За кого гибнутъ они? Кого спасаютъ, съ кѣмъ сливаются? Отчего бѣгутъ отъ насъ, освободителей, освобожденные въ Турцію, какъ въ землю обѣтованную?

Какой таинственный смыслъ заключается въ безобразномъ абсурдѣ, въ орлѣ о двухъ головахъ? Разумная, живая природа двухъ головъ не признаетъ, двѣ головы равносильны полному отсутствію головы, двуголовыхъ держатъ въ спирту. Двуголовый символъ ярко отражаетъ безголовую деспотію.

Борьба дикарей съ дикарями, съ мыслью: кто побьетъ — бой быковъ. Предводитель армій — храбрый тореадоръ.

Великая идея одна въ состояніи осмыслить мужество, одухотворить подвигъ; она одна даетъ свѣтъ и краски, дѣлаетъ смерть лучезарной.

Въ Италіи недавно „смежилъ орлиныя очи въ покоѣ“ святой старикъ, великое дитя, утопистъ, революціонеръ, атеистъ, грезившій всю жизнь универсальной республикой, народнымъ братствомъ, экономическимъ равенствомъ, онъ восторженно привѣтствовалъ коммуну. На смертномъ одрѣ восхвалялъ нашихъ героевъ: Каракозова, Соловьева, Желябова, Перовскую, Гриневицкаго...

Старый крамольникъ освободилъ свою страну отъ Александровъ II и III-ихъ; какъ левъ косматый, онъ дрался всюду, гдѣ загоралась свобода. Весь міръ оплакивалъ героя-человѣка; его родина снизу до верху облеклась въ трауръ.

Онъ завѣщалъ, старый карбонаръ, свой трупъ возложить на костеръ, болѣе яркій, чѣмъ костеръ Сарданапала. Его храмъ былъ не груда кирпичей; храмъ его — вселенная...

Мы съ трепетнымъ чувствомъ склоняемся передъ чистымъ образомъ, передъ истиннымъ героемъ XIX вѣка.

Мы пролили горячую слезу на гробѣ *славы*.

Но не—герой русскій генералъ, нѣкогда подвизавшійся въ Испаніи съ карлистами, православный, послушный хамъ, оплакиваемый нашими газетчиками пройдохами, мясниками, полиціей!

Съ сердцемъ, разрывающимся на части, и въ то же время, съ чувствомъ высокой гордости, смотрѣли мы на громадную висѣлицу, на нашихъ легендарныхъ героевъ, провозвѣстниковъ свободнаго будущаго; по позорнымъ ступенямъ входящихъ въ безсмертіе.

Великъ, грозенъ человѣкъ, освобождающійся, несущій огонь, смерть въ ужасный міръ, въ которомъ ни одна пядень впередъ не можетъ быть завоевана безъ жертвъ! Покорный, смирный холопъ, дерущійся въ цѣпяхъ, охраняющій ихъ во время сна, подъ изголовьемъ, идущій слѣпо на смерть за ихъ неприкосновенность, лижущій ихъ во время неудачъ, гремящій ими въ дни торжественныхъ побѣдъ не болѣе, какъ простая ручная скотина, надъ которой рано или поздно всегда свершается пророчество: „подъявшій безъ смысла мечъ, отъ меча погибнетъ!“

Французы, въ эпоху великой революціи, отбросившіе нѣсколько разъ одурѣвшую отъ рабства средневѣковую Европу, могутъ быть названы націей, народомъ.

Русскіе, загрызающіе освобождающихся венгровъ, поляковъ, затѣмъ жалкихъ турокъ и текинцевъ, представляютъ татарскія орды; они гибли не на полѣ чести, но на грязномъ полу рѣзницы; то были не воины, но ножовая линія, живодерка!

Страна, несущая на своемъ знамени глупую птицу о двухъ головахъ, приглашающая народы пасть передъ уродомъ спиртовой банки, зоологической нелѣпостью, въ шутку можетъ быть названа націей.

Двуголовая птица, будь она самъ орелъ, ничего не разъясняетъ. ни на что не указываетъ, не внушаетъ ни малѣйшихъ надеждъ.

Возникали ли передъ участковыми энтузіастами во всей убійственной наготѣ слѣдующіе вопросы:

По какому праву Скобелевъ осмѣливался вызывать Европу на бой? уполномачивалъ ли его русскій народъ? Съ самодержавною безцеремонностью онъ от-

давалъ его на муки, разореніе, безславную смерть...

Въ силу какихъ дипломатическихъ расчетовъ герой о двухъ головахъ сталъ пускать въ ходъ фейеверки, науськиванія, смѣшныя до каррикатуры застращиванія? Кого испугалъ онъ?? Сомнѣвался ли кто нибудь въ Европѣ, что Ноздревскія, Хлестаковскія вызыванія кончатся позорнымъ ничѣмъ, жалобнымъ призывомъ назадъ, запрещеніемъ военнымъ героямъ читать и писать? Европейскія правительства, а германское въ особенности, лучше насъ самихъ знаютъ наше блестящее внутреннее положеніе, наши, затмившіе богатства Креза, финансы, изумительную приготовленность и незыблемость дома чухоно Романовыхъ.

Утеряли магическую силу бараньи шапки, которыми мы нѣкогда закидывали міръ, они наводятъ ужасъ на однихъ бѣдныхъ барановъ, предназначенныхъ для шапокъ.

Сражаться съ нѣмцами, увы! не такъ легко, какъ съ баши-бузуками, текинцами; нашимъ героямъ пришлось бы помѣрить силы съ противникомъ, великолѣпно вооруженнымъ; обладающимъ громаднымъ военнымъ знаніемъ, мужествомъ. Высшія сферы Германіи не состоятъ изъ одурѣлыхъ грабителей, дворцовыхъ лизоблюдовъ, самоуправцевъ. Побѣдить, послѣ неимовѣрныхъ усилій, дикарей, вооруженныхъ, кремневыми ружьями и вождей, ходящихъ безъ штановъ, немного легче, чѣмъ германскую армію.

Трудно взять великимъ духомъ, гдѣ онъ, великій духъ, питается червивыми сухарями, лебедою и обреченъ палить золою вмѣсто пороха; когда имъ, великимъ духомъ, нагло повелѣваютъ дрянные воришки, выродки изъ дома Романовыхъ.

Кого думалъ побѣдить и объединить, съ разрѣшенія Гатчинца геніальный полководецъ, въ заднихъ карманахъ своего генеральскаго сюртука носящій Ганибаловъ, Наполеоновъ, Суворовыхъ? Врядъ ли влилъ бы онъ всѣ славянскіе ручьи въ заражающую небо самодержавную клоаку.

Скобелеву посчастливилось умереть; поживи онъ еще немного, и Гатчинецъ, непремѣнно, воззвалъ бы къ нему, какъ Егова изъ неопалимой купины: „Гряди, спасай меня“ и двери полиціи настежъ раскрылись бы

передъ „всеславянскимъ исполиномъ," „безпримѣсною русскою душой". И вошелъ бы онъ, „сынъ молвы," низко склонившись, покорно, снявъ шапочку, и послужилъ бы онъ тайной полиціи, à la Барановъ на славу! Вошелъ бы онъ бѣлымъ богатыремъ, вышелъ бы чернымъ карликомъ!

Борьба съ текинцами, затѣмъ съ турками и, какъ финалъ, остервенѣлая, не могущая никогда удасться борьба, съ могучими, свѣтлыми силами своей родины, съ просыпающейся Россіей!! Это путь логичный, жизненный, освященный прошлымъ и настоящимъ царствованіемъ. Вспомните Гурко, Тотлебена, Дрентельна, Баранова. Полиція у насъ пантеонъ, — лавры и кнуты..... славянскій герой и городовой.....

II.

Вы знаете, почему воспрянулъ духъ тьмы, Дмитрій Толстой? Виновата случайность: Александръ II вознесся въ горнія обители при либералѣ Лорисъ Меликовѣ; для Александра III этого весьма довольно. При малѣйшей инстинктивной попыткѣ сойти съ гибельнаго пути, передъ нимъ, мгновенно, выростаютъ старые крѣпостники, заплечные мастера, съ прокуроромъ синода во главѣ, и огорашиваютъ слѣдующею тирадою: „Ваше блаженство, вспомните, когда мы торжествовали, взлетѣла столовая; лжелибералы восторжествовали, взлетѣло незабвенное чрево обожаемаго помазанника божья."

Голова его блаженства — простой варостъ; бесѣдовать съ атрофіей о положеніи, цѣляхъ, программахъ болѣе чѣмъ смѣшно; нужно стараться дѣйствовать уколами, прижиганіями. 1 марта одно изъ очень сильныхъ прижиганій.

Если оторванная отъ всей Россіи сумасшедшая банда, желающая изображать изъ себя сильное правительство, сильнѣе самого Александра II взлетитъ на воздухъ или провалится сквозь землю, будущій отбросъ Чухонца начнетъ неизбѣжно либеральничать, но потому только, что всѣ крѣпостники, выросшіе между конюшней, гдѣ пороли и дѣвичьей, гдѣ распутничали, взлетѣли выше, и коректнѣе либераловъ.

Страшная, очищающая гроза должна пронестись по Россіи, отъ Бѣлаго моря до Чернаго, иначе намъ пред-

стоитъ невыносимо безобразное будущее..... Но лучше не думать о немъ, на душѣ и такъ тяжело.....

. . . . . .

. . . . . .

О неужели, боги! васъ веселитъ, когда вдругъ нашъ министръ кувыркомъ, кувыркомъ полетитъ..... За что слетѣлъ питейный министръ, мы не вѣдаемъ; но мы также не вѣдаемъ, на какомъ основаніи онъ попалъ въ свѣдущіе министры. Проходятъ мимо насъ пугалы фолшебнаго фонаря, зачѣмъ они? куда они? кто ихъ спроситъ?

Самый лучшій другъ Игнатьева, навѣрное, никогда не заподозрѣвалъ въ немъ убѣжденій; развѣ онѣ нужны въ Константинополѣ, на Нижегородской ярмаркѣ, въ министерствѣ внутреннихъ бездѣлій и дѣятельныхъ безобразій. Всѣ знаютъ о немъ много и немного; по общему мнѣнію, онъ—наглый, первокласный лгунишка, сующій обѣ руки даже тѣмъ, кто съ отвращеніемъ подаетъ ему одну; руки у него постоянно, несносно зудятъ на чужое добро; ненасытенъ, жаденъ онъ, какъ скверный попъ. На немъ, какъ на рублевой балалайкѣ, можно было сыграть какую угодно государственную мелодію: „Боже царя храни“ и „Вашей роты подпоручикъ страсть меня обидѣлъ.“

Старый гаеръ неистовствовалъ, кривлялся цѣлый годъ на канатѣ, передъ зѣвающею публикою; но совершенно неожиданно хозяинъ балагана, въ самомъ разгарѣ представленія, подкрался и далъ ему ногою въ задъ, шутъ попалъ носомъ въ пыль; не сконфузившись, онъ быстро вскочилъ, смастерилъ кислую улыбку и приподнявъ ногу, сталъ униженно раскланиваться; публика его ошикала; нѣсколько плевковъ попали въ самую середину физіономіи; ударяя себя по макушкѣ, для комизма, онъ проскользнулъ за кулисы; затѣмъ, обворовавъ тощую кассу, сбѣжалъ.

Вѣтряннаго палача, распивочнаго министра смѣнилъ палачъ серьезный, свято преданный гнилой веревкѣ, гробокопатель по страсти, дѣтоубійца по призванію: намѣренья его опредѣленныя, вслѣдствіе давнишняго опыта для всѣхъ ясныя. Его общественный идеалъ — мертвая петля... Всѣми ненавидимый, презираемый, лютый врагъ отцовъ и дѣтей, онъ начнетъ со всѣми

сводить старые счеты. Катковъ будетъ указывать, онъ карать. Послѣдніе отголоски общественнаго мнѣнія, кой когда прорывающіеся въ либеральныхъ газетахъ, будутъ задушены напрямикъ, безъ церемоніи; останутся однѣ тайно полицейскіе „Московскія Вѣдомости.“ Гнусный, мстительный старикъ, немощною рукою, будетъ день и ночь конопатить всѣ отверстія, боясь свѣжаго дуновенія; онъ замажетъ, завѣситъ всѣ окна, чтобы скрыть день; окно прорубленное въ Европу онъ забьетъ гнилыми тряпками и сѣрые пауки, заткутъ его сѣрою паутиною, онъ клялся прежде, клянется и теперь, что изъ русскаго юноши создастъ презрѣннаго царскаго раба, классическаго шпіона...

Гробокопатель мечтаетъ о мертвецахъ, ему снятся на яву и во снѣ гробы... Толстой мечтаетъ о мертвецахъ, Катковъ о подлецахъ, тотъ и другой жить между живыми и честными людьми не могутъ. Толстой представляетъ собою все, что нужно Александру Ш, онъ одухотворяетъ въ старческой, болѣзненной плоти его завѣтный идеалъ...

Но къ великому нашему счастью, пока еще всѣхъ странъ Толстые, Побѣдоносцевы, Катковы растущую жизнь удавить были не въ состояніи. Погромче, погрознѣе ихъ были витіи, но ни тюрьмой, ни висѣлицей, ни самимъ перомъ, жизни на полномъ ходу не остановили. Съ пѣною у рта, нравственные идіоты силились задержать восходящее солнце, чтобы побѣдить враговъ во мракѣ, но оно подымалось, вѣчное свѣтило, все выше, выше, лучи его разливались все теплѣе и ярче. Гады, расплодившіеся въ подвальной сырости, непроглядной тьмѣ, въ грязи, вони, не могутъ понять, что воздухъ, солнце не только пріятны, но и необходимы, какъ пища; что вонь, грязь, темнота родятъ ядовитыхъ безглазыхъ уродовъ. Оплеванные, освистанные, сойдутъ они съ хрупкихъ подмостокъ и, можетъ быть, послужатъ въ своемъ родѣ историческимъ назиданіемъ.

Какъ ни ужасно выговорить, — Толстой явился во время, онъ нуженъ и вполнѣ на мѣстѣ; то седьмая чаша ярости, выплеснутая на несчастную Россію, посдѣдняя капля смертельнаго яда, перелившая черезъ край. Министры, въ родѣ Игнатьева, Толстого, тайные

царскіе совѣтники въ духѣ Бѣдоносцева — вѣстники скорой гибели; съ ними переговоры, соглашенія немыслимы. Они, убивающіе цѣлое поколѣніе, въ свою очередь должны быть убиты; бѣлое знамя при видѣ ихъ опускается; широко развертывается красное.....

Отъ души поздравляемъ тебя, гатчинецъ! встань изъ гроба самъ Желябовъ, лучшаго революціоннаго орудія и онъ не въ состояніи былъ бы изобрѣсть. Радостно шевелятся въ своихъ гробахъ мученики — кровавая месть за ихъ смерть уже началась.

Министръ Толстой отомститъ за нихъ ужасно Александру III, но также и индиферентному обществу. Вы, господа, хамскія слезы лили, въ ногахъ пресмыкались, въ шпіоны гурьбами записывались, за все благодарили; по дѣломъ Вамъ!!...

Мы апплодируемъ тебѣ, неудачникъ — ты опередилъ наши пламенныя грезы, не робѣй, царь непомазанный! видно, надоѣло тебѣ гибнуть изморомъ, ждать, изнывая день и ночь, праведную казнь; въ припадкѣ сумасшедшей трусости, ты самъ позвалъ смерть, и отвратительный, безпощадный старикъ, съ косою пришелъ, скаля челюсти, притаился у твоихъ дверей...

Хвала тебѣ, непомазанный самодержецъ! ты губишь не одного себя; несознательно, ты губишь весь проклятый родъ свой!!...

Терроризмъ празднуетъ въ тебѣ свою великую побѣду!

Нужно отдать тебѣ справедливость: вслѣдствіе своего непроходимаго невѣжества, невѣроятной тупости, ты пошелъ по роковому пути, безъ свертковъ, оборачиваній назадъ... „Иди, иди быстрѣе!“ кричала задыхающаяся въ гробу Россія, ты, наконецъ, внялъ ея голосу...

Іюль, 1882.

Божественное масло

. . . . . .

„Вихорь злобы и бѣшенства носятся
Надъ тобою, страна безотвѣтная.
Только слышно, о ночь безпросвѣтная!
Среди мрака тобою разлитаго,
Какъ на грудь великана убитаго
Кровожадныя птицы слетаются,
Ядовитыя гады сползаются."

Некрасовъ.

1.

Гатчинецъ, наконецъ, рѣшается въ маѣ помазаться. Божественное маслице, по послѣднимъ вычисленіямъ, обойдется преданной Россіи въ шестьдесятъ милліоновъ рублей.

Самый крошечный, безшабашный предразсудочекъ оцѣненъ въ шестьдесятъ мил. Христіанская религія, я узнаю тебя! Твой богъ — во истину богъ страждущихъ и бѣдныхъ!! На колѣни, пошлая интеллигенція, передъ народною вѣрою, народною правдою!!

Гатчинскій, раскормленный трусикъ, приготовленный на поразительномъ маслѣ, будетъ стоить шестьдесятъ мил., дешевле не уступаютъ. Самъ Лукулъ лопнулъ бы отъ зависти, прослышавъ о такомъ сказочномъ, гиперборейскомъ блюдѣ.

Забубенный реформаторъ Митрофанъ презентовалъ намъ, въ очень коротенькій срокъ: десять висѣлицъ, участковый парламентъ, чрезвычайныя охраны, цѣлую уйму лигъ и дружинъ, и, въ придачу ко всему, Игнатьева, Бѣдоносцева, Дмитрія Толстого. Мы, движимые благодарностью, вѣрностью, задумали приподнести ему единовременно шестьдесятъ мил. на помазокъ.

„Не такъ ли ты, Русь, какъ необгонимая тройка несешься."
„Какъ же въ тебѣ не развернуться богатырю, когда ты сама безъ [конца."

О, Эльдорадо! перлами, адамантами, золотомъ мы мостимъ скотные дворы чуть не въ глухихъ деревушкахъ. Нашему славному мужичку, въ раскрытый ротъ сами собой, валятся не одни презрѣнныя галушки, но и жаренные рябчики, гуси, индѣйки, утки, куропатки; льется ему въ ротъ не одна пѣнная брага, но и искристое, замороженное шампанское, вдовы Клико. Наши широкія, медовыя рѣки давно выступили изъ береговъ и заливаютъ сладкой патокой цвѣтущія, райскія обители.

Свобода, равенство, братство, объятія, выцѣловыванья царятъ „отъ Финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды," „отъ стѣнъ недвижнаго Китая до стѣнъ недвижнаго Кремля."

Намъ, Крезамъ, выбросить на чайную ложечку божественнаго маслица нѣсколько десятковъ милліоновъ болѣе чѣмъ смѣшно; мы обижены, что отъ нашего безконечнаго обожанья потребовали такъ безобразно мало!..,

Вкусная, цѣлебная, никому въ мірѣ недоступная лебеда, получила у насъ, наконецъ, къ удовольствію защитниковъ неприкосновенной святой собственности, право гражданства; скоро рѣдкія травы, дорогія лѣкарства станутъ народною пищею.

По веселенькимъ деревнямъ, среди цвѣтовъ, лужаекъ, у насъ часто люди мрутъ оттого, что перекупали; нигдѣ этого нѣтъ, и всѣ нашему правленію завидуютъ. Прочтите внутреннее обозрѣніе въ нашихъ толстыхъ журналахъ, и волосы подымутся дыбомъ у васъ отъ умиленія; картинки свѣтлорозовенькія, мечтательныя, ласкающія пронесутся передъ восхищенными очами; нигдѣ ни одной тѣни, одного пятнышка, — одни вѣнки изъ васильковъ, незабудокъ... ландыши...

Намъ ли не праздновать коронаціи Александра III, увѣнчаніе всѣхъ идеаловъ, надеждъ, всѣхъ благъ, увѣнчанья зданья у Цѣпного моста!

Скажите, гдѣ, какое царство способно соревноваться съ нами по части урядниковъ, дворниковъ, въ тратахъ на тайную полицію, въ тайнѣ слезы вдовамъ вытирающую? На одни носовые платки для вдовъ мы выбрасываемъ десятки милліоновъ; на такую высоту филантро-

пическихъ чувствъ, пока еще, не подымалось ни одно государство въ Европѣ.

Полюбуйтесь на внѣшнюю и внутреннюю политику; вездѣ она сложна, запутанна, головоломна, лучшіе министры разбиваютъ о нее голову, какъ молодые телята о корыто. У насъ она ясна, какъ южный день, а главное—не сложна, доступна новорожденному младенцу; недаромъ нашихъ лучшихъ дипломатовъ нарочно выбираютъ изъ малолѣтокъ... Вся наша внѣшняя политика исчерпывается до дна коротенькимъ шопотомъ на ушко: „Я вамъ Россію отдамъ, а вы мнѣ выдайте всѣхъ террористовъ.“ Вся внутренняя — мелодическимъ рычаніемъ изъ-за желѣзной рѣшетки: „Жилы вытяну.„

Гигантскій размахъ восточной души сказался всюду. Московская дума, превратившая родную столицу въ благоухающую оранжерею, на памятникъ Александру II выбросила, съ свѣтлою улыбкою, сто тысячъ рублей. Московское земское собраніе, на медицинскіе женскіе курсы, съ горькою улыбкою, выбросило... сколько — не помню, если кто вспомнитъ, прошу извѣстить...

Но въ шестьдесятъ милліоновъ — увы! не входятъ золотые и серебрянные Сазиковскіе сервизы, блюда, лоханки, иконы, урыльники и прочіе полеты знойной, сословной, холуйской фантазіи.

Земства, думы, гласныя общества, безгласныя собранія потекутъ съ такъ называемыми, добровольными дарами въ новый Вавилонъ и сложатъ всѣ сокровища не въ коровьи ясли, но въ свиной хлѣвъ, не къ ногамъ младенца, но къ копытамъ „чавкающей правду свиньи.“ Звѣзды генераловъ будутъ ослѣплять путь; вмѣсто ликующихъ херувимовъ, бѣснующіеся жандармы, въ лазурныхъ, ангельскихъ одеждахъ будутъ кричать: „тебя, земного бога хвалимъ.“

Возсіяетъ на небесахъ аксельбантъ и будетъ указывать путь народамъ съ востока.

Александръ III, заячье сердце,—виноватъ... львиное! Да растетъ твое, прославленное на весь міръ, мужество не по часамъ, но по минутамъ, и пусть доростетъ къ маю до тѣхъ предѣловъ, что самое предложеніе предстать на одну секунду передъ публикою, покажется тебѣ придворною крамолою, святотатственнымъ замысломъ!

Отбрось несбыточныя, сумасшедшія мечты, плюнь на шапоклякъ Мономаха! Справь, вмѣсто нея, тепленькій картузикъ съ заячьими ушками, по нашему времени и климату самодержцу и на этомъ вполнѣ можно примириться.

Не всползай на высокій тронъ Мономаха, стоящій на курьихъ ножкахъ, удовлетворись скромненькимъ, домашнимъ трономъ, находящимся подъ рукою; знаешь... по выходѣ изъ спальни вторая комната, на лѣво, окномъ на казармы. Тебя туда толкала часто твоя храбрость.

Но многіе воскликнутъ: „Возможно ли обойтись безъ коронаціи, всѣ монархи, короли коронуются и въ Европѣ!“

— Совершенно справедливо, монархи короновались не въ одной Россіи, но и въ Европѣ, хотя немножко иначе и при совершенно другихъ обстоятельствахъ. Но главное, не нужно забывать, что никакое гнусное безобразіе, никакая чудовищная по грабительству подлость не дѣлаются на атомъ понятнѣе оттого, что ихъ продѣлываютъ многіе. Прежде было такъ, теперь стало иначе. Во времена оно монархи мазались, давили, угнетали, убивали, грабили въ размѣрахъ невѣроятныхъ и, не смотря на все, умирали въ постеляхъ подъ удивительными балдахинами; въ настоящее время, они съ легкой ноги Александра II начнутъ ногами вверхъ взлетать, въ ясный божій день, средь людныхъ улицъ, не смотря даже на то, что конституціонный намордникъ въ цивилизованной Европѣ ихъ сильно смирилъ, предохранилъ публику на случай, если бы они взбѣсились...

Не такъ давно нашъ монархъ разъѣзжалъ по Россіи и проникалъ даже за границу, теперь кость отъ гнилыхъ костей его, плоть отъ разжиженной плоти его сидитъ и цѣлый день рычитъ въ дворцовой клѣткѣ.

Нѣкогда наши монархи молодецки носились въ открытыхъ коляскахъ, съ развѣвающимися на каскахъ перьями, нынѣче — на коврѣ-самолетѣ, въ шапкѣ-невидимкѣ.

„Гдѣ прежде въ Капитоліи вѣнчался царь
Тамъ въ наши времена е . . . ъ пономарь...“

Полное самосокращеніе — единственный выходъ для

нихъ, но и онъ скоро станетъ золотымъ своимъ прошедшаго. Будь Александръ III не самый гнуснѣйшій, но наимилѣйшій въ свѣтѣ царь, то и тогда его слѣдовало бы шестьдесятъ разъ взнести на воздухъ за помыселъ истратить на свое мостодонство, въ нѣсколько дней, шестьдесятъ милліоновъ. Нѣтъ той добродѣтели, доблести, на которыя можно было бы отпустить, вь одинъ присѣстъ, кровавыхъ народныхъ шестьдесятъ милліоновъ. Величайшая добродѣтель, принявшая такую шаловливую сумму, мгновенно превратилась бы въ безумнѣйшій позоръ, вопіющее преступленіе.

Вставалъ ли передъ вами, господа, во всей фантастической красѣ вопросъ: во что обошлась и обойдется Россіи чухоно-романовская шкурка? передъ нею спасовало золотое руно; дѣйствительность перещеголяла миѳологію. Наши внуки, читая „Русскую Старину," „Архивъ" будутъ сгорать со стыда за насъ, все выносящихъ, съ ума свихнувшихся хамовъ. Повальное, принявшее отвратительныя формы, сумасшествіе, будетъ приводить ихъ въ ужасъ мыслью о наслѣдственности. Это сонъ, галлюцинація, бредъ, страшная шутка, раздирающая загадка, все, все, что вамъ угодно, но только не жизнь, не дѣйствительность.

Гг. революціонеры! съэкономьте намъ ужасные милліоны; пустите скорѣе въ ломъ, царемъ выдавливаемыя взятки: золотые сервизы, тарелки, иконы, урыльники. Народъ, питающійся древесною корою, лебедою въ будни, и мякиной въ праздники, проситъ васъ поторопиться. Въ конецъ изглоданная жандармскими, полицейскими, ненасытными кровяными собаками, страна умоляетъ васъ, если не задремала сила въ разящей рукѣ, поторопиться... Скоро послѣднія капли блѣдной, больной крови изсякнутъ въ убогой, гибнущей странѣ... Смрадъ, зараза, разложенье всюду; одной капли воздуха нѣтъ... поторопитесь!!...

Изъ страшныхъ, снѣжныхъ пустынь, изъ тѣсныхъ каменныхъ гробовъ несется стонъ невинно замучиваемыхъ; слезы, кровь уже давно бьютъ черезъ край, широкимъ, горючимъ потокомъ. Вой голодныхъ волковъ, всѣ завыванья снѣжной, полярной вьюги не въ состояніи заглушить рокового призыва: поторопитесь!

II.

Съ болѣзненнымъ чувствомъ вспоминаю время, пережитое наканунѣ террора. Атмосфера была насыщена электричествомъ до духоты, невыносимой для дыханія; новое, неожиданное стояло въ воздухѣ; историческая диллема должна была разрѣшиться во что бы то ни стало; вопросъ шелъ для Россіи о жизни и смерти.

Народная революція, всѣми чаемая, видимая, осязаемая, неожиданно отодвинулась въ неизвѣстность. Идеальные, прекрасные юноши и дѣвушки ушли въ народъ, и принесли они изъ деревень горькія вѣсти; истина была для нихъ дороже жизни и они ее, неумолимую, не утаили. Изъ крестьянской хаты всѣ они попали въ тюрьму. Мясникъ, опьяненный успѣхомъ, торжествовалъ. Котляревскіе, Желиховскіе, Стрѣльниковы служили по крамолѣ весело панихиды; она была зарыта глубоко; ее забросали грязью, тяжелыми каменными глыбами. „Мы убили наповалъ цѣлое крамольное поколѣніе“ — гоготали они — „и народятся теперь только примѣрные юноши, классики, лицеисты Каткова, свыкшіеся съ пощечинами;царь, тайная полиція, жандармерія спасены на вѣки“.

Сильное поколѣніе погибало; свинцовыя тучи нависли надъ Россіей, какъ крышка надъ гробомъ. Тишина наступила тяжкая, гробовая; съ трепетнымъ замираніемъ ждали мы молніи; грозная, ослѣпительная, она сверкнула во все небо; чары разсѣялись; терроръ народился. Жизнь, какъ всегда бываетъ, опередила мыслителей-теоретиковъ; великій, сердечный порывъ, геній сердца раскрылъ необъятные горизонты; слабая рука дѣвушки, движимая гордымъ гнѣвомъ, безграничною любовью къ униженнымъ, оскорбленнымъ, указала пути спасенья, дала понять божественность святого мщенья...

Процессъ 193 стоялъ на рубежѣ террора; подсудимые, не смотря на грозящую каторгу, отказались признать судъ надъ собою. Отвращеніе, презрѣніе къ суду далѣе идти не могли. Въ эти достопамятные дни кинжалы, револьверы, мины, бомбы пріобрѣли правовую санкцію. Жертвы, обращаясь къ нанятымъ убійцамъ, отчетливо произнесли: „Вы не наши судьи, но наши

безжалостные наёмные палачи; насъ загнали штыками, саблями не въ храмъ правосудія, а въ залитую кровью живодерню; вы, черные рабы азіата, насъ можете душить, мучить, но мы не позволимъ вамъ вспяливать на себѣ маску судей; вы прячете подъ полой не мечъ закона, но отточенный ножъ разбойника".

Первая пуля, пущенная во врага, разсѣяла мое отчаянье; я не остался глухъ къ уроку жизни; я понялъ, наконецъ, все колоссальное, историческое значеніе террора, возведеннаго въ строгую систему; я сталъ защитникомъ терроризма и, конечно, умру имъ. Послѣ революцій наступаютъ реакціи, утомленіе; побѣдоносныя революціонныя идеи временно замираютъ. Терроръ не знаетъ отдыха, его миссія губить до полной побѣды; ничтожная по числу партія свершила, свершаетъ, будетъ свершать подвиги, невсегда доступные большинству. Сто милліонное государство, таящее искру жизни, въ состояніи будетъ, не истощаясь, безпрерывно выдвигать изъ себя все болѣе, болѣе грозныя силы. Воспитательное значеніе террора безгранично, онъ вырѣжетъ зіяющую гангрену: невѣроятное, самодовольное, до ужаса безсмысленное хамство.

Люди, обреченные на униженія, голодную смерть, на тюрьму, каторгу за жажду свободной мысли, желаніе всеобщаго блага, не задумаются ни на одну секунду передъ эшафотомъ — вся жизнь ихъ — казнь, вся жизнь ихъ тянется подъ мечемъ Дамоклеса...

У человѣка, сознавшаго собственное достоинство, право на свободную жизнь и, въ тоже время, униженнаго, обездоленнаго, рука не дрогнетъ, соединяя проволоки электрической батареи, бросая бомбу.

Рабъ начинаетъ преображаться въ человѣка. Горе той власти, которая, не умѣвъ понять громаднаго, жизненнаго процесса, обречена исторіей переживать его!

Я нѣсколько разъ спрашивалъ себя: сталъ ли я злѣе съ тѣхъ поръ, какъ выступилъ горячимъ защитникомъ терроризма?—я сталъ добрѣе. Я начинаю еще глубже любить, цѣнить казнимыхъ за правду и сильнѣе, глубже ненавидѣть, презирать ихъ тупыхъ, слѣпыхъ истязателей.

Пасованіе передъ грозными орудіями борьбы вытекаетъ, неизбѣжно изъ холопскихъ чувствъ, захоронен-

ныхъ въ глубинѣ души; невыносящіе террора спокойнѣйшимъ образомъ, безъ тѣни протеста, выносятъ чудовищныя кары, безобразно обрушивающіяся на простыхъ преступниковъ, жертвъ безобразно сложившейся жизни. Рази несчастнаго, простого преступника, щади коронованнаго. Россія всосала въ насъ, помимо воли, помимо отвращенія, потаенное рабство и охъ, какъ трудно вырвать съ корнями изъ возмущенной, облагороженной души, это, хуже всякаго сифилиса, въѣвшееся въ насъ холуйство.

Намъ съ хохотомъ въ лицо плюютъ, мы взываемъ къ мирной пропагандѣ, тихому прогрессу, трогательному объединенію. Наши руки прибиваютъ къ кресту гвоздями, на голову вздѣваютъ колючій вѣнецъ, кровь застилаетъ зрѣніе, и въ эти минуты мы, подобно тысячу разъ проклятому рабу Христу, прощаемъ нашихъ враговъ.

Государство, въ которомъ гнѣздятся христіанскія добродѣтели, обречено на тихое вымираніе, разложеніе. Христіанское смиреніе, не болѣе, какъ замаскированное пустозвонными фразишками торжественнѣйшее сознаніе въ собственной гаденькой дряблости, негодности, хамской немощности.

Кроши въ куски, казни смѣлѣй, бѣшеная скотина! Ты можешь быть заранѣе увѣрена въ нашемъ игривомъ великодушіи, философскомъ пониманіи исторической необходимости; мы еще не совсѣмъ готовы, намъ нужно составить два, три десятка программъ и вполнѣ объединиться со всѣмъ образованнымъ, благонравнымъ, послушнымъ обществомъ, для твердаго, но ласковаго протеста.

Народъ пичкаютъ мякиною, древесною корою, лебедою; онъ пухнетъ отъ голоднаго тифа; для его подъема правительство не жалѣетъ нагаекъ, палокъ, розогъ, оно щедро платитъ урядникамъ, его единственнымъ духовнымъ воспитателямъ, — мы пишемъ цѣлыя книги о пользѣ и вредѣ революцій.

Холуй, послѣ кровавой порки, лобзающій руку экзекутора, слезно благодарящій за урокъ, представляетъ ужасающее, растлѣвающее зрѣлище. Но не думайте, что между этимъ послѣднимъ скотомъ, истиннымъ христіаниномъ и, выражаясь очень деликатно — человѣкомъ,

проповѣдующимъ веселое, кроткое преуспѣваніе подъ сѣнію висѣлицы, подъ черными крылами самодержавія, лежитъ бездна, нѣтъ! они отдѣлены настолько, что могли бы смѣло пожать другъ другу руку съ почтеніемъ.

Если бы терроръ даже не сулилъ скорой, полной побѣды, то и тогда человѣкъ, умѣющій съ оружіемъ въ рукахъ мужественно отстаивать право на жизнь, свое человѣческое достоинство, производитъ впечатлѣніе бодрящее, мощное, морализирующее. Малѣйшее посяганіе на нравственный, умственный міръ должно встрѣчать безжалостный, ни передъ чѣмъ не останавливающійся отпоръ, и палачъ, всегда трусъ въ душѣ, неизбѣжно, раболѣпно склонится передъ нашими требованіями.

Революціонеры не должны, не имѣютъ права щадить враговъ жизни, щадя, они сохраняютъ ихъ для будущаго, для собственныхъ дѣтей.

Я никогда не могъ понять, зачѣмъ понадобилось революціонерамъ 93 года судить Людовика XVI. Сентиментальный процессъ смѣшенъ, гадокъ... Кутонъ не даромъ сказалъ: „Мы цѣлый часъ говоримъ о королѣ, мы не республиканцы, а рабы“. Людовикъ XVI стоялъ всю жизнь внѣ суда, выше закона и онъ не имѣлъ права пользоваться ихъ благами...

Всѣмъ своимъ существованіемъ, всею жизнію попирать законъ, и въ критическія минуты становиться подъ его защиту, болѣе чѣмъ дико и странно. Его и всю семью нужно было попросту вздернуть публично на фонарь, какъ кучу бѣшеныхъ собакъ. Намъ, русскимъ, не нужно никогда забывать граціознаго четверостишія, духовнаго завѣщанья Пушкина:

Народъ мы русскій позабавимъ
И у позорнаго столба
Кишкой послѣдняго попа
Послѣдняго царя удавимъ.

Не торопитесь произнести: „невозможно“. Россія страна по преимуществу всего невозможнаго. . . .

. . . . . .

Все, стоящее выше закона, внѣ отвѣтственности, должно быть безпощадно истребляемо; безумное, слѣпое чудовище, выдѣлившее себя изъ всего человѣчества, должно стать мишенью для всѣхъ, и безсмертная слава тому, кто поразитъ его!

Январь, 83 г.

СОБАЧІЙ ПИРЪ

Нѣсколько теплыхъ словъ по поводу коронаціи

Слѣпота коронованныхъ головъ неизлѣчима, разсуждать съ царемъ такъ же безполезно, какъ съ акулою, раскрывшей пасть, чтобы васъ сожрать...

Рошфоръ.

I.

30 марта въ золоченыхъ каретахъ, на бархатныхъ, шитыхъ золотомъ, подушкахъ, провезены были, для отправки въ Москву: двѣ вытащенныя изъ музея коронки, нелѣпая палка — скипетръ, двѣ цѣпи, полдюжины лентъ, дюжины двѣ звѣздочекъ и крестиковъ. Передъ цацками выстраивались цѣлые взводы; имъ отдавали честь маститые генералы; полиція сбивала шапки съ проходящихъ.

На далекихъ, затерянныхъ въ Тихомъ океанѣ островахъ, голые дикари отдаютъ божескія почести чурбану, украшенному лохмотьями. Мы, великая славянская раса, въ концѣ XIX вѣка (вникните хорошенько!) продѣлываемъ то же самое передъ царскими подушками.

За неодушевленными предметами, вскорѣ высочайше изволили прослѣдовать, окруженные несчетными массами шпіоновъ, полуживой отъ страха жирный трусикъ и плѣшивая борзая въ брилліантовомъ ошейникѣ. Борзая и трусикъ, лежащіе рядкомъ въ клѣткѣ, сильно поражали любознательную публику.

Съ точки зрѣнія потраченныхъ денегъ, во истину неоцѣненная парочка рѣшилась, наконецъ, вымазаться святымъ муромъ.

Чтобы придать значеніе высочайше-широчайшему архи-ничтожеству, щедро пущены въ ходъ: бархатные

съ страусовыми перьями балдахины, вышитые золотомъ, серебромъ, жемчугомъ троны, горностаевыя, тридцати аршинныя мантіи, платья изъ серебряной ткани съ десяти аршинными шлейфами.

Короны двухъ всероссійскихъ солитеровъ поражали огромными солитерами. На мантіи шута гороховаго падишаха вышиты были жемчугомъ, вмѣсто орловъ, продирающіе во всѣ лопатки зайцы; на мантіи его супруги — встревоженные охотникомъ глухари и бекасы.

Скажите, положа руку на сердце, неужели Александръ Ш орелъ?

„Ваше Величество“ — кричали предвкушающіе колосальныя добычи дворцовые воры — „народными милліонами мы васъ вознесемъ выше престола его Высочества самаго Бога. Прогулки сквозь строй, подъ величавымъ балдахиномъ, подымутъ размазанное 1 марта въ крови и грязи сонное царское величіе. Выдубай, выдубай нашъ Боже!“

Дворцовые грабители вытащили его изъ клѣтки, на арканѣ поволокли короноваться, съ единственною мыслью — нажить на немъ милліоны.

Огромная куча осатанѣлыхъ кровопійцъ, вырывала изо рта народнаго не только черный хлѣбъ, но даже лебеду. Но, увы! никакіе tours de force на волосъ не измѣнили дѣла. Сало, годное для собачьихъ помоевъ, обвернутое въ двадцати аршинную горностаевую мантію, осталось тѣмъ же саломъ; плѣшивая борзая—тою же борзою, не смотря на брилліантовые ошейники и золотыя ризы.

Впродолженіи двухъ недѣль, десятки тысячъ избранныхъ локали народную кровь, роскошно закусывая. Не въ 60, но 80 милліоновъ обошелся собачій пирь...

Народъ въ Москвѣ блаженствовалъ. Каждый простой смертный, послѣ драки между собою, примиряющихъ плетей казаковъ и кулачищъ жандармовъ, получилъ копѣечный платокъ, пирогъ съ тухлою капустою, изъ гнилой муки, четверть фунта выкрашенной извести (конфектъ), кружку ядовитыхъ помоевъ, подъ видомъ пива и пакетъ сушенаго бурьяна, вмѣсто махорки.

Озирая, очень издалека, дерущіяся и избиваемыя толпы, падишахъ думалъ: врядъ ли соціалисты могутъ сказать, что народу досталось мало; кажется ничего не

пожалѣлъ для народа и одѣлилъ его по царски, вполнѣ по Романовски!

„Посмотрите, — взывали Аксаковы — съ какимъ трепетнымъ благоговѣніемъ нашъ добрый русскій мужичекъ пережевываетъ тухлую капусту и крашеную известь. Онъ готовъ, со стонами, слезами, пасть ницъ и отдать послѣдній пустой животъ свой, чтобы возвеличить безпредѣльно драгоцѣннаго монарха, передъ лже-либеральными европейскими націями. На колѣни, интеллигенція, передъ народнымъ исполинствомъ! Вотъ какой народецъ намъ, хамофиламъ, нуженъ; все остальное — лже-народъ."

Восемь громадныхъ электрическихъ солнцъ освѣщали страну, закутанную кромѣшною тьмою. Бѣлое, холодное сіяніе на мгновеніе озарило глаза милліоновъ голодныхъ, устремленныхъ на обжирающихся.

Но потухли электрическія солнцы; собачье пиршество разсѣялось, и мракъ снова сгустился, сталъ еще невыносимѣе, но все говоритъ намъ, что онъ будетъ длиться не долго. Скоро снова вспыхнетъ свѣтъ... то будетъ не бѣлый, холодный свѣтъ, разливавшійся съ высотъ Кремля, но яркій, жаркій, красный огонь пожаровъ. . . . . .

Мы пережили позоръ гомерическій. Цѣлыя арміи полонили улицы; тысячи переодѣтыхъ жандармовъ силились изображать довѣрчивый, преданный народъ. Переходящія всякое безуміе предосторожности были пущены въ ходъ. Владѣльцы домовъ и избранные постояльцы, безъ билета, не имѣли права смотрѣть въ окна. Съ тысячъ людей снимали фотографіи. Воровскимъ ключемъ отворялись всѣ комнаты, сундуки, чемоданы. Вся Москва была сильнѣйшимъ образомъ перещупана; всѣ карманы вывернуты, перевернуты. Жандармы имѣли право, въ случаѣ подозрительнаго вида, тотчасъ же стаскивать панталоны, подштанники; бомбы разыскивались у мужчинъ болѣе всего между ногами.

Чтобы обезоружить крамолу, около султана должны были шествовать десятки кормилицъ съ незаконными дѣтьми полицейскихъ на рукахъ; сосуны должны были все время сосать грудь съ упоеніемъ и, при этомъ, озирать ангельскими очами толпы, какъ бы моля о

помилованіи; своими маленькими тѣльцами они должны были защищать, какъ стальными щитами, султанское, заросшее жиромъ, безобразно огромное тѣло. Остроумный планъ отмѣнили за нѣсколько дней до мазанья, во избѣжаніе всемирнаго посмѣшища.

Какъ бы пригодился султану и его супругѣ, затерзанный ими въ тюрьмѣ, ребенокъ Геси Гельфманъ. Султанша, приложивъ его къ тощему соску, сдѣлалась бы, мгновенно, неуязвимою, и султану стоило только хорошенько придерживаться за ножку малютки, и онъ былъ бы спокоенъ, веселъ, кровь не свертывалась въ жилахъ, поджилки ежесекундно не вздрагивали.

Иностранные корреспонденты, подъ страхомъ пріостановки телеграммъ, должны были черпать правду изъ непогрѣшимаго министерства двора. Александръ Ш телеграфировалъ про Александра Ш: Его Величество поражали всѣхъ, до обморока, своимъ невыносимо храбрымъ видомъ. На ихъ устахъ цвѣла улыбка, полная благопожеланья. Обожаніе болѣе чѣмъ сверхъестественное... Слезы всеобщаго умиленія оросили улицы, мгновенно превратили превратную московскую пыль въ благонадежную грязь... Сердце народное нѣсколько разъ восторженно выскакивало изъ груди, но всякій разъ было благополучно водворяемо на обычное мѣсто нисшими чинами полиціи... Безумные крики породили тьму горловыхъ болѣзней... Всеобщее, безграничное обожаніе, смѣшанное съ дрожаніемъ, массы кишечныхъ разстройствъ; болѣзни принимались восторженно... Предосторожностей ни малѣйшихъ... Безконечная благодарность за безчисленныя благія реформы переполняла всѣ сердца, не исключая самыхъ черствыхъ... На лысинѣ боготворимаго самодержца, перваго дворянина земли русской, видимо для всѣхъ, покоилась печать природнаго генія, универсальнаго образованія; чело было очень важно, носъ весьма коротокъ, верхъ головы очень продолговатый, какъ бы дынею. Монархъ нѣсколько разъ спрашивали у окружающихъ: „За что они всѣ такъ ужасно полюбили меня? И что удивительнѣе всего, въ такое короткое время!“ Слезы были отвѣтомъ...

Его блаженство высочайше изволили удостоить прямо и смѣло смотрѣть въ глаза переодѣтымъ жандармс-

кимъ служителямъ... Крики: „Отецъ нашъ! кормилецъ нашъ!“ дружно вылетали изъ устъ вѣрныхъ охранителей; шпіоны, провокаторы, наполнявшіе улицы, задыхались отъ готовности; крестныя знаменья и земные поклоны темнили воздухъ... Крамольники, завидѣвъ надвигающагося на нихъ помазанника божьяго, бросались ницъ, какъ бы ослѣпленные божественнымъ свѣтомъ и мгновенно умирали, въ невыразимыхъ мукахъ; народъ пожиралъ ихъ окаянные трупы, боязнь заразиться терроризмомъ черезъ желудокъ не могла остановить священнаго энтузіазма.

Вся Москва была поражена сверхъестественными небесными знаменьями: солнце, упрямо скрывавшееся за тучами, вдругъ выглянуло, какъ бы весьма желая принять горячее участіе въ народномъ ликованіи, луна вела себя довольно холодно, всходила блѣдная, какъ бы испуганная, звѣзды небесныя были вполнѣ затемнены сіяніемъ звѣздъ генеральскихъ.

Во время обѣда, послѣдовавшаго за коронаціею, въ залу влетѣлъ голубь, принадлежащій графу Воронцову-Дашкову. Облетая комнату, онъ пустилъ испражненіе на главу только что помазаннаго царя, августѣйшая лысина какъ бы засвѣтилась. Всѣ въ восторгѣ отъ благолѣпнаго знаменья, такъ какъ голубь сей былъ святой духъ... Митрополиты, архіереи, пораженные дивнымъ видѣніемъ, бросили начатую стерляжью уху и зычно запѣли: „Тебя, русскаго бога хвалимъ“. Газетчики, болѣе другихъ отличившіеся, были отосланы на кухню съ правомъ обнюхать и затѣмъ вылизать царскія тарелки.

Серьезныя драки изъ-за тарелокъ произошли между юркимъ Суворинымъ (Незнакомцемъ) и неуклюжимъ Аксаковымъ, между бодрымъ консерваторомъ Михаиломъ Катковымъ и ослабѣвшимъ отъ педерастіи, защитникомъ основъ, кн. Мещерскимъ.

Гордые представители сословій, приподнося добровольныя подаянія, падали, отъ избытка чувствъ, на животъ. Ихъ Величества, въ порывѣ неизреченной благосклонности, разрѣшили имъ, въ очень умѣренныхъ границахъ, облобызать стопы... отъ восторга всѣ задыхались... Манифестъ, пущенный послѣ коронаціи, можетъ быть выраженъ въ двухъ словахъ: „желаю счастья, дол-

голѣтія себѣ и семейству своему... воровъ милую... надѣюсь обожаемое отечество въ бараній рогъ скрутить... кого люблю, того и бью... многословья не люблю...“

Вся Россія, какъ бы на колѣняхъ, со стонами молитъ объ укрѣпленіи самодержавія и о покореніи враговъ подъ нози. Самые неисправимые либералы, наконецъ, опомнились; взялись за умъ; хотя, поздно уразумѣли истинный смыслъ жизни; утопіи о правовомъ порядкѣ разсѣялись дымомъ... Народное исполинство произнесло свое трезвенное слово, — устоять никто не могъ... Полиціи нѣтъ надобности насаждать въ душахъ всѣхъ русскихъ обожаніе, смиреніе, благоговѣніе, готовность ложиться костьми, они сами собой внѣдрились прочно и навсегда въ сердцахъ всѣхъ, роль жандармеріи, вообще тайной полиціи — провѣрять размѣры онныхъ. Его величество былъ храбръ, безумно храбръ, многіе протирали глаза.

Не помню, въ какой комедіи Шекспира, одна женщина говоритъ другой: „Одна простыня твоей постели знаетъ про твои желанія“. Я могу сказать Александру Ш: одни только твои штаны знаютъ все про твою нецензурную храбрость!...

Суворинъ, въ холуйскомъ экстазѣ, вдохновенно воскликнулъ: „Царь шелъ по морю звуковъ“. Онъ забылъ, что въ исполинской Россіи море звуковъ обыкновенно сопровождается цѣлымъ океаномъ запаховъ. Полицейскіе, согнанные со всѣхъ концовъ русской земли, буквально пожирали другъ друга, какъ пауки въ банкѣ. Вавилонская башня поднялась выше Ивана Великаго; языки смѣшались, но постройка все двигалась, двигалась.

Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ человѣкъ, никогда и никто ничего подобнаго не продѣлывалъ, призываю — слышите ли вы? — всю исторію человѣчества, за десятки тысячъ лѣтъ. Отъ Мидаса, съ ослиными ушами, до короля Сандвичевыхъ острововъ, никто, никогда такихъ скачекъ на ослахъ не предпринималъ... Въ память сказочнаго приключенія предлагаю всѣмъ французамъ замѣнить грубую поговорку: sacré non d'un chien мягкою: sacre d'un chien.

Чудовищная галлюцинація, явившаяся въ разгарѣ среднихъ вѣковъ, въ дни ожиданія кончины міра, пов-

торилась передъ нами въ концѣ XIX вѣка. За разумъ становится страшно. Отовсюду слышатся голоса: „Мы съума сходимъ! пятимся къ вавилонской монархіи! сходимъ съ исторической сцены! умираемъ!...“

Пушки, трубы и литавры гремѣли на весь міръ, разнося нашъ позоръ.

. . . . . .

II.

Бросьте взглядъ на прошлое, на два невѣроятныхъ года, нами пережитыхъ, и вы, невольно, съ гнѣвомъ и отвращеніемъ воскликните: „Неужели это человѣкъ!? — Конечно нѣтъ! Животное? — Нѣтъ! Животное, насытившись, ложится и отдыхаетъ; чужія муки для него не цѣль; его аппетитамъ есть предѣлы.

Сумбурное чудище не человѣкъ и не животное, — православный русскій царь!

Онъ царилъ цѣлыхъ два позорныхъ года, въ клѣткѣ; питался до отвалу трупами казненныхъ. Шпіоны, воры, палачи день и ночь сторожили берлогу, онъ имъ однимъ былъ нуженъ; находчивое провидѣніе призвало его на гибель Россіи, на счастье имъ. Цѣлыхъ два года „вездѣ свободно рыскалъ звѣрь, а человѣкъ ходилъ пугливо.“

Свирѣпый трусъ сѣялъ всюду раздоръ, ненависть, преступленія. Проклятый предатель, по его повелѣнію, становился между отцомъ и сыномъ, дочерью и матерью, между друзьями, братьями, товарищами. Грязные шпіонишки рылись въ душахъ всѣхъ русскихъ, какъ въ собственныхъ, засаленныхъ деньгами изъ тайной полиціи, карманахъ.

Корреспонденція совсѣмъ прекратилась; всѣ письма вскрывались въ черныхъ кабинетахъ; искреннее, честное, сердечное слово не довѣрялось болѣе бумагѣ; святая святыхъ человѣческой души была нагло поругана.

Пресса, изнывая въ мертвой петлѣ, молчала; попы и наемные писаки не говорили, но подвывали. Лучшія статьи вырѣзались изъ всѣхъ журналовъ, безъ церемо-

ніи, чуть не съ гоготаньемъ; поповская, рабская ерунда печаталась на казенный счетъ, въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ, совалась всѣмъ даромъ.

Священный союзъ между тираномъ, трусомъ-царемъ и подлымъ холопомъ-попомъ былъ заключенъ.

Россія задыхалась въ холодныхъ, потныхъ лапахъ онаника святѣйшаго синода Побѣдоносцева, въ ростовщическихъ когтяхъ пройдохи Игнатьева, въ костлявыхъ объятіяхъ старика съ косою, Толстого. Однѣ случныя дворцовыя конюшни веселились, наслаждались, благодаря графу Воронцову-Дашкову.

Всюду смертью пахло: заливались на голоса гады народной политики, предвкушая гибель интеллигенціи. То было царство совъ, вампировъ; крылья летучихъ мышей застилали солнце.

Россія представляла не націю, но прострацію.

Въ 2 года онъ успѣлъ убить 11 человѣкъ, великихъ, сказочно прекрасныхъ.

Онъ холодно, невыносимо терзалъ тысячи молодыхъ людей въ Сибири, на Сахалинѣ, въ центральныхъ тюрьмахъ. Изъ звѣрской пасти ни разу не вырвалось слово: амнистія.

Реформаторскіе идеалы его несложны. Онъ лелѣетъ въ душѣ розовую мечту: воротить крѣпостное право, старые суды; плѣнившись горячими призывами Каткова,*) задумываетъ ввести всюду плети, палки и розги.

Воздвигая китайскія стѣны между царскою азіатскою Россіей и Европой, онъ рѣшилъ воротить Николаевскіе паспорты.

Душа освободителя шпіоновъ урядниками, дворниками не вполнѣ насытилась; онъ сформировалъ шайки священныхъ убійцъ, съ мыслію убивать всѣхъ, спасшихся отъ него за границу,

Священные жулики тотчасъ же на пропалую проворовались, и замыслы, какъ всегда бываетъ въ дворцовыхъ сферахъ, далѣе чужихъ кармановъ не пошли.

---

*) Придравшись къ смерти апостола нагайки Филарета, Катковъ наполнялъ „Московскія Вѣдомости“ задушевными монологами пастыря кроткаго, въ которыхъ онъ, конечно, при помощи евангелія, защищаетъ пытки, висѣлицы, кнуты.

Чрезвычайныя мѣры, приведшія его отца къ чрезвычайнымъ бомбамъ, его не вполнѣ удовлетворили; въ пріятномъ обществѣ гіенъ, волковъ, лисицъ, онъ придумалъ чрезвычайныя охраны.

Онъ безпощадно травилъ евреевъ за то, что изъ ихъ среды вышли люди, которыми должна гордиться Россія. Роспивочный министръ воспользовался кровавыми аппетитами, онъ (по слухамъ) предложилъ депутатамъ отъ евреевъ пойти на мировую, если они ему, честному Игнатьеву, вручатъ взаимообразно милліонъ пятьсотъ тысячъ рублей, конечно, безъ росписки, на честное слово, одинъ на одинъ.

Высасывая изъ Россіи послѣднюю жидкую лимфу, онъ осмѣливался преслѣдовать ничтожныхъ, по сравненію съ нимъ, воришекъ; онъ не узналъ въ нихъ свое уменьшительное подобіе. Августѣйшій воръ самодовольно запускалъ первый руку въ государственное казначейство, за нимъ спѣшили опустить руки и ноги вся многочисленная семейка и волнуемые обожаніемъ, подражаніемъ, стяжаніемъ, министры и дворцовые куртизаны. Самодержавіе создано повальнымъ грабежемъ, жило, будетъ жить грабежемъ и сгибнетъ черезъ грабежъ...

Необузданный защитникъ религіи, собственности — Маковъ, проворовавшись въ пухъ, посовѣтовался съ евангеліемъ, и затѣмъ пустилъ себѣ пулю въ лобъ. Хотя совсѣмъ поздно, онъ устыдился; рядомъ, Игнатьевъ, во время экстраординарныхъ приливовъ совѣсти, превосходно отдѣлывается одною клистирною трубкою.

Весь острый букетъ восточныхъ деспотій заключается именно въ томъ, что всѣ, какъ двѣ капли воды, похожи другъ на друга, отъ царя до спасителя отчизны — урядника.

Но довольно! иначе меня начнетъ рвать кровью. Я чувствую, что слова мои блѣдны, выраженія мягки; для этихъ тварей нужно слово жгучее, какъ раскаленное до бѣла желѣзо...

Напослѣдокъ выведу мораль изъ сказки о „Синей бородѣ“, нами пережитой.

Защитники собственности, семейства, религіи забыли, что всѣ русскіе цари, пожирая націю, въ тоже время, фатальнымъ образомъ, выравнивали вѣками почву для

соціализма, для самой радикальной революціи. Крѣпостное безправіе убило наповалъ: собственность, семейство, религію. Дико и странно требовать благоговѣнія передъ собственностью отъ людей, 25 лѣтъ назадъ бывшихъ помѣщичьей, полицейской и царской собственностью, которыхъ мѣняли, не конфузясь, на лошадей и кобелей или продавали часто дешевле скотины. Мудрено уважать семейство людямъ, поставлявшимъ подъ страхомъ розогъ, своихъ женъ, дочерей въ барскіе гаремы. Врядъ ли семейная идиллія могла пышно развернуться тамъ, гдѣ браки освящались тяжелою десницею помѣщиковъ и очень походили, по своей варварской примитивности, на простую случку. Мудрено требовать преклоненія передъ очень таинственной народной религіей въ странѣ, гдѣ она сотни лѣтъ проповѣдывается безграмотными пьянчужками, побирающимися по домамъ, пресмыкающимися передъ всѣми властями, гдѣ она укрѣпляется въ сердцѣ народномъ палками, розгами, единеніемъ кнута съ крестомъ. Что же касается до закона, то о немъ смѣшно подумать въ странѣ вѣчнаго, бѣшеннаго произвола, жандармскихъ и полицейскихъ разбоевъ, гдѣ въ либеральное царствованіе Екатерины II, Потемкинъ, на напоминаніе ему дворянами о законѣ, съ хохотомъ разстегнулъ штаны и показалъ имъ правящій всей Россіей законъ... Въ странѣ, гдѣ можно по одному подозрѣнію врываться ночью въ квартиры низкоподданныхъ, какъ въ публичный домъ, и затѣмъ населять ледяныя пустыни Сибири невинными, гдѣ законъ до настоящей минуты, съ остервенѣлыми гоготаньями, топчутъ всѣ, начиная съ умалишеннаго выродка-царишки, кончая тупымъ дворникомъ и дикимъ урядникомъ.

Не даромъ Герценъ восторженно произносилъ: „У Россіи нѣтъ прошлаго, она идетъ къ свѣтлому будущему безъ багажа.“

Волосы встаютъ дыбомъ, когда подумаешь, какою цѣною намъ досталось отсутствіе багажа.

Беззаконіями, грабежемъ, палками, плетьми изъ насъ выбили всѣ основы, и, въ виду надвигающагося мірового катаклизма, пріучать къ нимъ стало совсѣмъ поздно...

III.

Христіанскій миссіонеръ обращалъ цѣлыя громадныя селенія, съ помощью дубины; онъ разбивалъ въ куски бога на глазахъ оцѣпенѣвшей отъ ужаса невѣжественной толпы; изъ подъ священнаго идола, часто выбѣгали растерянныя мыши. Толпа, ожидавшая карающихъ молній съ неба, начинала хохотать, завидѣвъ кучу спасавшихся мышей.

Никакіе сатиры, памфлеты, пародіи, эпиграммы никогда не убивали, не убютъ чистое, высокое, прекрасное. Гейне, съ его поражающимъ на смерть сарказмомъ, легкой тѣни не набросилъ на Людвига Берне; изъ пасквиля Берне вышелъ чистъ, какъ горный родникъ, поражающій его Гейне — нѣсколько припачканнымъ.

Если бы встали изъ гроба Ювеналъ, Свифтъ, Барбье и вздумали профанировать героевъ, гибнущихъ за родину, то и они оказались бы жалкими, безсильными; бросая въ нихъ тяжелыми каменьями, они воздвигали бы имъ памятники*).

Но чудовищный призракъ, поддерживаемый подлымъ холопствомъ, всеобщею трусостью, безправіемъ, непроходимымъ невѣжествомъ, охраняемый палачами-тюремщиками, предателями, убійцами, воришками, разсѣется при первыхъ сильныхъ ударахъ. Размахъ сатирическаго бича будетъ каждый разъ просѣкать царское туловище до кости.

Невольно встаетъ вопросъ: устоитъ ли деспотія, вооруженная пушками, окруженная полчищами шпіоновъ, поддерживаемая логикой висѣлицъ, тюрьмъ, въ столкновеніи съ безвѣстнымъ юношей, держащимъ въ рукахъ игрушечный мячикъ, поредъ которымъ бомба Кибальчича можетъ, неожиданно, оказаться дѣтской хлопушкой? — Нѣтъ! тысячу разъ нѣтъ! Царь въ Россіи умеръ въ тотъ самый часъ, когда поспѣла первая бомба, вспыхивающая при паденіи... Стальныя кареты, ковры самолеты, шапки невидимки, восковыя куклы, конвои въ кирасахъ, съ трехъ-аршинными пиками, желѣзныя ком-

---

* У насъ противъ борцовъ и героевъ возстаютъ, потерявшіе всякое уваженье къ слову, душою низкіе, продажные консерваторы, головы которыхъ, попросту, жестяныя коробки съ испорченными консервами.

наты, ничто и никто не спасетъ! Одинъ человѣкъ сталъ сильнѣе арміи; малый сталъ великъ. Если въ вашей груди бьется гордое сердце, и ваша рука тверда — вы неодолимы. Злодѣй, стоящій внѣ закона, въ вашей рукѣ; изъ каждаго окна на него будетъ скалиться смерть.

Еще одинъ славный ударъ въ голову спрута, своими плетьми съ сосками опутавшаго всю Россію, и всѣми проклятый строй рухнетъ навсегда. Раздавленная власть пойдетъ на сдачу.

Мы стоимъ у выхода изъ кунсткамеры, то послѣдній уродъ.

Казнь перваго марта идіоты приписывали необыкновенному случаю, недосмотрамъ, либеральному вѣянію, упущенію возжей. Преступнику № III предстоитъ разрѣшить всѣ недоумѣнія: онъ долженъ быть казненъ въ моментъ полнаго объединенія съ бандою „Черной Руки.“

Грохотъ бомбы облетаетъ въ одинъ мигъ Россію, отъ Бѣлаго моря до Чернаго; общее сознаніе сказочно ростетъ; тысячи вопросовъ сами собой встаютъ, требуя немедленнаго рѣшенія. Если одинъ человѣкъ въ состояніи творить чудеса, то что же можетъ сдѣлать масса, поднявшаяся до человѣка!

IV

Въ виду будущихъ процессовъ, мы напомнимъ знаменательный, полный грозныхъ послѣдствій, процессъ 193. Политическіе мученики рѣшились, наконецъ, не дозволить коллегамъ палача Фролова разыгрывать изъ себя судей...

Говорить, защищаться можно только на открытомъ для всѣхъ судѣ, — присяжныхъ, съ непремѣннымъ условіемъ: абсолютной свободы слова и защиты. На судѣ присяжныхъ, рядомъ съ выдресированными бульдогами, сидятъ люди свѣжіе, съ неумершею совѣстью, способностью чувствовать, не вошедшіе во вкусъ крови.

Вступать въ безплоднѣйшія бесѣды съ поставщиками висѣлицъ — болѣе чѣмъ странно. Мы ежедневно читаемъ въ газетахъ про разбои, грабежи, но мы не

помнимъ случая, гдѣ бы жертва сама сервировала ножъ своему убійцѣ.

Всѣ разговоры съ Фуксами, Муравьевыми, Желеховскими хранятъ въ себѣ слѣдующій таинственный смыслъ: „Соломоны застѣнка, примите тонкій, блестящій ножъ и, помолившись на царя, перерѣжьте намъ всѣмъ горло.“ Послѣ этой процедуры остается только воскликнуть: „Да процвѣтаетъ судъ запертый, праведный! да благоденствуютъ истинные гориллы — виноватъ — судьи: Фроловъ, Фуксъ, Муравьевъ!“

Сдернувъ публично маски съ торгующихъ трупами, отказавшись наотрѣзъ отъ суда, революціонная партія нанесетъ истязателямъ Россіи ударъ, послѣ котораго они или позорно сдадутся, или еще быстрѣе пойдутъ на полную, страшную гибель.

Пусть царская собачья стая жретъ молодежь наголо, безъ гнусныхъ формальностей, обезъяньихъ кривляній, пусть чавканье и хрустъ зубовъ раздаются на весь великій міръ! тѣмъ лучше! Послѣ такой откровенности Европа перестанетъ женироваться, начнетъ третировать азіатчину en canaille, и самые прѣсненькіе, смирненькіе либеральчики перейдутъ на сторону террористовъ. Но не только они, но сама партія поджатыхъ хвостовъ, и та перейдетъ.

Представьте себѣ картину, неуступающую по внутреннему смыслу картинѣ „Послѣдніе дни Помпеи.“ Вокругъ столовъ, покрытыхъ зеленымъ сукномъ, торжественно возсѣдаютъ субъекты, твердо рѣшившіеся, за довольно кругленькую сумму, приправленную крестиками, поставить десятка два людей на висѣлицу. Передъ ихъ духовными очами, съ одной стороны, встаютъ сверкающія звѣздочки, крестики, яркія ленточки, всевозможные, съ бантами и безъ бантовъ, Володьки, Аннушки, Станиславчики. Съ другой — пьяный скотъ, въ красной рубахѣ, черные столбы съ перекладиной, черные гробы, саваны и веревки.

Жертвамъ веревка на шею, имъ ленточка на шею. Жертвамъ распятіе, имъ красивенькій крестикъ. Гробъ съ стружками жертвамъ, имъ изящныя шкатулочки съ радужными бумажками. Саваны жертвамъ, шелковыя и бархатныя платья ихъ женамъ и любовницамъ.

Пѣна закипаетъ у приготовляющихся „чавкать правду“ свиней; онѣ смѣло разсчитываютъ захрюкать всѣ идеалы, мечты, сказочныя самоотверженія. Хрюкать будутъ онѣ въ сласть, на просторѣ; двери наглухо заперты; слушаютъ ихъ одни родные, по духу, доносчики. Жертвамъ предоставляется право сознаваться въ виновности, но не болѣе; при малѣйшемъ протестѣ есть жандармы, умѣющіе ловко рвать рты...

Но вообразите удивленіе: всѣ подсудимые молчатъ; чавканіе, хрюканіе раздаются среди мертвой тишины; ни откуда ни подтвержденій, ни опроверженій. По старой привычкѣ, онѣ ждутъ приподнесенія ножа, но его — увы! — не подносятъ; приходится заводить свой и, затѣмъ, хоронить въ рукавѣ.

Роковое молчаніе омертвитъ самую глубочайшую свиную душу, заронитъ сомнѣнія въ самый отпѣтый шпіонскій черепъ; звѣздочки, крестики, ленточки мгновенно потускнѣютъ.

Праведные судьи, приговаривающіе, по наговору жандармовъ молчащихъ людей, къ висѣлицамъ или вѣчной каторгѣ, въ первый разъ ощутятъ сильный приливъ крови къ щекамъ, почувствуютъ на лицѣ тяжелую пятерню; выйдя на улицу, они съ трепетомъ начнутъ озираться, очутятся въ положеніи человѣка, только-что перерѣзавшаго цѣлую семью, съ мыслью ограбленія; красныя пятна замерещатся на стѣнахъ улицъ, на собственной одеждѣ и рукахъ; войдя къ себѣ, они крѣпко на крѣпко запрутъ за собою дверь, и ночь проведутъ неспокойно; сны мелькать будутъ страшные, кровавые.

Товарищи приговоренныхъ съ откровенными убійцами начнутъ говорить кинжалами, въ случаѣ же глухоты — бомбами.

Судъ изобразитъ изъ себя, въ первый разъ, свинью, не вполнѣ торжествующую...

Май, 1883 г.

Нѣчто о гадахъ

Прошу извинить за желаніе посвятить одну страницу, пока двумъ лицамъ, или вѣрнѣе мордамъ. Я считаю полезнымъ, время отъ времени, заносить въ мой журналъ субъектовъ умудрившихся, въ годины позора, перецеголять своихъ литературныхъ собратовъ, — тѣхъ гадовъ, которые, желая подслужиться, выплеснули изъ себя непомѣрно, сверхъестественно много холопской подлости.

Очень интересно было бы сгруппировать въ отдѣльной книгѣ все, что строчилось по поводу революціонныхъ событій съ 77 г., то будетъ драгоцѣнный, готовый матеріалъ для психіатра и историка; одно нехорошо, что многіе, прочтя этотъ лакейскій бредъ, подѣлаются пессимистами.

Кромѣшная тьма, насыщенная отвратительными призраками, не норма жизни; она неизбѣжно разсѣется; вся Россія не можетъ сгибнуть, разложиться, заразивъ вонью весь міръ, и тогда при первыхъ лучахъ наши пресмыкающіеся червячки, сбросивъ ветхія личинки, выпорхнутъ бабочками, начнутъ пить сладкій сокъ душистыхъ цвѣтовъ. Честный человѣкъ обязанъ будетъ поймать перепархивающаго съ цвѣтка на цвѣтокъ мотылька и посадить его на булавку безъ бензина, пусть покрутится.

Не только будущее поколѣніе, но даже наше, очнувшись отъ безсмысленнаго кошмара, будетъ, сгорая со стыда, перечитывать все написанное со дня покушенія Вѣры Засуличъ. Праведная казнь, обрушившаяся на палачей, вызвала въ газетномъ мірѣ фантастическую массу невѣроятной низости, тупости, трусости, мракобѣсія.

Въ такіе дни за человѣка становится страшно; слово превращается въ лязгъ зубовъ, и лохматый предокъ Горилла, съ Романовскимъ умнымъ лбомъ, самодержавными челюстями, подымается во весь ростъ, во всемъ лютомъ безобразіи; начинаешь вѣрить не въ жизнь, а въ гробъ.

Великіе, чистые люди! Кровью сочились ваши сердца, ваши раны, когда съ высоты позорной колесницы вы озирали толпу, провожающую васъ, ея искупителей, на казнь. Сотни разбойниковъ, вооруженныхъ плетьми, держали десятки тысячъ людей въ рабскомъ остолбенѣніи!

Безграничное презрѣніе шевелилось въ измученной душѣ, когда до васъ изъ литературнаго лагеря доносились крики: „Распни! распни! пусть ихъ кровь падетъ на насъ, на дѣтей нашихъ!“

Рабство не проходитъ народамъ даромъ, оно растлѣваетъ до мозга костей. Кровь праведниковъ падетъ на насъ и на дѣтей нашихъ. Мы, не съумѣвшіе защитить ихъ своею грудью, нагло предавшіе въ окровавленныя лапы воровъ, убійцъ, дорого, дорого заплатимъ въ будущемъ! Если бы не слизь, но горячая кровь текла въ нашихъ старческихъ жилахъ, мы въ день казни разорвали бы въ куски палачей, и позорное шествіе превратили въ тріумфальное! Мы розыскали бы въ подпольѣ трясущагося, свирѣпаго царишку, вздернули бы его на приготовленной гнилой веревкѣ.

Полную, черезъ края льющуюся чашу стыда мы не допили, но только отвѣдали и, — охъ! — какъ солоны, горьки показались намъ первыя капли.

Дворянство земли русской, добровольно предлагающее себя въ шпіоны въ дни коронаціи, священныя дружины, охраны — только первый, настоящій глотокъ.

Кровь мучениковъ падетъ на насъ, и дѣтей нашихъ!

Царь-трусишка, царящій надъ трусами, представляетъ въ нѣкоторомъ родѣ гармонію.

Побѣдоносцевъ, Игнатьевъ, Толстой становятся явленіемъ нормальнымъ, послѣ 24 висѣлицъ Александра II, девяти Александра III.

Мы смиренно, подло терпѣли, лизали за пытки, висѣлицы, сентябрскіе указы; благодарили за Игнатьева, — явился Толстой.

Когда въ воздухѣ несетъ стервятиной, изъ темныхъ лѣсовъ выбѣгаютъ голодные волки, отовсюду слетаются жадные вороны.

Обливаясь прохвостническими слезами, мы вопимъ на весь міръ: „Царская, непомазанная, гладкая, толстая шкура для насъ дороже нашей тоненькой, низкоподданнической! 100 милліоновъ шкурокъ за одну романовскую! Ура! ура!

Негры, желая умилостивить своего идола, выплевываютъ ему пережёванную пищу. Если бы низкоподданные поклонялись такъ царю, я немного примирился бы съ хамствомъ...

Но отъ мрачнаго перейдемъ къ смѣшному. Полюбуйтесь, до какого паденія дошла пресса, какія лица рѣшаются задавать тонъ!

Прочитывая „Подлое Время“, какъ единственнѣйшую въ своемъ родѣ газетку, я недавно напалъ въ фельетонѣ на слѣдующее громкое заявленіе:

„Вотъ уже два мѣсяца, какъ я не обозрѣвалъ литературы (на здоровье любезный!). Я блуждалъ по горамъ Кавказа“. Подпись смѣшная: Дѣлающій всегда бурю въ грязной полоскательной чашкѣ — Буренинъ.

Душка*) изъ суворинскаго увеселительнаго заведенія вздумала немножко осчастливить блужданіемъ Кавказъ и по этому поводу выдвигается афиша, гласящая: „Я возвратился и снова принимаюсь за умоблудіе“. Окрошка изъ воняющихъ плевковъ носитъ дерзкое непонятное названіе: „Обзоръ литературы“. Много, много начинающихъ писателей заплевалъ писака „бѣшенный

*) Саркастическая кличка, часто пускаемая въ ходъ Суворинымъ и Комп.

хвостъ", но, конечно, болѣе всѣхъ заплевалъ самаго себя.

Осмѣлился ли бы пятнадцать лѣтъ назадъ пѣвецъ, выводящій рулады въ „Помояхъ", воспѣвающій „сѣрую природу и Романовъ домъ", высовывать свой неопрятный носъ съ такимъ апломбомъ?

Неужели цѣлые вѣка отдѣляютъ насъ отъ Бѣлинскаго, Добролюбова, Чернышевскаго, Писарева и проч. проч.??

Въ томъ же „Подломъ Времени", съ тою же уморительною заносчивостью, Евгеній Марковъ заявляетъ, что пора критикамъ „Отеч. Зап.", „Вѣстн. Европы" узнать его направленіе; что онъ, хвала всевышнему, гусакъ въ литературѣ извѣстный. Евг. Марковъ около 25 лѣтъ строчитъ фельетоны, фабрикуетъ романы и подъ часъ гиды, но, на сколько мнѣ помнится, ни однимъ изъ нашихъ извѣстныхъ критиковъ не былъ причисленъ къ корифеямъ литературы; изъ печальной клички: талантливаго сотрудника онъ — увы! — не выходилъ. Что же касается до направленій этого шалуна, то ихъ опредѣлить не только трудно, но и невозможно, по той простой причинѣ, что ни направленій, ни убѣжденій у Евг. Маркова не было и никогда не будетъ. Всѣ его критическія поползновенія — „безтолочь родная"; утромъ онъ лжелибералъ, полуславянофилъ къ обѣду, полный ханжа, лакей на сонъ грядущій. Только Россія, съ ея вѣчно задавленною прессою, можетъ порождать такихъ неряшливыхъ, рыхлыхъ писакъ, пѣтушковъ на питейныхъ заведеньяхъ, крутящихся по вѣтру...

Пройдошеское лавированіе между направленіями онъ нагло выдаетъ чуть не за политическую мудрость; гибкость спины — за гибкость ума; глубокую трусость чуть не за анализъ, да еще безпристрастный... Между вполнѣ отживающимъ и начинающимъ сильно жить всегда кишатъ слизняки; липкою слюною они силятся скрѣпить распатывающійся старый міръ.

Въ нашемъ нѣкоторомъ царствѣ, въ которомъ перепутаны всѣ понятія, даже азбучныя о чести, справедливости, Марковы, конечно, представляютъ крайне безобразное явленіе, они стараются всегда попасть въ правительственное теченіе, конечно, не женируясь его крайнею пахучестью и, въ дни патріотическихъ вакха-

налій далеко оставляютъ за собою самыхъ заматерѣлыхъ обскурантовъ. Скрѣпитесь, зажавъ носъ, прочтите любую статью Евг. Маркова въ „Русской Рѣчи“ и первый попавшійся фельетонъ, гдѣ онъ выползаетъ, сладенько улыбаясь участку, противъ нашей революціонной молодежи, и вы поймете, что никогда Мещерскому, Каткову не удавалось, не смотря на всю ихъ отпѣтость, дойти до такого собачьяго лизанья, волчьяго загрызанія. Прочти Марковъ свой гимнъ „У Голгоѳы“ палачу Фролову, и онъ, навѣрное, харкнулъ бы ему въ самую середину лица, найдя, что отъ его паѳоса очень ужъ несетъ жженымъ человѣчьимъ мясомъ, гробомъ, эшафотомъ, гнилою веревкою.

Если русское правительство не вознаградило Маркова, оно свершило неслыханный поступокъ, — такая черная неблагодарность отвадитъ отъ него талантливыхъ сотрудниковъ, и охрана совсѣмъ запустѣетъ, ему необходимо дать петлицу на шею, не даромъ же онъ восхволялъ петлю висѣлицы...

Сумерки земныхъ боговъ

I

До 1 Марта въ Москвѣ и глухихъ провинціяхъ часто можно было встрѣтить людей, смотрящихъ на Александра II очами Ив. Аксакова и К°. Хамофилы, съ самаго основанія кружка, питали глубочайшее отвращеніе къ естественнымъ наукамъ и — нѣжное влеченіе къ дивнымъ знаменьямъ божьимъ, чудесамъ преподобныхъ святителей; міровоззрѣнія, чаянія, идеалы московскаго зажиточнаго купечества они облекли въ пустозвонныя фразы, создали, потихоньку, цѣлую хамскую эстетику. Взглядъ ихъ на царя — очищенно теологическій, покоющійся на абсолютной волѣ; чуть не полъ вѣка, не смотря на всѣ удары извнѣ и изнутри, они продолжали увѣрять, что пупъ земной находится въ серединѣ земли, и около него вся вселенная и звѣзды небесныя оброщаются. Не смотря на весь лиризмъ, всю трогательную силу доказательствъ, очень многіе не пали передъ пупомъ земнымъ; за преступныя сомнѣнія они прокляты были на всѣхъ хамофильскихъ соборахъ, названы отребьемъ гнилаго запада, лже-интеллигенціей, лже либералами. Мясники Ножевой линіи не разъ приглашаемы были хамофилами вступить въ должность миссіонеровъ.

По понятіямъ Аксакова и К° въ вѣнценосномъ шутѣ, въ самой его „внутренности“, обитаетъ нѣкая сила и не простая, а божественно смазанная, не поддающаяся никакимъ вліяніямъ, обстановкамъ, воспитанію, наслѣдственности; стоитъ только царю созвать земскій со-

боръ, и духъ святой сойдетъ на него, внутренняя сила, божествомъ смазанная, подымется, и пойдетъ онъ творить дѣла дивныя. Земскій соборъ будетъ невиданный, неслыханный, ташкентскій; онъ будетъ низко челомъ бить, „правду съ улыбкой говорить“; разгонять его не прійдется: предѣловъ, участкомъ положенныхъ, онъ, никогда, не перейдетъ, такъ ему отъ начала міра предписано. Ласковое теле двухъ матокъ сосетъ. Благонравіемъ, тихимъ лакействомъ, кроткимъ послушаніемъ онъ все возьметъ; царя-папеньку во вѣкъ не изобидитъ; изъ хама никогда не выйдетъ, и въ концѣ концовъ, тоску у западныхъ народовъ разгонитъ, всечеловѣка имъ покажетъ.

Самъ небесный папенька собственною персоною, вручаетъ благопожелательную власть своему помазаннику. На лысой головѣ монарха свиваетъ себѣ гнѣздо небесная благодать, небесной первой пробы. Пачкатня масломъ обошедшаяся странѣ, питающейся частенько древесною корою и лебедою, еще такъ недавно въ 80 мил. не — отдираніе мяса, выматываніе жилъ, но — непостижимо благолѣпное, живоносное сонтіе царя съ богомъ и ввѣреннымъ ему народомъ. Однимъ взмахомъ пера, какъ волшебною палочкою, они преображаютъ дремучее невѣжество въ священную основу, подлѣйшее холопство—въ народное исполинство, православную позорную ерунду — въ народную правду. Многіе, вникнувъ въ проповѣдь, удивленно спрашивали: „За что запрещали ихъ и ссылали жирѣть въ деревню? Чѣмъ провинились вѣрные камердинеры, своему барину, на колѣняхъ, правду шепчущіе?“

Они молили позволить имъ, согбеннымъ царелюбцамъ, совѣты земному богу давать; свободой слова это называли; другими словами: упрашивали курочку бычка родить, поросеночка — яичко снесть.

Люди, не имѣвшіе случая близко знать монарха, его фамилію или особъ близко къ нимъ стоявшихъ, не могутъ составить себѣ самаго призрачнаго представленія о нихъ. Лицевой уголъ Гориллы — Гетевскій въ сравненіи съ лицевыми углами Николая Николаевича, Константина Николаевича, Владиміра и проч. Только лошадиный черепъ даетъ приблизительное понятіе о Романовскихъ черепахъ. Въ Ниццѣ мнѣ показали стар-

шаго сына Николая Николаевича, и я остолбенѣлъ: на длинномъ тѣлѣ, вмѣсто головы, торчалъ смѣшной формы наростъ, вродѣ того, который встѣчался на первомъ пальцѣ, вмѣсто ногтя, у прежнихъ военныхъ портныхъ. Я не могъ понять, зачѣмъ онъ носитъ шапку; но мнѣ объяснили, что онъ хочетъ ею удостовѣрить, что у него голова есть. Въ этомъ печальномъ отклоненіи лба, удлиненіяхъ головы, напоминающихъ дыню дубовку, и заключается фатальная сторона всѣхъ царствованій. Смертный приговоръ, произнесенный П. Якоби, надъ царствующими и господствующими, въ его громадномъ трудѣ; „Etudes sur la selection dans ses rapports avec l'hérédité chez l'homme", особенно назойливо преслѣдуетъ меня, когда я пишу объ вымирающихъ уродахъ. Умѣй они читать, понимать, книга Якоби не сходила бы съ ихъ стола, лежала у изголовья, какъ черепъ у изголовья схимника. Memento mori!...

Если монарху удается долго процарствовать, онъ, неизбѣжно, разучивается читать, писать, говорить; человѣческія способности въ немъ быстро атрофируются. Изъ всѣхъ способностей только половыя тщательно развиваются въ царской фамиліи, конечно, въ виду защиты семейства. Бесѣда съ умнымъ человѣкомъ для царя — униженіе монаршаго достоинства, непростительная фамильярность; писателя онъ совсѣмъ не выноситъ, вспоминая рявканье Николая Палкина: „съ писателемъ нельзя быть благосклоннымъ". Не компроментируя въ конецъ себя, онъ можетъ обмѣняться нѣсколькими словами съ полными или круглыми генералами, выдающимися шпіонами, поучительнаго этотъ обмѣнъ словъ представляетъ очень мало. Благоволѣніе царя выражается въ позволеніи поцѣловать руку, но безъ излишняго энтузіазма, влекущаго, нерѣдко, слюнотеченіе. На торжественныхъ обѣдахъ, если какой нибудь полный генералъ или очень полная дама сильно растрогаютъ своимъ трепетнымъ обожаньемъ порфиропосца, онъ имъ даетъ обсосать, вынутую изо рта, косточку отъ жаркого. Впрочемъ, этой громадной чести удостоились немногіе. Изъ министровъ и генераловъ всего какихъ нибудь десятка два человѣкъ, изъ камеръ фрейлинъ двѣ, три, за все царствованіе Александра II. Катковъ, Мещерскій, Суворинъ, Аксаковъ, болѣзненно стремились пососать

хоть изъ второго рта косточку, но, увы, осчастливенные генералы и камеръ-фрейлины проглатывали ихъ. Пылкіе литераторы примирялись на чайныхъ блюдечкахъ, кусочкахъ, выжатаго собственною рукою монарха, лимона. Вспомните путешествія Александра II по Россіи, выплюнутыя имъ на балу косточки отъ фруктовъ, самые плевки собирались лучшими представителями сословій, хранились, какъ реликвіи, въ кіотахъ подъ образами; вспомните, какъ грызлись дамы, дѣвы высшаго общества, желая удостоиться царской постели; въ случаѣ непорочнаго зачатья, дѣвы нерѣдко могли выйти за флигель адъютанта, желающаго отличиться, сдѣлать завидную карьеру.

Абсолютизмъ растлилъ Россію; счесть всѣ рабскія мерзости невозможно, каждый городъ осчастливленный посѣщеньемъ, ревниво лелѣетъ воспоминанія о пассажѣ.

Въ республиканской Франціи, въ Ниццѣ, на глазахъ иностранцевъ, въ 79 году, когда Александръ III, бывъ васлѣдникомъ, посѣтилъ церковь, попъ Протопоповъ, въ концѣ обѣдни, бросился къ нему съ крестомъ и исцѣловалъ ему всѣ штаны.

Гнѣвъ царя выражается въ урчаніи, рычаніи, рявканьи, за ними обыкновенно слѣдуютъ пункты.

Все общеніе съ обществомъ исчерпывается отбираніемъ драгоцѣнныхъ иконъ, золотыхъ, серебрянныхъ блюдъ. При пріемѣ представителей высшаго сословія, державный вождь высочайше благосклонно соизволяетъ спрашивать: „Гдѣ воспитывался?“ Если въ военномъ заведеніи — вѣнценосная физіономія выражаетъ какъ бы одобрѣніе; въ университетѣ — презрительную холодность и легкое урчаніе слышится... Не забывайте, что отъ роковаго вопроса не избавлены профессора, писатели, люди прожившіе 70 зимъ и болѣе. Маститый Тургеневъ, позванный покойною императрицею во дворецъ для чтенія вслухъ, былъ встрѣченъ: „Гдѣ воспитывался?“ Услышавъ, что въ университетѣ, монархъ удостоили его новымъ вопросомъ, болѣе строгимъ: „почему не въ военномъ?“

Весь день царствующихъ особъ проходитъ въ пріёмахъ, смотрахъ, парадахъ, обѣдахъ; свободные вечера и ночи посвящаются блуду; о книгахъ, и серьезныхъ разговорахъ думать нечего. Царя часто сравниваютъ съ солн-

цемъ; у нихъ есть общія черты: они безграмотные и, не смотря на это, ослѣпляютъ. Но прошу не удивляться выводу. Перечтите наши благонамѣренныя газеты, выходившія во время коронаціи, и вы увидите, что солнце не только лицо одушевленное, но и низко преданное. Во время коронаціи солнце позволило себѣ выходки, компроментирующія громадное небо; низкое поведеніе солнца было горячо принято туманными пятнами и въ особенности полярными звѣздами; когда царь входилъ въ соборъ, оно, съ явнымъ намѣреніемъ скрывалось, — выходилъ, и оно тотчасъ же выползало, съ восторженною улыбкою на кругломъ, плоскомъ, сіяющемъ лицѣ, и такъ до шести разъ. Но не одно солнце страмило себя, сами звѣзды, изъ довольно крупныхъ, сыпались съ неба и прямо на грудь генераламъ, участвовавшимъ въ священномъ коронованіи.

Друзья Александра II, съ которыми онъ былъ животъ на распашку: Адлерберги, Барятинскій, Барановъ и пр., блеющіе и вѣчно сблевывающіе, языкомъ обыкновенно не говорили, но, въ очень аппетитныхъ случаяхъ, только имъ причмокивали. Вѣнценосный мученикъ часто смѣшивалъ Каткова съ Булгаринымъ, Ив. Аксакова съ Юрьевскимъ архимандритомъ Ѳотіемъ, Побѣдоносцева съ Барковымъ, и при первомъ представленіи, обратился къ нему со словами: „Это ты, старый хрычъ, откатилъ „Аннкину смерть“? Ну-ка, продекламируй!“ Можете судить, какъ пораженъ былъ переводчикъ Ѳомы Кемпійскаго, обходящійся безъ женщинъ! Описаніе домика о двухъ компатахъ въ Студнѣ царю понравилось, онъ позвалъ „Незнакомца“, одобрилъ, велѣлъ тутъ же прочистить бойкій слогъ и очень жалѣлъ, что во время юности Суворина не существовалолицея Булгарина и высшей школы благородныхъ урядниковъ. На прощаніи, обожаемый царь-мученикъ всемилостивѣйше разрѣшилъ ему, вмѣсто своей августѣйшей руки, поцѣловать руку шефа жандармовъ Мезенцова и подарилъ кольцо; данное старику Суворину кольцо, оказалось мѣдное... Дѣло де въ чести.
СтихъПушкина: „Тяжела ты, шапка Мономаха“, онъ послѣ покушеній произносилъ: „Тяжела ты каска Мономаха“. Русской исторіи не выносилъ, начиналъ ее съ НиколаяI, часто говаривалъ: „На кой дьяволъ мнѣ нужна Марѳа

Посадница. Долгорукая, это я понимаю, жирная канашка и глаза блестящіе...“

Когда будутъ собраны, безъ поэтическихъ прикрасъ, всѣ изреченія нашихъ монарховъ и ихъ фамилій, я держу пари, что самый отпѣтый ипохондрикъ, за часъ до самоубійства, прочтя ихъ, расхохочется и, можетъ быть, даже отложитъ мрачный замыселъ. Послѣ послѣдней турецкой войны появилась, затѣмъ, быстро исчезла, книжечка графа Сологуба, въ которой безпристрастно собраны были всѣ высочайшіе поступки, самодержавныя изреченія, клянусь „послѣднимъ днемъ творенія, лучемъ заката“, въ книжечкѣ хоронятся такіе солитеры, передъ которыми потускнѣлъ бы солитеръ, нѣкогда сіявшій въ коронѣ великаго Могола. Прочтите романъ Фанни Лиръ, любовницы Николая Константиновича, ободравшаго иконы, и вы не разъ пощупаете себѣ руки, протрете глаза. Не забывайте, что онъ положительно лучшій изъ царской фамиліи, не даромъ его уличили и сослали. Константинъ Николаевичъ, благодаря Тургеневу, посѣтилъ салонъ M-me Аданъ; его глупость, невѣжество сразили публику; онъ служилъ пищею для остроумія цѣлую недѣлю.

Канцлеръ Горчаковъ разсказываетъ, что Александръ I считалъ 20-тифранковую золотую монету менѣе пятифранковой серебрянной; когда у него придворные выпрашивали тысячу рублей серебрянныхъ, онъ отказывалъ; тысячу сравнительно маленькихъ червонцевъ, онъ всегда давалъ съ удовольствіемъ. Александръ I былъ самодержавный распорядитель русскихъ финансовъ!

Въ „Новомъ Времени“ помѣщена была выписка изъ мемуаровъ одной аристократической дамы; Николай I, предварительно рявкнувъ, назвалъ Гоголя циникомъ, на вопросъ: читалъ ли онъ „Мертвыя души“, отвѣтилъ: „Я думалъ, что ихъ написалъ Сологубъ“.

Одно очень компетентное лицо передало мнѣ слѣдующій анекдотъ: Николай, мечтавшій забрить рослыхъ дѣтей Роберта Оуэна въ солдаты, вдругъ рѣшилъ продиктовать сочиненіе по политической экономіи, съ разъясненіемъ, какъ нужно понимать благонадежныя фаланстеріи; когда ерунда была кончена, онъ позвалъ спеціалиста по политической экономіи профессора В., и послѣ прочтенія, просилъ высказать откровенно мнѣніе.

Сконфуженный В., запинаясь, отвѣтилъ, что сочиненіе поразительное, но онъ не можетъ понять, какъ его Величество, безъ малѣйшей спеціальной подготовки, безъ тѣни даже элементарнаго знакомства съ предметомъ, могло создать такое твореніе. „Дуракъ! — сказалъ Николай — мнѣ его диктовалъ *Онъ*“, и онъ ткнулъ пальцемъ въ небо. Можетъ быть, въ архивѣ сыщется божественное сочиненіе. Благонадежныя фаланстеріи, по увѣренью профессора, оказались военныя поселенья Аракчеева, нововведеньемъ оказалось усиленье порокъ.

Неужели еще нужно доказывать ту избитую, научную аксіому, что искреннее признаніе себя самодержцемъ и вообще монархомъ — неоспоримый признакъ опаснаго неизлечимаго помѣшательства. Наши дѣти не повѣрятъ намъ, что на царскую фамилію, на зубровъ бѣловѣжской пущи уходила треть государственныхъ доходовъ, что стояла она внѣ закона, и каждой новой тлѣ отпускались все новыя, сотни тысячъ.

Никто, никто не повѣритъ, что черныя банды, охранявшія буйнаго сумасшедшаго и его раззолоченные вертепы, хватали насъ, бросали въ тюрьмы, ссылали въ снѣжныя пустыни, врывались въ наши жилища, ночью, какъ въ бардаки, грабили наши имущества, вскрывали наши письма, и стонъ, вырывавшійся изъ надорванной груди, судился въ запертыхъ со всѣхъ сторонъ живодерняхъ, назывался крамолою.

Мы собственными глазами видѣли Лернейскую гидру, Минотавра, быстроногую суку Діаны, хищныхъ птицъ Стимфалидъ, съ желѣзными когтями и клювами. На нашихъ глазахъ Геркулесы поражали страшилищъ.

II

4 Апрѣля 66 года раздался выстрѣлъ Каракозова; Россія, вышедшая изъ крѣпостнаго права, давала знать, что не хочетъ болѣе царя. Деспотъ не понялъ боеваго сигнала, перваго предостереженья, онъ лично „Божьей милостью“, давшій подачки, пожелалъ ихъ „Божьей милостью“, потихоньку, отобрать отъ вѣрноподданныхъ, провинившихся появленіемъ Каракозова. Реакція началась; кровь польскихъ мучениковъ не прошла даромъ, она отуманила царскую голову; онъ пошелъ по пути

тяжкихъ преступленій. 18 лѣтъ реакція расправляла свои темныя крылья надъ страною. Вооруженный, революціонный протестъ, проявившійся въ концѣ ужаснаго царствованія, не образумилъ палача, онъ встрѣчался воплями краснокожихъ; кровяныя собаки, спущенныя съ цѣпей Цѣпнаго моста, рыскали по странѣ; среди мрачной тишины слышались зазыванія напавшихъ на слѣдъ и хрустъ костей. Царь, при помощи пьянаго палача, думалъ выйти побѣдителемъ. Мы жили подъ висѣлицей, въ ея тѣни, какъ подъ библейской смоковницей, покрытой плодами.

19 Ноября 79 года взлетѣлъ подъ Москвою царскій поѣздъ; царь спасся, прошмыгнувъ, часомъ ранѣе, въ кухонномъ вагонѣ, спрятавшись между кострюлями съ помоями. Мина, начиненная динамитомъ, поразила своею изобрѣтательностью, новизною, крайнею эксцентричностью; отъ нея вѣяло зловѣще пророческимъ... Монархъ призадумался, но сомнѣнія длились недолго; голова, протаскавшая 25 лѣтъ корону, не была способна вязать мысли, дѣлать обобщенія. Защитники основъ рѣшили, что лишняя сотня висѣлицъ очень быстро отобьетъ охоту къ нововведеніямъ; по ихъ мнѣнію, полиція слишкомъ церемонилась, мало спасала; урядники сентиментальничали, и пьяный палачъ Фроловъ вяло вздергивалъ на висѣлицу. Для возбужденія, оживленія общества пущенъ былъ манифестъ, настойчиво приглашающій всѣхъ поступать въ шпіоны, конечно, безъ жалованья, изъ за чести.

5 Февраля 80 года взлетѣлъ подвалъ въ Зимнемъ дворцѣ, покачнулась столовая. Монархъ, конечно, не головою, но всѣми внутренностями почувствовалъ, что онъ и все кругомъ гибнетъ; ему вдругъ стало ясно, что спускать съ наложницей десятки милліоновъ народныхъ денегъ и, въ благодарность за нихъ, неистовствовать надъ страною, болѣе невозможно. Вѣра въ висѣлицу, застѣнокъ поколебалась вмѣстѣ со столовой. Динамитъ всталъ передъ вѣнценосцемъ во всей своей зловѣщей мощи, въ видѣ кроваваго призрака, въ страхѣ онъ не разглядѣлъ ужасныя черты.

Снова бабочки запорхали, снова въ толпу полетѣли воздушные бисквиты, безе; олимпійскій гнѣвъ, горящій въ груди у молодежи, принялись заливать подсахарен-

ной водичкой; въ видѣ игриваго опыта, позволили всѣмъ немножко поговорить, капельку пописать, но безъ впаденія въ правовую иллюзію. Оперетка длилась недолго, каменный гость уже стоялъ у дверей. Травленный старый волкъ, впопыхахъ накинувшій овечью шкуру, не умудрился спрятать прожорливую пасть; 1-го Марта онъ попалъ въ западню.

III

Бомба, вспыхивающая при паденіи, убила царя и монархію. Богъ Панъ умеръ. Фаусту Мефистофель явился въ видѣ пуделя; намъ „всесильный духъ движенія, созданья“ въ видѣ игрушечной бомбы. Монархи, короли, пока, еще не совсѣмъ разглядѣли своего врага, не охватили его силы; въ громѣ, трескѣ, пламени бомбы не разслышали новыя заповѣди, неотвратимый, смертный приговоръ.

Не будемъ заглядывать въ будущее, пророчить новыя, болѣе страшныя орудія разрушенія, остановимся на невинныхъ мячикахъ, пущенныхъ въ практику 1-го Марта.

Феодальный баронъ сидѣлъ въ своемъ гнѣздѣ, на неприступной скалѣ и, какъ кондоръ, питался падлою. О скалы, на которыхъ гнѣздились бароны, разбивались сказочная энергія, безумный подвигъ. Птица кровожадная, на виду у всѣхъ, весело, съ побѣднымъ крикомъ терзала добычу; проклятія, стоны замирали въ пустомъ небѣ. Самоотверженіе, героизмъ, энтузіазмъ никогда не умирали въ людяхъ; но самыя могучія руки иногда опускались передъ безвыходностью, отсутствіемъ средствъ борьбы.

Маленькая, на видъ жалкая, пушка убила феодализмъ; она оказалась сильнѣе неприступныхъ скалъ, грозныхъ замковъ. Неустрашимый, гордый баронъ очень быстро оцѣнилъ пушку, затѣмъ, еще быстрѣе спустился внизъ, сталъ, довольно ловко, завоевывать мѣсто въ императорской лакейской.

Построенная на всеобщемъ растлѣніи, дикомъ невѣжествѣ, поддерживаемая полицейскими псами, окретинизированною арміей, монархія могла просуществовать такъ безконечно долго, благодаря отсутствію средствъ борьбы. Монарховъ щадила почти всегда сама народная революція; Карлъ I, Людовикъ XVI сто-

ять въ грустномъ одиночествѣ. Всѣ инстинктивно понимали, что въ мирное время они снова засядутъ и вытравить ихъ будетъ очень трудно. Чтобы перемѣнить царька на конституціоннаго короля, и послѣдняго на президента республики, требовались громадныя затраты силъ, цѣлыя народныя движенія.

Въ настоящее время возможна только соціальная революція; всѣ политическіе перевороты будутъ сдѣланы единицами. Въ наше время, страна, выносящая не только деспота азіата, но и коституціоннаго монарха, представляетъ колосальный домъ умалишенныхъ; длится это не можетъ.

На царей, королей охотились съ кинжалами, револьверами, изъ десяти покушеній, девять не удавались. Послѣ спасенія изверги, въ большинствѣ случаевъ, бросались въ полицейскія, смертоносныя объятія. Коронованная муха попадала въ паутину и билась въ ней до смерти, окруженная пауками. Пока пускались въ ходъ револьверы, бдящее благое провидѣніе очень покровительствовала царямъ; во всѣхъ манифестаціяхъ оно фигурировало на первомъ планѣ и умиляло многихъ. Пущены были бомбы, и перстъ божій, повидимому, раненный осколкомъ, тотчасъ же скрылся. Богъ припряталъ обматанный тряпкою палецъ и, во избѣжаніе еще большихъ непріятностей, повелѣлъ божественной, лазурной жандармеріи передать всѣ свои заботы земной, голубой.

Противъ револьверовъ, кинжаловъ существуютъ стальныя кареты, конвои въ кирасахъ, съ пиками на перевѣсъ. Царственная чушь — виноватъ дичь — оберегаемая такимъ образомъ, къ великому сожалѣнію, становится почти недоступною для охотника, съ простымъ ружьемъ. Святой протестъ не окупался; яркая молнія на мгновеніе озаряла небо, и снова ночь безъ разсвѣта.

Противъ величествъ требовались величавыя средства. Бомба разрушила вѣковыя недоумѣнія, разсѣкла запутанный узелъ жизни, дала отвѣты прямые на „проклятые вопросы“; человѣкъ, вооруженный ею, сталъ всемогущимъ; онъ можетъ остановить цѣлую улицу, наполненную переодѣтыми шпіонами; въ пыль разлетятся стальныя кареты, конвои въ кирасахъ. Бомба,

вспыхивающая при паденіи, выйдетъ побѣдительницей неизбѣжно! Она неизмѣримо сильнѣе царя-азіата и всѣхъ его разбойничьихъ, явныхъ и тайныхъ полицій. Она уничтожитъ не только чудище, но и, съ поражающею быстротою, чудовищный принципъ. Послѣ двухъ, трехъ удачныхъ, послѣдовательныхъ ударовъ, никакая власть не устоитъ. Послѣ перваго удара она спряталась, попала подъ арестъ.

Александръ III существуетъ только потому, что онъ хоронится по нужникамъ, какъ пугачъ живетъ ночью. Революціонная партія не спѣшитъ растереть его по той простой причинѣ, что его мизерное существованіе доканываетъ въ Россіи жалкіе, остатки царскаго монголо татарскаго миѳа; ему позволили нѣкоторое время пожить съ условіемъ, чтобы онъ рылъ, день и ночь, могилу себѣ и царской фамиліи.

Его гипнотизируютъ Черевинъ, Воронцовъ-Дашковъ, Толстой, Катковъ; его безустанно онанизируетъ Бѣдоносцевъ. Трясущемуся юродивому банда „черной руки“ приказываетъ вѣшать — онъ вѣшаетъ; заточать, ссылать по усмотрѣнію — заточаетъ, ссылаетъ даже безъ усмотренія; ему велѣли смотрѣть на поддѣльный алмазъ (настоящій давно украденъ) его блестящей коронки и, погруженнаго въ гипнотическій сонъ, повели короноваться и нажили на немъ милліоны. Послѣ 1 Марта царь болѣе не существуетъ, онъ превратился въ акцію; на ней спѣшатъ нажиться. Безобразный обманъ пускается въ ходъ, чтобы вздуть ее и, какъ можно долѣе, продержать на биржѣ.

Переживаемое нами время можно охарактеризировать стихами Байрона: передъ нами „образы безъ лицъ, тьма безъ темноты, бездна пустоты безъ протяженія и границъ; страшный міръ безъ неба, свѣта и свѣтиль“.

Вотъ уже почти три года царитъ куча педерастовъ, кликушъ, святошъ, провокаторовъ, шпіоновъ, убійцъ, воровъ. Во время царскихъ прятокъ защитники святой собственности не силились заглядывать въ роковое будущее, всѣ пользуются, до одурѣнія настоящимъ. Въ воздухѣ, заглушая всѣ голоса, гремитъ одна фраза: „грабьте! грабьте! грабьте! пока руки сведетъ: то нашъ послѣдній царь!“

Въ концѣ XIX вѣка, рядомъ съ сказочнымъ электричествомъ, телефономъ, воздушнымъ шаромъ, повинующимся рукѣ человѣка, 100-милліонное государство, освобождающее народы изъ подъ ига, въ продолженіи трехъ лѣтъ, цѣною своей шкуры, обязано спасать шкуру распухшаго свирѣпато юродиваго, прячущагося по гатчинскимъ нужникамъ! „Какъ боги остроумны!!!“

Вы славныя, вы чудныя молодыя силы! сколько васъ легло, и сколько еще ляжетъ, въ борьбѣ съ неосмысленнымъ, миѳологическимъ страшилищемъ!! Чѣмъ отплатитъ вамъ Россія??...

ЦАРЬ - СНѢГУРОЧКА

—

I

Лютый шпіонъ отправился отдыхать подъ „кущи райскихъ садовъ.“ Этикетъ соблюденъ. Можно надѣяться, что за шефомъ охраны, который долженъ шествовать впереди, вскорѣ отбудетъ Снѣгурочка Александръ Ш.

10 Декабря онъ чуть не погибъ. Но не вѣрьте иностраннымъ газетамъ, что отъ пули революціонера; о, нѣтъ, хрупкій глиняный идолъ разбился о мягкій, русскій снѣгъ!...

Царь твердой политики оказался хрупче вѣрнаго Судейкина. Снѣжная пушинка чуть не погубила одного; желѣзный ломъ насилу доканалъ другого.

Храбрый узникъ Ш, окруженный арміей шпіоновъ, поѣхалъ на медвѣдя. Долго этого медвѣдя мыкалъ цыганъ по Россіи и беззубаго, безъ когтей, сдалъ, наконецъ, для царской охоты; окружили его частоколомъ, и узникъ Ш, вооруженный съ головы до пятъ, въ панцырѣ, пошелъ на него одинъ. Стая шпіоновъ лѣзла впередъ, дѣлая видъ что желаетъ подставить шпіонскія уши подъ лапу звѣря за царя. Но когда дряхлый, беззубый Мишка дружески пошелъ имъ на встрѣчу, и не доходя трехъ сотъ шаговъ, прилегъ, желая представить, какъ старыя бабы горохъ крадутъ, шпіонская армія, предводительствуемая узникомъ, налетѣла на него съ штуцерами, топорами, ножами и немилосердно стала доканывать.

Подвигъ былъ свершенъ. Но увы! узникъ Ш не выдержалъ исполинскихъ ощущеній: мгновенно схватилъ медвѣжью болѣзнь и поспѣшилъ прослѣдовать домой, чтобы поскорѣе усѣсться на неподвижный тронъ Мономаха.

На обратномъ пути его самаго чуть не подстрѣлили, какъ медвѣдя.

Если существуетъ загробный міръ, чудно трогательная встрѣча, скоро, произойдетъ въ Эдемѣ. Стрѣльниковъ, Судейкинъ, Александръ Ш, Примъ, Жарковъ, Тавлѣевъ, Александръ II, Гейкингъ меланхолично облобызаются и, поднявъ высоко стаканы, полные божественной водки, вспомнятъ.

. . . . . „минувшіе дни
„Гдѣ вмѣстѣ рубились они.“

Будьте увѣрены, что собьютъ они съ толку выжившаго изъ ума Іегову и непремѣнно устроятъ въ раю шпіонское, провокаторское отдѣленіе, и умудренные земнымъ опытомъ, мученичествомъ, начнутъ откапывать воздушные корни, ловить небесныя развѣтвленія, и такъ какъ первые на землѣ будутъ послѣдними на небѣ, то Александръ II и Ш очутятся въ должности послѣднихъ полицейскихъ будочниковъ, съ жалованіемъ еле хватающимъ на выпивку.

Слезы лились, и я не могъ ихъ унять, когда прочитывалъ краткое, но сильное описаніе похоронъ Судейкина въ „Правительственномъ Вѣстникѣ.“ Уныло повѣсивъ носы, плелись за гробомъ молодые провокаторы и маститые, въ бояхъ шпіонскихъ посѣдѣлые. Вѣнки изъ дорогихъ оранжерейныхъ цвѣтовъ, присланные участками, украшали, никѣмъ не оплаканный, гробъ. Ярко выдавался вѣнокъ царскій, съ трогательной надписью „исполнившему священный долгъ до конца“ но они потускнѣли передъ остропахучею живою, хотя и нѣсколько увядшею, гирляндою, окружавшею погребальную колесницу; цвѣты, выросшіе на могилахъ мучениковъ, на тюремныхъ дворахъ, подъ висѣлицею, составляли ее; помовая поблекшими лепестками шли: прокуроръ Муравьевъ, Треповъ, Толстой, Грессеръ, Черевинъ, Побѣдоносцевъ и много еще другихъ цвѣтковъ, съ выдуманными фамиліями для тайныхъ цѣлей...

Покойный мученикъ былъ незабвенный провокаторъ, самодержавный шпіонъ!! Защищая собственность, семейный очагъ, онъ вламывался ночью въ чужія квартиры; ломалъ полы, мебель; рушилъ, стѣны хваталъ невинныхъ сотнями, истязаніями онъ вымучивалъ самообвиненія и получалъ, за исполненіе священнаго долга, щедрыя вознагражденія. Исполняя тотъ же священный долгъ, онъ, какъ чумная зараза, носился по Россіи, сѣя всюду разбой, предательство, разореніе, донось, убійства; вездѣ онъ исполнялъ волю пославшаго его, оставался вѣренъ своему царю... Судейкинъ всѣмъ говорилъ открыто, что онъ настоящій славянофилъ, отъ теоріи перешедшій къ практикѣ... Очень странно, если вскорѣ опера „жизнь за царя“ не будетъ замѣнена новою: „священный долгъ до конца,“ съ Судейкинымъ, вмѣсто Сусанина!

За гробомъ, на бархатныхъ подушкахъ,несли ордена покойнаго; много ихъ получилъ онъ за провокаторство, шпіонство! Но я никакъ не могъ понять, почему, на шитыхъ золотомъ подушкахъ, честная компанія не несла: щипцы, крючья, вальки, набитые пескомъ, розги, вымоченныя въ соли, соленную рыбу и прочіе славные аттрибуты „священнаго долга,“ а сзади ихъ, на черной, бархатной подушкѣ, — желѣзный ломъ, увѣнчавшій зданіе!

Сопровождавшіе гробъ были всѣ, на подборъ, исполнители священнаго долга. Но грустно, что черноблагодарная страна, рано или поздно, воткнетъ осиновый колъ въ ихъ заросшія бурьяномъ могилы и помянетъ ихъ не вполнѣ цензурною рѣчью. Но что за дѣло до будущаго — имъ платитъ превосходно Солитеръ Ш!!...

Госпожѣ Судейкиной царь назначилъ пять тысячъ пенсіона.—Почему то вспомнилась мнѣ госпожа Достоевская, получившая двѣ тысячи пенсіона. Одинъ необузданно перомъ защищалъ царя - папашу, участокъ, мясниковъ Ножовой линіи; другой всѣми членами...

Солитеръ Ш можетъ умереть спокойно: онъ выполнилъ вполнѣ царское, священное, предназначеніе: тайную полицію оздоровилъ; корни всѣ сгноилъ; съ Катковымъ, Толстымъ, Побѣдоносцевымъ, Черевинымъ вполнѣ слился... Мнѣ кажется, что всего этого болѣе

чѣмъ достаточно, чтобы уцѣлѣть въ памяти признательнаго потомства. Колоной его придавить мало, надъ нимъ прійдется воздвигнуть цѣлую пирамиду изъ череповъ...

II

Я уже кончилъ мое вступленіе, какъ совершенно неожиданно, получилъ отъ моего пріятеля письмо; онъ былъ на роковой охотѣ и присутствовалъ на похоронахъ Судейкина. Для большей краткости, представлю случившееся въ картинахъ.

СЦЕНА I. — ОХОТА НА МЕДВѢДЯ.

Сцена изображаетъ небольшой сосновый лѣсъ, окруженный частоколомъ; изъ за каждаго полѣна выглядываетъ ухо шпіона. На полянѣ, около лѣса, Воронцовъ-Дашковъ, Черевинъ, Судейкинъ, Побѣдоносцевъ гладятъ кроткаго, стараго медвѣдя, суютъ ему руки въ пустую пасть и щиплятъ за лапы.

Черевинъ. Ну-ка, Мишенька, вспомни старину, попляши, посаси лапку.

Воронцовъ-Дашковъ. Развѣ ты не видишь, что онъ чахоточный. Когда его сюда тащили, онъ все время кашлялъ; въ лапѣ его столько же жиру, сколько въ Побѣдоносцевѣ (смѣхъ; Побѣдоносцевъ обижается).

Черевинъ. Сколько покойный царь-мученикъ такихъ медвѣдей поперебилъ, это ужасъ! но у него предосторожностей было меньше, чѣмъ у нынѣшняго; спроситъ, бывало: „Увѣренъ ли ты, что онъ беззубый и ручной?“ Отвѣтишь: „головою отвѣчаю. Ваше Величество!“ Ну, на этомъ все и кончается. Нынѣшній, при себѣ, заставитъ ему пасть осмотрѣть, лапы отполировать, и послѣ всего, выпороть велитъ, чтобы узнать, можетъ ли онъ въ ожесточенье впасть, и послѣ двухъ, трехъ недѣль размышленій, на силу рѣшится... И съ кѣмъ только заранѣе не совѣтуется, съ министрами, казаками жандармскими солдатами, со всѣми... Боюсь, чтобы этотъ медвѣдь среди поляны ноги не протянулъ... По моему, лучше бы на домашнюю птицу охотился, а хочешь убить медвѣдя, ступай въ паркъ, тамъ въ

клѣткѣ одинъ на него похожій жирный, мрачный сидитъ; подойди къ рѣшеткѣ: пафъ! пафъ! и набивай чучелу, ставь въ кабинетъ на страхъ врагамъ.

Воронцовъ-Дашковъ. Ахъ, Черевинъ! Черевинъ! Времена прежде другія были: поѣзда царскіе весело, безъ подпрыгиваній, по Россіи разъѣзжали; столовая изъ себя островъ Искію не разыгрывала; бомбы, самыя простыя, въ складахъ покоились. Катался покойный нашъ мученикъ, какъ лимбургскій сыръ въ маслѣ; на медвѣдей охотился, да и женскій полъ изъ виду не упускалъ, (подумавъ) Охъ! охъ! какъ не упускалъ!!...

Побѣдоносцевъ (Судейкину). Вы, сударь, кирпичъ, на васъ мы созиждемъ церковь. Брошюрки Исаакіевскаго собора съ одной стороны, вы съ другой, и жизнь, нѣкоторымъ образомъ, выбитая изъ русла, снова войдетъ въ русло и потечетъ... Не слабѣйте, сударь мой! все кончится болѣе чѣмъ превосходно. Вспомните слова священнаго Евангелія: „возьму ломъ весьма великій, крайне истребительный, поражу чреслы твои...“

Воронцовъ-Дашковъ (нервно). Надоѣлъ! Вмѣсто того, чтобы лѣзть ко всѣмъ съ текстами изъ священнаго писанія, да изъ Ѳомы Кемпійскаго, лучше бы не шалилъ. Просто срамъ! отъ рукъ стало вонять... Какъ это ему позволяютъ держать кормило правленія. Послѣ него это кормило фенеловой кислотой не отмоешь. (Побѣдоносцевъ дѣлаетъ видъ, что не слышитъ.) Ей! вы! (къ почтительно стоящимъ жандармскимъ служителямъ) напойте Мишку водкою и оттащите въ кусты, скоро Его Величество прибудутъ.

(Мишку поятъ водкою и полуживаго тащутъ въ чащу; онъ хрипло дышетъ и по временамъ всхлипываетъ.)

Въ отдаленіи изъ лощины выходитъ, весь обвѣшанный оружіемъ Александръ III. Молодые шпіоны-провокаторы мечутся около него. Всѣ, стоявшіе на полянѣ, съ улыбками, безъ правды, устремляются къ нему на встрѣчу.

Александръ III, (отстраняя рукою рвущихся на опасность шпіоновъ, торжественно говоритъ): „Умоляю

васъ, господа, посторонитесь! Я пойду на медвѣдя одинъ. Флигель-адъютантъ, Висѣльниковъ! запишите всѣхъ этихъ глубоко вѣрныхъ людей, желавшихъ пожертвовать изъ за меня жизнію. (Гордо смотря вдаль.) О злодѣи! вы жестоко ошибаетесь! тронъ Мономаха и шапка еще крѣпки; ай! ай! ай! какъ крѣпки! Если бы вы только могли видѣть, какая безпредѣльная преданность, полная благопожеланій, окружаетъ меня! Каждый изъ нихъ знаетъ, что страшный питомецъ Муромскихъ дремучихъ лѣсовъ можетъ сорвать съ ихъ преданныхъ головъ шкурку и, не смотря на это, всѣ наперерывъ..... ахъ! мерррз..... еслибы вы только могли...

Воронцовъ-Дашковъ. Ваше величество, не накликивайте бѣды.

Александръ III (трясясь). Развѣ ты думаешь, что кто нибудь изъ нихъ могъ проникнуть... Гдѣ нашъ вѣрный Судейкинъ?..... Лучше отложить..... лучше я уже поѣду домой..... Ахъ! Боже мой! что это меня такъ схватываетъ? Увѣрены ли вы въ медвѣдѣ!

Судейкинъ. Ваше Величество! Вѣрный вашъ песъ Судейкинъ около васъ; медвѣдь все тотъ же; боюсь, что его прійдется вытаскивать веревками—онъ лежитъ въ кустахъ пьяный и кажется околѣваетъ.

Александръ III. Пустите! я на него пойду одинъ!... Ты знаешь, Судейкинъ! я вѣдъ нигилистовъ не боюсь, это меня жена допекаетъ; будь я одинъ, я бы ихъ сѣтями ловилъ! Да не только сѣтями... (сконфуженно). Ты такъ всѣмъ говори, что это не я боюсь, а жена. (презрительно). Датчанка, да еще золотушная, со шрамомъ на шеѣ и лысая, въ Даніи всѣ трусы, одинъ собаки храбрыя...

Судейкинъ. Успокойтесь, Ваше Величество! Извольте посмотрѣть, сколько ушей торчитъ изъ за частокола. Стоитъ мнѣ свиснуть, и они всѣ, мгновенно, съ теплой молитвой и улыбкой, умрутъ за Васъ.

Александръ III. Графъ Воронцовъ-Дашковъ! Выдайте спасающему насъ до конца, доброму Судейкину 15 тысячъ изъ моей кассы, предназначенной для священнаго долга. (Судейкинъ благоговѣйно прикладывается къ штанамъ) Довольно! не лижи, ты нынче не то еще заслужилъ!...

Александръ III, прицѣливаясь, по временамъ вздрагивая, начинаетъ тихонько приближаться къ чащѣ; но, вдругъ, изъ нея, не натурально качаясь, выбѣгаетъ огромный черный, какъ будто медвѣдь и, въ то же время, не медвѣдь. Александръ III съ раздирающимъ крикомъ: „караулъ! рѣжутъ! бьютъ! охъ, матушки!“ бросается на утекъ, нелѣпое безобразно жирное туловище, колышется отъ задышки. Очумѣвшіе отъ страха шпіоны несутся, быстрѣе вихря, впереди. Медвѣдь, поднявшись на ноги, спѣшитъ за Александромъ III, догоняетъ, вырываетъ у него ружье и... выстрѣливаетъ. Александръ III колоссальнымъ клубкомъ скатывается въ лощину.

Медвѣдь (потрясая ружьемъ). Ага! Митрофанъ! помогли тебѣ прятки! Подожди, не то еще будетъ! это первое предостереженіе, полная ликвидація впереди! (Опираясь на ружье съ презрительнымъ хохотомъ удаляется въ чащу.) Шпіоны, стоящіе за частоколомъ, не осмѣливаются шевельнуть ухомъ, не получивъ на то точныхъ приказаній.

СЦЕНА II. — ПОХОРОНЫ СУДЕЙКИНА

Грессеръ (Черевину, указывая на осыпанный цвѣтами гробъ) Вотъ и служи, а что толку! А на дняхъ Побѣдоносцевъ на немъ церковь воздвигалъ! Нечего сказать, ловко стукнули.

Министръ Толстой (про себя). Ничего не понимаю и не хочу понимать!... По тюремнымъ дворамъ вѣшали безъ малѣйшихъ формальностей; частныхъ квартиръ не щадили; сентиментальностей, иллюзій, утопій строжайше не допускали... Ничего не понимаю!... Я всегда говорилъ, что университеты въ благоустроенномъ государствѣ, уважающемъ свое прошедшее, не могутъ быть терпимы. Есть Пажескій корпусъ для генеральскихъ дѣтей, высшія школы благородныхъ урядниковъ и лицей Каткова, для народныхъ массъ, и за глаза довольно !..... Буквально ничего не понимаю !...

Побѣдоносцевъ (Трепову). Да, сударь мой! Покойникъ замѣчательно выполнилъ священный долгъ до конца безъ, фразъ, похвальбы; не устыдился, съ веселіемъ, веліимъ принялъ вѣнецъ Христовъ. Вспомните 48-й томъ Ѳомы Кемпійскаго слова: „возьму чресла своя...“

Треповъ (прерывая съ сердцемъ). Будь онъ проклятъ вашъ Ѳомка, стану я на него время нужное для правленья тратить. Я старый раненый служака, и привыкъ разсуждать по военному. Ему желѣзнымъ ломомъ въ отхожемъ мѣстѣ голову раскокошили, а вы,—извините, —какъ баба съ писанною торбою: „священный долгъ! священный долгъ! до конца“ Разсуждать легко, а вы извольте войти въ его теперешнее положеніе... Пуля, носимая мною во чревѣ, милостивый государь, даетъ мнѣ право рѣзать правду матку по военному; банальными фразами сыпать не трудно-съ. Мы поступаемъ на службу царскую не за тѣмъ, чтобы животы пулями набивать, а за тѣмъ, чтобы получать оклады и чины-съ. Вѣдь это-съ только одни нигилисты на смерть напрашиваются и за жалованіемъ не гонятся... Желаю вамъ отъ всей души испытать участь покойника, и не забывайте, что вы совсѣмъ въ другихъ условіяхъ находитесь: вы своею плотью не дорожите, почти разбрасываете ее...

Побѣдоносцевъ. Благодарю васъ, ваше превосходительство! Нечего сказать, хорошую участь пожелали! и на какомъ основаніи вы позволили, сударь мой, намекать на дешевизну плоти? Мало ли сплетень носится! Это все Лорись Меликовъ, увлекаясь якобы либерализмомъ, распускаетъ всюду; скоро честному человѣку нельзя будетъ выйти на улицу..... Я, кажется, еще ни при комъ.....

Треповъ. Я вовсе не на это намекалъ.

Студентъ (другому — тихо декламируетъ)

„Сколько низкихъ рокъ ищадитъ,
„Живъ презрительный Терситъ.“

Таинственное лицо (привязываясь). А позвольте узнать, молодой человѣкъ, въ какомъ это вы смыслѣ изволили этотъ стихъ произнести? И къ чему аллегорія ваша принадлежитъ?? (Не дожидаясь отвѣта, киваетъ.... жандармы волокутъ студентовъ, тепло поощряя холоднымъ оружіемъ.)

Муравьевъ (пылко флигель-адъютанту Висѣльникову, указывая на гробъ). Полюбуйтесь на результаты святой открытой дѣятельности; вотъ что ожидаетъ вполнѣ преданныхъ людей! Посмотрите на это дитя участка,

какое вопросительное недоумѣніе выражаетъ это нѣсколько поврежденное лицо; оно какъ будто спрашиваетъ: „За что? я только спасалъ!...“ Нѣсколько дней назадъ я видѣлъ покойнаго, онъ былъ близокъ душѣ моей; Боже! сколько свѣжести, молодцеватости, какая масса русской души была въ немъ! перспективы передъ нимъ развертывались поразительныя... и, вдругъ, трахъ! и все исчезло, подобно сонному видѣнію! Мученикъ мнѣ часто говаривалъ: „это вы, Муравьевъ, все натворили своимъ прокурорствомъ милостивымъ, скорымъ; компромисами съ Желябовымъ, Рысаковымъ, Гесей Гельфманъ, Михайловымъ, Перовской. Если бы, вмѣсто глаженій по головкѣ да поощреній, вы ихъ тотчасъ же намъ на руки передали, давно бы жандармы съ маслиночными вѣтвями по улицамъ разгуливали. Это въ васъ все лжелиберализмъ, да западничество поговариваютъ!...“ Взгляните, дорогой Висѣльниковъ, на вѣнокъ! какою голубиною нѣжностью дышутъ эти незамысловатыя слова: „Исполнившему священный долгъ до конца“ именно до конца, даже можно сказать далѣе. Посмотрите, какіе потоки слезъ исторгаютъ онѣ изъ глазъ нисшихъ чиновъ полиціи! Такая надпись можетъ многихъ упорядочить, и кто знаетъ, можетъ быть, нѣкоторые, увидѣвъ ее, позавидуютъ покойному, пожелаютъ замѣстить его, конечно, съ тѣмъ же окладомъ. Да, Висѣльниковъ, эта надпись имѣетъ въ себѣ много обновляющаго, высоко нравственнаго, призывнаго отрезвляющаго; она блестящимъ метеоромъ пронесется по Россіи и самыя черствыя сердца забьются готовностью. Давайте намъ почаще, побольше такихъ фразъ! и Россія воспрянетъ, какъ одинъ человѣкъ. (Опомнившись.) A propos, неужели намъ даже, послѣ этого происшествія не прибавятъ жалованья?

Висѣльниковъ. Всенепремѣнно. Я понимаю священный долгъ, хотя и не до конца, но если, по мѣрѣ, его возростанія, не будетъ въ геометрической пропорціи возростать вознагражденіе за оный, то вашъ священный долгъ — чортъ его дери! — становится... (ищетъ выраженіе).

Палачъ Фроловъ (въ нетрезвомъ видѣ, повидимому многое спутываетъ). Отчего вы мнѣ его не передали?.. Вотъ ужо какъ бы постарался (плачетъ), я то же самое

священнщщтенный ддолгъ, до ккконнца, а ккакое мое жалованье? (Съ негодованіемъ сплевываетъ).

Побѣдоносцевъ. Да-съ, принялъ вѣнецъ Христовъ, сподобился; безъ фразъ, похвальбы; съ веселіемъ великимъ...

Фроловъ (вглядываясь въ Побѣдоносцева). Ты чего тутъ, кказуля завинчиваешься? какое твое занятіе при дворѣ?

Побѣдоносцевъ. Если бы не ваши заслуги, сударь, передъ родиною, я тотчасъ же велѣлъ бы взять васъ.

Фроловъ. Врррешь ядрило! руки коротки. Я царь самый настоящщій, я мигилистовъ наказываю!!!

Муравьевъ. Нашъ всѣми уважаемый коллега эксцентричный Фроловъ, повидимому, смѣшиваетъ исполнительную власть съ законодательной.—

Суворинъ (газетчику Буквѣ). Ну, батенька! до того дошли, что намъ (бія въ пустыя перси,) намъ не довѣряютъ! Вы, говорятъ, своею преданностью одни только смуты сѣете и трезвонъ распространяете! Вы въ хвалебную оду, и въ ту умудритесь жало скорпіоново впустить. Васъ всѣхъ, господа, нужно де на веревочкахъ водить, да время отъ времени хлыстикомъ не забывать...

Буква. Все равно, всѣ знаютъ! да еще какъ знаютъ!!...

Суворинъ. Ну, батенька, какая у меня залихватская статейка была заготовлена на этотъ случай, почище Аксакова! (декламируетъ) Гдѣ мы?... Кого мы?... Какъ мы? За что мы??... И мы еще живы!? И солнце свѣтитъ и луна свѣтитъ!?

Буква. Ахъ, довольно! у меня точно такая же лежитъ уже четыре года въ бюро, разъ десять ее въ ходъ пускалъ.

Суворинъ. Сдѣлаютъ то, что публика съ вопросами къ подпольной прессѣ обратится.

Буква. Да она и безъ того уже давно къ подпольной обращается. (Показывая на гробъ.) Ловко улапошили! а давно ли мы крамолу отпѣвали, землю на ея могилкѣ ногами утаптывали, святою водою проклятое мѣсто кропили. (шопотомъ) Вѣдь это покойный три года спасалъ, вѣдь это на немъ надежда опочивала, и,

вдругъ, самъ игрушечкой махенькой въ ихъ рукахъ оказался !...

Суворинъ (тревожно оглядываясь). Говорите, батенка, потише.

Князь Мещерскій (издатель „Гражданина“, про себя.) Нужно попросту около всѣхъ домовъ стражу поставить и никого не выпускать, пусть консервами питаются, пока образумятся. Учебныя заведенія пусть мнѣ передадутъ (загадочно улыбаясь). Я буду къ себѣ мальчиковъ въ отпускъ брать... и тотчасъ же отдамъ приказъ дѣтей за невинныя амуры не преслѣдовать... Катковъ, Толстой ничего не могутъ сказать противъ этихъ дѣтскихъ увлеченій, онѣ освящены греческою, римскою цивилизаціями; самъ его Величество Неронъ, публично, всемилостивѣйше удостоили, нѣкоторыхъ выдающихся своими тѣлесными формами.

Я прямо скажу государю... Ваше величество, бросьте Побѣдоносцева и обратитесь, къ освященной вѣками педерастіи, она одна въ состояніи спасти васъ и обожаемое отечество; только съ ея помощью мы въ состояніи будемъ отвлечь страстную молодежь отъ нигилистической заразы; всѣ полумѣры не ведутъ ни къ чему.

Дама легкаю поведенія. Не стыдно вамъ у насъ хлѣбъ отбивать!

Воронцовъ - Дашковъ (про себя). Какого чорта они носятся съ покойнымъ! не даромъ же онъ служилъ, вѣдь онъ одинъ всю кассу, предназначенную для священнаго долга, вычистилъ.

Рабочій (товарищу, указывая на нѣкоторыхъ). Говорятъ, они, сукины дѣти, уже приговоръ свой получили.....

Январь, 84.

Чрезвычайный Совѣтъ

На президентскомъ креслѣ возсѣдаетъ Александръ III, вокругъ стола — министръ Толстой, князь Мещерскій, Черевинъ, палачъ Фроловъ, Катковъ, Воронцовъ-Дашковъ, Побѣдоносцевъ, мудрый старецъ вслѣдствіе долгаго служенія въ III отдѣленіи, утерявшій свою фамилію.

Александръ. — Вы, навѣрное, уже слышали, господа, о той легкой непріятности, которую мнѣ причинилъ, столь часто воспѣваемый либеральными поэтами, нашъ снѣгъ? Насколько мнѣ помнится, въ сводѣ премудрыхъ русскихъ законовъ нѣтъ статьи, опираясь на которую, можно было бы преслѣдовать снѣгъ. Я не говорю о томъ снѣгѣ, который встрѣчается на тротуарахъ, который обязательно долженъ быть счищаемъ, я подразумѣваю примитивный, разстилающійся пеленою по нашему государству и который полицейскому вѣдомству не вполнѣ принадлежитъ. Такъ какъ снѣгъ въ послѣдней формѣ преслѣдуемъ быть не можетъ, то мнѣ кажется, не мѣшало бы что нибудь твердое, неожиданное предпринять противъ татей, т. е. крамольниковъ и общества, бездѣйственно взирающаго на безпорядки и которое еще на дняхъ, выйдя изъ области благодарственныхъ молебновъ и адресовъ, рѣшилось, не смотря на полное молчаніе нашей преданной прессы, разсуждать по домамъ о *пораненіяхъ* и прочихъ, не подлежащихъ частному обсужденію, казусахъ.

Толстой. — (взволнованный со слезами). Ваше величество! Вожделенная эра наступила; снѣгъ взываетъ къ намъ, указуетъ настоящій путь! Пора, Ваше Вели-

чество, исполнить пламенное желаніе вашего народа; спизойдти къ его слезнымъ мольбамъ!... Скажу прямо: верните крѣпостное, чудное право; черкните, Ваше Величество, и тотчасъ же горячая молитва, подобно фиміаму, вознесется за васъ изъ хижины обожающаго васъ крестьянина, изъ уютнаго помѣщенія городскаго рабочаго, изъ барскихъ палатъ и комфортабельныхъ помѣщеній купечества!... Устала земля русская отъ анархіи; о покоѣ молитъ она. Давно, давно нашъ славный мужичекъ желаетъ вернуться къ старымъ помѣщикамъ на нагрѣтое мѣстечко! Опостылѣли ему своеволіе, бездѣльничество, пьянство, бродяжничество, шатаніе мысли, гнусная злодѣйская пропаганда! Лучшіе патріоты, надежнѣйшіе охранители престола давно съ упованіемъ взирали на истинно русскую политику. Время богатыхъ и великихъ милостей наступило!!... Ликующая нація живо перевяжетъ всѣхъ крамольниковъ и, съ играми, плясками, доставитъ для расправы, а легко можетъ быть, что, войдя въ справедливую роль карающей Немизиды, обезобразитъ гнусные члены ихъ, по дорогѣ, докажетъ, что порывъ народа — порывъ божій, кулакъ народа — кулакъ божій.

Александръ Ш. — (растроганный). Ахъ! какъ хорошо вы говорите, Дмитрій Андреевичъ! Какъ справедливо! Чувствую, что скоро прійдется отринуть лжелиберальныя выходки моего любезнаго родителя и объединиться съ дорогою отчизною! Благодарю, графъ! Пусть только снѣгъ еще разъ!!!

Князь Мещерскій (издатель газеты „Хамъ“). Ваше Величество! Только презрѣнные, тоскующіе по лунѣ утописты и лакеи запада, гнусные либералишки, могутъ находить, что новое закрѣпощеніе народа несвоевременно. Идея освобожденія крестьянъ — идея вполнѣ отжившая, сурово осужденная новѣйшею практикою, и политическою экономіей; за три года вашего царствованія страна очнулась, отрезвѣла; перезвонъ либеральныхъ колокольцевъ не забавляетъ ее болѣе; идеалы неизмѣримо болѣе широкіе побѣдоносно вышли на историческую сцену. Государственный соціализмъ, только что народившійся, подобно Гераклу, удавилъ въ своей колыбели змѣй зависти, онъ смѣнилъ разнузданныя, либеральныя похоти, превратилъ въ дымъ анархическія

бредни, сдѣлалъ ихъ всеобщимъ посмѣшищемъ; самые яростные адепты анархіи сознали себя побѣжденными. Пора отъ шаблонныхъ, скроенныхъ по западному образцу фразишекъ, перейти къ настоящему дѣлу: промыванію, заливанію корней!... Но ... но ... гмъ ... не нужно забывать, что на очереди стоятъ и другія неотлагаемыя реформы. Публичное наказаніе плетьми, клейменіе должны быть возобновлены тотчасъ же; священныя народныя преданія взываютъ къ престолу!!... Русскій простолюдинъ любитъ розгу, тоскуетъ по ней; въ часы поэтическаго досуга, подъ шумъ веретена, мечтаетъ о ней!... Простолюдинъ никогда не забывалъ и не забудетъ, что Господь нашъ Христосъ, нераздѣльный членъ святой Тройцы, то есть самъ Богъ, замѣтьте это, принялъ довольно сильное наказаніе на тѣлѣ и, кромѣ этого, получилъ оплеуху отъ полицейскаго урядника. Если вся святая тройца — такъ какъ отдѣлить отъ нея Христа было бы святотатствомъ — выдержала наказаніе на тѣлѣ и заушеніе почти съ удовольствіемъ, признательностью, то долгъ каждаго истиннаго русскаго добиваться оныхъ. Но... но... гмъ... Всего этого недостаточно, чтобы навсегда и окончательно спасти наполовину сгнившее общество, нужно прибѣгнуть къ средству, которое я неустанно пропагандировалъ перомъ и наглядымъ примѣромъ; вы, конечно, догадываетесь, что я хочу сказать о невинно гонимой педера...

Александръ III. — Довольно Мещерскій! Это вашъ конекъ, и вы не можете, кажется, пожаловаться, что мы васъ стѣсняемъ. Рѣчь ваша, князь, заслуживаетъ глубокаго обсужденія со всѣхъ сторонъ, спереди, и сзади...

Палачъ Фроловъ. — (въ нетрезвомъ видѣ). Какъ! мменя къ помѣщику возвращщать!... Баста! не хочу вѣшать!... Самъ ввѣшай!!

Александръ III. — Выведите господина Фролова.

Фроловъ. — (въ дверяхъ). Подожди! будешь просить, да поздно!...

Черевинъ. — Ваше Величество! Я беру на себя смѣлость умолять васъ вернуть вполнѣ вашу благосклонность къ учрежденію, которое оказало нашему любезному отечеству неизчислимыя услуги; исторія, а съ нею всѣ вѣрноподданные, не забудутъ этого учрежденія; порфироносцы обязаны были ему своимъ покоемъ; ска-

жу болѣе: они опочивали подъ тѣнью его, какъ подъ бѣлоснѣжнымъ крыломъ ангела хранителя. Учрежденіе это утирало слезы вдовицамъ, не требуя ни денежныхъ вознагражденій, ни натурою... Многихъ молодыхъ людей оно ласкою, терпѣніемъ, а иногда и пролитіемъ слезъ, заставило образумиться, вспомнить священный долгъ, присягу. Это учрежденіе, не знающее ни сна, ни покоя, держащее глазъ своей вѣчно открытымъ, и ухо въ высшей степени напряженнымъ, поощряло неустанно исскуства, торговлю, литературу. Графъ Бекендорфъ толкалъ впередъ, уберегая отъ увлеченій, нашего талантливаго Пушкина. Генералъ Дуббельтъ, прослышавъ о матеріальныхъ нуждахъ критика Бѣлинскаго и его письмѣ къ Гоголю, пожелалъ предложить ему даровое помѣщеніе и пищу въ укромной кельѣ, но, увы! милости пришли поздно: критикъ лежалъ на смертномъ одрѣ. Это учрежденіе, никѣмъ не стѣсняемое, подобно рогу изобилія, сыпало добро всюду; оно было диктатурою, да! но диктатурою архангельскаго сердца! Незадолго передъ мученическою кончиною, во многомъ ошибавшійся, подразумѣваю освобожденіе крестьянъ, новые суды и проч., родитель Вашъ отнялъ у этого тихаго пристанища отъ всѣхъ политическихъ скорбей, присвоенное ему и укрѣпленное за нимъ Цѣпнымъ мостомъ наименованіе III-го отдѣленія... Оно, 50 лѣтъ державшее высоко стягъ доноса и распепеленія политическихъ страстей, скажу прямо — не заслуживало этого!! Названіе III отдѣленіе принадлежитъ намъ, государь, оно наше русское, душевное, родное, и самъ всемогущій богъ не въ состояніи его отнять. Оно освящено мученическою смертью шефа жандармовъ Мезенцева, говоря высокимъ слогомъ, опрыскано его живоносною кровью; дымовыя трубы III отдѣленія обвиты его терновымъ вѣнцомъ. Это учрежденіе не должно скрываться, подобно злодѣю подъ псевдонимомъ; оно обязано гордо возстать передъ изумленными націями и воскликнуть: „Вотъ и я, голубчики!“

Александръ III. — Ваше требованіе больше чѣмъ свято, и оно будетъ исполнено. Но не могу не замѣтить вамъ, что языкъ вашъ — врагъ вашъ! Вы допустили въ вашей смѣлой вдохновенной рѣчи выраженія не только фривольныя, но и зажигательныя, какъ напри-

мѣръ: цивилизація, покровительство литераторамъ и пр. будьте очень и очень осторожны!!

Палачъ Фроловъ. — (изъ за дверей). Мменя ссѣчь! Мменя по мордѣ бить! Шшалишь!...

Воронцовъ-Дашковъ. — Прошу уволить, Ваше Величество, отъ высказываній программъ; мои очень сложныя обязанности при случныхъ конюшняхъ слишкомъ отвлекаютъ меня отъ политики, считаю себя лицомъ некомпетентнымъ; скажу одно: говорильню презиралъ, презираю, буду презирать; розги, крѣпостное право одобряю. Если же, Вашему Величеству, понадобится хорошая маститая кобыла, Вамъ стоитъ только свиснуть, и старый Воронцовъ-Дашковъ къ вашимъ услугамъ.

Александръ III и присутствующіе. — Браво! браво! хватъ!...

Катковъ. — Ваше Величество! Польская справа подняла свою голову; измѣна кишитъ всюду; быстрыя, рѣшительныя мѣры болѣе чѣмъ необходимы. Крѣпостное право, розги, религія однѣ въ состояніи спасти, держущуюся на волоскѣ, отъ гибели страну. Старые суды, способные слѣпо исполнять велѣнія, предначертанія власти, должны быть возвращены. Нужно вѣшать, вѣшать и вѣшать! Ссылать, ссылать и ссылать! Въ тюрьмахъ, при допросѣ, отнюдь не стѣсняться; но при этомъ неоходимо не женировать преданную Вамъ, государь, администрацію излишними, безсмысленными въ благоустроенномъ государствѣ формальностями, соображеніями съ законами. Право ссылки должно быть распространено на исправниковъ, становыхъ, околодочныхъ, урядниковъ. Газеты, журналы необходимо свести на минимумъ; самыя разнузданныя государства, наконецъ, поняли весь страшный вредъ не подчиненной жандармеріи и вообще тайной полиціи, печати. Газеты, журналы обязаны или служить безпрекословно правительству или провалиться ко всѣмъ чертямъ! Всякая полумѣра поведетъ къ возбужденію польскаго ржонда, помованію кровавыхъ дланёй, кознямъ враговъ. Нѣкоторые писатели, давно перешедшіе предѣлы разумной благопристойности, какъ напр. Щедринъ, Михайловскій, и пр. должны быть непремѣнно препровождены въ мѣста полярныя, поближе къ злодѣямъ, защитниками которыхъ они являлись въ своихъ аллегорическихъ стать-

яхъ. Нашему почтеннѣйшему Аксакову не мѣшаетъ вытереть болѣе чѣмъ неопрятный носъ, посовѣтовать хвостомъ не юлить, поскорѣе позабыть двусмысленность и выдохшееся пустозвонство, въ случаѣ же фордыбачанія, сослать въ деревню на поправленіе. Нечего и прибавлять, что университеты нужно уничтожить, какъ разсадники и оранжереи крамолы; самыя необузданныя государства уже сознали ихъ непригодность.

Александръ III. — Ваши слова, Михаилъ Никифоровичъ, замѣчательно справедливы! Мы повелѣваемъ вамъ отнынѣ носить на себѣ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника. (Катковъ бросается цѣловать руку и чуть не опрокидываетъ Александра III).

Александръ III. — Finissez Michel, finissez!

Побѣдоносцевъ. — Ваше Величество! Школъ не нужно; кафедра Исаакіевскаго собора напоитъ живою водою всѣхъ томящихся въ знойной пустынѣ... Господь нашъ Христосъ не умѣлъ читать, а подавно писать, это однако не помѣшало ему сдѣлаться Богомъ. Ѳома Кемпійскій на 1834 стр. XXXV тома ясно говоритъ, что если бы создатель вселенной вздумалъ обучаться чтенію и письму у мѣстнаго дьячка, онъ тѣмъ бы окончательно подорвалъ свое божественное происхожденіе и божественную проповѣдь, онѣ утеряли бы свойственный имъ специфическій запахъ. Евреи весьма любили чеснокъ, христіанская религія вслѣдствіи этого...

Палачъ Фроловъ. — Врешь, кказуля!

Александръ III. — Оттащите неисправимаго Фролова на кухню и дайте ему штофъ водки (къ Побѣдоносцеву) продолжай, я люблю, когда ты говоришь.

Побѣдоносцевъ. — Послѣ тѣхъ словъ, которыя позволилъ нашъ коллега, я не въ силахъ продолжать; мнѣ кажется, что высокія заслуги все таки не даютъ ему правъ...

Катковъ. — Я всегда говорилъ, нѣтъ правъ безъ обязанностей и обязанностей безъ правъ!!

Александръ III. — Совсѣмъ забылъ, нельзя бы намъ, господа, свободную Гельвецію немножечко... (дѣлаетъ рукою, какъ бы сгребаетъ).

Мудрый Старецъ. — Ваше Величество! Помомнитѣ слова согбеннаго старца, затерявшаго въ III отдѣленіи свою фамилію, не торопитесь!... Гельвеція укрываетъ не однихъ святотатственныхъ злодѣевъ, но иногда и особъ весьма, весьма помазанныхъ... Могутъ наступить дни великой скорби: тамъ гдѣ высится нынѣ престолъ царскій, можетъ возвыситься другое приспособленіе, столь мрачное, что языкъ мой отказывается наименовать оное и слеза, невольно, катится изъ старческихъ глазъ. Въ тѣ дни возмечутся, возплачутъ многіе и, бія въ перси, со скрежетомъ, скажутъ домамъ: „обрушитесь на насъ!“ трактирнымъ заведеніямъ: „покройте насъ!“ Въ тѣ дни несказаннаго шатанья мысли и смятенія, многіе будутъ стараться проникнуть за предѣлы весьма взволнованнаго царства, и крамольная Гельвеція раскроетъ имъ свои братскія объятія, банки ея примутъ, съ весельемъ великимъ, злато бѣжавшихъ и даже въ назначенное время будутъ уплачиватъ надлежащіе небольшіе проценты (плачетъ).

Черная меланхолія охватываетъ собраніе; многіе жмутъ старцу руки и обнимаютъ. Александръ III сконфуженный молчитъ.

ДУША НА РАСПАШКУ

Роскошный кабинетъ. Два очень значительныхъ лица бесѣдуютъ Послѣ шампанскаго разговоръ одушевляется.

Значительное лицо № 1. — Нужно насъ формально принимать за зобастыхъ кретиновъ, чтобы на секунду предположить, что мы всю эту трагикомедію сурьезно разыгрываемъ. Мы знаемъ лучше другихъ, что нашъ Помазанникъ — всеобщій позоръ, всесвѣтное посмѣшище, всероссійское разореніе! Что онъ шутъ, ванька встанька, фарфоровый божекъ! Не хуже другихъ видимъ, что онъ не только себя, семью (будь они прокляты!), но и насъ, нашихъ дѣтей, весь сытый классъ толкаетъ на гибель, подъ ножъ. Но что же вы хотите, — онъ, какъ хлѣбъ, намъ нуженъ!

Значительное лицо № 2. — Слишкомъ сухое выраженіе... скорѣе какъ трюфели, шампанское, устрицы!

№ 1. — Дѣйствительно, я не точно выразился. Онъ

нуженъ намъ, какъ облигація. Мы оборачиваемъ его въ нашихъ рукахъ, какъ попы Господа Бога, и наживаемъ на немъ сказочные капиталы. Не одна земля, фабричные продукты, физическія силы природы составляютъ цѣнность; глупость, повальное безуміе, невѣжество, раболѣпіе тоже колоссальныя цѣнности! Нашъ самодержавный вождь собралъ въ себѣ, какъ въ громадномъ фокусѣ, всѣ эти разбросанныя цѣнности, объединилъ ихъ собою и поэтому онъ, въ нѣкоторомъ родѣ, цѣлое Гуано. Цѣна этому безвольному идіоту ломанный грошъ, и, не смотря на это, мы всѣ на немъ фантастически обогащаемся. Богъ совсѣмъ ничто, безвоздушное пространство, а сколько милліардовъ нажили на немъ черные пройдохи!

№ 2. — Но не нужно забывать, что нашъ капиталъ „Земной Богъ“ идетъ съ удручающею быстротою къ полному, безповоротному банкротству.

№ 1. — Совершенно справедливо! Поэтому и нужно спѣшить впередъ забрать съ него проценты; не нынче-завтра его кишки взлетятъ на небеса и нужно быть на готовѣ; нужно во время запастись чеками, а когда наши милліоны очутятся въ Лондонскомъ банкѣ, заснутъ тамъ „сномъ силы и покоя, какъ боги спятъ въ глубокихъ небесахъ“, можно будетъ державному вождю и въ физіономію плюнуть! (хохочетъ). Будь я увѣренъ, что при новыхъ порядкахъ я могу тѣ же оклады получать, я бы первый ему (дѣлаетъ рукою, какъ будто затягиваетъ туго петлю) на манеръ, какъ его гатчинскому прадѣду, курносому чухонцу на шею устроили. (подумавъ), Есть же простаки, которые увѣряютъ, что Побѣдоносцевъ, благодаря шалостямъ, сталъ фанатикомъ и искреннимъ мракобѣсцемъ, какъ бы не такъ! Да это самый отпѣтый плутяга, который самаго Николая Павловича Игнатьева въ карманъ штановъ запрячетъ! Онъ всѣ тексты святаго евангелія давнымъ давно въ перлы превратилъ; всѣ-съ пятьдесятъ томовъ Ѳомы Кемпійскаго на сотенныя размѣнялъ; за каждую строчку по нѣсколько рублей выручилъ! Явись передъ нимъ, ежечасно поминаемый имъ, Іисусъ, — между нами говоря, весьма невинный — онъ и ему бы тотчасъ же петлю на шею накинулъ, вѣшать поволокъ! Спросъ на религію при дворѣ большой, вотъ онъ въ гору и лѣзетъ!

Мы съ вами всегда пренебрегали религіей и потеряли! Хитрый притворщикъ оказался дальновиднѣе: задолго до спроса онъ началъ Ѳому Кемпійскаго переводить, въ постѣ, молитвѣ къ пресвѣтлому, богатому будущему приготовляться. Нынче, не защищая религіи, семейства, собственности, шагу ступить нельзя, помышлять грабить невозможно! Рукоблудіе у него съ одной стороны, карманоблудіе съ другой! Еще годикъ священнымъ помазаніемъ, святымъ евангеліемъ поторгуетъ, и вотъ увидите, что послѣ новой катастрофы, богатѣйшимъ землевладѣльцемъ окажется и начнетъ о дворянской эрѣ мечтать. Что же касается до кабаковъ, то они, какъ храмы божьи, начнутъ выростать на его землицѣ родной. Повѣрьте мнѣ, чѣмъ болѣе хамъ неистовствуетъ въ усердіи, послѣднюю сволочь изъ себя съ сладенькими гримасами разыгрываетъ, тѣмъ онъ лютѣе, прожорливѣе становится. Многіе думаютъ, что въ нашихъ сферахъ всѣ задешево клейменными подлецами дѣлаются, вздоръ! Мы не газетчики! У насъ есть положеніе въ обществѣ, состояніе: изъ за пустяковъ мы мерзостную возню не подымемъ!

№ 2. — Знаете ли, режимъ нашъ — не режимъ, а цаца! степное великолѣпіе, раздолье! Министры, министерства, явныя и тайныя полиціи, канцеляріи ни передъ богомъ, ни передъ людьми не отвѣтственны; бюджетъ валяй по вдохновенію; налогами не стѣсняйся; бумаженки цѣнныя печатай и выпускай безъ цензуры! Прессы нѣтъ, суда нѣтъ. Вѣдь если вздумаешь на меня жаловаться, долженъ мнѣ жалобу подать! Запускай руки на право, на лѣво! Митрофана вѣчно пьянаго спасай, себя не забывай! А главное, смотри на всѣхъ неподвижными глазами, какъ самъ Юпитеръ, грабь, улыбаясь... Что же касается до простачковъ, сохранившихъ совѣсть, то въ нашъ grand monde они не допущены; они находятся подъ присмотромъ полиціи; двери тюрьмъ широко раскрыты для нихъ: „милости просимъ, честные люди, хлѣба, соли откушать!“ Желябобы, Сухановы у насъ — враги человѣчества; Судейкины, Цитовичи, Катковы, Мещерскіе — друзья человѣчества!! (нервно хохочетъ).

№ 1. — Оглянитесь кругомъ и скажите, развѣ кто нибудь изъ нашихъ защитниковъ балокъ, стропилъ, вѣ-

ритъ въ „пупъ земной“, не понимаетъ, что всѣ ихъ программы далѣе изреченій, „звѣзда отъ звѣзды разнствуетъ“, уши выше лба не ростутъ“, не пойдутъ, не могутъ пойти. Главные защитники основъ нашего Августѣйшаго ежечасно безъ штановъ видятъ; его дремучую глупость, невѣжество, мракобѣсіе изъ первыхъ рукъ принимаютъ; они имъ, какъ мячикомъ забавляются; въ рукахъ его мнутъ, какъ тѣсто, а подчасъ, шарики изъ него катаютъ, и вы хотите, чтобы они на самомъ дѣлѣ его „мы божіей милостью“ считали. Были времена, когда многіе при дворѣ искренно холопствомъ увлекались, но это прошло, быліемъ поросло. Взгляните на міръ кругомъ, вникните въ то, что творится, и у васъ сердце сожмется за будущее; все на насъ пошло: печатный станокъ, явный, тайный, паръ, электричество!!...

№ 2. — Помните, какъ мы съ вами потѣшались, когда приходилось манифестъ выпускать? Какъ теперь помню: „Богу было угодно призвать насъ на прародительскій престолъ (хохочетъ). Все у насъ отъ Бога: и царь и бомбы! Покушеніе не удастся, кричатъ: „благое провидѣніе отстранило злодѣйскую руку отъ священной головы помазанника Божья!“ Выпустятъ кишки, какъ барану, среди столицы, въ самый разгаръ дня, еще громче вопятъ: „Смиримся передъ неисповѣдимыми судьбами провидѣнія!“ Если все отъ провидѣнія и если „смиримся“, то и вѣшать не за что! Пусть неисповѣдимое провидѣніе вздергиваютъ!

№ 1. — A propos, помните, вы говорили, что провокаторъ, предатель Судейкинъ хватъ, что онъ въ два, три года милліончикъ накрадетъ, затѣмъ, почіетъ на розахъ, тамъ, „гдѣ подъ скалами дремлятъ воды“. Я всегда утверждалъ, что онъ дикая, свирѣпая скотина. Онъ, жалкій смертный, съ безсмерпыми связался! Хотѣлъ свинцовымъ лбомъ небо расколотить; весь человѣческій прогрессъ, жизнь возрождающуюся въ клоповникъ запрятать, предполагалъ, что они тамъ оклиматизируются! Онъ, умница, воображалъ, что околодочный, разъ онъ расторопенъ, можетъ, очень легко, настоящую и будушую революціи за шиворотъ словить и въ полицію представить. Ну, и получилъ орденъ подвязки на голову!

№ 2. — Что ни говорите, а мы нашего „сына неба“ будемъ на биржѣ поддерживать, во славу нашему карману; на смѣхъ врагамъ. Въ случаѣ же, если террористы ему пинка дадутъ, и тронъ его прародительскій въ отхожее мѣсто вышвырнутъ, тогда мы поспѣшно сбросимъ съ себя наши арлекинскіе наряды, дворцовые дурацкіе колпаки съ бубенчиками и явимся въ обновленномъ, человѣческомъ видѣ. Ахъ! если бы нашъ богды-ханъ зналъ про наши настоящія чувства, онъ насъ бы живьемъ съѣлъ.

№ 1. — И подавился бы! Куда ему, уроду, угадывать, онъ попросту полѣно! Кто его первый взялъ, тотъ и капралъ! Это всегда было съ нашими чухоно Романовыми. Вспомните Аракчеева, писалъ: „поэту и впаришъ“ (поѣду въ Парижъ) и, не смотря на это, онъ провиденціяльнымъ, благословеннымъ, за участіе въ убійствѣ отца, Александромъ I какъ болванчикомъ игралъ! Какъ бы ни былъ глупъ куртизанъ, царь всегда глупѣе; схватить его въ руки трудно и не трудно, все зависитъ отъ самыхъ наинелѣпѣйшихъ случайностей, карточныхъ передержекъ... (подумавъ) Однако, знаете, на сей вечеръ довольно! (весело) поболтаемъ о другомъ...

(*Занавѣсъ опускается*

Январь, 1884 г.

Семейный совѣтъ

I.

Дѣйствующія лица: Александръ III, Побѣдоносцевъ, Черевинъ, Воронцовъ-Дашковъ, Мещерскій, палачъ Фроловъ, министръ Толстой. Мудрый старецъ, отъ долгаго служенія въ III отдѣленіи, утерявшій настоящую фамилію.

Побѣдоносцевъ. Господа! вникнемъ безъ либеральныхъ подтасовокъ въ простыя, въ то же время, вѣчно юныя изреченія Спасителя міра: „Имѣющій уши, да слышитъ“, „рабъ, неисполнившій волю господина своего, біенъ будетъ весьма много“, Этими двумя глубокочеловѣчными божественными изреченіями исчерпываются, съ одной стороны, всѣ обязанности меньшей братіи, съ другой—начальства. Іисусъ, обращаясь къ народамъ, говоритъ: „Ушами, милые мои, зря не хлопайте, прислушивайтесь и начальству доносите“, затѣмъ, обращаясь къ начальству, строго повелѣваетъ: „неисполнившаго волю вашу бейте очень много“, Неужели же, милостивые государи мои, правительственныя власти и преданныя имъ жандармеріи стали бы поддерживать впродолженіе 16-ти вѣковъ христіанскую религію, если бы на днѣ ея не опочивали, выше приведенныя мною изреченія? Создатель всѣхъ міровъ, былъ основательно битъ по щекамъ, сильно наказанъ на тѣлѣ и повѣшенъ грязною чернью за то, что твердилъ ей: „начальству не грубите, крамолъ не затѣвайте; когда, взимая подати, съ васъ снимутъ верхнюю одежду, не дожидайтесь новыхъ приказаній, стаскивайте живо нижнюю; оставшимся голымъ тѣломъ не дорожите; щеки, съ привѣтливой улыбкой,

подъ оплеухи подставляйте; богатыхъ любите, чтите, всѣмъ угождайте; никому не завидуйте, и награда вамъ будетъ за то на небесахъ...“ Утопіи, наглыя выходки, часто встрѣчающіяся въ евангеліи, навязаны Богу нашему неистовыми крамольниками всѣхъ вѣковъ и націй. Правительства, выводимыя изъ терпѣнія пошлыми толкованіями, не разъ вооружась прутьями, жаровнями, кострами, тюрьмами, старались образумить свои народы, выяснить имъ настоящій, кроткій смыслъ евангелія. Мы, съ гордостью, можемъ сказать, что только одни служители нашей православной церкви, во всѣ времена, стояли на высотѣ призванія, высоко держали знамя доноса. Лучшіе ораторы нашей церкви, мощи которыхъ нынѣ сподоблены силой творить чудеса, всегда, угождая начальству, защищали крѣпостное право, висѣлицы, наказаніе плетьми, клейменіе порохомъ... (съ улыбочкой). Не мѣшало бы вновь испеченнаго, изъ Долгохамовническаго переулка, евангелиста Льва Толстого, немножечко познакомить съ келейкой Соловецкаго монастыря, чтобы онъ лжетолкованья не выдумывалъ и вмѣсто пресловутыхъ критикъ евангелій, покрѣпче защищалъ бы престолъ, царя, пожалуй даже, отечество, но только не какое-нибудь особенное, съ фантазіями, а настоящее, истинное...

Черевинъ. Ваше Величество, прежде чѣмъ прибѣгнуть къ энергическимъ мѣрамъ, испробуемъ еще разъ любимыя Вами гуманныя, умиротворяющія. Не оскудѣетъ рука царская отъ щедротъ и не оскудѣетъ русская душа признательностью, преданностью. Ваше Величество! упраздникъ не одни университеты, но и высшія, среднія, низшія школы; не забудемъ такъ же лже-филантропическія, скроенныя по чуждому, шаблонному образцу, больницы, пріюты, вспомогательныя кассы и пр. и на развалинахъ ихъ воздвигнемъ просторные, спасительные, очищающіе атмосферу отъ революціонныхъ микробовъ, полицейскіе участки и озирательные пункты, на подобіе Эйфелевой башни, съ снопами электрическихъ лучей... Пора окунуться — какъ говаривалъ покойный другъ нашъ, Ѳедя Достоевскій — въ море-океанъ народной жизни, поплававъ, понырявъ въ немъ, мы выйдемъ на берегъ отрезвленные, полные упованій въ чертовски славное грядущее; оно, можетъ быть, достиг-

нуто тотчасъ же, если мы перестанемъ насиловать народную жизнь, перестанемъ бѣшено издѣваться надъ святымъ прошлымъ народа, его завѣтными преданіями. Намъ необходимо, не откладывая секунды, водворить въ каждой квартирѣ, большой и малой — полицейскій чинъ; болѣе достойныхъ, вѣрныхъ пошлемъ въ дома богатые, обильные; менѣе достойныхъ, склонныхъ къ разврату, алкоолизму — въ квартиры бѣдныхъ, къ убогимъ, одинокимъ постояльцамъ. Квартира, столъ должны быть отъ обывателей, кромѣ этого, они, по мѣрѣ силъ, должны выдавать спасителямъ общества деньги на средняго качества табакъ, прочную обувь, грубое, но крѣпкое нижнее бѣлье; верхняя одежда — казенная. Тотчасъ же, по введеніи этой, неснившейся міру, реформы, весь ландшафтъ русской жизни, мгновенно, измѣнится; мракъ смѣнится незакатывающимся солнцемъ, бурьянъ — лиліями. Въ мѣстахъ, гдѣ прежде гнѣздились крамолы, бунты, лже-либеральныя похоти, правовыя безстыдства, безумныя посягательства на русскую исторію, расцвѣтутъ: смиреномудріе, послушаніе, самоотверженная, порывистая преданность, готовность лечь костьми за обожаемаго и истинный, залихватскій патріотизмъ... Гдѣ прежде коварно постукивала тайная типографія, тамъ зашумитъ словолитня и новая типографская машина, всероссійскихъ „Полицейскихъ Вѣдомостей“, съ новымъ редакторомъ Михаиломъ Никифоровымъ Катковымъ. На мѣстѣ, гдѣ таились лабораторіи, приготовлялись яды и адскія орудія разрушенія, будутъ перевязываться свѣженькіе пучки розогъ для отступившихъ отъ священнаго долга; Фаланстеріи, Аркадіи, Икаріи водворятся по всей Россіи-матушкѣ, безъ смутъ, насилій, кровопролитій, воплей толпы голодной, словомъ, безъ революцій. Геніальный Аракчеевъ, военными поселеньями открывшій намъ путь, радостно воспрыгнетъ въ своемъ гробу. Опишу безъ прикрасъ будущій день обывателя. Въ шесть часовъ утра, полицейскій чинъ набожно встаетъ и будитъ домашнихъ. Всѣ просыпаются съ радостными, почтительными улыбками и выходятъ пить чай, съ теплыми калачами Филиппова. Передъ чаемъ чинъ творитъ молитву за августѣйшій домъ, съ перечисленіемъ всѣхъ членовъ царскаго дома по именамъ и отчествамъ, обиліе именъ должно вызывать

непритворное умиленіе, близкое къ пролитію слезъ, затѣмъ, всякому дается право разсказать сонъ, но безъ заднихъ мыслей, безъ привираній. За чаемъ прочитываются свѣжія, еще пачкающія руки „Полицейскія Вѣдомости. Послѣ чая, нисшій чинъ, если есть дѣти, обучаетъ ихъ грамотѣ, письму, при чемъ, тутъ же, высказываетъ кой-какія нравоученія, въ строго каѳолическомъ духѣ, взрослымъ; такимъ образомъ, безъ вышвыриванья десятковъ милліоновъ, вся Россія познаетъ полезную грамоту, и весь остальной міръ, полный стыда, склонится, сознавъ свою отсталость и заносчивость... Къ всеобщей радости сольются, наковецъ, навсегда безпредѣльная преданность и благожелательная грамотность, и престолъ, и кафолическая церковь воспарятъ надъ ними. Въ 12 часовъ завтракъ сытный, съ солененькимъ, но безъ излишествъ. Первый выпиваетъ довольно таки большую рюмку водки и закусываетъ полицейскій чинъ; за нимъ, не спѣша, не толкаясь, семейство. Передъ пищею, конечно, молитва за августѣйшій домъ, съ перечисленіемъ всѣхъ именъ. Послѣ завтрака, если погода благопріятствуетъ, всѣ, подъ присмотромъ, отправляются погулять; по дорогѣ полицейскій чинъ знакомитъ малютокъ и взрослыхъ съ монументами, храмами, часовнями; объясняетъ ихъ настоящій смыслъ; въ случаѣ всеобщаго уныній, имѣетъ право разсказать нѣсколько веселыхъ, молодецкихъ анекдотовъ изъ жизни отличившихся, особенно при ночныхъ натискахъ на частныя квартиры, жандармскихъ полковниковъ. Молитвенно настроенные, всѣ возвращаются домой и сотворивъ молитву за августѣйшій домъ, съ перечисленіемъ именъ, садятся обѣдать. Послѣ обѣда, около поэтично шумящаго самоварчика, всѣ должны постараться помечтать о своемъ обожаемомъ державномъ порфипроносцѣ, послѣ чего нисшій чинъ, съ чувствомъ прочитываетъ проповѣдь Исаакіевскаго собора, дѣлая отъ себя комментаріи въ крайне древнемъ духѣ; въ 9 часовъ вечера, сотворивъ молитву за высочайшій домъ, съ перечисленіемъ именъ, вплоть до великой княгини Анны Павловны, всѣ расходятся почивать. Прощаясь съ полицейскимъ чиномъ, старшіе обязаны облобызать его, младшіе — поцѣловать у него руку. Когда всѣ уляжутся, нисшій чинъ обходитъ мужскую и женскую половины, загля-

дываетъ ко всѣмъ подъ одѣяла, подъ рубашки, подушки, затѣмъ, весьма тщательно, не спѣша осматриваетъ платья, утварь, шкафы, комоды, сундуки, денежныя кассы. Удостовѣрившись во всеобщей безукоризненной благонадежности, онъ благоговѣйно затепливаетъ лампаду у кивота и удалившись въ свою комнату, по телефону докладываетъ въ центральное бюро Охраны: „Обыватель, восхищенный проведеннымъ днемъ, благонамѣренно спитъ, сны его вполнѣ преданные, безпредѣльная готовность лечь костьми продолжается, отечество въ полной безопасности.“ Нечего прибавлять, что въ воскресные и праздничные дни нижній чинъ долженъ водить ввѣренное ему семейство въ близь лежащій храмъ, и по окончаніи литургіи, обязанъ не забывать отслужить панихиду по „исполнившимъ священный долгъ до конца„; деньги за панихиду уплачиваетъ семейство, слезы, а въ иныхъ случаяхъ, какъ бы сердечныя стенанья, для всѣхъ обязательны.

Палачъ Фроловъ (плачетъ). Папынку своего я прирѣзалъ, мамынку прирѣзалъ, сосѣдей обокралъ и черезъ эфто въ домъ воротиться не могу; чѣмъ же я таперича буду пропитываться, когда мигилистовъ не будетъ? Тебѣ, Черевинъ, хорошо балакать, ты все, что хошь захапываешь.

Александръ III. Успокойтесь добрый, честный Фроловъ, мы никогда не рѣшимся отнять у васъ нашу благосклонность и вѣрноподданическое пропитаніе; мы будемъ непремѣнно вѣшать каждый годъ нѣсколькихъ молодыхъ людей и дѣвушекъ; конечно, не за вину, но для примѣра, предупрежденія, чтобы не позабыть. Нѣтъ сомнѣнія, что выборъ сначала падетъ на близкихъ родственниковъ прежнихъ крамольниковъ, затѣмъ на знакомыхъ, сосѣдей, товарищей по заведенію и такъ далѣе.

Князь Мещерскій. Мнѣ кажется страннымъ, что нашъ, всѣми уважаемый Цицеронъ III отдѣленія, генералъ Черевинъ упустилъ изъ виду обновляющую недерастію; онъ игнорируетъ одинъ изъ могучихъ рычаговъ новѣйшей цивилизаціи; потребность счастья, наслажденья никогда не умретъ въ человѣкѣ, и мудрые властители не должны убивать занятія, превращающія земную жизнь въ сплошной Магометовъ рай. Турція, Персія

давно бросились бы въ объятія правовому порядку и заразились бы западническими иллюзіями, если бы среди нихъ, широко, не практиковалась моя политическая программа, то есть турецкія бани, съ приспособленіями.

Фроловъ. Хотя, ты Ящерицкій, и князь, я тебѣ скажу, что ты не дѣло говоришь, а если хочешь вазіатничать, банями командовать, то въ ножки поклонись ихъ Величеству и попроси, они тебѣ все примѣрно устроятъ.

Побѣдоносцевъ, Князь забылъ, что не всѣ могутъ побороть застѣнчивость, робость, скромность, тогда какъ занятіе уединенное, вполнѣ самостоятельное, независимое, оригинальное, кромѣ того, оно располагаетъ къ молитвенности, литіямъ, всенощнымъ бдѣніямъ, проскомидіямъ; всѣ настоящіе святые, до одного, сильно занимались...

Фроловъ. Нѣтъ, ты не юли! безъ влегорій, скажи, чему ты хочешь его Величество обучить.

Треповъ. Мнѣ кажется, что нашъ Демосфенъ-Черевинъ упустилъ изъ виду, что если даже день обывателя, имъ такъ горячо, образно описанный, вполнѣ осуществится, то и тогда, мнѣ кажется, не мѣшаетъ, изрѣдка, посѣкать ввѣренныя нисшимъ чинамъ семейства; морализирующее свойство розги мнѣ хорошо извѣстно; обыватели, получая свою порцію, держали бы чувства свои вѣчно на сторожѣ. Практикуй, покойный Государь въ широкихъ размѣрахъ мою политическую программу, общество взирало бы иначе на розги, и печальное происшествіе, случившееся со мною, могу смѣло сказать, было бы немыслимо. Все въ привычкѣ!

Воронцовъ-Дашковъ. Розги генерала Трепова признаю; передъ поэтомъ Черевинымъ и его полицейскимъ шапку снимаю, турецкія бани князя Мещерскаго съ приспособленьями для нѣжныхъ страстей, въ рѣдкихъ случаяхъ, ввидѣ разнообразія, признаю, но скажу прямо, какъ отецъ семейства, признающій священный очагъ и какъ шефъ случныхъ царскихъ конюшенъ, рѣзко протестую противъ музыкальныхъ наигрываній, прокурора святѣйшаго синода, Побѣдоносцева. Это чертъ знаетъ, что такое... (обращаясь къ Побѣдоносцеву). Стыдно-съ! стыдно! По рукамъ нужно сѣчь! Вы не

мальчишка, сударь мой, а статсъ-секретарь. Вы и такъ ни фигурой, ни физіономіей не вышли, вы трехъ-жильный, на васъ смотрѣть тошно!...

Министръ Толстой. Ваше Величество! Лирикъ, генералъ Черевинъ, въ своей прочувствованной рѣчи, умилившей всѣхъ, коснулся только одной стороны русской жизни, а именно столицъ, городовъ, но его ясновидящій взоръ не проникъ въ село, въ деревню. Нашъ славный мужичекъ, послѣ водворенія крѣпостного права, непремѣнно, затоскуетъ по урядникамъ; день его будетъ печаленъ, ночь грустна. Народъ, Ваше Величество, сросся съ урядниками всѣми фибрами своего незатѣйливаго существованія; ангелъ хранитель нашихъ деревень необходимъ ему, какъ свадебныя пѣсни, игры, пиры, какъ иллюзія; вырвать изъ народной среды, вооруженнаго огнестрѣльнымъ оружіемъ, плеткою, охраняющаго отъ террористовъ урядника, другими словами: вынудить народную революцію! Не пройдетъ нѣсколько мѣсяцевъ, и польская справа подыметъ снова свою кровавую голову. Не изгонять ихъ нужно, но число ихъ въ сто разъ пріумножить, и тогда только миръ сойдетъ на хижину поселянина, на квартиру рабочаго!

Александръ III. Дмитрій Андреевичъ! (обиженно). Ваша боязнь за участь урядниковъ непонятна; мы велѣли увеличить ихъ число и наконецъ, скоро начнутъ орудовать во всю, мною не стѣснямые, земскіе начальники. Настоящая порка впереди...

Мудрый старецъ. Милостивые государи мои! Свободная Гельвеція, защищаемая мною въ прошломъ собраніи, плѣняетъ всѣхъ не одною предосудительною свободою, но и безчисленными, завладѣвшими не только низменностями, но и снѣжными высотами гостинницами-горными прогулками, коровами, съ звенящими колокольчиками, пастушками, за небольшую плату отъ гостинницъ, какъ бы по призванью, наигрывающими на рогѣ, и умѣренными на все цѣнами. Чужеземцамъ она разрѣшаетъ читать, писать, говорить, и что страннѣе всего, — печатать, что вздумается... Мирно отдыхаетъ въ ней черный крамольникъ, полный адскихъ замысловъ, но иногда и пресвѣтлый помазанный, полный архангельскихъ замысловъ.., Сыны Гельвеціи не строптивы, не задорны: распѣвая вольныя пѣсни, во

многихъ странахъ запрещенныя, они весело фабрикуютъ часы, шкатулочки съ музыкой, которыя, нерѣдко наигрываютъ, рядомъ съ гимномъ „Вильгельмъ-Теллю," гимнъ „Боже царя храни", „пѣснь Камаринскую" и много другихъ мелодій, сердцу нашему любезныхъ. Гельвеційскіе плебеи выше шкатулочекъ съ музыкой рѣдко подымаются. Воздвигли они, точно, повсюду памятникъ Вильгельмъ-Теллю, но въ оправданіе ихъ сказать можно, что любятъ они цареубійцъ только мраморныхъ, бронзовыхъ, вырѣзанныхъ изъ дерева, въ плоть же облеченныхъ, премного опасаются. Телля искупили они, воздвигнувъ въ Люцернѣ умирающаго въ пещерѣ льва, въ честь вѣрныхъ дворцовыхъ прислужниковъ, защищавшихъ самодержца Людовика Капета противъ крамольнаго народа, чѣмъ и вызвали градъ насмѣшекъ со стороны нашихъ святотатцевъ, утверждавшихъ, что ободранная, съ обрубленнымъ хвостомъ собака, шла бы неизмѣримо болѣе, къ запечатлѣнію подобнаго подвига. Страна долги свои выплачиваетъ аккуратно, безъ вывиливаній, грубостей; съ путешественниковъ, за снѣжныя вершины, каскады, пропасти, обвалы, проходы, переходы и выходы, взимаетъ дани незначительныя и вѣжливо.

Но рядомъ съ благонравной, весьма практической Гельвеціей, растилается другая страна, многолюдная, несмѣтно богатая, съ главнымъ городомъ Вавилонскою блудницею; похвалить, одобрить ее, государи мои, не за что; изрыгаетъ она денно и нощно хулы ярыя, громкія, характера петрольнаго; грозитъ неустанно небесамъ, высшему начальству и полиціи; ея вольтеріанскія насмѣшки, хулы, утопіи по міру разносятся, эхомъ всюду перекатываются; вѣрныя націи, слушая ихъ, соблазняются, сотрясаются, разслабляются. Страна сія, съ восторгомъ принимаетъ нашихъ татей; кадитъ ѳиміамомъ, почести воздаетъ цареубійцамъ и обѣщаетъ, напередъ, всѣхъ лицъ, болѣе или менѣе коронованныхъ, нечаянно довѣрившихся, ей въ будущемъ угостить гильотиною. Въ публичныхъ, многолюдныхъ собраніяхъ ораторы, при неистовыхъ аплодисментахъ, милостивыхъ царей, королей поносятъ монстрами, къ истребленію ихъ мѣры предлагаютъ разнообразныя, уму непостижимыя, крайне разрывающія. Сытые классы — вполнѣ

пріятные, умѣренные, ловко богатѣющіе — зовутъ грабителями, храмъ Божій — домомъ умалишенныхъ, служителей алтаря — черными тараканами, дѣтоубійцами, лавочниками, шеромыжниками.

Альфонсъ, но не то, что вы думаете,*) самъ король Альфонсъ былъ встрѣченъ ими свистками, уськаньями, сквернословіемъ, дикими пѣснями, насмѣшками великими. Кто можетъ поручиться, государи мои, что, скользя по гибельному пути, они скоро дойдутъ до того, что всякаго монарха, пожелавшаго посѣтить Парижъ, съ цѣлями не политическими,но болѣе къ кокотскому вопросу и гастрономіи относящимися, будутъ встрѣчать тухлыми яйцами въ смятку и проросшимъ картофелемъ.

Вмѣшательство ихъ въ дѣла наши чрезвычайно; когда нашъ гуманный Государь, въ семъ собраніи присутствующій, волнуемый отеческими чувствами, пожелалъ капельку повѣсить беременную, они не только въ Парижѣ, но и въ торговой Марсели, смастерили по поводу сему манифестацію столь разрушительную, что представитель нашъ опасался за жизнь свою, и въ ночь, послѣдовавшую за поношеньемъ, заплеваньемъ орла двуглаваго, за манифестаціей, видѣлъ себя висящимъ на фонарѣ, и дригающимъ во славу своего Государя... Взываетъ къ тебѣ, Государь, народъ, тебя обожающій и нація сосѣдняя, нѣмецкая, разрази страну латинскую, закидай ее шапками мерлушечьими, осѣдлай блудницу вавилонскую; закуй ее въ цѣпи тяжелыя, вдѣнь кольцо въ ноздри, пламень съ сѣрнымъ дымомъ изрыгающія! Гремятъ всюду, эхомъ перекатываются рѣчи ея окаянныя, святотатственныя, буйныя, петрольныя, динамитныя, разжигающія, распаляющія, взрывающія!!

Александръ III. Дайте намъ капельку финансами пособраться... Но вы забыли, старецъ, коварный Альбіонъ, онъ не только принимаетъ татей, но и дерзостно резонируетъ при этомъ; не мѣшаетъ гордому британцу носъ немножечко... мухи въ немъ ужъ очень завелись...

Мудрый старецъ. Ваше Величество! не торопитесь! Великобританецъ, наполнившій товарами всѣ рынки

*) Во Франціи человѣка живущаго на содержаніи у публичной женщины или у богатой старухи, называютъ Альфонсомъ.

вселенной, носитъ съ собою два бумажныхъ платка: одинъ для собственнаго употребленія, другой — для всѣхъ покушающихся на носъ его. Кто скорѣе кому носъ повредитъ, одному вседержителю извѣстно.

Александръ III (читаетъ по тетрадкѣ). Прежде чѣмъ закрыть собраніе, можно сказать кипящее самыми потрясающими реформами, я долженъ поблагодарить васъ, господа! Не безъ удовольствія мы замѣчаемъ, что наши неутомимыя стремленія, ко всеобщему благу, все болѣе, болѣе расширяются; политическія программы крѣпнутъ и округляются; даже слѣпорожденные начинаютъ понимать нашу правоспособность. Мы представляемъ собою лучшій изъ парламентовъ, лучшую изъ республикъ. Лакёйство передъ западомъ проходитъ, перезвонъ западныхъ колокольцовъ замолкаетъ, выступаетъ истинно русское дѣло, безъ шаблонныхъ фразъ, церемоній; историческія традиціи начинаютъ потрясать стягомъ; невольно вспоминаются слова великаго внутренняго политика нашего, Миши Каткова: „Посторонитесь, господа, правительство идетъ!!“

Январь, 84 г.

Интимный совѣтъ

Дѣйствующія лица: Александръ III, Побѣдоносцевъ, Толстой, Катковъ, палачъ Фроловъ, Черевинъ, генералъ Висѣльниковъ, князь Мещерскій и Жаждущій отпрыскъ древней фамиліи.

Александръ III. — Позвольте вамъ, господа, представить князя, безтрепетной политики, потерявшаго окончательно способность конфузиться передъ прѣлымъ западомъ. Продолжительное царствованіе моего лжелиберальнаго родителя, его безпрестанныя, странныя, освободительныя выходки разслабили васъ, господа! и даже въ вашихъ твердѣйшихъ головахъ породили нѣкоторое шатанье и даже плесканье мысли. Вы конфузитесь выложить на блюдо, съ хлѣбомъ и солью, ваши вполнѣ русскія, безпримѣсныя, восторженныя души. Скажу откровенно: съ нѣкоторыхъ поръ, меня начинаютъ раздражать, часто пускаемыя вами въ ходъ и не идущія къ истинному дѣлу, слѣдующія, немножко припахивающія динамитомъ, фразишки: „упорядоченіе“, „возрожденіе“, „воздыманіе“, „единеніе“, „средостѣніе“, „промываніе“, „обливаніе корпей“, „прочищеніе“, „оздоровленіе“. „эра“, „цивилизація“, „мирный прогрессъ“, „преданное преуспѣваніе“, „народная политика“, „обожаемая нація“, „страстотерпцы“ и проч. Вся эта дребедень, скроенная по чуждому образцу, указываетъ всѣмъ, что мы какъ бы боимся обходиться безъ нея и что намъ необходимо соображаться съ нею.

Не смотря на всю вашу уже испытанную способность, ложиться костьми по всякому даже самому незначительному поводу, вы не въ состояніи вполнѣ отрѣшиться отъ пресловутыхъ идей, истлѣвшаго въ огнѣ анархіи, запада. Парижскіе кафе-шантаны, рестораны, театры, цирки, гризетки, кокотки, словомъ, такъ называемое общественное мнѣніе тяготѣетъ надъ вами! Рядомъ съ отрывками изъ оперы: „Жизнь за царя“ и заупокойными молитвами по Судейкину, вы, подчасъ, машинально насвистываете: „Allons enfants de la patrie“.

(Общее слезное волненіе и возгласы: „Обижаете, Ваше Величество! Не заслужили! Если такъ, то лучше умереть!“). Прошу не обижаться за игру словъ! Этимъ ужаснымъ сопоставленіемъ я хотѣлъ, сразу, образумить васъ, однимъ мановеніемъ обнаружить передъ вами адскую пропасть, въ которую вы стремглавъ летите. Скажу словами священной библіи: „запахъ тука мнѣ пріятенъ“, вольный же душокъ весьма и весьма противенъ, я его не терплю даже на кухнѣ, всегда приказываю хорошенько все прррожжаривать! Князь безтрепетной, восточной политики развернетъ передъ вами, съ свойстенной ему непреклонностью, яркой рѣзкостью, папирусъ; на немъ начертана клинообразными письменами вся наша внутренняя политика; что же касается до внѣшней, до Мерва и проч., то не скрою отъ васъ, что надѣюсь у англичанъ Мервъ вымѣнять на Гартмана. Всѣ наши будущія героическія завоеванія, натиски будутъ заключать въ себѣ тотъ же практическій смыслъ, тѣ же виды. Ваше обожаніе, господа, статья для васъ очень выгодная, всякій, желающій себѣ всѣхъ земныхъ благъ, отнынѣ долженъ служить земному богу на чистоту, безъ вывиливаній хвостомъ ... я хочу сказать, языкомъ, впрочемъ, это все равно! Богъ, лишивъ насъ хвоста, одарилъ языкомъ, которымъ гораздо легче вилять и заметать, въ случаѣ надобности, слѣдъ. (строго) Повелѣваемъ слово „отечество“ болѣе не упоминать ни въ писаніяхъ, ни въ частныхъ разговорахъ! Переступившаго нашу монаршью волю, будемъ строжайше преслѣдовать, какъ за стремленіе къ раздвоенію ввѣренной намъ богомъ власти. Остаюсь къ вамъ не вполнѣ благосклоннымъ. Вашъ земной богъ Александръ III. Годъ отъ сотворенія міра 7392-й.

Жаждущій отпрыскъ древней фамилии. — Милостивые государи! Я имѣлъ удовольствіе узнать все, что говорилось въ прошломъ собраніи людьми, захватившими кормило. Но, признаюсь вамъ, недоумѣніе, смѣшанное съ меланхоліей, охватили мою преданную престолу, дворянскую душу; престолъ не мыслимъ безъ вполнѣ русскаго дворянства, и вполнѣ русское дворянство безъ престола; потребность отрѣзать настоящую русскую правду-матку накипала во мнѣ; вѣтры, или вѣрнѣе пары, замѣчательно скоплялись во внутренно-

сти, взывая о выходѣ; древне дворянскій зудъ въ ладоняхъ, уступкахъ и прочихъ суставахъ безпокоилъ меня днемъ и ночью; даже наша матушка очищенная не помогала. Скажу прямо, господа: маски долой! и предстанемъ передъ потрясеннымъ міромъ во всей ядреной, свободной отъ всѣхъ западныхъ предразсудковъ, азіатской наготѣ, какъ православная Русь насъ на свѣтъ родила; лопухъ не нуженъ, такъ какъ мы не намѣрены прикасаться къ древу познанія добра. Долой гражданскія тоги и подбитыя вѣтромъ правовыя поддевки.

Его Величество поручили мнѣ указать на нѣкоторыя ваши изреченія, могущія повлечь за собою соблазнительныя толкованія, а можетъ быть и внутреннюю измѣну. Не будемъ, господа, играть на руку польской справѣ! Графъ Толстой въ прошломъ собраніи лицемѣрно произнесъ: „обожающій, славный мужичекъ сгораетъ желаніемъ вернутья на нагрѣтое, старое мѣстечко, къ вѣрнымъ помѣщикамъ, и помѣщики, получивъ позволеніе, тотчасъ же, подобно насѣдкамъ, соберутъ своихъ малыхъ птенцовъ подъ крылья“. Чортъ дери хамовъ! Хотятъ ли они или не хотятъ, главное нужно знать: на сколько новое закрѣпощеніе можетъ спасти насъ, дворянъ и нужный намъ августѣйшій домъ. Не самодержецъ существуетъ для отечества, а отечество для самодержца. Иначе лицемѣрною фразою становятся, печатающіеся жирнымъ шрифтомъ во всѣхъ манифестахъ: *царь и вверенное ему отечество*. Будь отечество поважнѣе, оно фигурировало бы первымъ. Отечество, попросту, извѣстное количество на все готовыхъ послушныхъ вѣрноподданныхъ. Далѣе графъ позволилъ себѣ сказать: „незлобивые благоденствующіе поселяне всѣми фибрами своего незатѣйливаго существованія связаны съ разбитными, игривыми урядниками; они нужны народу, какъ игры, пляски, святочные разсказы, серенады; если же отнять ихъ, польскій народовый ржондъ воспрянетъ, помовая кровавыми дланями“. Связаны ли они фибрами или бичевками, намъ наплевать! Вся суть въ томъ, что защитники царя и помѣщиковъ урядники, лупсуя нагайками нашихъ деревенскихъ чушечекъ полосатыхъ, носясь по ихъ хатамъ, подобно сѣверному борею, вывѣтриваютъ крамольныя сѣмена, сапожища-

ми вытаптываютъ молодые, нигилистическіе ростки. Доносчики заполонили страну; полицейскіе и жандармскіе служители рушатъ частныя квартиры; въ гробъ сводятъ не только молодыхъ людей, но и ихъ слабонервныхъ матерей и отцовъ. — Тѣмъ лучше! они спасаютъ, нужный дворянамъ, высочайшій домъ державнаго вождя земли русской.

Генералъ Черевинъ художественно изобразилъ идиллическій день городскаго обывателя, разъ въ нѣдрахъ его засядетъ нисшій полицейскій чинъ. Идиллія ли наступитъ, или каторга, это все равно! Главное: спасеніе нашего порфироноснаго самодержца. Генералъ Треповъ, носящій терпѣливо пулю Вѣры Засуличъ въ чревѣ своемъ, умоляетъ посѣкать обывателей, чтобы не забывали страхъ Господень... Милостивые государи! страхъ Господень, отдѣльно взятый, представляетъ интересъ вялый и весьма сомнительный; религія, служители алтаря нужны намъ только какъ подспорье къ висѣлицамъ, тюрьмамъ, каторгамъ, бичеваньямъ. Страхъ Господень получаетъ смыслъ, какъ этапъ, какъ пріуготовленіе къ страху передъ государемъ. Мы поощряли, безконечно преданную намъ каѳедру Исаакіевскаго собора, но когда дворянинъ Левъ Толстой пожелалъ опозорить свое сословіе сочиненіемъ о христіанствѣ и вздумалъ Іисусу навязывать западную, шаблонную морал., мы, тотчасъ же, прихлопнули его книгу и на этомъ, конечно, дѣло не остановится... Князь Мещерскій, осмѣлившійся, ни къ селу, ни къ городу, назвать свою газетку „Гражданиномъ“, предлагаетъ всесословныя оплеухи, плети съ тройнымъ наконечникомъ, турецкія бани, услащаемыя педерастіей; прокуроръ святѣйшаго синода — не какое нибудь, а вполнѣ русское, настоящее евангеліе и онанизмъ въ обширныхъ размѣрахъ. Мы можемъ смѣло пустить въ ходъ ихъ реформы и политическіе идеалы, такъ какъ они отвлекаютъ отъ крамолы и несомнѣнно укрѣпляютъ восточное самодержавіе и рабски ему покорное православіе. Не понимаю, къ чему князь Мещерскій, настаивая на плеткѣ съ ремешками, привелъ въ примѣръ, высѣченную градоначальникомъ Пилатомъ, въ Палестинѣ, божественную троицу. Палестинское полицейское управленіе дѣйство-

вало по принятымъ обычаямъ и — намъ не указъ! Градоправитель Пилатъ и наказанный на тѣлѣ богъ— сами по себѣ, а Его Величество и мы — сами по себѣ! У нихъ тамъ Іуда удавился, а у насъ Іудушки, по окончаніи своихъ занятій, катаются, какъ лимбургскій сыръ въ маслѣ. Судейкинъ, грустной памяти, пріялъ мученическій вѣнецъ въ нужникѣ только потому, что слишкомъ похвалялся и къ диктаторству рвался. Вѣдь это, господа, выходитъ, что если бы нашего бога, сына и святого духа — три едино суть — не поподчивали за утопіи розочками, то и намъ сѣчь нельзя; это-съ извиненіями припахиваетъ: „де не у насъ однихъ, а 1870 лѣтъ назадъ и самъ создатель вселенной не избѣгъ!“

Въ прошлыхъ собраніяхъ часто на вѣтеръ бросалась двусмысленная фраза: „это нужно для спасенія гибнущей страны“. Пусть гибнетъ ко всѣмъ чертямъ! А бы былъ живъ нашъ августѣйшій, подати своевременно уплачивались. и мы, дворяне, блаженствовали. (въ бурномъ экстазѣ) Будемъ, господа, твердо, послѣдовательно, безъ лжерумянца на щекахъ, драть, бббить, хлестать на право и на лѣво! Мы будемъ этимъ отстрачивать трагическій финалъ, послѣднее крушенье.

Превратимъ нашу армію въ сыщиковъ, убійцъ, холодныхъ палачей, и всю Россію въ III отдѣленіе и полицейскій участокъ. Пустимъ въ ходъ для политическихъ откровенный застѣнокъ, публичныя казни, съ раскаленными щипцами, колесованіями, заливаніемъ свинца въ раны! Будемъ дѣйствовать по христіански!! Газеты въ тартаррары; книги на растопку; писателей на необгонимой тройкѣ всѣхъ въ Сибирь!.. За малѣйшій вольный писк, будемъ спускать со стула подъ полъ, въ зданіи у Цѣпного моста; (сладко) дамочекъ, дѣвочекъ первыхъ (съ ржаньемъ) кальсончики долой, долой, долой!

Вспомните, милостивые государи, что мы страшная сила; за нами историческія традиціи, вѣковыя рабство и невѣжество; за нашею спиною лазурныя жандармеріи, тайныя и явныя полиціи, съ ножами за пазухой, и слѣпо покорная, готовая на всевозможныя убійства, многочисленная армія! Мы выпускаемъ манифесты, валяемъ законы; подъ нами покорно ползаетъ вся Россія,

и, такъ называемая, интеллигенція ждетъ съ трепетомъ только свистка Его Величества!

Рано или поздно вы прійдете ко всему, мною предложенному. Путь, удостоенный его Величествомъ, неизбѣжно ведетъ въ памѣченную мною страну обѣтованную, беззаботную. У насъ абсолютно нѣтъ выхода! Сохранять права царскія, дворянскія и расширять права гражданскія нельзя въ одно и то же время; одинъ элементъ фатально разлагаетъ въ себѣ другой; смѣло плюньте въ рожу тому мудрецу-подлецу, который вздумаетъ доказывать возможность примиренія этихъ на смерть враждующихъ сторонъ. Не будемъ долѣе плодить недоразумѣній, отталкивать отъ себя, своимъ трусливымъ фразерствомъ, на все готовыхъ людей. Зловредное вліяніе не укроетъ, не спасетъ насъ. Скажемъ всему міру, разъ навсегда: „Намъ, для снасенія необходимаго русскимъ православнымъ дворянамъ восточнаго помазанника, нужны не правовые граждане, но безправные бараны.“ Вся наша внутренняя политика будетъ заключаться въ стремленіи, какъ можно скорѣе свершить всероссійскую метаморфозу; предки его Величества выгладили, вымели розгами и утромбовали нашъ путь. Либеральныя похоти, самыя невинныя, маленькія какъ зерно горчичное, неумолимо ведутъ самодержца, и насъ дворянъ къ медленному самопожиранію, отреченію, угасанію. Помазанный, высочайшій домъ начнетъ тихо разрушаться; сначала щекатурка, затѣмъ трубы, крыша, потолки, полы, балки, водосточныя трубы и, наконецъ, отхожія мѣста; не успѣемъ огляну ться, какъ все пойдетъ прахомъ, и на вычищенномъ, священномъ мѣстѣ, гордо, вознесется святотатственная говорильня! Тамъ, гдѣ возбуждая восторженное „ура“, гремѣли царскія рѣчи: „благодарю молодцы!... Гдѣ воспитывался? гдѣ орденъ получилъ?“ Тамъ зашипятъ змѣиныя рѣчи петролейщиковъ. Гдѣ возносился, превыше небесъ, опушенный собольимъ мѣхомъ, колпакъ Мономаховъ, тамъ запунцовѣетъ, вздѣтый дерзновенно на бекрень, колпакъ фригійскій... Но главное, не нужно забывать, что малѣйшимъ послабленіемъ, тотчасъ же, воспользуются тати и, немедленно, весьма недурно, разыграютъ первый актъ драматической пьесы, прологъ которой, не смотря на театральную цензуру, былъ сыг-

ранъ 1-го Марта 1881 г. Господа эти держутся строго принциповъ; въ намѣченную ими программу, по самой сущности ея, прощеніе войти не можетъ: дѣло у нихъ идетъ не о лицахъ...

Путь, мною предложенный, открываетъ совсѣмъ другіе свѣтозарные горизонты. Передъ моими очарованными очами встаютъ анфилады дворцовъ ассирійскихъ и вавилонскихъ; мои запекшіяся отъ жажды губы, заранѣе смакуютъ пиры Валтасарскіе, Сарданапальскіе. Мы будемъ шумно пировать; чудное винцо попивать и добро наживать; съ доходами государственными церемониться не будемъ, что кто захватитъ. Россія смиренехонько, безъ стона, будетъ лежать въ стопахъ нашихъ и за всякую обглоданную кость, выброшенную изъ дворцовъ, будетъ ноги лизать. И все сіе продлится до тѣхъ поръ, пока вся преданная Россія изморомъ сгибнетъ или какъ одинъ человѣкъ, изъ конца въ конецъ, подымется, грозно позоветъ насъ на судъ кровавый, безпощадный; какъ то, такъ и другое тотчасъ свершиться не можетъ, съ насъ за глаза хватитъ! Бросьте взглядъ на Турцію, Персію... Что же касается до загробнаго міра... (съ улыбочкой) то думаемъ, что почтеннѣйшій Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ уготовитъ намъ своими молитвами, ночными бденіями, въ раю, хорошія, передовыя мѣстечки. Для кого же и рай созданъ, какъ не для насъ, грѣшниковъ; кто былъ удостоенъ раемъ на землѣ, тотъ будетъ имъ удостоенъ и на небѣ, не можетъ же богъ своего помазанника въ шею вытолкнуть, а разъ онъ пройдетъ, то и мы всѣ съ нимъ; будьте увѣрены, что рай не для хамовъ устроенъ... (нутренній общій смѣхъ). Въ случаѣ же неизбѣжныхъ — правда, господа, прежде всего — при такомъ режимѣ дефицитовъ, банкротствъ, высочайшій домъ и насъ долго будутъ содержать англичане, австрійцы, пруссаки; мы же имъ родину потихоньку спускать будемъ.

Голоса. — Охъ!.., Ихъ!... Отлегло!... Камень съ души свалился! Наконецъ то договорились! Давно пора! По маслу все пойдетъ, на насъ хватитъ, а послѣ хоть вся земля треснетъ. Довольно представлялись, фразерничали, идеологіей занимались... Вотъ ужъ именно безъ предразсудковъ. Храбрецъ дѣтина! Горячій дворянинъ! Ура! ура! ура!

Александръ III. — (обращаясь къ жандармамъ) Стащите кн. Мещерскаго, осмѣлившагося назвать свою газету „Гражданиномъ“, въ подвалъ! Покормите его денька два селедкою, воды не давайте. Молодыхъ солдатиковъ къ нему не допускайте, а то онъ живо мерзавецъ... (плачущаго Мещерскаго уводятъ).

Голоса. — Подѣломъ грязнюгѣ! Не зазнавайся! Ишь что педерастъ задумалъ!

Палачь Фроловъ. — (въ первый разъ въ трезвомъ видѣ, пророческимъ голосомъ). Мудренное вы дѣло затѣяли, не по силамъ! Попомните Фролкино слово: придется мнѣ васъ всѣхъ ввѣшать!...

КАКЪ ДВОРЯНЕ БУНТУЮТЪ.

Господинъ Б. — Московское дворянство отличилось на славу! Отправило адрессъ прямо въ руки „сыну неба“, строчекъ немного, но чувствъ сверхъестественно много. Не понимаю, какъ телеграфная проволока выдержала такой напоръ дворянскихъ чувствъ, такую массу электрическихъ лучей изъ дворянскихъ сердецъ; если исключить: „сотрясаемся, воздымаемся, расползаемся, размягчаемся, припадаемъ, присѣдаемъ, виляемъ, свято храпимъ, взываемъ и пр.“, то ровно ни одного слова не останется. Московскіе крѣпостники сильно рванулись къ царскимъ стопамъ, въ растяжку къ нимъ припали, и объясни онъ имъ, что его немножко царапнули по плечу, они бы ему всѣ впадины вылизали! Въ полномъ смыслѣ благородное сословіе! Впрочемъ, давно ли они между дѣвичьей и конюшней слонялись и кнутобойствовали. Просто не вѣрится, что изъ этого сословія самодовольныхъ холуевъ, могли выйти Декабристы, Петрашевцы, Бакунинъ, Огаревъ, Герценъ и наши великіе искупители, легендарные мученики: Каракозовъ, Сухановъ, Перовская и пр. пр.

Господинъ Г. — И вотъ увидите, что лѣтъ черезъ тридцать, мы въ архивѣ прочтемъ, что московское дворянство не обнюхивало, но иносказательно бунтовало, конституцію съ самодержцемъ во главѣ требовало. У насъ сословія престранно бунтуютъ: всегда на колѣняхъ или ползкомъ. Аксаковъ, глядя, можетъ умилятьсяся: въ этихъ бунтахъ нѣтъ ничего шаблоннаго, скроеннаго, по западному образцу!

Господинъ Б. — Я помню, какъ сангвиническое, тверское дворянство, впачалѣ реформъ, протестовало, задомъ, кличь крикнуло на всю Россію: „Хотимъ-де, что-

бы насъ всѣхъ сѣкли, если нельзя наказаніе на тѣлѣ совсѣмъ уничтожить, да здравствуютъ братство и равенство!“ Когда начальство вникло, то всѣ такъ и ахнули: послѣ третьеотдѣленскихъ вникапій и догадокъ, оказалось, что они адскую мину, съ улыбкой, заложили подъ семейство, религію и собственность! Не хватись во время жандармерія и самъ Катковъ, они бы всю Тверь на воздухъ взнесли, да и Петербургу не поздоровилось бы.

Господинъ Г. — Возьмите примѣры по свѣжѣе. Вспомните протесты Харьковскаго, Черниговскаго, Полтавскаго и другихъ земствъ, когда ихъ въ бозѣ почившій вѣнценосный мученикъ пригласилъ въ шпіоны поступать, безъ жалованія; первое они начали просить, чтобы имъ Августѣйшій разрѣшилъ всѣхъ революціонеровъ живьемъ слопать, а, затѣмъ, эту благонамѣренную мысль такими минами окружили, что снова всѣ ахнули: оказалось, что они правовой порядокъ нагло требовали, говорильню гигантскую замышляли; словомъ, деликатный, метафизическій бунтъ устраивали; не донеси на нихъ „Московскія Вѣдомости“, „Новое Время“ и другіе, органы надпольной прессы, мы бы уже давно республикой пресыщались, пожалуй, нѣсколькихъ президентовъ успѣли бы перемѣнить. Съ русскимъ дворянствомъ шутки плохи! Въ полномъ смыслѣ свободное, отъ всѣхъ свободныхъ чувствъ, сословіе!

Господинъ Б. — А еще на дняхъ графъ Бобринскій, въ холопскомъ экстазѣ, воскликнулъ: „Пью за здоровье перваго дворянина Митрофана III!„ Если онъ первый, то смѣло можно остальныхъ дворянъ, вторыхъ и третьихъ въ зоологическій садъ погнать.

Господинъ Г. — Лучше бы не пакостились; благодарными вылизываніями они заставляютъ себя глубоко презирать; опозоренное, трясущееся, на одно зло годное, дышащее на ладонъ самодержавіе, послѣ такихъ протестовъ, начинаетъ взъерошиваться и картавымъ языкомъ о почвѣ заявлять, забавнѣе всего, что холопствуютъ даромъ; за припаданья къ стопамъ имъ даже рюмки водки не поднесутъ; обыкновенно, какой нибудь секретаришка изъ дворцовой канцеляріи отпишетъ имъ: „Благодарю, хамы преданные, за одушевляющія васъ

чувства и за исконное, дворянское раболѣпіе, старайтесь впредь".

Господинъ Б. — Никакъ не могутъ отрѣшиться отъ прошлаго. Нѣтъ, да и потянетъ по старинному расписаться: „Негодный, подлый твой рабишка тысячекратно тебѣ въ царственныя твои позы, владыка-государь, челомъ бьетъ". Впрочемъ, можетъ быть, московскіе крѣпостники, чуткіе, хищные, почуяли въ воздухѣ мертвечину и закаркали, чтобы въ изнывающаго Узника Ш бодрость влить.

Господинъ В. — Нужно въ ихъ оправданіе сказать, что не всегда адрессы выражаютъ вполнѣ ихъ чувства; большею частью это дѣлается такъ: подымается на трибуну какой нибудь оголтѣлый, потонувшій въ долгахъ, непроспавшійся, полнокровный, древній дворянинъ, битый за доносы и шуллерство, судившійся десятки разъ за изнасилованіе крестьянскихъ дѣвушекъ, и пьянымъ, хриплымъ голосомъ, брызгая слюнями, прорявкиваетъ: „Аспада! Осударь императоръ всемилостивѣйше удостаиваетъ насъ, обожающихъ его дворянъ, своимъ высочайшимъ, монаршимъ довѣріемъ. Скажу съ гордостью: истинная преданность, вѣрность престолу, всегда одушевляли дворянскія сердца: вспомнимъ 12-й годъ и тотъ знаменательный моментъ, когда при звонѣ всѣхъ колоколовъ первопрестольной матушки, Мининъ, графъ Растопчинъ и другіе... (спутывается) ура! ура! пью за здоровье милліонъ разъ обожаемаго.. стоитъ только ассударю произнесть свое державное слово, и мы... и мы... всѣ мы... я хочу сказать... ура! ура!... Прошу, аспода подписать адрессъ". И тотчасъ же около него выростаютъ переодѣтые архангелы, съ бычьими шеями, столь неумолимые, мрачно свирѣпые, что всѣ наперерывъ спѣшатъ подкатить гнусность: все равно, говорятъ, она ничего не показываетъ, какъ все вынужденное. Скажу откровенно. у многихъ я не разъ замѣчалъ такое остервенѣніе послѣ подписанія, что меня отнюдь не удивитъ, если не нынче, завтра кто нибудь возьметъ подавателя адрессовъ за ослиныя уши и произнесетъ: „Неотесанный холуй, прежде чѣмъ составлять позорящую насъ блевотину, узнай, хотимъ ли мы ее на самомъ дѣлѣ подавать! На нашемъ униженіи ты хочешь выѣхать, получить атестатъ благонамѣренности,

дающій права на грабежъ, разбой, предательство и денежныя вспомоществованія, но намъ отъ этого не легче". Въ Москвѣ всѣ адрессы, говорятъ, фабрикуетъ прославившійся на всю Россію своимъ лирическимъ раболѣпіемъ старый куртизанъ, блудодѣй, князь Долгорукій. Когда говорю объ этихъ господахъ, мнѣ всегда вспоминается знаменитый италіянскій профессоръ, который обращаясь къ студентамъ, сказалъ: „На свѣтѣ есть твари, передъ которыми ничто всѣ обыкновенные воры, убійцы; они кладутъ несмываемый позоръ на всю людскую рассу, и пока они будутъ существовать, міръ будетъ задыхаться въ позорѣ и рабствѣ; твари эти: монархъ, шпіонъ, куртизанъ, попъ и палачъ".

Господинъ Б. — Какъ вамъ нравятся пикантныя, облюбованныя московскимъ дворянствомъ, державныя слова къ крестьянамъ: „Ваша собственность неприкосновенна точно такъ же, какъ и дворянъ". Оставалось только прибавить: „точно такъ же, какъ и моя". (хохочетъ). Видно, святое мазаніе отшибло у него послѣдніе, ничтожнѣйшіе остатки разсудка; онъ забылъ, что поселянинъ только и грезитъ о томъ, чтобы онъ, какъ можно скорѣе, хорошенько прикоснулся къ этой святой собственности и всю землю передѣлилъ, не забывъ свою... Цаца Митрофанъ! цаца! Святыя полторы десятины останутся на вѣки вѣковъ неприкосновенными! Цаца Митрофанъ! цаца!

Мартъ, 1884 г.

Нижегородскій самодержецъ

БАРАНЪ I

---

8 августа въ Нижнемъ-Новгородѣ, по показанію губернатора Баранова (онъ же и палачъ), было повторились еврейскіе безпорядки. Отставной унтеръ-офицеръ Скудневъ и крестьянинъ Масленниковъ обращались къ толпѣ съ предложеніемъ, начать избіеніе евреевъ. Ихъ арестовали. Что послѣдовало за арестомъ, намъ разъясняетъ слѣдующій приказъ Баранова: „Сегодня, по окончательномъ разслѣдованіи дѣла, какъ Скудневъ, такъ и Масленниковъ, по приказанію моему, были *сильно* наказаны розгами. Управляя уже пятою ярмаркою, я примѣненіемъ самыхъ крутыхъ мѣръ, неоднократно доказывалъ, что *покушенія* на грабежъ, насиліе и нарушенья общаго спокойствія не остаются безнаказанными, заранѣе считаю долгомъ предупредить, что и впредь не стѣснюсь примѣнить самыя крутыя мѣры для поддержанія порядка."

L'ordre règne à Varsovie! Воистину каннибалъ порядка!

Когда узнаешь, какими порядочными мѣрами поддерживается порядокъ на Нижегородской ярмаркѣ, невольно начинаешь цѣнить его.

Недостаетъ только къ такому приказу, обычной при такихъ гражданскихъ подвигахъ, царской приписки: *„очень утѣшительно."*

Какъ быстро Александръ Гатчинскій насъ вернулъ къ Павлу Гатчинскому... О, благое провидѣнье, пошли ему тотъ же эксцентрическій конецъ... Политическихъ жертвъ замучиваютъ ссылками, тюрьмами, каторгой, простыхъ людей докапываютъ плетьми, розгами... Россія, наконецъ, освободилась отъ вліянія гнилого Запада, зажила вполнѣ самостоятельною жизнью. Какъ во

времена оно всюду „человѣкъ ходитъ пугливо, но за то свободно рыщетъ звѣрь.“

Не мѣшало бы Барану I намъ хорошенько разъяснить, что значатъ идиллическія слова: „были сильно наказаны розгами.“ И розги бываютъ разныя, и взгляды на пытки разные, напримѣръ: Абиссинскій царь Иванъ сажаніе на колъ считаетъ не болѣе, какъ mauvais petit quart d'heure, а Дагомейскій порфироносецъ самое сдираніе кожи съ вѣрноподданныхъ, въ радостный день его свадьбы — bonne demi-heure, и оба вполнѣ увѣрены, что стоятъ на высотѣ призванія, поддерживаютъ порядокъ, держатъ высоко народный стягъ, вполнѣ выражаютъ народную совѣсть. Съ Барановской точки, можетъ быть, сильное наказаніе розгами начинается только послѣ тысячи ловкихъ, горячихъ ударовъ; съ нашей дилетанской — не только ударъ розгами, но и самое предложеніе возлечь на скамейку, такое же „большое бѣдствіе, какъ смерть“. Но Барановъ, какъ истинный баранъ, не признаетъ нравственныхъ чувствъ въ унтеръ-офицерѣ и крестьянинѣ. Одинъ изъ его категорій ихъ не призналъ въ политическомъ заключенномъ Боголюбовѣ: для уясненія вопроса потребовалась пуля Вѣры Засуличъ. Царскому холопу, янычару мудрено понимать человѣческое достоинство: провинись онъ передъ Александромъ III, онъ, при всей дворцовой дворнѣ, самъ съ себя живо стащилъ бы штанишки и земно поклонившись, попросилъ хорошенько вспрыснуть.

Если перевести приказъ съ дагомейскаго языка на одинъ изъ европейскихъ, то становится до боли ясно, что нижегородскій сатрапъ, при свидѣтеляхъ, люто пыталъ Скудиева и Масленникова. Врядъ ли нужно доказывать, — хотя въ наши дни самое существованіе солнца нужно ежедневно доказывать — что истязаніе розгами ужаснѣе всевозможнѣйшихъ вытягиваній жилъ, выкрапываній изъ спины ремней, подыманій на дыбу: къ мукамъ прибавляются позоръ, униженье.

Съ шаловливою откровенностью, чуть не съ кокетливой улыбочкой, ярмарочный самодержецъ сознается, что не въ первый разъ пускаетъ въ ходъ пытки. Онъ спѣшитъ утѣшить благосклонную публику, что и впредь будетъ прибѣгать къ тѣмъ же лилейнымъ мѣрамъ, въ случаѣ покушенія на безпорядокъ. Баранъ

въ законахъ не нуждается. Судъ присяжныхъ, съ его процедурою — пошлое, пресловутое лакейство передъ Западомъ. Долой шаблонныя, поверхностныя западническія иллюзіи, и да здравствуетъ восточная дѣйствительность, азіатская самобытность!!

Приказъ — прямое воззваніе къ револьверамъ, ножамъ. Человѣкъ, поставившій себя выше закона, открыто объявляющій о своихъ правахъ пытать, убивать, неизбѣжно долженъ стать мишенью для всѣхъ. Человѣкъ, стоящій внѣ законовъ — бѣшенное животное. Такихъ барановъ не стричь, но рѣзать нужно. Гатчинскому мастодонту-самодержцу — бомбы, нижегородскому барану-самодержцу — ножъ.

Поистинѣ ярмарочное зрѣлище представляетъ герой „Вести“, осаждающій на сушѣ русскія з.....ы. Дамочки, любуйтесь на нижегородскаго Лафайета, сражавшагося за свободу Болгаріи, на эту смѣсь нижегородскаго съ французскимъ. Увѣнчайте ярмарочнаго героя березовыми прутьями! Не мѣшало бы Деруледу, во время его посѣщенія ярмарки, послѣ свѣжей икры и стерляжьей ухи, показать, какъ Александръ le juste pratique la justice...

Зачѣмъ тратимся мы на министерство юстиціи? березовыя розги обойдутся неизмѣримо дешевле, отъ такой экономіи даже курсъ подымется: наши бумажки, въ настоящую минуту представляющія не предметъ размѣна, но скорѣе увеселенія, перейдутъ въ предметъ восторга. Зачѣмъ засѣдаетъ министръ Манасей? Не на тѣхъ ли широкихъ основаніяхъ, на которыхъ нѣкогда въ академіи наукъ князь Дундукъ? Сѣй, сѣй, Манасей, мракъ всюду. Разбойники, жулики любятъ ночь безгласную: ни черныхъ крючковатыхъ лапъ, ни крови пролитой не видно...

Теперь я понимаю, почему бѣднымъ заперли двери школы — грамотные не такъ охотно ложатся подъ розги. Православіе, самодержавіе безъ розогъ, плетей немыслимы.

Катковъ умеръ, катковщина осталась. Корявый сукъ отвалился, но изъ гнили лѣзутъ новые побѣги. Давно ли Катковъ подчивалъ насъ ежедневно выписками изъ церковныхъ проповѣдей святѣйшаго Филарета, въ которыхъ текстами изъ евангелія доказывались „прелести кнута?“ Давно ли Катковъ, говоря о безпорядкахъ на

Демидовскихъ фабрикахъ, иронически спрашивалъ: „Неужели сочтено будетъ нужнымъ поступить по закопамъ? Неужели намъ нужно будетъ опять ожидать обычныхъ скандаловъ судебнаго разбирательства, судебныхъ приговоровъ?“

Вѣрный рабъ Каткова, Барановъ, внялъ его призыванiямъ, безъ скандаловъ, судебнаго разбирательства, судебныхъ приговоровъ, по просту началъ сдирать кожу... Когда вы столкнетесь съ дикимъ, осатанѣлымъ самоуправствомъ, колосальнымъ предательствомъ, попраніемъ всѣхъ человѣческихъ правъ: „Ищите Каткова!“ Онъ давалъ высшую санкцію...

У покойнаго, вмѣсто души, была выгребная яма; это былъ наисовершеннѣйшій нигилистъ, онъ плодилъ нигилятину. И этотъ писака, искаріотъ, доносчикъ, защитникъ черной смерти, отрицавшій будущее и настоящее, осмѣливался называть нигилистами дивныхъ энтузіастовъ, идущихъ на муки, смерть за святыню убѣжденій, за чудную вѣру въ людей, въ близкое, свѣтлое грядущее!!

О, бомбы, начиненныя динамитомъ, отравленными пулями, вспыхивающія при паденіи, разрѣшите страшную жизни загадку: Россія жить хочетъ, семейка Чухоно-Романовыхъ — Царствовать. О, бомбы. разрѣшите! Тамъ, гдѣ все молчитъ, говорите вы!!

Сентябрь, 87 г.

ЧТО ТАКОЕ РЕСПУБЛИКА?

Дѣйствующія лица: Александръ III, министръ Толстой, кн. Мещерскій редакторъ газеты „Хамъ“, Генералъ Плевелъ, тайные совѣтники: Телушкинъ, Козловъ, Барановъ и Ужасный старикъ.

Александръ III. — Господа! Вашъ коллега, exécuteur des hautes oeuvres, Фроловъ, засаженъ на кухню: мы намѣрены говорить о республикѣ, я боялся, что прослышавъ о вольномъ обращеніи прислуги, онъ зазнается и откажется вѣшать. Мы вступаемъ въ эру чрезвычайнаго вѣшанія; честный исполнитель священнаго долга до конца намъ болѣе чѣмъ когда-нибудь нуженъ... Наши либералы начинаютъ по ночамъ, въ частныхъ домахъ, шепотомъ, заявлять, что если я имъ тотчасъ же не выложу, за ихъ безпредѣльную преданность, конституцію, то немного позднѣе и республикой нельзя будетъ отдѣлаться. Объясните, господа, въ чемъ дѣло? и не нужно ли мнѣ Гатчину покинуть и новое мѣстечко отыскать капельку подальше? Я, господа, не знаю, что такое республика. Какъ вамъ извѣстно, я получилъ воспитаніе весьма краткое, домашнее, бурбонское; книгъ не имѣлъ случая читать; я умѣю только дуть въ трубу и рубить дрова; бесѣды моихъ наставниковъ вращались обыкновенно около благополучныхъ царствованій моихъ родителей, слѣдовательно, разговоры о республикѣ были немыслимы; вступивъ на прародительскій престолъ, спрашивалъ не разъ у митрополита Исидора и Побѣдоносцева, что такое республика? получалъ отвѣты страшные, жупелу подобные: „Хоронятъ безъ священниковъ“, „священное таинство выплевываютъ“, „іерарховъ, поповъ въ четыре шеи“, „высшаго начальства нѣтъ и не предвидится“, „о богѣ даже шепотомъ, говорить запрещено, о сынѣ и святомъ духѣ и подавно“, „царей побиваютъ каменьями и, какъ блудницу Іезавель, псамъ выбрасываютъ“, „толпами поютъ пѣсни безбожныя и съ большими угрозами“, „будки въ три цвѣта не раскрашены“, „знамени настоящаго нѣтъ, черное, да красное, а иногда и того хуже“, „урядниковъ въ палату не выбираютъ“, „жандармскимъ званіемъ, доносомъ брезгаютъ... всѣ, какъ есть, равны“.

У братьевъ и дядей спрашивалъ про теперешній Парижъ, говорятъ иносказательно: „Въ ресторанахъ съ уваженіемъ по прежнему, но на чай приходится давать больше, чѣмъ при монархіи, отъ кокотокъ большихъ обидъ нѣтъ, но уже начинаютъ поговаривать; щетки о голову ломаютъ довольно часто. Журналъ „Фигаро“ съ наружнымъ почтеніемъ относится, внутри портреты наши и Измаила-бея вывѣсилъ; обидныхъ насмѣшекъ было много, головы наши называли дынями, сгнившими внутри, приходиться въ фуражкахъ сниматься. На главныхъ улицахъ, пока, въ лицо намъ не плюютъ, но симпатіи мало. Въ Пале-Руаялѣ, въ одной витринѣ, весьма, весьма обидныя русскія книжки разложены, продавецъ оныхъ у насъ бы каторгу вѣчную вкусилъ непремѣнно, Во избѣжаніе непріятностей, лучше всему дому Романовскому разъѣзжать въ закрытыхъ экипажахъ, съ переодѣтыми, большущими казачищами на козлахъ, лицъ высовывать шально не зачѣмъ... неровенъ часъ...“ Меня же прямо предупреждаютъ, чтобы на сто верстъ не подъѣзжалъ — если нигилисты не взорвутъ, то сами парижане, во всякомъ случаѣ, гнилою морковью и прошлогодними картошками, непремѣнно, зашвыряютъ, и если посланникъ не заступится, то и въ клѣтку посадятъ, за бегемота выдавать будутъ...

Дѣдушка Гиль республику терпѣть не можетъ, обѣщаетъ бороться по гробъ; но такъ какъ лѣта его чрезмѣрныя, то слова эти не устрашаютъ; дядюшка Фрицъ, сынъ его, ума недалекаго, по всю профундометрію прошелъ; очень плотный. Если хотите, дѣдушка старикъ бодрый, но все же старикъ; повѣрите ли, онъ разовъ двадцать съ лѣстницы скатывался, какъ дѣтскій мячикъ; положатъ, флапелькой обмотаютъ, клистирчикъ съ мыльцемъ поставятъ, денька два полежитъ, и снова даромъ въ окошко показывается. Шея и сложеніе необыкновенныя, наши шеи отъ него пошли, по косточки тоненькія, гибкія, какъ у новорожденнаго; черепъ можно сказать гуттаперчевый; когда разрявкается по близости, слышно, какъ у него въ головкѣ переливается— буль, буль... Дѣдушка Гиль съ графомъ Бисмаркомъ, ввиду отвлеченья умовъ отъ республики и спиплизма, государственный спиплизмъ придумали; совѣтуютъ и намъ завести, но такъ какъ понять его не могу, то и

пользы въ немъ не вижу. Желая сразу въ лоскъ положить республику и крамольный сисилизмъ, графъ Бисмаркъ не разъ публично похвалялся: „Не пройдутъ какихъ-нибудь сто лѣтъ, и каждый рабочій, весело, послушно проработавшій 50 лѣтъ, въ случаѣ искалѣченья, будетъ у насъ, въ Германіи, по нашей милости, 10 коп. въ день получать по самый гробъ, затѣмъ, самый гробъ и яма отъ правительства". И что же, вмѣсто того, чтобы бога вѣчно молить за своихъ отцевъ-благодѣтелей, они, недавно, ихъ чуть всѣхъ разомъ на воздухъ не взнесли! и только сырая погода помѣшала. Если такова народная благодарность, то лучше не начинать...

Графъ Толстой. — Дикая форма и вовсе не правленія... Сѣчь всѣхъ нельзя... благодарственныхъ адресовъ не подаютъ; благодарственныхъ молебновъ не служатъ; горячія слезы, теплыя молитвы за обожаемаго въ загонѣ, безпредѣльныя дрожанья и чувства тоже, журналы всѣ къ черту нельзя, учебныя заведенья нельзя, на священныя охраны плюютъ и денегъ на нихъ не даютъ. Сверху, съ боковъ, снизу — нельзя! нельзя и нельзя! Ччертъ знаетъ что такое!...

Тайный совѣтникъ Телушкинъ. — Республика, господа, къ сожалѣнію — форма правленія; въ ней есть президентъ, но не отъ бога; божественное муропомазаніе, вслѣдствіе низкаго званья, не пріемлетъ; выбирается на семь лѣтъ, но, въ случаѣ шалостей, смѣненъ можетъ быть и ранѣе. Нынѣшній Греви — старикъ осанистый; правомъ тихій, но безбожникъ; бывъ адвокатомъ, яростно защищалъ цареубійство. Получившій преждевременную отставку, уваженіемъ не пользуется и обреченъ сносить насмѣшки, примѣръ—Макъ Магонъ. Кто хочетъ, тотъ и можетъ сдѣлаться президентомъ, главное не нужно зѣвать. Американцы до того дошли, что, въ пику намъ, президентовъ выбирали изъ сапожниковъ и кузнецовъ. Въ республикѣ есть министерства, почти, какъ у насъ; газетчики министровъ въ грошъ не ставятъ на томъ основаніи, что всѣ они безъ надлежащаго чина, не только полкомъ, но и ротой никто изъ нихъ не командовалъ. Не вдаваясь въ педантическія подробности, скажу въ двухъ словахъ: республика есть та форма правленія, при которой служители въ

кафе и ресторанахъ страшно зазнаются, такой порядокъ немыслимъ, и долгъ всѣхъ истинныхъ государствъ — возобновить священную лигу. (Подумавъ). Помилуйте! Вы вѣжливо говорите: „Гарсонъ! подай коньяку, любезный, да живо поворачивайся!“ А онъ разносится къ вамъ на всѣхъ парахъ, и рюмку чуть въ носъ не суетъ, и салфеткой цѣлый ураганъ дѣлаетъ... Долгъ истинныхъ государствъ...

Тайный совѣтникъ Барановъ. — Все зависитъ отъ обращенія; главное не нужно забывать хорошенько крикнуть: „Гарсонъ, сильнъ ву пленъ.“ И онъ тотчасъ же съ вѣжливостью подастъ. Многіе наши администраторы, очутившись въ Парижѣ, замѣтивъ гордый видъ лакеевъ, приличную наружность, манеры, начинаютъ заискивать передъ ними, и чтобы поддѣлаться, весьма часто поносятъ нашу форму правленія; они забываютъ, что самонадѣянный видъ не есть тамъ признакъ высшаго начальства, но свойственъ даже вполнѣ низкимъ званіямъ: никогда не забуду, какъ сразилъ меня одинъ, наблюдающій за писсуарами... Иные же, большею частью генералы, преоборовъ робость, начинаютъ сильно куражиться, заявлять безъ нужды прислужникамъ, что они-де на родинѣ генералы, что груди ихъ завѣшаны звѣздами, крестиками до такой степени, что пуговицъ застегнуть нельзя, и у кого грудь узкая, часто многіе ордена, менѣе важные, приходится вѣшать на спину. На головахъ обыкновенно развѣваются, перья почище дамскихъ. Увѣряютъ, что у нѣкоторыхъ изъ нихъ мундиры совсѣмъ золотые, и назади виситъ ключъ, и не отъ номера или квартиры, а прямо отъ ничего; ключъ тотъ ничего не запираетъ, но и отнюдь не показываетъ отпертость. Бесѣды, нерѣдко, ведутъ къ большимъ насмѣшкамъ, препирательствамъ, прислужники, пользуясь дурнымъ произношеніемъ, начинаютъ издѣваться, а подъ конецъ доходятъ до того, что даже попрекаютъ, яко бы поскудною, формою правленія.

Тайный совѣтникъ Козловъ. — Повѣрите-ли, господа, одинъ мой старый закадыка, жандармскій генералъ, всѣ деньги, предназначенныя на поимку одного политическаго, растратилъ на фордыбачанья; выпьетъ въ кафе коньяку на десять франковъ, выбрасываетъ двад-

цать, и жестомъ презрительнымъ повелѣваетъ гарсону себѣ сдачу взять; понятно, что тотъ начинаетъ около него танцовать; пальто ему подаетъ, а онъ руки растопыритъ и нарочно въ рукава не попадаетъ, а самъ, потихоньку ему по русски, гвоздитъ, да гвоздитъ: „Ну-ка, ты, чертъ тебя дери, республиканецъ! надѣнь-ка мнѣ пальто, низкоподдапному! Ну-ка, рресспубликанецъ!“ И подъ конецъ въ такой азартъ вошелъ, что разъ, поздпею порою, притворившись пьянымъ, сталъ гарсону предлагать, позволить въ морду дать, и бумажникъ передъ нимъ огромный выложилъ. Къ счастью для жандармскаго мундира, дешево отдѣлался — какъ архіерея, подъ ручки вывели, ругнули разнообразно и основательно, но бить, не били. Послѣ вспоминая, не разъ говарпвалъ: „Согласись онъ, я бы ему всю физіономію на нашъ вполнѣ русскій, жандармскій фасонъ передѣлалъ; онъ бы узналъ у меня, какъ республику заводить!“

Александръ III. — Такіе люди намъ, Козловъ, очень нужны, такіе, братецъ, истинные кряжи, умѣющіе третьеотдѣленское знамя передъ цѣлымъ Парижемъ держать и помовать имъ, нынѣ переводятся; по нынѣшнимъ временамъ, такого человѣчика нужно ваткой обмотать и въ коробочку бархатную уложить, какъ колье адамантовое. Какъ фамилія его?

Козловъ. — Генералъ Желтожоповъ.

Александръ III. — Тьфу ты пропасть, а всетаки какой преданный!...

Козловъ. — Онъ часто говарпвалъ: „Не будь у меня такой поносной фамиліи, никогда бы я эту срамную службу не выбралъ...“

Александръ III. — Ишь фанаберіи какія, я его было за истиннаго русскаго принялъ, кстати, какъ онъ себя называетъ, когда по Россіи и заграницами шаритъ?

Козловъ. — Генераломъ Соколомъ, Кондоромъ, Деспотомъ.

Телушкинъ (вмѣшивается). Извините, Ваше Величество. Всѣми обожаемый мученикъ, шефъ провокаторовъ, Мезенцевъ, не разъ жаловались, что въ зданіи у Цѣпного моста такія непристойныя фамиліи служатъ, что выговорить не только при дамахъ, но и при кухаркѣ невозможно; при священномъ зерцалѣ, они себя по

настоящему назвать не могутъ,изъ боязни,какъ бы отъ начальника оплеуху не получить; черезъ фамилью, можно сказать, опредѣлились на службу, все равно говорятъ: мы посрамленные!

Александръ Ш. — Однако надоѣли съ резонерствами, довольно...

Ужасный старикъ. — Сравнимъ, государи мои, неподдающихся гражданъ съ рабами низкоподданными. У крамольныхъ странъ нѣтъ радостей; глядятъ онѣ въ сферы высшія, и нѣтъ въ тѣхъ сферахъ идеальнаго, недостижимаго. Въ министерствахъ засѣдаютъ безмундирные; нѣтъ назади ключей у нихъ, нѣтъ и отличій. На грудяхъ, на гордо выпяченныхъ, не покоятся Анны и Андреи первозванные; не пестрятъ ленты дамскія, разноцвѣтныя; не блестятъ звѣзды поднебесныя. Президентъ ихъ не достигъ до подпоручика; министры всѣ — до регистратора. Ни въ палатахъ, ни на улицахъ не гремятъ ура россійскія, залихватски безпредѣльныя. Нѣтъ почтительности, молчаливости, податливости, чудной кротости, покорности; нѣту ручки, ножки царской, нѣту плечика для разцѣловыванія; въ общей прозѣ жизни не чѣмъ тѣшиться; слеза холопья наша брезгается.

Темна, дымна, неказиста лачужка русская, крестьянская, но мужичекъ въ ней не кобенится, ни мало не кручинится; глядитъ онъ на дворцы царскіе, глядитъ... и не нарадуется. Самъ Ротшильдъ не содержитъ такъ любовницу, какъ нашъ посконный, сѣрый мужичекъ семейку царскую. Меркнетъ лучинушка въ убогой лачужечкѣ крестьянина, переливаются огнями сказочными залы золоченныя, пальмами, латаніями, цвѣтами тропическими разукрашенныя. Горятъ огнями дивными брилльянты царскіе,и подъ тяжестью ихъ великою, жаръптица, царица наша матушка еле поженьки передвигаетъ, женьки субтильныя; помогаютъ ей пажи раззолоченные нести на себѣ платьице длинное, предлинное, златоткапное, заморское.

Грустна, надрывчата пѣсенька крестьянская; шумны, грозны, торжественны оркестры царскіе.

Киселъ квасокъ крестьянина, но онъ о немъ не думаетъ; глядитъ онъ на дворцы царскіе, глядитъ... не налюбуется. Въ ковши златые, струей искристой, льется

влага пѣнистая; въ хрусталяхъ, камнями самоцвѣтными играютъ вина драгоцѣнныя.

Пустамисочка крестьянская; отдаетъ полынемъ-травой хлѣбецъ черненькій, корою древесной, песочкомъ, листикомъ приправленный. Ломятся столы царскіе подъ яствами необычайными, — посудой золотой, серебряной. Ходятъ вокругъ столовъ дворяне древніе, дворяне гордые, съ бѣлоснѣжными салфетками подъ мышкою, разносятъ блюда полновѣсныя; моютъ ихъ потомъ, моютъ припѣваючи фрейлины проворныя, для постели царской заготовленныя. Охъ, вы, дѣвы, дамы свѣтскія, съ малыхъ лѣтъ дворцомъ весьма воспитанныя, ко всѣмъ услугамъ приноровленныя, какой изъ васъ не хочется полежать и попокоиться подъ царемъ державнымъ батюшкой!

Подвело животъ крестьянину, кушачкомъ его онъ стягиваетъ. Царь животикъ сытый свой все шире, шире распоясываетъ.

Не весела свадебка крестьянская; всплакнетъ онъ и только послѣ раскошелится. Тяжело похмѣлье свадебное: мычитъ въ хлѣву коровушка, предчувствуетъ голодная продажу неизбѣжную, ревутъ ребята малые, съ молокомъ они прощаются... Взглянетъ вверхъ мужикъ и снова взрадуется. Велика фамилія царская, приплодъ отъ нея Россіи очень, очень надобенъ. Любитъ царь народъ свой, свадьбами торопится; одинъ идетъ, съ позволенія беретъ дѣву августѣйшую, сытую, немѣцкую, къ приплоду царственному самимъ всевышнимъ приноровленную; за нимъ вослѣдъ другой береть такую жъ августѣйшую, дебѣлую, маститую. Катятся въ храмы божіи кареты золоченныя, гербами изукрашенныя, конями бѣлыми запряженныя; гремятъ пиры необычайные, пиры невѣроятные.

По степямъ, по необъятнымъ, тучами тяжелыми летаетъ, носится саранча непасытимая; кишатъ въ хлѣбахъ козявки новыя, невиданныя, уму непостижимыя; кладутъ яички малыя; изъ тѣхъ яичекъ, еле видимыхъ, на всю Россію-матушку выходятъ ополченія, ополченія прожорливыя.

На площадяхъ широкихъ, царственныхъ блестятъ штыками арміи; знамена вѣютъ славныя; гремятъ ура россійскія, залихватски безпредѣльныя.

Летятъ во храмы православные про свадьбы царственныя извѣстія радостныя: мужички въ великой радости плачутъ, не наплачутся; за кормильцевъ молятся... и не намолятся; передъ образомъ Христа распятаго кладутъ поклоны низкіе, кладутъ... и не накланяются.

Государь! Для васъ однихъ живутъ они! На васъ однихъ любуются! Не чужой, своей копѣечкой васъ балуютъ!

„Насъ грабятъ всѣ! Мы жить хотимъ!“ вопятъ крамольные. — „Царь любитъ насъ! Мы водку пить хотимъ!“ взываютъ низкоподданные.

Александръ III. — Теперь только я, наконецъ, понялъ, что такое республика!... Еще бы хамово отродье осмѣлилось бы иначе разсуждать! Желалъ бы я посмотрѣть!

СЦЕНА II.

Генералъ Плевелъ. — Ваше Величество. „Вѣстникъ Народной Воли“ на весь свѣтъ заявилъ, что до конца вѣрный священному долгу, удостоившійся царскаго вѣнка, недавно въ ретирадномъ мѣстѣ мирно почившій полковникъ Судейкинъ, въ виду денежныхъ аферъ, ради орденовъ и высшаго жандармскаго чина, намѣревался устроить тайное общество, съ завѣтною мыслью: истребить нитроглицериномъ любезнѣйшаго братца вашего и нѣкоторыхъ любезнѣйшихъ министровъ. Затѣмъ оказалось, что прославленный на весь міръ романистъ, постепеновецъ Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ воспѣлъ гнусную крамольницу, 3 апрѣля Вами казненную, святою ее назвалъ; адская апологія цареубійства живо была перепечатана всѣми газетами Европы и даже Америки.

Александръ III. — Какой неожиданный реприманд. Сейчасъ же повѣсьте обоихъ; Вѣстника Народной Воли первымъ. Тащите живо Фролова. Веревки лежатъ у жены въ кіотѣ, подъ распятіемъ.

Генер. Плевелъ. — „Вѣстникъ Нар. Воли“, къ сожалѣнію, казненъ быть не можетъ: онъ выходитъ заграницей, въ неблагонадежной Гельвеціи. Подсудимаго Ивана Тургенева тоже повѣсить нельзя; онъ увильнулъ отъ вполнѣ заслуженной казни: въ прошломъ году стотысячная толпа его въ могилу проводила, и десятки

почтенныхъ іереевъ по немъ панихиду отслужили. Не предчувствовали сердца святительскія, что впослѣдствіи раскроется, что подсудимый Тургеневъ былъ афеистъ отъявленный, и въ Парижѣ, въ частныхъ бесѣдахъ, не разъ священнослужителей и самого Господа бога нещадно поносилъ съ улыбкою.

Князь Мещерскій. — Ваше Величество! Изъ Парижа получилось поразительное извѣстіе: Его отставное Величество Измаилъ-паша всемилостивѣйше пріяли шесть затрещинъ и около десятка ударовъ колѣнкой въ августѣшій задъ отъ самаго простого неаполитанца, и въ публичномъ мѣстѣ; недоразумѣнія произошли, къ сожалѣнію, черезъ мою политическую программу. Смѣло скажу, не занимайся мужеложствомъ Измаилъ-паша, давно бы погибъ Египетъ.

Александръ III. — Вотъ вамъ и республика!...

ВЪ ГЛУХОЙ УЛИЦѢ

Прохожій № 1. — Три министра съ святѣйшимъ шалуномъ во главѣ, въ четверть часа доканали „Отечественныя Записки;“ теплые ребята! Отечественная мысль выдержала, снесла на своихъ мощныхъ плечахъ цѣлое царствованіе Александра II, но трусика III не выдержала, оборвалась въ самомъ началѣ царствованія. Святѣйшему прокурору на ночь рукавчики надѣваютъ, а днемъ онъ тѣми же шаловливыми, трясущимися ручками гордый разумъ человѣческій удавливаетъ.

Четыре злыхъ идіота въ полчаса русскій журналъ убили и ограбили. Заставь ихъ всѣхъ четырехъ полстраничку написать, какія обыкновенно писались въ „Отечественныхъ Запискахъ“, и они въ крещенскій морозъ вспотѣютъ. Ничтожные, одичавшіе, глухіе и слѣпые, самой природой предназначенные въ русскіе министры, они уморительно изъ кожи лѣзутъ, чтобы сдѣлать свои имена не только для насъ, но и нашихъ дѣтей посмѣшищемъ, позоромъ, бранною кличкою. Благодаря „Отечественнымъ Запискамъ“, они уцѣлѣютъ; будущій историкъ цензуры, немного посуровѣе Скабичевскаго, помянетъ ихъ добрымъ словцомъ. „Отечест. Записки“ — тотъ янтарь, о которомъ говоритъ Гейне, разбирая Лессинга, въ немъ застынутъ, сохранятся

гаденькія козявки. Подумать страшно, что стомилліонная страна обречена на позорное, рабское молчаніе только изъ за того, чтобы проклятая куча палачей, убійцъ, воровъ могла всласть самоуправствовать, чудовищно грабить и надругиваться надъ націей... Они убиваютъ душу націи, потому что имъ нужна безнаказанность, свободная пресса стала бы ихъ обличителемъ; свѣтъ мысли пугаетъ этихъ каторжниковъ; кучка послѣдней сволочи третируетъ милліоны интеллигентныхъ людей, какъ шаловливыхъ мальчишекъ, указываетъ, что читать и писать, учить мыслить; такіе невѣроятные общественные недуги можно лѣчить только огромными порціями нитроглицерина.

Подождите, это еще не конецъ; всѣхъ удавятъ, и „торжествующая свинья“ одна будетъ, уткнувшись пятакомъ въ вонючее пойло, на всю Россію хрюкать. Пусть гонятъ мысль съ лица земли, она еще сильнѣй подъ землей начнетъ работать. Наступятъ дни расправы; не уйдутъ они отъ пылающихъ бичей мстительныхъ Евменидъ.

№ II. — Невольно мнѣ вспомнились слова Мильтона, произнесенныя въ XVII вѣкѣ, ихъ нужно было бы выжечь на лбахъ у нашихъ министровъ: „Книга — не мертвая вещь, она сохраняетъ въ себѣ, какъ въ драгоцѣнномъ сосудѣ, чистѣйшую эссенцію умственной жизни. Одинаково преступно убить человѣка и убить хорошую книгу; убивающій человѣка, убиваетъ существо разумное, образъ бога; убивающій книгу, убиваетъ самый разумъ. Много людей тяготятъ землю своимъ жалкимъ существованіемъ; хорошая же книга — живая кровь, чудная суть высшаго разума, предназначенная для вѣчной жизни. Остерегемся уничтожать жизнь, скопленную въ книгахъ, — это человѣкоубійство, истязаніе, и разъ оно распространяется на всю прессу, то — своего рода бойня, и, помните, что она не останавливается на истребленіи одной бренной матеріи, но бьетъ эфирную квинт-эссенцію, дыханіе разума, она силится задушить безсмертіе.

Іюнь. 84.

Генералъ Кувыркасъ

Ай да царь! Ай да царь!
Православный государь!

Подъ таинственными покровами дипломатія всегда и вездѣ свершала всевозможныя низости, непроходимыя глупости, свирѣпыя посяганія на свободу странъ и отдѣльныхъ личностей. Нечего и говорить, что знаменитѣйшіе дипломаты далѣе своего носа, часто коротказо, никогда ничего не видѣли; вертясь между правителями, они всегда упускали изъ виду націи, и эти послѣднія устраивали имъ на каждомъ шагу ослѣпительные сюрпризы. Утверждая деспотизмъ, дипломатія толкала къ свободѣ; охраняя священную будку, разжигала революцію. Арлекины трясли преважно своими бубенчиками и, въ наивности душевной, воображали, что творятъ историческія событія. Дворцовую лакейскую они смѣшивали со вселенной. Нужно отдать справедливость дипломатамъ: они были всегда вѣжливы и крайне осторожны; наткнувшись на вонючую лужу, они старались на цыпочкахъ ее обойти, при чемъ зажимали носъ надушеннымъ платкомъ. Они шпіонили, провокировали, доносили всегда съ большими ухищреньями, черезъ мелкую сошку; при уличеніи, обыкновенно, пахально отпѣкивались.

Благополучно прячущійся Урядникъ Ш по природѣ неимовѣрно грубый, мрачный, тупой, нашелъ, что деликатессы ему не къ лицу, не долго думая, онъ сорвалъ съ себя огромный лопухъ и предсталъ предъ Европою во всей безпардонной наготѣ; вся прежняя дипломатія показалась ему очень головоломной, онъ пустилъ въ ходъ агентовъ - провокаторовъ, убійцъ на голо.

Если завтра вечеркомъ, изъ подъ угла, русскаго революціонера зарѣжетъ таинственный субъектъ и его схватятъ, будьте увѣрены, онъ на допросѣ отвѣтитъ

(Каульбарсъ намъ порукою) „я маленькій дипломатъ новѣйшей формаціи, посланный царемъ, если вы меня тронете, стотысячная армія вломится въ вашу страну съ мечемъ и огнемъ. Выдайте мнѣ тотчасъ же даровой билетъ I класса до Петербурга, и, кстати, не забудьте мнѣ выдать оставшихся у васъ нигилистовъ, которыхъ я, къ сожалѣнію, не успѣлъ еще прирѣзать... я дипломатъ, я представляю моего государя...“

Политика кабинетовъ кончилась; наступила, выражаясь элегантно, политика du Cabinet de toilette. На глазахъ цѣлой Европы происходятъ такіе невиданные пассажи, что она устами всѣхъ своихъ безчисленныхъ газетъ въ одинъ голосъ кричитъ: „Приберите скорѣй дикаго самодержца! онъ принимаетъ весь міръ за киргизскія степи, издѣвается надъ всѣми законами. Онъ, представитель азіатской деспотіи, вѣшающій безъ суда революціонеровъ за малѣйшее покушеніе на его власть, врывается ночью съ ножомъ къ властителю сосѣдняго государства и свергаетъ его съ трона. Онъ, ссылающій безъ суда на каторгу, за самое отдаленное, призрачное участіе въ заговорѣ, требуетъ освобожденія убійцъ, явившихся со штыками, револьверами къ правителю сосѣдней страны. Онъ, очумѣлымъ произволомъ грабежемъ доведшій до гибели собственную страну, свергаетъ конституцію въ независимой отъ него Болгаріи. Революціонеры, которыхъ онъ пытаетъ, вѣшаетъ безъ суда, жертвовали молодою жизнію за освобожденіе страны. Убійцы, подосланные къ Баттенбергу, безнаказаннымъ разбоемъ желали водворить шпіонство, висѣлицы, безконтрольный грабежъ, рабство. Идя на разбой, они не разсчитывали на неудачу, имъ улыбались ордена, отличія, крупныя денежныя вознагражденія. И этотъ царствующій психопатъ осмѣливался вступать въ переговоры съ державами о выдачѣ цареубійцъ! онъ предпринималъ крестовые походы противъ анархистовъ! Намъ противъ Каульбарсовъ санитарные кордоны нужны.“

Бомба Гриневицкаго не такъ ясно указывала на близящійся смертный часъ деспотіи, какъ походъ генерала Каульбарса въ Болгарію; малѣйшій его шагъ, каждое его слово — своего рода бомбы и мины. Мы можемъ смѣло сказать, что генералъ Кувыркасъ пер-

вый за границей ударилъ въ похоронный колоколъ, позвалъ на панихиду по самодержавію. Это онъ соборуетъ нашу деспотію и настежъ растворяетъ двери, въ которыя давно стучится революція. Правительство, разсчитывающее на самую коротенькую жизнь, такъ не поступаетъ; такъ поступаетъ тотъ, которому уже нечего болѣе терять. Это не болѣзнь, но послѣдній тяжкій хрипъ, послѣдняя конвульсія. Незабвенный генералъ Кувыркасъ! Я отмѣчаю тебя для будущаго. Звони, звони во всѣ колокола, генералъ Кувыркасъ! шире, шире распахивай двери для революціи. Желябовъ, Перовская, Гриневицкій и тысячи другихъ погибли не даромъ, изъ ихъ святаго, казненнаго праха уже нарождается великій мститель, неумолимый судья царей и народовъ.

Народъ измученный, народъ ограбленный! твой часъ бьетъ, подымайся смѣло! безтрепетно зажигай со всѣхъ концовъ! держи высоко, твердо черное знамя!

Урядникъ, посланный въ Болгарію, обратился къ ней приблизительно съ слѣдующей тирадою: „любезные братушки, мы васъ, нѣкоторымъ образомъ, освободили изъ подъ ига; освобождая, мы, какъ у насъ всегда водится при освобожденіи, васъ немного сѣкли и били по щекамъ, но послѣ все таки дали вамъ конституцію, къ сожалѣнію, вы приняли ее за нѣчто серьезное и воспользовались ею. Русскій царь не за тѣмъ освобождалъ васъ, чтобы вы были свободными. Изъ признательности за освобожденіе, вы должны позволить намъ немедленно ввести у васъ всесословное предательство, высѣлицы, административныя ссылки, удавленіе прессы, безконтрольный грабежъ, словомъ самодержавіе и православіе. Если вы, движимые черною неблагодарностью, не рѣшитесь на это, мы начнемъ избивать васъ безъ пощады; повторимъ башн-бузуковъ въ новомъ изданіи, дополненномъ и съ картинками. Полюбуйтесь на изнемогающую въ блаженствѣ Польшу, васъ ждетъ еще болѣе свѣтлая участь. Мы ночью, со штыками на перевѣсъ, револьверами, ворвались къ вашему правителю и свергли его, вы осмѣлились посадить виновниковъ въ тюрьму и задумываете судить ихъ по вашимъ законамъ. Къ чорту законы, шаблон-

йое холопство передъ западными идеями, и да здравствуетъ царь!! Мы отлично обходимся безъ законовъ, можете обойтись и вы. Выпустите тотчасъ же крамольниковъ на свободу и не забудьте ихъ очень щедро вознаградить изъ вашего казначейства. Къ чертямъ великое собраніе, и да здравствуютъ наши жандармерія и провокаторы! Мы благоденствуемъ, чудовищно преуспѣваемъ, сказочно богатѣемъ и безъ парламента, можете дѣлать то же самое. Я пріѣхалъ не уговариваться, но приказывать; я буду дѣлать въ вашей странѣ все, что хочу. Захочу погублю, захочу помилую и руку дамъ поцѣловать; я вашъ отецъ, вы мои дѣти. Но предупреждаю, если вы вздумаете меня выпороть въ публичномъ мѣстѣ, стотысячная армія сейчасъ ворвется къ вамъ и не оставитъ камня на камнѣ. Изъ моей рѣчи вы, конечно, уже успѣли понять, что государь очень любитъ васъ и желаетъ вамъ всевозможныхъ благъ, довѣрьтесь ему, и вы будете счастливѣйшій народъ въ мірѣ, конечно, послѣ Польши.“

На эту, дипломатическую рѣчь братушки имѣли наглость отвѣтить: „Достойный представитель помазаннаго самимъ небомъ, благодаримъ васъ за освобожденіе, хотя оно и сопровождалось весьма сильными наказаніями на тѣлѣ и чрезмѣрнымъ мордобитіемъ. Но не забывайте, что освобождалъ насъ не нынѣ благополучно трясущійся въ Гатчинѣ царь, но народъ русскій; онъ не можетъ желать нашего порабощенія на томъ простомъ основаніи, что самъ своею кровью освобождалъ насъ. Онъ чувствуетъ на самомъ себѣ страшное, царское иго, не знаетъ, какъ избавиться отъ него и, конечно, не пожелаетъ взвалить его на плечи только что освободившихся братьевъ. Мы ничего не имѣемъ противъ Россіи и очень много противъ очумѣвшаго ея владыки; объединиться съ вашимъ царемъ и попомъ все равно, что со смертью. Мы объединимся съ русскимъ народомъ всерадостно торжественно въ тотъ грозный день, когда онъ возстанетъ на помазанаго палача, котораго безсмысленная, дикая реакція довела до глухой стѣны, и онъ цѣлый день бьется свинцовою головою о каменную стѣну, тщетно отыскивая выхода. Не въ смрадное, гнилое болото сольются всѣ славянскіе ручьи, но въ разъяренное море. Вашъ царь—врагъ

нашъ и Россіи, давая ему оплеухи на глазахъ всей Европы и Россіи, заплевывая его сверху до низу, мы подаемъ примѣръ нашимъ братьямъ-рабамъ. Наша борьба—наглядная лекція для освободившей насъ и неосвободившей себя Россіи. Посмотрите, куда ведетъ васъ деспотія. Во время Крымской компаніи она могла устоять нѣсколько времени противъ Европы, 24 года спустя она насилу, насилу справилась съ неизлѣчимо больной Турціей; прошли еще 8 лѣтъ, и ваше самодержавіе, при общихъ аплодисментахъ, топчетъ ногами наша крошечная страна. Ваша деспотія, если ее взять даже, какъ военную силу, увы, уже болѣе никому не страшна; она, забрасывающая всѣ народы шапками, печально тонетъ въ плевкахъ.

Удайся вамъ порабощеніе, и черезъ нѣсколько лѣтъ славянскіе народы начнутъ ненавидѣть, презирать, не только царя, но и Россію, допустившую порабощеніе своихъ освободившихся братьевъ. Нашею кровью вы хотите осквернить руки русскихъ, потопить въ ней на вѣки ихъ героизмъ, жертвы."

Генералъ Кувыркасъ, въ Россіи потащившій въ участокъ всякаго, кто произнесъ бы при немъ слово „митингъ", лѣзетъ въ толпу, вступаетъ въ бесѣды съ народомъ. Зная, что въ Россіи слово царь должно вызывать паденіе на животъ, онъ обращается къ болгарскому народу съ провокаторскою фразою:

„Имѣете ли вы довѣріе къ государю?"

— Ни малѣйшаго — отвѣчаютъ ему.

„Царь не признаетъ вашего великаго собранія."

— А намъ что за дѣло.

„Освободите офицеровъ, свергнувшихъ Баттенберга."

— Нѣтъ, мы ихъ будемъ судить.

„Баттенбергъ все равно уѣхалъ и не воротится."

— Но законъ остается.

Сбитый съ толку логикою простаго народа, въ концъ опозоренный, онъ, бѣлѣе рубашки, продираетъ, окруженный стражею, и не къ русскому консулу, но нѣмецкому. На слѣдующій день, онъ отправляется провокировать остальное населеніе, подымать его на междуусобную войну... И всюду оплеухи, оплеухи, оплеухи. Англія и Австрія, напряженно слѣдившія за похожденіями разгулявшагося казака, рѣшили положить имъ

конецъ. Тисса произнесъ въ парламентѣ рѣчь, въ которой категорически заявилъ, что не позволитъ деспоту покуситься на независимую Болгарію; за нимъ тѣ же слова произнесъ лордъ Черчилль въ Дарфордѣ. Сербія, Румынія стали готовиться къ братскому союзу. Зловѣщіе признаки стали обнаруживаться въ затерзанной Польшѣ; старая крамольница почуяла пороховой дымъ, запыли ея старыя раны, и гнойная кровь закипѣла.

Мысли объ отступленіи Каульбарса, послѣ его неслыханно дерзкихъ провокацій цѣлой страны, послѣ того, какъ въ его лицѣ былъ растертъ въ плевкахъ самодержецъ, не допускаютъ самые злѣйшіе враги психопата III, по ихъ мнѣнію, такихъ невиданныхъ, неслыханныхъ униженій не можетъ снести даже, неимѣющая ни малѣйшаго представленія о человѣческомъ достоинствѣ, деспотія. Державнаго вождя буквально истрепали въ послѣдній мѣсяцъ. Баттенбергъ, въ своемъ тріумфальномъ шествіи, нѣсколько недѣль назадъ, проволокъ его по всей Болгаріи, привязаннаго ногами къ колесницѣ и, затѣмъ, мастодонтовскіе остатки болгарскій народъ долго мыкалъ по всѣмъ городамъ и селеніямъ, осыпая насмѣшками и палочными ударами.

Чтобы выйти изъ небывалаго въ исторіи положенія, азіатская деспотія волей неволей объявитъ войну. Не нужно быть пророкомъ, чтобы предсказать, что при первомъ столкновеніи она будетъ разбита на голову. Армія погибнетъ не отъ внѣшнихъ, по внутреннихъ враговъ, ее сожрутъ августѣйшіе воры: дядюшки, братцы, ихъ жены, любовницы и стаи сопровождающихъ ихъ гіенъ. Около Александра III стоятъ одни воры, палачи, шпіоны и идіоты; опираясь на такія живыя силы, побѣды одерживать мудрено. Солдаты по прежнему будутъ ѣсть червей, стрѣлять углемъ, вмѣсто пороха, и тысячами вымирать отъ голоднаго тифа и всевозможныхъ эпидемій. Вѣсть о первомъ пораженіи будетъ трубнымъ звукомъ, призывомъ къ возстанію. Вся Россія подымется гнѣвная и страшная. Революція, которую десятокъ лѣтъ чуятъ въ наэлектризированной атмосферѣ, не только чуткіе сердцемъ революціонеры, но и глухонѣмые реакціонеры, съ камнемъ въ груди, вспыхнетъ неугасимымъ пожаромъ. Мы вступимъ въ

нашъ 89 годъ. Загадочная страна, выдвинувшая фантастическихъ, неснившихся міру героевъ, свершитъ, наконецъ, свою историческую миссію. Ликвидація ветхаго міра, насквозь проѣденнаго червями, лживаго, преступнаго, безконечно свирѣпаго, начнется нами. Милліонъ разъ проклятая семья подкинутаго чухонца, если ее не успѣютъ поразить террористы, погибнетъ отъ руки разгнѣваннаго народа; всю эту сволочь, безъ всякаго суда, удавятъ, на глазахъ несмѣтной ликующей толпы.

Многіе спрашивали себя: за что такъ люто возненавидѣлъ Алек. Романовъ, душою крошечный, Алек. Баттенберга большого? Отвѣтъ слишкомъ ясенъ: Ал. Ш трусишка, Ал. Баттенбергъ храбый. Ал. Ш чѣмъ далѣе, тѣмъ все болѣе погружается въ тьму самодержавія, онъ мечтаетъ о всесвѣтномъ полицейскомъ участкѣ, всемірномъ третьемъ отдѣленіи. Алек. Баттенберъ начавшій скверно, подъ конецъ все болѣе, болѣе отдавался свободному теченію. Александра Ш нація презираетъ и ненавидитъ. Ал. Баттенберга, за его мужественную борьбу съ на видъ сильнымъ тираномъ, нація полюбила. Ал. Ш опирается на ветошь, опозоренную чинами и орденами, на шпіоновъ, воровъ, убійцъ и безмозглыхъ святошъ. Ал. Баттенбергъ, подъ конецъ, оперся на могучія, молодыя, свѣжія силы. Алек. Ш мучаетъ по тюрьмамъ, душитъ по ночамъ революціонеровъ въ Шлиссельбургской крѣпости; Алек. Баттенберъ далъ имъ пріютъ...

Посмотрите, какъ травитъ Баттенберга наша казенная полицейская пресса. Брать въ руки „Новое Время“, Моск. Вѣдомости“ положительно невозможно — мыла послѣ недостаточно, нужна фенеловая кислота, воняютъ они бухарскимъ клоповникомъ, сырымъ, тюремнымъ, слизлымъ подваломъ; Алек. Баттенбергъ иначе не именуется ими, какъ воръ, трусишка, подлецъ, предатель, тиранъ; не прибавляй они, изъ предосторожности, на каждомъ шагу — Баттенбергъ, наивный читатель принялъ бы, что они тонко ведутъ рѣчь объ Алек. Ш. По ихъ словамъ, оваціи Баттенбергу вынуждены палочными командами, онъ затиранилъ страну произволомъ, отдалъ ее шпіонамъ, жандармамъ; лучшіе люди Болгаріи томятся по тюрьмамъ... словомъ

все, что творится въ Россіи, они пересаживаютъ на болгарскую почву. И тѣ же смѣлые, правдивые Катковъ, Львовъ, Суворинъ, Мещерскій и проч. когда зайдетъ дѣло о каторжникѣ Романовѣ, иначе не выражаются: „Ихъ Величество всемилостивѣйше изволили удостоить отбыть во внутреннія аппартаменты“, „безпредѣльное, неподдѣльное, ура было отвѣтомъ безконечно обожаемому государю“. „Народъ бросился со слезами неподдѣльнаго, священнаго восторга лобызать землю, которую удостоили осчастливить прослѣдованіемъ верховный вождь земли русской.“ „Неподдѣльное обожаніе всей націи къ носителю ея судебъ, державному властителю, поистинѣ безконечно.“ „Готовность умереть за милліонъ разъ боготворимаго, православнаго царя-батюшку переполняетъ всѣ истинно русскія сердца, не отравленныя шаблонными, пресловутыми, поверхностными, ученьями гнилаго запада.“ „Велико, безпредѣльно велико державное слово, радостно трепещетъ и обливается слезами народное сердце, когда долетаетъ до него, въ его убогую лачугу бодрящее, трезвящее, царское, крѣпкое слово.“ „Всевластное приказаніе незабвеннаго монарха мгновенно остановитъ произволъ въ несчастной Болгаріи и водворитъ, горячо желаемыя всѣмъ народомъ: благоденствіе, тишину, законность; поселянинъ снова примется за плугъ и вознесетъ слезную мольбу къ небесамъ за своего державнаго избавителя.“

И эти грязненькіе лакеяшки, извергающіе изъ себя эту холерную блевотину, воображаютъ, что имъ вѣритъ читающая публика, они хотятъ дирижировать общественнымъ мнѣніемъ!

Сокращенное евангеліе

К. Побѣдоносцева

———

Это евангеліе приспособлено оберъ-шалуномъ Бѣдоносцевымъ для учебныхъ заведеній, съ цѣлію развитія въ учащихся истинно питрическихъ чувствъ и поддержанія самодержавія, православія, благолѣпія.

Блаженны грязные духомъ: имъ царствіе русское!

Блаженны доносящіе, убивающіе, грабящіе, но при семъ жандармерію, святѣйшій синодъ, царя обожающіе, они въ большіе чины возведены будутъ, сынами отечества нарекутся.

Блаженны вышніонивающіе правду всюду и объ оной куда нужно доносящіе, орденами, чинами, деньгами они весьма насытятся.

Блаженны спущенные съ лѣстницы головою внизъ, за подслушиваніе у дверей, правды: великая имъ будетъ награда. Въ случаѣ смертельнаго ушиба, вознаграждены будутъ отъ самихъ порфироносцевъ вѣнкомъ, съ надписью: „Исполнившему священный долгъ до конца“.

Скорѣй канатъ пройдетъ черезъ игольное ухо, чѣмъ человѣкъ съ радикальными взглядами проскользнетъ на службу царскую.

Горе, если о васъ хорошіе люди будутъ говорить хорошо: вы уже не примите награды отъ высшихъ начальствъ.

Горе смѣющимся надъ правительствомъ: въ Шлиссельбургской крѣпости восплачутъ они и возрыдаютъ.

Блажены немилующіе революціонеровъ, въ случаѣ поимки съ серебреными ложками, они помилованы будутъ.

Горе отдающимъ имущества, всѣ силы ближнимъ, безъ разрѣшенія мѣстнаго участка и, при семъ, хра-

мы непосѣщающимъ : великое тюремное заключеніе они примутъ.

Возлогаютъ революціонеры, безъ письменнаго разрѣшенія, бремена тяжелыя на плечи свои, чтобы другимъ легче было, за это они въ мѣста весьма отдаленныя отправятся.

Не то не чисто, что входитъ въ шпіонское ухо, но то, что тайною для начальства остается.

Берите въ ларяхъ общественныхъ такъ, чтобы лѣвая рука не знала, что зацапываетъ правая, иначе въ запрещенныхъ изданіяхъ фигурировать будете. Покорена подъ нози вся пресса наша, но подпольная нѣтъ, и не предвидится конца неистовствамъ ея... Опустошили, ночью, въ Женевѣ одну типографію, работаетъ другая. Изодрали одни листы, явились другіе въ количествѣ еще большемъ. Лишить живота авторовъ ихъ весьма нетрудно, — но сіе непомѣрному распространенію ихъ сочиненій способствовать можетъ.

Разъ въ годъ отдавайте въ мытьё совѣсть, мясо божье кушайте и божью кровь пейте, но сіе не даетъ вамъ права въ остальное время, безъ предписанья начальства, зря кушать человѣчину.

Въ плечо цѣлуйте наставниковъ и благодѣтелей вашихъ, благославляйте чины, ордена, полученные вами, молитесь за повышающихъ васъ и проклинайте, ненавидьте террористовъ нашихъ; слѣдуйте во всемъ красному солнцу русскому, которое свѣтитъ неправеднымъ, посылаетъ градъ на праведныхъ.

Революціонеры! любите жандармерію, терзающую васъ, обожайте царя, губящаго васъ, благославляйте тайную полицію, заточающую, ссылающую васъ, слѣдуйте Христу, молящемуся за враговъ своихъ.

Молитесь, бія себя въ перси, громко, на видномъ мѣстѣ, за царя и охраняющихъ его, и мытарствовать вы не будете.

Ни бревенъ, ни колоннъ въ глазѣ начальственномъ не замѣчайте, а подавно оныя не вынимайте, на то комиссіи есть.

За слѣпыми вождями слѣпо слѣдуйте, передъ выгребною ямою не останавливайтесь, но вождя о ней почтительно предупреждайте, чтобы не свалился вмѣстѣ съ вами.

Собирайте сокровища, и чтобы революціонная моль не съѣла ихъ, кладите ихъ въ иностранные банки; въ одномъ съѣдены будутъ, въ другомъ сохранены; слѣдуйте примѣру державной фамиліи нашей.

Когда начальство весьма ударитъ по правой щекѣ, съ доброю слезою подставьте лѣвую; если на скамью лечь велитъ, штанишки весело снимайте, и на скамейку радостно ложитесь, но самп ничего подобнаго въ отношеніи начальства не предпринимайте, иначе висѣлицу на тюремномъ дворѣ вкусите.

Съ разрываніемъ одеждъ, воплями великими преслѣдуйте убійства, грабежъ, пороки въ маломъ видѣ, передъ высочайшими же убійствами, грабежами, пороками до земли преклонитесь и на нихъ возмолитесь.

Если жена ваша блудъ сотворитъ съ посторонпимъ, побейте ее камнями, если жена постороннпяго съ вами блудъ сотворитъ, по мѣрѣ силъ безъ утрировки вознаградите ее.

Рукоблудіемъ занпмайтесь, ибо опо молитвенность возбуждаетъ, душеспасптельность воздымаетъ, райскія обители отверзаетъ, самодержавіе, православіе укрѣпляетъ, лучшіе, святые наши, въ санѣ архіерейскомъ, премного имъ занимались и сіе не помѣшало преподобнымъ, нетлѣннымъ мощамъ ихъ чудеса творитп.

Держите свѣтильники зажженными, ибо не вѣдаете часа, когда придутъ сыпы тайной полиціп, въ сопровожденіи дворника, для осмотра квартиры вашей, для наложенія цѣпей на васъ.

Придите всѣ обремененные подслушанными тайнами, мы вознаградимъ васъ; пго наше для васъ благо.

Не міръ мы пришли принести, но нагайку. Мы раздѣлимъ отца съ сыномъ, матерь съ дочерью ея, студента съ товарищемъ его. Довольно одиночныхъ камеръ у насъ, довольно мѣста въ Сибири нашей!

Служители тайной полиціи! Позволяемъ вамъ наступать на силу вражью и изгонять бѣсовъ изъ россійскихъ душъ крамольныхъ. 1-го Марта мы видѣли сатану, спадшаго съ неба, въ видѣ бомбы, мѣсто сіе храмомъ украшено будетъ.

Мы разрушили всю правду въ три дня, и на ея мѣстѣ великое зданіе для охраны воздзигнулп.

Мы — источникъ воды живой, полный микробовъ живыхъ.

О, молодые люди, побивающіе шпіоновъ и провокаторовъ, посланныхъ къ вамъ! Сколько разъ жандармерія хотѣла собрать васъ всѣхъ, какъ птица собираетъ птенцовъ своихъ подъ крылья, но вы не захотѣли, не захотѣли!

Небо и земля перейдутъ, но тайная полиція не перейдетъ.

Если праведность ваша не достигнетъ праведности въ бозѣ почившаго жандармскаго полковника Судейкина, вы не войдете въ обѣтованный отдѣлъ царствія русскаго.

Горе вамъ, Харьковъ, Кіевъ, Одесса! Если бы въ Тирѣ и Сидонѣ были явлены полицейскія мѣры, явленныя въ васъ, они бы во вретищахъ ,пеплѣ покаялись.

Горе тебѣ, Петербургъ, до цареубійства вознесшійся! Ты до зданія Цѣпнаго моста низвергнешься. Если бы въ Содомѣ были явлены силы, явленныя въ тебѣ княземъ Мещерскимъ, „Гражданина“ издателемъ, онъ оставался бы до сихъ поръ. Но говорю, въ дни чрезвычайныхъ охранъ, ты не разъ еще позавидуешь землѣ содомской.

Посмотрите на чудеса вокругъ: слѣпые любуются на насъ, глухонѣмые воспѣваютъ насъ, прокаженные, коростовые восторгаются нами, калѣки присядкой услаждаютъ насъ. Вся Россія превратилась въ купель силоамскую: ангелы въ голубыхъ мундирахъ денно и нощно мутятъ воду ея.

Апрѣль, 1887 г.

Похороны солитера

„Истина безсмертна, она никогда не погибаетъ, она живетъ, растетъ вѣчно.

Эздра.

Ни одинъ человѣкъ, не можетъ избѣгнуть своей судьбы... Кони судьбы бѣгутъ ночью.

Коранъ

Войска, жандармерія, полиція пышно волокутъ Солитера въ Петропавловскую крѣпость, то есть церковь, класть рядомъ съ отличившимися въ бозѣ реформаторами.

Длиннополый сертукъ. Отцы родные! Разскажите, какимъ это манеромъ его того...

Прилично одѣтый. Нынѣшнихъ газетъ не читалъ, пока еще никто не знаетъ.

Длиннополый сертукъ. Оченно интересно, что скажутъ о немъ послѣ смерти. Вотъ судьбище пойдетъ!.. по косточкамъ родименькаго разберутъ.

Прилично одѣтый. Ступайте и прислушивайтесь, но въ энтузіазмъ не входите—въ какую бы сторону онъ не направился, васъ, во всякомъ случаѣ, возьмутъ въ участокъ.

Мещерскій (издатель газеты „Хамъ“). Въ газетѣ каждый день твердилъ: заводите восточныя бани, давайте просторъ благонамѣреннымъ чувствамъ; не слушались, боялись расходовъ, ну... и платитесь. Въ ко-

миссіяхъ, собраніяхъ, совѣтахъ, я не одинъ разъ предлагалъ реформы, настаивалъ: господа начальники военно-учебныхъ заведеній, поощряйте, показывайте примѣръ, указывайте на классическіе образцы. Цезари, сами цезари, полуміра властелины, не чета нашему гатчинскому-съ, и тѣ всенародно вѣнчались съ примѣрными молодыми людьми... Почему Его Величество султанъ вполнѣ торжествуетъ надъ крамолою? Потому что не одними гаремами наслаждается, но и съ мальчиками пошаливаетъ... Въ послѣднемъ гатчинскомъ собраніи, когда я вполнѣ развилъ мою строго консервативную программу, одинъ франтъ рѣшился, опираясь на разные научные авторитеты, доказывать, что педерастія отжила свой вѣкъ, что XIX вѣкъ выдвинулъ новые, болѣе энергическіе способы спасенія. Треповъ, Черевинъ бросились меня поддерживать, но видно, что недостаточно разсмотрѣли вопросъ спереди и сзади, и они не могли разсмотрѣть: оба кончили курсъ въ Смаргонской академіи и исключая „Полицейскихъ вѣдомостей“ ничего во всю жизнь не читали. Терпѣть не могу, когда какіе нибудь, невѣжественные каптенармусы суются; великіе князья: Алексѣй, Сергѣй, Павелъ, молили брата испробовать, указывали на, довольно блестящіе, личные опыты, сознались, что были либералами, и только практическій классицизмъ, спасъ ихъ, привелъ ихъ къ истинно русскому консерватизму, но позорный трусишка завилялъ хвостомъ, вздумалъ указывать на общественное мнѣніе Европы; проспалъ годикъ подождать, дать ему хорошенько поучиться... ну и дождался... На сына нечего разсчитывать, хотя бы онъ и уцѣлѣлъ: Побѣдоносцевъ его уже успѣлъ пристрастить къ своему любимому занятію; цѣлые дни, говорятъ, прячется по темнымъ угламъ, какой то совсѣмъ гнилой, нелѣпый лягушенокъ...

Катковъ, Толстой, Побѣдоносцевъ кричатъ: „Закрывайте, учебныя заведенія, судебныя учрежденія; заточайте, порите, вѣшайте, и все пойдетъ по маслу!“ Я говорю: „Прекрасно, господа! закрывайте учебныя заведенья, судебныя учрежденія, но не забывайте открывать турецкія бани съ развлеченіями, шалостями... Бейте нещадно въ голову — она всему виною, но поощряйте вполнѣ консервативный органъ, въ нѣкоторомъ родѣ, поддержи-

вающій православіе, самодержавіе. Разрушать легко, созидать-съ нужно... Наконецъ, главное забываютъ, что привлечь армію мы можемъ только этимъ способомъ, все остальное вздоръ, анархическія бредни. Божественнымъ масломъ, мономаховскимъ картузомъ мудрено въ наше время провести, послѣдній солдатишка на нихъ плюетъ. Удовольствіями привлекать нужно, амурчиками, купидончиками. (Продолжительно ржётъ, близъ стоящія извощичьи лошади подхватываютъ.) Къ сожалѣнію, послѣдовательные консерваторы, умѣющіе знаменемъ потрясать, переводятся. Скоро я одинъ останусь на вершинѣ общественнаго зданія, съ доброю улыбкою и готовностью всякому не на словахъ, а на дѣлѣ показать свое ученіе... Ненавижу фразёровъ

Воронцовъ-Дашковъ (обрывая лепестки маргаритки). Оставятъ въ случныхъ конюшняхъ?. Нѣтъ!.. Оставятъ? Нѣтъ! (съ торжествомъ) Оставятъ! Если на самомъ дѣлѣ оставятъ, то чортъ съ нимъ! Сколько смѣха, горя перенесъ, когда мыкалъ его, какъ контрабанду, по желѣзнымъ дорогамъ; такія предосторожности предпринимали, будто онъ былъ царь динамитный и, при первомъ толчкѣ, могъ весь поѣздъ взорвать. Сколько разъ мы съ Черевинымъ его вышучивали; скучно дорогою, ну и начнемъ выпугивать. Вѣчно пьяный Черевинъ болѣе всѣхъ потѣшался. До того доводили, что весь затрясется и куды зря лѣзетъ. Мы его и въ сортиръ на цѣлый день запирали, и голаго въ коллосальный сундукъ укладывали, и физіономію, какъ дикому, расписывали, а разъ даже бабой-судомойкой нарядили, эта десятипудовая бабища, коротконосая, насъ всѣхъ въ лоскъ положила. Какъ мы выносили!... иногда доходило до колики. Въ концѣ концовъ ордена получили за спасеніе.

Министръ Толстой (пляшетъ, прищелкивая пальцами). Ай люли!.. ай люли! Сашка! эго я тебя сподобилъ. (испуганно) Стараго, бѣднаго Митьку террористъ мучаетъ! Ой рѣжутъ! рѣжутъ! Мишку Каткова рѣжьте, онъ соблазнялъ, онъ соблазнялъ! (трясется и плачетъ).

Прохожій (другому указывая на Толстого). Вотъ уже два года, какъ рехнулся. Его таскали въ Крымъ; уединеніе немного помогло, и полусумасшедшаго вернули

на старое мѣсто, но онъ недолго творилъ преступленія: вскорѣ снова свихнулъ. День и ночь его мучаютъ галлюцинаціи; онъ вѣчно слышитъ за собою шаги революціонера, и вѣчно боится. Всѣми проклинаемый дѣтоубійца медленно и страшно умираетъ. Онъ нестерпимо безсмысленно терзавшій свою родину, теперь самъ нестерпимо терзается. Если бы почаще такіе случаи, можно было бы и трезвому человѣку въ благое провидѣніе увѣровать. Вонъ, за гробомъ порфироноснаго провокатора чуть не почище молодцы идутъ! Предатели, цѣлую страну предавшіе; убійцы, цѣлое поколѣніе зарѣзавшіе... За версту несетъ отъ нихъ трупами, висѣлицами, застѣнкомъ... Вотъ ужъ истинно, ненасытные стервятники!

Побѣдоносцевъ. Вѣшали мало; на проповѣди Исаакіевскаго собора скупились; церковь православную забыли; господа нашего Іисуса Христа не поняли. (съ паѳосомъ) Самого бога-съ, творца вселенной, іерусалимская, полиція плеточкой поподчивала и оплеухами накормила. а они вздумали со смердами церемониться! Противъ религіи пошли, ну... и подѣломъ!

Муравьевъ-Фроловъ. Услугъ моихъ цѣнить не умѣли; забыли, сколько я имъ на висѣлицу поставилъ. Меня за одну беременную Гельфманъ слѣдовало министромъ юстиціи сдѣлать; не даромъ же,—чортъ дери — я подъ кличками поставщика висѣлицъ, христопродавца, изверга, мерзавца по всей Россіи разгуливаю, ну, это, положимъ, вздоръ, все дѣло въ окладѣ... ну, а какъ не нынче... завтра... какая же тогда выгода? (сильно задумывается).

Черевинъ. Тайную полицію во всемъ стѣсняли; пытали не по правиламъ; все амнистіями, да лжегуманностью хотѣли взять; французскую республику передразнивали... ну и подѣломъ!...

Катковъ. Польской справѣ потакали; внутренней измѣнѣ глазки дѣлали; съ судами жеманились, государства въ государствѣ заводили; высшую власть отовсюду по шеѣ гнали; съ университетами заигрывали; все фальшивою гуманностью, да полумѣрами хотѣли взять. Сотни разъ повторялъ: не стѣсняйте господъ урядниковъ, пусть сѣкутъ и ссылаютъ, по усмотрѣнію; не слушались, ну и по дѣломъ!

Треповъ. Сѣкли мало и секретно — передъ истлѣвшимъ западомъ раболѣпствовали. Совсѣмъ забыли, что для разбалованной въ конецъ Россіи-матушки публичное наказаніе на козлѣ требовалось, и не розочки, ибо рощицы березовыя давно повырублены, а ремешковая плеть, съ тройнымъ наконечникомъ, съ кошечками-съ.

Фуксъ (вѣшатель). Печать въ конецъ распустили, въ конецъ... анархію завели... ну, и по дѣломъ!

Проходитъ толпа народа, слышатся голоса:
„Ловко пошабашили! молодцы!“

Либеральный членъ думы (радикальному обывателю). Вы, конечно, знаете, что какъ только чухоно романовскій щенокъ дѣлается вполнѣ собакою, ему покупаютъ въ нѣсколько сотъ тысячъ дворецъ, который освобождается отъ всѣхъ городскихъ налоговъ. Ихъ пятьдесятъ штукъ, и у каждаго по дворцу, а у маститыхъ по два, по три. Наша горемычная дума на нихъ теряетъ нѣсколько сотъ тысячъ въ годъ. Городъ скоро станетъ прокаженною ямою, на больницы, школы не хватаетъ; гордость Петербурга — женскіе медицинскіе курсы закрываются отъ недостатка средствъ,а душегубы,валятъ и валятъ на нашу шею: что ни день — то свадьба, приплодъ или совершеннолѣтіе... хоть въ петлю!... вознесеніемъ прохладныхъ молитвъ, безпредѣльными чувствами не хотятъ ограничиться — узнали имъ цѣну! требуютъ денежныхъ пожертвованій... По случаю разлитія 1 Марта обожаемой крови, скрѣпя сердце, предложили часовеньку, — велѣлъ созидать храмъ, не простой, а золотой и свалилъ мость въ пятьсотъ тысячъ на думу. Спрашивается: чей папенька вознесся? Ну и пусть бы изъ награбленнаго наслѣдства строилъ, сколько душѣ угодно. Просто позоръ! такіе совсѣмъ дикіе деспоты во внутренней Африкѣ переводятся. Зачѣмъ же окно прорублено? Если мы въ него Европѣ однѣ срамныя мѣста будемъ показывать, то она насъ скоро въ палки возьметъ, въ дальнія степи пастись погонитъ.

Вотъ будетъ сюрпризъ, если новый начнетъ новый жертвенникъ воздвигать, клочки свинаго сала канонизировать.

Радикальный обыватель. Чего же лучшаго вы хотите отъ безшабашной, разбойничьей банды, потерявшей даже звѣриный образъ? Просмотрите самыя блѣдныя иностранныя газеты, и вы убѣдитесь, что наша широчайше-высочайшая шайка стала всесвѣтнымъ позорищемъ. Воры „Мы Божьей милостью“ пользуются своимъ нечеловѣческимъ положеніемъ, тащутъ все, что подъ руку попадется. Если какимъ нибудь чудомъ они протянутъ еще десятокъ лѣтъ, — они любезное отечество въ Ирландію обратятъ. Но комичнѣе всего, что нашъ, клейменый митрополитомъ, въ Успенскомъ соборѣ, высочайшій воръ на пожертвованія пускался, помните наводненіе въ Польшѣ... дальше этого наглая глупость идти не можетъ. Прослышалъ онъ, что Гумбертъ, послѣ всякаго народнаго бѣдствія, сотни тысячъ франковъ жертвуетъ и, не сообразивъ въ чемъ дѣло, вздумаль, подражать; я вовсе не умиляюсь передъ Гумбертомъ, это попросту коронованный Альфонсъ, живущій на содержаніи у старой Италіи; пылкая старушка платитъ ему двадцать пять милліоновъ франковъ за то, что онъ растлѣваетъ ее своею королевскою особою. Сотня тысячъ, выброшенная обратно ограбленному народу — площадной фарсъ, но въ немъ хоть есть логика: коронованный шутникъ отрываетъ сотню тысячъ отъ опредѣленной ему суммы, которую, безъ уважительныхъ причинъ, перейти не можетъ... Но вообразите, если тотъ же маневръ рѣшается продѣлать Далай-Лама всея Руси, стоящій внѣ экономическихъ законовъ, для котораго государственное казначейство — настежъ раскрытый, семейный сундукъ; нынѣче далъ, а завтра въ десять разъ большую сумму выкралъ! И объ этой шуллерской передержкѣ осмѣлились, безъ стыда, смѣха, упоминать въ дворцовыхъ сферахъ! святѣйшій шалунъ даже сравнилъ его съ печальной вдовицей, положившей послѣднюю лепту. Повидимому, ничтожный фактецъ, о немъ даже никто не помянулъ, но какъ вспомнишь, что наша обильная земля поставляетъ ихъ по малой мѣрѣ триста шестьдесятъ пять въ годъ, то голова идетъ кругомъ.

Купецъ (другому). Вотъ таперича гляньте, что изъ ихъ Величества произошло. (сдуваетъ съ лодони) Тьфу! и ничего, срамъ смотрѣтъ... а вѣдь помазаны-съ были

самымъ первымъ порядкомъ; шапочку Мономафову при всѣхъ заграничныхъ примѣряли-съ... Шально деньги пошли... Уже когда-съ отъ Бога, то онъ, примѣрно, беречь должонъ. Самъ вольнымъ духомъ вымазывалъ, ну, ради эфтого одного остереги, направь; ежели завихнулъ, толкни въ загривокъ. Вначалѣ хорошо шло: какъ бы отъ бога; провидѣнція, когда въ ихъ папеньку въ первый разъ цѣлили, руку отстранила, и Комисаровъ безпримѣрно вознаграждены были, я самъ ему на чаекъ трехрублевую пожаловалъ; изъ костромскаго лѣса выбѣгъ, и прямо въ дворянское сословіе попалъ.

Прохожій. Хороша провидѣнція! платокъ пьяница удилъ...

Купецъ 1. Насчетъ кого это они выразились?

Купецъ 2. Жуликовъ поминаетъ.

Купецъ 1. Совсѣмъ, какъ обнокновенный померъ; можно сказать, какъ песъ. Какое же таперича различіе, когда такое дѣло за прохладъ можетъ приключиться? Одинъ разъ хорошо-съ—можно было недосмотромъ объяснить, провидѣнція дескать рюмочку, другую пропустила и маленько всхрапнула, а мигилисты промежъ себя переглянулись и прихлопнули; но двасъ плохо—значитъ оченно въ нутро потрафлять пошли; два Александра по нумерамъ уложены... одинъ соблазнъ. Какъ красный звѣрь въ норѣ хоронился, а не помогло, видно, ихъ брата повсемѣстно переводить стали (въ раздумьи.) Мячикъ не больше пельсинта, а никакъ противъ не устоишь, разрушительность непомѣрная: такъ и кладетъ, кладетъ. Ныньче примѣрно всей имперіей по своему скусу распоряжаешься, а завтра въ лахмоточки разлетаешься, и участковые съ меланфоліей тебя по улицѣ собираютъ..... Дивны дѣла твои, Господи!

Купецъ 2. Какъ же съ храмомъ то? пополамъ ли передѣлятъ, или на мѣстѣ втораго разлитія новый, еще важнѣе зачнутъ? Говорятъ братецъ ихній, полъ храма въ карманъ запряталъ...

Купецъ 1. Атанде-съ! Не хочешь ли часовеньку, да подешевше? Отъ него одно разрушеніе шло.

Купецъ 2. Резонъ! Вѣдь ихъ фамилія болѣе полсотни въ себѣ совмѣщаетъ, гдѣ же можно будетъ храмовъ наготовиться?

Купецъ 1. Если черезъ полицію молитвъ, чувствъ затребуютъ,— предоставимъ. Отъ чего не предоставить— языкъ безъ костей, бумага все терпитъ, ну а на счетъ пожертвованій—погодить могутъ.

Купецъ 2. Доходы несмѣтные, не спрашиваясь все себѣ берутъ, а, въ случаѣ чего, побираются... Ироды! Говорятъ, они свои милліончики въ иностранные банки припрятываютъ, на благополучный конецъ болѣе не надѣятся.

Желчный господинъ (индифферентному пріятелю). Ну и реформаторъ! во истину ррефформаторъ! Ловко поработалъ, дажо наслѣдниковъ не забылъ; совсѣмъ самоѣдъ! Интересно, что скажетъ о немъ исторія, не камеръ-юнкерская или камеръ-фрейлинская, а настоящая?

Индифферентный пріятель. Онъ не исторіи принадлежитъ, но психіатріи.

Желч. господинъ. Эго мило! сто-милліонную страну въ лоскъ ограбилъ, 20 человѣкъ впотьмахъ повѣсилъ, изъ беременной жилы вытянулъ, и ребенка ея удавилъ, нѣсколько тысячъ избранныхъ по тюрьмамъ и въ ссылкахъ затиранилъ, науку, мысль шпіонамъ отдалъ, и вдругъ... подъ психопатскимъ, бѣлымъ покровомъ въ вѣчность проскользнетъ! Нѣтъ! заплюйте гробъ его, вѣчное пугало, посмѣшище изъ него сдѣлайте! Имя собственное въ нарицательное обратите, въ брань площадную! Въ ярмарочныхъ балаганахъ его свиную, идіотскую фигуру показывайте, съ нецензурными комментаріями... Скажите пожалуйста! Психопотикъ несчастненькій, недоросточекъ, коварными придворными наталкиваемый! Невинненькій палачъ въ гипнотическомъ снѣ вѣшающій (указывая на Муравьева) тогда и этого трупнаго паразита, скамейку выдернувшаго изъ подъ пяти великихъ праведниковъ, на висѣлицахъ карьеру дѣлающаго, можно будетъ въ больницу зачислить!...

Аксаковъ (растрепанный, съ очень нечистымъ носомъ и натертыми глазами). Гдѣ мы? Что мы? Кого мы? Какъ мы? За что мы? Пелена, свергнись съ очей!

Гдѣ? Какъ? въ какомъ мѣстѣ? Клевета, вздоръ бредъ, хаосъ, смерть! Старуха Иверская, Пожарскій, гдѣ вы голубчики? Нѣтъ отвѣта! Чортъ дери! куда же они запропастились?... Палъ онъ! Онъ, вымазанный русскою землею! Померкни наглое солнце! ты освѣщаешь всеславянскій позоръ. Затмись блѣдная, ничтожная луна, ты не нужна болѣе Россіи... Нелѣпыя звѣзды, прочь съ неба! тяготѣніе нарушилось, пупъ земной поколебался. Разлетись въ искры, земля! Романовъ домъ разсыпался... Небесный сводъ колеблется... кишки, мостовая, мозгъ колеблятся... Славянофилушки - братушки, грянемъ въ царь колоколъ безъ языка, хватимъ изъ царя пушки... (полицейскіе подходятъ, убѣдившись въ полнѣйшей, благонамѣренности, благожелательности Аксакова, вытираютъ ему довольно грязнымъ платкомъ носъ, а затѣмъ, какъ бы въ шутку, трясутъ за носъ).

Суворинъ (Буренину, указывая на Аксакова). Смотрите, какъ надрывается, хоть бы носъ вытеръ. Только однимъ носомъ и сливается съ народомъ. Глазищи выпяливаетъ, какъ Ольриджъ и слюнами поразительно брызжетъ. Скоро начнетъ кататься кубаремъ и на голоса кричать; забылъ, что покойный за одного террориста всѣхъ его братушекъ настоящихъ и будущихъ Австріи уступалъ.

Буренинъ. Забавнѣе всего, что надрывается, какъ и всегда, совершенно платонически, не дорогъ ему подарокъ — дорога ливрея. Вначалѣ мы думали, что онъ этими древними чувствами чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника зашибетъ. Когда Игнатьевъ, въ качествѣ питейнаго свѣдущаго министра, носился надъ сушей и надъ водами, многіе воображали, что онъ его секретаремъ сдѣлаетъ и озолотитъ... Одно забыли, что Николай Павловичъ Игнатьевъ расцѣловать — расцѣлуетъ, двумя руками одну руку сто разъ пожметъ, даже по ляжкѣ, спинкѣ задушевно потреплетъ, но благами земными не подѣлится: для нихъ у него карманы длинные, предлинные, бездонные.

Суворинъ. Замѣчательный пустоцвѣтъ этотъ Аксаковъ.

Буренинъ. Въ прошлый разъ, по поводу 1 Марта не поэкономилъ реторикой, всю истрѣлялъ, а теперь дуется,

дуется, чтобы словечки, приличныя случаю подъискать, да не вытанцовывается; одна непозволительная холуйская ерунда виходитъ; можетъ и хамъ вѣрный, а вѣрнѣе всего притворяется, послѣднюю карту на авось ставитъ.

Суворинъ. А мы что напишемъ? Не скрываю, батенька, трудненько его въ сонмъ боговъ и реформаторовъ провести: очень ужъ всѣмъ насмердилъ. Неслыханное, сумбурное, отчаянно забубенное царствованіе! Романовы, какъ тѣ градоначальники у Щедрина, помните: одинъ паркетный полъ настѣлитъ, другой сломаетъ; не цари—шуты гороховые.

Буренинъ. Есть о чемъ думать! Упомяните, съ свойственною вамъ, теплотою, о голосѣ, раздавшемся съ высоты трона по поводу хищеній; пропустите о темныхъ слухахъ, будто бы „всѣми обожаемый" хотѣлъ, наконецъ, раскрыть державную десницу, излить благодать безъ конца на дорогую отчизну; что высочайшія уста уже раскрывались, чтобы изречь полное всепрощеніе, не только живымъ, но даже давно повѣшеннымъ, но вдругъ грянулъ святотатственный ударъ, ошеломившій до апоплексіи всю Россію. Можете даже хватить, какъ Юрьевская, что „незабвенный" мученикъ, черезъ нѣсколько часовъ послѣ смерти, подписалъ таинственную бумагу о „созваніи" чего? неизвѣстно! Иной взгрустнетъ о парламентѣ, другой о питейныхъ свѣдущихъ представителяхъ. Найдутся такіе, что скажутъ: „Шпіоновъ, воровъ, разбойниковъ со всей Россіи сзывалъ". Остальное спишите у Аксакова, Каткова, а хотите нѣчто съ душкомъ, чтобы нечищеннымъ, забытымъ отхожимъ мѣстомъ въ носъ шибнуло, закажите нашему талантливому Евгенію Маркову, или не менѣе талантливому Аверкіеву. Аверкіевъ ухарски висѣлицы и сапоги казненныхъ описываетъ, помните, какъ онъ въ фельетонѣ 4 апрѣля 81 г. удачно примѣнилъ къ Ал. Ш стихи Пушкина, посвященные Петру; движимый безпредѣльнымъ чувствомъ, промахнулъ нумеромъ: съ третьимъ слѣдовало сравнить.

Суворинъ. Зачѣмъ же Маркову? Ему прійдется двойную цѣну отъ строчки заплатить, такъ какъ случай, хотя не единственный, но все таки торжественный. Я самъ не хуже его составлю. Наконецъ, я знаю Маркова,

онъ непремѣнно до омерзенія перехолопитъ, дальше тайной полиціи хватитъ, вспомните „у Голговы“; къ тому же, воля ваша, слишкомъ уже скомпрометированная личность, очень ужъ того... Аверкіевъ тоже не изъ бѣленькихъ.

Буренинъ. Аллахъ! какіе только подлецы бываютъ! иной разъ такой предстанетъ, что „лбомъ въ полюсъ упирается, а пятками въ Кавказъ“, кажется за глаза довольно, анъ нѣтъ! смотришь, изъ за него другой возносится ноги черезъ Кавказъ перекидываетъ...

Суворинъ. Прекратимъ, батенька, этотъ разговоръ.

Жаждущій отпрыскъ древней фамиліи. Всѣ наши завѣтные, дворянскіе аппетиты порасшевелилъ, и совѣршенно шально. Какіе то нелѣпые дворянскіе банки выдумалъ; мы надѣялись, что намъ прямо будутъ деньги выдавать за чувства къ престолу!

Затерявшій въ III отдѣл. свою первоначальную фамилію (обращаясь къ новичку). Не только мы, но и старожилы не запомнятъ такого благословеннаго царствованія. Ихъ дѣдушка, папенька хороши были, грѣшно жаловаться, но противъ него куды! Вполнѣ помазанникъ божій! Кабы господь милостивый почаще такихъ благодѣтелей посылалъ. Довѣрчивъ былъ, до того довѣрчивъ, что, сказать нельзя; всему вѣрилъ; сколько разъ для смѣха пари держали,—анъ взялъ да и повѣрилъ, и кромѣ этого еще изъ кассы священнаго долга вознагражденіе выдалъ. Дивились мы на него. Одинъ изъ нашихъ шутниковъ такой слухъ пустилъ: „Видѣлъ, говоритъ, какъ большущій вагонъ по поднебесью носился, а искры изъ него, съ великимъ трескомъ, такъ и сыпятся; поносился онъ, поносился, затѣмъ круто за луну поворотилъ и поминай, какъ звали.“ Что жъ вы думаете? позвалъ, руку съ чувствительностью пожалъ, всѣ подробности, съ большимъ содроганіемъ выслушалъ, и говоритъ генералу Черевину: „Велите стражѣ не очень въ землю упираться, пусть и за небесами приглядываютъ— непокойно тамъ; злоумышленность ихъ еще не то придумаетъ.“ Бывшій министръ Игнатьевъ какъ прослышалъ про это, такъ тотчасъ же проэктъ необычайной башни, съ электрическимъ освѣщеніемъ представилъ, но заломилъ несообразно и черезъ это разошлось. Съ этой башни не

только ученый, астрономъ, но какъ есть самый послѣдній урядникъ могъ тотчасъ же разсмотрѣть, если на какой звѣздѣ, или планидѣ святотатство замышляется. При ихъ папенькѣ одинъ медаль предлагалъ, для всеобщаго ношенія, столь дивную, что какъ только ее крамольный вздѣнетъ на грудь, такъ она на ней расплавится, и сердце ему выжгетъ: всѣ газеты ее одобрили. Говорятъ, при прадѣдушкѣ гатчинскомъ не такъ привольно было: нашего брата, чѣмъ зря, били, часто съ большихъ высотъ головой внизъ спускали: не только къ салонамъ — къ лакейскимъ, конюшнямъ за версту не подпускали. При этомъ совсѣмъ рай былъ. Какъ только объявишь, что спасеніемъ священнѣйшей особы занимаешься, такъ въ плечо цѣловать лѣзутъ; безмѣрно напуганы... Подъ конецъ такъ пошло, что иной и не служитъ, а повсюду пофаляется: „Я тайный де, хочу всѣхъ въ Сибирь пѣхтурой отправлю, хочу помилую и вознагражу.“

Новичекъ. Говорятъ, намъ за границей не житье, а масляница.

Затерявшій фамилію. Нечего бога гнѣвить; тройной окладъ и служба съ пріятностями. Какъ пріѣдешь въ какой городъ, первое летишь въ кафе, и тотчасъ же — Liste des étrangers; выбираешь, конечно, не какого нибудь Дыркина или Желтопупова, а по заносчивѣй, и въ тотъ же вечеръ донесеніе: „гуляетъ съ весьма крамольными... въ кафе государство не только поноситъ, но и разрушаетъ... Объ Ихъ Величествѣ не иначе, какъ съ усмѣшечкой... О домѣ Романовыхъ съ плевками... Запрещенныя книжки носитъ и по воздуху съ наглостью машетъ, какъ бы всѣмъ читать предлагаетъ.“ Черезъ нѣсколько недѣль другого облюбуешь, но тутъ иную матерію поважнѣе разводишь: „Въ полночь въ аппартаментѣ огонь видѣнъ... прислуги не держитъ... пакеты по темнымъ вечерамъ, съ большою задумчивостью, проноситъ; глицеринъ по всѣмъ аптекамъ скупаетъ и соли разныя... Ночью трескъ слышенъ, какъ бы что тихо взрывается... При лунномъ свѣтѣ, въ окнѣ нѣчто весьма непріятное, на видъ непостижимое разсматривалъ и, съ демонскою улыбкою, ключикомъ заводилъ... Дѣло запутанное, великія бѣдствія вѣнчанному вождю отъ него предвидятся; требуются деньги

большія.“ Одинъ только разъ неловкость произошла: совсѣмъ новенькій пріѣхалъ, ну, конечно, какъ водится, фамилію выбралъ и тутъ же цѣлую тетрадку накаталъ — любилъ писать; корреспонденціи его не только Цитовичъ, самъ Михаилъ Катковъ уважалъ, и сколько разъ даже его съ Молчановымъ на премію стравливалъ — и вдругъ оказывается, что подъ этою самою фамиліею нашъ главный агентъ-провокаторъ скрывался... Генералъ Черевинъ померли со смѣху.

Новичекъ. А что же примѣрно дѣлаютъ съ тѣми, про которыхъ написано?

Затерявшій фамилію. На границѣ его голубчика съ домочадцами какъ есть до гола осмотрятъ, во внутренностяхъ и впадинкахъ капельку поковыряютъ; если ничего нѣтъ, то годикъ, другой посидитъ въ предварилкѣ, если ничего не окажется то для предупрежденья его, съ семьей въ „весьма отдаленныя мѣста“ отправятъ. Опять же не всѣхъ по донесенію ссылаютъ —какой на колѣнки станетъ, прощеніе хорошенько, съ поцѣлуемъ, попроситъ, государя зычнымъ голосомъ восхвалитъ, того отпускаютъ. Одного чахоточнаго даже жаль мнѣ стало: прослышалъ, что черезъ мое донесеніе его, съ шестью малолѣтками, въ Мезень сослали, а онъ, съ отчаянья, возьми да помри; то смѣшно, что былъ тихій, преданный ихъ Величеству... Недавно этотъ случай одному старичку, частному человѣку разсказывалъ, повѣрите ли? упрекать сталъ! а я ему: „Мы въ нашей службѣ ангелами прозываемся, вы съ провокаторами священной лиги познакомтесь, вотъ тѣ, дѣйствительно, неописанное зло сотворяютъ, не ссылкой тамъ припахиваетъ, а пыткою - съ, да гнилою веревочкой.

Новичекъ. Скажите на милость, гдѣ предпочтительнѣй?

Затерявшій фамилію. Ницца весьма пріятна: климатъ примѣрный, алимонты, пельсинты, всюду, безъ прикрытія; зимою всякая овощь: цвѣтная капуста, редизы, салатъ, морковь, рѣпа и общество приличное. Въ нашей должности тамъ старый князь, строжайшихъ правилъ, но одно жаль — пополамъ переломленный, не за отечество, а такъ... Старая княгиня совсѣмъ мастистая, но столь вонючая, что не токмо люди, но даже

собаки при ея проѣздѣ чихаютъ, а иныя совсѣмъ одурѣваютъ и послѣ цѣлый день воютъ: все имъ падла слышится... и бывшій предводитель дворянства, все какъ есть въ рулетку спустившій. Славные люди! высшаго полета, вполнѣ деликатесъ, не брюзгливые... Въ Женевѣ не такъ хорошо: первое — биза, второе — книжный магазинъ, а въ немъ шустрый изъ ихнихъ сидитъ. Придешь бывало, съ ласковымъ видомъ запретный плодъ осмотрѣть и глазкомъ метнуть, нѣтъ ли кого, такъ онъ тебя такъ и пронизываетъ; куда потомъ не сунешься, смотришь, а онъ кружитъ. Трудненько въ довѣріе войти, а войдешь — тебѣ же хуже: мѣсяца черезъ два, три онъ тебѣ полнымъ манеромъ пропечатаетъ и, между своими, фотографію твою на полное осквернепіе пуститъ... Въ Парижѣ, въ нашей должности все важные франты, за шуллерство, фальшивые векселя и шантажи претерпѣвшіе. Нашего брата, мелкую сошку, зря мыкаютъ; иной разъ до третьяго пота гоняешься, кромѣ этого съ большой опасностью подъ дверьми валяешься; въ писсуарахъ цѣлые часы дежуришь, какъ бы за надобностью, а въ концѣ концовъ, какъ есть ничего: либо иностранецъ, либо шпіонъ-доброволецъ, и не на вакантное мѣсто замышляющій, а такъ ради блезира...

Новичекъ. Нѣмецкая агенція оченно нашей державѣ завидуетъ, потому что она великая, больше всѣхъ тайной полиціи платитъ.

Старый дипломатъ добровольно покинувшій службу. Поразительное царствованіе! Онъ всѣхъ червонныхъ валетовъ дипломатами подѣлалъ; живутъ кучами на огромномъ жалованьѣ въ посольствахъ и однимъ шпіонствомъ развлекаются. Иной только потому и видитъ дальше носа, что онъ у него провалился, а тоже тончайшаго политика разыгрываетъ. Прежде хоть для приличія, въ разговорѣ съ иностранными послами, отечество выдвигали на первый планъ; нынче только тѣмъ и занимаются, что Россію вымѣниваютъ на нигилистовъ; нынче одной державѣ на колѣночкахъ кусочекъ отечества навязываютъ, завтра другой, съ покорною просьбою: позволить завести всесвѣтное Ш отдѣленіе... Совсѣмъ сбили цѣну на Россію, скоро ее никто даромъ брать не будетъ; если теперь Пруссія,

Австрія жадничаютъ, то скорѣй по преданію... Всѣ наши дипломатики сильно увиваются около бонапартистовъ, царство имъ пророчатъ, воображаютъ, что тогда нигилистовъ не только эксплюзировать можно будетъ, но и на посольскихъ дворахъ самимъ вѣшать. Прежде консерваторовъ дома, въ маринадѣ, для себя сохраняли, а за границу либераловъ посылали, хотѣли товаръ лицомъ показать; а теперь до того дошли, что ни товара нѣтъ, ни лица, а такъ какія то части изъ подъ камергерскаго ключа, положимъ, очень внушительныя, но для переговоровъ съ иностранными послами, врядъ ли нужныя.

Г. А. (г. Б.). Взгляните на слизь; ею не унавозишь одной сажени нашей истощенной земли, и ее вся земля русская, съ ножемъ у горла, терпѣла пять лѣтъ. Чуть не цѣлое, молодое поколѣніе въ гробъ уложено, а въ неуложенныхъ, еще ужаснѣе „душа пошла на убыль". Насквозь прогнившее, безносое, дряхлое самодержавіе силилось отпоить кровью молодого поколѣнія, какъ теленочка молочкомъ. Ради его никому ненужной, исключая шпіоновъ, мастодонтовой шкуры, по всей Россіи царили: повальное искаріотство, висѣлицы, пытки, похабныя брошюрки Исаакіевскаго собора, бѣшеный грабежъ, дневной разбой. Отрыгнуло на насъ Бирономъ, Аракчеевымъ, Павломъ, Николаемъ и пьянымъ пэномъ. Онъ не царствовалъ, но люто, тупо мстилъ: темнымъ массамъ за Холтурина, Михайлова; интеллигенціи, за Перовскую, Желябова, Суханова, Гриневицкаго: онъ всѣмъ мстилъ за гатчинскую берлогу, за позорныя прятки, шутовскія выпазки; за брюхо, непереваривающее со страху пищи. На свободной мысли онъ вымѣщалъ собственное безсмысліе, на наукѣ — собственное, анекдотическое невѣжество. Самъ мститель и толпа осатанѣлыхъ мстителей вокругъ: Катковъ, Толстой, Побѣдоносцевъ. О Россіи никто, никто ни секунду не задумывался; сводились старые счеты; среди убійственной тишины, кромѣшной тьмы травили, ускали, натравливали, загрызали подозрѣваемыхъ враговъ; чуть не полстолѣтію итогъ подвели, давно погибшихъ въ застѣнокъ требовали. Не трепетали, съ нѣжной улыбкой встрѣчали зарю, по всей Россіи, только убійца, воръ, шпіонъ и палачъ.

Это было не царствованіе, но Кукуевская катастрофа, длящаяся безъ перерыва пять лѣтъ ; мы хрипѣли, тихо стонали въ жидкой, все шире, шире разступающейся грязи.

Вонъ, за его гробомъ плетется похожій на оглоданную кость, трехжильный, всѣми ненавидимый, презираемый гатчинскій Ѳотій; вы, конечно, слышали, что онъ спитъ въ рукавичкахъ, и въ этихъ пречистыхъ рукахъ было кормило! по пустыннымъ водамъ Мертваго моря онъ направлялъ фантастическій ковчегъ на черныя скалы. Царь, обнявшійся съ попомъ, православіе, сочетовавшееся съ самодержавіемъ, люпанарій и прогорклое, лампадное масло... Есть отъ чего сойти съ ума! передъ этой тяжестью, свинцовыя горы покажутся пушинкою; передъ этимъ бездоннымъ омутомъ гробъ —бальною залою. Смертельное отчаяніе давно охватило бы мыслящую Россію, если бы среди этой ужасающей ночи, окруженные лучами безсмертной славы, въ вѣнцахъ терновыхъ, не всходили на эшафотъ дивные искупители ; кровью сердца, святыми слезами, титаническими муками хотѣли они искупить наше подлое рабство, преступное равнодушіе, самодовольную пошлость, растлѣвающую трусость.

Миръ вамъ, безвременно погибшіе герои, ранніе вѣстники жизни! ваши имена будутъ свѣтить намъ ярче солнца не въ одинъ годины мрака и печали, но и въ дни всеобщаго освобожденія; вы не дадите сложить праздно руки будущимъ счастливымъ поколѣніямъ. Ваша черная висѣлица затмитъ мистическое распятіе, она будетъ кровь разжигать на борьбу за земную жизнь, земные идеалы. На мерзкомъ ненавистномъ прахѣ, мазанныхъ, клейменыхъ изверговъ, Россія вамъ воздвигнетъ „памятникъ нерукотворный,“ къ которому никогда, никогда не заростетъ народная тропа.

Г. Б. Я дополню картину. Не нужно забывать, что тутъ же рядышкомъ съ пресвѣтлымъ строемъ, нѣжно звучала божественная мораль: „Не противься злу“ проповѣдывалъ ее не азіатскій деспотъ, палачъ, намѣревающійся съ комфортомъ скушать свое отечество, и чтобы жертва не отравляла неумѣстными содраганіями,

гипнотизирующій ее, но извѣстный не только Россіи, но и всему міру, великій писатель. „Отдай кафтанъ Кесарю“ сладко лепечетъ пятый евангелистъ.—Давно отданъ—отвѣтимъ мы. „Рубашку.“—Давно снята. „Шкуру.“ — Содрана. „Кровь.“ — Высосана. „Жилы.“—Вымотаны. „Щеки подставь.“—Обѣ въ кровь избиты и зубовъ нѣтъ. „Дѣтьми пожертвуйте.“ — Пожертвовали. „Когда веревку на шею накинутъ, молчите, или кротко уговаривайте.“ — Ладно. „Все Кесарю!“ — Знаемъ знаемъ, сотни лѣтъ такъ поступаемъ, но пока не спаслись, въ прокъ не пошло. „Попробуйте еще сотеньку другую, и рай на землѣ на вѣки вѣчные водворится.“ — Попробуемъ, знаемъ что къ тому времени всѣ сгибнемъ.

Небесная, благоуханная мораль! Заведись эта вонь сверхъестественная, и тотчасъ со всѣхъ концовъ нашей грѣшной земли слетятся ненасытные коршуны и пойдетъ евангельская страна въ снѣдь, и на пустопорожнемъ мѣстѣ исторія начертитъ письменами огненными: „Тутъ божьи коровки жили, но, къ счастью человѣчества, живо сгнили.“

Катковъ, Цитовичъ, Мещерскій и прочіе каторжники на чистоту гогочутъ: „Не противься, грязный хамъ; на твоемъ непроходимомъ рабствѣ, дремучемъ невѣжествѣ, на твоей смиренной, хрістіанской подлости держимся мы, столбы государственные! Давай безграничный просторъ, падла! Мы жить всласть хотимъ, а послѣ насъ, хоть трава не рости!“

Долгохамовническая сирена обращается ко всѣмъ: къ обществу и правительству; возстаетъ противъ бомбъ, но и слегка противъ висѣлицъ. Правительство, конечно, по вѣчному обыкновенію, плюнетъ и разотретъ, гуманныя проповѣди соскользнутъ съ гладкой, холодной, змѣиной шкуры; но совсѣмъ другое происходитъ съ дряблымъ большинствомъ: околпаченное, убаюканное сладостнымъ пѣніемъ, оно снова начинаетъ впадать въ дремоту и потихоньку отстранять робко протянутую руку. Нѣтъ, сирена, уговаривай лучше одно правительство. Когда оно сниметъ архангельскіе, голубые мундиры, облачится въ ангельскія бѣлыя ризы, тогда и мы духами безплотными подѣлаемся. Пусть всероссійскій папаша и всероссійскія нянюшки пока-

жутъ примѣръ: первые выпустятъ изъ окровавленныхъ лапъ гнилую веревку, раскаленныя щипцы, крючья и разныя другія теплыя и прохладныя оружія и вооружатся оливковою вѣтвію мира, тогда и мы посмотримъ... Бей, сирена, въ самый источникъ нескончаемыхъ золъ, карай палачей, провокаторовъ, но пощади своею умерщвляющей проповѣдью, доблестно защищающихъ, спасающихъ несчастную страну.

Г. А. Когда я прочитывалъ этотъ панегирикъ ангельскому лакейству, христіанскому убожеству, эту проповѣдь, которая охвативъ несчастныя массы, сдѣлала бы землю раемъ для дьяволовъ, — адомъ для ангеловъ, меня неотступно преслѣдовали слова мусульманскаго пророка: „Люди обрѣтутъ рай въ тѣни скрещенныхъ мечей.“

Январь 86.

Гатчина 1-го Марта 1887.

Александръ III сидитъ въ кабинетѣ Бѣлаго Орла, на тронѣ Мономаха. Вокругъ стоятъ „истинные русскіе“: Святѣйшій Доносцевъ, шефъ тайной полиціи Гіена, жандармскій генералъ Горилла, флигель-адъютантъ Волкъ, шевъ священныхъ провокаторовъ Шакалъ.

Александръ III. — Какъ вернулся съ проскомидіи, такъ и засѣлъ. Только что соберусь вставать, нутро все затрясется, и пойдетъ писать... Этакъ живо похудаешь. Нечего сказать, славное царствованіе! изъ сортира совсѣмъ не выходишь. Скажите пожалуйста, хотѣли, какъ мученика папеньку, въ форшмакъ обратить, и удивительное дѣло, заладили въ одно и то же число. Нужно велѣть Суворину мартъ изъ календаря выкинуть, можетъ поможетъ. Учитель, что при наслѣдникѣ находится, недавно занятно объяснялъ, что все отъ Юлія Ивановича Цезарева пошло; что будто его въ день великомученицы Иды, въ мартѣ покончили. Бомбъ тогда еще не было, изъ револьверовъ палили. Брутовъ, въ полной генеральской формѣ былъ, въ каскѣ...*) сынъ всѣхъ, какъ я, повѣсилъ.

Доносцевъ. — Суставчики поразмять не мѣшало бы, жилки капельку потянуть, электричествомъ оживить, въ минуту бы разъяснили. Михаилъ Никифоровичъ давно указывали, что пора Икаріи и Фаланстеріи бросить и за трезвенность приняться.

Алекс. III. — Тебя, святѣйшая лисица, не спрашиваютъ, твое дѣло въ святѣйшемъ синодѣ прокурорствовать и Христово ученіе подлымъ хвостомъ замѣтать, знаемъ, что нужно дѣлать. Ты лучше за ручками своими присматривай, на ночь подъ щечку клади. За 60 лѣтъ давно перевалило, а все какъ младенецъ по-

*) Видимо смѣшиваетъ заговорщика Каску съ каскою.

шаливаешь. Смотрѣть на тебя мерзко: жилы, связки, да кости. Какъ тебя Господь Богъ отъ этой вонючей привычки не избавитъ? — достаточно молишься. Противенъ ты, братъ, это я тебя только изъ за религіи держу, да еще потому, что ты трехъ жильный, а это къ счастью.

Гіена. — Константинъ Петровичъ Доносцевъ не виноваты; это преосвященный Никодимъ, прославленный святостью, ихъ въ малолѣтствѣ этому научили; благолѣпіе мальчика, любовь къ одиночному молитвенному, созерцанію много способствовали развитію вонючей привычки; послѣ когда Константинъ Петровичъ начали большія чины получать и къ наслѣднику въ наставники вытребованы были, они спохватились, да ужъ поздно — привычку сильную взяли. Чего они не дѣлали: и къ митрополитамъ обращались, и воду изъ Іордана и Силоамскаго источника пили, кусочки нетлѣнныхъ мощей къ грѣшному предмету прикладывали и святымъ мvромъ, что царей помазываютъ, его смазывали и ладономъ окуривали. Въ случаѣ излеченія, собирались храмъ преподобному Онану, на казенный счетъ, выстроить, но ничего не помогло.

Алекс. Ш. — Хе! хе! хе! Скажите на милость! Онъ отъ меня это скрылъ. Видимо божеское испытаніе. A propos, Доносцевъ, какъ твоп бард... Тьфу, ты чортъ ... монастыри поживаютъ? церковныя школы идутъ? Готовь, готовь, намъ шпіоны нужны.

Доносцевъ. — Необыкновенно все идетъ, Ваше Величество, вся имперія въ восторгѣ; деревенскіе старички, въ старой вѣрѣ выросшіе, повсюду въ одно слово говорятъ: „Таперича спокойно глазки закроемъ: всюду успленіе пошло. Одно боятся, чтобъ у нихъ урядниковъ не отняли. Истинные мужички денно и нощно мольбы къ державному вождю возсылаютъ, чтобы крѣпостное право вернулъ. Славно въ прежнія времена жилось, религія сильно процвѣтала, и тишь была. Батюшки тоже въ чувствахъ преуспѣваютъ, наперерывъ спѣшатъ оборонительныя молитвы противъ террористовъ сочинить, и на музыку положить.

Алекс. Ш. — На музыку, на музыку, надоѣлъ! Прямо, какъ Гришку Отрепьева, проклинать. Ты самъ му-

зыку прекрати. Скажи Горилла, что такое настоящій народъ? Понимаешь вполнѣ народъ?

Горилла. — Хамы, посѣщающіе питейныя заведенія.

Алекс. Ш. — Зачѣмъ богъ создалъ народъ? съ какою заднею мыслію?

Горилла. — Для уплачиванія безъ разговоровъ и для ура.

Алекс. Ш. — Ну скажи, вѣрный Горилла, не долженъ ли я, примѣрно вродѣ папеньки, что нибудь такое сдѣлать для мужичковъ? Ну, напримѣръ какія нибудь реформишки, вообще не обязанъ ли того... понимаешь того?...

Горилла — Какъ есть ничего не обязаны. Они всѣмъ вамъ обязаны. Что же имъ прости, Господи, чушечкамъ полосатымъ еще нужно? Все имъ разрѣшается: и подати платить, и отечество отъ враговъ защищать, и слезы въ нужное время передъ престоломъ царскимъ лить, и водку по праздникамъ пить.

Алекс. Ш. — Неблагодарные скоты! Ну-ка ты, Гіена, скажи, что такое исторія Россіи?

Гіена. — Исторія домовъ, я хочу сказать, исторія царскихъ домовъ. Но самая настоящая баталія, то есть исторія, началась съ Романовыхъ, а прежде, какъ будто исторія, а если вникнуть, такъ и не Исторія.

Алекс. Ш. — Что же такое тамъ было? Но предупреждаю, безъ шаблонныхъ фразъ, безъ пресловутаго западничества, говорилень.

Гіена. — Одно междуусобіе.

Алекс. Ш. — Что такое междуусобіе?

Гіена. — Интриги, кляузы, какъ бы колѣнцо другъ другу или въ ровъ. Какъ бы ложки серебряныя со стола царскаго потянуть. Возьмемъ хоть Марѳу Посадницу. Я де, да я де, да наплевать мнѣ на вашего антихриста московскаго.

Алекс. Ш. — Какую то глупую бабу вытащилъ. Не силенъ въ исторіяхъ, братъ. Ну-ка ты, Волкъ, скажи, что такое междуусобіе?

Волкъ. — Ну, напримѣръ, Пугачевъ. Какъ подумаешь, что изъ урядниковъ вышелъ, да такую кашу на всю Россію матушку заварилъ, такъ даже потемнѣніе дѣлается.

Алекс. Ш. — А эти, какъ бишь, Декабристы?... Не понимаю, почему ихъ такъ называютъ? Ну, назови мерзавцами, а то Декабристы, чисто путное что.

Волкъ. — Одно слово, сточникъ буйныхъ страстей, мечтательныя крайности, порывы въ прелестныя утопіи. Не могли понять, что народъ истинно преданъ. Предки Вашего Величества, можно сказать, не баловали народъ, батажьемъ по спинкѣ гладили, на дыбу, зря подымали, шкуру снимали, жилки тянули, встряхивали, перетряхивали, колѣчили, голодовками подчивали, а онъ все снесъ, да еще челомъ въ нози билъ; безконечную преданность, по мѣрѣ надобности, доставлялъ. Не понимали святотатственные злодѣи народа; уваженія къ стропиламъ не имѣли; вершки хотѣли привить; въ исторію настоящую не вникали, тиранік учредить хотѣли. Разъ народъ восторгается, ну и оставь его въ покоѣ.

Алекс. Ш. — Чего желаютъ сицилисты?

Волкъ. — Все отнять и между собою подѣлить, сущіе волки.

Алекс. Ш. — Это мило, а мнѣ что же останется? Какъ же это, по ихнему, я самъ долженъ на себя штаны надѣвать, самъ умываться, подтираться! Ахъ, утописты, тунеядцы, завистники проклятые, не понимаютъ, что я отъ бога, что это онъ нашего брата собственнымъ маслицемъ, изъ подъ небеснаго салата, вымазываетъ; не понимаютъ, что для управленія нужно голову имѣть и еще какую! (растопыриваетъ руки) Варварство ввести хотятъ, народомъ пренебрегаютъ, святыню народную нечтутъ... Послѣдніе дни наступаютъ; настоящія чувства всюду переводятся. Въ Берлинѣ прежде дѣдушка Гиль, каждый день, даромъ, въ окно показывался, и, исключая слезъ восторга, ничего не встрѣчалъ, а теперь мѣсяца не пройдетъ, чтобы кто нибудь камнемъ въ окошко не запустилъ; древнимъ орангомъ называютъ. Даже у насъ, умретъ какой нибудь поэтишка или писака, и тотчасъ всѣ газеты о немъ, какъ о Величествѣ, распинаются; черные ободки во весь листъ ставятъ. Но не только между людьми, но и между собаками колебаніе пошло. Вотъ хоть мой датскій кабель... тотъ, да не тотъ; взглядъ другой, съ тонкой фанаберіей; хвостомъ иначе, вольность какая-то, фамильярность въ обращеніи. Недавно жена о величіи дома

Романовыхъ говорила, а онъ, въ самый важный моментъ, ей на ногу сдѣлалъ... даже мнѣ, во время подписанія манифеста, о продленіи самодержавія, всѣ штаны огадилъ... Положимъ придворные, полицейскіе, по прежнему лижутъ, но все много дороже прежняго обходится. Подавай чины, ордена, награды; пришлось кассу священнаго долга завести; даешь, даешь, а все какъ въ прорву, а чуть слово, сейчасъ намекъ, что де при такомъ жалованіи мудрено отъ бомбочекъ уберечь. Прежде каждый, можно сказать, изъ за ломаннаго гроша паровилъ костьми лечь, а теперь чуть капельку ранятъ, сейчасъ же подавай пенсіонъ непомѣрный, всѣхъ дѣтей въ Пажескій корпусъ, на казенный счетъ, пристраивай. Мы де не за тѣмъ на царскую службу поступаемъ, чтобы въ цвѣтѣ лѣтъ отъ динамита погибать. Вѣшать всѣхъ нужно! (при словѣ вѣшать Гіена стремительно выбѣгаетъ) Подожди, Гіена, не спѣши! я примѣрно говорю. Сначала допросить нужно; если ни въ чемъ не виноватъ, простить можно; а виноватъ — не прогнѣвайся, на жаровеньку, да на веревочку. Скажи, Шакалъ, были ли довольны отцомъ?

Шакалъ. — Пока реформы шли, большое негодованіе въ народѣ и въ высшемъ обществѣ было, но какъ только тюрьмы и висѣлицы всюду пошли, такъ всѣ повеселѣли: священную августѣйшую власть почувствовали. Михаилъ Никифоровичъ какъ висѣлицы завидѣли, такъ и встрепенулись и съ прежнимъ жаромъ стали стягомъ потрясать. Искреннимъ русскимъ надоѣли внутреннія республики, ржонды польскія, интриги, измѣны, шаблонныя, скроенныя по западному образцу, фальшивыя фразишки, перезвонъ либеральныхъ колокольцевъ, разныя говорильни.. Славное времячко было наступило: почвенность, историческія традиціи стали обнаруживаться; у самыхъ заклятыхъ либераловъ народная совѣсть въ груди заговорила. Но, послѣ шатанія столовой, графъ Лорисъ Меликовъ вытребованы были, и тотчасъ пролитіе священной крови послѣдовало.

Алекс. Ш. Молодецъ ракалья! Ну ка скажи, Николаемъ I довольны были?

Шакалъ. — Точно такъ, сѣкли всѣхъ.

Алекс. Ш. — А еще что дѣлалъ?

Шакалъ. — Сѣкли какъ есть всѣхъ: старцевъ и младенцевъ, средній возрастъ, и юношескій, мужеской полъ, и женскій. Кафе-шантаны устраивали, побѣды одерживали, подъ нози покоряли. „Веселися храбрый Росъ“ кричали; Пушкину покровительствовали и даже цензурировали; ссылали по усмотрѣнію и безъ усмотрѣнія въ 24 часа, III отдѣленіе, съ платками для утиранія слезъ, учредили...

Алекс. Ш. — А Благословенный что дѣлалъ?

Шакалъ. — Сначала сѣкли съ вниманіемъ, Лагарпа держались, а потомъ, весьма впавъ въ религію и въ священный союзъ, воззвали къ Аракчееву и стали безъ разбору сѣчь. Побѣды одерживали, военныя поселенья устроили.

Алекс. Ш. — А Павелъ непостоянный?

Шакалъ. — Всѣхъ по лицу, изъ своихъ, рукъ били, сѣкли и на дыбу подымали, во время припадковъ, подпрыгивали, подсигивали, громы побѣдъ пожинали.

Алекс. Ш. — А Екатерина цѣломудренная?

Шакалъ. — Сначала правду съ улыбкой любили, но послѣ того, какъ бюстъ безбожника Вольтера въ кладовую спустили, стали сильно сѣчь, на дыбу подымать, ссылать въ мѣста чрезмѣрно отдаленныя, подъ конецъ Фелицу перестали разыгрывать и блудомъ занялись пуще прежняго; на страхъ врагамъ, побѣды одерживали.

Алекс. Ш.—Заладилъ сѣкли, да сѣкли, да на дыбу!... а можетъ и реформы были?

Шакалъ. — Точно. Премудрая Фелица даже переписку съ французскими аѳеистами по этому случаю имѣли. Писать — писали и сѣчь — сѣкли.

Алекс. Ш. — Всѣ ли въ домѣ Романовыхъ благополучно скончались? Про папашу не говори — ракетой взлетѣлъ. Княгиня Юрьевская наспилу обожаемый предметъ около водосточной трубы сыскала, но слухи были, что это не папенькинъ, а провокатора жандарма Кобелева. Впрочемъ, Юрьевской лучше знать; въ одеколонъ, дура, положила; того не понимаетъ, что въ простомъ спирту такая реликвія не въ примѣръ лучше сохраняется.

Шакалъ. — Почти что настоящимъ образомъ въ бозѣ почили!

Алекс.Ш. — А прадѣдушка Гатчинскій? Много превратныхъ слуховъ ходило?

Шакалъ. — Точно говорили, что когда къ ихъ Величеству, въ неурочный часъ, въ спальню, генералы съ докладомъ пришли, они какъ бы вострепетали и сильно осерчали; какъ размахнутся, да какъ треснутъ себя въ голову... да опять, опять... потомъ схватили шарфъ, надѣли на шею, да какъ дернутъ со всего размаха. Генералъ Зубовъ было стали на колѣнкахъ умолять успокоиться, а они еще пуще остервенѣли, какъ рявкнутъ на всю Гатчину: „Меня, курицыны дѣти, грамотѣ учить, меня?? Всѣхъ въ тарртаррары!!“ Да опять себя въ голову, да опять, пока совсѣмъ не умерли. Ваше Величество, какъ есть вылитый портретъ Павла Петровича. Всѣ какъ есть Бога молятъ, чтобы онъ вамъ такое же благополучное царствованіе послалъ.

Алекс. Ш. — А Николай I Геніальный?

Шакалъ — Настоящую французскую болѣзнь подъ конецъ схватили и превратную жидкость выпили. Какъ подумаешь, французскихъ революцій не терпѣли, избѣгали, а французскую болѣзнь воспріяли.

Алекс. Ш. — Однако довольно. Съ вами не переговоришь. Люблю съ учеными людьми поболтать, но не долго — очень образованность утомляетъ голову. Когда грустно бываетъ, люблю въ трубу дуть (комкаетъ „Гражданина“, „Новое Время“, „Московскія Вѣдомости“, и, ударяя по нимъ, съ чувствомъ произноситъ:) Вотъ это, можно сказать, истинные борцы за правду! Вотъ эго утѣшительный патріотизмъ, вполнѣ безпредѣльное направленіе! (направляетъ, всѣ наперерывъ спѣшатъ помочь; начинается возьня, Алекс. Ш растроганнымъ голосомъ) Не лижите, дѣти, успѣете. Нынче одинъ, завтра другой; всѣмъ разомъ нельзя, этикетъ нуженъ. Думаете чистоту соблюсти, а вмѣсто того размажете (поднявъ глаза къ небу) Ахъ! если бы всѣ были такими истинно русскими! Ахъ, если бы всѣ такъ понимали любовь къ отечеству!!

Гіена. — Я, Ваше Величество, часто подумываю, ну, если бы Вы да еще были бы умный человѣкъ!

Алекс. Ш. — О! о! о! всего, братецъ, не соединишь! Ишь чего захотѣлъ!

* * *

Въ l'Intransigeant 30 décembre, haut fonctionnaire russe, правильнѣе, haut мушаръ, заявилъ, что я, не смотря на всю строгость прусской полиціи, безмятежно проживаю въ Берлинѣ, подъ голубиными крылышками Бисмарка, и на его счетъ, устраиваю покушенія на Александра III. Что за нѣсколько недѣль до 1 Марта, 87г. я какому то профессору петербургскаго университета Л. написалъ письмо, въ которомъ предупреждалъ о покушеніи, и что это удивительное письмо фигурировало въ обвинительномъ актѣ противъ злоумышленниковъ.

Останавливаться на этой чепухѣ я, конечно, не стану: всякому, столкнувшемуся съ шпіонами, нужно помнить:

На землѣ всего страшнѣе
Ссора съ гадиною мелкой,
Защищающейся вонью.
Да дуэль съ клопомъ несносна.

Но многіе спросятъ, какимъ образомъ высокопоставленный гадъ умудрился проползти въ ненавистную ему радикальную газету? Причина противоестественнаго факта — дикій, воображаемый альліансъ. Провокаторы и шпіоны, занимающіе почетныя мѣста въ русскомъ посольствѣ, отыскали, наконецъ, ту веревочку, дернувъ за которую, могутъ заставить канканировать не только бонапартистовъ и оппортунистовъ, но иногда даже радикаловъ. Въ послѣднее время они неустанно твердили шовинистамъ: „Царь и Россія изнываютъ отъ желанія лечь костьми за Альзасъ и Лотарингію, но помѣхою во всемъ русскіе революціонеры, они издѣваются надъ альліансомъ, проповѣдуютъ солидарность, братство народовъ и мастерятъ безъ устали поразительныя бомбы, необычайныя, адскія машины. Каждый день грозитъ взрывомъ, и разъ Alexandre le juste взлетитъ на небеса, возсядетъ одесную отца, альліансъ погибъ на вѣки, а съ нимъ и реваншъ. Нужно во что бы то не стало, скомпрометировать революціонное движеніе въ глазахъ Европы. На вранье, клеветы бонапартистскихъ газетъ всѣ плюютъ, но совсѣмъ другое, если

за эту аферу, патріотическое пакосничество примется радикальная газета. Нужно начать съ эмигрантовъ, а затѣмъ, если повезетъ, можно будетъ добраться и до революціонеровъ, дѣйствующихъ въ Россіи".

Жалкіе шовинисты! не успѣли они оглянуться, какъ очутились въ бѣлоснѣжныхъ ручкахъ третьеотдѣленцевъ. Въ наивности душевной они считаютъ ихъ, до настоящей минуты, за славянофиловъ; они не догадываются, что ихъ, съ еле скрываемымъ хохотомъ, водятъ алліансомъ; что для гатчинскаго арестанта не существуютъ ни внѣшняя, ни внутренняя политики, а одна политика собственной мастодонтовой шкуры.

Возмутительное зрѣлище представляетъ буржуазная Франція, наканунѣ торжества столѣтія великой революціи, хватающаяся за стервятину. Предки, живущей не душою, а карманомъ гнили, аплодировали казни короля и его семейства; они презрительно столкнули головенку, таскавшую корону, въ мѣшокъ съ отрубями, разрушили Бастилію. Она, гниль, обнимается съ православнымъ вѣшателемъ, извергомъ царемъ, Ш отдѣленіемъ, защищаетъ Петропавловскую крѣпость и издѣвается надъ злополучной Болгаріей, отстаивающей свою независимость, свободу. Буржуазія, хватаясь за расползающійся во всѣ стороны трупъ, не замѣчаетъ, что насквозь ированиваетъ руки, позоритъ все революціонное прошлое; забываетъ, что пятна отъ сословій отмываются еще труднѣе, чѣмъ отъ отдѣльнаго человѣка, что онѣ остаются на страницахъ Исторіи. Славно кончаетъ свой вѣкъ буржуазія! Скатертью ей дорога!! У насъ остается великое утѣшеніе, что лучшая часть народа противъ нея. Развитой пролетарій понимаетъ превосходно, что „патріоты своего отечества" нагло толкаютъ его подъ ноги диктатора, хотятъ убить ростущій соціализмъ. Французскій пролетарій будетъ лить рѣками свою кровь и нѣмецкихъ пролетаріевъ, а они, шовинисты, съ маской фарисѣйской, будутъ набивать карманы, увѣнчиваться лаврами...

Нашимъ уцѣлѣвшимъ, какимъ то чудомъ, нѣсколькимъ честнымъ журналамъ, строжайше воспрещено говорить о революціонномъ движеніи, революціонной прессѣ, но нѣкоторымъ, „вполнѣ русскимъ", органамъ, разъ въ годъ позволяется всласть поклеветать на револю-

ціонеровъ и передернуть ихъ сочиненія. Пакостники отлично понимаютъ, что приносятъ врагамъ своимъ пользу, что публика обыкновенно все понимаетъ въ обратномъ смыслѣ, но они пользуются непроходимою, свирѣпою глупостью юродиваго правительства, которое придаетъ значеніе полицейско-поповской галиматьѣ. Статейки — своего рода отличіе по службѣ, и наивѣрнѣйшее; онѣ обыкновенно фабрикуются передъ большими праздниками, раздачей наградъ; за нихъ щедро награждаютъ цацками, чинами, деньжонками. Настрочившій изъ ряда выходящую гнусность, можетъ смѣло вычистить казенную кассу, поддѣлать вексель, составить фальшивые документы, взять удивительный подрядъ, и онъ будетъ гарантированъ отъ суда, не только скораго, но и нескончаемаго. Выпускаютъ противъ революціонеровъ псовъ извѣданныхъ, выросшихъ въ тѣни III отдѣленія, вскормленныхъ жандармскими помоями. Въ 77 году въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ особенно сильно залпвался на луну пёсикъ, Щербань. Глупый, лохматый, подслѣповатый, грязный пёсъ, но жадный; надоѣли ему постныя помои и выполированныя нисшими чинами полиціи кости, захотѣлось сунцу съ кусочками жира, размоченныхъ въ снятомъ молокѣ, хлѣбныхъ шариковъ, ленточку на шею съ бубенчиками, подушечку для спанья подъ барской постелькою.

Статейка, вся состоящая изъ передержекъ, безшабашнаго, незнающаго предѣловъ, вранья, носитъ названіе: „Политическій развратъ“. Остроумное, правильное названіе! Подобныя статейки — послѣднѣе слово политическаго растлѣнія. Милѣе всего, что наши фиделькп стращаютъ революціонеровъ Исторіей. Нѣтъ! Стращайте полиціей, тюрьмами, висѣлицами безъ суда, но не Исторіей! Передъ нею революціоперы встанутъ во весь гигантскій ростъ, во всемъ грозномъ, ослѣпляющемъ величіи. Благодаря имъ, и вы уцѣлѣете; и вы проберетесь на ихъ подошвахъ въ Исторію... Черезъ вашъ позоръ, паденье, еще ярче выступитъ ихъ слава!!

II

Если въ одно весеннее утро монстръ взлетитъ, какъ пробка отъ кислыхъ щей, c'est la faute de Bismarck, c'est la faute de Churchil. Россія, на которую изъ гатчинскаго парка сыпятся высочайшія реформы, никогда не рѣшится пульверизировать своего великаго освободителя; она съ неподдѣльнымъ, безкопечнымъ чувствомъ стережетъ его золотую клѣтку.

Все дивно перемѣнилось съ первыхъ дней воцаренія Алекс. III. Климатъ и самое небо поколебались. Всюду небесный цвѣтъ; даже ночью, вмѣсто тусклыхъ звѣздъ, блещутъ аксельбанты. Въ январѣ въ самыхъ холодныхъ мѣстахъ, стали распускаться, испуская пряный ароматъ, цвѣты холуйскаго пафоса. Въ разгарѣ зимы наступило лѣто, и студентовъ всѣхъ университетовъ, по случаю невыносимой духоты, пришлось распустить по домамъ, а нѣкоторыхъ, болѣе другихъ невыносящихъ духоту, скрѣпя сердце, отправить въ прохладную Сибирь.

Вся Россія стала пышнымъ храмомъ божьимъ. Каждый день открываются новые монастыри, благолѣпныя церковныя школы, съ святымъ духомъ, вмѣсто учителей; строятся храмы; разыскиваются новыя покровительницы III отдѣленія, божьи матери троеручицы; полные невзсякаемаго конопляпнаго масла, святые черепа, чудотворныя губки, палки, трости, гвозди, кости. По всей Россіи воскуряются ѳиміамы; среди тьмы египетской мерцаютъ лампады; лики иконъ вытѣснили лицо человѣческое; ладонъ возноситъ къ трону грѣшныя души: деревянное масло смягчаетъ засохшія сердца.

Каѳедра Исаакіевскаго собора полегоньку начинаетъ сливаться съ каѳедрой университетовъ. Восторженно внимаютъ юноши профессорамъ, преподающимъ, съ блаженною улыбкою, православную астрономію, вѣрную библіи геологію, низко-подданническую физику, преданную царю химію, чтущую участокъ философію, патріотическую физіологію, истинно русскую анатомію, полную безпредѣльнаго ура, вполнѣ самодержавную, всемірную исторію.

Материнская, шпіонская заботливость начинаетъ проникать въ высшіе разсадники наукъ. Инспектора, смѣло, обѣими руками, лѣзутъ въ юныя души, откапываютъ на днѣ плевелы, вырываютъ клещами крамольные, крѣпкіе ростки; зовутъ къ акафистамъ, гимнамъ, „звукамъ сладкимъ и молитвамъ“. Одинъ ихъ перстъ простертъ на Гатчину, другой — на Кострому.*)

Конца нѣтъ праздникамъ! Но лучше всѣхъ, пріятнѣе намъ Вербный день, святѣйшій Оберъ Ѳотій раскрылъ его сокрытый, славный смыслъ: Насъ будутъ сѣчь, то богъ велитъ. Передъ розгой всѣ равны, бѣдный и богачъ, мѣщанинъ и дворянинъ, князь и хамъ, младъ и старъ.

Свобода сходокъ, слова — чрезвычайныя. На дняхъ, въ Москвѣ, на улицахъ, евангеліе Деляновское казаки проповѣдывали, рѣчью пылкою и жестами. и падали студенты, ихъ жестами сраженные, свободной рѣчью потрясенные.

Любовь къ престолу залихватская въ мясникахъ Ножевой линіи высоко обнаружилась, она клокочетъ лавою, спѣшитъ залить волною жгучею улицу университетскую, старинную, священную, со зданьями, постройками. Поднялась въ Ножевой линіи любовь къ вождю державному, поднялась въ цѣнѣ убоина!!

„Зарѣжемъ всѣхъ противныхъ Гатчинцу!“ ревутъ Ножевой линіи Сусанины, вторятъ имъ нагайками казаки Комисаровы. Кому же, какъ не Бисмарку, нигилистовъ искусителю, въ тиши Берлина вольнаго, готовить бомбы динамитныя царю Освободителю?

Кому же, какъ не Англіи, отдать сокровища всей Индіи для взрыва гатчинской Аркадіи?...

И эта проклятая куча палачей, убійцъ, воровъ, шпіоновъ, провокаторовъ, фальшивыхъ монетчиковъ, каждымъ движеніемъ, дыханіемъ взывающая къ бомбамъ, отравленнымъ пулямъ, розыскиваетъ по міру воздушные корни, а въ небесахъ развѣтвленія!!

Январь 88 г.

---

*) Родину Сусанина и Комисарова.

ИМПЕРАТОРЫ ПРЕДПОЛАГАЮТЪ, ДИНАМИТЪ РАСПОЛАГАЕТЪ

I.

Невѣроятно комическое зрѣлище представляетъ свиданіе двухъ императоровъ, одного съ ракомъ, другого съ кавардакомъ. Они устроили свиданіе на морскихъ волнахъ; запечатлѣли священный союзъ противъ народовъ ломкимъ тростникомъ, на зыбучемъ пескѣ. Но первый всплескъ революціонной волны, и исчезнутъ они въ одинъ мигъ, со всѣми предательскими, идіотскими договорами и бабьими заклинаніями.

Въ далекія, невозвратныя времена они устраивали священные заговоры противъ народовъ на сушѣ; теперь, съ грѣхомъ пополамъ, — на водѣ. Прежде писали свои сумасшедшія затѣи на пергаментѣ, теперь—на морскомъ пескѣ. Прежде имъ была досгупна суша, въ настоящій моментъ — коварная стихія, вода. Но скоро, скоро наступитъ день, когда безпредѣльно обожаемые вѣнценосцы, въ знакъ полнѣйшаго довѣрія къ ввѣреннымъ имъ богомъ націямъ, будутъ другъ къ другу летать на воздушныхъ шарахъ, но вѣрнѣе всего, они предупредятъ шары: сами взлетятъ на воздухъ.

Они славно вылизались, необыкновенно пообѣдали. Меня особенно плѣнили: sterlet au vin du Rhein, suprême de peches à la creole. crême de concombre à la Bagration; не доставало только новѣйшаго, очень вкуснаго блюда: bombe farcie à la Kibaltchitch, Надѣемся, что это царственное блюдо будетъ вскорѣ преподнесено, какъ выраженіе безкопечныхъ чувствъ къ престолу.

Два монарха, устроившіе маскарадъ въ іюлѣ, вполнѣ достойны другъ друга, — одинаково глухи, слѣпы, одинаково тупы, невѣжественны. Благое провидѣніе изсушило руку прусскому державному вождю, навѣрное, за грабежъ предковъ; нашему оно изсушило мозгъ, сердце, навѣрное, за бездушную жестокость предковъ. Ихъ манифесты одинаково начинены богомъ, провидѣніемъ; сами они — привидѣнія среднихъ вѣковъ. Они одинаково лютые враги народа, просвѣщенія, свободы, прогресса. Имъ, выродкамъ изъ человѣчества, противны люди; идеалы ихъ — вѣчная деспотія, вѣчныя разбойничіи арміи. Съ помощью отупѣлыхъ, огрубѣлыхъ солдатъ, тайной и явной полиціи они желаютъ остановить на полномъ ходу, весь міръ; мечтаютъ его скушать безъ толку, но съ чувствомъ, во славу абсолютной монархіи. Ихъ воспитатели, попы, увѣрили ихъ, что Іисусъ Навинъ, для лучшаго избіенія враговъ, безъ малѣйшихъ затрудненій, остановилъ солнце. Разъ подобная афера удалась ничтожному еврейскому вождю, то понятно — двумъ могущественнымъ императорамъ остановить жалкую планету — плевое дѣло.

Взгляды императоровъ на народныя революціи упрощены до невозможности: нужно во время хорошенько высѣчь, затѣмъ повѣсить сотенку крикуновъ, и революція въ шапкѣ. Конюшенные историки давно разъяснили причину первой французской революціи. Неопытный колпакъ, Людовикъ Капетъ, не повѣсилъ два десятка, и она разыгралась на весь міръ, Александръ II повѣсилъ три десятка, и лопнулъ, какъ пузырь. „Онъ повѣсилъ мало“, кричатъ дворцовые историки, „повѣсить слѣдовало сто“. Взлетитъ другой, повѣсивъ сто— „повѣсить слѣдовало двѣсти“.

Нѣтъ сомнѣнія, союзъ устраивался не противъ Франціи. Послѣ кроваваго объединенія, отнятія Эльзаса и Лотарингіи, Германія не думаетъ болѣе о нападеніяхъ, захватахъ. Въ глубинѣ всѣхъ Бисмарковскихъ фанфоронадъ таится страхъ передъ все болѣе, болѣе усиливающейся свободной Франціей. Всѣ призрачные союзы съ дышащими на ладанъ монархами имѣютъ одну цѣль: обезопасить себя отъ нападенія. Какъ не дикъ и не свирѣпъ коронованный прусскій штыкъ-юнкеръ, онъ не осмѣлится подумать, въ концѣ XIX вѣка, заставить

идти Германію на Францію за то только, что она „освободила весь міръ, не взявъ за это ни гроша на водку“. Германію, насчитывающую въ нѣдрахъ своихъ нѣсколько милліоновъ сознательныхъ соціалистовъ, мудрено заставить истекать кровью изъ за подобнаго мотива. Самъ его величество Бисмаркъ I не разъ провозглашалъ въ парламентѣ, что война должна быть вотирована всей Германіей.

Вся суть священнаго союза направлена противъ свободнаго духа, народнаго роста, сознанія, прогресса. Нужно отнять у пробуждающихся народныхъ массъ воздухъ, нужно атрофировать мозгъ, сократить сердце, загноить кровь. Анархія-монархія затѣяла борьбу, на жизнь и смерть, съ анархіей революціонной. Но не думайте о настоящей анархіи, о томъ ученіи, которое стремится къ экономическому равенству, идеальному общежитію, безъ бога, господина, судьи, палача. Нѣтъ, нѣтъ, Вильгельмо-Александровская анархія все собою объемлетъ, все подразумѣваетъ. Вы осмѣливаетесь думать, что ракъ въ головѣ не особенно способствуетъ развитію мудрости — вы анархистъ. Осмѣливаетесь увѣрять, что невѣжество, глупость, свирѣпость, трусость не суть царственныя качества — вы анархистъ. Вы не хотите розогъ, ссылокъ, пытокъ, тюремъ, вѣшаній безъ суда — вы анархистъ. Сомнѣнія въ урядникѣ — такой же яркій признакъ, какъ и сомнѣніе въ царѣ. Разъ вы ни воръ, ни шпіонъ, ни палачъ вы — анархистъ. „Такъ ведущее насъ провидѣніе указало“.

Только на дняхъ вся Россія, по приказанію начальства праздновала 900-лѣтіе крещенія Руси. Суровый приговоръ произнесли надъ христіанскимъ ученіемъ вдохновители празднествъ. 900-лѣтіе пышно справлялось въ періодъ ужасающей тьмы, въ моментъ, когда цѣлое молодое поколѣніе изнываетъ по тюрьмамъ, въ ссылкѣ въ Сибири, когда царятъ одни плети, палки, висѣлицы, грабежъ, разбой, предательство; когда закрываются школы для народа, для бѣдныхъ, и устраиваются средневѣковые крестовые походы противъ просвѣщенія. Вотъ къ какимъ блестящимъ результатамъ привела христіанская проповѣдь, длящаяся 900 лѣтъ! Вотъ какъ смягчила она сердца правителей, которые ордена дать не могутъ, золотого ключа къ заду, безъ воззваній къ бо-

гу, провидѣнію, и тратятъ сотни тысячъ на похабныя брошюры Исаакіевскаго собора. И не прилипъ языкъ къ гортани у книжниковъ, фарисѣевъ, воспѣвавшихъ въ дни празднествъ, свѣтъ христіанства, смягчающій нравы, освѣщающій сердца! Мрачный онанистъ Ѳотій Доносцевъ, публично, благословлялъ творца за избавленіе насъ отъ бѣдъ, раздоровъ народоправленія, за дарованіе намъ единодержавія. Митрополиты, ему во слѣдъ, спѣшили съ пыломъ подкурить извергу-самодержцу. То было не торжество, а торжище; его сочинили нарочно, чтобы на всю Россію нахально дикимъ, пьянымъ голосомъ, прокричать хвалу издыхающей деспотіи.

Христіанскій свѣтъ сіяетъ надъ нами 900 лѣтъ, и только 27 лѣтъ, какъ мы освободились, благодаря севастопольскому разгрому и горячей проповѣди революціонеровъ-атеистовъ отъ крѣпостного рабства. Девять страшныхъ вѣковъ, какъ кошмаръ, протекли надъ Россіей, и благодаря самодержавію, православію, она, въ концѣ XIX вѣка, стоитъ отъ всѣхъ отсталая, сирая, въ конецъ ограбленная, истощенная, измученная, опозоренная; чтобы подняться во весь свой гигантскій ростъ, ей придется пролить море крови, пережить великія смуты, О, Побѣдоносцевъ! ты не умѣешь справиться съ собственными шаловливыми руками, на ночь надѣваешь рукавички, и ты хочешь справиться съ стомилліонною страною, воспѣваешь единодержавіе! Чтобы перечислить всѣ ужасы, пережитые Россіей подъ эгидою самодержавія и православія, мало цѣлыхъ томовъ; тираны запада — агнцы въ сравненіи съ нашими восточными; инквизиція, Варѳоломеевская ночь, драгонады блѣднѣютъ передъ нашими, длящимися до настоящей минуты преслѣдованіями раскольниковъ и штундистовъ. Прошли 27 лѣтъ со дня освобожденія крестьянъ, и секты начинаютъ все болѣе, болѣе плодиться среди пробудившагося народа, свѣтлое ученіе штунды охватываетъ весь югъ Россіи.

Но гнусное ликованіе деспотіи въ Кіевѣ не лишено было комическихъ нотъ: профессоръ духовной академіи Малышевъ провозгласилъ: „Милые братья! привѣтъ вамъ отъ престольнаго Кіева, благоухающаго святынями“. Дѣлаетъ честь правдивому характеру профессора, —онъ не утаилъ отъ собравшейся публики, что петлѣн-

ныя мощи святителей сильно пованивают; конечно' извиненіемъ можетъ служить сырость отъ проливныхъ дождей и сразу наступившая жара. Но мнѣ кажется, что митрополиты могли бы, наканунѣ праздниковъ, заставить при себѣ перетряхнуть, провѣтрить святыхъ угодниковъ, пересыпать ихъ хорошенько перцемъ; раки можно было обмыть фенеловой кислотой. Давно пора пастырямъ бросить патріархальные способы приготовленія мощей; гораздо дешевле заказывать ихъ въ Парижѣ, Берлинѣ, изъ papier machè. Доходъ съ благодатныхъ, нетлѣнныхъ мощей, вслѣдствіе улучшенія товара, усилится; расходы, напротивъ, уменьшатся.

О, мудрые правители! 900 лѣтъ сіяло надъ нами православіе и 500 — самодержавіе. Результаты получились восхитительные! Вы вполнѣ испробовали свое ученіе; опытъ длился до безобразія долго. Дайте намъ испробовать наше. Ахъ! если бъ только двадцать лѣтъ превратныя толкованія, святотатственныя, крамольныя, разрушительныя идеи могли безпрепятственно, проповѣдываться съ амвона церквей, съ высоты каѳедръ! Если бы коварныя утопіи располагали всѣми правительственными типографіями! И только на двадцать лѣтъ дворцы, храмы, казармы и проч, пышныя, правительственныя помѣщенія превратились бы въ свободныя, народныя школы. Только двадцать лѣтъ, и Россія стала бы на ту свѣтозарную высоту, которая не грезилась самымъ передовымъ народамъ Европы!

Изъ вашего порядка, мудрые правители, вышелъ безпорядокъ колоссальнѣйшій, столпотвореніе вавилонское. Кто знаетъ, можетъ быть,нашъ безпорядокъ соединитъ всѣ народы міра въ одно стройное, гармоническое, идеально свободное цѣлое...

II

Мы не можемъ опомниться отъ горя, „слезы все льются, и я не могу ихъ унять“. Умеръ Гиль I. „Въ деревнѣ былъ быкъ, дожившій до такой старости, что, наконецъ, сдѣлался ребенкомъ, и когда его убили, мясо его имѣло вкусъ залежавшейся телятины“. Берлинскій звѣринецъ, — виноватъ, императорскій дворецъ — опустѣлъ; окно, въ которомъ даромъ показывался быкъ

Навуходоносоръ, завѣшено флеромъ. Слезы вѣрноподданническаго умиленія не будутъ болѣе даромъ поливать Unter den Linden. Трагическая участь постигла любезно вѣрныхъ берлинцевъ, любящихъ „входить въ тѣло своей королевской фамиліи“.

Новый Гиль свою августѣйшую, сухую руку, высочайшее, глухое ухо, узкій, мѣдный лобъ будетъ показывать за большія деньги, а ощупать ихъ будетъ подъ силу только берлинскимъ банкирамъ. Деньги ему нужны для побѣдоносныхъ армій, для поднятія rage teutonique.

Какъ тѣни королей въ Макбетѣ, проходятъ мимо нѣмецкіе императоры. На нашихъ глазахъ мертвецъ хоронилъ мертвеца, и кто знаетъ, не мертвецъ ли уже тотъ, который мыкается, съ такою лихорадочною быстротою по міру, устраивая священные заговоры противъ народовъ, мечтающій, въ одинъ изъ приступовъ rage teutonique, проглотить земной шаръ. О, иронія исторіи! лучшимъ нѣмецкимъ императоромъ оказался Фридрихъ Ш, живой мертвецъ. Либеральные планы копошились въ коронованной головѣ, почти отдѣленной отъ туловища, еле держащейся на серебряной трубкѣ. Гуманные, человѣчные инстинкты проявились у монарха, выплевывшаго ежеминутно, съ вонью, остатки жизни. Ракъ въ горлѣ убѣдилъ императора всея Германіи, лучше всѣхъ революціонныхъ книгъ, что онъ не самый августѣйшій и высочайшій изъ людей, но — жалчайшій, что королевская кровь — гнилая, мерзкая кровь. Ракъ внушилъ ему, что не нужно пятиться, и къ нему, раку, прибавлять народное проклятіе, что въ такомъ положеніи выгоднѣе быть порядочнымъ. Ракъ, пожиравшій его день и ночь, безъ устали, отбилъ у него охоту пожирать родину.

О, Александръ Ш! Съ какимъ наслажденіемъ я помѣстилъ бы въ твоемъ широчайшемъ горлѣ не рака, но цѣлую щуку. Впрочемъ, чтобы образумить тебя, мало цѣлой акулы!

Какой поразительный сюжетъ для трагикомедіи! Эсхилъ, Дантъ, Шекспиръ не могли бы придумать ничего мрачнѣе. Кровь стынетъ при одной мысли, что долженъ былъ испытывать этотъ несчастный, получившій корону, дворцы, милліоны, всѣ земныя блага въ

моментъ, когда у него уже была въ горлѣ серебряная трубка! Съ одной стороны дворецъ въ квадратную версту, съ другой — свинцовый гробъ въ сажень. Зимніе сады, съ сказочной тропической растительностью, дремучіе, дворцовые парки, съ ароматомъ травъ, цвѣтовъ, нѣжнымъ звономъ, плескомъ фонтановъ и — черная яма, съ слѣпыми червями. Жизнь одной рукой преподнесла ему всю Германію, другою — ракъ. Постигай подобная участь всѣхъ монарховъ, я увѣровалъ бы въ правосуднаго бога.

III

Поставленный на рубежѣ двадцатаго вѣка, видя съ какою быстротою разваливается старый міръ, сотканный изъ безумныхъ противорѣчій, живущій неправдою, преступленіемъ; слыша чавканье вверху, стукъ могильныхъ лопатъ внизу, предчувствуя, что изъ торжества первой французской революціи, медленно и неизбѣжно вырабатывается торжество другой, болѣе великой, страшной, что на окровавленную арену на этотъ разъ выйдетъ уже не сословіе, а цѣлый народъ, вся обездоленная нація, съ требованіемъ всѣхъ земныхъ благъ; почти ощущая близящійся ураганъ, готовую хлынуть теплую кровь, трепетно прислушиваясь къ шуму крыльевъ валькирій, я, съ невыразимою тоскою, спрашиваю себя: что ожидаетъ мою многострадальную, великую родину? Счастливы республики — одинъ шагъ, и онѣ вступятъ въ царство соціализма. Мы, обойденные, еще не вышедшіе, не смотря на титаническую борьбу, изъ ветхозавѣтной деспотіи, по мнѣнію очень многихъ, обречены, хотя и на короткій срокъ, пережить конституціонную монархію. Борясь съ сомнѣніями, анализируя мельчайшія явленія нашей жизни, всѣ проблески, недоговоренныя фразы, намеки, мы все болѣе, болѣе останавливаемся на мысли, что въ минуты революціоннаго просвѣтленія, Россія пойметь, какая бездна отдѣляетъ монархію отъ республики. Франція конца прошлаго вѣка, стоявшая ниже современной Россіи, въ періодъ революціи, быстро перешла отъ деспотіи къ демократической республикѣ. Общество, пережившее семь египетскихъ язвъ, то есть семь лѣтъ царствованія Алексан. III, духовно выросло.

Семь лѣтъ неслыханнаго въ исторіи угнетенія отохотили его отъ всевозможныхъ монархій. Готовое, семь лѣтъ назадъ, примириться, на короткій срокъ, съ тощенькой конституціей, оно въ настоящій моментъ, вѣрнѣе всего, примирится только съ республикой. Пироговъ, въ своихъ запискахъ, очень глубоко замѣтилъ, что судьба русскаго правительства вѣчно запаздывать на десятки лѣтъ.

Умѣреннѣйшая республика неизмѣримо выше самой радикальной монархіи. Одна — начало жизни, другая — медленная смерть. Человѣческое существованіе начинается только съ федеративной демократической республики; это первая буква безконечнаго алфавита. Русская революціонная партія, стремясь къ царству соціализма, можетъ пойти на временный компромиссъ только съ республикой. Монархія и соціализмъ также несоединимы, какъ соціализмъ и религія. Кто признаетъ монарха, не признаетъ человѣка. Кто признаетъ религію, не признаетъ науки, прогресса. Дѣтскій картавый лепетъ, дремучая чертовщина, не соединимы съ наукой. Абсолютная, недвижная, божественная истина несоединима съ прогрессомъ. Разъ Веды, Библія, Евангеліе, Коранъ продиктованы его высочествомъ богомъ — послѣднее слово произнесено, полная истина въ нашихъ рукахъ; искать ее болѣе нечего: творецъ видимаго и невидимаго долженъ кой-что смыслить въ земныхъ дѣлахъ. Ничтожному его творенію остается только стушеваться, бросить всѣ превратныя толкованія.

Разъ надъ вашей головой стоптъ выродокъ, нравственный идіотъ, презрѣнный фетишъ-монархъ, грабящій, наслаждающійся, требующій жертвъ, поклоненій, неприкосновенный, нествѣтственный, вы не гражданинъ, но скотъ, рабъ. Монархія страшная система „головы въ іероглифныхъ кидарахъ, въ черныхъ беретахъ, чалмахъ, въ пудрѣ — и головы всякаго рода бились“ надъ ея разростаніемъ, укрѣпленіемъ, возвышеніемъ. Разбой, грабежъ, бѣшеное самоуправство, растлѣвая, губя все вокругъ, быстро увѣнчались короною, облачились въ порфиру. Народы, снимая съ себя послѣднія лохмотья, сдирая кожу, отдирая мясо отъ костей, истекая кровью, откармливали, отпаивали своего лютаго убійцу, ненасытную растлительницу, абсолютную монархію. Зараза

просачивалась всюду, микробы заражали землю, воду и воздухъ. На нашихъ глазахъ, въ послѣдней, глухой деревушкѣ попъ, во время обѣдни, перечисляетъ членовъ царской семьи, вбиваетъ проклятыя, преступныя имена, какъ гвоздь въ голову, задавленному, развращенному вѣковымъ рабствомъ, крестьянину...

Къ счастью человѣчества, анти-соціальная государственная система, построенная на безграничномъ рабствѣ, невѣжествѣ, питающаяся потомъ, слезами, кровью, носила въ себѣ зародыши неминуемой гибели. Уничтожая вокругъ себя и подъ собою людей, она сама гибла среди „мерзости запустѣнія“. Не будемъ останавливаться на султанахъ, царяхъ, шахахъ, на гадахъ, осужденныхъ на смерть міровой исторіей. Мнѣ кажется, что вѣра въ адъ зародилась подъ игомъ вѣнценосныхъ особъ.

Возьмемъ монарха, вполнѣ занузданнаго, безсильнаго на колоссальную пакость, которому не позволяетя шалить реформами; но и въ этомъ упорядоченномъ видѣ онъ остается первымъ воромъ, растлителемъ родной страны. Почти всегда, вслѣдствіи чудовищнаго воспитанія, безвольный, ничтожный, словомъ, ни къ чему негодный, послѣдній изъ людей, онъ получаетъ десятки милліоновъ, живетъ во дворцахъ; его покой охраняютъ шпіоны; его окружаютъ безумно дорого стоющія толпы куртизановъ; города обязаны истрачивать огромныя суммы на пріемы его гнусной особы. Для него, стоящаго внѣ законовъ, создаются исключительные законы. Crime de lèse — majesté выдумывается для представляющаго собою crime de lèse — humanité. Напложенная имъ гниль, въ конецъ изуродованная нечеловѣческимъ воспитаніемъ, въ силу умѣнія родиться, наслѣдуетъ его тронъ. Отъ министра, до послѣдняго полицейскаго всѣ представляютъ его уменьшительное подобіе; всѣ разыгрываютъ божковъ. Парламентъ, думы, университеты, учебныя заведенія, больницы и проч. общественныя учрежденія помѣчены королемъ, они фигурируютъ, какъ его собственность. Армія отрекаясь отъ народа, присягаетъ ему; какимъ бы чудищемъ онъ не сталъ, она должна его защищать, изъ-за него убивать своихъ матерей, отцовъ, сестеръ, братьевъ. Монархъ всегда не разлученъ со своимъ близнецомъ-попомъ; оба одинаково

держатся на поголовномъ, дикомъ невѣжествѣ, всеобщемъ лютомъ рабствѣ. Люди, признающіе бога въ безграничномъ небѣ, признаютъ легко монарха, на землѣ. Монархія та же религія.

Подданный самой свободной конституціонной монархіи, постепенно, свыкается съ царящимъ надъ нимъ люпонаріемъ. Ломая шапку передъ идоломъ, устраивая ему холопскія овацiи, онъ морально, нравственно, быстро падаетъ до животнаго, комнатной собаченки. Мозгъ, нервы постепенно притупляются; вся жизненная обстановка монархіи, незамѣтно, тихо убиваетъ человѣческое достоинство, разумъ, всякое понятіе о добрѣ и злѣ.

Мы, не вѣрующіе въ свободную волю, должны добиваться строя, представляющаго самую лучшую школу, обстановку.

Для монарха нѣтъ выхода. Если онъ, жалкій смертный, вѣритъ въ право на народные милліоны, на дворцы, на безсмысленныя, ничѣмъ незаслуженныя, нелѣпыя почести, вѣритъ въ право стоять выше закона и карать отвергаемымъ имъ закономъ всякаго, взглянувшаго ему прямо въ глаза, — онъ сумасшедшій, на него нужно надѣть горячешную рубашку и прикрутить къ желѣзной постелѣ. Если онъ не вѣритъ, онъ величайшій въ свѣтѣ мерзавецъ, воръ и разбойникъ, и нѣтъ той казни, пытки на свѣтѣ, которыя были бы достаточны для наказанія его особы.

Возьмите монархическую прессу, отражающую гнусный монархическій ликъ; омерзѣніе, невольно, охватитъ душу... страшно и стыдно за человѣка. Всюду холуйскій пафосъ, лакейскія изліянія, невозможный, омерзительно холопскій языкъ, ходульная, смѣхотворная напыщенность, полицейская логика, шпіонская мораль, забалтываньe, заморочиванье; истинное величіе втоптано въ грязь, призрачное — возвеличено до седьмого неба. Собравшись съ силами, прочтите описаніе императорскихъ встрѣчъ, пріемовъ, поѣздокъ, описаніе ихъ горя и радостей, и на васъ пахнетъ сумасшедшимъ домомъ. Если республиканецъ пожелаетъ похамствовать, онъ противорѣчитъ главному республиканскому принципу, гласящему „равенство“. Если монархистъ впадетъ въ холуйское ликованіе, онъ, если можно такъ выразиться, дѣйствуетъ логично.

Не имѣющимъ случая познакомиться съ иностранною монархическою прессою, совѣтую вникнуть въ позорнѣйшую изъ позорнѣйшихъ, нашу низкоподданическую, то бредъ, психопатія. Мечутъ молніи противъ мелкаго; червоннаго валета, жалкаго убійцы и ползаютъ на животѣ передъ коронованнымъ убійцею, убивающимъ тысячи лучшихъ людей Россіи, передъ червоннымъ царемъ, грабящимъ милліоны. Громятъ околодочнаго, урядника за превышеніе закона, и обливаясь слезами преданности, лижутъ пози чудищу, стоящему внѣ закона. Скалятъ зубы надъ легендарными героями, спасителями родины, издѣваются надъ ихъ муками, казнію; нахально зовутъ ихъ крамольниками, святотатственными злодѣями и, съ экстазомъ, захлебываніями называютъ настоящаго каторжника, святотатственнаго злодѣя, настоящаго нигилиста „священнѣйшею особою," „возлюбленнымъ царемъ", „безпредѣльно, безконечно обожаемымъ вождемъ". Издѣваются надъ глупостью собрата, и превращаютъ безграничную царскую глупость въ божественную мудрость. Съ высока третируютъ людей, отдающихъ себя на растерзаніе за любовь къ людямъ, и съ священнымъ трепетомъ превозносятъ реформы Александра II, не стоившія ему мѣднаго гроша, вынужденныя собственнымъ интересомъ, неодолимою силою времени. Преслѣдуютъ частнаго человѣка за безумную роскошь, и восторженно описываютъ царскіе обѣды, гдѣ столы ломятся подъ тяжестью золотой посуды; царскіе балы, на которыхъ, исключая люстръ, лампъ, горятъ тридцать тысячъ свѣчей, куда стекаются самки, въ бархатѣ, шелкѣ, затканномъ брилльянтами, жемчугомъ, изумрудами, съ несмѣтными сокровищами на шеѣ и головѣ. Въ одну таинственную ночь, разгнѣванный, замученный нуждою, надруганьями, народъ ворвется въ вызолоченные вертепы, выволокитъ кровожадныхъ самокъ на холодную мостовую, и сорвавъ шелкъ, бархатъ, батистъ, драгоцѣнные каменья, надругавшись надъ выхоленнымъ тѣломъ, голыхъ вздернетъ на фонарь.

Сколько воды утекло съ тѣхъ поръ, когда Бакунинъ. самъ Бакунинъ, вѣрилъ въ царя, способнаго выступить на путь широкихъ реформъ, и Герценъ, въ статьѣ „Съ того берега" произнесшій безпощадный

приговоръ надъ западной цивилизаціей, усомнившійся въ свѣтломъ будущемъ нашей планеты, предсказывающій трещину отъ полюса до полюса, воскликнулъ: „Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!“ „Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ“. Они думали, что Галилеянинъ всея Руси прикоснется къ собственной порфирѣ, не пощадитъ шапки Мономаха, державныхъ прерогативъ. Они упустили изъ виду, что всякій шагъ царя по пути серьезныхъ реформъ былъ бы отрицаніемъ себя, самопожраніемъ. Изъ всѣхъ существующихъ на землѣ неправдъ, онъ — наивопіющая, изъ всѣхъ преступленій — наивеличайшее, наивысочайшее, наиширочайшее, наиавгустѣйшее. Къ нему могутъ быть смѣло обращены слова казненнаго царя іудейскаго, настоящаго галилеянина: „Если сатана раздѣляется самъ съ собою, какъ устоитъ царствіе его? Если сатана сатану изгоняетъ, то онъ раздѣлился самъ съ собою, какъ устоитъ царствіе его?“

Не смотря на то, что нынѣ царящій сатана и не раздѣляется самъ съ собою, его царствію приходитъ конецъ...

Августъ, 88 г.

Чортова лужа

Гдѣ что нибудь великое должно
Свершиться, тамъ всегда, какъ бы случайно,
Условія всѣ соединитъ судьба.

Шиллеръ.

Qui est au-dessus de la loi est hors de la loi.

—„—

Въ отношеніи тирановъ всякая жестокость гуманна и всякое состраданіе безчеловѣчно.

Петрарка.

Любовь багровыя пятна бѣлитъ, какъ волну ягненка.

—„—

I.

Выражаясь цвѣтистымъ, дворцовымъ языкомъ, Чортова лужа 17-го Октября чуть не удостоилась принять, въ свое мутное лоно, высокихъ путешественниковъ. Какъ радостно взыграли бы ея не вполнѣ прозрачныя волны, если бы высочайшая семья всемилостивѣйше удостоила въ оныя прослѣдовать. Еще одинъ толчекъ, и Чортова лужа волшебно превратилась бы въ царскую усыпальницу. Когда гибельный ударъ соединенъ съ ослѣпительнымъ каламбуромъ, знайте, что тутъ опустилась всесильная, карающая рука революціонера,-вспомните Минина-Сухорукова и три книги, начиненныя динамитомъ и отравленными пулями. Въ характерѣ русскаго: смертельный ударъ приправить словцомъ, подымающимъ дыбомъ волосы; въ характерѣ русскаго „на погибель идти, пѣсни пѣть соловьемъ.“ Въ пронзающей врага шуткѣ слышатся: вѣковая „мука смертная,“ про-

тестъ и бѣшенство безграничные. Изъ сердца, вѣчно обливающагося кровью, вышелъ кровавый каламбуръ.

Снова завоняли газетишки, снова низкоподданническая клоака переполнилась, и смрадныя, заражающія воздухъ, волны потекли всюду. Можно задохнуться отъ злобы при мысли, что въ концѣ XIX в. стомилліонная страна не смѣетъ проронить человѣческое слово, звукъ протеста, обнаружить на одинъ мигъ настоящія чувства; всегда и вездѣ одни собачьи припаданья.

За всю Россію говорятъ, кричатъ: губернаторы, жандармскіе полковники, полицмейстеры, исправники, становые, урядники и попы.

О, несчастная, позорная страна! неужели ты еще не коснулась дна, окружающаго тебя омута? Если отъ тебя отняли человѣческое слово, встрѣчай своихъ каторжныхъ палачей звѣриными воплями, грязью, каменьями, забрасывай ихъ лошадиными испражненіями.

Любуйтесь чѣмъ наполнены газетишки, что строчатъ лирики участка. Когда прочитываешь темничныя, похабныя строки, испытываешь ощущеніе, будто рука попала въ слизь раздавленнаго червяка; щеки субъектовъ, способныхъ строчить подобныя статьи, адресы, не только не способны краснѣть отъ стыда, но и отъ оплеухъ. Любуйтесь на собачью преданность, собачій радостный вой, собачье лизаніе, виляніе.

„Раздалось невѣроятное, по силѣ подобное урагану, ура!“ „Сплошной стонъ восторга сопровождалъ безпредѣльно обожаемыхъ.“ „Повсемѣстное обожаніе, послѣ чуда благости божьей, усилилось до чрезмѣрности.“ „Могучее, молодецкое ура вырвалось изъ груди замѣчательно преданной молодежи, студенты цѣловали безумно руки царя-батюшки, колеса царскаго экипажа, обливали ихъ славными, теплыми, честными слезами. Многіе бросались подъ лошадей, съ гордою мыслью погибнуть подъ порфироносною коляскою, раскаяніе безпредѣльно.“ „Не одинъ народъ рыдалъ навзрыдъ, плакали чистыми, непритворными слезами, выстроившіяся по пути, побѣдоносныя арміи, жандармы, городовые, дворники.“ „Іереи осѣняли вѣнценоснаго вождя святымъ крестомъ, дьяконы кадили, дьячки усѣдали.“ Въ тысячный разъ пускается въ ходъ, тайной полиціей,

опротивѣвшее всѣмъ до рвоты клише; они думаютъ капельку умалить революціонный ударъ, сбросившій поѣздъ.

Самое омерзительное въ людяхъ, самое неистощимое, это: низость и пресмыкательство.

Заматерѣлый хамъ А Майковъ, недавно заполучившій цапку на шею, часы и перстень за пятидесятилѣтнее служеніе Олимпу и властямъ придержащимъ, рявкнулъ разбитымъ голосомъ, не хуже Тредьяковкаго:

„И зримъ — отъ хладной Полуночи
До Гималая образъ сей,
И упиваются имъ очи
И слезы льются изъ очей".

Русскій Вѣстникъ. Ноябрь.

Прибавимъ отъ себя:

Скажи, за что съ брилліантомъ перстень сей
Пожалованъ пѣвцу убогихъ, нашихъ дней?
Не въ Гималаѣ-ль залежь сихъ камней?
— Онъ пакостилъ отечеству и воспѣвалъ царей.
Морали нѣтъ яспѣй:
Захочешь перстень сей,
Почаще хамски слезы лей.

Во всѣхъ адресахъ отъ дворянства, земствъ, думъ, между омерзительныхъ порнографическихъ строкъ, сквозитъ одинъ вопль: „Не слопай насъ, не слопай!" Стомилліонная страна въ рукахъ одного задичавшаго нравственнаго идіота!... О, позорная страна!

II.

Высочайше идіотскій манифестъ Гатчинца перещеголялъ всѣ предъидущіе. Кажется круглые, полные дураки наши правители, а все еще умудряются глупѣть! За поразительную встряску Оболтусъ III посылаетъ горячія хвалы провидѣнію и неисповѣдимому промыслу, повидимому, еще хочется попробовать. Благодаря собственнымъ молитвамъ и всѣхъ низкоподданныхъ, надъ нимъ свершилось тяжеловѣсное чудо; въ благодарность онъ обѣщаетъ „до конца свершить великое служеніе отечеству".

Мы думали, что идти уже некуда, что благодаря „великому служенію отечеству" оно въ конецъ огра-

блено, забито, затерзано! но увы, онъ обѣщаетъ еще! видно, не всѣ еще жилы вытянуты, не вся кровь выпита, не всѣ деньги выкрадены...

Воистину неисповѣдимы пути провидѣнія! Не такъ давно оно покончило съ Александромъ II, теперь очень энергично принялось за Ш-го. Благое, мудрое провидѣніе, невольно вызываетъ недоразумѣніе: если оно въ силахъ было спасти завтракавшихъ въ столовой, то почему оно не предупредило первый прыжокъ, не спасло всего поѣзда? Или всевышній безсиленъ передъ Поляковскими сооруженіями,невластенъ надъ рельсами? Можетъ быть, насыпь надъ Чертовой лужей принадлежитъ господину чорту, и господинъ богъ боялся заводить съ нимъ ссору. Чудо надъ царемъ нѣсколько умаливается тѣмъ невиннымъ обстоятельствомъ, что находившіеся въ столовой, спаслись всѣ, и самые сильные ушибы, послѣ злополучнаго Шереметьева, пришлись на долю высочайшей семейки. Врядъ ли можно считать особенно пріятными: встряску, вылетаніе кубаремъ подъ вагонъ, похороны заживо; врядъ ли можно назвать очень удачнымъ, чудо, при которомъ разлетѣлись въ дребезги шесть вагоновъ, убиты на повалъ двадцать три человѣка и искалѣчены тридцать семь; видно, для бога не всѣ равны... по слухамъ, богъ дѣлалъ чудеса прежде много лучше; впрочемъ, онъ былъ моложе.....

Очень интересно узнать, почему его величество не смотря на покровительство бога, въ Петербургъ воротились нѣсколько извилистымъ путемъ? Или рельсы Курско-Харьковской дороги болѣе порывисты, болѣе склонны свертываться спиралью? Я нѣсколько разъ спрашивалъ себя: какой духъ сидѣлъ въ рельсахъ, свернувшихся спиралью, крамольный или низкоподданническій? Отъ гнѣва ли свернулась желѣзная полоса, какъ змѣя, готовая ужалить, или она рабски скрутилась, осчастливленная прикосновеніемъ царскаго поѣзда? въ порывѣ обожанія перехолопила.

Еще одно такое чудо, одна такая милость божья, и вся самодержавная семья съума сойдетъ отъ страха. Неисповѣдимы пути промысла, но не менѣе неисповѣдимы царская глупость, царская логика.

Теменъ языкъ провидѣнія! Кто знаетъ, можетъ быть многіе изъ вѣрующихъ, въ трескѣ, громѣ разсыпавшихся вагоновъ, услышали иной гласъ, грозно взывающій: „Лютый деспотъ, я готовлю тебѣ нелегкую гибель, я дамъ тебѣ и семьѣ вполнѣ прочувствовать смерть, постигнуть ее во всемъ необъятномъ ужасѣ. Ты лизнулъ первыя капли наполненной до краевъ смертной чаши, но скоро ты осушишь ее до дна.“

Если Гатчинцу очень понравилось чудо, пусть поскорѣе насчетъ богатаго, счастливаго, свободнаго русскаго мужичка, справитъ себѣ новый, въ нѣсколько милліоновъ рублей поѣздъ, и снова пусть примется за путешествіе; но только врядъ ли „безконечно обожающіе“ куртизаны, шпіоны съ нимъ пустятся въ путь.

Дорогонько обходятся высочайше-широчайшія путешествія; цѣлая русская армія выстраивается вдоль пути; къ нему сгоняются дубьемъ десятки тысячъ голодныхъ крестьянъ; костры освѣщаютъ ночью путь, и цѣлые милліоны вылетаютъ въ желѣзнодорожную трубу.

Куртизаны высокимъ слогомъ описываютъ поведеніе царя и царицы послѣ крушенія. Кто знаетъ трусика III, наполненную трухой куклу — его супругу, полуидіота онаника—сынишку, расхохочется до слезъ надъ полетами куртизанской фантазіи. На самомъ дѣлѣ вѣнценосная семейка, въ уцѣлѣвшемъ вагонѣ, тряслась, молилась и пускала въ штанишки.

Подавай они, на самомъ дѣлѣ, помощь искалѣченнымъ изъ за нихъ людямъ, они исполняли бы только простой долгъ; придавать какое нибудь значеніе такимъ обыкновеннымъ, заурядным дѣйствіямъ, можетъ только совсѣмъ очумѣвшій, дворцовый холопъ.

Послѣднее путешествіе ясно показало, что порфироносная семья въ грабежѣ дошла до маніи. Романовская семья захватила себѣ десятки милліоновъ десятинъ самой дорогой, лучшей, русской земли; она понастроила во всѣхъ большихъ городахъ роскошные дворцы. На случай революціи, у ней хранится въ иностранныхъ банкахъ болѣе милліарда рублей золотомъ; она получаетъ изъ государственной казны на сумасшедшія прихоти десятки милліоновъ рублей; на охраненіе своей

проклятой... виноватъ, „драгоцѣнной для Россіи жизни“ истрачиваетъ десятки милліоновъ рублей, на поѣздки милліоны и, не смотря на все, ненасытные воры придираются къ самому ничтожному поводу, чтобы ободрать еще. По случаю пачкатни масломъ въ Успенскомъ соборѣ, (пузырекъ масла обошелся въ 60 мил. рублей) всѣ сословія, ввидѣ драгоцѣнныхъ блюдъ, иконъ, солонокъ, преподнесли имъ милліоны. По поводу совершеннолѣтія святоши—милліоны. Каждое путешествіе сопровождается поборами безумными. Они дерутъ взятки съ живого и мертваго въ видѣ блюдъ, тарелокъ, иконъ, матерій, оружія. Посмотрите, какую жатву они пожали на тихомъ Дону, на Кавказѣ. На нашихъ глазахъ свершается нѣчто неслыханное не только въ человѣческой исторіи, но даже и въ нашей. Не держи ихъ на цѣпи въ Гатчинѣ революціонная партія, они давно бы объѣхали всю Россію до послѣдняго закоулка, и ни одинъ ярый попъ не обиралъ такъ своей деревни въ свѣтлый праздникъ, какъ обобрали бы они ее, несчастную. Они давно открыли бы во всѣхъ столицахъ и сезонныхъ городахъ Европы громадные магазины для сбыта „питритическихъ“ вымоганій.

Во времена оно города дорогими приношеніями покупали у коронованныхъ убійцъ, воровъ, вольности. Мы же что пріобрѣли? Во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ побывали безпредѣльно обожаемые чудищи, усилились охрана, ночныя нападенья на квартиры, съ обысками, аресты, заточенья, ссылки.

III

Передъ нами въ удесятеренныхъ размѣрахъ начинаетъ повторяться трагедія, достойная Шекспира, начавшаяся въ 77 году, закончившаяся въ 81. Прологъ ея былъ выстрѣлъ Вѣры Засуличъ, эпилогъ — взрывъ 1-го Марта. Все что свершилось надъ Александромъ II, начинаетъ свершаться надъ III. Удары усилились пропорціонально давленію, духовному росту страны. 2-го Апрѣля 79 года, послѣ продолжительной паузы, возобновилась охота на самодержца; раздался выстрѣлъ Соловьева. Въ 87 1-го Марта на Невскомъ, случайно, были остановлецы трое съ книгами, начиненными ди-

намитомъ и отравленными пулями. Соловьевъ хотѣлъ казнить одного царя; остановленные перваго Марта 87 г. имѣли пламенное желаніе превратить въ слякоть всю самодержавную семью. 19 Ноября 79 г. царскіе вагоны сдѣлали восхитительный пируетъ подъ Москвою. Александръ II спасся, прошмыгнувъ получасомъ ранѣе, въ вагонѣ, наполненномъ кострюлями. 17 Октября поѣздъ Алекс. Ш, въ самый разгаръ дня, лопнулъ по всѣмъ швамъ; но сынокъ, увы, не прошмыгнулъ; смерть положила на его бедро первый свой красный значекъ; помяла его въ своихъ костлявыхъ объятіяхъ, пахнула на него могильнымъ холодомъ. По упорно носившимся слухамъ, Алек. Ш потѣшался надъ муками беременной Гельфманъ; послѣ безчеловѣчныхъ допросовъ, ее вѣшали, когда она лишалась сознанія, ее вынимали изъ петли; приводили въ чувство, затѣмъ, давъ отдохнуть, снова вѣшали, пока не явилась избавительница смерть. Надъ шутникомъ подшутилъ случай: онъ самъ побывалъ въ гробу, слышалъ, какъ опустилась надъ нимъ гробовая крышка, затрещали стѣны гроба и посыпалась земля. Его вынули изъ могилы; хотя и поздно — онъ испыталъ игру въ смерть,и тѣ пріятныя,ощущенья, которыя, благодаря ему,испытываютъ тысячи заключенныхъ въ могильныхъ,тюремныхъ ямахъ. Гартманъ, взрывая поѣздъ,подъМосквою,думалъ взорвать деспота одного;17 Октября таинственный герой въ Чертовой лужѣ хотѣлъ утопить всю„обожаемую“семью и кучу рыскающихъ съ нимъ, стерегущихъ его кровяныхъ собакъ. Удары стали грознѣе, неумолимѣе, Посмотримъ, не будетъ ли еще случая въ другомъ мѣстѣ, при другой обстановкѣ, и въ случаѣ новаго чуда, еще и еще случая. Увидимъ, кто выйдетъ побѣдителемъ: всевышній творецъ, вооруженный аляповатыми чудесами или жалкое его творенье, вооруженное адскими машинами и бомбами, вспыхивающими при паденіи. Не до царей и королей дряхлому богу: крѣпко пошатнулись не одни земные троны, сильно дрожитъ и его собственный. Онъ думаетъ только о себѣ, его пробираетъ предсмертная дрожь. Гдѣ ему спасать масломъ вымазанныхъ, когда онъ самъ себя спасти не можетъ! Ему нечѣмъ защищаться: молніи у него отняты, произволъ ограниченъ. Невесело ему одному умирать безъ наслѣдниковъ, среди холоднаго, пу-

стого, безконечнаго неба. Богъ всегда шелъ въ тактъ со временемъ: когда царили деспотіи, — онъ былъ самъ кровожадный тиранъ. Но послѣ французской великой революціи, онъ сталъ быстро образумливаться, остепѣняться, и наконецъ сдѣлался монархомъ конституціоннымъ, ограниченнымъ законами природы. Когда наступитъ универсальная соціальная республика, онъ нѣтъ сомнѣнія, совсѣмъ исчезнетъ. Алекс. Ш забываетъ, что дряхлый конституціонный монархъ не можетъ сочувствовать ему, отсталому, зазнавшемуся, глупому деспоту. Алекс. II. тоже надѣялся, но первое Марта разсѣяло иллюзіи.

Но многіе могутъ сказать: „На какомъ основаніи вы предсказываете?“ Я отвѣчу словами изъ трагедіи Шекспира: „человѣкъ, вникнувшій въ исторію временъ минувшихъ, можетъ предсказать большую часть событій, еще не рожденныхъ, скрытыхъ въ своихъ сѣмечкахъ, въ своихъ слабыхъ зачаткахъ и которыхъ время высидитъ, выведитъ, непремѣнно.“

Мы не знаемъ, что откроетъ слѣдствіе, но, по многимъ даннымъ, можно догадываться, что съ публикой, по обыкновенію, не поцеремонятся и приподнесутъ ей состряпанную въ Ш отдѣленіи наглую ложь. На третій день, послѣ крушенія, въ большихъ городахъ никто уже не сомнѣвался, что оно произошло отъ взрыва; зловѣщій слухъ пошелъ разгуливать по матушкѣ Россіи, остановить этотъ слухъ въ странѣ безгласной также невозможно, какъ остановить вихрь въ необъятной степи. Газеты всей Европы, не смотря на всѣ dementis, продолжаютъ упорно утверждать, что то было покушеніе.

Чорная банда скрывающая, при каждомъ удобномъ случаѣ, покушенія, замучивающая по тюрьмамъ, вѣшающая по ночамъ, банда, держащая всю прессу въ собачьемъ намордникѣ, всѣхъ грабящая, бьющая и сѣкущая, открыто фабрикующая фальшивыя бумажки, идущія за полъ цѣны, врядъ ли осмѣлится разсчитывать, что ей кто нибудь повѣритъ, разъ ея прямой интересъ скрывать истину. Злодѣи скрыли настоящую причину, трепеща, что вѣсть о новой, великой революціонной побѣдѣ, вдохновитъ на новые подвиги. Они трепетали отъ злобы при мысли, что самый ужасный ударъ былъ

нанесенъ въ моментъ, когда они болѣе чѣмъ когда нибудь врали, что крамола похоронена на вѣки, и чтобы наглядно доказать, осмѣлились пуститься, съ фантастическими предосторожностями, въ путешествіе, вѣрнѣе, въ мородерство на Кавказъ. Они скрыли, зная, что роковая вѣсть подыметъ революціонную партію до самыхъ звѣздъ. Они изныли отъ бѣшенства, увидѣвъ, что виновники ускользнули изъ подъ ихъ разбитыхъ носовъ, что имъ не изъ кого тянуть жилъ, не въ кого впиться зубами. Видѣли-ли Вы въ звѣринцѣ гіенъ, волковъ, когда мимо ихъ разинутыхъ пастей проносятъ обрывки кроваваго мяса? Вы помните, какъ судорожно они зѣваютъ, стонутъ, стучатъ зубами, и ярко краснымъ языкомъ слизываютъ набѣгающую пѣну? Точно въ такомъ же положеніи находится наше правительство... Горе, горе политическимъ мученикамъ: Фроловъ-Черевинъ на многихъ изъ нихъ вымѣститъ позорную неудачу.

По приказанію полиціи распутныя газетишки увѣряютъ, что народъ отворачивается отъ крамолы, съ ужасомъ узнаетъ о покушеніяхъ. Если такъ, то зачѣмъ скрываютъ покушенія? Зачѣмъ вѣшаютъ виновниковъ по ночамъ, на дворахъ тюремъ? Зачѣмъ судятъ ихъ въ запертыхъ со всѣхъ сторонъ вертепахъ и утаиваютъ ихъ предсмертныя рѣчи? Остановленные послѣ 1 Марта 81 года три тысячи девятсотъ человѣкъ, изъ простаго званія, въ одномъ Петербургѣ, за поношенье величества, освѣщаютъ вопросъ съ иной стороны.

Таинственное лице, сокрушившее царскій поѣздъ, не смотря на неслыханныя ухищренія, обвѣется величавой, сказочной поэзіей, окружится чудными легендами. Исполинскій ударъ пробудитъ на мгновеніе задремавшую Россію, дастъ новыя силы упавшимъ духомъ въ великой борьбѣ, подтолкнетъ на новые, дивные удары.

Хорошо кончается 88 годъ! Съ замираніемъ сердца мы ждемъ 89. Наступаетъ столѣтіе великой революціи. Страшные катаклизмы въ жизни народовъ имѣютъ такихъ же яркихъ предвѣстниковъ, какъ и катаклизмы природы. Въ Европѣ всѣ слѣпо вѣрятъ, что очередь за Россіей, и что судъ будетъ ужасенъ. Да! передъ этимъ судомъ блѣдно розовымъ, сентиментально прѣс-

нымъ покажется терроръ 93 года; примитивною, вяло дѣйствующею игрушечною машинкою покажется гильотина, передъ новою казнящею машиною, вооруженною молніями. Безграничною ненавистью къ вамъ, правители, дышетъ мое слово, но повѣрьте мнѣ, что оно лишь слабое, еле видимое зарево лавы, клокочущей подъ вами. Вы обмануты тишиною. Убивая свободное слово одной рукою, вы другою, безсознательно, подписали свой смертный приговоръ. Ударъ застигнетъ васъ врасплохъ, во время сна. Васъ некому предупредить.

Александръ III! Когда стѣны вагона сдвинулись, и крышка покрыла тебя и семью, какъ крышка гроба, когда земля, каменья посыпались на твою преступную голову, мелькнули ли передъ тобою забытые на время призраки? Не догодался ли ты въ ужасный мигъ, что это руки ослѣпленнаго, закованнаго тобою Самсона сплюснули желѣзныя стѣны, въ щепки обратили гордо несущійся, пышный поѣздъ? Наконецъ то ты почувствовалъ ледяное прикосновеніе распростертой надъ тобою маленькой ручки, убитой на эшафотѣ праведницы! наконецъ ощутилъ на похолодѣвшемъ лбѣ, огненную слезу затерзанной въ тюрьмѣ беременной!

Но, подожди, палачъ! Нѣтъ конца твоимъ злодѣйствамъ и нѣтъ конца страданіямъ земли русской. Если взвѣсить всѣ кровавыя слезы твоихъ жертвъ, пролитыя на Сахалинѣ, на поселеніи, на каторгѣ въ Сибири, по крѣпостямъ, по тюрьмамъ въ Россіи, всѣ слезы отцовъ, матерей, братьевъ, сестеръ и друзей жертвъ; все зло, принесенное тобою всей Россіи, то чтобы достойно вознаградить, тебя слѣдовало бы пытать милліоны лѣтъ; за твое семилѣтнее „великое служеніе отечеству“, ты смѣло заслужилъ милліонъ смертей.

Ноябрь, 88

* * *

То, что мы предсказывали, случилось: русское правительство, послѣ долгихъ, безстыдныхъ кривляній, наконецъ, разрѣшило всѣ сомнѣнія по поводу крушенія 17 Октября. Врядъ ли кто теперь усомнится, что то былъ грозный, революціонный ударъ, затмившій взрывъ подъ Москвою 19 Ноября, 79 года. Чтобы выйти изъ позорной путаницы, въ которую вовлекли наглое утаиваніе и вранье, правительство рѣшилось прекратить слѣдствіе—самое жалчайшее подобіе суда грозило раскрытіемъ тайны. Коронованный людоѣдъ осмѣлился шуллерскую передержку прикрыть, якобы, милосердіемъ. Волкъ облачился въ овечью шкуру, забывъ припрятать пасть. Неслыханная комедія,разыгранная передъ цѣлой Россіей, послужитъ революціонерамъ урокомъ; будущее вознесеніе на небо, можно надѣяться, они обставятъ такъ, что о сомнѣніяхъ не будетъ рѣчи.

Послѣ выхода брошюры: „Чортова лужа“ мы напали въ „Новомъ Времени“ на поучительный эпизодикъ: на мѣсто крушенія, 17 Октября, сбѣжались мужички близлежащей деревни, и воспользовавшись паникою, охватившею царскую семью и приближенныхъ, присвоили себѣ часть разбросаннаго имущества. Въ числѣ присвоеннаго оказался нѣжно любимый царицею,за величину брилліантовъ,крестикъ.Послѣ необыкновенныхъ усилій мѣстнаго начальства т. е. необыкновенныхъ порокъ, кой какія вещи были розысканы около волостнаго управленія. Совершился круговоротъ матеріи: царь-папаша, вѣрный привычкамъ чухоно Романовскаго дома, до нитки обчищалъ дѣтокъ мужичковъ. Дѣточки не упустили случая, и, въ свою очередь, капельку почистили царя-папашу; частичка награбленнаго на Кавказѣ и на Дону имущества попала, на время, въ ихъ карманъ.

Газеты, послѣ катастрофы 17 Окт., докладывали о сотрясеніяхъ, вопляхъ, плачахъ, истерикахъ по всей Россіи при одной только мысли, что незабвенный вождь находился на волосокъ отъ гибели; въ нѣкоторыхъ деревняхъ, близко отстоящихъ отъ станціи Борки, отъ

безпредѣльныхъ слезъ, произошли даже наводненія, погубившія посѣвы, а отъ бурныхъ чувствъ негодованія, противъ виновниковъ крушенія, поснесло крыши со многихъ домовъ, и... о, ужасъ! Рядомъ съ универсальнымъ горемъ, узнаемъ, что наши добрые, простые мужички, безконечно преданные, благоговѣйно обожающіе, въ страшный моментъ гибели поѣзда, на глазахъ въ концѣ растрепаннаго царя и окровавленной царицы, занимались присвоеніемъ священныхъ вещей. Если при одной только мысли объ опасности вылетали вихри, стоны, то что же, спрашиваю васъ, должно было происходить на мѣстѣ крушенія?? Представьте себѣ сына у постели умирающаго отца, вытаскивающаго изъ подъ подушки кошелекъ, врядъ ли, въ подобномъ случаѣ, вы рѣшились бы утверждать, что сынъ благоговѣлъ передъ отцомъ, обожалъ его. Врядъ ли французскій крестьянинъ, наканунѣ 1789 года поступилъ бы такъ съ Людовикомъ XVI.

Аксаковъ, Катковъ и проч. указывали не разъ крамольной интеллигенціи на мужичка, какъ на непоколебимую основу, на неутомимаго носителя завѣтныхъ чувствъ къ престолу; ему приписывались купные посты, молитвы, купные стоны восторга. Его болѣе чѣмъ равнодушное отношеніе къ казни Алекс. II, и остроумные каламбуры по поводу оной объяснялись столбнякомъ отъ священнаго ужаса, временнымъ роковымъ углубленіемъ въ себя, чреватымъ грозными послѣдствіями для ненавидящей царя интеллигенціи. И этотъ надежный мужичекъ, необычайно обожающій, купно постящійся, такъ легко погружающійся въ столбнякъ при каждомъ покушеніи, въ ужасный моментъ рѣшился заниматься пропусканіемъ въ карманъ царскихъ вещей! О, святотатство!!

Одна русская деревня, — въ сущности всѣ русскія деревни: одинаковый бытъ, обстановка, развитіе, одинаковое свирѣпое выколачиваніе изъ пустоты чудовищныхъ налоговъ, тотъ же вѣковой безсмысленный гнетъ, тѣ же урядники, палки, розги, плети.

О, Фарисеи, шуты, лжецы, а главное глупцы! Старайтесь путать, врать послѣдовательно. Если не можете обойтись безъ противорѣчій, то избѣгайте, по крайней мѣрѣ, вопіющихъ, гомерическихъ!

Не дуренъ разсказъ художника Зичи о томъ, какъ одинъ совсѣмъ полный генералъ, подъ вліяніемъ катастрофы, безсознательно, сунулъ въ карманъ столовую ложку. Первое движеніе всегда искренно... Я глубоко удивленъ, что остальные не спустили все находящееся серебро въ карманъ...

Я не хочу этимъ сказать, что приглашающіе нашихъ высшихъ дворцовыхъ лицъ на обѣды, рискуютъ встрѣтить недочетъ въ цѣнномъ столовомъ серебрѣ. Нѣтъ, приближенные царя очень осторожны, и никогда не возьмутъ ничего со стола, разъ знаютъ, что прислуга за ними зорко слѣдитъ.

Николай Константиновичъ облегчилъ, очень осторожно, иконы императрицы отъ бременившихъ ихъ брилльантовъ; не понимаю какимъ чудомъ Треповъ догадался. Его громадная, практическая опытность въ дѣлѣ запусканья помогли ему...

Не дуренъ и другой разсказъ, какъ не менѣе круглый генералъ, послѣ крушенія пустился продирать такъ, что его чуть не пристрѣлила охрана дороги, принявъ за крамольника.

Царя окружаютъ всегда честность и храбрость!!!

ВЛАСТЬ ТЬМЫ

Передъ общественнымъ судомъ Франціи

„Летаетъ челнокъ и шумитъ нашъ станокъ.
Мы ткемъ день и ночь, не вставая на срокъ.
Ткемъ саванъ имперіи дружно, какъ братья,
Вплетая въ тотъ саванъ тройное проклятіе,
Мы ткемъ, мы ткемъ...

Гейне.

I

Французское правительство, прежде чѣмъ огадить себя мыслію о союзѣ съ пещернымъ медвѣдемъ, должно было предчувствовать, что изъ него выйдутъ только позоръ и преступленіе. Союзъ съ убійцами, червонными валетами, доносчиками, можетъ повлечь только усиленіе убійствъ, грабежей, доносовъ, но отнюдь не процвѣтаніе добродѣтелей. Кто ложится спать съ собаками, встаетъ съ блохами.

Только что наши гомерическіе лакузы, вродѣ Татищева, не могущіе произнести: „Царь всея Руси“ иначе, какъ въ отхожемъ мѣстѣ, — изъ экономіи штановъ, — запѣли объ альліансѣ, мы объявили, что дѣло начнется займами, а кончится революціонерами. Лакузы, шпіоны, нѣтъ сомнѣнія, разсчитывали не только поправить, на счетъ кармана крамольной республики, наши единственнѣйшіе въ мірѣ, самодержавные финансы, но и добраться до выдачи политическихъ жертвъ; вращаясь между оголтѣлыми бонапартистами и отставными му-

шарами, они не могутъ уразумѣть цѣлую націю, предвидѣть фіаско.

Если бы Франція могла познакомиться съ русскими статейками, защищающими альліансъ и съ ихъ пресвѣтлыми авторами, она пришла бы въ ужасъ, стала покорнѣйше просить убрать прочь нечистыя лапы; она узнала бы, что защитники альліанса — стыдъ Россіи, что это на подборъ залежалые мракобѣсцы, отпѣтые пошляки, преданные псы, добровольцы-доносчики, держащіе высоко, высоко знамя гатчинской ливреи, замахнутой плети, знамя кабака и бардака; что строчатъ они въ журналахъ, газетахъ, прикосновеніе къ которымъ, сопровождается окуриваніемъ, обмываніемъ рукъ уксусомъ. Она быстро догадалась бы, что въ жестяныхъ черепахъ защитниковъ копошится планъ, заполучить крестикъ отъ французскаго правительства, а въ случаѣ трактата о выдачѣ — громадный пожизненный пенсіонъ отъ русскаго. Фабрикація сказокъ про русскихъ революціонеровъ — очень выгодная афера, но союзъ, скрѣпленный кровью, слезами мучениковъ, веревкою съ ихъ шеи, еще выгоднѣе.

Воображаемый союзъ, въ силу неумолимой логики, повлекъ Францію къ наижалчайшимъ компромисамъ, полному забвенію великаго прошлаго. За нѣсколько мѣсяцевъ до смерти жаднаго царелюбца Каткова, я, въ „Secolo“ передалъ его тираду въ одномъ вечернемъ собраніи: — „Мы можемъ только ненавидѣть Францію, какъ очагъ всѣхъ крамолъ, революцій и лжеученій. Мы не прочь склонить ухо къ союзу, когда Франція докажетъ на дѣлѣ преданность царю выдачей всѣхъ революціонеровъ; лицемѣрныя манифестаціи не имѣютъ для насъ ровно никакого значенія, — мы знаемъ истинныя чувства. Распѣваніе „Боже царя храни“ рядомъ съ святотатственной „Марсельезой“ — издѣваніе надъ нашими вѣрноподданическими чувствами и можетъ только повести къ превратнымъ толкованіямъ и обиднымъ сравненіямъ. Ненависть къ самодержавію, лежащая въ душѣ послѣдняго француза, не могла сразу перейти въ похвальное обожанье. Давно ли, по поводу гнуснаго цареубійства, ликовала вся Франція и воскуривала ѳиміамы казненнымъ 3-го апрѣля? Всѣ заискиванія —

наглое притворство изъ за Эльзаса и Лотарингіи ; не слова намъ нужны, но дѣло, настоящее дѣло!“

Всѣ французскія газеты возмутились холопскимъ цинизмомъ, нахальнымъ обнаруженіемъ антропофагскихъ аппетитовъ, вознегодовали при мысли, что нищенская, всѣми презираемая, выпрашивающая у всѣхъ деньги въ займы, дышащая на ладонъ деспотія, осмѣливается задирать прогнившій носъ. Ціонъ послалъ къ Каткову запросъ о его рѣчи, съ просьбой опровергнуть, старый Іуда, съ ракомъ въ животѣ и въ душѣ, не осмѣлился опровергнуть.

19 мая, въ Парижѣ, были арестованы двѣнадцать человѣкъ. Восхищенные провокаторы начали смаковать: цацки, чины, подачки, висѣлицы, кнуты. Въ носу защекотало, при мысли о трупахъ ... Я самъ въ Каннахъ созерцалъ метаморфозы на шпіонскихъ лицахъ: нѣсколько мрачныхъ негодяевъ, ходившихъ до арестовъ какъ щенки, вытащенные изъ воды, вдругъ подняли искаріотскія морды, надѣли новенькіе костюмчики, пріосанились, и въ порывѣ веселья, заговорили на всѣхъ языкахъ. Но поднятые хвосты, носы быстро и отчаянно опустились ; новые костюмы исчезли, а на главахъ показался пепелъ... Тяжкіе удары посыпались на шпіонскія головы — радикальная пресса заговорила съ негодованіемъ объ арестахъ; долго сдерживаемая всеобщимъ лицемѣріемъ, злость хлынула наружу; обожаемый, пещерный медвѣдь удостоился очень лестныхъ названій: „sale fouetteur des femmes“, „assassin, poltron, voleur couronné“, „tortionnaire“, „Pendeur Ш“, „tzar du knout“ и проч. и проч.

Произошло нѣчто болѣе неожиданное: умѣренная пресса очень симпатично отнеслась къ арестованнымъ, не выразила ни малѣйшаго протеста противъ бомбъ, въ 5 сантиметровъ въ длину и 3 сант. въ діаметрѣ, съ содержимымъ, превосходящимъ въ одинадцать разъ силу нитроглицерина. Всѣ газеты, безъ исключенія, заявили, что изобретатели бомбъ — люди прекрасные, не обыкновенно интеллигентные, изумляющіе своимъ геройскимъ мужествомъ, величавымъ самоотверженіемъ, что самыя бомбы — верхъ изобретательности. Въ „Le Temps“ появились біографіи остановленныхъ женщинъ, въ которыхъ ихъ свѣтлые образы грандіозно вырисо-

вываются; упомянуто, что одна изъ нихъ была другомъ Сигиды, умершей недавно въ Сибири, подъ розгами

При видѣ погибающаго сѣвернаго медвѣдя,—ни капельки содроганій; ни тѣни движенія хвостомъ, ни одного пламеннаго, холуйскаго вопля, ни одной жаркой, лакейской молитвы къ благимъ небесамъ; полнѣйшее равнодушіе къ бѣлому медвѣдю и горячее участіе къ его жертвамъ. Въ Гатчинскомъ лѣсу готовъ уже капканъ, и Франція не ужасается, не плачетъ, забытъ альліансъ, забытъ Альзасъ! О, боги! неужели васъ веселитъ, что русскій тронъ кувыркомъ полетитъ!

Корреспонденты парижскихъ и иностранныхъ газетъ посѣтили заключенныхъ, и на безчисленые вопросы получили знаменательные отвѣты:

„Никакого правительства въ Россіи нѣтъ; въ гатчинскомъ лѣсу хоронится ненавистное чудище, окруженное стаями волковъ, гіенъ. Тюрьма, къ которой приговорятъ насъ, можетъ только закалить нашу святую ненависть, изощрить осторожность. Миръ великъ; мы перенесемъ нашу подготовительную дѣятельность въ другое, болѣе свободное государство. Мы дѣлаемъ только научные опыты, утысячиряемъ революціонную силу, — дѣлаемъ одного человѣка сильнѣе тысячной арміи. Узнавъ секретъ, наши друзья съумѣютъ притотовить бомбы—избавительницы въ самомъ логовищѣ звѣря... Въ Россіи законовъ для политическихъ борцовъ нѣтъ, но есть истязанья, кнуты, висѣлицы. Прессы нѣтъ; вмѣсто нея — однѣ полицейскія извѣщенія, указанія. Чудище можетъ, среди бѣлаго дня, сожрать всѣхъ первенцовъ, по всей Россіи, а гіены — перерыть всѣ могилы, и ни одна газета, подъ страхомъ гибели, не осмѣлится проронить звукъ протеста“.

И затѣмъ, передъ оглушенными корреспондентами разворочиваются картины повальныхъ удушеній, невѣроятныхъ беззаконій, лютыхъ истязаній; неслыханный мартирологъ, обставляется безчисленными, неоспоримыми фактами. Если встрѣчается Фома невѣрующій, его руку опускаютъ въ зіяющую рану, и изъ нея идетъ не кровь и вода, но кровь одна, мученическая кровь. Не только радикалы, но невинные мотыльки вынесли изъ бесѣдъ одну фатальную мысль: что съ русско-дагомейской деспотіей можно бесѣдовать только бомбами въ

5 сент. въ длину и 3 сант. въ діаметрѣ. Сотни корреспондентовъ, нѣтъ сомнѣнія, разнесутъ по міру страшныя вѣсти, и деспотія пожнетъ, что посѣяла.
Прошу извинить, совсѣмъ забылъ. Жаждущіе движенія воды доносчики-добровольцы Щербань и Максимовъ, пишущіе — вѣрнѣе писунствующіе — въ „Текинскихъ вѣдомостяхъ„ и „Бухарскомъ клоповникѣ“, тоже, по мѣрѣ силъ, оказали услугу революціонерамъ, — они ихъ оттѣнили. Въ бонапартійскихъ газетишкахъ они, съ шаловливою наивностью, выложили цѣликомъ текинскую программу, неособенно многосложную: „Въ Россіи чтутъ царя, да кнутъ ; въ ней царь съ кнутомъ, что попъ съ крестомъ; а безъ побой вся Русь хоть вой, и упадетъ и пропадетъ“.Заплѣснѣвѣлые мракобѣсцы забыли, что во Франціи даже бонапартисты брезгаютъ деспотіей и плетьми,что между ихъ конституціей и руссопетскимъ застенкомъ лежитъ цѣлая бездна. Но одинъ писунъ Щербань перещеголялъ всѣхъ своихъ находчивыхъ собратій, — онъ утѣшаетъ республиканскую Францію что ее хвалятъ за подданническія чувства не только „Текинскія вѣдомости“, „Бѣснующійся педерастъ“, но и „Новое время“. О, возликуй Франція! Мещерскій, Татищевъ, Щербань, Литвинъ, Суворинъ, Яковлевъ, Страховъ и проч., въ томъ же родѣ корифеи публицистики одобряютъ, благословляютъ тебя! Вострепещите въ своихъ могилахъ, святотатственные Гармодіи, Бруты, Спартаки! Illustres Суворинъ, Татищевъ, Щербань, Страховъ не любятъ васъ. О, террористы! возлюбите, какъ можно скорѣе участокъ, иначе приговоръ сихъ знаменитыхъ гражданъ и писателей погубитъ васъ въ настоящей и будущей жизни. Въ ихъ державныхъ дланяхъ дремлятъ страшныя молніи. Вы должны знать, что это — образцы высшей морали, высочайшаго гражданскаго мужества и бескорыстія, что чисты они, какъ бѣлоснѣжное ложе Діаны, что ихъ безконечно чтитъ вся читающая Россія! Приговоръ ихъ ужасенъ потому, что вѣченъ, какъ сама грязь. Неужели, кто нибудь дерзнетъ подумать, что неблагодарные дѣти, въ ихъ, спасающія тронъ и алтарь, безсмертныя творенія будутъ заворачивать копченыя селедки. Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Ихъ творенія, какъ чистое вино, съ годами будутъ становится все цѣннѣе и ароматичнѣе. Они погло-

тили въ себя цѣлебный запахъ жандармеріи и тайной полиціи, и будущій историкъ, раскупоривъ ихъ, вмигъ постигнетъ вольныя учрежденія вольнаго, незабвеннаго времени. Не осиновые колы и половыя щетки будутъ гордо высится на ихъ могилахъ, но... но... я и самъ не знаю, что — такъ велики ихъ заслуги передъ родиной... Князь Мещерскій, вѣрный своей политической программѣ, молитъ на его могилѣ воздвигнуть маленькую, турецкую баню, съ прислуживающими мальчиками и пышными, березовыми вѣниками, а на дверяхъ изобразить символъ, уцѣлѣвшій на нѣкоторыхъ публичныхъ домахъ въ Помпеѣ.

Аресты въ Парижѣ — большая услуга революціонному дѣлу, видно, Кеннана было мало ...

Газетами дѣло не ограничилось; противъ царя-дагомейца выступило новое, грозное оружіе: народныя собранія. Четыре митинга въ разныхъ кварталахъ Парижа послѣдовали одинъ за другимъ, въ нихъ учавствовали депутаты, члены муниципальнаго совѣта, выдающіеся ораторы изъ соціалистовъ. За все время нашего долгаго пребыванія во Франціи, мы не помнимъ такого поднятаго тона; невольно поблѣднѣли бурные Гартманскіе дни... Всѣ рѣчи — блестящая апологія цереубійства. Не смотря на различіе партій, съ небольшими, очень обидными варіяціями, произнесены были слѣдующія, поучительныя слова: „Французское правительство, заарестовавъ лучшихъ людей Россіи, опозорило Францію, нарушило священное право убѣжища, свершило преступленіе противъ человѣчества. Русское, варварское правительство — вѣчная угроза цивилизованному міру, стремящемуся къ свѣту, свободѣ. Въ Россіи нѣтъ парламента, нѣтъ прессы, собраній; всѣ мирные выходы обставлены неодолимыми преградами. Стонъ безчисленныхъ замучиваемыхъ жертвъ никогда не доходитъ до свирѣпой, туной власти, заботящейся объ одной своей шкурѣ. Въ концѣ XIX вѣка въ Сибири пытаютъ плетьми не только политическихъ преступниковъ, но и гордость, славу страны — героическихъ женщинъ. Съ такимъ, позорящимъ человѣчество, правительствомъ, можно бесѣдовать только бомбами. Вспомните, съ какою безумною радостью весь цивилизованный міръ принялъ вѣсть о казни стараго, ненасытнаго волка (Алекс. II).

Но еще большая радость охватитъ всѣхъ, при казни молодого. Лицемѣрныя, шпіонскія прислуживанья нашего правительства вооружаютъ противъ насъ Россію. Намъ, пережившимъ имперію, извѣстны подлые розсказни объ обожаніи монарха. Цѣпи, палки, нагайки любить невозможно. Вѣшатель и мучитель ненавидимъ, презираемъ всею Россіею; для нея наступаетъ, въ болѣе страшномъ видѣ, нашъ 93 годъ, и мы должны всѣми силами способствовать ея освобожденію. Свободная Франція можетъ братски подать руку только свободной Россіи".

Деспотія, не смотря на всю свою бездонную глупость, поняла, что чѣмъ далѣе въ лѣсъ, тѣмъ болѣе дровъ въ умную голову; она стала умолять не упоминать на судѣ, влекущее ко всевозможнымъ соблазнамъ, провокирующее слово — царь; не превращать судъ надъ арестованными въ Парижѣ въ судъ надъ арестованнымъ въ Гатчинѣ.

Въ продолженіи четырехъ недѣль, газеты всѣхъ направленій, промывали, въ очень крѣпкомъ щелокѣ, косточки пещернаго правительства. Много невѣданныхъ потрясающихъ фактовъ выплыли наружу, и я лелѣю въ душѣ надежду, что Кеннанъ скоро появится и на французскомъ языкѣ ...

Послѣ цѣлаго мѣсяца предварительной тюрьмы, 5 Іюля, наконецъ, произнесенъ былъ приговоръ надъ судьями царя; онъ неистребимыми буквами впишется въ исторію Франціи.

Республика въ 1793 г. устами своихъ великихъ представителей произнесла: „Каждый человѣкъ имѣетъ право убить тирана, и народъ не можетъ отнять этого права ни отъ одного изъ своихъ гражданъ".

„Дерево свободы даетъ плодъ лишь тогда, когда смочено кровью тирановъ".

„Короли только и годятся, чтобы ихъ убивать".

„Смертная казнь противна законамъ гуманности, но если бы даже ея не существовало, то для тирановъ ее слѣдовало бы установить".

„Короли въ человѣчествѣ то же, что чудовища въ природѣ".

Въ 1890 г., послѣ торжественныхъ празднествъ столѣтія революціи, республика приговорила къ тремъ годамъ тюрьмы героевъ далекой страны, за пламенное желаніе избавиться отъ тирана. Въ 1793 г. республика, съ презрительнымъ хохотомъ, столкнула ногою, въ мѣшокъ съ отрубями, голову короля; сто лѣтъ спустя, она беретъ подъ защиту чужаго деспота, передъ которымъ казненный собственный, въ нѣкоторомъ родѣ, — воплощеніе всѣхъ добродѣтелей! Видимо, буржуазной Франціи по плечу праздновать революцію желудкомъ, но не сердцемъ, шкурою, но не нервами. Революціонныя, ослѣпительныя грозныя молніи она замѣнила огнями фейерверковъ.

Рѣчь извѣстнаго, выдающагося депутата Миллерана — пощечина царю. Въ мощной, блистательной защитѣ, онъ разоблачилъ сказочныя злодѣйства. Отъ его рѣчи повѣяло 93 годомъ; въ ней прозвучало эхо тѣхъ громовъ, отъ которыхъ разсыпались тронъ и Бастилія. Гатчинецъ связалъ тюрьмою своихъ неумолимыхъ враговъ; они будутъ великодушнѣе, — они развяжутъ запутанный узелъ его негодной, омерзительной жизни.

Знаменія времени

На дняхъ газеты, съ лакейскимъ пыломъ, пропечатали общій планъ учебныхъ занятій нашего, замышляющаго царствовать цесаревича. Съ тоскою принялись мы за перечень, кончили съ чистосердечнымъ смѣхомъ. Вспомнился анекдотъ про Ал. Гумбольдта: просмотрѣвъ учебную программу кадетскаго корпуса, онъ, скромно сознался, что не могъ бы выдержать выпускного экзамена. Но программа корпуса относится къ программѣ цесаревича, какъ голова коротконосаго великаго сфинкса къ Хеопсовой пирамидѣ. Вполнѣ по русски смѣшались „квасъ и спиртъ, лавръ и миртъ“. Прежде, чѣмъ перечислить всѣ науки, спѣшу успокоить читателя, — какъ одинъ субъектъ успокаивалъ другого, при созерцаніи раздирательной драмы — „это они нарочно“. Голову юнаго Романова раздѣлили на нѣсколько десятковъ клѣточекъ, и преданные профессора надписали, чтобы не смѣшать и не забыть, что посѣяно, слѣдующіе заголовки: военная исторія, военная статистика, стратегія, артилерія, военная администрація, геодезія, топографія, тактика, фортификація, исторія военнаго искусства, минералогія, ботаника, зоологія, анатомія, физіологія, химія, русская словесность, англійскій, французскій, нѣмецкій языки, политическая исторія, каноническое право въ связи съ исторіей церкви и исторіей религіи, политическая экономія, финансы, государственное, гражданское, уголовное, международное право... А на макушкѣ самъ его широчайшество, безконечно обожаемою рукою, водрузилъ голубой флагъ, цвѣта жандармскаго мундира, съ золотыми письменами: „Кромѣ сихъ наукъ отбылъ

строевую службу въ гусарскомъ, преображенскомъ полку и опочивалъ дѣтскимъ сномъ въ государственномъ совѣтѣ и комитетѣ министровъ".

Охъ, матушки, дайте духъ перевести! Покажите, родимые, дынеобразную, забубенную головушку, выдержавшую столько изумительныхъ операцій; дайте взглянуть, заросло ли августѣйшее темячко. Самая твердая голова во всей вселенной лопнула бы, со взрывомъ по всѣмъ швамъ, преодолѣвъ къ 21 году подобную премудрость. Можете судить, что должно было произойти съ чухоно-романовскою, феноменальною головою, если бы вся туръ-эйфелевская программа не соскользнула съ мозга, какъ вода съ пуха гуся.

Рядомъ съ ботаникой, минералогіей, зоологіей, анатоміей, физіологіей и химіей, мы, съ умиленіемъ, прочли: „Явилась возможность осуществить одно изъ самыхъ завѣтныхъ пожеланій цесаревича, а именно поклониться святому гробу господню и причаститься святыхъ тайнъ въ Іерусалимѣ, но, увы".

О, Феклушки Иверскихъ воротъ! Матерь божія троеручица! О, мироточивый черепъ, маслоточивыя кости! О, шерстяные зимніе чулки господа бога, копье, губка, и гвозди! О, Іоаннъ Кронштадскій, съ чудесами по почтѣ, по телеграфу! О, чудесныя видѣнія и исцѣленія въ двухъ шагахъ отъ скептическаго Петербурга. О, святая Русь!

Видно, Побѣдоносцевъ преподавалъ не одно гражданское право... Прошедшій всю ерундаметрію, нулеметрію, фигаметрію, нашъ блаженный уродецъ вполнѣ заслужилъ пять съ звѣздою и крестикомъ, и рукавички на ночь.

Были же люди, дерзавшіе утверждать, что естественныя науки, разумно пройденныя, въ корнѣ подрываютъ благолѣпіе храма, всенощныя бдѣнья, гробъ господній, каннибальскіе позывы: пить кровь бога и кушать его мясо сырьемъ.

За какихъ птенцовъ принимали читателей наши правители, рѣшившіеся опубликовать поразительную программу, предшедствовавшую большому образовательному путешествію, и милѣе всего, что въ ней ясно слышится: „знай молъ нашихъ; всѣ принимаютъ Романовыхъ за идіотовъ, а полюбуйтесь, что будущій

богдыханъ превзошелъ, какого Левіафана на дѣтскую удочку, на сухого червячка вытащилъ".

Путешествіе — великая школа, но для него нужны: чуткіе нервы, врожденное чувство изящнаго, эстетическая подготовка, огромный, свободный умъ, умѣющій видѣть, слышать и обобщать. Нужна компанія, ничего общаго съ Борятинскимъ, Оболенскимъ не имѣющая... Что пойметъ въ сказочной природѣ Индіи жалкій, порочный мальчишка, выросшій въ тусклой, слизистой, скучной, казарменной, холодной природѣ Гатчины? Что разгадаетъ въ таинственной жизни народовъ онъ, съ дѣтскихъ лѣтъ видѣвшій только провокаторовъ, жандармовъ, полицейскихъ, грязныхъ куртизановъ, а въ торжественные дни—толпы согнанныхъ палками холоповъ, съ безпредѣльнымъ ура; все путешествіе котораго проходитъ въ безсмысленнѣйшихъ встрѣчахъ, скучныхъ обѣдахъ, балахъ и, порою, карикатурныхъ охотахъ? Что можетъ понять въ политическомъ строѣ народовъ исчадіе деспотизма, просозерцавшее десять лѣтъ не совсѣмъ благополучное маянье родителя, совмѣстившее мертвую петлю, вполнѣ русское евангеліе, кнутъ, ссылки, говѣніе въ Іерусалимѣ, каменные гробы Шлиссельбургской и Петропавловской крѣпостей, гробъ господній, разбой, грабежъ, благолѣпіе храма, всесословное предательство, удавленіе голоса человѣческаго? Что можетъ пробудить въ немъ Египетъ, исключая воспоминанія о фантастическихъ семи язвахъ, благодаря его отцу, ставшихъ яркою дѣйствительностью? Что могла бы ему подходящаго разсказать Палестина, за исключеніемъ легендъ объ Иродѣ, избивающемъ первенцевъ и Іудѣ, удавившемся на осинѣ?

Врядъ ли сынъ деспота, извращенный до мозга костей сумасшедшею обстановкою, нечеловѣческимъ воспитаніемъ, разглядитъ на дальнемъ востокѣ, полную будущаго, Японію, обновленную могущественнымъ вѣяньемъ прогресса, съ парламентомъ, свободою прессы, которыхъ не дождалась до настоящей минуты Россія. Очутившись въ Сибири, врядъ ли онъ обмѣняетъ пакостныя брошюрки Исаакіевскаго собора и акафисты Побѣдоносцева на знаменитую, колоссально поучительную книгу Кеннана, и съ нею, полный священнаго

трепета, пройдетъ девять ужасныхъ круговъ Дантовскаго ада, созданнаго Романовыми.

Нѣтъ, оставаясь вполнѣ вѣрнымъ отцу, онъ долженъ былъ бы отправиться къ Дагомейскому самодержцу. Подъ музыку русскаго гимна, ввидѣ веселенькаго спектакля, слѣдовало при немъ сдирать кожу съ живыхъ людей, ломать кости, выматывать жилы. Не противорѣча своему прошлому, онъ долженъ былъ бы пропутешествовать въ страну „трезвенной самобытности," гдѣ людей, обливающихся кровью, потомъ, съ рогатинами на шеѣ, цѣпями на ногахъ, гонятъ бегемотовыми хлыстами на продажу или на тѣ острова, гдѣ жители, вполнѣ достойные Гатчинца, не вѣдая западническихъ утопій, шаблонныхъ, либеральныхъ, напоспыхъ вѣяній, весело жрутъ человѣчину.

Прими совѣтъ, жалкій юноша, съ безобразнымъ и, вѣроятнѣе всего, съ страшнымъ будущимъ, прочти книги, выброшенныя твоимъ родителемъ изъ всѣхъ библіотекъ; сокровищница добрыхъ чувствъ, свѣтлыхъ мыслей не въ казенныхъ учебникахъ, а въ гонимыхъ правительствомъ книгахъ. Повѣрь, онѣ разовьютъ твою ничтожную голову въ тысячи разъ болѣе, чѣмъ та программа, которой ты безплодно посвятилъ лучшіе годы юности; въ ней всѣ науки поддѣланы, извращены. Твой родственникъ, по слухамъ единственный, Романовъ, сердцемъ, умомъ, углубившись въ родную и иностранную литературы, какъ въ источникѣ живой воды, очистился умственно, нравственно; онъ овладѣлъ тѣмъ, что было вѣчно недосягаемымъ кладомъ для хлѣва Романовыхъ: русскою рѣчью, русскимъ стихомъ. Всесильный родникъ поэзіи, обновляетъ до извѣстныхъ предѣловъ даже царскую кровь, ведущую быстро къ полному вырожденію. Но и этотъ Романовъ, хватилъ вполнѣ по романовски,задавшись жалостно злополучной фантазіей: продолжить „Манфреда" въ пріятномъ для Побѣдоносцева духѣ. Романовскій „Манфредъ", видимо, выжившій изъ ума, чуть не принимаетъ православіе и въ жиденькихъ, немощныхъ стишенкахъ, кается въ дерзновеньяхъ молодости... Возмутившійся противъ неба титанъ, революціонеръ, отразившій глубокую, мрачную, какъ океанъ душу Байрона, въ передѣлкѣ начинаетъ отрожать вполнѣ душенку, благолѣпнаго обожателя солдафон-

щины, благонадежнаго либеральчика,—Кон. Романова. Представьте себѣ, что у англичанина, поднявшагося на вершину Монъ-Блана, изъ шерстяного чулка выскочила блоха, прыгая, ликуя она вдругъ возмечтала, что можетъ своею высочайшею особою продолжить Монъ-Бланъ, увѣнчать его вершину...

II

Люди, слабые вѣрою, вглядываясь въ дозволенную Россію, приходятъ въ отчаянье, они не слышатъ подъ высохшею, бзплодною корою пламенныхъ волнъ близящагося катаклизма; ихъ пугаетъ возвратъ къ вождѣленіямъ крѣпостничества, мракобѣсію, ханжеству, жупелу, и даже въ области поэзіи: къ искусству для искусства; ихъ смущаютъ истерическія завыванія кликушъ, гоготанье юродивыхъ, отчитыванія святошъ, они забываютъ, что все это притворство, что на этихъ мерзостяхъ строятся карьеры, упрочиваются тепленькія мѣстечки...

„Смолкли честные, доблестно павшіе".

Сдерживая желчь, гнѣвъ, съ Дамокловымъ мечемъ надъ головой, въ полголоса говорятъ: Михайловскій, Пыпинъ, Арсеньевъ, Протопоповъ, Шелгуновъ, Скабичевскій и проч. И во всю глотку галдитъ переросшій чуть, чуть „Гражданина" и далеко недоросшій до „Новостей" критикъ „бѣшенный хвостъ" Буренинъ, подмигивая сладко участку, онъ скалитъ мышиные зубки на радикаловъ, стоя на порогѣ полицейской будки, хихикаетъ надъ пьедестальчиками. По душевнымъ качествамъ наисовершеннѣйшее воплощеніе жида, главный сотрудникъ наисовершеннѣйшей жидовской газеты, онъ съ пѣною бросается на евреевъ, забывъ, что не всякій еврей — жидъ, что между вполнѣ русскими защитниками трона и православнаго алтаря, гораздо чаще встрѣчаются истинные жиды, чѣмъ между несчастной, варварски гонимой, еврейской націей. Богъ — еврей, кажется, довольно извѣстенъ; изъ вполнѣ русской же націи, пока, еще не вышло ни одного бога. Какъ бѣшенно вздымается, крутится хвостъ, когда дѣло коснется находящихся не въ авантажѣ свободныхъ, честныхъ, талантливыхъ людей, и какъ застѣнчиво свернувшись

колечкомъ, прячется, когда коснется властей предержащихъ; какъ нахально опутывалъ онъ ноги Михайловскому, Стасюлевичу, и какъ мило мелъ дорожку передъ Катковымъ.

Въ шестидесятыхъ годахъ намъ твердили, что свободная форма правленія, съ народными представителями, полный просторъ общественной дѣятельности, свобода слова, печати, справедливый экономическій строй, всеобщее здоровое образованіе, одни въ состояніи поднять, чуть совсѣмъ незагубленную деспотизмомъ, націю. Въ наши грязненькіе дни вылѣзли на балаганную сцену одиночныя, скаредныя усовершенствованія въ глухихъ деревушкахъ, лѣсахъ, блаженное пустынножительство; появились по Сенькѣ шапка: жаждущіе рекламъ темныя личности, средневѣковые схоласты, вродѣ Іоанна Кронштадтскаго, а за ними слѣдомъ чудеса по почтѣ и телеграфу, видѣнья, всевозможныя исцѣленья неизлѣчимыхъ болѣзней. Разсказы о чудесахъ помѣщаются, поистинѣ чудесно, безъ малѣйшихъ комментарій, въ газетахъ. Каѳедра Исаакіевскаго собора, всегда вѣрная себѣ, разноситъ по всей Россіи въ брошюрахъ, на казенный счетъ, растлѣвающую святую галиматью. Видно, ненасытное поповство готовится пустить на акціи икону, пораженную молніей; затѣвается новая, колоссальная афера, на манеръ Тихона Задонскаго, съ завѣтною мыслью: вытянуть изъ ограбленнаго народа послѣдніе, чудомъ уцѣлѣвшіе гроши.

Увы, теперь такъ рѣдко, даже среди купцовъ, встрѣчаются пожертвованія на храмъ божій. Божественныя лавочки медленно, но неотразимо идутъ къ банкротству. Полиція съ ножемъ въ рукахъ, еле, еле успѣваетъ набрать на храмы и часовни въ честь динамита, для увѣковѣченья покушеній.

Странно устроено у насъ на Руси: ростовщики, кабатчики, проворовавшіеся подрядчики, лопнувшіе банкиры, бредящіе грабежами червонные валеты, съ пафосомъ, защищаютъ священную собственность. Опанисты, педерасты, поклонники царской, случной конюшни, аферисты брака, новаторы публичныхъ домовъ, развратники, не выходящіе изъ меркурія и сѣрныхъ ваннъ — неприкосновенность, святость семейнаго очага. О религіи и говорить тошно: подъ пышнымъ покровомъ

алтаря, подъ священными хоругвями прячется пропитанный гнилью, слизью, вонью и кровью, разбойничій вертепъ, тамъ кишатъ Богдановичи, Судейкины, Мезенцевы, Катковы, Побѣдоносцевы, Стрѣльниковы, Амвросіи, Мещерскіе. Самые соблазнительные для нихъ пассажи въ евангеліи: предательство Іуды и наказаніе на тѣлѣ господа бога, творца видимаго и невидимаго. Они выработали свой воровской языкъ, понятный ихъ кліентамъ и нерѣдко заморачивающій наивныхъ простаковъ, непосвященныхъ. Подъ свѣтомъ евангельскимъ у нихъ кроется тьма тюремная: подъ нагорною проповѣдью — колодки, цѣпи, собачій ошейникъ. Святая святыхъ ихъ религіи, излюбленное всѣми Аракчеевыми, повелительное рявканье: „Не разсуждать, а исполнять“. Подъ тропомъ, алтаремъ, непремѣнно, покоится сословьице, вполнѣ преданное, и черезъ это долженствующее руководить...

Бойтесь, какъ черной смерти, не только вполнѣ самобытныхъ евангелій, но и очищенныхъ на выносъ. Помните, что всѣ наши доморощенные Ламенне, отъ изреченія къ изреченію, полегонечку и потихонечку, непремѣнно, доберутся до висѣлицъ — отъ сына царя небеснаго — къ извергу, деспоту земному. Въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ намъ попались слова проповѣдника „непротивленія злу“ Льва Толстого Кеннану, послѣ перечня послѣднимъ нечеловѣческихъ мукъ, выпавшихъ на долю лучшихъ людей Россіи. „По дѣломъ имъ: они первые начали, правительство вправѣ такъ поступать.“ Если эти безобразно лживыя слова, достойныя устъ шефа тайной полиціи, были произнесены, то они подымаютъ маску.

Не по душѣ нашимъ апостоламъ библейскіе пророки съ всепобѣдною страстью, въ нецензурныхъ выраженіяхъ обличающіе царей, разящіе пылающимъ мечемъ порокъ и преступленія на высотѣ; ихъ ослѣпляютъ молніи Синая. Имъ любо евангеліе съ нищимъ духомъ, съ апологіей отвратительнаго смиренія, убожества, рабства, съ подставленіемъ холуйской рожи подъ оплеухи.

Невольно, подымаются гнѣвъ, отвращеніе, когда на нашихъ глазахъ, облачившись въ бѣлыя ризы моралиста, человѣкъ, каждое слово котораго, даже самое нелѣпое, расходится, не смотря на запрещенія, въ десят-

кахъ тысячъ экземпляровъ, съ поповской важностью громитъ водку, скоромныя кушанья, табакъ, въ то время, когда на высотѣ трона заготовляются бичи, скорпіоны для злосчастной страны, когда собираются тушить по всей Россіи послѣдніе, чуть мерцающіе огоньки, когда замучивается въ ссылкахъ, тюрьмахъ чуть не цѣлое поколѣніе, и очумѣвшая отъ непротивленія куча каторжниковъ силится у стомилліонной страны выколоть глаза, вырвать языкъ. Сумбурная дѣятельность Толстого, сочетавшая „вѣщія зеницы испуганной орлицы“ и куриную слѣпоту, невольно, заставляетъ предположить, что голова его въ одномъ полушаріи заключаетъ художника-исполина, въ другомъ — пигмея-мыслителя.

Съ какою любовью отдыхаетъ истомившаяся неправдою,общимъ рабскимъ безуміемъ душа,на васъ, „святотатственные злодѣи, бездушные матеріалисты, крамольные отрицатели;“ съ смертельной тоской и безпредѣльной гордостью стою я на пустынной Голгоѳѣ, у подножія вашего креста. Велики позоръ, тьма вокругъ, но и безконечно велико искупленіе. Прекрасна жизнь ваша, но еще прекраснѣе муки и смерть за святыню убѣжденій, за вѣчные идеалы, за освобождающееся человѣчество, Вы прозрѣвали свѣтлое будущее, и оно пойметъ васъ. Ваши близорукіе враги, „игрушечнаго дѣла людишки“ смотрѣли въ мракъ временъ, и они потонутъ въ выгодномъ для нихъ забвеніи. Не страшитесь, дѣлающей вамъ великую честь, ихъ беззубой ненависти. Это мошки болота; прорюютъ каналы, спустятъ вонючую воду, и онѣ исчезнутъ.

Первая глава великой эпопеи, закончившаяся 1-го Марта, разворачивающаяся все далѣе, далѣе на нашихъ глазахъ, скоро найдетъ своихъ поэтовъ, историковъ, художниковъ, облекется въ бронзу, мраморъ. Чудная эпопея! ты не по плечу пресмыкающимся кастратамъ, не по плечу цензурной Россіи, получающей литературу, науку, философію, мораль изъ поганыхъ рукъ современныхъ намъ Магницкихъ, Лонгиновыхъ.

III

Послѣ 1-го Марта дѣятели застѣнка, съ грустью, сознали, что чрезмѣрныя шпіонство, предательство могутъ кончиться плачевно. Всплакнувъ на преждевременныхъ могилахъ Мезенцева и Александра II, они измыслили священную лигу, имѣющую ввиду убивать революціонеровъ, спасшихся за границей; о настоящихъ убійствахъ никто не думалъ; хотѣли блеснуть способностью лечь костьми за обожаемаго и этимъ зашибить крупную сумму. Они догадывались, что ножъ, направленный въ грудь революціонера, легко можетъ обратиться въ собственную. Желанья крупныхъ провокаторовъ были болѣе умѣренныя: имъ хотѣлось жуировать напропалую, колоссально доносить, изъ пятаго въ десятое слѣдить, и затѣмъ, надѣясь на шапку-невидимку, травить и травить. Приводящій ихъ въ трепетъ терроръ остановился на границѣ, и какъ бы раздумывая, выжидая, медлилъ переходить.

Слѣдя за изгнаніями, травлями, испытавъ ихъ, отчасти на себѣ, мы предчувствовали, что скоро, играющее на нашу руку, правительство, наконецъ, вымучаетъ терроръ и въ Европѣ, и война пойдетъ на жизнь, смерть, на два фронта. Бояться за участь революціонеровъ мы не могли: мы знали, что все живое, сильное, имѣющее будущее, на ихъ сторонѣ, что европейское правительство, перешедшее извѣстныя границы лакейской угодливости, будетъ сметено, а презираемое всѣмъ міромъ, провокирующее русское правительство, рано или поздно — смѣшано съ грязью. Знали, что всѣ процессы, устроенные революціонерамъ, будутъ процессомъ русскому правительству, и всѣ камни въ ихъ голову — камнемъ въ голову правительства. Мы предчувствовали событія, но мы ошиблись въ часѣ: мы считали нашу правительственную банду менѣе глупой, предполагали, что она не станетъ такъ уморительно спѣшить подставлять себя подъ бомбы...

Неслыханные пріемы для уловленія въ западню ни въ чемъ неповиннаго Луцкаго, чудовищное оклеветаніе этого прекраснаго, безупречнаго человѣка, процессы по поводу бомбъ въ Парижѣ, обыски, аресты, кражи

найденныхъ при обыскѣ писемъ, бумагъ и отсылка ихъ въ тайную полицію, безобразныя выдумки въ подкупленныхъ газетахъ, съ цѣлью компрометировать революціонеровъ, требованья выдачъ, изгнаній, переполнили чашу, рядался выстрѣлъ Подлевскаго. Полицейская Франція стремилась его схватить; настоящая Франція его чудесно спасла. Война началась, наконецъ, и заграницей. Мы не раскроемъ нашихъ картъ, но не скроемъ увѣренности, что скоро эмигранты поймутъ, что въ ихъ рукахъ и близкихъ имъ, пока не заподозрѣнныхъ людей, заключена великая сила, что въ случаѣ новой травли, новыхъ мерзостей, они въ состояніи будутъ нанести ударъ, который по своему громоносному значенію не уступитъ 1-Марту. Революціонная изобретательность неистощима; священный, революціонный огонь неугасимъ... Пусть резбойничья банда не стѣсняется, поведеніе ея до такой степени превосходно, что если бы намъ, злѣйшимъ ея врагамъ, предложили выдумать планъ дѣйствія, съ цѣлью, чтобы она сама себя съѣла, мы откровенно сознаемся, не могли бы къ ея дѣйствіямъ прибавить одной черточки, одной точки.

Немезида, къ концу вѣка, начинаетъ сводить свои счеты; бичи Эвменидъ начинаютъ слышно для всѣхъ хлестать давно намѣченныхъ жертвъ. Дряхлый фельдфебель Бисмаркъ, невольно, заставитъ сильно призадуматься монархистовъ, Это не угасаніе провиденціальнаго исполина „на знойномъ островѣ, подъ небомъ дальнихъ странъ, гдѣ сторожилъ его, какъ онъ неодолимый, какъ опъ, великій океанъ“. Это, по просту, угасаніе въ пивной. Опираясь на милліонную армію, на десятки тысячъ шпіоновъ, кормящуюся подачками прессу, онъ мнилъ себя полубогомъ. Сухорукій, взбалмошный, дурковатый, юный штыкъ — юнкеръ Гиль II пхнулъ его ногой, и онъ свалился, какъ большой, пустой внутри, болванъ. Глухой звукъ паденья не вызвалъ ни особеннаго удивленія, ни малѣйшаго участія; не только земля не соскочила съ своей орбиты, но даже водочный заводъ Бисмарка не поколебался. Онъ, лизавшій публично, съ умиленіемъ, руки Гогенцоллерновъ, проповѣдовавшій полное преклоненіе передъ самодурствомъ монарха, началъ мелко интриговать, жалостно фрондировать; казавшійся исполиномъ, потому что воинствую-

щіе нѣмцы валялись передъ нимъ на животѣ, и дѣятельность милліоновъ перенесли на него одного, онъ, вдругъ, является карликомъ, ничтожнымъ въ несчастіи. Экс-повелитель всея Германіи, гонитель не только соціализма, но и парламентаризма, выступилъ кандидатомъ въ Рейхстагъ. Иронія жизни выставила ему могущественнаго конкурента, въ лицѣ темнаго рабочаго съ сигарной фабрики. и онъ, нѣкогда мечтавшіи „сдвинуть Олимпъ“ попалъ въ переболтировку. Гонимый соціализмъ показалъ львиные когти.

На мѣстѣ Бисмарка, я бы сдѣлался ярымъ республиканцемъ. или сознавъ, что не могу счесть своихъ враговъ, подобно Казбеку, въ стихотвореніи Лермонтова „шапку на брови надвинулъ и на вѣкъ затихъ“. Дубоватый человѣчишка! онъ началъ кровавой мелодрамою, а кончитъ опереткою.

Немощный фельдфебель, читай, на досугѣ, „Короля Лира“, онъ утѣшитъ и наставитъ тебя; потерявъ царство и голову, онъ обрелъ сердце, а съ сердцемъ, великое пониманіе

Бичъ Немезиды, хлестнувъ экс-канцлера, хлестнулъ и экс-короля Сербіи — Милана. Подлый тиранъ зная, что надъ нимъ тяготѣетъ убійство двухъ женщинъ, поспѣшилъ свалить преступленіе на голову своего бывшаго министра. Экс-министръ, въ безпощадно логическомъ письмѣ назвалъ экс-короля—„Жакомъ, вспарывателемъ женскихъ животовъ“, и во всеуслышаніе заявилъ, что подобныя злодѣйства не по силамъ министру, для нихъ требуется король. Наши газеты, съ очень злостными комментаріями, отлично понятыми, привыкшею читать между строкъ, публикою, перепечатали зловѣщія письма. Цензура, останавливающаяся передъ блохой,просмотрѣла слона; старая дурища не поняла скрытой морали, возникающихъ сравненій, не поняла, что Миланъ-небожитель, праведникъ въ сравненіи съ Александромъ Ш, который удавилъ въ тюрьмѣ беременную и ея ребенка, убилъ десятки женщинъ въ Шлиссельбургской крѣпости и недавно затерзалъ плетьми Сигиду Я слышу свистъ бичей мстительныхъ Эвменидъ. Казнь началась, и скоро подъ огненными бичами сгибнетъ самый лютый, самый позорный, самый зловредный извергъ цѣлаго міра, Александръ Ш.

Апрѣль 91 г.

* * *

Михаилъ Михайловичъ Романовъ, ввиду собственнаго удовольствія, а не Александра III, дерзнулъ жениться на прекрасной, умной, образованной дѣвушкѣ, внучкѣ Пушкина; за этотъ превратный бракъ онъ лишенъ чиновъ и званья. По дворцовой логикѣ, вступивъ въ бракъ по человѣчески, онъ свершилъ безчестье; только въ роли простого случного жеребца, которому державный перстъ Александра III выбираетъ худосочную, нѣмецкую кобылу, онъ выполняетъ вполнѣ завѣтъ православной церкви о великомъ таинствѣ брака и поддерживаетъ во всей красѣ своеобразную честь чухонскаго подброска, изъ деревни Котлы. Гатчинецъ не догадывался, что одна капля крови царя поэзіи, Пушкина, стоитъ цѣлаго взбаламученнаго моря крови царей случая.

Если Романовы не попереженятся на порядочныхъ дѣвушкахъ, они быстро кончатъ сумасшедшимъ домомъ. Между ними и человѣчествомъ бездна ширится не по днямъ, а по часамъ. Съ одной стороны великій, разумный міръ, смѣющійся надъ ними, презирающій, ненавидящій ихъ, съ другой — сумасшедшій, дворцовый притонъ, изъ-за деньженокъ, чиновъ, карьеры, поклоняющійся ихъ призрачному величію, созидающій изъ игрушечныхъ болванчиковъ, божковъ. Самый сильный, здоровый мозгъ,самые крѣпкіе нервы долго не вынесутъ этой мучительной разладицы, болѣзненной раздвоенности. Дворцовая, всегда неудачная случка, гибельная для всѣхъ родовъ, могла существовать только до тѣхъ поръ, пока быстро вырождающіеся члены царской семьи вѣрили, что они ввидѣ космической пыли, упали съ Юпитера, Сатурна, Венеры. XIX вѣкъ имъ блистательно доказалъ, что они дряянная, простая пыль нашей многогрѣшной планеты, что они засоряютъ легкія цѣлаго государства, и что въ одинъ прекрасный день, когда станетъ тяжело дышать, ихъ выплюнутъ и разотрутъ. Что же касается до родства съ Венерой, то оно можетъ получиться только пріобрѣтеніемъ венерической болѣзни.

ЧЕРНЫЙ ГОДЪ

Нѣтъ страны на земномъ шарѣ, для могучаго развитія которой, требовалось бы столько политической шири, свѣта знанья, абсолютной свободы прессы, общественной самодѣятельности,народнаго представительства, какъ для Россіи, и нигдѣ нѣтъ такого мрака, подавленій, удавленій, безобразнѣйшихъ опекъ, очумѣлаго произвола, какъ въ этой невѣроятно злополучной странѣ.

Наши правители вѣчно отличались дремучимъ невѣжествомъ, отсутствіемъ азбучнаго политическаго пониманія, свирѣпымъ самодурствомъ, ребяческимъ чванствомъ. На гибель свою и государства, они вѣчно подавляли и продолжаютъ подавлять, воспитывающія другія правительства: прессу и общественное мнѣніе. Политическій идеалъ ихъ: безумный грабежъ, самоуправство, и при этомъ не только безнаказанность, но и полученье чиновъ, наградъ, карьера...

Будь назначена премія за самое краткое, ясное опредѣленіе, что есть самодержавіе, я написалъ бы всю его сумбурную, кровавую, черную исторію одною строкою: самодержавіе—свинья, жрущая корни питающаго ее дуба.

Свѣтобоязнь — такой же яркій признакъ правительственнаго помѣшательства, какъ водобоязнь—собачьяго бѣшенства.

Наши управители, вѣрнѣе—коверкатели, истязатели, безобразники, лишенные способности обобщать историческія явленія, вопятъ объ ужасахъ революціи, грозятъ анархіей, разнузданностью страстей, краснымъ

призракомъ, и, въ то же время, яро, упорно, изо дня въ день, ссылками, тюрьмами, казнями, кнутами, грабежемъ, разбоемъ, провокаторствомъ, предательствомъ, разнуданнымъ произволомъ, вызываютъ безпощадную революцію, которая, нѣтъ сомнѣнья, раздавитъ въ крови не только ихъ самыхъ, но и ихъ невинныхъ дѣтей.

Знай они исторію только нашего вѣка, и они скоро бы убѣдились, что вездѣ царство мрака, тишь омута смѣнялись царствомъ свѣта, громами революцій. Но, можетъ быть, они получивъ генеральскій чинъ, или ключъ на заднія части, начинаютъ считать себя сынами солнца, а всѣхъ русскихъ— готтентотами!

Голова, вѣрнѣе дыня, Романова, и та должна была бы вразумиться тридцатилѣтнимъ кошмаромъ Николая I и послѣдними динамитными годами царствованья Алек. II. Во время севастопольскаго разгрома, Николай оглянулся на дѣянья, вѣрнѣе бездѣлье рукъ своихъ, на отраженье собственнаго образа въ цѣломъ царствѣ, и, въ ужасѣ, кончилъ самоубійствомъ. Докторъ Мандтъ приписываетъ, конечно болѣе основательно, самоубійство, незадолго схваченному сифилису, но мы думаемъ, что провалъ Севастополя, а въ преспективѣ провалъ самодержавнаго носа слились въ одно.

Глядя на призрачное управленіе, невольно, скажешь правителямъ: вы храмъ оберегали участкомъ, распятіе — кнутомъ, и невѣріе, расколъ, штунда начинаютъ охватывать просыпающуюся Россію.

Вы силились задушить свободное слово, и оно стало тайною, бурною, революціонною пропагандою. Вы казнили протестъ, и онъ ушелъ въ глубь, подъ землю; царскій поѣздъ, царская столсвая и царское чрево взлетѣли на воздухъ; вы видѣли прологъ исполинской трагедіи и, легко можетъ быть, доживете до пира смерти!

Вы правите во тьмѣ, съ завязанными глазами, вы никѣмъ не выбраны, не уполномочены. Вы не знаете, что готовитъ вамъ страна и что она о васъ думаетъ. Вы тѣшитесь созданной вами подлой, рабской рѣчью, но въ одинъ прекрасный день она, неожиданно, превратится въ дикіе вопли, требующіе вашей казни, въ площадныя издѣвательства. Вы разсчитываете на

растлѣваемую вами армію, но въ судный день, какъ во всѣхъ странахъ, она перейдетъ на сторону своихъ несчастныхъ братій. Вы уповаете на преданность предателей, шпіоновъ, провокаторовъ, но когда измѣнитъ вамъ счастье, они первые укажутъ ваши норы, и чтобы спасти себя, съ хохотомъ поволокутъ васъ на казнь. Имъ не за что васъ любить и оставаться вѣрными,—вы вынули у нихъ душу, сдѣлали ихъ послѣдними изъ людей. Вы плодите грязныхъ лицемѣровъ святошъ, и, въ дни революціи, они первые бросятся сдирать съ иконъ драгоцѣнныя ризы, ломать серебряныя раки вашихъ чудотворцевъ...

Вы трепетали передъ конституціей, оттягивали ее десятки лѣтъ; принципы 89 года слѣпили ужасали васъ, какъ огневою рукою начертанные: „мане, текелъ фаресъ, и“ вы переживете 93 годъ! Вамъ казались крамольными рѣчи нашихъ жирондистовъ, и васъ проберутъ до костей рѣчи нашихъ Робеспьеровъ, Маратовъ, Бабефовъ. Вы боялись быстро рѣжущаго ножа гильотины, и васъ будутъ сотнями, въ одинъ мигъ, разить молніями электрической машины.

Вы любили мертвую тишь, и васъ скоро оглушатъ революціонные громы, отъ которыхъ заколеблется вся русская земля.

Вы морили по тюрьмамъ, въ ссылкахъ молодежь образованную, самоотверженную, готовую послужить народу. Вы затворили школы бѣднымъ карманомъ, богатымъ сердцемъ и умомъ. Вы естественныя науки замѣнили православіемъ, земство — сатрапами. Вы выбивали розгами изъ пустоты недоимки, отнимали у кормящихъ васъ тружениковъ послѣдній, отощавшій скотъ, послѣднюю, жалкую утварь. Вы останавливали переселенія, опутывая каждый шагъ народа полицейскими путами, и вы награждены голодомъ въ двадцати губерніяхъ. Страшно подумать, въ животѣ у труженниковъ, дававшимъ вамъ не только хлѣбъ, но и всѣ наслажденья, безчисленныя блага, послѣ смерти отъ голода, находили тряпки. Эти облитыя желудочнымъ сокомъ, гнилыя тряпки слѣдовало сберечь, и ими на эшафотѣ, въ дни расправы, набить вамъ рты, проклятые правители!

Народъ почуялъ,какъ птица въ грозу,надвигающіяся на него горами бѣдствія и, съ отчаяньемъ въ душѣ, бросился искать новыя земли, но крики хищныхъ крѣпостниковъ остановили стремленье къ мирному выходу.

Видя, что гибнетъ платежная сила, вы, послѣ невыносимо долгихъ препирательствъ, отсрочекъ, наконецъ, рѣшились возвратить умирающему съ голоду народу крошечную часть, изъ награбленныхъ у него, истязаньями, суммъ. Спина народа, пронесшая черезъ всю нашу безумную исторію ужасный крестъ, не дрогнувшая подъ нимъ, до настоящей минуты не избавлена отъ плетей!

Каждый годъ царствованья Гатчинца III — чаша ярости, выливаемая ангеломъ въ Апокалипсисѣ, въ дни страшнаго суда.

Неснившіяся цивилизованнымъ странамъ несчастья посыпались на сердечный, добрый, умный, способный народъ, съумѣвшій выдвинуть изъ себя, какъ предвѣстниковъ начинающейся великой борьбы, людей, съ легендарной мощью, съ душою сказочно прекрасной.

Голодъ пришелъ не одинъ; за нимъ свинцовою тучей ползетъ, въ своемъ родѣ царская свита: опухшихъ отъ голода, смертельно истощенныхъ людей, метутъ холера, тифъ, черная оспа, дифтеритъ. Нашлись твари, сердце которыхъ не сжалось передъ незаслуженнымъ народнымъ бѣдствіемъ; они, пьющіе старыя вина, прохлаждающіеся шампанскимъ, питающіеся самыми отборными яствами, проводящіе жизнь въ нагломъ распутствѣ, стали упрекать народъ въ пьянствѣ, лѣни, желаньи питаться на казенный счетъ, и ни одинъ изъ нихъ не спросилъ себя: откуда взялся казенный счетъ?

Злодѣи находили чистый хлѣбъ слишкомъ дорогимъ для неработающихъ, худенькихъ какъ тѣни, желтыхъ, съ опухшими глазками дѣтей, для непозволительно быстро угасающихъ стариковъ, старухъ...

Грабежъ, обнаруженный всюду, гдѣ орудовало правительство, невозможность справиться съ ростущимъ голодомъ, заставило его, наконецъ, допустить частную благотворительность. Оно косо, злобно поглядывало на

руку, скромно подающую посильную помощь. Ненавидимое правительствомъ общество заявляло себя всюду слишкомъ съ хорошей стороны.

Мы знали превосходно, что за духовнымъ голодомъ послѣдуетъ животный; за душевнымъ обнищаніемъ, — матерьяльная нищета; за духовными эпидеміями — настоящія, страшныя: холера, сыпной тифъ.

Сердце разрывается при мысли о пережитыхъ и переживаемыхъ Россіей невзгодахъ. Неужели голодъ, холера, тифъ, не подскажутъ гибнущему изморомъ народу то, что не успѣли подсказать пропагандисты, революціонеры!? Во всей красѣ предстали передъ нами наши мракобѣсцы; словъ немного, но за то все знаменательныя, съ запахомъ жженаго мяса, застѣнка: „Бей, дави, пори, жри". Сначала, не жевавши, проглотили своихъ, недостаточно низкоподанныхъ, затѣмъ принялись—l'appetit vient en mangeant — за поляковъ, нѣмцевъ и, какъ во всѣ черныя времена, закончили каннибальскій пиръ евреями; несчастныхъ, послѣ предварительнаго раззоренья, гонятъ изъ Россіи тысячами, ихъ платящихъ всѣ налоги, отбывающихъ воинскую повинность лишаютъ, человѣческихъ правъ. Рожденье, благородная вѣрность своей гонимой религіи, имъ ставиться въ преступленье; имъ, какъ прокаженнымъ, запрещаются цѣлыя области, города. Ихъ, вполнѣ невинныхъ, караютъ, какъ нигдѣ не карають отъявленныхъ убійцъ. Огромныя толпы бредущихъ безъ ясно намѣченной цѣли, изможденныхъ, оборванныхъ, безгранично горемычныхъ людей поражаютъ воображенье цивилизованныхъ странъ. Поблѣднѣли средневѣковыя изувѣрства, поголовныя избіенія, за мнимо распятаго кучкою евреевъ, чортъ знаетъ когда, бога-еврея. Не нужно забывать, что наше православное правительство сквиталось поразительно за легендарнаго, распятаго праведника-Іисуса, распявъ сотню велпкихъ праведниковъ-революціонеровъ-евреевъ.

Евреевъ, какъ эксплуататоровъ, преслѣдуетъ самоотверженный Александръ III Чухоно-Романовъ, какъ извѣстно всѣмъ, живущій скромно, честнымъ трудомъ ! !...

II.

Процессъ Равашоля заставитъ глубоко задуматься буржуазный міръ; надъ беззаботною головою пронесутся чорные сны. Закатъ XIX вѣка начинаетъ, къ ужасу дирижирующихъ, окрашиваться багровымъ цвѣтомъ; въ набѣгающихъ, по временамъ, тучкахъ вспыхиваютъ молніи, невиданныя въ нашихъ широтахъ. XVIII вѣкъ, въ 93 году свелъ съ старымъ, злымъ, феодальнымъ міромъ домашніе счеты; много скатилось пустыхъ головъ, много пролилось такъ называемой благородной крови; но нашъ вѣкъ финансовыхъ чудесъ накопилъ зло снова, и можно думать, что ликвидація, своимъ злостно превратнымъ характеромъ, превзойдетъ 93 годъ, и что мечъ, вѣрнѣе электричество народнаго правосудія, распутаетъ запутанный цѣлыми вѣками узелъ воровскаго строя.

Томясь жаждою жизни, не отыскивая работы, Равашоль удушилъ старика-монаха; большую часть добытыхъ денегъ онъ роздалъ, болѣе его нуждающимся, товарищамъ. Но видимо, ему не по душѣ было убивать изъ за денегъ беззащитныхъ людей, — онъ спустился въ беззвѣздную ночь, въ склепъ, и среди могильнаго смрада обобралъ трупъ, „мертвецъ не болѣе, какъ картина“ говоритъ добрая леди Макбетъ.

Желая отомстить за истерзанныхъ въ полиціи товарищей и за безчеловѣчные приговоры надъ анархистами, онъ подложилъ адскія машины подъ двери квартиръ жрецовъ правосудія, вѣрнѣе живодерства, и, къ великому сожалѣнію, подвергъ опасности многихъ ни въ чемъ неповинныхъ людей, живущихъ съ ними въ одномъ домѣ. Избитый, при арестованьи, по русски, до полусмерти, онъ былъ приговоренъ за взрывы, безъ прискорбныхъ послѣдствій, къ вѣчной каторгѣ, и двѣ недѣли спустя, за убійство монаха — къ смерти. На судѣ онъ не выдалъ ни одного изъ соучастниковъ, принялъ все на себя, простилъ своего предателя. Указывая на волчью борьбу изъ за денегъ въ буржуазномъ обществѣ, онъ старался доказать право обездоленнаго брать деньги, гдѣ подвернется къ тому удобный случай и убивать, въ случаѣ упорнаго сопротивленья.

Прощаясь на вѣки съ „лучшимъ изъ міровъ“ онъ не забылъ попросить прощенья у невинно пострадавшихъ при взрывахъ. Онъ взошелъ на помостъ гильотины, напѣвая не совсѣмъ пріятную для собственниковъ и поповъ, пѣсенку, презрительно оттолкнувъ лицемѣра-болтуна-попа, съ шутовскими розказнями о небываломъ мірѣ, и умеръ мужественно.

Мнѣ больно за этого сильнаго, глубоко злосчастнаго человѣка, мнѣ жаль казненнаго; я знаю, гдѣ находятся настоящія чудищи, „ужасъ міра, стыдъ природы“.

Не знаю, назовутъ ли идеальные люди: Елизе Реклю, Кропоткинъ и проч. Равашоля своимъ товарищемъ, человѣкомъ одной партіи, но если назовутъ, на мой взглядъ, они будутъ неправы. Равашоль, по своимъ чисто животнымъ инстинктамъ, цѣликомъ принадлежитъ къ „умывающей руки въ крови“ необычайно многочисленной буржуазной партіи, онъ ея лучшій человѣкъ; какъ лучъ солнца изъ за тучи въ немъ изрѣдко и только на мигъ проблескиваютъ революціонные порывы. Онъ погибъ за слишкомъ откровенное прямодушное приложенье къ практикѣ буржуазныхъ взглядовъ, капиталистической морали, за неумѣнье въ большихъ размѣрахъ обдѣлывать свои денежныя дѣла. Несознательно, онъ проклиналъ своихъ родителей, наставниковъ, воспитателей. Онъ забылъ на эшафотѣ, послать привѣтъ первому бандиту германской имперіи, произнесшему съ бахвальствомъ на весь міръ: „сила есть право.“ Буржуазное общество, взирающее на Равашоля съ злобою, отвращеніемъ, напоминаетъ мнѣ обезьяну въ баснѣ, глядящую на себя въ зеркало и рѣшившую удавиться съ тоски, если бы чуть, чуть была похожа.

Равашоль не могъ принадлежать къ революціонной партіи; она должна стоять неизмѣримо выше власти и общества, ею идейно преслѣдуемыхъ. Она не перекладываетъ съ ножемъ въ рукахъ деньги изъ буржуазнаго кармана въ свой, но борется съ хищничествомъ капитала. Революціонеръ долженъ беззавѣтно стремиться къ самому высокому общественному идеалу, „послѣдней правдѣ“. При настоящемъ экономическомъ строѣ онъ долженъ въ своей частной жизни быть аскетомъ; его разящую руку, вооруженную адскою машиною

должна руководить одна безграничная любовь ко всѣмъ людямъ, не личное, но общее благо. Если бы ему понадобились деньги, не только для личнаго наслажденія, но для спасенья своего существованья, и ихъ можно было бы добыть не только цѣною чужой жизни, но и малѣйшими компромиссами съ завѣтными идеалами,- онъ долженъ предпочесть собственную смерть. Жизнь революціонера - неустанное совершенствованье умственное и нравственное; онъ долженъ умѣть жить и умѣть умереть за святыню убѣжденій, за невинно страдающее человѣчество.

Такіе люди — не идеальные призраки; всѣ живыя націи выдвинули, впродолженіи долгихъ, мрачныхъ вѣковъ, тысячи искупителей съ „сердцемъ изъ золота и стали". Наша печальная жизнь записала во всеобщую исторію великія имена: Радищева, Новикова, Декабристовъ, Петрашевцевъ и тьму героевъ и героинь современныхъ намъ. Ихъ терновые вѣнцы озарили нашъ плотоядный міръ, смягчили закаменѣвшія въ позорномъ рабствѣ сердца. Не выдвигай изъ своихъ таинственныхъ нѣдръ человѣчество подобныхъ людей, мы вооружились бы волчьими зубами, обросли шерстью гіены, завыли въ лѣсахъ...

Непорочный буржуазный міръ пламенно возпегодовалъ при взрывѣ нѣсколькихъ домовъ. Мысль о возможности взрыва кармана, своего рода „Скиніи завѣта," заставила депутатовъ, съ неслыханною при полезныхъ реформахъ быстротою, провотировать драконовскіе, въ высшей степени нелѣпые законы по поводу держанья динамита; сдѣланы попытки, любезныя сердцу Алек.III, подавить свободу прессы, запаять предохранительный клапанъ въ работающей на всѣхъ парахъ государственной машинѣ. Отцы, братья, мужья, любовники тѣхъ небесныхъ созданій, которыя, послѣ избіенія тридцати тысячъ комунаровъ, шелковыми, кружевными зонтиками измѣряли глубину ихъ святыхъ ранъ. возопили о пыткахъ, казняхъ, потребовали для Равашоля, его товарищей, тряхнуть славною инквизиціонною стариною, ихъ кровью омыть ржавчину, съ черезчуръ залежавшихся орудій средневѣковой пытки; буржуазнымъ дѣвамъ хотѣлось вернуть Нюренбергскую желѣзную дѣву съ сдвигающимися ножами внутри. На одинъ мигъ духов-

ный союзъ съ братомъ во Христѣ, Александрамъ III свершился.

Равашоль, взирая на готовый опуститься ножъ гильотины, проклиналъ Тартюфовъ, легальныхъ убійцъ, воровъ. Признаюсь, трудно даже мирнымъ людямъ ихъ благословлять, въ особенности, когда мы въ концѣ вѣка дослушали ихъ послѣднюю циническую пѣсенку. Коснемся слегка дѣяній буржуазнаго строя и примѣровъ, даваемыхъ Равашолямъ: добрые хитроумные лавочники, стремясь къ прелестнымъ аферамъ, открыто поддѣлываютъ ядами необходимыя для жизни питательныя вещества, травятъ, въ духѣ конца вѣка, не сразу, но съ адскою медленностью. На фабрикахъ, приносящихъ ростовщичьи проценты ихъ обладателямъ, милліоны рабочихъ изнываютъ, вымираютъ отъ непосильной работы, отсутствія всякихъ заботъ о нихъ, зачумленнаго воздуха и полнаго недостатка всего необходимаго. Нашъ Іегова-капиталъ, въ порывахъ горячечной конкурренціи, ежегодно, выбрасываетъ десятки тысячъ труженниковъ на улицу, на голодную смерть. Дочери рабочихъ гибнутъ на фабрикахъ отъ анеміи и проституціи. Растущій, по мѣрѣ накопленья, карманъ медленно, но неотразимо убиваетъ милліоны невинныхъ. Въ случаѣ стачекъ, протеста отчаянья, на рабочихъ, ихъ женахъ, дѣтяхъ, пробуютъ вновь изобрѣтенныя ружья; быстрота расправы и количество жертвъ убѣждаютъ буржуазную публику въ полезности открытія.

Колоссально богатые Гарпагоны ежемѣсячно губятъ въ черной страшной глубинѣ минъ сотни рабочихъ; обезображенныя муками лица задохшихся, обугленныя тѣла, слезы, стоны, вопли осиротѣвшихъ семействъ, не вызываютъ ни одной самой слабой, предохранительной мѣры со стороны правительствъ и выбранныхъ, всеобщею подачею голосовъ, парламентовъ.

Финансовыя операціи, скверно продѣлываемыя на истощенномъ, народномъ тѣлѣ, начиная съ Панамской компаніи, желающей прорыть перешеекъ, и кончая компаніями, желающими продырявить чужіе карманы, вносятъ своими злостными банкротствами раззоренье въ тысячи бѣдныхъ семействъ, вложившихъ въ нихъ

послѣднія, трудовыя сбереженія, плодятъ несказанное горе, отчаянье, самоубійства.

Изъ за расширенія границъ, открытія новыхъ мошейническихъ рынковъ, подъ звонъ церковныхъ колоколовъ, избиваются тысячи, невинныхъ людей; цѣлыя страны раззоряются не только войною, но и вооруженнымъ миромъ. Свирѣпыя, варварскія убійства вознаграждаются чинами, орденами; головы послушныхъ, тупыхъ рабовъ увѣнчиваются лаврами.

Одинъ изъ главныхъ виновниковъ избіенія, ограбленія прекрасной страны, скаля морду бульдога, произнесъ: „Сила есть право“. Агенты-провокаторы съ казеннымъ динамитомъ, растлѣніе прессы, дикія близорукія мѣры противъ соціалистовъ, издѣванья надъ парламентомъ, явились практическимъ примѣненьемъ штыкъ-юнкерской, жандармо-бисмарковской морали. За ограбленіе, избіеніе цѣлой страны, издѣвательства надъ человѣческими правами, за растлѣніе прессы, за вѣчную ложь съ трибуны, Бисмаркъ былъ осыпанъ почестями, деньгами, сталъ повелителемъ всей Германіи. Равашоль, здоровый, молодой, сильный, изнывающій въ нуждѣ, удавилъ старика-монаха, безполезно прячущаго добытыя попрошайствомъ деньги—„сила есть право“ и за этотъ поступокъ, микроскопическій, чуть не благой, сравнительно съ бисмарковскими дѣяньями, онъ приговоренъ къ гильотинѣ!

Я удивляюсь безконечному овечьему добродушію народныхъ массъ, ихъ полной неспособности заражаться ослѣпительными примѣрами свыше. Послѣдуй мы примѣру Бисмарковъ, Александровъ и проч. мы должны были бы давно пережрать другъ друга, какъ пауки въ банкѣ.

Никто не плюнулъ старому нелѣпому злодѣю въ лицо, когда онъ публично растлѣвалъ прессу, другими словами: умъ, сердце, душу націи!

Въ защиту большихъ убійцъ и воровъ отъ маленькихъ, неудалыхъ, робкихъ несчастныхъ, для полнаго спокойствія дрижирующихъ поддерживаются тюрьмы, обновляются эшафоты; укравшаго, подъ вліяніемъ ужаснаго воспитанія, обстановки, въ минуты безвыходности; убившаго въ порывѣ душевной болѣзни, мучаютъ, убиваютъ самодовольно, холодно, именемъ закона, съ

риторическими выкрикиваньями о правосудіи. Судьи-убійцы пользуются почетомъ; особенно полюбившіе кровь повышаются, и рядомъ выходятъ научные трактаты, доказывающіе, съ безупречной логикой, отсутствіе въ человѣкѣ свободной воли, другими словами что: „Нѣтъ въ мірѣ виноватыхъ“.

Равашоль фабриковалъ фальшивую монету, но не нужно забывать, что русское правительство, чуть не сотню лѣтъ, пускаетъ въ ходъ фальшивыя бумажки.

Буржуазія подъ особеннымъ покровительствомъ Ѳемиды, съ завязанными глазами, ворующая, убивающая рабочихъ тысячами; съ чувствомъ собственной правоты, пойманное, свое маленькое подобіе, приговариваетъ къ тюрьмамъ и гильотинѣ. Но, увы, времена мѣняются; пойманные убійцы, воры, смотря пристально въ безстыжіе глаза фарисѣевъ, книжниковъ, произносятъ: „Снимите маски, блудодѣи, мы слѣдуемъ вашему примѣру; все наше преступленіе, безчеловѣчно караемое, заключается въ томъ, что мы мало убиваемъ, мало воруемъ, безъ высшей протекціи; мы никакъ не умудряемся перейти ту заколдованную черту, за которой, вмѣсто гильотины, воздвигается дворецъ, и вмѣсто позора, воздается почесть“. Знаменитое изреченье Прудона: „Собственность-воровство“ начинаетъ, потихоньку, проникать въ массы, горе сытымъ, когда голодные оцѣнятъ вполнѣ это открытіе!

Въ моментъ, когда всѣ буржуазныя газеты требовали пытокъ, казней для анархистовъ, на югѣ Франціи, въ Ментонѣ, въ нѣгѣ роскоши, никѣмъ не тревожимая, проживала „великая развалина“ (выраженіе Figaro), по просту — грязная развалина колоссальнаго публичнаго дома: эксъ-императрица Евгенія. Въ продолженіи пятнадцати лѣтъ она люто грабила цѣлую Францію, топила ее въ грязи, и чтобы передать зашатавшійся подъ конецъ тронъ гаденькому сынку, затѣяла войну, кончившуюся Седаномъ, стоившую десятокъ милліардовъ франковъ, и сотни тысячъ человѣческихъ жизней.

Если для казни Равашоля мало гильотины, что же нужно, спрашиваю я васъ, близорукіе младенцы, жалчайшіе недоумки, для Алек. Ш, высосавшаго мозгъ

изъ костей народа, тратящаго награбленные милліоны на тайныя полиціи, священныя охраны, на обновленіе безчисленныхъ дворцовъ, путешествія, съ цѣлыми арміями по бокамъ желѣзной дороги, на фантастическіе пиры и сказочныя наряды императрицы? для Алек. Ш, запытавшаго въ тюрьмѣ беременную Гельфманъ, повѣсившаго Перовскую, затерзавшаго плетьми Сигиду, и по крѣпостямъ тысячи доблестныхъ людей — гордость Россіи?! И всѣ невѣроятныя злодѣйства свершены ввиду спасенья, ненужной даже собакамъ, допотопной, мастодонтовой шкуры, ввиду спасенья, начинающей исчезать въ дальней Африкѣ, варварской деспотіи, „всесильной на зло и вполнѣ безсильной на добро".

Мнѣ глубоко жаль Равашоля! голова его скатилась въ мѣшокъ, но я знаю чудище, силящееся погубить душу цѣлой націи, подавившее слово въ стомилліонной странѣ, и оно увѣнчано брилліантовой короною; передъ нимъ гады нашей земли пресмыкаются въ грязи... Я знаю изверга, на лбу котораго, на омерзѣніе цѣлому міру, должно пылать клеймо, для котораго святою справедливостью были бы: цѣлая вѣчность пытокъ, милліарды мучительныхъ казней... Мнѣ глубоко жаль Равашоля!...

Я гроша не дамъ за революціонера, который, готовя гибель буржуазіи, не готовитъ, прежде всего, египетскихъ казней для царей, императоровъ, королей и игнорируетъ ихъ въ своихъ писаньяхъ, проповѣдяхъ. При отсутствіи въ Россіи азбучнаго политическаго развитія, такое игнорированіе ведетъ къ ужасающимъ послѣдствіямъ. Будущее покажетъ, какъ велики были наши недомолвки.

1юль 92.

Царь - нигилистъ

„Исторія не ждетъ
И грозно вкругъ тебя волнуется въ молчаніи
Проснувшійся народъ".

I

Заживо погребенная Россія проснулась; стоны ея были услышаны; благія руки сорвали невыносимо тяжелую свинцовую крышку гроба. Царь, по упорнымъ слухамъ, умеръ отравленный; русское правительство скоро признаетъ свершившійся фактъ, какъ оно уже признало, въ концѣ концовъ, взрывъ въ Боркахъ.

Во все время царствованія Гатчинца, съ неслыханною въ исторіи наглостью, утаивались покушенья, скрывались вѣшанья въ потьмахъ, суды въ застѣнкѣ, пытки въ тюрьмахъ...

Задыхаясь по долгимъ часамъ, онъ, навѣрное, вспомнилъ гнилыя веревки, висѣлицы 3-го Апрѣля 1881 г. Въ тяжкія, безсонныя ночи передъ нимъ мелькали призраки замученныхъ, повѣшенныхъ, сгибшихъ въ крѣпостяхъ и Сибири. Припадки сумасшествія, порой, озарялись разумомъ, чуть не государственной мудростью, — указывая на свою семейку и приближенныхъ негодяевъ, онъ съ пѣною у рта, рычалъ: „Вѣшайте ихъ, вѣшайте, вѣшайте!" Послушай его простые слуги, и, можетъ быть, онъ искупилъ бы гнилую веревку, на которой задохнулся три раза повѣшенный Михайловъ.

Царица, потерявшая мужа и готовая потерять сына, навѣрное, не разъ вспоминала погибшую 3 апрѣля 81 г. великую искупительницу рабской Россіи, Перовскую, запытанную въ тюрьмѣ, беременную Гельфманъ, запоранную плетьми Сигиду. 13 лѣтъ царь-злодѣй сосалъ мозгъ

изъ костей народа, кровь изъ молодого поколѣнія; но кровь не пошла ему въ прокъ: его залила водянка.

Только подлый лакей, ненавидящій, презирающій Россію, не поймет, что если бы на долю царя выпали вѣчныя, адскія пытки, то и тогда онъ не искупилъ бы всего невѣроятнаго, неизмѣримаго зла, сдѣланнаго Россіи. Свирѣпый, дикій, нелѣпый деспотъ затмилъ сумасшедшаго гатчинца Павла I, незабвеннаго удава Николая I. Они царствовали въ разгаръ всесвѣтнаго мракобѣсія, подъ ними было путавшее по рукамъ и ногамъ крѣпостное право. Одного отдѣляетъ отъ насъ чуть не столѣтіе, другого — полъ вѣка. Для гатчинца конца XIX вѣка нѣтъ оправданій; девизъ его царствованія: „Шкура моя, шкура, все царство за шкуру“. Да падутъ на этотъ „ужасъ міра, стыдъ природы“, народныя ненависть и презрѣніе; пусть имя изверга станетъ площадною бранью, смертельнымъ оскорбленіемъ. Мы имѣемъ уже, примѣръ въ бурбонахъ; въ наше время, если среди военныхъ встрѣчаютъ нелѣпую, грубую, злую скотину, его называютъ бурбономъ.

Безобразно звучитъ кличка „нигилистъ“, обращенная къ революціонерамъ; истинными нигилистами у насъ были только цари и ихъ каторжные служители, вѣрнѣе — повелители.

Александръ III безупречный нигилистъ; всѣ его желанья, мечты, дѣла — нигилятина, нигилятина, нигилятина!! Каждый его шагъ былъ шагомъ въ пустоту, въ ночь безъ разсвѣта... Какъ его хамъ, Катковъ, онъ пѣнился въ пустотѣ, онъ не глядѣлъ въ будущее, не понималъ настоящаго, жилъ невозможнымъ прошедшимъ. 13 лѣтъ онъ билъ лысою, свинцовою, дынеобразною головою въ китайскую стѣну; онъ преслѣдовалъ яро, безпутно: знанье, мысль, идеалы, свободныя чувства, человѣческое достоинство... 13 лѣтъ онъ выбивался изъ силъ, желая доконать душу націи; 13 лѣтъ онъ рылъ своимъ полицейско жандармскимъ режимомъ могилу злосчастной Россіи, и первый свалился въ вырытую яму. Царствованіе его тлѣнъ, прахъ, „мерзость запустѣнія“.

Въ наше время кажется невѣроятнымъ, что у насъ нѣкогда существовали политическіе сосунки, съ апломбомъ утверждавшіе, что дѣло не въ формѣ правленія; они

не знали то, что знаетъ въ Европѣ ребенокъ, что именно *все* заключается въ формѣ правленія, что она — цѣлая сложная система, наслоенная тысячплѣтнимъ опытомъ, она сквозитъ всюду: во дворцѣ и хижинѣ; въ мундирѣ чиновника и въ рубищѣ простолюдина, въ золотой посудѣ съ роскошными, рѣдкими явствами, и разбитой мискѣ, хлѣбѣ изъ древесной коры по поламъ съ соломою Гдѣ низка форма правленія, тамъ низка жизнь, взгляните на Турцію, Персію. Гдѣ возвышается самодержавіе, тамъ душа идетъ на убыль, вырождается духовно, вымираетъ отъ голода нація. Форма правленія болѣе чѣмъ—noblesse oblige. Полуреформами Александра II исчерпалось самодержавіе, реакція явилась сама собою. Но черная шайка, окружавшая Александра III и самъ онъ отлично понимали, что малѣйшій шагъ впередъ — вступленіе въ конституцію. Безобразничая надъ Россіей, они знали превосходно, что самодержавіе можетъ жить только кнутами, тюрьмами, эшафотами, ссылками, безгласностью, ханжествомъ и произволомъ. Всѣхъ чиновъ Фроловы*) твердили царю день и ночь: „Вѣшай, грабь, пори, бей, уничтожай земство, суды, гласность, закрывай школы, и ты, и мы спасемся“. Онъ послушался.. Спасшись 1 Марта 87 и 17 Октября 88, онъ не спасся въ 94 — всесильныя руки, сбросившія весь царскій поѣздъ въ Чортову лужу, поднесли ему ядъ.

Всюду носятся упорные слухи, что сумрачныя драмы разыгрывались въ Ливадіи... Смерть, сумасшествіе, преступленіе овладѣли дворцомъ. Корону, свалившуюся съ распухшаго, зловоннаго трупа, рвали куртизаны разныхъ партій. Партія мертвой петли, боясь, что безвольный, слабоумный наслѣдникъ, попавъ въ руки либераловъ, объявитъ конституцію, отстрачивали его бракъ, угрозами, мольбами силились заставить отречься отъ престола въ пользу Михаила, регентомъ мечтали сдѣлать Владиміра, мракобѣсца безпробуднаго; съ его водвореніемъ все осталось бы по прежнему. На гробѣ царя, шуллера громоздили колосальные куши, ставили на

*) Палачъ, прощенный отцеубійца, воръ, пьяница, но и онъ отказывался вѣшать цареубійцъ, говоря: „что руки больно дрожать“. Черевинъ и Барановъ (нынѣ нижегородскій губернаторъ) напоили его и угрозою нещадныхъ плетей заставляли рѣшиться.

крапленныя карты цѣлую злополучную Россію, бѣшенно передергивали; на лицахъ сіяла сладчайшая улыбка, изъ лживыхъ глазъ по временамъ текла какая то мутная жидкость, и у каждаго за пазухой былъ ножъ. Въ зловѣщемъ склепѣ кипѣла остервенѣлая борьба за положеніе, мѣста; передъ нею поблѣднѣла животная борьба въ гущѣ тропическаго дѣвственнаго лѣса.

Бросимъ легкій взглядъ на теплыхъ, вѣрнѣе очень холодныхъ, ребятъ, окружавшихъ тронъ гатчинца, остановимся на очень выдающихся изъ „ стаи собачьей ".

Преодолѣвъ отвращеніе, всмотритесь въ Малюту Скуратова, шефа дворцовыхъ шпіоновъ Черевина; онъ сталъ быстро подыматься по службѣ съ момента, когда предалъ, во время польскаго возстанія, старуху, замѣнившую ему мать; прячась за Мезенцева, онъ истязалъ молодыхъ людей въ крѣпости. Благодаря пыткамъ и способности не останавливаться передъ самымъ чудовищнымъ преступленіемъ, онъ сталъ правою рукою царя. Онъ публично, весь зеленый отъ бѣшенства, много разъ рычалъ, что правительство, во что бы то ни стало, доберется до меня, и тогда онъ цѣлые мѣсяцы будетъ тянуть изъ меня жилы, отдирать по тихоньку мясо отъ костей, „то — священная воля державнаго вождя, и я исполню ее прежде, чѣмъ умретъ государь". Я бы великодушно простилъ очумѣвшему азіату его каннибальскую прожорливость, не упомянулъ бы о бредѣ подлой, рабской души, если бы въ его словахъ не прорывалась, слишкомъ нагло, вся его кипучая дѣятельность въ застѣнкѣ. Онъ давно, съ согласія царя, подослалъ бы ко мнѣ убійцъ, но, увы, онъ догадывался, что славная смерть послужитъ мнѣ въ пользу, что мои сочиненія, облитыя моею кровью, распространятся въ тысячи разъ болѣе, переведутся на всѣ языки, и клейма, выжженныя на лбахъ палачей Россіи, еще ярче выступятъ на всеобщее омерзѣніе.

Вспомните министра выѣденнаго яйца и мертвой хватки, Дмитрія Толстого, духовнаго отца царелюбца Іудушки Каткова; вытолкнутый пиньками въ задъ Александр. II, онъ былъ снова принятъ съ распростертыми объятіями Александр. III.

Полюбуйтесь на подленькаго, лысенькаго, черненькаго холуйчика, министра помраченья, затмѣнья, Де-

лянова; при словѣ самодержавіе, онъ складывалъ ротъ сердечкомъ, изъ беззубаго рта вырывались пылкія междомѣтія, и жестяная голова свѣтилась. Министръ чадящихъ ночниковъ, червивой плѣсени изгналъ изъ школъ всѣхъ бѣдныхъ; онъ мечталъ закрыть университеты, сжечь всѣ книги, за исключеньемъ похабныхъ, православно самодержавныхъ брошюрокъ генерала Богдановича. Удайся ему его планы; какъ сталъ бы завиденъ постъ министра затмѣнья! Недѣли двѣ назадъ, газеты извѣстили, что на рожѣ евнуха просвѣщенья образовалась другая рожа. Мы пожелали отъ всей души, чтобы рожа-паразитъ съѣла безъ остатковъ настоящую рожу...

Зажавъ носъ, взгляните на мигъ — иначе васъ вырветъ желчью — на ушастаго, жилистаго, слизлаго эксъ-онаника святѣйшаго синода Бѣдоносцева; ему подаютъ руку, не обмывая ее тотчасъ же фенеловой кислотой, только одни рукоблудники митрополиты. Онъ довелъ гнилого дурачка наслѣдника до эпилепсіи, научилъ его православнымъ таинствамъ, отъ которыхъ его еле, еле избавила балетная танцовщица. „Бѣдоносцевъ для народа и Доносцевъ для царя“ наложилъ свою холодную, шаловливую руку на вѣру, прессу, на науку, школу, на раскольниковъ и штундистовъ. На послѣдніе народные гроши, онъ воздвигалъ благолѣпные храмы и притоны тьмы, распутства, монастыри. Онъ пустопорожними рѣчами и книженками защищалъ самодержавіе, то есть, свое мѣсто оберъ-прокурора святѣйшаго синода.

Остановитесь на Игнатьевѣ, на гнусной помѣси Ноздрева, Хлестакова, Чичикова, Молчалина... О, боги! что онъ вралъ! что онъ плелъ! что онъ путалъ!

Но вся эта куча каторжниковъ увѣнчалась подъ конецъ Муравьевымъ-Фроловымъ. Мерзавецъ, выдергивая на эшафотѣ, съ сладчайше раболепнѣйшей улыбкой, скамейки изъ подъ Перовской, Желябова, Кибальчича, Михайлова, Рысакова, зналъ превосходно, что будетъ вскорѣ пожалованъ въ министры юстиціи. Вылавливая въ тюрьмѣ ребенка изъ живота беременной Гельфманъ, онъ зналъ превосходно, что будетъ министромъ юстиціи. Царю-Александру-Фролову нужны бы-

ли министры Фроловы. Прокуроръ застѣнка сдѣлался столбомъ правосудія; волкъ назначенъ блюсти овчарню. Это онъ, взобравшійся по трупамъ легендарныхъ героевъ на министерское кресло, доканывалъ всѣ честные журналы, добивалъ жалкія реформы.

Много пощечинъ въ обѣ щеки повынесло наше общество, но назначеніе министромъ юстиціи Муравьева было уже не пощечина, но заплеваніе туберкулезной макротой.

Министры съ такимъ прошлымъ, съ такими замашками въ Европѣ не просуществовали бы недѣли, ихъ утопили бы въ первой отхожей ямѣ.

Можно смѣло предсказать, что выдающіеся министры Александра Ш скоро займутъ самый почетный уголъ въ отдѣлѣ преступниковъ, въ музеѣ Тиссо, въ Лондонѣ.

Прошу извинить, я забылъ упомянуть, что содомистъ, кнутобойщикъ, князь Мещерскій былъ гатчинскій публицистъ, въ своей газетѣ „Самосѣкущійся холуй“ онъ провозглашалъ ретирадную программу Гатчинца.

Французская шовинистская пресса, желая задобрить всходящую на престолъ холерную точку, лакейски превозноситъ Александра Ш, чумнаго микроба. Наши „Лучъ“, „Новое Время“, „Гражданинъ“, „Московскія Вѣдомости“ могутъ позавидовать ея пьяному лиризму. Парижскіе изощренные лакеи, подогрѣваемые посольствомъ и всевозможными мушарами, думаютъ, на одинъ мигъ, остановить ужасный приговоръ исторіи; они его остановятъ такъ же удачно, какъ гомерически нелѣпыя молебствія въ церквяхъ, синагогахъ, мечетяхъ остановили судороги и водянку. Не запрудилъ воду въ высочайшемъ животѣ самъ Иванъ-Кудесникъ, возстановляющій купцамъ, по увѣренію „Новаго Времени“, по телеграфу, отнятыя ноги, руки, создающій по почтѣ вытекшіе глаза.

Французскіе тартюфы, говоря о своей любви къ Россіи, по временамъ, слишкомъ просказываются, что изъ за Альзаса готовы съ превеликимъ удовольствіемъ отдать всю Россію на сожраніе пещерной деспотіи. Самодержецъ, двигающій по своей волѣ войсками, имъ сподручнѣе парламента; они забываютъ, что самодержецъ,

двигающій войсками врядъ ли въ состояніи одержать какую бы то ни было побѣду.

Союзъ съ деспотіей былъ колосальною исторической ошибкой съ дипломатической точки и — преступленіемъ, предательствомъ, съ точки зрѣнія человѣческой. Союзъ вышелъ изъ лжи, притворства и самаго низменнаго эгоизма. Ложь, путаница, безобразія, будутъ фатально расти, и все кончится рано или поздно позорнымъ фіаско.

Покойный самодержецъ выкралъ у Франціи на тайную полицію, охраны, на черный день, въ лондонскій банкъ пять милліярдовъ, и затѣмъ, растаявъ какъ камфора, оставилъ ее на прежнемъ положеніи. Кто знаетъ, можетъ быть тяжкій, карманный урокъ послужитъ въ пользу шовинистамъ, и они постараются впередъ заключать союзы не на зыбучемъ морскомъ пескѣ... злыя волны плеснули, союзъ стерли и смыли.

II

Уморительныя, но увы, крайне однообразныя легенды обыкновенно фабрикуются хамами по поводу богдыхановъ, султановъ, шаховъ, царей и ихъ наслѣдниковъ. Вспомните, какіе узоры вышивали монархисты по поводу казни Капета и его достойной супруги, сколько горючихъ слезъ они пролили надъ собственной хамской брехней.

На царей, во время ихъ возшествія и ихъ наслѣдниковъ, не смотря на раздирательные опыты, принято возлагать свѣтозарныя надежды. Часто вспоминаю я еврейскаго банкира: собравшимся у него полякамъ, онъ хотѣлъ доказать, что Николай Павловичъ былъ для нихъ суровый, крѣпкій, а Александръ II — слабый и добрый; но благодаря незнанію языка, у него помимо воли, вышла ослѣпительная правда, — „Николай Павловичъ, воскликнулъ онъ, давалъ вамъ крѣпительный, а Александръ Николаевичъ — слабительный“. Вся исторія самодержавія вполнѣ исчерпывается крѣпительнымъ и слабительнымъ. Не помню, какой Аксаковъ утверждалъ, что у насъ всегда одинъ царь Скалозубъ, а другой Манилов. Николай I-Скалозубъ не выносилъ также басенъ за дерзкія насмѣшки надъ львами, надъ ор-

лами „кто что ни говори,хоть и животныя,а всежъ таки цари!“

Если наслѣдникъ на одну линію умнѣе бревна, онъ — геній. Если заведенный ключикомъ, онъ сможетъ, не поперхнувшись, связать двѣ фразы, онъ поражающій ораторъ. Если онъ сумраченъ, какъ петербургская трясина въ осеннюю ночь, и молчаливъ, какъ сторожевая будка, онъ — философъ, сфинксъ. Если онъ глупъ, какъ червивое, негодное даже въ печку, полѣно, ему тотчасъ же приписывается физическая сила, о которой не дерзаютъ мечтать атлеты ярморочныхъ цирковъ; водянистый жиръ волшебно превращается въ стальные мускулы, пухлыя лапищи, безъ свидѣтелей, ломаютъ подковы, тѣлежныя оси и проч., проч. Если политическимъ образованіемъ наслѣдникъ не превосходитъ армейскаго коптенармуса, ему приписываются крамольные идеалы, мечты о фаланстеріяхъ; изъ за свободныхъ принциповъ онъ воюетъ съ нагруженнымъ мракобѣснымъ опытомъ, папашею. Не смотря на дворцовый этикетъ, не позволяющій всю жизнь дохнуть безъ точнаго предписанья, онъ часто, сломя голову, выбѣгаетъ изъ за стола, бьетъ бутылки, стаканы, бокалы и, съ адскою улыбкою, провозглашаетъ революціонные тосты. Если, благодаря сумасшедшему, безобразному, обезличивающему воспитанію, изъ него получается всесовершеннѣйшій манекенъ,—онъ человѣкъ желѣзной воли, могучаго характера, даже рыцарь, не печальнаго, но свѣтлаго образа. До сихъ поръ у насъ слыветъ за благороднаго рыцаря, съ желѣзной волей, Николай Палкинъ, безгранично глупый, безвольный, невѣжественный, трусливый, подлохитрый самодуръ; сыщикъ на тронѣ.

Всходитъ, сочувствующій фаланстеріямъ на тронъ, и о немъ продолжаютъ разгуливать не менѣе игривыя сказочки; если онъ психопатъ, окончательно лишенный чувствительности, и нервы у него возжи, ему навязываются трогательныя, семейныя добродѣтели; онъ частенько лобзаетъ свою невыходящую изъ танцевъ, рѣзвушку жену, и остается ей вѣренъ. Если же ему посчастливится, какъ Николаю I, схватить сифилисъ, то это, конечно, отъ избытка добродѣтели, или отъ неосторожнаго вдыханья.

Если царь очень и очень пристрастенъ къ чудотворнымъ иконамъ и висѣлицамъ и вообще къ гнилымъ веревкамъ, дающимъ возможность повѣсить революціонера два раза, онъ непремѣнно горячо любитъ своихъ малютокъ, часто прыгаетъ съ ними черезъ любимую веревочку; его известковое сердце быстро превращается въ кристальное. Если сынъ у него заболѣетъ отъ усердныхъ занятій онанизмомъ, онъ бѣгаетъ ночью въ его комнату, безъ подштанниковъ, босикомъ. по холоднымъ корридорамъ (на топку дворцовъ тратятся десятки тысячъ). Въ дворцовой телеграфной станціи онъ одинъ, ночью, поджидаетъ цѣлые часы отвѣтныхъ телеграммъ отъ уѣхавшаго на югъ больного сына; сильно зябнетъ и простуживается (на дворцовую челядь тратятся милліоны). Если царь, на горе окружающимъ, умѣетъ дуть въ ватерклозетную трубу, онъ — выше Глинки, Рубенштейна. Если на картинѣ, съ трудомъ отличаетъ корабль отъ коровы, онъ — знатокъ картинъ не хуже самаго Рошфора.

Если онъ деретъ шкуру съ мертваго, грабитъ до нитки всю страну, вышибаетъ изъ самой пустоты деньги на сумасшедшія безобразія; если придираясь къ рожденіямъ, совершеннолѣтіямъ, свадьбамъ, болѣзнямъ, выздоровленьямъ, къ путешествіямъ, самимъ покушеньямъ, тащитъ со всѣхъ сословій непосильныя взятки ввидѣ золотыхъ блюдъ, тарелокъ, кубковъ, драгоцѣнныхъ альбомовъ и проч., онъ—честнѣйшій человѣкъ, преслѣдующій всю жизнь взятки. Если онъ предпочитаетъ лютую внутреннюю, огромно стоющую войну съ цѣлой растущей Россіей, войнѣ внѣшней, онъ — великій миротворецъ, и имя его должно быть записано на египетскихъ пирамидахъ и обелискахъ.

Нечего и говорить, что царя всепенепремѣнно, безпредѣльно обожаетъ вся нація. При каждомъ, даже неудобномъ случаѣ, о немъ безконечно молится вся Россія, заливая слезами поля, лѣса, луга, ложбины, наводняя высохшія рѣки. Если онъ спасается отъ взрыва, и затѣмъ трясется цѣлые дни, съума сходитъ по ночамъ, то — это чудо непзреченной благости божьей, и дворцовый, вороватый холуй, Богдановичъ, наживается на брошюрахъ, воспѣвающихъ пріятное, по послѣдствіямъ, чудо.

Разъ дѣло зайдетъ о царяхъ, наслѣдникахъ, логика, простой, здравый смыслъ, человѣческое достоинство мгновенно, безслѣдно улетучиваются, громоздятся цѣлыя Гауризанкары вонючей заражающей слякоти, и наивные люди проходятъ мимо, не особенно поражаясь, не страшась за человѣческую расу, безъ особеннаго позыва хорошенько плюнуть на всю эту невылазную, холопскую подлость.

Но нѣтъ правила безъ исключенья, нужно сказать, что даже изъ дворцовой караульни, конюшни, лакейской, ни разу не раздался голосъ, хвалящій наслѣдника и Владиміра. О наслѣдникѣ я слышалъ три слова: „слабоумный, ханжа, эксъ рукоблудникъ, манекенчикъ;“ о Владимірѣ — четыре опредѣленія: „свирѣпый лоботрясъ, грубый мерзавецъ, гнилой распутникъ и, битый по мордѣ французскимъ артистомъ, пьяница.“

Всматриваясь въ наше самодержавное прошлое, мы находимъ, что эти рѣдкія качества давали и даютъ полное право на престолъ, увѣнчанный шапкою Мономаха и на регентство; за спиною безобразнаго идола ловко прячутся черныя банды.

Наши участковые газетчики принялись раздувать Александра III сильнѣе, чѣмъ при жизни его раздувала водянка. Они мнѣ напоминаютъ тифлисскихъ банщиковъ: изъ крошечнаго кусочка дряннаго мыльца они, вокругъ вашего тѣла образовываютъ цѣлый холмъ изъ мыльныхъ пузырей, играющихъ цвѣтами радуги.

Страшно подумать, сколько будетъ истрачено кровавыхъ милліоновъ на похороны этого, разложившагося еще при жизни, чудища. Давно ли милліоны русскихъ крестьянъ обдирали солому съ крышъ, чтобы разъ въ мѣсяцъ протопить заледенѣлую хату? давно ли опухая отъ голода, они ѣли хлѣбъ изъ мякины, по поламъ съ лебедою, а въ минуты отчаянья — тряпки!! Идіотскою помпою они хотятъ поднять издыхающее самодержавіе...

III

Полные стыда, ужаса мы спрашиваемъ себя: есть ли предѣлы романовскому безумію? Неужели на рубежѣ XX вѣка сынъ Александра III осмѣлится, на одинъ мигъ, обнаружить мономаховскія замашки и самодержавные замыслы?

Только одна радикальная конституція, всеобщая амнистія отстрочатъ революцію ...

Мы предчувствуемъ колоссальныя событія, они въ воздухѣ; близится не буря, но ураганъ, онъ обниметъ страшною спиралью всѣ дворцы и развѣетъ тронъ.

Если мы снова очутимся въ положеніи человѣка, схваченнаго ночью разбойниками, мы должны воспользоваться священнымъ правомъ обороны. Поставя насъ внѣ закона, намъ развяжутъ руки, и мы должны въ освобожденныя руки взять бомбы.

Мины, бомбы, ядъ становятся великими орудіями освобожденія, разъ на страну обрушивается проклятый произволъ, съ цѣпями, кнутами.

Мы много говорили о томъ, что нужно дѣлать на другой день революціи, и очень мало о первомъ днѣ. У насъ были широчайшія программы для будущаго, но мы не умѣли — оставаясь революціонерами — понимать настоящее. Насъ, голыхъ, на полу, хлестали розгами по корпусу, и мы съ презрительными усмѣшечками говорили объ habeas corpus.

Если бы революціонеры, заготавливая бомбы, мины къ 1 марту 81 года, заготовили ихъ въ количествѣ достаточномъ, чтобы взорвать всѣ царскіе дворцы, всю августѣйшую семью и всю крѣпостническую сволочь, крутящую самодержцевъ, мы, въ настоящее, время находились бы подъ сѣнью республики.

Если новый царишка дерзнетъ провозгласить самодержавіе, терроризмъ охватитъ всю Россію; на время затихшая борьба на жизнь и смерть вспыхнетъ съ утысячиренною силою. Величіе, гражданское мужество, подвигъ не изсякли въ Россіи; Голгоѳа 3 апрѣля 81 года положила непереходимую грань между чудовищно-позорнымъ прошлымъ и настоящимъ; русскіе перестали быть подлыми холопами.

Послѣдній, страшный приговоръ надъ азіатчиной изрекутъ революціонеры. Право судьи они купили невыразимыми муками, кровавыми слезами, невѣроятною, героической борьбой ...

Пусть вѣчно помнятъ революціонеры великое изреченье:

„Въ отношеніи тирановъ всякая жестокость гуманна и всякое состраданье безчеловѣчно...“

Мусульманское омерзительное раболѣпіе, собачье зализыванье, дрожанья и припаданья, — прямыя воззванія къ кнутамъ, палкамъ, пощечинамъ и плевкамъ...

Однѣ мины, бомбы оттягаютъ у коронованныхъ негодяевъ, нравственныхъ идіотовъ свободу... Разъ путь къ свободѣ лежитъ черезъ гранитные пласты, ихъ нужно сверлить и взрывать...

Ноябрь 1894 г.

ТЕРРОРЪ

(Письмо къ В. Л. Бурцеву).

Дорогой Владиміръ Львовичъ! Вы просите меня привести въ стройное цѣлое, говоря, что это будетъ очень полезно въ данный моментъ, мои мысли по поводу терроризма. Въ брошюрахъ; „Фаустъ въ концѣ XIX вѣка“ „Божественное масло“, „Собачій пиръ“, „Зайцевъ“, „Вольное слово“, „Чертова лужа“, „Послѣднее слово оппортунизма“ „Сумерки земныхъ боговъ“ и проч. я какъ могъ, старался доказать его великое значеніе и историческую необходимость. Во избѣжаніе недоразумѣній, напомню, что я всегда относился и, вѣрнѣе всего, буду относиться съ симпатіей ко всѣмъ революціоннымъ партіямъ: никогда я не упускалъ изъ виду свѣтозарной нити, связывающей ихъ всѣхъ, примиряющей незначительныя противорѣчія. Нить эта — упорная борьба съ угнетателями, любовь къ угнетеннымъ, горячая вѣра въ близкое, свѣтлое будущее. Я увѣренъ, что выдержалъ бы спокойно, не отвѣтивъ ни однимъ словомъ, самыя несправедливыя нападки со стороны товарищей-революціонеровъ на томъ основаніи, что онѣ вызваны были бы только самымъ искреннимъ желаніемъ блага, написаны въ полномъ сознаніи своей непогрѣшимости. Я привѣтствовалъ съ радостью товарищей въ Лондонѣ; по примѣру великихъ революціонеровъ Запада, они въ своемъ органѣ „Free Russia“ ста-

раются, передъ европейской публикой, выяснить свершившіяся и готовыя свершиться событія въ Россіи. Зная подлый страхъ нашего правительства передъ европейскою прессою, они казнятъ его безпощадными разоблаченіями, громятъ его на многолюдныхъ митингахъ; успѣхъ ихъ среди соціалистовъ и передовыхъ людей Англіи, повидимому, превзошелъ самыя смѣлыя ожиданія. Недавній указъ объ отмѣнѣ плетей даже для уголовныхъ преступницъ, на нашъ взглядъ, вынужденъ ихъ пропагандою, по поводу якутскихъ убійствъ и запытанной плетьми Сигиды. Относясь съ глубокимъ уваженіемъ, терпимостью ко всѣмъ партіямъ, я, конечно, со всею страстью, на какую способна моя душа, отношусь къ терроризму.

Меня всегда озадачивало, что сама партія „Народной Воли“ терроризму отводила роль Сандрильоны, опутывала его сложными, несбыточными на первое время программами, вплетала въ него фантастическіе захваты власти, и прежде чѣмъ приступить къ нему, почему-то тратила бездну времени и денегъ на устройство тайныхъ типографій, на организацію, страшно трудную, рискованную, кружковъ среди военныхъ и проч. — вначалѣ дѣлала то, что нужно было дѣлать въ самомъ концѣ, въ періодъ полнаго торжества.

Неужели — спрашивалъ я себя — терроръ, безъ причудливыхъ драпировокъ, недостаточно величавъ, прекрасенъ, грозенъ, знаменателенъ? Неужели онъ въ самомъ себѣ не несетъ программы, такой же громоносной, какъ взрывъ его бомбъ, всемогущей, какъ разрывательная сила его снарядовъ? Мнѣ всегда казалось, что взрывъ во дворцѣ, царь, разорванный въ лохмотья среди бѣлаго дня, въ двухъ шагахъ отъ зимняго дворца, въ прахъ обращенный, колоссальный царскій поѣздъ въ Боркахъ, съ спасшимися чудомъ палачами внутри — въ своемъ родѣ заповѣди, произнесенныя на Синаѣ, среди тучъ, молній, громовъ.

Терроръ, вооруженный бомбами, адскими машинами, радостно поразилъ не только Россію, но и цѣлый міръ. Онъ вызвалъ энтузіазмъ къ себѣ не только среди рабочихъ соціалистовъ, но и въ радикальной буржуазіи. Человѣкъ, побывавшій на митингахъ во всѣхъ странахъ, можетъ примѣрами энтузіазма наполнить цѣлый томъ.

Стоило назвать себя русскимъ революціонеромъ, и васъ, во всѣхъ народныхъ собраніяхъ, встрѣчали съ распростертыми объятіями. Акты святого правосудія пробуждали и пробуждаютъ въ Россіи всѣ ея дремлющія силы, раздуваютъ таящійся подъ пепломъ по всему ея пространству революціонный пламень. Террористическая пропаганда велась и ведется, къ счастью нашему, на казенный счетъ. Классическіе подвиги разносятся по всей Россіи, подъ колокольный звонъ; оглашаются съ амвона всѣхъ церквей; въ честь подвиговъ воздвигнуто много часовень, а въ Боркахъ и Петербургѣ—пышные храмы. На Петербургскомъ храмѣ, горячо оплакивая отца, Владиміръ укралъ цѣлый милліонъ. Серебряный колоколъ преосвященнаго Амвросія, своимъ заливнымъ звономъ, часто напоминаетъ харьковскимъ обывателямъ о полетѣ царскаго поѣзда, о Чортовой лужѣ, бомбахъ, минахъ. Крестьянинъ самой глухой деревушки, медвѣжьяго угла, чуетъ, что чья-то полномощная рука расправляется за него, прочищаетъ ему черезъ колючіе, черные дебри широкій путь, и въ него льются, обильными волнами, тепло, свѣтъ.. мысль о неуязвимости власти давно разлетѣлась дымомъ.

Терроръ свершилъ чудо: онъ влилъ огонь въ вялыя артеріи вѣчно колеблющихся, нейтральныхъ. Въ періодъ его могущества они, блѣднѣя, оглядываясь по сторонамъ, шепотомъ выражали сочувствіе террористамъ, навязывали имъ пожертвованія. Заплечные мастера, прислушиваясь къ погребальному колоколу по Мезенце ву, въ первый разъ почувствовали смертельный ужасъ, они загляпули въ свои смрадныя души и поспѣшно, стали прятать окровавленныя лапы, вытирать пѣну, набѣгавшую изъ пасти. Затихли каннибальскіе пиры, бѣшенныя гоготанья, усканья, стукъ зубовъ. Бывшіе, въ то время въ тюрьмахъ, революціонеры, разсказывали намъ удивительныя вещи.

Побѣды террора—побѣды святого духа; онѣ строятъ новую исторію, чреваты такими неожиданностями, сопровождаются такимъ подъемомъ духа въ цѣлой націи, что самый пламенный, зоркій умъ не въ состояніи будетъ предсказать грядущее. Если бы кто-нибудь вздумалъ въ 75 году пророчить о томъ, что свершилось послѣ 78 года, его сочли бы сумасшедшимъ.

Какъ были ясны дѣла революціонеровъ! Какъ много они говорили за себя, не нуждаясь въ сложныхъ программахъ, часто не вполнѣ соотвѣтствующихъ моменту. Тайная пропаганда революціонныхъ сочиненій, тайныя типографіи оглушительно взывали къ безграничной свободѣ прессы; казнь Мезенцева — къ уничтоженію проклятаго измышленія подлой душонки Николая Палкина — III отдѣленія и административныхъ ссылокъ; защита съ оружіемъ конспиративной квартиры — къ неприкосновенности жилища, личности; тайныя сходки, наклеиванья прокламацій — къ митингамъ; казнь царя — къ уничтоженію самодержавія. Согласитесь, что то была блистательная программа, не призрачная, не запугивающая, написанная кровью сердца, сокомъ нервовъ. Достигни мы ея — торжество соціализма приблизилось бы на десятки лѣтъ. Заключенные, ссыльные и эмигранты трудились бы на свободѣ, на родной почвѣ, и колоссально плодотворенъ былъ бы ихъ трудъ. Революціонныя сочиненія, люто гонимыя, распространялись бы по всей Россіи въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ.

Вѣра Засуличъ, рѣшившись убить Трепова, вошла въ его пріемную, безъ тѣни программъ, малѣйшихъ помысловъ о захватѣ власти, она повиновалась только голосу дивнаго сердца. Вѣсть объ этомъ первомъ ударѣ облетѣла вмигъ весь міръ, возбуждая восторгъ. Въ Россіи мрачныя чары разсѣялись; свобода, какъ сказочная, спящая царевна, проснулась отъ поцѣлуя пули. Революціонеры всѣхъ партій восторженно протянули Вѣрѣ Засуличъ руки. Никто не догадывался въ то время, что пуля Вѣры Засуличъ только ранивъ Трепова, наповалъ убила въ Россіи анархизмъ, разбила каменныя скрижали, выходившія подъ названіемъ „Впередъ“, выдвинула на первый планъ политическое освобожденіе, считавшееся въ то незабвенное время ничѣмъ, и стала началомъ эры легендъ, чудесъ.

Конецъ XIX вѣка далъ въ руки революціонерамъ невѣдомыя орудія разрушенія. Машины замѣнили сотни милліоновъ рукъ въ борьбѣ съ природою; бомбы въ 3 сеи. въ діаметрѣ и 5 сеи. въ длину — сотни тысячъ людей въ борьбѣ съ гніющимъ, смердящимъ азіатскимъ строемъ. Бомбы, вспыхивающія при паденіи, становятся всемогущими, гдѣ власть сосредоточена, (къ стыду на-

ціи) въ рукахъ одного выродка изъ человѣчества. Пушка убила феодализмъ; бомба Кибальчича убила не только безумную деспотію, но и конституціонную монархію; если онѣ еще загаживаютъ землю, зачумляютъ воздухъ, растлѣваютъ все вокругъ, — онѣ обязаны непониманію геніальнаго открытія: оно слишкомъ просто для нашихъ рутинныхъ умовъ. Отъ револьверовъ, кинжаловъ легко было уберечься, тратя десятки милліоновъ народныхъ денегъ на священныя охраны. Отъ бомбъ, мины, спасенья нѣтъ: крыша, дворъ, окно, улица, хоры храмовъ, дворцовъ, полотно желѣзной дороги грозятъ гибелью. Оговсюду скалитъ зубы смерть; въ ушахъ изверговъ, на мигъ не давая покоя, раздается звонъ оттачиваемой косы. Поразить деспотишку можетъ не только небольшая группа самоотверженныхъ героевъ, но и одинъ человѣкъ, знакомый съ усовершенствованными бомбами; самый роковой часъ наступитъ только тогда, когда революціонеръ одинъ на одинъ пойдетъ на деспота, не боясь предательства и излишнихъ жертвъ. Нѣтъ той власти, которая бы не сдалась, сознавъ, что спасенья нѣтъ. Жерло пушки заставило могучихъ кондоровъ-феодаловъ спуститься съ грозныхъ скалъ въ дворцовую переднюю, они были не чета нашимъ самодержавнымъ зайчишкамъ; они были изумительно храбры, упорны, дики, съ мускулами, твердыми, какъ сталь ихъ панцырей, съ сердцемъ, закаленнымъ въ борьбѣ, какъ лезвее ихъ меча.

Если самодержецъ, окруженный арміями предателей, провокаторовъ, трясущійся въ глухой Гатчинѣ, въ которой хоронился задушенный его прародитель, подброшенный курносый чухонецъ, эпилептикъ Павелъ I, самодержавствуетъ до сихъ поръ, то только потому, что Александръ II былъ въ бозѣ разорванъ во время золотушныхъ, анемичныхъ, полулиберальныхъ начинаній, вѣяній, „но только безъ иллюзій“.

Всероссійскіе Фроловы, съ Катковымъ во главѣ, предложили Александру III, прежде чѣмъ отказаться отъ излюбленныхъ прерогативъ восточной деспотіи, попробовать еще разъ ихъ, ни передъ чѣмъ неостанавливающійся смертоубійственный режимъ; они не скрывали, что ставятъ послѣднюю карту: разъ не спасутъ, то ясно какъ день, что спасенья нѣтъ. Началась борьба

во весь застѣнокъ, неостанавливающаяся передъ вѣшаньемъ женщинъ на крѣпкихъ веревкахъ и мужчинъ на гнилыхъ; въ ходъ снова пущены были: ссылки, казни, истязаніе розгами. Всѣ ужасы, гнусности, накопленные царями, попами впродолженіе вѣковой практики, примѣнены были къ несчастной странѣ... Свирѣпая реакція уже давно бьетъ лбомъ о тюремную стѣну, не зная, что придумать для гибели всей Россіи и спасенья шкуры царя. Можно не только предполагать, но и утверждать, что колоссальный удачный взрывъ покончитъ съ самодержавіемъ навсегда; когда будутъ поражены два режима: режимъ мракобѣсія, не останавливающійся ни передъ чѣмъ и умѣренно либеральный, поневолѣ придется испытывать радикальный.., Не знаю, нужно ли послѣ этого заключенья приводить фразу, облюбленную нашими недоумками: „Вы убьете одну гадину, смазанную въ Успенскомъ соборѣ, выползетъ другая". Къ сожалѣнію, еще не пробовали истреблять нѣсколько коронованныхъ гадинъ подрядъ; случись это, мы думаемъ, что появленіе ихъ нѣсколько замедлилось, онѣ стали бы благонравнѣе, милѣе и задумчивѣе... Не знаю, почему тѣ же господа безъ всякихъ заявленій, обобщеній смотрятъ на казнь убійцъ, на заключенье въ тюрьмы воровъ; они съ большей основательностью могли бы сказать: „Вы казните убійцъ, заключаете воровъ, безпощадно вымѣщаете на нихъ ваши вины и общественные недуги, но статистическая цифра преступниковъ одна и та же, и если она иногда колеблется, то отнюдь не отъ вашихъ казней и заключеній... Но что такое, спрашиваю я васъ, всѣ убійцы, воры передъ такимъ убійцею и воромъ, какъ нашъ самодержавный, православный царь?

Когда террористическіе удары вызовутъ внаружу, по всей Россіи, сгнетенныя силы, и престижъ партіи приметъ размѣры колоссальные, она успѣетъ поставить свои задачи въ уровень со своимъ положеніемъ, воспользуется всѣмъ, что дастъ ей, взволнованная до дна, воскресшая къ новой жизни, нація.

Неоднократные разгромы цѣлыхъ обширныхъ группъ, вслѣдствіе удачной поимки одного крупнаго дѣятеля, невольно, приводитъ къ необходимости учрежденія террористическаго бюро въ самой безопасной странѣ, гдѣ

неприкосновенно жилище, немыслимы осмотры бумагъ и затѣмъ продажа копій съ нихъ тайной, русской полиціи. Независимыя одна отъ другой группы будутъ списываться съ бюро, имѣть съ нимъ свиданья, получать отъ него необходимыя свѣденія и помощь...

Бюро, на мой взглядъ, тотчасъ же по своемъ учрежденіи, должно выпустить въ тысячахъ экземпляровъ брошюру, въ которой ясно для ребенка должны быть изложены всѣ новѣйшія открытія въ области взрывчатыхъ снарядовъ и небесныхъ — виноватъ — адскихъ машинъ. Приговоренные, въ Парижѣ къ тремъ годамъ тюрьмы, террористы довели бомбы, по истинѣ, до чудесныхъ размѣровъ, разрушительная ихъ сила увеличилась на столько же, насколько уменьшился объемъ. Человѣкъ, съ элементарными понятіями въ химіи, съ самыми дешевыми приспособленьями, можетъ приготовить у себя дома, не спѣша, въ одну недѣлю, количество бомбъ, достаточное для взрыва десятка такихъ десятій, какъ всероссійская. Эта святая изъ святыхъ обязанностей была, увы, неисполнена до сего часа революціонерами, посвященными въ тайны приготовленія бомбъ!

Сколько въ Россіи людей, помимо революціонныхъ партій, которые задыхаясь въ омутѣ жизни, не видя выхода изъ униженій, неправды, кончаютъ самоубійствомъ. Кто знаетъ, можетъ быть узнавъ о всемогущихъ орудіяхъ святой мести, дѣлающихъ въ борьбѣ съ чудовищнымъ произволомъ одного человѣка сильнѣе цѣлой арміи, они, потерявшіе страхъ смерти, съ энтузіазмомъ пошли бы на подвигъ, славно бы отомстили за поруганную, поруганную, разбитую жизнь. Вспомните, сколько ужасающихъ негодяевъ поставлено Александромъ III по всей Россіи и какъ, разсчитывая на безнаказанность, они все болѣе, болѣе дурѣютъ, свирѣпѣютъ.

Но многіе могутъ сказать, что главные члены террористическаго бюро должны сами находиться въ огнѣ, въ первыхъ рядахъ, что относительная безопасность ихъ положенія будетъ скандализировать борцовъ, рискующихъ ежесекундно жизнію въ Россіи.

Кто знаетъ русское правительство, улыбнется при мысли о безопасности. Дѣйствительно, опасные революціонеры такъ же не обезпечены въ Лондонѣ, какъ и въ

Россіи: къ членамъ бюро будутъ тотчасъ подосланы наемные убійцы, осатанѣлые провокаторы; имъ будутъ на каждомъ шагу устраиваться отчаянныя западни, и это не только будетъ, но было и есть. Вспомните нападенье на Серебрякова во время низверженія Батемберга, покушеніе на Лаврова въ Кларанѣ, разбой съ грабежемъ два раза подъ рядъ въ типографіи „Вѣстника Народной Воли", арестъ Луцкаго въ Константинополѣ, и чудесное спасенье въ томъ же Константинополѣ, на англійскомъ пароходѣ, васъ самихъ, продѣлки, въ Парижѣ обрѣтшаго пулю въ лобъ, Сильвестрова, оцѣнка головы Подлевскаго; изумительное по своей преступности предложенье бывшаго Ниццкаго консула Патона о выдачѣ пишущаго эти строки. Вспомните изгнанья, травли, осмотры квартиръ, похищенія бумагъ, шпіонства... Не укажи спасенья эмигрантамъ Подлевскій, мы бы еще не то увидѣли! Если злодѣи затихли на время заграницей, то только потому, что хотя и поздно, догадались, что и у революціонеровъ есть внушительныя орудія для борьбы и что правительство, въ лицѣ членовъ многочисленной царской семьи, болѣе въ ихъ рукахъ, чѣмъ они въ его. Но что нѣкоторые изъ предателей поглупѣе и пожаднѣе, пріотдохнувъ, снова попробуютъ приняться за старое—это несомнѣнно: однимъ ударомъ нашу тайную полицію не проучишь.

Террористическое бюро, конечно, не будетъ представлять французскую академію, нашъ государственный совѣтъ; его члены не разъ перемѣнятъ роли съ товарищами, находящимися въ Россіи, не разъ войдутъ въ огонь и не только войдутъ, но и сгорятъ въ немъ.

Опасность, рискъ, каторга, тюрьма, смерть на эшафотѣ — не цѣль, но только фатальный исходъ борьбы въ Россіи. Каждый революціонеръ, прежде чѣмъ начать ее съ мрачнымъ сонмищемъ, навѣрное, прошелъ черезъ, въ своемъ родѣ, молитву въ саду Геѳсиманскомъ, и разъ онъ выступилъ на борьбу, то нѣтъ сомнѣнія, онъ уже не боится не только смерти, но и пытокъ.

Только одною суммою общественнаго добра, революціонной пользы измѣряется революціонеръ; Скобелевское бравированье подъ пулями можетъ во многихъ случаяхъ стать на второй планъ; варьяціи схоластическаго характера на эту тему могутъ легко привести къ из-

любленному всѣми мракобѣсцами „науськиванью“, въ которомъ Катковъ упрекалъ Герцена, за его проповѣдь свободы и добра и къ обвиненію Виктора Гюго въ провокаторствѣ за его знаменитую фразу: „Ты можешь спокойно убить этого человѣка“, т. е Наполеона III.

Нѣкоторые, говоря о террористическихъ ударахъ, ссылаются на прошлыя неудачи, забывая, что бомбы, разрывающіяся при паденіи, появляются въ первый разъ на исторической сценѣ. Поживемъ — увидимъ. Представьте себѣ, что завтра изобрѣтутся не только воздушные корабли, покорные рукѣ человѣка, но и поѣзды; откроются способы приготовленія мяса, хлѣба и прочихъ жизненныхъ, необходимыхъ продуктовъ въ мастерскихъ, химическимъ способомъ, черпающимъ матерьялъ изъ окружающаго насъ воздушнаго океана, неужели, говоря о послѣдствіяхъ такихъ революціонныхъ открытій, вы будете основываться на прошломъ, въ немъ черпать доказательства, разъясненія? Между пистолетомъ Березовскаго и бомбами, испробованными въ окрестностяхъ Цюриха и Парижа (онѣ далеко еще не послѣднее слово) лежитъ такая же бездна, какъ между рыдваномъ мелкопомѣстной помѣщицы конца XVIII вѣка и воздушнымъ кораблемъ Ренара и Кребса. При видѣ лопатки, которой воздушная ламочка рѣзво вскапываетъ грядки для цвѣтовъ, я не приду къ мысли, что ею можно прорыть каменную грудь С.-Готарда. Но созерцая сверлильныя машины и проч. орудія, при помощи которыхъ свершена эта операція, я не усомнюсь, что ее можно будетъ продѣлать и надъ Монъ-Бланомъ.

Прочитывая программы, безукоризненныя съ точки зрѣнія соціалиста-гражданина французской, швейцарской и американской республикъ, я спрашивалъ себя: зачѣмъ придается имъ такое колоссальное значеніе? Довольно не только цѣлаго номера, но и одной страницы, чтобы ясно опредѣлить, къ какой партіи принадлежитъ человѣкъ. Мнѣ кажется, что я узнаю соціалиста даже тогда, когда онъ заговоритъ о погодѣ.

Лично я изъ сотенъ устъ слышалъ ни фразу, ни крикъ, но споръ, который можно, приблизительно, формулировать въ слѣдующихъ словахъ: „Нѣтъ силъ дышать! мы тонемъ въ жидкой, все шире, шире растущейся грязи, замедленіе террористической борьбы, гро-

зитъ мучительною гибелью тысячамъ невинныхъ. Интеллигенція гибнетъ въ ссылкахъ, тюрьмахъ, каторгахъ, крѣпостяхъ; народъ — отъ недоимокъ, голодовокъ, нескончаемыхъ униженій. Для русскаго правительства недостаточны мины, бомбы, адскія машины. Воскресни Дантъ, и онъ, пораженный мерзостными преступленіями. изобрѣлъ бы для него десятый кругъ. Ледяная бездна девятаго круга была бы для такого правительства снисхожденіемъ, чуть не прощеньемъ.

Закончу письмо жалостною вѣстью: навѣрное уже дошло до васъ, что мнимое затишье расплодило пессимистическихъ микробовъ, въ видѣ запятыхъ, а болѣе— точекъ въ головенкахъ не только мелкихъ пташечекъ, но и въ головахъ бывшихъ орловъ. Вѣрнѣе всего, то были не орлы; орлиныя крылья повидимому были подвязаны гнилыми тесемочками, кой-гдѣ пришиты на живую нитку, какъ въ готовомъ дешевомъ бѣльѣ, а клювы приклеены клеемъ, что подклеиваютъ плохіе конверты, удобные для вскрыванья въ черныхъ кабинетахъ. Увы, не парятъ они болѣе надъ тучами, пропастями, снѣжными вершинами, не вперяютъ вѣщихъ очей въ солнце, не раздается въ вольномъ просторѣ могучій крикъ. Не знаю, какъ все произошло, но они стали воронами, отпали крылья, отклеились клювы, разлетѣлись по вѣтру перья, пухъ, сморщились вѣки, а побѣдный крикъ превратился въ безшабашное карканье; сидятъ онѣ общипанныя на оголенныхъ вѣткахъ и во все воронье горло каркаютъ: „Россіи нѣтъ! революціи нѣтъ! революціонеровъ нѣтъ! будущаго нѣтъ! ничего не нужно, ничего нѣтъ! возвращайтесь, господа, скорѣе въ Россію...“

Свою душевную импотенцію, потайное ренегатство, политическое скудоуміе, они нагло переносятъ на великую, полную жизни, націю. Титаническое революціонное движеніе, начавшееся въ 77 году, они считаютъ падшимъ съ Нептуна, Юпитера, Марса; все продѣлывалось, чтобы кого-то удивить, потѣшить, а кой-кого хорошенько попугать; пошалили дѣточки бомбочками и довольно, баеньки пора... Вонь, отъ неопрятно содержимаго собственнаго ночного горшка, они принимаютъ за вонь отъ цѣлой націи, за міровое протухленье; имъ болѣе ничего не хочется, ясно, какъ день, что и цѣлая Россія

ничего болѣе не хочетъ. На молодыхъ людей, жаждущихъ борьбы, правды, и, по неопытности, обратившихся къ нимъ, они производятъ тягостное впечатлѣніе; они распространяютъ вокругъ себя углекислый газъ: послѣ бесѣдъ съ ними, нужно отдышаться на свѣжемъ воздухѣ. Болѣзненно раздражаетъ слухъ битье ослабѣвшими ученками въ пустую грудь. Они, конечно, не сознаютъ, что ихъ эмигрантскій забубенный пессимизмъ могъ бы растрогать Мещерскаго, Суворина: они посовѣтовали бы имъ не терять даромъ краснорѣчіе заграницей, а возвратиться въ Россію, заняться тамъ отрезвленіемъ утонистовъ, энтузіастовъ.

Самые послѣдовательные наши пессимисты въ политикѣ, обыкновенно, потихонечку, полегонечку, припѣваючи, посвистывая, гигикая, доходятъ до зданія у Цѣпного моста; болѣе вертлявые, робкіе — до Чичикова, Молчалина, Балалайкина... Нирвана съ одной стороны; царь, попъ, участокъ — съ другой. „Такъ ведущее насъ провидѣніе указало“.

Іюль. 93.

Владиміръ Львовичъ БУРЦЕВЪ

В. Л. Бурцевъ принадлежитъ къ разряду, особенно замалчиваемыхъ, революціонныхъ дѣятелей и писателей. Это замалчиванье революціонными партіями нашихъ очень выдающихся дѣятелей, выходитъ часто непреднамѣренное: они слишкомъ заняты своимъ дѣломъ и своими партійными дѣятелями. Къ счастью, это вольное или невольное замалчиванье не служитъ ни къ чему. Время дѣлаетъ свое великое дѣло, и не партіи, а просто живая, умная, всѣмъ интересующаяся, безпристрастная публика, въ концѣ концовъ, оцѣниваетъ выдающагося дѣятеля и писателя.

Для Бурцева это свѣтлое время уже наступило. Его огромно цѣнные труды по революціонному движенію, издательство „Народовольца“ заграницей, „Былое“ заграницей и въ Россіи, въ особенности огромный успѣхъ послѣдняго въ Россіи, начинаютъ всѣми оцѣниваться по достоинству. Разъ въ Россіи водворится свобода прессы, мы о Бурцевѣ прочтемъ много очень интереснаго и поучительнаго.

Глубоко симпатичный, скромный, деликатный въ частной жизни, онъ, какъ крайній революціонеръ, поражаетъ неодолимой энергіей, настойчивостью и героическимъ безстрашіемъ.

Онъ пріобрѣлъ, совершенно заслуженно, всемірную извѣстность въ послѣднее время разоблаченіемъ двухъ самыхъ омерзительныхъ, чудовищныхъ, зловредныхъ шпіоновъ-провокаторовъ: Азефа и Гартинга-Ландейзена.

Рискуя жизнію, осыпаемый подозрѣніями, сомнѣніями, чуть не клеветами, со стороны партіи, которую онъ спасалъ отъ разложенія, гибели, жертвуя всѣмъ своимъ большимъ заработкомъ, лишая себя, порой, необходимаго, онъ изо дня въ день, долгіе мѣсяцы собиралъ обличительный матеріалъ, и благодаря утонченнымъ сопоставленіямъ, упорнымъ наблюденіямъ, фантастической догадливости и, поистинѣ, чудесно добытаго признанья Лопухина, онъ, наконецъ, восторжествовалъ вполнѣ... Были дни, когда этотъ стальной, нужнѣйшій для революціонной борьбы человѣкъ, изнемогалъ и готовъ былъ, въ случаѣ неудачи, пустить себѣ пулю въ лобъ.

Для всѣхъ революціонныхъ партій онъ свершилъ великое, святое, незабвенное дѣло, и если центральный комитетъ, въ скоромъ будущемъ, свершитъ чудеса, онъ будетъ обязанъ В. Л. Бурцеву.

Разрушались впродолженіе десятка лѣтъ всѣ заговоры, останавливались праведные, грозные удары только благодаря пребыванью въ охранѣ Азефа и Ландейзена.

Сентябрь, 910.

Еще о терроръ

„И если робкое сомнѣніе медлитъ съ дѣломъ
И гибнетъ въ нерѣшительной тревогѣ,
Три четверти тутъ трусости постыдной,
И только четверть мудрости святой".
Гамлетъ.

Я держался всю жизнь правила: никогда не вступать въ зловредную, пріятную правительству, полемику съ товарищами по одному дѣлу. Я сознавалъ, что гнѣвъ, презрѣнье, желчь, я могу всегда съ пользою излить на палачей Россіи и на ихъ подлыхъ прихвостней. Но по поводу полемики, возникшей между „Искрой" и „Революціонной Россіей", я позволю себѣ высказать нѣсколько замѣчаній.

По моему уразумѣнію, никакой геній, никакіе новые Марксы, Лассали, Энгельсы не въ состояніи, не смотря на свою исполинскую мощь, создать терроръ, разъ онъ не сталъ исторической необходимостью; но точно также и остановить его, разъ онъ красный плодъ, напитанный въ корнѣ мученической кровью земли русской, логичный продуктъ сложнѣйшихъ комбинацій психологическихъ, патологическихъ и экономическихъ. Мы, писатели, можемъ только констатировать отрадное, фатальное явленіе, отмѣчать его для будущей исторіи, указывать на его ростъ, разъяснять значеніе. Остановить его одному человѣку или группѣ людей, такъ же невозможно, какъ остановить рукою летящую съ неба молнію.

Споръ между противниками и защитниками террора, въ нѣкоторомъ родѣ, споръ между лимфою и красными

шариками крови. Можетъ быть, я ошибаюсь, но мнѣ кажется, что доктрина и лимфа тяготѣютъ другъ къ другу, въ силу химическаго сродства. Красные шарики, напротивъ, отличаются жизненной подвижностью, способностью ассимилировать жизненные элементы, всасывать въ себя живительный кислородъ.

Предположеніе, что рабочіе и народъ увидавъ, что за нихъ расправляется боевая партія, подъ конецъ, сложатъ на пустой груди пустыя руки, погрузятся въ dolce far niente, врядъ ли можетъ быть доказано, безъ подтасовокъ историческихъ фактовъ, и если бы даже такіе факты чудомъ сыскались, они ничего бы не доказали. Жизнь, наука, неустанно, выдвигаютъ новую тактику, новыя поразительныя орудія для нападенія. Не изобрѣти Кибальчичъ бомбъ, вспыхивающихъ при паденіи, и величайшій, доблестнѣйшій актъ русской исторіи не свершился бы; историческая Немезида не восторжествовала бы. Терроръ партійный, сознательный и терроръ народный стихійный, во всѣ вѣка, у всѣхъ народовъ, были высочайшимъ выраженіемъ чрезмѣрно накопившейся революціонной энергіи. Подвиги сказочнаго мужества, самоотверженья, безпредѣльной любви были движущими, обновляющими націю силами. Для деспотіи, сосредоточенной въ небольшой кучкѣ слѣпыхъ палачей, только одинъ систематическій терроръ страшенъ. Люди шкуры смертельно боятся только ударовъ въ шкуру.

Они неистовствуютъ, безобразничаютъ надъ несчастною страною изъ за наградъ, повышеній, депегъ; но на что имъ все это, разъ пуля или бомба не дадутъ имъ насладиться даяніями свыше?

По безумной отвагѣ, находчивости застрѣльщиковъ, можно судить объ отвагѣ, находчивости надвигающихся за ними ратей „страшно медленныхъ, какъ тучи“. Побѣдоносное пробужденье въ группахъ — симптомъ такого же пробужденья въ массахъ. Все болѣе и болѣе разгорающееся революціонное движеніе послѣднихъ лѣтъ, неразрывно связано съ террористическими уроками, данными „Народною Волею“. Конечно, было бы неизмѣримо лучше, если бы партію „Народной Воли“ поддержали рабочіе и народныя массы, но они ее не поддержали, не потому, что думали сваливать на ея бо-

гатырскія плечи расправу за всѣхъ, но потому, что не были готовы, не сознавали своихъ правъ, своихъ силъ, не были организованы. Въ настоящее время кругъ революціоннаго движенія расширился и, по мѣрѣ его расширенія, будутъ все грознѣе, грознѣе становиться боевые авангарды, и, конечно, удары, своею мощью, превзойдутъ минувшіе.

Настоящій терроръ только нарождается, онъ еще не вышелъ изъ фазы револьверовъ, кинжаловъ; только по его интенсивности, мы будемъ въ состояніи судить о революціонной зрѣлости массъ. У насъ, въ Россіи, терроръ — политическій барометръ, его то затихающая, то быстро двигающаяся стрѣлка укажетъ намъ приближеніе урагана. Заразительность подвига — отрадный, психологическій фактъ.

Манифестаціи, безъ оружія въ рукахъ, подлая смерть подъ казацкими кнутами — отрыжка вѣковаго рабства, холопскаго смиренья. Смерть подъ копытами казацкихъ лошадей, подъ коблуками, съ гвоздицами, полицейскихъ, подъ розгами въ участкахъ или на площади, — не доблестная смерть гражданина, но собачье околѣванье, съ поджатымъ хвостомъ, жалобнымъ визгомъ, молящимъ о пощадѣ взоромъ. Если бы подобныя манифестаціи, полныя психопатіи, истеризма, сгубившія уже сотни жизней, не были явленіями переходящими, они могли бы возбудить только черный пессимизмъ, отвращеніе. Не нужно разворачивать красное знамя, разъ въ жилахъ течетъ бѣлая слизь.

Мы раздѣляемъ вполнѣ взгляды военнаго, высказанные въ маленькой брошюрѣ: „Объ уличныхъ безпорядкахъ“, брошюрѣ, почему то обойденной широкимъ молчаніемъ. По моему, она заслуживаетъ совсѣмъ другой участи. Своею здравостью, революціонной прозорливостью, логичностью, своевременностью, она рѣзко выдѣляется изъ всей революціонной литературы; ее слѣдовало бы распространить въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ. Мы не знаемъ имени автора и пользуемся случаемъ выразить ему самое искреннее сочувствіе. Замалчиваніе, въ иныхъ случаяхъ — дѣйствіе мелкое, низкое, недостойное революціонной морали; чаще всего, оно недостигаетъ цѣли: публика, стоящая внѣ партій, въ сущности, зоркій, чуткій наблюдатель, судья праведъ-

ный, въ общемъ безпристрастный; возмущенная молчаніемъ, она рано или поздно, еще съ большимъ жаромъ набросится на замалчиваемое; она знаетъ, по долгому опыту, что, чаще всего, замалчивается не слабое, но очень сильное.

Казнь, обрушивающаяся послѣдовательно на выдающихся мерзавцевъ, въ родѣ Оболенскаго, Валя, Богдановича, развяжетъ быстро руки крестьянамъ, рабочимъ, быстро вложитъ въ ихъ мускулистыя руки дреколья, косы, вилы, ножи револьверы, а въ недалекомъ будущемъ — бомбы. Чудная, сильно популярная, народная пѣсенка: „Ой, дубинушка, ухнемъ!“ наконецъ всюду приложится на практикѣ.

Можетъ быть, я недостаточно наблюдаю всероссійское движеніе, но мнѣ кажется, что казнь Сипягина отнюдь не понизила революціоннаго настроенія массъ, не заставила ни одинаго рабочаго сложить руки. О томъ, какъ относится публика къ террору, можно судить по отчетамъ пожертвованій на боевую организацію. Неизвѣстныя лица, почти каждый мѣсяцъ, жертвуютъ на рискованный, часто неудающійся, ударъ, по двѣ, по три и даже четыре тысячи рублей. Сравните эти, по истинѣ поразительныя суммы, возбуждающія невольный восторгъ, съ пожертвованьями на журналъ, ведущій печальную, не особенно убѣдительную полемику съ „Боевой организаціей“. Стоитъ только вникнуть въ нашъ безумный, по ужасу, строй, чтобы понять всю неизбѣжность террористической борьбы. Скоро самодержавіе доведетъ до бѣлаго каленья всю страну.

На глазахъ всего міра, стоящій во главѣ правительства, слѣпой, глухой ко всему, узколобый полицейскій Плевелъ, осмѣлился съ усмѣшкой, смакованьями заявить, что будетъ драть розгами курсистокъ, при малѣйшемъ безпорядкѣ; затѣмъ нагайками, розгами, тюрьмами, висѣлицами, въ нѣсколько мѣсяцевъ, вгонитъ всю поднявшуюся Россію въ самодержавный, полицейскій участокъ, въ третьеотдѣленскій застѣнокъ.

Вся Россія находится въ состояніи кошмара, она въ осадномъ положеніи; междуусобная война кипитъ всюду, никто не увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ. Жандармы и полицейскіе разбойники рыщутъ не только по городамъ, но и по деревнямъ; всюду повальные аресты,

заточенья въ тюрьмы, ссылки. Университеты и большая часть высшихъ школъ открываются и закрываются нѣсколько разъ въ годъ; лютое шпіонство, хуже турецкаго, всюду. На нашихъ глазахъ безоружныхъ людей за одинъ только, всюду раздающійся крикъ: „долой проклятое самодержавіе!“ забиваютъ плетьми, саблями наголо; студентовъ, студентокъ, при первой невинной манифестаціи, топчатъ каблуками, загоняютъ нагайками въ участокъ, а изъ участка — въ тюрьму, Сибирь. Чуть не сорокъ лѣтъ насъ давитъ, свинцовою крышкою гроба, кровожадная, безсмысленная реакція, сдурѣвшее мракобѣсіе. На алтарь самодержавному чудищу—Молоху встаскиваются почти ежедневно, въ продолженіи десятковъ лѣтъ, тысячи, трепещущихъ въ мукахъ жертвъ. Насъ бьютъ и кнутомъ, и крестомъ. Надъ нами разгуливаетъ, съ гоготаньемъ, во всемъ дикомъ цинизмѣ, нагой, вполнѣ азіатскій произволъ. На истязателей, надругателей сыпятся награды, повышенья. Особенно выдающіяся преступленія, въ родѣ засѣканій до смерти крестьянъ. рабочихъ, — вѣрнѣйшій путь къ самымъ высшимъ должностямъ. И къ этому бреду бѣлой горячки, ставшимъ нормою нашей жизни, прибавьте травлю несчастныхъ евреевъ. Въ Кишиневѣ, по приказанію свыше, солдаты и полиція два дня оберегаютъ, заранѣе подготовленную шайку омерзительныхъ воровъ, убійцъ; подъ аплодисменты власти, убиваютъ, грабятъ, истязуютъ, выбрасываютъ въ окна. На глазахъ отцовъ, матерей, насилуютъ дѣвушекъ, дѣтей; старикамъ вбиваютъ ржавые гвозди въ глаза, разбиваютъ имъ головы о стѣну. Стоны, вопли истязуемыхъ евреевъ встрѣчаются хохотомъ пьяной полиціи, свистомъ нагаекъ. Послѣ этихъ вакханалій звѣрства, средневѣкового варварства, затмившихъ преступленія краснаго султана. Плевелъ объявляетъ въ слегка замаскированной формѣ, что такъ поступитъ со всѣми евреями, разъ въ ихъ средѣ не прекратится революціонная пропаганда; ввиду спасенья, они должны посыпать главы пепломъ, облечься въ вретища.

Не трудно предсказать, что револьверамъ, какъ орудіямъ непозволительно невиннымъ, требующимъ для нанесенья удара чуть не геніальной изобрѣтательности, скоро придетъ конецъ, выступятъ на сцену снова

всемогущія орудія борьбы. Отъ взрывающихся при паденіи усовершенствованныхъ бомбъ не спасутъ ни охраны, ни стальныя кареты, ни обыскиванья, ни переодѣванья, ни самыя изощренныя предосторожности. Революціонная изобрѣтательность неистощима. Тайна, неожиданность — непобѣдимыя силы. Кибальчичъ, Дембскій и десятки другихъ завѣщали магическія, радикальныя средства, малыя объемомъ, они произведутъ чудеса; взволнованная до дна страна, безпрерывно будетъ выдвигать все новыхъ, все болѣе изощренныхъ бойцевъ, героевъ.

Заканчивая статью, не могу не упомянуть объ упущеніи, на которое мнѣ указывали, безчисленное число разъ, люди, глубоко сочувствующіе революціонной борьбѣ. По всей Россіи раздается боевой кличъ: „Долой самодержавіе!“ Но могутъ ли революціонныя партіи, положа руку на сердце, сказать, что онѣ разъяснили ясно, толково, своевременно: что представляетъ собою царь? Почему, послѣ половинчатыхъ реформъ Александра II, самодержавіе не только остановилось, но и стало пятиться? Разъяснили ли они психику фараончика, въ силу безумно нелѣпаго воспитанія, нечеловѣческаго положенья, обреченнаго, неизбѣжно, на абсолютное безволіе, поразительно быстрое вырожденіе? Указывали ли они на всю нелѣпость ходячихъ мнѣній, приписывающихъ волю, чуть даже не желѣзную, чурбану—Николаю Палкину I, и комичнѣе всего, — свинцовому Александру III? Въ своихъ брошюрахъ, листкахъ, прокламаціяхъ, какъ и приличествуетъ соціалистамъ, они много говорили о борьбѣ съ капиталомъ, изливали много желчи на бездушныхъ фабрикантовъ, и сравнительно вскользъ, упоминали о царѣ. Читая запрещенную литературу, можно подумать, что мы опочиваемъ подъ сѣнью демократической республики. Преступленія, грабежи имѣютъ свои градаціи. Нельзя говорить объ обыкновенныхъ ворахъ, убійцахъ болѣе чѣмъ о необыкновенныхъ, гиперболическихъ.

Рабочій сумрачно взираетъ на фабриканта, крестьянинъ — не менѣе сумрачно на помѣщика, попа, чиновника, полицейскаго; иллюзіи, апотеозы вполнѣ отсутствуютъ, тогда какъ по увѣренію самихъ революціенеровъ, въ глухихъ мѣстахъ рабочіе и крестьяне

выдѣляютъ изъ числа своихъ враговъ самаго зловреднаго, лютаго, самаго закоренѣлаго врага — царя. Царь представляетъ собою максимумъ, вершину всѣхъ золъ. Въ царѣ, его безчисленной фамиліи, въ поддерживающихъ его высшей бюрократіи, дворянствѣ, охраняющей его жандармеріи, тайной и явной полиціи, сосредоточены всѣ самыя лютыя преступленія противъ націи, всѣ грабежи, безумія, непстовства, надруганья. Черныя банды, съ стоящими въ ихъ главѣ великими князьями,—наглыми, невыносимо зазнавшимися, дикими, распутными, пожирающими десятки милліоновъ народныхъ денегъ,— стали чудовищною обузою, кровавымъ оскорбленіемъ страны. Самодержавіе убиваетъ не только тѣло, но и душу націи, оно — сдиратель шкуры, гонитель души, всеобщій растлитель. Капиталисты подлежатъ суду, закону, самодержавіе внѣ, выше закона; „честные“ доходы фабрикантовъ всюду начисто зовутся грабежами; грабежи царя, его фамиліи, въ тысячу разъ болѣе ужасные, именуются: удостаиваньями, осчастливиньями. Капитализмъ можетъ уживаться съ самымъ свободнымъ политическимъ строемъ, вродѣ американскаго, швейцарскаго, чѣмъ и даетъ себя медленно подкапывать, онъ поддается прогрессу, идетъ на компромисы. Самодержавіе — полное отрицаніе въ корнѣ всякой свободы; свершивъ циклъ для него возможнаго, оно, фатально, обречено всюду вносить смерть, опустошеніе, разложеніе, растлѣніе. Царь, съ семьей получаютъ, не боясь кризисовъ, банкротства, ничего не дѣлая, исключая страшнаго, невѣроятнаго зла, такія безобразно колоссальныя суммы, что только доходъ всѣхъ капиталистовъ взятый вмѣстѣ, могъ бы сравняться съ ними; они владѣютъ дворцами, заводами, золотыми розсыпями и удѣлами, по количеству земли, превосходящими всю крестьянскую землю всей Россіи, и удѣльное вѣдомство фигурируетъ въ государственномъ бюджетѣ, собственность царской семейки управляется на государственный счетъ. Всѣ дворцы, заводы, земли не подлежатъ налогамъ, государство теряетъ на нихъ милліоны. Тайная полиція, съ своими безчисленными развѣтвленіями въ Россіи и даже за границей, на которую бросаютъ десятки милліоновъ, существуетъ исключительно для защиты, спасенья самодержавія. Толкуя о

пьявицахъ, не нужно упускать изъ вида самодержавнаго спрута, раскинувшаго свои ужасныя, присасывающіяся ко всему плети, по всей Россіи. При той революціонной проповѣди, которая ведется теперь, рабочія и народныя массы могутъ совсѣмъ потерять масштабъ для измѣреній, начнутъ смѣшивать мелкія, жалкія преступленія съ высочайше, широчайшими, августѣйшими.

Утѣшаемъ себя, что забвенье дѣйствительности, висящей надъ нами, подобно мечу Дамоклеса, длиться долго не можетъ. Всеобщій, повсюдный крикъ: „Долой проклятое самодержавіе!“ волей неволей, заставитъ остановиться революціонерамъ всѣхъ партій на этомъ роковомъ, наиважнѣйшимъ для всей Россіи пунктѣ.

1903 г.

КЪ НАРОДУ

(Слово о царѣ)

Мы много разъ спрашивали себя, на какомъ основаніи, слѣдуя слѣпой рутинѣ, называютъ нашу „власть тьмы“ правительствомъ? Губить, грабить не значитъ править. Въ концѣ XIX вѣка удостаиваютъ названьемъ правительства только ту власть, которая правитъ съ выборными отъ всей націи. При выборныхъ, само собою, неизбѣжно, освобождаются: слово, печать, разрѣшаются собранья, митинги, всевозможные протесты, требованья. Нельзя служить націи, не зная всего, что творится въ ней, не прислушиваясь къ свободному, общественному мнѣнію. Злоупотребленья, нарушеніе законовъ разоблачаются не однѣми газетами; выборные имѣютъ право въ національномъ собраніи, не стѣсняясь въ выраженьяхъ, громить ихъ, и крамольныя рѣчи печатаются на казенный счетъ, во всеобщее назиданье.

Государственные приходы, расходы повѣряются выборными, вотируются ими. Монархъ, хотя и получаетъ безобразно громадное жалованье, отнюдь не по заслугамъ, но оно строго опредѣлено; запусканье рукъ въ государственное казначейство немыслимо. Въ Швейцаріи президентъ, избираемый на одинъ годъ — чтобы не зазнался и не свихнулъ съума — получаетъ менѣе нашего полицмейстера и даже провокатора, посылаемаго за границу.

Рабочіе имѣютъ право собираться, свободно толковать о своихъ нуждахъ, планахъ освобожденья. Всякій имѣетъ право не только открыто не вѣрить, но и принимать какую угодно вѣру и проповѣдывать ее своимъ ближнимъ; всѣ національности имѣютъ одинаковыя права. Евреевъ не загоняютъ въ особенные города, кварталы, ихъ не бьютъ, не рѣжутъ, не истязуютъ по настоянью правительства за то, что межлу ними, часто, встрѣчаются свободные, самоотверженные люди; имъ

вѣчно не мстятъ за плохо выдуманнаго бога, за небывалое распятіе.

Министры, нѣтъ, сомнѣнія, отвѣтственны передъ представителями народа, за вольныя и невольныя шалости и пакости.

Чтобы достигнуть власти, требуются, хоть въ маломъ количествѣ: умъ, образованье, знанье своей страны, ея нуждъ, хоть какія-нибудь заслуги передъ родиной и, до извѣстной степени, безупречное прошлое.

У насъ все благополучно на бумагѣ, и страшно неблагополучно въ жизни. Сами камни, сама земля вопіютъ противъ деспотіи ежегодными неурожаями. Всякая форма правленія обнаруживаетъ себя сверху до низу; все тѣсно, неразрывно связано, послѣдовательно вытекаетъ одно изъ другого. Самодержавіе — каторжная цѣпь; всѣ его учрежденья—звенья этой цѣпи—крѣпко спаянныя. Не даромъ всѣ народы лили кровь потоками за перемѣну формы правленія.

Благодаря самодержавію, мы самая отсталая страна въ цѣломъ мірѣ.

На нашу слѣпую, тупую, глухую, свирѣпую власть всѣ указываютъ съ отвращеніемъ, презрѣньемъ. Если ищутъ съ нами союза, то только, какъ съ мясниками Ножевой линіи, убійцами, способными по свистку деспотишки и его банды, избивать кого угодно.

Мы не смѣемъ не только свободно говорить, писать, читать, но и молчать, когда намъ угодно. За книгу, дозволенную во всѣхъ странахъ, у насъ сажаютъ въ тюрьму, ссылаютъ, по усмотрѣнію тайной полиціи, въ Сибирь. Судьи у нас подлые прислужники власти . . .

Во всѣхъ странахъ можно получать, изъ всѣхъ другихъ странъ, какія угодно книги, газеты. У насъ всѣ книги, идущія изъ заграницы, попадаютъ въ цензуру, обогащаютъ библіотеки цензоровъ, а газеты, разъ въ нихъ встрѣчаются полныя правды статьи о Россіи, испещряются черными, какъ душа чернаго кабинета, чернилами.

Во всѣхъ странахъ всякое письмо „святая святыхъ“ души человѣка, неприкосновенно; у насъ они бы всѣ вскрывались, если бы представлялась возможность.

Своихъ сокровенныхъ мыслей у насъ никто не повѣряетъ письму: всѣ боятся подлаго глаза шпіона, мерзкихъ лапъ доносчика.

Для переѣзда изъ одной страны въ другую, нигдѣ не требуются паспорты; у насъ они требуются не только для выѣзда за границу и въѣзда въ Россію, но и для поѣздки въ мелкій, сосѣдній городишка, и при немъ еще нужна хвалебная пѣснь роднаго участка, отчетъ о тайныхъ помышленьяхъ. Насъ водятъ, какъ собакъ, въ намордникахъ и на веревочкахъ.

Собранія рабочихъ у насъ разгоняются нагайками. За мирный, невинный протестъ противъ невѣроятныхъ безобразій, образованныхъ юношей и дѣвушекъ топчутъ коблучищами, съ острыми гвоздями, бьютъ до полусмерти плетьми. Намъ нельзя ни устно, ни печатно, не вѣрить, ни перемѣнить вѣру и открыто ее проповѣдывать. Не наша алчущая правды душа, не наша чуткая совѣсть, но попъ и полицейскій даютъ намъ бога, вѣру совѣсть. Крестъ и кнутъ у насъ единосущны, нераздѣльны. Попы могутъ намъ съ амвона церквей, кафедръ всѣхъ школъ молоть позорную до ужаса, святую галиматью, отъ которой молоко можетъ скиснуться, могутъ не только разсказывать „доходныя басни“, но и продѣлывать публично доходные фокусы. Мы же не имѣемъ права, опираясь на науку, разумъ, изобличать ихъ преступныя глупости, растлѣвающія народныя массы.

Во всѣхъ странахъ считается варварствомъ сѣчь школьниковъ. У насъ пытаютъ розгами по голому тѣлу публично взрослыхъ, нерѣдко стариковъ. Каждый годъ по всей Россіи насчитываютъ тысячи опозоренныхъ, истерзанныхъ. Если бы въ Европѣ власть вздумала публично выпороть крестьянина или рабочаго, палачей сожгли бы на медленномъ огнѣ, или же разорвали въ клочья.

Достигаютъ у насъ высшихъ, государственныхъ положеній цѣлованьемъ царскихъ рукъ, выливаньемъ царскихъ горшковъ, наглой лестью, пролазничествомъ, протекціями, жаркимъ холопствомъ, готовностью идти на всевозможныя преступленья. Чѣмъ ближе субъектъ къ престолу, чѣмъ болѣе обвѣшанъ шутовскими цацками, обремененъ чинами, тѣмъ онъ глупѣе, невѣжествен-

нѣе, подлѣе, преступнѣе и ничтожнѣе. Это гробы, разукрашенные снаружи, полные червей, вони внутри.

Образованныхъ, умныхъ, честныхъ, прямыхъ людей, кладущихъ всѣ силы на служенье своей злосчастной странѣ, желающихъ объяснить ей все зло, всю неправду и средства избавиться отъ нихъ, заточаютъ безъ суда въ тюрьмы, ссылаютъ въ Сибирь; жестокостью доводятъ ихъ до самоубійства, сумасшествія; ихъ губятъ одиночнымъ заключеньемъ, пытаютъ, вѣшаютъ въ потьмахъ; имъ отказываютъ въ судѣ присяжныхъ, которымъ судятъ самыхъ тяжкихъ, простыхъ убійцъ. Для нашихъ лучшихъ людей, легендарныхъ героевъ, по всей Россіи, воздвигаютъ эшафоты, а въ другихъ странахъ, такимъ людямъ воздвигаютъ монументы.

Во всѣхъ странахъ, не только разрѣшается быть соціалистами, но ихъ, съ тріумфомъ, выбираютъ въ парламенты, муниципальные совѣты; ихъ рѣчи раздаются въ парламентахъ, собраньяхъ, печатаются въ газетахъ. Сами враги сознаютъ ихъ громадную силу, чувствуютъ, что имъ принадлежитъ будущее, называютъ XIX вѣкъ, вѣкомъ рабочихъ. У насъ соціалисты имѣютъ право не засѣдать, но только сидѣть въ тюрьмахъ, ихъ не выбираютъ, а хватаютъ. При самодержавномъ режимѣ могутъ быть попущенья, но не можетъ быть тѣни настоящей, прочной свободы. Нелѣпый, безвольный деспотъ, смотря по окружающимъ его, можетъ, на короткое время, размякнуть, стать даже деликатнымъ, добрымъ, но то доброта самодура-помѣщика былыхъ временъ, — мы, все таки, остаемся его безправными холопами. Нынче погладитъ, рявкнетъ: „Молодецъ, хвалю!“ Завтра — скрутитъ въ баранiй рогъ. Нынче выкинетъ подачку, завтра — сдеретъ послѣднюю шкуру. Нынче чмокнетъ въ уста, завтра — плюнетъ въ ротъ и надаетъ оплеухъ. Вездѣ люди — граждане. У насъ — холопы, холуи, рабишки, лакеи, низкоподданные. Вездѣ правительство имѣетъ претензію существовать для націи; у насъ вся нація презентуется правительству. Въ жизни и манифестахъ царь съ чиновною обузою на первомъ планѣ, отечество — на послѣднемъ. Твердые и совсѣмъ закаменѣлые администраторы упражняютъ на отечествѣ свою полную импотенцію, на немъ, отъ скуки, играютъ: „Боже, царя храни!“ „Славься на

страхъ врагамъ“ и „Камаринскаго“. Административные взгляды на правленье ничего не имѣютъ общаго со взглядами, принятыми въ другихъ странахъ. Все у насъ — внѣ времени и пространства. Мы тратимъ на царишку, его семью, всѣхъ его дальнихъ, близкихъ родственниковъ, на поддерживающую ихъ жандармерію, явную, тайную полиціи такія безумныя деньги, что на нихъ могли бы водворить по всей Россіи,вплоть до глухой деревушки, даровыя, обязательныя школы для всѣхъ, обширныя читальни, больницы. а въ большихъ городахъ — народные театры, дворцы труда. Страшно подумать, что Россія, до настоящей минуты — царская вотчина. Поголовное ограбленіе царемъ всей націи считается радостнымъ осчастливеньемъ, безконечно, безпредѣльно пріятнымъ удостаиваньемъ Послѣ наисильнѣйшихъ обдираній, непремѣнно требуются восторженные, полные трепетныхъ обожаній, адресы. Рабочіе другихъ странъ ѣдятъ бѣлый хлѣбъ постоянно и нѣсколько разъ въ недѣлю — мясо; пьютъ за столомъ вино или пиво, потребляютъ сахаръ, кофій; живутъ, хотя и въ бѣдныхъ, но домахъ, спятъ на постеляхъ, имѣютъ бѣлье; хозяева должны обращаться съ ними, какъ съ людьми, гражданами. Мы этого, немногаго, не имѣемъ. Наши рабочіе ѣдятъ черный съ примѣсями хлѣбъ, съ постною похлебкою, пьютъ кислый квасъ въ будни и сивушную отраву, обогащающую правительство, въ праздники. Живутъ въ баракахъ или звѣриныхъ логовищахъ; спятъ на войлокѣ, или прямо на голомъ полу, прикрываются рванью. Имъ всѣ тыкаютъ, частенько тайкомъ бьютъ; у нихъ нѣтъ защиты, нѣтъ ни малѣйшихъ правъ, имъ некуда обратиться. Ихъ защитники, печальники въ тюрьмахъ или Сибири. Жалобы, протесты, недовольство считаются бунтомъ, потрясеньемъ какихъ-то основъ, превратнымъ толкованіемъ. Недоразумѣнья съ фабрикантами улаживаютъ кровожадные опричники; оливковую вѣтвь мира, блестяще, замѣняетъ плеть, съ свинцомъ въ наконечникѣ. Если же чаша смертельныхъ страданій начнетъ бить черезъ край, и рабочіе, съ ломами, камнями въ рукахъ, осадятъ свою каторгу, мгновенно, появляются царскія войска, и горемычный братъ горемычнаго рабочаго — солдатъ пус-

каетъ пулю въ безоружнаго, надругивается надъ нимъ всласть.

Рабочіе другихъ странъ, на многихъ фабрикахъ работаютъ десять часовъ въ сутки, а скоро, благодаря неустанной борьбѣ за свои святыя права, будутъ работать восемь. У нихъ есть свои газеты, библіотеки, читальни, кассы, рабочіе дворцы, залы для собраній, театры. У насъ рабочіе тянутъ жилы отъ двѣнадцати до четырнадцати часовъ въ сутки, получаютъ на половину менѣе, и, конечно, не имѣютъ ни газетъ, ни библіотекъ, ни лекцій, ни театровъ. Время отъ времени, имъ пихаютъ въ руки жандармо-поповскую блевотину: брошюры отчаяннаго мерзавца, генерала Богдановича; рабочіе, обходящіеся безъ бумажекъ, пользуются даровой раздачей — подтираются православіемъ, самодержавіемъ, благостью божіей.

Во всѣхъ странахъ существуютъ даровыя школы, гдѣ преподаются полезныя, необходимыя народу, знанья; народу ничего не навязывается насильно черезъ полицію, жандармовъ. У насъ, вмѣсто школъ, отвратительныя церковныя западни; въ нихъ толкаютъ несчастныхъ дѣтей съ завѣтною мыслію: забить дѣтскія головки варварскими суевѣріями, нелѣпѣйшими, ветхозавѣтными предразсудками, чудесною чепухою и выпустить, на пагубу родины, вѣрныхъ царскихъ и церковныхъ холуевъ. Школы не для народа, но для деспотіи.

Никогда не вѣрьте тѣмъ недоумкамъ, а чаще всего замаскированнымъ хамамъ, увѣряющимъ, что дѣло не въ формѣ правленья, что это только кличка. Россія головой, спиной, боками, задомъ изучаетъ свою форму давленья, т. е. правленья. Деспотія вся исчерпалась реформами Александра II и дальше, не пожравши себя, идти не можетъ; сорокъ лѣтъ она или топчится на мѣстѣ, или идетъ назадъ; чтобы спастись, она должна только отбирать; шагъ впередъ — это европейская конституція. Не забывайте старой аксіомы, что царь намъ кажется большимъ потому только, что мы безстыже идіотски валяемся передъ нимъ на животѣ; стоитъ намъ приподняться, и все его полнѣйшее ничтожество выйдетъ тотчасъ же внаружу. Помните, что онъ—мерзкій идолъ, требующій безчисленныхъ человѣческихъ жертвъ; глухой на все доброе, слѣпой на все свѣтлое;

въ силу рожденья — онъ выродокъ; въ силу чудовищнаго воспитанія — игрушечный болванчикъ, слѣпое орудіе въ рукахъ окружающихъ, черныхъ, безстыжихъ бандъ. Обезволеннаго фараончика, съ дѣтства, напитываютъ взглядами на себя, на окружающихъ, на народъ, до такой степени невѣроятными, что они превосходятъ сумасшедшій домъ.

Первые христіане разбивали прежде всего идола дубиною, и когда, вмѣсто каравощихъ молній съ неба, изъ подъ него, снизу, выбѣгали испуганныя крысы, то толпа начинала хохотать, а, затѣмъ, плевать на идола.

Помните, что царь убиваетъ не только тѣло, но и душу націи; спутываетъ всѣ понятія, превращаетъ всю Россію въ домъ умалишенныхъ. Мы не умѣемъ отличить чернаго отъ бѣлаго, огромнаго отъ крошечнаго, Монъ-Блана отъ чумного микроба, великаго добра отъ вопіющаго зла, достойнаго отъ недостойнаго, подлаго отъ честнаго, подвига отъ безобразія. Мы часто спутываемъ Комиссарова съ Желябовымъ. Мирныхъ путей нѣтъ для насъ, и пока у насъ царь, ихъ не будетъ. Чѣмъ сильнѣе затишье, тѣмъ наглѣе издѣвательства, разбой, гребежъ, произволъ. По мѣрѣ роста смиренья будетъ расти остервенѣніе власти. Въ непрерывномъ террорѣ, непрерывной революціи — спасенье. Поймите разъ навсегда, что стоящая во главѣ правленья шайка палачей, идіотовъ, хочетъ колоссально грабить, безумно самоуправствовать, чтобы пользоваться, при этомъ, полною безнаказанностью, она, неизбѣжно, должна душить мысль, преслѣдовать печатное слово, губить въ зародышѣ всѣ человѣческіе порывы, все свободное и честное. Всѣ эти гады понимаютъ не хуже насъ, что они не только недостойны управлять великою страною, но и пасти свиней, Они понимаютъ, какое безуміе, дерзость заключаются въ томъ, что они — послѣдняя дрянь, указываютъ милліонамъ образованныхъ людей, что читать и какъ мыслить.

Богдыханъ Никулангъ-сю

Страна, гдѣ совѣсть-вещь пустая,
Гдѣ царствуютъ: кулакъ, нагайка, розги, штыкъ,
Два, три нуля, четыре негодяя
И глупый, мерзостный царь-шишкъ.

Великій Петръ уже давно
Въ Европу прорубилъ окно,
Но затрудненье лишь одно:
Въ окнѣ желѣзная рѣшетка.

Понемножку назадъ, да назадъ,
На такую мы станемъ дорожку,
Что загонятъ насъ всѣхъ, какъ телятъ,
За Уральскій хребетъ, понемножку.

Мы воздвигнемъ себѣ монументъ,
Монументовъ всѣхъ выше и краше,
И въ одинъ колоссальный Ташкентъ
Обратится отечество наше.

Наши горькія предчувствія сбылись. Трудно было ожидать чего нибудь путнаго отъ чахленькаго отпрыска, вполнѣ выродившагося Александра Ш. Все кончилось бухарщиной, богдыханщиной.

Изъ дворцоваго желтаго дома, дворцоваго, гнуснаго вертепа, можетъ выйти или зловредный сумасшедшій, или нравственный идіотъ. 17 Января, въ присутствіи чуть не шестисотъ представителей сословій, манекенчикъ, дергаемый за веревочку, пропищалъ о „безсмысленныхъ мечтаньяхъ“ Желтый домъ, разбойничій вертепъ признаны разумной дѣйствительностью, а свобода, человѣческія права. человѣческое достоинство, воцарившіяся во всемъ цивилизованномъ мірѣ — „безсмысленными мечтаньями.“ Снова, какъ мечъ Дамоклеса, повисъ надъ нами лакей своихъ дворцовыхъ лакеевъ, рабъ своихъ придворныхъ рабовъ, царишка-самодержецъ. Снова пойдутъ административныя затерзыванья, чрезвычайныя охраны, военныя положенія, висѣлицы, казацкія нагайки, безгласность. произволъ, грабежъ!

Въ иной формѣ самодержавіе предстать не можетъ. Самодержавная Россія стала хуже „собачьей пещеры:“ тамъ въ углекисломъ газѣ, стелющемся по дну, гибнутъ маленькія собаки, а въ нашей всероссійской — одни высокіе люди, а лижущія, припадающія къ ногамъ, съ поджатыми хвостишками, собаченки, благоденствуютъ.

Китайская имперія сдавила ногу женщины, и изъ вѣка въ вѣкъ, отъ члена къ члену, сдавилась голова. Недвигающаяся мать породила недвигающуюся расу; ее, рабски безсильную, растлѣнную, омертвѣлую, расплюснула на нашихъ глазахъ, полная „безсмысленныхъ мечтаній“ конституціонная Японія; она не побѣдила, а нѣкоторымъ образомъ, расплескала тысячелѣтнюю вонючую слякоть. Русское самодержавіе, какъ болѣе нелѣпое. безшабашно нетерпѣливое въ дѣлѣ порабощенія, силилось начать нахрапомъ, съ головы. Россія спаслась нерадѣніемъ палачей, ихъ пьянствомъ, распутствомъ, административною анархіей, близостью Европы, войнами, желѣзными дорогами, телеграфомъ.

Нашъ богдыханъ Никулангъ-сю, сынъ петербургскаго неба и окружныхъ гнилыхъ болотъ, повиновался ключику, которымъ его безцеремонно завели 17-го Января. То роковая пронія исторіи: заведи его сынъ свѣтлаго неба—либералъ, онъ, въ присутствіи представителей, объявилъ бы конституцію. Завелъ его сынъ, заросшаго плѣсенью застѣнка, и онъ проблеялъ о продленьи застѣнка, пообѣщалъ пятиться по стопамъ папеньки, бить затылкомъ въ китайскую стѣну...

Навѣрно, у многихъ порядочныхъ людей, при созерцаніи шестисотъ пресмыкателей земли русской, въ умѣ назрѣвали слѣдующія тяжелыя мысли: „о, Русь! страна серединная, остановившаяся на перепутьи двухъ дорогъ: нечистою страстью къ азіатчинѣ пламенѣющая, и за свою грязную похоть предъ Европой краснѣющая, преодолѣй стыдъ, взгляни на западъ... Всюду растутъ умъ, сердце, укрѣпляются стремленія къ свободѣ, равенству, обузданью власти правительства, а у тебя, пока, растетъ хвостъ. Коростовымъ хвостомъ пишутся твои адрессы, заявленья, моленья. Но помни, что твои превращенья не будутъ столь поэтичны, какъ у Овидія. За собачьимъ хвостомъ потихоньку послѣдуетъ

голова, а если ты умудришься съ азіатчиной на шеѣ перевалить въ двадцатый вѣкъ, тебя на картахъ отмѣтятъ, какъ страну, населенную уродцами, съ песьими хвостами и головами. Будущіе Ферри причислятъ тебя къ quantité négligeable, подѣлятъ, какъ дикую Африку".

Всѣ страны „перегнившаго" запада, съ оружіемъ въ рукахъ, завоевывали свободу; ты, страна свѣжепросольная, силишься завоевать взятками: золотыми блюдами, тарелками, солонками; альбомами, иконами, вышитыми полотенцами. Противъ крѣпкихъ полотенецъ мы ничего не имѣемъ, но нужно знать, какъ съ ними поступать; недоразумѣніе съ шеей умалишеннаго чухонца Павла I указываетъ ясно, что хорошее полотенце, вполнѣ можетъ замѣнить плохую веревку.

Представители „гнилыхъ" націй обращаются къ правительству съ рѣчью,полной гражданскаго мужества. Наши пресмыкатели съ похабными адресами, припаданьями, вылизываньями, мольбами.

Европейскіе представители смотрятъ своимъ правительствамъ прямо въ глаза. Наши, ничего непредставляющіе своему самодержцу—прямо въ ноги. У „сгнившихъ" націй — свободная пресса, а у насъ — прессъ.

Европейскіе представители правятъ страною, держась мудраго изреченья: одинъ умъ хорошъ, а много умовъ еще лучше; а наши робкіе созерцатели правленья ребячески тѣшатся мыслію, что всѣ россійскіе умы безполезны, скверны, и только одна непроходимая невѣжественная царская глупость полезна и хороша.

Прошла надъ нами безслѣдно кровавая тысячелѣтняя исторія, пугающій, вѣковѣчный кошмаръ; остались мы самодовольными пошлыми хвастунами, недоумками, хамоватыми ребятишками, не вышедшими изъ кнута; насъ введутъ въ двадцатый вѣкъ, за ухо, подгоняя плеточкой. Мы покажемъ двадцатому вѣку не доблестныя раны, полученыя прямо въ грудь, въ борьбѣ за свободу, но исполосованную нагайками, розгами, спину, щеки, красныя отъ оплеухъ..,

Въ Европѣ граждане, а у насъ, пока, на всю Россію только одинъ „Гражданинъ", третьеотдѣленская газетка чернаго холуя, педераста-Мещерскаго.

Европейскихъ крестьянъ и рабочихъ правительство частенько гладитъ по головкѣ, заискивая у нихъ. Нашихъ крестьянъ и рабочихъ правительство часто и крѣпко гладитъ, но, увы, не по головкѣ,..

На западѣ съ колоссальными овaціями хоронятъ великихъ писателей, борцовъ за свободу, а у насъ бросаютъ вытерзанные изъ народа милліоны на похороны клейменнаго въ Успенскомъ соборѣ, перваго высочайшаго разбойника, вора, и милліоны на безплодный подкупъ иностранныхъ газетъ, для превознесенья, хоть на часъ, нелѣпаго, задичавшаго азіата, ненавидимаго, презираемаго всѣмъ цивилизованнымъ міромъ.

Совсѣмъ иначе пошли бы дѣла, если бы хоть одинъ изъ ничего не представляющихъ, начинивъ нитроглицериномъ икону Николы-угодника, повергъ бы ее со всего размаха къ стопамъ слѣпого щенка самодержца; клянусь созвѣздіемъ Геркулеса, Полярными звѣздами, то было бы полное выраженіе безпредѣльныхъ, безконечныхъ чувствъ къ злополучной родинѣ.

II.

Мы умиляемся, читая въ „Новомъ Времени“ легенькія, какъ безе, письма Суворина, это воистину, пошлякъ необыкновенный, вѣткомъ подбитый, поразительно наглый, самодовольный; изучая его, изучаешь самобытную русскую пошлость, низко подданическій, угодливый оптимизмъ. Пошляки обыкновенно злятъ, Суворинъ забавляетъ, онъ полнѣйшее отраженіе нашей пошлой, дрянной политической жизни; безсильный, онъ нахально отражаетъ общее, среднее; приподымется жизнь, и тонъ Суворина вздыбырится; обреченный толкаться всю жизнь между веселенькими холуями, онъ, какъ сангвиникъ, порой, даже утрируетъ ихъ игривое хамство.

Но иногда, чаще всего въ полнолуніе, у него вырывается, не по „Новому Времени“, вольный кандачекъ, смѣлое словцо, но онъ тутъ же, рядомъ, такъ чмокнетъ ручку, такъ прильнетъ къ плечу высшаго начальства, что оно, готовое разсердиться, даже капельку покарать, невольно, смягчается и только милостиво грозитъ

пальчикомъ. Ждешь отъ совѣта трехъ каръ и вдругъ рюмка водки... Его щадятъ отчасти и за легкость стиля, за шаловливость въ убѣжденіяхъ. Никто лучше его не умѣетъ воспѣть августѣйшее прослѣдованье, обласканье, незабвенное пребыванье, отбыванье, священную коронацію. Никто не умѣетъ такъ быстро сотрястись, оцѣпенѣть, воспламениться по поводу святотатственныхъ покушеній. Евгеній Марковъ, полный зависти, пробовалъ соревноваться, его статьи выходили даже похабнѣе, но ихъ губили фроловская мрачность, тяжесть стиля... Суворину слѣдовало бы брать примѣръ съ своего друга—Буренина, которому внутренній тактъ подсказываетъ, какъ можно рѣже вылѣзать въ область политическихъ вопросовъ. Въ своихъ критикахъ, съ пристрастіемъ въ передергиваніяхъ, заплевываніяхъ начинающихъ писателей, онъ, до безобразія гадокъ, но не пошлъ; въ своихъ же рѣдкихъ выползаньяхъ въ политическую жизнь, онъ, невыносимо пошлъ. Въ издевкахъ надъ писателями онъ, въ своемъ родѣ, „Климъ бѣшенный хвостъ“ неистово торчащій, гордо помавающій, закрученный колечкомъ хлещущій хвостъ; въ подхихикиваньяхъ политическаго характера это — хвостишка отлупленной шавки, спрятанный между ногами.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ Суворинъ дерзнулъ разсуждать о политическихъ убійствахъ, получилась окрошка, неудобоваримая даже для жандармскаго желудка. Онъ, балансирующій на одной тонкой ножкѣ между дворцовою конюшнею и полицейскимъ участкомъ, вздумалъ рядить о Гармодіяхъ, Брутахъ, Спартакахъ, о Желябовѣ, Перовской. Жалкій схоластъ забылъ, что политическому убійству посвящали цѣлые трактаты величайшіе моралисты, титаны мысли, съ Мильтономъ во главѣ, и они кончались апологіей политическаго убійства; забылъ, что оно фигурируетъ на первомъ планѣ въ библіи, въ лучезарныхъ образахъ Самсона, Юдиѳи; въ миѳологіи, въ дивныхъ образахъ Геркулеса, Тезея, Персея, избивающихъ зловредныхъ чудищъ, что вопросъ о немъ побѣдоносно рѣшенъ колоссальными революціями, тайными обществами всѣхъ вѣковъ и народовъ. Суворину стоитъ только проѣхать въ Лугано, остановиться въ hôtel du Parc, и его очи узрятъ,

прямо противъ отеля, на берегу озера, статую швейцарскаго террориста: Вильгельма Телля; ему поютъ, неумолчно, гимны лазурныя волны озера, и изъ массивнаго мраморнаго пьедестала бьетъ живительный горный ключъ. Слава нашего вѣка, скульпторъ Велла, былъ растроганъ до слезъ, когда Тессинское правительство поручило ему создать этотъ памятникъ цареубійцѣ.

Врядъ ли можно сомнѣваться, что позорящій насъ Сусанинъ, вполнѣ чуждъ народу, возлюбившему Разина, Пугачева, что онъ бюрократическая фантазія, сфабрикованная въ угоду деспотамъ.

Суворинъ, не смотря на горькій опытъ, все еще силится заморочить голову, все пускаетъ въ ходъ крапленныя карты.

Виноватъ, я забылъ, что ему съ братіей скорѣе по плечу, находящіяся въ ѳаворѣ, Вильгельмины Ивановны, но не Вильгельмъ Телль.

За этимъ письмомъ, вскорѣ, послѣдовали письма о любви, нѣсколько припахивающія порченымъ сыромъ. Съ водвореніемъ Николая II, любовь разцвѣла всюду: въ дворцовыхъ лакейскихъ, конюшняхъ, въ пріемныхъ министровъ, чертогахъ тайной полиціи, въ участкахъ, казармахъ, на площадяхъ, улицахъ. Всюду объятія, трели соловья, любовный трепетъ, шопотъ, робкое дыханіе, слезы умиленья, лиризмъ и патетизмъ. Пылкій камердинеръ проглядѣлъ бездѣлицу, а именно: что не смотря на полный разгаръ любви, праведниками набиты тюрьмы Россіи, Польши, Сибири, что тысячи доблестнѣйшихъ героевъ изпываютъ, въ невыразимыхъ мукахъ, тщетно ожидая освобожденья, которое уготовано только покаявшимся, предателямъ. Онъ упустилъ изъ виду, что милліоны были нагло брошены на неслыханно пышныя похороны изверга III и что черная банда, сохранившая свои мѣста, приготовляется снова колоссально нажиться выбросить новые кровавые милліоны на нелѣпый помазокъ въ Успенскомъ соборѣ...

Если сыщется въ Россіи читатель, не знающій, какими способами зачастую добываются милліоны, то совѣтую прочесть въ „Новомъ Времени“ (8 Мая 95) дѣло въ Саратовской судебной палатѣ, объ истяза-

ньяхъ при взысканіи податей. Дѣло возникло при исключительныхъ обстоятельствахъ: крестьянинъ Ахматовъ, послѣ пытокъ, умеръ на четвертый день. Въ продолженіи ужасныхъ четерыхъ дней его безпрерывно рвало сукровицей. Изнывая отъ мукъ, онъ кричалъ: „предайте меня смерти, добрые люди!“ Героически честный врачъ, не смотря на запугиванья, интриги, обнаружилъ кровоизліяніе въ мозгъ и кровоподтеки. Исправникъ Ивановъ, его помощникъ, урядникъ Кретининъ, почти ежедневно пытая крестьянъ, невольно, переусердствовали, не взяли въ разчетъ, что ихъ упражняющіяся ежедневно руки пріобрѣли непозволительную силу... Пытай они въ мѣру, они весело орудовали бы во славу самодержавія, православія и въ настоящую минуту. Губернаторы, въ родѣ Баранова, обыкновенно, такихъ радѣтелей „истинно русскихъ, вполнѣ трезвенныхъ“ представляютъ къ наградамъ, извѣщаютъ объ ихъ восточной, самобытной дѣятельности „Гражданина“, „Московскія вѣдомости“, а тѣ, тотчасъ же пышно воспѣваютъ ихъ, какъ неоцѣненныхъ охранителей священныхъ завѣтныхъ началъ и принципа 23 Апрѣля 81.

Самобытные подвиги исправниковъ не должны особенно поражать насъ: самодержцы медвѣжьихъ угловъ силились подражать самодержцу всея Россіи, Александру III, но, къ чести ихъ, нужно сказать: не смогли они спуститься до трона. Многіе изъ нихъ чуяли, что стоитъ только засѣчь политическую преступницу невинную, слабую дѣвушку, запытать беременную пропагандистку, удавить въ ея утробѣ ребенка, на манеръ министра юстиціи-Муравьева, и, тотчасъ же, полетятъ награды, пойдутъ повышенья, и въ нѣсколько лѣтъ „настоящій русскій“ очутится сбоку царя,станетъ столпомъ охраны, слѣдовательно отечества. знали, но не рѣшались... у нихъ руки дрожали, сердце замирало, какъ у отцеубійцы-Фролова, передъ повѣшаньемъ Перовской. Александръ III зналъ превосходно, что чудовищность преступленія умаливается, если оно свершено многими; ждалъ, ждалъ онъ компаньоновъ, но, увы, не дождался, медвѣжьи углы не откликнулись трону, „далеко синичкѣ до ястреба“.

Остановившійся на полъ пути исправникъ Ивановъ, конечно, попадетъ въ первые ряды царской охраны, хвати онъ, пока некуда, его, впослѣдствіи, пожаловали бы въ градоначальники въ Варшаву.

Судъ обнаружилъ кой гдѣ еще болѣе лютыя пытки, вполнѣ безнаказанно практиковавшіяся долгіе годы; не останавливаюсь на нихъ, потому что о нихъ достаточно сказали честныя газеты, журналы. Политическихъ жертвъ замучиваютъ за идеи, простыхъ людей — за недоимки; затерзаютъ до смерти, дѣло, при очень благопріятныхъ обстоятельствахъ, всплыветъ; не замучаютъ — въ воду канетъ, какъ маленькій, прибрежный камушекъ...

Все въ тѣхъ же беззаботныхъ письмахъ Суворинъ превознесъ подачку въ 50.000, люто гонимой прессѣ. Онъ не захотѣлъ вникнуть, что эти ежегодныя несчастныя 50 тысячъ въ литературный фондъ пожалованы въ странѣ, гдѣ на однихъ заграничныхъ шпіоновъ, провокаторовъ, и на подкупъ иностранныхъ газетъ тратятся, ежегодно, милліоны. Съ усѣданьями, причитываньями, захлестываньями, Суворинъ заявляетъ, что частичка подачки предназначена также и публицистамъ, что о нихъ, ненавидимыхъ высшими сферами, упоминаетъ циркуляръ, что де публицистъ, если взять его съ одной точки, а затѣмъ, взглянуть на него съ другой, представляетъ собою, если того пожелаетъ снисходительное начальство, въ нѣкоторомъ родѣ, нѣчто; что высказывая умѣренную правду безъ прямолинейности, ненужной рѣзкости, такъ сказать, съ тихою благонамѣренной улыбкою, онъ не разъ приносилъ извѣстную пользу правящимъ сферамъ. Читая полный крайняго, уничиженія косноязычный, ребяческій лепетъ, невольно, спрашиваешь себя: неужели Суворинъ, знакомый съ Европою не по однѣмъ русскимъ газетамъ, не знаетъ, что публицистъ, честный, безстрашный, одухотворенный талантомъ и послѣднею правдою, представляетъ собою силу силъ· „глаголъ и мечъ своего вѣка“.

Въ Англіи „письма Юніуса“ по популярности стоятъ рядомъ съ произведеніями Шекспира. И кто же изъ великихъ писателей не публицистъ, если понимать слово публицистика не въ жалкомъ рутинномъ смыслѣ? Кто же имѣя думы въ головѣ, любовь въ сердцѣ, за-

конченные принципы, не обнаруживаетъ ихъ, невольно, въ своихъ произведеніяхъ? Какъ артерія, полная живительной крови, она бьетъ во всѣхъ произведеніяхъ геніальныхъ писателей. Шекспиръ несомнѣнно—публицистъ; умѣло подобранными выдержками изъ его лучшихъ драмъ можно доконать какое угодно правительство: въ нихъ могутъ черпать силы и республиканецъ, и соціалистъ, и анархистъ. Революціонная проповѣдь сверкаетъ адамантами въ рѣчахъ Гамлета, обращенныхъ къ королю, къ матери, могильщикамъ и придворнымъ, въ могучемъ протестѣ Шейлока противъ христіанскаго, варварскаго міра, въ кроваво разрушительныхъ монологахъ Тимона Аѳинскаго, въ молньеносныхъ тирадахъ обрѣтшаго разумъ въ безуміи Лира, въ величаво свободныхъ рѣчахъ Брута.

Пламенные публицисты — Мильтонъ въ „Потерянномъ раѣ“ Байронъ въ „Донъ-Жуанѣ,“ „Манфредѣ,“ „Видѣньи суда;“ Шелли — во всѣхъ атеистическихъ, республиканскихъ поэмахъ, одно время запрещенныхъ въ самой Англіи.

Рѣзкіе публицисты: Шиллеръ въ „Вильгельмѣ Теллѣ“ „Донъ Карлосѣ,“ „Разбойникахъ,“ „Заговорѣ Фіеско,“ увѣнчанномъ конвентомъ; Гете—въ „Фаустѣ,“ „Эгмонтѣ“; Гейне во всѣхъ своихъ дивныхъ созданіяхъ; Викторъ Гюго въ рифмованныхъ памфлетахъ, „Les châtiments,“ въ романахъ — „Несчастные“ „93 годъ“ и другихъ выдающихся произведеніяхъ; Барбье въ титаническихъ „Ямбахъ;“ Жоржъ-Зандъ во всѣхъ своихъ возвышающихъ душу романахъ; Зола во всѣхъ романахъ; Доде во многихъ своихъ романахъ и въ особенности въ „Королевѣ Фридерикѣ.“

Въ исторіи Франціи, нѣтъ сомнѣнія, публицисты: Рошфоръ, Феликсъ Піа, Поль Курье, Арманъ Карель, Жюль Валесъ и десятокъ другихъ станутъ рядомъ съ величайшими поэтами, публицистами замаскированными.

Пушкинъ — революціонный памфлетистъ во всѣхъ запрещенныхъ стихотвореніяхъ. Глубокіе публицисты: Лермонтовъ въ „Думѣ“, „На смерть Пушкина“; Грибоѣдовъ въ „Горѣ отъ ума“; Гоголь во всѣхъ произведеніяхъ; Л. Толстой во всѣхъ своихъ романахъ. Чистѣйшіе публицисты: Радищевъ, Герценъ, Бѣлинскій,

Добролюбовъ, Чернышевскій и десятокъ другихъ, несомнѣнно, станутъ рядомъ съ Пушкинымъ, Лермонтовымъ, Огаревымъ Грибоѣдовымъ, Гоголемъ, Толстымъ и другими нашими великими поэтами и романистами.

Я остановился на нѣкоторыхъ величайшихъ писателяхъ; упомянулъ только нѣсколько ихъ произведеній, рѣзче другихъ подтверждающихъ мою мысль.

Размѣры статьи не позволили мнѣ войти въ детали, я указалъ только на ослѣпительно блистающія вершины: Гауризанкара, Чимборассо, Эльбруса, Монъ-Блана; но есть много горъ, менѣе поражающихъ своими дѣвственными снѣгами, синими ледниками, таинственными безднами, тѣмъ не менѣе, очень и очень грандіозныхъ.

Когда въ Россіи рухнетъ пещерное самодержавіе, и съ нимъ вмѣстѣ спадутъ каторжныя кандалы съ прессы, вы увидите, какимъ всемогуществомъ станетъ публицистика, правительство съежится передъ нею, какъ козявка на булавкѣ; высшія сферы быстро станутъ низшими. Очи прессы перейдя отъ мрака затхлой тюрьмы къ солнечному свѣту, раскроются, какъ очи „испуганной орлицы“. Перейдя отъ полурѣчи къ рѣчи, отъ сиплаго, картаваго лепета къ небесному грому, она станетъ властительницею думъ націи, распорядительницею ея судебъ. Нечего и прибавлять, что властителями думъ, могутъ стать только поэты—революціонеры; беллетристы, публицисты—революціонеры... Только мощнымъ пророкамъ, огненнымъ борцамъ, провозвѣстникамъ свободнаго, свѣтлаго будущаго, уготована долгая жизнь, ихъ однихъ будутъ читать милліоны русскихъ, на нихъ однихъ воспитываться грядущія поколѣнія; они одни проникая въ кровь, плоть, будутъ оживать въ свѣтозарныхъ подвигахъ любви, самоотверженія.

II

Первые шаги нашихъ бухарцевъ вполнѣ исчерпываются въ хрюканьяхъ: „заточить, повѣсить, скрутить, затянуть, отодрать, затерзать, содрать“. Гатчинецъ отравленъ былъ такъ таинственно умно, что при всемъ колоссальномъ желаніи поцытать, затѣмъ, въ потьмахъ

повѣсить, увы, было некого. Заточить, благодаря дикимъ провокаторствамъ, присяги и вообще разнымъ сыскамъ, удалось очень многихъ; запретить сочтено нужнымъ „Русскую жизнь“ — нашли, что жизнь всѣмъ русскимъ недостаточно запрещена,— пріостановить — „Курскій листокъ,“ „Саратовскій дневникъ“. Банда кровавой руки давно задавила бы всѣ порядочные журналы, газеты, но она какъ то инстинктивно догадывается, что совсѣмъ перестанетъ видѣть, что творится вокругъ, что однѣми „Московскими вѣдомостями,“ „Гражданиномъ,“ жить не можетъ человѣческое общество ; оно задичало бы, обросло звѣриною шерстью, покрылось бы вшами если бы въ него, не стѣсняемые ничѣмъ, эти раки черные впились.

IV.

Чего же можно было ожидать отъ сына Алекс. Ш и рѣзвой, нелѣпой Маріи? Алекс. Ш взойдя на престолъ, по слизи отъ расплюснутаго отца, началъ не по днямъ, а по часамъ, жирѣть, тупѣть, свирѣпѣть. Онъ прятался, трясся тринадцать лѣтъ.

Рѣзвая мать — Марія — архиничтожество, съ кукушечьей головой, она тратила ежегодно милліоны, облитые горючими, слезами, голодающихъ крестьянъ на безумно роскошные туалеты. Вортъ*) самую крупную дань бралъ съ нея, а затѣмъ, она танцовала, танцовала танцовала. Не забывайте, что она золотушная и самая глупая дочь знаменитаго анекдотичною глупостью датскаго короля—поставщика женъ европейскимъ дворамъ. Данія всегда славилась здоровыми, умными собаками и гнилыми, тупыми королями. Шекспиръ непозволительно сфантазировалъ, зачисливъ, очень умнаго неврорастеника Гамлета въ датскіе принцы.

Всякое полнѣйшее ничтожество, всякая дыра представляютъ собою нѣчто болѣе ужасное, опасное, чѣмъ всѣ убійцы, злодѣи, распутники. Въ убійцѣ часто говоритъ острая кровь, могучая страсть; направленный въ хорошую сторону, онъ можетъ стать героемъ добра, самоотверженія—примѣръ нѣкоторые попавшіе въ свя-

(* Знаменитый, но неимовѣрно дорогой парижскій, женскій портной.

тые. Бѣшенная распутница Магдалина превращается въ энтузіастку, полную идеальной любви; легенда претендуетъ, что ей первой явился Христосъ, послѣ своего поразительнаго воскресенія. Дыра остается дырою, черезъ нее все проваливается.

Удушеніе Перовской, Геси Гельфманъ съ ея новорожденнымъ, умерщвленіе плетьми Сигиды, мучительная гибель сотень женщинъ въ крѣпостяхъ, тюрьмахъ, ссылкахъ, въ Сибири дѣйствовали на нее неизмѣримо меньше, чѣмъ баснословный костюмъ, послѣдней моды, прибывшій отъ Ворта. Она ни разу не заступилась даже за женщинъ, за тѣхъ женщинъ, которымъ впослѣдствіи воздвигнетъ нація не монументы, но храмы. Въ дни замучиваній, казней, она крутясь передъ зеркаломъ, примѣривала платья, охорашивала на своей птичьей головенкѣ пухъ, сжимала широкій ротъ сердечкомъ, дѣлала на щекахъ ямочки и щебетала по птичьему, безъ умолку.

Будь у нея сердце съ воробьиный клювъ, и тогда она съумѣла бы повліять на психопата мужа. Никто не можетъ такъ вліять, какъ жена: куртизанамъ данъ день, женѣ—ночь. Она не смягчила ничьей участи, ничего добраго не сдѣлала, потому что ровно ничего собою не представляла; она жила дряблою кожею, пухомъ, примѣриваніемъ безобразно дорогихъ платьевъ, нескончаемыми танцами, легенькими половыми возбужденіями; добро, зло она одинаково встрѣчала съ ямочками на щекахъ, устроивъ очень широкій ротъ сердечкомъ.

По разсказамъ людей, ея близко знавшихъ, она съ шаблонною выученной улыбкой, шаловливой рѣзвостью, произносила задолбленныя на извѣстный случай короткія рѣчи, и все скользило съ нея, какъ вода съ съ кожи жабы. Она смотрѣла въ глаза человѣку, и не бывъ слѣпой, ничего не видѣла. Она слушала, и не бывъ глухой, ничего не слышала. Многіе увѣряютъ, что нелѣпо жадная отъ природы, она развила въ Александрѣ III ненасытность къ взяткамъ и всевозможнымъ поборамъ. „Ils sont si intéressants les cadeaux des soslovy".

Ей ни разу не пришло въ голову, что у сословій почти нѣтъ школъ, больницъ, что самое многолюдное

и достойнѣйшее изъ нихъ, недавно, пухло отъ голода, питалось древесною корою, золою, листьями, а въ минуты отчаянія — тряпками: топило въ стужу черныя, пустыя хаты соломою, стащенною съ крышъ, что это сословіе, благодаря безумiямъ, кровавымъ оргіямъ ненасытнаго самодержавія, считаетъ чистый хлѣбъ несбыточнымъ счастіемъ и пробуетъ его только въ очень рѣдкіе, урожайные годы.

Самъ Данте не охватилъ бы зла, хлещущаго на насъ изъ подобныхъ проклятыхъ дыръ.

Какъ всѣ вырождающіеся, Николай II, по праву рожденія, обреченъ былъ на полную душевную немощь. Каждый придворный кружокъ въ самодержавную пустоту старался вдвинуть свой валикъ и подобрать ключъ. Чудовищное воспитаніе, онанизмъ, убивали, постепенно, слабо вспыхивающіе по временамъ микроскопическіе зародыши разума, воли. Къ двадцати годамъ душа опустошилась, разумъ, воля стали почти неуловимы, но и это, еле уловимое, въ конецъ уничтожилъ японскій полицейскій, ловкимъ ударомъ,по свинцовому черепу. Газеты заявили, съ обычною холопскою виртуозностью, что наслѣдникъ получивъ ударъ, началъ величественно, тихо, съ доброю улыбкою, какъ бы благосклонно, милостиво отбывать въ ближайшій публичный домъ, а святотатственный полицейскій, обезумѣвъ отъ страха, лупилъ за нимъ во всѣ лопатки, съ яростно поднятою саблею. Присутствующіе японцы были безпредѣльно поражены эластичностью черепа наслѣдника славнаго, могущественнаго престола, слезы умиленья текли изъ глазъ. И этотъ органчикъ, съ двумя, тремя дребезжащими дурацкими пѣсенками, заводимый дворцовыми Фроловыми, осмѣлился объявить себя самодержцемъ!

Полюбуйтесь, какъ на нашихъ глазахъ вырождаются самодежцы, не говорю умственно, нравственно — это немыслимо, по той простой причинѣ, что нравственныя и умственныя стороны у нихъ, вполнѣ, отсутствовали, —но физически.

Николай I Палкинъ былъ чуть не трехъаршинный „лоботрясъ“,чугунно твердый; ядреный, наружностью онъ былъ прообразъ прусскаго штыкъ-юнкера. Сознавая свое дремучее невѣжество, исключительную глупость, онъ

придумалъ наводить спасительный страхъ на своихъ низкоподданныхъ выпучиваніемъ глазъ, на манеръ разъяреннаго быка, громоноснымъ рявканьемъ; какъ быкъ, онъ не выносилъ красный цвѣтъ. Не схвати онъ, ярый защитникъ священнаго, семейнаго очага, на 59-мъ году сифилисъ, не увѣнчайся короной Veneris и, затѣмъ, не отравись, онъ на горе, позоръ Россіи, дотянулъ бы лѣтъ до семидесяти. Что злостный сифилисъ всепобѣдно царитъ въ семьѣ чухоно-Романовыхъ удивляться нечего: всѣмъ извѣстно, что своеобразныя невинности, прежде чѣмъ дойти до августѣйше высочайшихъ особъ, проходятъ черезъ сотню простыхъ и высокопоставленныхъ лакеевъ.

Александръ II въ тѣлосложеніи, ростѣ пошелъ быстро на убыль; рыхлый, слезоточивый въ молодости, онъ къ пятидесяти годамъ представлялъ собою студень изъ поросячьихъ ножекъ, выставленный на солнце, тающій, дрожащій, воняющій. Не расплюсни его бомба 1-го Марта, никуда негодный селадонъ, по увѣренію покойнаго Боткина, никогда не дожилъ бы до шестидесяти пяти лѣтъ. Наружностью былъ шаблонный прусскій фельдфебель; рявкалъ частенько, но не внушительно.

Александръ III началъ лысѣть, распухать чуть не съ двадцати лѣтъ... При восшествіи — правильнѣе нисшествіи, на престолъ, представлялъ собою на коротенькихъ ногахъ, колоссальную, свинную тушу, которая могла бы плѣнить даже англійскихъ свиноторговцевъ, если бы не была сильно подпорчена трихиной. Жена Владиміра—сама свинство, но въ другомъ родѣ, — называла его: „десять пудовъ высочайшаго сала“. Не ускори фосфоръ законовъ природы, онъ, по упорному увѣренію благочестиваго Захарина, не дотянулъ бы до пятидесяти двухъ, трехъ лѣтъ. Рявкать, увы, былъ не въ силахъ, глухо мычалъ, а чаще всего мяукалъ.

Николай II, какъ извѣстно всѣмъ, имѣвшимъ несчастіе его видѣть 17 Января,—холерная запятая; если онъ пополнѣетъ, то, можетъ быть, приблизится къ холерной точкѣ, дальнѣйшее улучшеніе не мыслимо. Настоящаго его голоса, его перханій послѣ его нисшествія на престолъ, еще никто не слыхалъ. По

слухамъ, его въ восемъ часовъ утра заводитъ, на цѣлый день, по буднямъ: шефъ дворцовыхъ шпіоновъ, а по праздникамъ, для поднятія молитвенности—Побѣдоносцевъ. Ночью его старается завести жена, но вслѣдствіи неопытности (чисто государственной) ей это не всегда удается: начнетъ поварачивать ключъ, и вдругъ... стопъ.

По слухамъ, Лябуска умѣла не только превосходно танцовать, но и играть на разбитомъ органчикѣ: „Боже царя храни на страхъ врагамъ“... выходило сипло, но за то Комаринская — безукоризненно. Видимо, всѣ Романовы—лѣвши, иначе чѣмъ объяснить, что женщины слѣва всегда ихъ заводятъ лучше, стоящихъ справа. Нужно прибавить, что у всѣхъ Романовыхъ непомѣрно развита челюсть, какъ у мандрилы; у всѣхъ покатые лбы, головы — дынями, всѣ — коротконосые.

Китъ Китычъ I давилъ Россію двадцать лѣтъ. Китъ Китычъ II душилъ Россію двадцать шесть лѣтъ. Китъ Китычъ III вѣшалъ Россію тринадцать лѣтъ. Нынѣшній недоносокъ, выродокъ, судя по тому, что подготовляется въ Россіи, врядъ ли провиситъ камнемъ на нашей шеѣ до конца вѣка.

Настоящія характеристики Александра I, Николая I, Александра II начинаютъ появляться не такъ давно въ журналахъ, мемуарахъ, запискахъ, издаваемыхъ у насъ и заграницей. Не смотря на то, что исторія только что обозначается, она наводитъ остолбенѣніе. Лакейскія апологіи, циркулирующія среди наивной, крайне хамоватой публики, фабрикуются незатѣйливымъ образомъ: неглупый министръ (какъ ни странно, но и такіе, изрѣдка, попадались) нелишенный окончательно самолюбія, приближенный генералъ, сохранившій крохи стыда, придворный, не желая показать, что они отвратительно пресмыкаются передъ феноменальною дрянью, безумно зазнавшимся ничтожествомъ, начинаютъ придумывать нандлиннѣйшія бесѣды съ порфироносцами, подъ конецъ они завираются до такой степени, что искренно принимаютъ собственныя, связныя рѣчи за монаршьи. Если царю разъ, въ нѣсколько лѣтъ, приходится обратиться къ сословіямъ съ краткою, но выразительною рѣчью, его выучиваетъ, существующій спеціально для подобныхъ рѣчей, придворный. Со вре-

мени Екатерины ни одинъ царь самъ не составлялъ писемъ, на то есть дворцовые писаки, съ подходящими талантами: одинъ катаетъ благосклонныя, милостивыя посланія, другой грозныя, фрапирующія, погубляющія. Держутся также субъекты, умѣющіе превосходно поддѣлывать руку монарха; при частыхъ денежныхъ затрудненіяхъ въ жадныхъ, придворныхъ сферахъ, эта необходимая при дворѣ талантливость пускается приближенными, кой когда, въ ходъ...

Не стану оспаривать, что фразы: „хвалю.“ „благодарю,“ „пью здоровье моихъ молодцевъ“ (такого-то полка), „въ 24 часа исполнить и доложить,“ „головой отвѣчаешь,“ „весьма утѣшительно,“ „весьма желательно“ дѣйствительно созданы тѣмъ или другимъ самодержцемъ, или восприняты по наслѣдству. Но разъ фразы начинаютъ выходить изъ трехъ, четырехъ словъ, терять штыкъ-юнкерскую находчивость, фельдфебельскую остроту ума, жандармскую краткость, третье отдѣленскую пахучесть,сомнѣнія являются сами собою.

Говоря о царяхъ, мы всегда забываемъ дворцовую обстановку, этикетъ, дворцовые пріемы, разговоры, воспитаніе, словомъ всю созданную вѣками дворцовую лабораторію. Мы, до нашихъ дней, къ стыду нашему, мѣряемъ самодержцевъ на человѣческій аршинъ, забывая ту аксіому, что монархи вовсе не люди, а единственнѣйшія въ своемъ родѣ нравственныя и умственныя чудовища. Они—тягучее тѣсто, изъ котораго вылѣпливаютъ разныя безобразныя фигурки приближенные къ нимъ разбойничьи, воровскія банды. Все основано на систематическихъ, вѣковыхъ одураченьяхъ, замарачиваньяхъ, безстыдной лжи, лицемѣріи, извращеніи полномъ разума, на гипнотизаціи. То, изъ вѣка въ вѣкъ, послѣдовательно развивающійся, захватывающій всю страну, сумасшедшій домъ.

Какъ же не быть имъ чудищами, разъ они созданы рабствомъ, безумiемъ, невѣжествомъ, тьмою, глупостью и ими одними только поддерживаются? Если-бы сумасшедшіе придворные, съ пеленокъ, не сводили ихъ постепенно съ ума, то развѣ кто нибудь изъ нихъ рѣшился бы быть самодержцемъ?!

Іюль 1895

Илья Ціонъ

(Histoire de l'entente franco-russe)

„Ничто намъ невыгодно такъ, какъ имѣть врагами однихъ негодяевъ".
Гейне.

Признаюсь, съ чувствомъ крайней гадливости сажаю на булавку, не прибѣгая къ облегчающему бензину, на память для будущаго, живую, уродливую казявку, именующуюся Ціономъ. Есть гады, о которыхъ тошно не только говорить, но и вспоминать, онѣ будятъ въ душѣ пессимизмъ, зловредный какъ для общества, такъ и для отдѣльнаго человѣка; это гробы, разукрашенные снаружи, полные червей, нестерпимой вони внутри. Силятся они всю жизнь надувать другихъ, а подъ конецъ, заглянувъ въ опустошенную душу, съ ужасомъ убѣждаются, что болѣе всѣхъ надували самихъ себя.

Карьера выкреста Ильи Ціона, какъ и многихъ подобныхъ ему на Руси, зиждется на предательствѣ, свирѣпомъ обскурантизмѣ, идіотскомъ ханжествѣ, лицемѣріи, раболѣпіи, грязной лести, на доносахъ, клеветахъ, на общественномъ презрѣніи къ нимъ.

Хочешь сцапать крупный кушъ, заполучить очень тепленькое мѣстечко, крестишки, чины, начинай въ газетахъ, журналахъ, брошюрахъ, почаще, позамѣтнѣе, погрубѣе поносить революціонеровъ; содрогайся, замирай, цѣпенѣй передъ ихъ святотатственностью и пре-

смыкайся, до истеризма, передъ лютой азіатчиной; взывай яро, публично обдавая прохожихъ слюнями, къ произволу, дикой, безшабашной власти, державной рукѣ; восхваляй трепетно участокъ, возводи очи, полныя слезъ, умиленья, на зданье у Цѣпнаго моста, крестись на всѣхъ перекресткахъ; припадай на колѣночки, бія въ грудь передъ знаменательными часовеньками, и не забудь, хотъ разокъ, изцѣлиться отъ неизлѣчимой болѣзни благолѣпнымъ прикосновеньемъ къ ветхому подряснику нѣкоего дивнаго старца.

Но если хочешь воздѣть на пустую грудь звѣзды, ленты, быстро попасть въ министры, шефы полиціи, орудуй почище: донеси на отца, мать, втолкни въ тюрьму собственныхъ дѣтей, закуй въ цѣпи друга дѣтства, подсунь жену бабнику, царскому фавориту, запытай беременную, политическую мученицу, удави ребенка въ ея утробѣ; ступай на Голгоѳу, на эшафотъ, предложи выдернуть скамейки изъ подъ ногъ спасителей твоей родины, подсунь при всѣхъ пьяному палачу гнилыя веревки. Устрой издѣвательствами, истязаньями бунтъ въ тюрьмѣ для политическихъ, и усмири его нагайками, выворачиваніемъ штыками внутренностей. Въ обществѣ, на улицахъ, напрямикъ, превозноси правежъ, батоги, опричнину; добейся ненависти и презрѣнія всего русскаго общества.

Ціонъ, послѣ заплеванья его студентами, послѣ недоразумѣнія съ художникомъ Верещагинымъ, измаравшимъ объ его пресвѣтлый ликъ свои художественныя руки, и, наконецъ, умилительнаго воспринятія въ купели святого крещенія, попалъ въ милость къ Каткову, а затѣмъ, безпредѣльно преданный ученикъ, какъ часто случается, въ пролазничествѣ, интригахъ, лести, холопствѣ перещеголялъ достойнаго учителя.

Послѣ смерти Каткова, какъ съ исчезновеніемъ единицы, Ціонъ оказался однимъ нолемъ. Тайная полиція, разглядѣвъ его крайнюю незначительность, непомѣрную запосчивость, стала имъ брезгать, начала находить, что его смѣхотворныя защиты въ сумрачной газеткѣ „Gaulois“ кнутовъ, денныхъ и почныхъ разбоевъ, нападеній на частныя жилища, административныхъ ссылокъ, тюремъ, висѣлицъ, приносятъ не обѣщанную имъ пользу, но жестокій вредъ, возбуждая къ русскому

правительству всеобщія отвращеніе, презрѣніе, которыя, не смотря на Альзасъ, могутъ неожиданно рвануться въ наружу.

Министерство разграбленія финансовъ, въ свою очередь, найдя, что крючковатые пальцы Ціона не по росту, и деретъ гешефты онъ не по чину; полегонечку отъ него начало отдѣлываться; произошла коллизія: аппетиты Ціона продолжали непомѣрно расти, а гешефты, какъ нарочно, уменьшаться. Полный злобы, онъ выпустилъ, въ Парижѣ, книженку противъ министерства финансовъ; онъ ярый участникъ во всѣхъ его темныхъ сдѣлкахъ, преступныхъ надувательствахъ французской публики, выступилъ въ роли обличителя. Нечего прибавлять, что изъ каждой строки обличеній высовывалась загребистая лапа ненасытнаго выкреста, брызгала слюна смакующаго улепетывающую добычу.

Правительство скомпрометированныхъ имъ въ концъ личностей, конечно не боится: оно знаетъ, какъ на ихъ обличенія и ихъ „рыльце въ пушку“ взираетъ порядочная публика. Но простить продерзости всегда пресмыкавшемуся холую, разжившемуся на его счетъ, оно не могло и повелѣло немедленно предстать передъ грозныя очи... Обожатель деспотіи, жадный царелюбецъ, не смотря на чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, предстать побоялся. Поджатіе куцаго хвостишки, лучше всѣхъ дутыхъ фразъ показало, насколько онъ искренно защищалъ „необходимость самовластія, прелести кнута.“ За отказъ, его съ азіатскою, жандармскою развязностью разжаловали и выгнали изъ подданства.

Человѣкъ, сохранившій одинъ атомъ собственнаго достоинства, конечно, возмутился бы, но Ціонъ, напротивъ, скрутился, смирился. Большой карманъ побѣдилъ крошечную душу. Найдя, что дѣло пошло не на шутку и шантажемъ взять невозможно, онъ рѣшился на лакейскую вылазку. Въ покаянной книженкѣ „Histoire de l'entente franco-russe“ онъ принялся, чище прежняго, превозносить Каткова, Александра III, Побѣдоносцева и, чтобы въ концъ угодить, повторилъ пущенную имъ въ 1887 г., 30 декабря, въ „L'Intransigeant“ клевету на меня: что послѣ вторичнаго изгнанія изъ Франціи за статью противъ пещернаго Александра III, я, не смотря на всю строгость прусской полиціи, поселился въ Бер-

линѣ, и на деньги Бисмарка устроилъ 1-го Марта 87 г. покушеніе съ книгами, начиненными динамитомъ и отравленными пулями, на Александра III. Переступи я границу Пруссіи на одинъ мигъ, воображаю, съ какой быстротой заковалъ бы меня въ цѣпи мнимый, горячій поощритель взрывчатыхъ снарядовъ, Бисмаркъ, какъ бы живо добрый товарищъ по дѣлу выдалъ меня русскимъ палачамъ.

Злонамѣренность клеветы несомнѣнна; она состряпана была, какъ вымаливанье прощенья, полнаго забвенья, возвращенья прежнихъ милостей и гешефтовъ. Пустивъ ее, Ціонъ не могъ не прочесть во многихъ передовыхъ газетахъ восхваленій моей особы, энергическаго протеста эмигрантовъ противъ шпіонской клеветы, моего письма къ Рошфору и оффиціальныхъ удостовѣреній отъ кантональнаго совѣта Тессина и муниципальнаго совѣта города Лугано, что я, послѣ вторичнаго изгнанія изъ Франціи, проживалъ въ Лугано, на дачѣ Олива. До него не могли не дойти слухи, что въ редакцію „Intransigeant“ явилось огромное число лицъ, непричастныхъ революціонной партіи, съ горячимъ протестомъ противъ третье-отдѣленской, злостной выдумки и о письмѣ Рошфора (оно хранится у меня) къ женѣ необыкновенно симпатичнаго, сердечнаго революціонера редактора „Набата“ Турскаго, въ которомъ онъ глубоко сожалѣетъ о невольной, тяжкой ошибкѣ и выражаетъ желаніе ее загладить, при первомъ удобномъ случаѣ, и не смотря на все, Ціонъ, зная, что клевета, пущенная въ газетахъ, скоро забывается, постарался запечатлѣть ее въ своей книгѣ. Заносчивость была такъ велика, что онъ воображалъ, что книгу будутъ читать.

Въ полицейской гнусности для меня есть одна утѣшительная сторона: она показываетъ ясно, что черная банда, „толпою жадной стоящая вкругъ трона,“ вполнѣ оцѣнила мою дѣятельность, что мои отравленныя стрѣлы попадали, попадаютъ въ самое сердце. Правительство, благодаря Ціону, показало мнѣ заросшее ухо, „чавкающей правду свиньи“. Моя статья, невольное движеніе концомъ палки, для устраненія поганаго уха.

Правительство Наполеона III находя, что „иглы тайныя“ недостаточно сурово „язвили славное чело“ Бланки, пустило про него позорный слухъ — лишній

разъ опозоривъ себя; той же чести подвергся Бакунинъ, въ самый разгаръ его самоотверженной, революціонной дѣятельности. Безъ этого помазанія не могъ обойтись особенно ненавидимый революціонеръ. Увы! правительства забываютъ, что вплетаемыя ими терніи, всегда обращаются въ лавры, а раны, отъ ихъ бичеваній, испускаютъ лучи.

Забавнѣе всего, что правительство, зиждущееся на шпіонствѣ, не можетъ ничего придумать ужаснѣе, какъ своего неумолимаго врага назвать шпіономъ.

Ціонъ подленькой выходкой поставилъ меня въ затруднительное положеніе: вызвать его на дуэль невозможно — съ шпіонами, провокаторами не деруться; поступить съ нимъ на манеръ Верещагина — это сыграть ему на руку: онъ жаждетъ отъ меня оплеухъ, какъ нѣкогда евреи жаждали въ пустынѣ мяса; получивъ знаки отличія на лицѣ, единственные заслуженные, онъ съ фальшивыми свидѣтелями, взятыми изъ посольства, помчится въ полицію и меня, во славу союза, изгонятъ изъ Франціи въ третій разъ, а дворцовая охрана, наконецъ, не выдержитъ и заставитъ выродка-Николушку подписать возвращеніе Ціону подданства, чиновъ, гешефтовъ... Остается тѣшить себя надеждою, что, въ одинъ, очень скверный для Ціона день, я встрѣчу его внѣ Франціи.

Скажу въ заключеніе, что книга Ціона, какъ характеристика нашей монгольщины, не лишена значенія. Несомнѣнно, что большая часть его росказней, въ своемъ родѣ „тридцать тысячъ курьеровъ“ Александра Ивановича Хлестакова, но и оставшаяся правда — „веселенькій пейзажикъ.“ Хороша форма правленія, гдѣ людишки, съ душевнымъ багажемъ Ціона, могутъ мастерить союзы и милліардные государственные займы, гдѣ „пѣнившійся въ пустотѣ“ „мерзавецъ пера“ Іудушка-Катковъ могъ семь лѣтъ полномощно править несчастной Россіей! При чтеніи книги, у меня нѣсколько разъ опускались руки передъ непозволительною, глупою хвастливостью Ильи Ціона. Неужели этотъ дѣйствительно тайный совѣтникъ и франпирующій, явный „лоботрясъ“, не догадывался, что его похвалы, съ человѣческой точки, неизмѣримо хуже самой злостной брани, бичующей сатиры? Одинъ розовый республика-

нецъ, прочтя шельмующій панегирикъ, сказалъ моему пріятелю: „Теперь я понимаю вполнѣ ваше отвращеніе, ненависть къ Александру III, Каткову, Побѣдоносцеву, какіе мрачные, тупые, бездушные негодяи. Наши бонапартисты, восхваляя Наполеона I, силились доказать, что при немъ торжествовала свобода, конституція, гуманность; Ассиріей, Вавилоніей иногда управляли свирѣпые кастраты,но ваши педерасты, опанисты, стоящіе во главѣ государства, превзошли ихъ.“

Во истину, не поздоровится отъ похвалъ Ціона. Наши палачи не бросаютъ, но просто жгутъ народныя деньги. Порядочныхъ людей подкупить нельзя, а сволочь сколько ей не плати, выйти изъ сволочи не можетъ; ея каменья воздвигаютъ пьедесталы, ея похвалы углубляютъ помойную яму. Пройдетъ десятокъ лѣтъ, и вы посмотрите, во что превратятся дифирамбы Александру III и его честной компаніи.

Мы желаемъ отъ всей души, не смотря на помѣщенную въ ней клевету, распространенія книги Ціона. Пусть почаще выходятъ такія апологіи палачей Россіи. Умѣетъ похвалить Илья Ціонъ!! молодецъ Илья Ціонъ!!!

Разсказъ очевидца о покушеніи СОЛОВЬЕВА

Въ Ниццѣ, въ кафе, я озиралъ наше, прѣвосходящее подлостью старое, „Новое Время“. Къ столику подсѣлъ господинъ, съ круглыми, какъ у совы, глазами. Долго молчалъ онъ, и, наконецъ не выдержала русская душа, вытягивая слюнявыя губы, какъ бы для лобзанья, простирая длани, какъ бы для обниманія, онъ патетически воскликнулъ: „Скажите на милость, какая пріятная неожиданность, вы — русскій! Кто бы могъ ожидать!? Вотъ уже двѣ недѣли, какъ не слыхалъ нашего родимаго, славнаго русскаго языка. Ни одинъ французъ, сударь мой, не знаетъ слова по русски, мы же напротивъ, истинно уму непостижимо. Гарсонъ! хвитъ, силнъ вунъ вплеиъ“ *)

Разговоръ зашелъ о событіяхъ, новый знакомый былъ очень откровенъ. Въ качествѣ третьеотдѣленца онъ, всюду, слѣдовалъ за Александромъ II и присутсутствовалъ, вмѣстѣ съ Кузьмою Захаровымъ, при выстрѣлѣ Соловьева. Вотъ что онъ мнѣ передалъ:

„Его величество, при первомъ выстрѣлѣ, какъ бы, пали, а затѣмъ тотчасъ же, чрезмѣрно, можно сказать,

*) Сохраняю во всей неприкосновенности французскій языкъ третьеотдѣленца.

восхитительно быстро, прослѣдовали, на четверинкахъ, черезъ всю дворцовую площадь и, августѣйше изнемогая, какъ бы почили на безпредѣльно осчастливенныхъ ступеняхъ подъѣзда дома Горчакова. Задыхаясь отъ безпредѣльныхъ чувствъ, я и Кузьма Захаровъ подбѣжали къ ихъ Величеству... Лицо ихъ было цвѣта неопредѣленнаго, землѣ преподобное, шея... весьма и весьма раздута, примѣрно, какъ на рисункахъ у очковой змѣи. У всего дома Романовыхъ, и даже далекой родни ихъ Величества, шеи отличаются непомѣрною полнотою и весьма аппетитною припухлостью на затылкѣ, нашъ государь, въ этой очень пріятной игрѣ природы, перещеголяли всѣхъ, даже ихъ августѣйшаго дядюшку Гиля Гогенцоллерна. Государыня, цѣлуя ихъ Величество въ державную хряпочку, не разъ въ шуточномъ настроеніи, говаривали: „Ахъ, ты, пуховая, пуховая, жировая подушечка!“ Сестрицы Долгорукія, не разъ, онную подушечку, въ страстяхъ, пощипывали... Шея, говорю я, была раздута, пульсъ слабъ. Я и Кузьма Захаровъ — оба мы, впослѣдствіи, удостоились получить медали, съ чувствительною надписью: „за спасеніе погибавшихъ“ — подняли государя императора. Не смотря на переполненіе чувствами, мы почувствовали... ничего не скрою отъ васъ, сударь мой, со слезами скажу... переполненіе штановъ порфироносныхъ, необычайная теплота въ филейныхъ частяхъ и весьма великій запахъ, какъ бы отъ выплеснутаго полнаго горшка, ясно указывали на неоднократное и немалое прослабленіе. Его Величество скоро милостиво прозрѣли, первыя слова ихъ были полны ангельской благопожелательности.

„Осторожнѣе, дѣти, чтобы не размазать“. Не знаю, какимъ образомъ у меня вырвались слова, можно сказать, святотатственныя: „Ваше Величество! объ этомъ узнаютъ иностранныя державы и удивятся; шапка Мономаха поколеблена, честь военнаго мундира насквозь пропахла“. Монархъ, кротко взглянувъ на меня, херувимски произнесъ: „Знаю, дѣти, знаю, что не хорошо, но еще разъ повторяю: осторожнѣе, чтобы не размазать“. Мы, павъ на колѣни, разрыдались; въ порывахъ безпредѣльнаго раскаянія, я нѣсколько разъ поцѣловалъ штаны монарха въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ было

тепло. Государь, какъ бы въ умиленіи, ткнули мнѣ самодержавнымъ пальчикомъ нѣсколько разъ въ носъ и тихонько пригрозили. Признаюсь вамъ, я расцѣловалъ пальчикъ съ безуміемъ. Но вы, можетъ быть, скажете, сударь мой, что цѣлованіе было смѣло, дерзко, можно сказать, крамольно, что я зазнался, вздумалъ фамильярничать, превзошелъ въ порывѣ высшіе чины государственные, но не забывайте, что безпредѣльность, безконечность чувствъ извиняетъ все; царелюбцамъ все дозволено! Царелюбцамъ все прощается! Положенные въ коляску № 14, принадлежащую отставному агенту-провокатору, полковнику Чистотѣлову, ихъ Величество впали въ меланхолію, какъ бы сквозь сонъ, повторяли: „Ловко пролупилъ, силенки, слава Богу, еще есть, не занимать ... на четверинкахъ много шибче ... сѣрый въ яблокахъ не поспѣлъ бы... шалишь, братъ Сашка!!... Скажите, выдумки какія, какъ на кабана стали охотиться ... нечего сказать вѣжливы ... славныя манеры“.

Подъѣзжая ко дворцу, съ удивленіемъ спрашивали: „Куда дѣвалась вся истинная нація? Отчего не было ея при посяганіи? Почему никто не бросился патріотически, разрывать на части?“ Приказывали третьему отдѣленію, безпремѣнно, въ 24 часа, доставить націю, а затѣмъ, какъ бы въ бреду, допрашивали, какъ зовутъ подсудимаго? Гдѣ живутъ его родные и знакомые? Чтобы ихъ, немедленно, попытать и повѣсить, или же сначала повѣсить, а потомъ все узнать. Въ случаѣ же полной невинности, опять таки повѣсить, но уже не въ видѣ наказанія, но скорѣе для примѣра. Не получая надлежащихъ отвѣтовъ, косили глазами, подригивали ножками.

„Во дворцѣ ихъ Величество встрѣтили Государыня Императрица; высочайше быстрыми шагами онѣ прослѣдовали на встрѣчу, но подойдя милостиво воскликнули: „Александръ, Александръ, куа ту хве? Кувиль водеръ!“ Его Величество взглянувъ съ свирѣпствомъ, какъ бы рявкнули: „Хвинисе! Деванъ ле жансъ. Анъ пропонъ, ма ширъ, какъ зовутъ родныхъ и знакомыхъ того охотника, то есть ммеррз... который... скоро истинно честному, вполнѣ русскому нельзя будетъ выйти изъ сортира... какое полосканіе ... тьфу, ты, чортъ, шатаніе мыслей“...

„Въ покояхъ дожидали ихъ Величество шефъ третьяго отдѣленія, полный генералъ Тянижиловъ и флигель-адъютантъ Шкуродеровъ, они держали у глазъ платки и вытирали какъ бы слезы; растроганные ихъ непритворными чувствами, Императоръ повелѣли: „Ведите меня скорѣе въ тронную, — въ кабинетъ... кабинетъ бѣлаго Орла... захватите одеколонъ и вполнѣ русскія газеты, патріотическія".

„Не смѣя присутствовать при дальнѣйшемъ, только самые высшіе чины, сударь мой, къ сему допускаются, я спрятался за дверьми. Послѣ нѣсколькихъ минутъ, не скажу молчанія, хозяинъ земли русской воскликнули: „Сначала „Гражданиномъ", „Московскими Вѣдомостями" послѣ".

„На счетъ медали скажу: полагалась золотая, но корысть ненасытная, дворцовая, замѣнила злато мѣдью... Что мнѣ медалишка эта! Но когда, сударь, прочту написанное на ней — слеза каплетъ".

Кара - націи

Къ царю грозно богъ обращается:
„Ахъ, ты, подлый червякъ, ядовитый гадъ,
Вошь ползучая, мразь кровожадная,
Воочію ты, червякъ, завираешься...
Брешутъ ваши попы толстопузые,
Будто всѣхъ я васъ, дурни, помазывалъ!
Да я знать васъ не знаю, не вѣдаю,
Кровопійцы, отродіе Каина,
Палачи, душегубы, грабители,
Васъ помазала подлость холопская,
Загребущая лапа поповская!“
* * *
“Сказка про то, какъ царь Ахреянъ
Ходилъ богу жаловаться“
Гр. Ал. Толстой.

Преодолѣвая невыразимое отвращеніе, исключительно для возбужденія желчи, я прочитывалъ конюшенную лирику. Нѣкій пылкій хамъ Прокофіевъ, могущій, по временамъ, соперничать съ самимъ отцомъ хамской лести, брехни, пресмыкательства, пролазничества, генераломъ Богдановичемъ, поощряемый дворцовой дворней, доставлялъ въ „Новое Время“ описанія торжествъ, апологіи преступленій. Каждый день, на четырехъ столбцахъ, онъ нырялъ въ море серебра, рѣкахъ золота, потокахъ брилліантовъ, слѣпъ отъ перелпвовъ, отраженій, сверканій. Каждый день онъ, можно сказать, низкоподданически обслюнявливалъ коронацію, долизывалъ, недостаточно вылизанное Богдановичемъ, съ братіей. Корреспонденты, неистово смакуя брилліанты, золото, серебро, видимо, хотѣли въ концъ раздражить всѣхъ кокотокъ и содержанокъ, потѣшить душу нашихъ шаловливыхъ дамочекъ, вернувшихся изъ Монте-Карло.

Предоставляю судить о сюрпризѣ, когда рядомъ съ восторженной похабщиной, мнѣ, неожиданно, попалось въ незамѣтномъ мѣстѣ, крошечное правительственное извѣщеніе, незначительное по духу, какъ бы между прочимъ:

„Блистательное теченіе коронаціонныхъ торжествъ омрачилось прискорбнымъ событіемъ. Сегодня 18 мая, задолго до начала празднества, толпа, въ нѣсколько сотъ тысячъ, двинулась такъ стремительно къ мѣсту раздачи угощеній на Ходынскомъ полѣ, что стихійной силой своей смяла сотни людей. Вскорѣ порядокъ былъ возстановленъ, но къ крайнему прискорбію, послѣдствіемъ перваго натиска толпы было не мало жертвъ. По свѣдѣніямъ полиціи до 4 часовъ — убитыхъ триста тридцать одинъ, раненыхъ четыреста девяносто пять“.

Отчего стихійная сила натиска не проявилась по всему пути шествія трясущагося царишки?

Въ этихъ строкахъ ясно сквозитъ, что нужно быть анархистомъ, сѣющимъ всюду крамольную вражду къ правительству, чтобы обратить вниманіе на подобную стихійность. Превратная катастрофа внесла раздирающій дисонансъ въ ослѣпительно роскошную коронацію; изуродованные до неузнаваемости трупы, крамольнически, отвлекли вниманіе отъ высочайшихъ особъ, отъ ихъ скромныхъ баловъ, идиллическихъ забавъ, благолѣпныхъ пріемовъ... То не болѣе, какъ стихійная сила: градъ, ураганъ, молнія, вины тутъ некого. Десятки тысячъ явныхъ, тайныхъ полицейскихъ заняты были охраненіемъ священнѣйшей особы, державнаго хозяина земли русской, осмотромъ всѣхъ частныхъ квартиръ, арестами, высылками слегка невинныхъ, благоразумными натисками на любопытную публику.

Неблагонамѣренные росказни о выдавливаніи внутренностей могутъ навести на мысль о выдавливаніи послѣднихъ грошей изъ націи на торжества коронаціи, и на другія крайне злонамѣренныя сопоставленія.

Мнѣ понравилась правдивая цифра: 495 помятыхъ, изувѣченныхъ, точно рекламная цѣна въ витринахъ базаровъ: 4 руб. 95 коп., пяти копѣекъ не достаетъ до пяти, а все почему то сдается — четыре рубля.

Выше упомянутый рабъ Прокофіевъ, въ игривомъ тонѣ, упомянулъ о стихійномъ, нелѣпомъ натискѣ, о кой какихъ жертвахъ. Но послѣ, очень и очень далекаго отъ истины, правительственнаго заявленія о 1200 трупахъ, онъ нѣсколько измѣнивъ тонъ, заговорилъ, чуть не съ презрительной улыбочкой, рѣзвымъ юморомъ о погибшихъ „босоножкахъ“. Между строкъ ясно читалось: какой позоръ подымать скандальный шумъ изъ за какой то тысченки плюгавыхъ босоножекъ, съ какихъ это поръ они получили права на жизнь? Неужели права на порку для нихъ недостаточно? Во время свадьбы дагомейскаго самодержца восторженно умираютъ тысячи не худшихъ, но лучшихъ гражданъ. Истинно благонамѣренный обыватель долженъ благословлять коронацію за очистку Москвы отъ безпокойнаго, назойливаго элемента. Въ этомъ очищеніи мы видимъ, какъ бы воочію, исключительную заботливость Творца вселенной о своемъ помазанникѣ ... Порывистое, нѣсколько рѣзкое истребленіе того же элемента московской полиціей, вызвало бы, пожалуй, среди лжелибераловъ, неблагонадежные толки, тогда какъ очищеніе однимъ благимъ взмахомъ перста божьяго должно у всѣхъ, вполнѣ русскихъ, вызвать неподдѣльный, благоговѣйный восторгъ, признательность. Не мѣшаетъ нашему незамѣнимо преданному царелюбцу-Богдановичу сдѣлать благопожелательные выводы изъ катастрофы, объяснить ее нѣсколько запоздалымъ воздаяніемъ за мученическую смерть Александра II. Ясно, что Москва, въ то время, недостаточно цѣлокупно постилась, каялась, молилась.

Въ день гекатомбы на Ходынскомъ полѣ, во французскомъ посольствѣ, какъ ни въ чемъ ни бывало, справляся балъ, справлялось дикое торжество, когда уже всѣмъ стало извѣстно, что цѣлая гора изъ тысячъ труповъ воздвиглась въ честь коронаціи, изъ труповъ распухшихъ, обезображенныхъ до потери человѣческихъ формъ... Умерли вѣчно голодающіе, не вкусивъ истинно царскаго подарка: нѣсколькихъ конфектъ изъ извести, пирога изъ гнилой муки и куска колбасы изъ стервятины!

Надъ рвами, куда провалились тысячи, образовалось черное облако, отъ стѣсненнаго дыханія медленно

и страшно умирающихъ. Придавленные другъ къ другу, черные, съ помутившимися, отъ невыносимаго страданія, глазами, они не стонали, тишина стояла гробовая... Многіе, видѣвшіе это умираніе тысячъ людей, превосходящіе всѣ ужасы Дантовскаго ада, послѣ сошли съума.

Умираетъ какая нибудь ядовитая гессенская муха или высочайшій швейнерейскій принцъ, и трауръ накладывается чуть не на всю Россію.

Кара націи выражается чуть не въ восьми тысячахъ труповъ, и веселье, пляски доходятъ до своего апогея; кровожадные самцы, самки, носятся по трупамъ, нагло кружась, блестя брилліантовыми ошейниками; веселая музыка заглушаетъ хрипъ, стоны, мольбы, молитвы уцѣлѣвшихъ искалѣченныхъ. Ароматъ южныхъ цвѣтовъ — смрадъ тысячъ труповъ. Сіяніе безчисленныхъ электрическихъ солнцъ далеко гонитъ тьму, поднявшуюся изъ черныхъ безднъ народнаго горя.

Гекатомба 18 мая, по числу жертвъ, — цѣлая Плевна, она, въ своемъ родѣ, Седанъ коронаціи. На августѣйшую семейку, на всѣхъ ликовавшихъ, въ страшные дни, она наброситъ исполинскій саванъ.

Гибель двухъ тысячъ человѣкъ на свадьбѣ Людовика XVI возбудила въ народѣ зловѣщія предсказанія, когда царственныя головенки соскользнули въ мѣшокъ съ отрубями, народъ, навѣрное, вспомнилъ 2000 труповъ. Когда французскій посланникъ, наивно, передалъ эти событія, нашъ самодержецъ, по его собственному сознанію, почувствовалъ ледяное прикосновенье сѣкиры на своей шеѣ.

Почти восемь тысячъ труповъ: Это огневою рукою начертанныя: „Мани, текелъ, фаресъ“. Не кончится ли архинелѣпѣйшее, омерзительное царствованіе, какъ сама коронація??

Законы исторической Немезиды неумолимы. Возмездіе принимаетъ самыя причудливыя формы, разитъ оно порою скрытно, медленно; порой грозно, быстро, но разитъ неизбѣжно, оно фатально вытекаетъ изъ самихъ поступковъ. Сословія, единицы платили, платятъ и будутъ платить за свое роковое непониманіе, за свои злыя ошибки.

„Злое дѣло вѣчно съ собою духа мстителя несетъ“.

Кто знаетъ, нынѣче тысячи труповъ, освѣщенныхъ призрачнымъ свѣтомъ, внизу, а завтра, быть можетъ, тысячи труповъ, озаренныхъ солнцемъ свободы, вверху.

Кто знаетъ, можетъ быть, тысячи труповъ, наконецъ, переполнятъ чашу великихъ скорбей, невыносимыхъ униженій, которую пьетъ вся Россія сотни лѣтъ, безъ передышки, подъ свинцовою пятою самодержавнаго Молоха, безсильнаго на добро, всесильнаго на зло.

Читая о коронаціи нецерпаго медвѣдя III-го, мы думали, что горячечный бредъ истощился, и издѣванія надъ злополучной страною идти далѣе не могутъ. Нынѣшняя кара націи ясно показала, что правительственнымъ преступленіямъ, грабежамъ нѣтъ предѣловъ. На рубежѣ XX-го вѣка, передъ нами проползъ средневѣковой, чудовищный кошмаръ; подъ золотомъ, брилліантами, роскошными одеждами, мертвецы скрывали свое разложеніе.

Кроваво бездушенъ былъ, въ отношеніи великихъ праведниковъ, манифестъ Александра III, но и онъ покажется чуть не милостивымъ, въ сравненіи съ манифестомъ новаго бездушнаго негодяя... Вникните на секунду: министру застенка — Муравьеву поручено облегчить участь политическихъ мучениковъ, если онъ найдетъ вполнѣ достойныхъ... Ему, выдернувшему на эшафотѣ, скамейки изъ подъ ногъ Желябова, Перовской, Кибальчича, Михайлова, Рысакова, поручено выбирать достойныхъ! Это все равно, что палачу разжившемуся отъ продажи игрокамъ кусковъ веревокъ съ съ шеи казненныхъ, поручить помилованіе. Вѣдь только благобаря поставкѣ на муки и висѣлицы цареубійцъ, онъ сталъ министромъ.

Мы, не вѣря глазамъ, прочли о балѣ во французскомъ посольствѣ. Становится невѣроятнымъ, что посолъ демократической республики не заарканилъ очумѣвшаго азіата, не внушилъ ему, что балъ, во время народнаго ужаснаго бѣдствія, равнялъ его съ дагомейскимъ чудищемъ, льющимъ потоки крови въ дни своихъ варварскихъ празднествъ. Президентъ Форъ, напедшій столько лицемѣрныхъ, пошлыхъ фразъ для поздравленія разнузданнаго азіата, не нашелъ ни одного задушевнаго слова, по поводу народнаго бѣдствія. Какъ быстро вымираютъ послѣдніе отмѣтки французской ари-

стократіи и вся буржуазія, какъ быстро каменѣетъ сердце... Но, рядомъ съ гнуснымъ поведеніемъ французскаго посланника, особенно рѣзко выступило гордое, полное гуманности, такта, поведеніе англійскаго, какую звонкую пощечину далъ онъ нашему дикарю отъ всего великобританскаго правительства и королевы Викторіи.

II

Не прошло четырнадцати лѣтъ послѣ собачьяго пиршества, какъ оно снова повторяется, въ еще болѣе безпардонной, безобразной формѣ. Кучи дворцовыхъ, ненасытныхъ воровъ, предчувствуя близкій конецъ деспотіи, спѣшатъ разжиться на пропалую на самодержавномъ манекенѣ. Коронація — бѣшенная, азартная игра дворцовой биржи, благодаря ей, изукрасятъ свои пустыя груди крестами, звѣздами, жадныя толпы дворцовыхъ лакеевъ.

Выдохшееся, омерзѣвшее всѣмъ самодержавіе, силются взмылить вымученными изъ народа милліонами.

Полюбуйтесь на раздирающіе душу контрасты, на горячечное безуміе исторіи: черныя, дымныя, убогія лачуги, освѣщаемыя въ зимніе долгіе вечера лучинкою, и кремлевскія башни, стѣны, храмы, публичныя зданія, озаренные безчисленными электрическими солнцами; дворцы, залитые золотомъ, серебромъ; троны, балдахины, придворныя одежды, вышитыя золотомъ, драгоцѣнными каменьями.

Народъ — нищій, народъ — скиталецъ, вегетерьянецъ поневолѣ, давно потерявшій надежду ѣсть круглый годъ хлѣбъ, безъ лебеды, золы, листьевъ, — и тысячи царскихъ столовъ, ломящихся подъ золотою посудою, тысячи колоссальныхъ блюдъ, наполненныхъ фантастическими явствами. Народъ, пьющій кислый квасъ въ будни, дурманъ въ праздники, и драгоцѣнные дворцовые кубки, вѣчно наполненные ароматными, старыми винами.

Жалкія телѣженки, клячи съ веревочной, рваной сбруей и золотыя кареты, сотни дивныхъ коней, въ золотыхъ сбруяхъ, осыпанныхъ драгоцѣнными каменья-

ми. Благородные кони везли тварей, недостойныхъ служить имъ въ конюшняхъ, для чистки навоза, изъ подъ ногъ.

У народа не хватаетъ денегъ на деготь, чтобы смазать деревянныя оси колесъ, сапоги — въ праздники, и рядомъ, на смазку одной ничтожнѣйшей, жестяной головы, на половину разбитой саблею японскаго полицейскаго, вышвырнуто шестьдесятъ милліоновъ рублей.

Опять сволочь пера, чающая движеніе воды, силится растлить публику холопскою лирикою, пускаетъ въ сотый разъ свое рвотное клише, снова безстыжіе холуи завертѣли старую. разбитую шарманку, затянули о безпредѣльныхъ чувствахъ, безконечной преданности, о таинственномъ союзѣ царя съ народомъ, подъ вліяніемъ помазка. Всѣ наши чудинци въ Успенскомъ соборѣ мазались, сливались, таинственно осѣнялись всякими благодатями, а по выходѣ изъ храма, какъ ни въ чемъ не бывало, принимались за старое: десятки милліоновъ летѣли въ прорву, лишь отягчая непомѣрныя подати, ничего не измѣняя къ лучшему. Крѣпостное право все шире распускало свои цѣпкіе ядовитые корни, изсушая русскую землю и русскую душу; свистѣли въ воздухѣ кнуты, палки, розги; шелъ по всей землѣ нескончаемый стонъ, росла тьма, царили осатанѣлый произволъ, ненасытный грабежъ, и не коронація, а севастопольскій разгромъ, крестьянскія возстанія по всей Россіи, горячій протестъ лучшихъ людей покончили съ частью невѣроятныхъ ужасовъ.

Снова въ Москвѣ рыскала день и ночь опричнина, переворачивая все верхъ дномъ, грабя, гдѣ можно, высылая, гдѣ вздумается. Снова колоссальныя арміи выстраивались въ десятки рядовъ по бокамъ шутовскаго, безобразнаго шествія, и, за ихъ спиною, десятки тысячъ шпіоновъ, провокаторовъ, не совсѣмъ удачно, разыгрывали обожающихъ, благонамѣренныхъ кроткихъ поселянъ.

Снова сословія, кляня въ душѣ новаго, заклейменнаго въ Успенскомъ соборѣ убійцу, вора, взяточника, поволокли ему подачки, въ видѣ блюдъ, иконъ, тарелокъ, складней.

Послѣ тысячъ труповъ, во время бала у педераста города Москвы, Сергѣя, переодѣтыхъ предателей заставили, на площади, пропѣть нѣсколько разъ: „Боже царя храни“. Пѣніе указывало ясно, что ходынская гекатомба пришлась народу по сердцу, и онъ какъ бы взываетъ о позволеніи, еще разъ задохнуться во рвахъ, во славу копѣечной, жестяной кружки, съ иниціалами самодержца и куска колбасы, изъ дохлой псины. Плачевный дисонансъ внесла маленькая, повидимому настоящая народная группа, вдругъ слезно запѣвшая, рядомъ съ „Боже царя храни“, „Спаси, господи, люди твоя“. Иронія вышла, по истинѣ, крамольная.

Впрочемъ, нынѣшняя коронація явила нѣчто новенькое, невинное, самобытное. Для сдерживанія неподдѣльнаго энтузіазма, обожанія, безпредѣльныхъ чувствъ, величайшаго одушевленія, она пустила въ ходъ желѣзные канаты. Эти трогательныя, воздушныя, самодержавно православныя преграды, порой, врѣзывались въ пустые животы вѣрныхъ мужичковъ, напоминая о таинственномъ объединеніи царя съ народомъ, объ осѣненьи царя небесною благодатью.

Властители другихъ странъ, благодаря намордннку конституціи, не смѣютъ на публичныя безобразія истратить десятокъ тысячъ франковъ, нашъ азіатъ, на собачій пиръ, выбрасываетъ десятки милліоновъ и при этомъ манифестами извѣщаетъ въ конецъ ограбленную страну, что онъ ее чрезмѣрно, неслыханно, удостаиваетъ, осчастливливаетъ.

Но рядомъ съ самодержавіемъ отличилось оффиціальное, казенное, жандармо полицейское православіе, опо плеснуло на насъ душевною грязью, подлой угодливостью. Старый рукоблудникъ, кіевскій митрополитъ, желая зацѣпить на грудь лишнюю, хотя земную, но все же блестящую, звѣздочку, вклеплъ въ свою благоутробно неблагопотребную рѣчь слѣдующій пассажъ противъ революціонеровъ:

„Мечты и замыслы горсти несчастныхъ, основать благо и счастье народа на иныхъ самоизмысленныхъ началахъ, не встрѣчаютъ сочувствія себѣ, не смотря ни на какія ихъ ухищренія. Православный, русскій народъ смотритъ на нихъ, какъ на измѣнниковъ своему отечеству“.

Видимо, подъ бѣлымъ клобукомъ копошились черныя мысли, а брилліантовый крестъ на клобукѣ давно заслонилъ настоящій, праведной кровью облитый крестъ на Голгоѳѣ. Вмѣсто защиты замучиваемыхъ искупителей, призыва къ человѣчности, состраданію, справедливости, изъ поганныхъ устъ вырвались одни наускиванья, пресмыканья передъ Навохудоносорщиной, виляньe передъ Побѣдоносцевщиной. Желчь подымается при мысли, что наши пустосвяты, вопящіе противъ суеты мірской, смѣютъ дѣлать вылазки въ политику, они забываютъ, что изъ мyроточиваго черепа выходить имъ отнюдь не слѣдуетъ.

Когда сваливали на телѣги лишившихся чувствъ, вмѣстѣ съ умершими, чтобы поскорѣе сбросить, минуя возню съ очнувшимися, въ одну общую яму, поклонники бога: бѣдныхъ, угнетенныхъ, униженныхъ, обремененныхъ, боясь запачкать шелковыя, лазурныя рясы, бѣлые клобуки, послали на полѣ смерти бѣдныхъ, захудалыхъ попишекъ. Какъ яро раболѣпствовали они передъ плюгавенькимъ деспотомъ и какъ холодно отвернулись отъ его жертвъ, изъ народа; прояви они человѣческое чувство, ими остался бы недоволенъ компаньонъ по ночнымъ шалостямъ Побѣдоносцевъ, и имъ пришлось бы только любоваться паденіемъ звѣздъ, крестовъ, на чужія груди.

Иванъ Кудесникъ испресмыкавшійся въ послѣднее время передъ высшими властями, возлагавшій длани въ Ливадіи на лысину самодержца, описавшій боголѣпнымъ слогомъ смерть гатчинскаго людоѣда, думая поднять совсѣмъ и навсегда упавшую популярность, отправился служить панихиды на Ходынское поле. Но колоссально нелѣпыя, хамскія рѣчи, жандармская мораль подгадили панихиды: оказывается, что кудесникъ принимаетъ душу за бивштексъ, онъ грозитъ, что ее дьяволъ будетъ поджаривать на рѣшеткѣ. Впрочемъ, разница съ бивштексомъ та, что бивштексъ, поджарившись, начинаетъ подгорать, а душа ни капельки не подгорая, оставаясь розовой, можетъ жариться, во славу милосерднаго творца, вѣчно.

Ш

Цѣлая гора обезображенныхъ труповъ не охладила конюшеннаго, хорошо оплачиваемаго, экстаза въ Прокофьевѣ и Лялинѣ; макая перья въ дворцовыя плевальницы, они продолжали воспѣвать величайшее народное одушевленіе, исконную преданность, полное сліяніе народа съ царемъ, и вдругъ грянулъ громъ, — конечно не изъ тучи. Въ томъ же „Новомъ Времени“ Суворинъ выступилъ съ письмомъ, полнымъ неожиданныхъ откровеній.

Не забывайте, что ихъ высказалъ Суворинъ, писака крайне преданный, по временамъ даже обожающій, оптимистъ въ сторону дворцовъ и зданья у Цѣпного моста. Выпишемъ самыя пикантныя:

„Надо было послушать, что говорилось въ толпѣ, надо было присмотрѣться къ ея настроенію“.

Воля ваша, тутъ пахнетъ крамолою! Невольно видятся камни, вырванные изъ мостовой, топоры, ножи, веревки прицѣпленныя къ фонарямъ, слышутся глухой звукъ тѣлъ, падающихъ съ колоколенъ на камни, и крикъ свирѣпо ликующій: „любо! любо!“

„Московская толпа, что-то старое, временъ Алексѣя Михайловича“.

Мы понимаемъ, что хочетъ сказать Суворинъ, стѣсняемый разнообразными цензурами. То была толпа, властная, грозная, не вполнѣ забывшая народное вѣче, она не разъ останавливала зазнавшагося, забывшаго земскій соборъ, царя, грозила ему смертью.

„Толпа съ лоскомъ питейныхъ домовъ и сомнительнаго чтенія“.

Что значитъ сомнительное чтеніе? Брошюрки Исаакіевскаго собора, богоугодныя житіи разныхъ святыхъ, преподобныя описанія святыхъ обителей и прочая третьеотдѣленская литература, въ глазахъ Суворина, конечно, стоятъ внѣ сомнѣнія; видимо, проскользнуло нѣчто другое, инквизиторски преслѣдуемое, вполнѣ ясное для народа, обольстительное своимъ мощнымъ, революціоннымъ протестомъ, святою правдою.

„Толпа, съ растущей завистью къ состоятельнымъ классамъ“.

Куда же сгинули неописуемые народные восторги коронаціей? Во что превратились всѣ корреспонденціи лизуновъ? Коронація представляла не состоятельность, но роскошь уродливую, безумно преступную, неистовую, страшную своимъ безграничнымъ презрѣніемъ къ задавленному податями, обнищалому народу. Если растетъ зависть къ состоятельнымъ классамъ, то какое же бѣшенство должно было подняться въ душѣ народа-нищаго, при видѣ царскихъ, сказочныхъ, безчисленныхъ дворцовъ, апогеи роскоши, выразившейся въ коронаціи?

„Надо воспитывать толпу распространеніемъ здравыхъ понятій и дисциплины“.

Мы знаемъ, что подразумѣваетъ Суворинъ, съѣхавшій отъ трусости со здравья на упокой, подъ здравыми понятіями. Они фигурируютъ въ брошюркахъ Богдановича, корреспонденціяхъ Прокофьева съ братьей, въ казенныхъ телеграммахъ изъ всѣхъ городовъ, сословныхъ адресахъ. Разъ нужно сѣять здравыя понятія, водворять дисциплину, то ясно, что они отсутсвуютъ. Но тогда, куда же провалились, съ позволенія сказать, „священныя основы“ и „истинно національныя традиціи“?

„Вы сообразите только, что въ одну ночь можетъ набраться въ городъ 800-тысячная толпа, а въ такой толпѣ всегда найдется элементъ буйный, тѣмъ опаснѣе для нея самой и другихъ, оставившихъ ее одну“.

Если толпа пылаетъ беззавѣтнымъ обожаніемъ, лежитъ, вполнѣ довольная, въ стопахъ, то какимъ образомъ ею могутъ руководить буйные элементы? Ей слѣдуетъ только, ввиду дьявольскаго искушенія, осѣнить себя крестнымъ знаменьемъ и кротко затянуть: „боже, царя храни“, и ошоломленные, буйные элементы, тотчасъ же растаятъ, какъ „воскъ отъ лица огня“; блюстителямъ безпорядка придется только констатировать, на гербовой бумагѣ, весьма утѣшительное явленіе.

Мы давно соображаемъ и съ каждымъ днемъ все болѣе укрѣпляемся въ мысли, что не за Воробьиными горами день, когда неожиданно соберутся сотни тысячъ

народа, и не въ одну Москву, и буйные элементы, ставъ во главѣ, повѣдутъ ихъ на ненасытныхъ грабителей лютыхъ палачей Россіи...

Мы давно соображаемъ, что наши арміи почуявъ дружное возстаніе, какъ это было вездѣ, во всѣ времена, тотчасъ же перейдутъ на сторону своихъ настоящихъ братій; онѣ изъ народа, и, конечно, въ славные дни, станутъ на сторонѣ народа.

Только одно идіотское, слѣпорожденное, вполнѣ оторванное отъ націи, русское правительство могло не понимать, что революціонное движеніе, длящееся чуть не семьдесятъ лѣтъ, явившее чудеса героизма, любви, самоотверженія, было ослѣпительнымъ предвѣстникомъ тихаго, медленнаго пробужденія всей Россіи, близящейся народной революціи. Началось движеніе съ офицеровъ, аристократовъ; возмужавъ, окрѣпнувъ, оно перешло на разночинцевъ, а въ послѣдніе года, ускоряемое чудовищнымъ ретроградствомъ правительства, охватило наконецъ всю націю.

Сѣмена, брошенныя съ подмостковъ Голгоѳы, 3 апрѣля 81 года, орошенныя кровью тысячъ невинныхъ, наконецъ, взошли...

Петербургскіе рабочіе, протестуя противъ кровавыхъ безумій коронаціи, разбили камнями бюсты августѣйшей парочки, выставленные въ парадныхъ мѣстахъ. Но кто знаетъ, можетъ быть, въ одинъ дивный день, они камнями разобьютъ пустыя головы настоящихъ августѣйше пустѣйшихъ особъ...

Знаменія идутъ со всѣхъ сторонъ. Мрачная глупость русскаго правительства, повидимому дошедшая до послѣднихъ предѣловъ, все увеличивается, куриная слѣпота растетъ, провокированія націи становятся наглѣе и наглѣе.

Всѣ правительства, во всѣ времена, накапунѣ гибели, вели себя точно также. Разумъ, неявлявшійся во все время правленія, явиться разомъ, подъ конецъ, конечно не можетъ.

Иди, иди смазанный въ Успенскомъ соборѣ, нелѣпый, злой, слѣпой щенокъ, куда толкаетъ тебя неумолимая, историческая Немезида! Тебя пожалѣютъ одни убійцы, воры, шпіоны, провокаторы, такъ какъ съ то-

бою исчезнетъ ихъ благоденствіе, чины, жалованья, вознагражденія...
Мы рады, что готовившіеся къ коронаціи удары были отложены: преврати бомба слизлаго самодержца въ слизлую слякоть до манифеста, снова пошли бы невыносимо подлыя лакейскія сказки о всевозможныхъ амнистіяхъ, дарованьяхъ, увѣнчаньяхъ зданья. Теперь вся Россія, навѣрное, пойметъ, что внѣ террора, внѣ революціи нѣтъ спасенія. Кара націи расчистила террору громадный путь, далеко отбросила всѣ препятствія. Ждать чего нибудь отъ сынка пустопорожней Маріи Ѳеодоровны и духовнаго чада опана Бѣдоносцева, становится съ настоящей минуты тяжкимъ, государственнымъ преступленіемъ. Это онъ, дергаемый за шнурочки, осмѣлился пропищать о „безсмысленныхъ мечтаньяхъ".

Восторжествуй борьба на несуществующей легальной почвѣ, и цѣлое поколѣніе будетъ снова изжарено въ собственномъ соку.

IV

Свободныя, уважающія себя газеты, конечно, не послали своихъ корреспондентовъ въ Москву, зная, что горькая правда будетъ немедленно задержана дворцовой челядью, онѣ догадывались, что она будетъ сама себѣ строчить необузданныя хвалы, а затѣмъ, раздавать всячески умасляемымъ писакамъ только для усиленья радужныхъ красокъ и усовершенствованія реторики.

Наѣхали въ Москву корреспонденты, за малымъ исключеніемъ, покладистые, способные краснѣть только отъ вина, считающіе человѣческое достоинство смѣшнымъ предразсудкомъ, принципы — ничѣмъ, деньги, даже въ формѣ русскихъ бумажекъ, — всѣмъ. Нѣкоторые изъ нихъ, старенькіе, видали виды при имперіи. Изощренное клише у каждаго было въ карманѣ. Корреспондентъ органа крупныхъ кокотокъ и всевозможнѣйшихъ и невозможнѣйшихъ высочайшихъ особъ, фигурировалъ на первомъ планѣ.

Можете судить о политическомъ развитіи дворцовыхъ сферъ, если онѣ могли расчитывать на какое ни-

будь значеніе корреспонденцій, прошедшихъ черезъ ихъ подлыя руки.

Но нужно отмѣтить, что корреспонденты европейскихъ газетъ не вполнѣ походятъ на нашихъ Прокофьевыхъ, Аргусовъ, Странниковъ и проч. Такихъ отпѣтыхъ лизуновъ, блудодѣевъ слова тамъ не принимаютъ даже въ police de mœurs.

Европейскій корреспондентъ, черпая грязь полными охапками, купаясь въ ней, въ концѣ концовъ, опоминается, начинаетъ сознавать перехолопиваніе. Въ минуту духовнаго проясненія. онъ, съ отвращеніемъ, перечитываетъ лакейскій бредъ, вернувшись, онъ силится оправдаться, онъ знаетъ, что собратья по перу не дремлятъ, не забываютъ крупныхъ пакостей и, при первомъ столкновеніи, волокутъ виновнаго къ позорному столбу. Заполучивъ обѣщанное, выждавъ нужное время, онъ, потихоньку, съ увиливаньями, ужимками, замарачиваніями начинаетъ сознаваться, что окружаемый приторными запскиваніями, весь день закармливаемый, запаиваемый, онъ не могъ сказать правды; все равно дворцовая лакейская не пропустила бы. Въ результатѣ, съ безчисленными оговорками, скромно, застѣнчиво, все таки выплываетъ часть правды.

Почти всѣ корреспонденты, точно сговорившись, заявили, что коронація представляла собою нѣчто странное, дикое, азіатское, ветхозавѣтное... Ослѣпляющая, варварская роскошь, въ виду всеобщей бѣдности, чуть не нищеты, язвила душу, колола глаза. Они рѣзко оттѣнили полное отсутствіе въ странѣ школъ, библіотекъ, благотворительныхъ учрежденій и ужаснѣйшее состояніе финансовъ.

Они описали очень образно неслыханное бѣдствіе на Ходынскомъ полѣ, не скрыли, что народъ, полный гнѣва, хотѣлъ разнести дворцы, избить казаковъ, полицейскихъ, охранявшихъ только одного царя; зло описали появленіе дамочекъ изъ дворцовыхъ сферъ на мѣсто гекатомбы, обнаженныхъ до пупа, выкрашенныхъ, наглыхъ, въ пестрыхъ, безъ вкуса, роскошныхъ платьяхъ, ихъ окружали кавалеры въ лентахъ, звѣздахъ; многіе были навеселѣ. Разглядывая трупы, съ выдавленными внутренностями, самцы и самки отпускали скабрёзные каламбуры, затыкали съ презрительными усмѣшками

носы. Увы, предсмертный потъ ихъ кормильцевъ не благоухалъ южными розами...

Манифестъ поразилъ ихъ всѣхъ полнѣйшимъ презрѣніемъ къ русскому обществу: ни одно изъ его насущныхъ, законныхъ требованій не было исполнено, даже ничто не обѣщано; амнистія даже не коснулась безчисленныхъ политическихъ жертвъ. Эта тупая жестокая мстительность, по ихъ мнѣнію, поразила до дна души добрую сострадательную націю.

Всѣ въ одинъ голосъ спрашиваютъ: какой злой геній (читай: идіотъ) руководилъ слишкомъ молодымъ, безвольнымъ, крайне ограниченнымъ монархомъ? Кто толкалъ его на страшный, гибельный для него путь?

Къ сожалѣнію, нѣкоторые забыли указать на виновницу, на скозную дыру, страшную своею бездонностью, невмѣняемостью, пустотою, нечувствительностью, на мать Марью Ѳеодоровну и на скользкую ядовитую, сознательно жалующую гадину — Бѣдоносцева.

Нужно ли прибавлять, что они вполнѣ раздѣляютъ мнѣніе всей Европы: смотрятъ на наше пещерное самодержавіе, какъ на режимъ, достойный темныхъ рабовъ и самодовольныхъ дикарей.

Іюль, 1896 г.

Любовь къ царю

Долго пустозвонили славянофилы, увѣряя простоватую публику, что православіе и самодержавіе — идеи, присущія русскому народу. Прислушиваясь къ дикому галдѣнью народныхъ массъ, одинаково оглушительному при въѣздѣ царя и прослѣдованьи шаха, они утверждали, что то историческое обожаніе царя; они забыли, что нѣкогда хамофилы Франціи, Англіи, твердили, съ тѣмъ же тупымъ упрямствомъ, что ихъ самовластные короли — національное начало, — что не помѣшало въ одинъ очаровательный, незабвенный день, Карлу I и Людовику XVI стать прекраснымъ началомъ плахи и гильотины.

Во второй половинѣ XIX вѣка хамофилы мечтали смастерить земскій соборъ, говорящій царю правду съ улыбочкой, реверансами, преданными припаданьями, но силы водворить правду законодательнымъ путемъ, не имѣющій; предполагалась, несшившаяся другимъ націямъ, овечья идиллія: стадо жирненькихъ, курчавенькихъ барашковъ и пастырь впереди не съ кнутикомъ или нагайкою, но съ пастушескою свирѣлью, ведущій на луга злачные, обѣтованные. Мысль не допускалась, что въ числѣ выборныхъ могли сыскаться люди, могущіе руководиться не хамофильской логикой, молчалинской угодливостью, чичиковскою трезвостью, но собственнымъ достоинствомъ, способные заявить открыто: „Почему мы, выборные русской земли, знающіе ея нужды, владѣющіе ея довѣріемъ, должны рабски подло склоняться передъ какимъ то отродьемъ подкинутаго чухонца, архиничтожествомъ, изуродованнымъ до мозга костей нравственно, умственно, нечеловѣческимъ, дворцовымъ воспитаніемъ; почему не одинъ долженъ повиноваться всѣмъ, а всѣ одному? Неужели вся самобытность наша исчерпывается татарщиной, монгольщиной, душевнымъ рабствомъ, дряблой, трусливой низостью? Если такъ, то пусть будутъ милліонъ разъ прокляты наши самобытныя фараонство, византійство. Кто гарантируетъ, что толпа жадная, стоящая у трона, съ ея черною неправ-

дою, не перевѣситъ нашу свѣтлую правду, и въ одинъ скверный день царь скажетъ: „преданные, улыбающіеся представители, вы жестоко надоѣли мнѣ вашей, полной улыбочекъ, реверансовъ, припаданій, правдою, вы препятствуете моему здраву, безпокоите крамольно мою совѣсть; мнѣ скучно съ вами, и весело съ моими дворцовыми хамами. Я по моей волѣ созвалъ васъ и, по моей волѣ, разгоняю; прежніе цари съ соборами тоже не очень церемонились; въ случаѣ затрудненій, предпочитаю переговаривать прямо съ богомъ, помазавшимъ меня на царство. Ступайте ко всѣмъ чертямъ и не тѣшьте себя напрасно безсмысленными мечтаньями; на всякій случай, сдаю всѣхъ васъ на руки жандармеріи, пусть распорядиться съ вами по усмотрѣнью, чтобы впредь не повадно было.“

Первый террористическій ударъ былъ экзаменомъ по части историческихъ основъ. Оказалось, что хамофилы, какъ истинные доктринеры, схоласты, заспали дѣйствительность

Иванъ Аксаковъ, помня мудрое изреченіе, что вѣра и любовь безъ дѣлъ мертвы, старался, по возможности, быть послѣдовательнымъ; съ свойственной ему образной патететичностью, онъ началъ взывать къ культурнымъ сословіямъ: „Опомнитесь, остановитесь, вы вступили на святотатственный путь; народъ обожаетъ царя, каждый ударъ въ него онъ будетъ принимать, какъ ударъ въ собственную грудь; если — что ужасно подумать — державный вождь падетъ отъ руки крамольника, народъ вмигъ растерзаетъ всю интеллигенцію, съ столбовой пылью смѣшаетъ ея прахъ; не будите народа-исполина, невидимо, охраняющаго царя.“

Послѣ выстрѣла Соловьева, не заставилъ себя долго ждать взрывъ царскаго поѣзда подъ стѣнами первопрестольной столицы. Крамольникъ, соединившій проволоки электрической баттареи, не лишенъ былъ злостнаго остроумія: какъ бы издѣваясь надъ некультурнымъ населеніемъ, невѣжественнымъ исполинствомъ, онъ въ своемъ домикѣ со смѣхомъ понавѣсилъ иконы, возжегъ передъ ними неугасимыя лампады, назвался Мининымъ-Сухоруковымъ. Освободительная фамилія адски совпадала съ миною; стоило только вникнуть въ фамилію, и заговоръ раскрывался самъ собою, но наша умная

тайная полиція, благодаря иконамъ и неугасимымъ лампадамъ, не догадалась... За поѣздомъ вскорѣ взлетѣла столовая въ зимнемъ дворцѣ, а за столовой, какъ бы въ гармоніи съ ней, плохо варившее отъ крайнихъ излишествъ державное чрево Александра II.

Аксаковъ, подъ вліяніемъ ударовъ, сталъ впадать въ прогрессивное ошалѣваніе. Отговориться, что до народа не дошли роковыя извѣстія было невозможно: о каждомъ покушеніи читалось съ папертей всѣхъ церквей, о немъ чуть не малиновымъ звономъ трезвонили колокола по всей обожающей царя Россіи, и со всѣхъ сословій, подъ угрозой заподозрѣнія въ неблагонадежности, превратности, собирались непосильныя деньги на часовни, подарки и проч. И не смотря на колоссальныя рекламы, провокаціи, неслыханное въ лѣтописяхъ другихъ странъ, равнодушіе, царило всюду.

Послѣ разрыва чрева въ Бозѣ, Аксаковъ откатилъ статью, въ которой восклицательные, вопросительные знаки превосходили число буквъ. Мнѣ помнится, что я прослезился отъ хохота, читая пустозвонную, холуйскую дребедень, кликушническія выкликиванья: „Гдѣ мы? Какъ мы? Когда мы? За что мы? Кого мы? Какимъ образомъ мы?“ Въ концѣ статьи жупелъ смѣшался съ металломъ, и все увѣнчалось паденіемъ солнца, планетъ; неподвижныя звѣзды, туманныя пятна остались на прежнемъ положеніи — заподозрить ихъ въ смерти Александра II было трудно. Но кометы, за излишнее, самовольное шатаніе, заподозрѣны были въ превратности: съ пылью, захваченной хвостомъ изъ другихъ планетъ, онѣ могли легко занести въ кровь русскихъ крайнюю святотатственность.

Но холуйское краснорѣчіе скоро отбросило комическія нотки, стало свирѣпымъ. Появилась жандармо-палаческая статья Евгенія Маркова: „У Голгоѳы“. За маленькими низкоподданническими обезьянками, вычищающими паразитовъ у большихъ и сильныхъ, вскорѣ выступили мандрилы.

Благолѣпный шалунъ Бѣдоносцевъ привезъ Аксакову, послѣ 1 го Марта, ошеломляющія вѣсти: самые тонкіе подвохи шпіоновъ, провокаторовъ нигдѣ не удались, ни одного даже манюсенькаго искалѣченія интеллигента нигдѣ не послѣдовало. Въ Петербургѣ, Москвѣ

остановлены были нѣсколько тысячъ простыхъ людей за крайне поносное оскорбленіе Величества; по кабакамъ и на улицахъ, наиневиннѣйшее—„собакѣ собачья смерть“. О культурныхъ классахъ говорить нечего: они встрѣтили ударъ усмѣшечками, фривольными каламбурами. Аксаковъ, можно сказать, захлестнулся отъ вполнѣ преданнаго недоумѣнія, хамскаго ужаса, онъ возопилъ: „Россія погрузилась въ столбнякъ“. Недѣли шли за недѣлями и, наконецъ, всенародный столбнякъ сталъ, къ соблазну вѣрующихъ въ него, переходить дозволенный медициной срокъ. Въ тѣ времена чудеса не были еще въ фаворѣ; попъ Иванъ молился въ Кронштадтѣ, но отнятыхъ рукъ, ногъ, вытекшихъ глазъ не возстановлялъ по почтѣ и телеграфу, отчаянныхъ рекламъ въ газетахъ не устраивалъ.

Выждавъ нужное время, Аксаковъ снова воззвалъ: „Россія впала въ летаргію!“ Мѣсяцы шли за мѣсяцами и, въ концѣ концевъ, народная летаргія приняла характеръ высшимъ начальствомъ недопустимый Сами министръ Толстой и Побѣдоносцевъ сочли нужнымъ мягко напомнить маститому Аксакову, что часъ пробужденія давно прошелъ, что дальнѣйшая летаргія можетъ посѣять, очень нежелательныя въ данный критическій моментъ, смуты въ умахъ и чрезмѣрное шатаніе, даже плесканіе мысли: разъ народъ проводитъ свое время въ столбнякѣ и летаргіи, то это какъ бы даетъ ему право не взносить крайне нужныя подати. Выведенное изъ терпѣнія летаргіей, III-е отдѣленіе сдѣлало нѣсколько конфиденціальныхъ запросовъ, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ бы слышалась угроза, исключающая мысль о прощеніи. Испуганный запросами, Аксаковъ быстро смирился, понизилъ пафосъ, почти съ грустью изрекъ: „Народъ-исполинъ, пріявъ на рамена свои тяжкій грѣхъ оторванной отъ него интеллигенціи, омываетъ его цѣлокупнымъ постомъ, всенощнымъ бдѣніемъ, молитвенными, сосредоточенными думами. Кто знаетъ, можетъ быть, изъ таинственныхъ нѣдръ народнаго духа воспослѣдуетъ всепрощеніе. О, склонись передъ народомъ-всечеловѣкомъ, обуянная западной гордыней интеллигенція! Смирись, облей горючими слезами покаянія нанесенную народу, незакрывающуюся сердечную рану; пострадай, попостись, помолись вмѣстѣ съ нимъ.“

Культурные люди имѣли наглость продолжать ѣсть, пить, веселиться. Въ кругахъ близкихъ къ царю разлитіе священнѣйшей крови не помѣшало разлитію суетнаго шампанскаго; говядина, птица, покупались попрежнему; изъ постной пищи выбирались, какъ на зло, осетрина, стерлядь, спросъ на балыки и лучшую икру усилился.

Цѣлокупный постъ, всенощныя бдѣнія, покаянія, очищенья страданьями замѣчательно вышучивались. Слезная влага не переходила нормальнаго уровня, и не смотря на безчисленныя, крайне оскорбительныя для народнаго исполинства, выходки культурныхъ классовъ, предоставленія ихъ полиціей на произволъ судьбы, они не гибли, не растерзывались.

Присущія идеи, гдѣ вы? Основы, гдѣ вы? Обожаніе, гдѣ ты? Врядъ ли упрямый старикъ понялъ роковую для него философію исторіи. Но одно ясно: отъ грохота бомбъ 1-го Марта рухнуло, какъ карточный домикъ, съ неимовѣрной натугой построенное, глубоко обскурантное, славянофильское ученіе.

Когда спустя нѣсколько лѣтъ, въ Боркахъ, отъ взрыва, слетѣлъ въ Чортову лужу поѣздъ со всей царской семьей, обожающіе поселяне, близъ лежащихъ деревень, явились на мѣсто крушенія; не обративъ ни малѣйшаго вниманія на трясущихся, бѣлыхъ, какъ рубашка, царя и царицу, они принялись съ энтузіазмомъ вычищать разбитые, багажные вагоны; вытянутые на Кавказѣ и по дорогѣ непосильные, дорогіе подарки улетучились... Вѣрные историческимъ традиціямъ, поселяне сказали себѣ: „Царская семейка, съ поконъ вѣка, влоскъ обкрадываетъ насъ, не грѣхъ и ее капельку почистить, отобрать хоть частичку награбленнаго, разъ представляется случай; жаль одно, что такіе случаи очень рѣдки; сколько бы не взяли, своего никогда не вернемъ.“

Въ числѣ пропавшихъ вещей оказался, любимый царицей, брилліантовый крестикъ, изъ-за него цѣлые мѣсяцы поролись цѣлыя окрестныя населенія. Изъ-за царицинаго крестика крестьянамъ пришлось пройти крестный путь.

Николай II въ Парижѣ

Вся сволочь подлая вкругъ трона,
На кровопійцѣ-гадинѣ корона...
Палачи и воры живутъ въ холѣ,
А всѣ честные въ тюрьмѣ ..

Моему пріятелю, — не разскажу при какихъ условіяхъ, — удалось снять копію съ дневника недавно умершаго, весьма значительнаго придворнаго, озаглавленнаго: „Франко-русская недѣля;“ нѣкоторыя частички довольно объемистаго дневника показались намъ интересными. Желчный человѣкъ слѣдилъ за Николаемъ во время его поѣздки въ Парижъ, изъ часа въ часъ, и ярко отмѣтилъ умышленно скрытое угодливой прессой.

—:—

„Въ обществѣ съ давнихъ поръ укоренилось мнѣніе, что придворные, при долгой службѣ, не отечеству, а царю, постепенно вывѣтриваютъ изъ себя все человѣческое достоинство, и на старости становятся безповоротными хамами не только на языкѣ, но и въ душѣ, что все ихъ существо потихоньку привыкаетъ, къ неразрывно связаннымъ съ дворцовой службой, нравственнымъ оплеухамъ, плевкамъ, щелчкамъ, пинькамъ въ задъ, и начинаетъ своею нечувствительностью напоминать не совсѣмъ изящный, но за то не на живую нитку сшитый, капотъ носорога. На мой взглядъ: душа не можетъ вполнѣ привыкнуть къ глубокимъ униженіямъ, какъ и извѣстная часть тѣла — вполнѣ къ розгамъ. Оплеуха, проглоченная со слащавой улыбочкой, реверансами, оплеуха неопротестованная, плохо переваривается, разстраиваетъ печень, вызываетъ обильную

желчь. Только одни правители не догадываются, что менѣе всего нужно довѣрять истиннымъ дворцовымъ псамъ, льстецамъ съ елеемъ.

Въ придворной средѣ, увы, герои не рождаются. Мы выходимъ по мѣсту рожденія, по винѣ родителей, „игрушечнаго дѣла людишками“. Врядъ ли кто, въ наши дни, станетъ оспаривать научное положеніе доктора Якоби, ставшее популярнымъ даже у насъ во дворцѣ, что скорѣе всѣхъ въ мірѣ вырождаются цари, короли, ихъ семьи, а за ними — ихъ важная челядь, въ звѣздахъ, крестахъ и лентахъ. Въ дворцовой службѣ чины, ордена. разсшитые золотомъ мундиры, золотые ключи на неприличныхъ мѣстахъ, имѣютъ свой смыслъ: ими хотятъ хоть немного искупить втаптыванья въ грязь, всевозможныя крупныя и мелкія униженія; призрачнымъ, забавнымъ, внѣшнимъ, мишурнымъ величіемъ хотятъ замаскировать внутреннюю ничтожность, полное одурѣніе, опошленіе, измельчаніе. Замѣтьте психологическій законъ: чѣмъ болѣе пресмыкается, унижается какой-нибудь обвѣшанный цацками шутъ, ходячій иконостасъ передъ высшими, тѣмъ болѣе онъ ломается, хорохорится передъ низшими—онъ вымѣщаетъ испытанное на себѣ. Въ нашей средѣ зло хихикаютъ надъ подвигами самоотверженія, любви, надъ проявленіемъ высокихъ чувствъ собственнаго достоинства, надъ служеніемъ великимъ принципамъ. Настоящій лакей не можетъ выносить настоящаго человѣка. Мы стараемся подлымъ смѣхомъ глушить поднимающуюся порой совѣсть. Не имѣя возможности гоняться за сокровищами нетлѣнными, мы, поневолѣ, начинаемъ жадно гнаться за сокровищемъ не только тлѣннымъ, но и совсѣмъ смраднымъ. Мы опустошаемъ душу и взамѣнъ переполняемъ желудокъ; атрофированныя идеальныя достоинства мы наверстываемъ половыми. Нѣтъ сомнѣнія, что скоро наступаетъ пресыщеніе съ пессимизмомъ, смертельной тоской, злобою, брюзжаніемъ, нытьемъ, хныканьями, болѣзнями; отъ всѣхъ излишествъ мы старѣемъ, разрушаемся поразительно быстро. Убить въ себѣ вполнѣ духъ, врядъ-ли возможно. Люди бездушные, попросту — душевно-больные, неизлѣчимо больные... Духъ, нежданный, непрошенный, предъявляетъ свои суровыя права, какъ нарочно, въ минуты нашего крайняго паденія, ужасающаго

опошленія; роковые вопросы: „зачѣмъ ты жилъ? для кого жилъ?“ обыкновенно гремятъ надъ головой, низко, низко склоненной, когда жизнь вполнѣ безцѣльно изжита, когда впереди яспѣетъ только одна дорожка, до боли яспая—къ кладбищу. Оглянешься на вышученную жизнь, и муть какая то къ горлу поднимается, мерзко тошнитъ, какъ передъ долгимъ обморокомъ. Не страшна въ эти часы смерть, навѣвающая своими сѣрыми крыльями полное забвеніе, а что и забывать? ничего важнаго, серьезнаго не было, одни пустячки. Иди, иди, моя голубушка! я находка эфемерная; философски говоря: я не рождался, потому что не жилъ. я—полный генералъ. Отъ моей жизни къ Нирванѣ переходъ не рѣзокъ.

Но довольно! хотя дворцовыя сферы и таятъ, порой, въ себѣ драмы, по своей мрачности по истинѣ шекспировскія, но вообще въ ней преобладаютъ оперетки Офенбаха, Барковщина.

Когда, въ минуты прояснепія, вспоминаю высочайшіе (развѣ только своею нелѣпостью) выходы, встрѣчи, парады и прочую дребедень, презрѣніе къ себѣ доходитъ до истомы. Подумать смѣшно, что я, въ зрѣломъ возрастѣ, въ здравомъ умѣ, участвовалъ въ смѣхотворномъ мальчишескомъ безуміи... Одежда на всѣхъ нечеловѣческая, на груди понавѣшены какія-то невозможныя цацки, и не одной своей страны, но и далекихъ чужихъ націй, данныхъ за то, что шелъ сзади, былъ въ свитѣ. Людей нѣтъ, но все полные или неполные генералы, а за ними статскіе совѣтники, явные, тайные, дѣйствительные и недѣйствительные; ходятъ мало, но все ракомъ пятятся. Дамы въ такихъ платьяхъ, что нужно постороннимъ за ними волочить хвостъ; на головахъ, шеяхъ, рукахъ цѣлыя ноши изъ— драгоцѣнныхъ — но все же камней; рѣчь изгнана, одни удостиванья, осчастливенья. Пословица говоритъ, что въ людяхъ и смерть красна; прибавлю, что иногда въ людяхъ красны: позоръ, шутовство, безпардонная, невылазная, лакейская глупость. Нѣчто сказочно нелѣпое продѣлывается важно, напыщенно, съ помованьемъ стана, съ олимпійскимъ взоромъ. Каждый, не краснѣя, сознается, что его шутомъ гороховымъ нарядили за какія-то непостижимыя услуги отечеству, а не просто никому, т. е. царю. Передъ дворцомъ самъ желтый домъ начинаетъ казаться

пріютомъ разума, логики, душевнаго здоровья. И въ этомъ-то притонѣ всѣхъ нечистей, изъ-за денегъ, я прошутилъ всю мою жизнь!!!

Пишу дневникъ, чтобы запечатлѣть злобу вѣчно оскорбляемой души; невысказанное, незаписанное быстро, безплодно отшипаетъ, какъ пѣна въ столь любимомъ нами шампанскомъ. Въ моемъ дневникѣ скрывать моихъ истинныхъ чувствъ я, конечно, не стану, — довольно я фиглярничалъ, безобразничалъ передъ пустозвоннымъ фетишикомъ, раздающимъ намъ земныя блага. Я уже старъ; скоро мой контрактъ съ дворцомъ, т. е. съ нечистою силою, подписанный кровью моего погибшаго сердца, будетъ порванъ смертью. Щадить сгубившаго душу мою я не стану; если я самъ не рѣшусь, даже заграницей, подъ псевдонимомъ, напечатать мой дневникъ, то послѣ смерти за меня это сдѣлаетъ кто-нибудь изъ друзей.

—:—

Пуще прежняго заговорили карманные аппетиты. Послѣ цѣлаго ряда подвоховъ, тончайшихъ интригъ, дѣлежа будущихъ добычъ, наконецъ, рѣшили свозить Николая II въ Парижъ. Всѣхъ нашихъ въ конецъ разлакомила коронація или, какъ теперь принято называть, „кара націи“, на всѣхъ лицахъ ярко написано: „Ахъ, кабы Богъ милосердный, щедрый, скорѣе новенькую послалъ“. Чуется вокругъ насъ нѣчто тревожное; какъ ни замуравливаемъ всѣ отверстія, а вольный духъ отовсюду врывается съ неудержимою силою; сгнетаемъ, сгнетаемъ вокругъ насъ атмосферу и, того гляди, взлетимъ въ высь поднебесную. Нашимъ столбамъ, вѣрнѣе дубинамъ, устоять съ ихъ нравственнымъ и умственнымъ багажемъ, при новомъ порядкѣ, мудрено. Рявкать по звѣриному передъ низшими, сладко сюсюкать передъ высшими, всѣ умѣютъ, а говорить по человѣчески — никто. Отними у нихъ необычайныя жалованья, деньги, станци съ ихъ раззолоченные мундиры, золотые, висящіе на заду ключи, ничего не запирающіе и не показывающіе отпертость, блестящія цацки, и ихъ никто, за ихъ грубость, неспособность, не возьметъ въ дворники даже въ захолустный городишко. Но не въѣшься въ

нихъ эта грубость съ писшими, многихъ изъ нихъ за манеры, реверансы, усѣданья, льстивость могли бы взять въ лакеи въ лучшія гостинницы, даже Швейцаріи. По слухамъ, одинъ не въ мѣру проворовавшійся придворный генералъ, положительно плѣняетъ всѣхъ въ качествѣ полотера, въ одной изъ гостинницъ Люцерна, и что странно: исправился, на чай беретъ, но пока вещей въ номерахъ не воруетъ. Если такъ пойдетъ, то его пожалуй скоро швейцаромъ сдѣлаютъ...

Генералъ В. прошлой ночью, послѣ двухъ бутылокъ замороженной вдовы Клико, вытащенныхъ изъ царскаго погреба, разговорился, поддержалъ пословицу: „что у трезваго на умѣ, то у пьянаго на языкѣ", напрямикъ заявилъ: „На черта намъ этотъ вареный, плюгавый воробей, если его въ оборотъ не пускать? однимъ жалованьемъ милліоны не наживешь; намъ почаще нужны: похороны, восшествія, коронаціи, путешествія, а на счетъ дрожаній, пусть, какъ въ бозѣ почившіе дѣдушка и папенька, трясется: чѣмъ болѣе будетъ трястись, тѣмъ изъ него, какъ изъ отпертаго кошелька, будетъ намъ больше денегъ сыпаться. Безъ экстраординарныхъ доходовъ мы бы его давно похерили и дворянскую конституцію устроили, черезъ него не одно отечество, но и мы сами всюду принимаемъ одинъ позоръ и поношенія. Какъ только нужному иностранцу не вполнѣ угодишь, или не очень щедро заплатишь, тотчасъ же бестія начинаетъ подъуськивать: „Ваши защитники — нагайчники сальныя свѣчи тайкомъ подкушиваютъ и стекломъ, и обоями вытираются; кромѣ самовара, вы ничего не выдумали, да и съ нимъ всегда угораете, тысячу лѣтъ прожили, а все себя выдаете юной націей, сосунками, съ великимъ будущимъ. У васъ во всѣхъ сортирахъ самобытное художество процвѣтаетъ, всѣ стѣны пальцами, натуральной краской разрисованы. Почеши вамъ кожечку, и тотчасъ же косоглазый, скуластый казачище съ нагайкой выскочитъ. Надъ вами, до конца XX столѣтія, будетъ Богдыханъ неистовствовать. Вы кнутобойщики, живодеры, вы вашихъ политическихъ враговъ замучиваете въ крѣпостяхъ и вѣшаете безъ суда. Вы лучшими людьми Россіи и Польши всю Сибирь заселили. Вы, на позоръ цѣлому міру, розгами дерете

взрослыхъ людей, вытягиваете пытками недоимки. За одинъ звукъ протеста противъ вашихъ лютыхъ злодѣйствъ, ваши янычары студентовъ и студентокъ плетьми бьютъ, каблучищами топчутъ, калѣчатъ, о стѣну имъ головы разбиваютъ. Вашъ кормилецъ — народъ изъ голодовокъ не выходитъ, онъ чистый черный хлѣбъ только въ великіе праздники ѣстъ; чтобы его получше ободрать, вы его ядовитымъ зельемъ спаиваете, толкаете на гибель, вырожденіе... Вы, убійцы, отравители, вы съ сивухи самый большой доходъ получаете. Народъ вашъ соломой съ крышъ колѣющихъ съ голода лошадепокъ кормитъ и спитъ въ рубищѣ, въ нетопленныхъ зимою лачугахъ. У васъ, зачастую, люди отъ голода пухнутъ, изъ страшныхъ эпидемій вы не выходите. Ваши дворцовые брилліанты — горючія слезы народныя; ваше золото — жизненные соки народные; изъ тьмы, охватившей вашу родину, вы добываете свѣтъ для вашихъ безчисленныхъ дворцовъ... У васъ за одну ночь можно заарестовать, изувѣчить десятокъ тысячъ людей, и ни одна ваша газета не пикнетъ. Ваша страна, въ сто тридцать милліоновъ, нѣмая, какъ скотъ—безсловесная; вы разбойничаете, самоуправствуете, убиваете, грабите, и на васъ суда нѣтъ. Вы не только отъ Японіи отстали, но скоро и отъ Турціи, Персіи отстанете. Вашъ бумажный рубль у насъ въ полцѣны ходитъ; вы умудрились соорудить золотой, съ мыслію увѣковѣчить банкротство, вы черную магію въ финансахъ водворили.“ Начнешь отвѣчать, но самъ чувствуешь, что своей мальчишеской брехней, путанницей его только потѣшаешь. У нихъ всякій уличный мальчишка въ политическомъ строѣ и внутреннемъ управленіи болѣе нашихъ министровъ смыслитъ; попробуй тамъ кто-нибудь сварганить схоластику на манеръ „Московскаго сборника“ Побѣдодосцева, ему бы подушкой отъ судна голову увѣнчали.“

На слѣдующій день, какъ бы въ шуточку, напомнилъ ему его слова, но онъ наотрѣзъ отказался. „Если вы— говоритъ — будете такъ нагло клеветать, чтобы постъ мой поколебать, то я священнѣйшимъ долгомъ почту доложить о васъ нашему безпредѣльно обожаемому самодержцу, провозгласившему принципы 1789 г., тьфу ты, чертъ, хочу сказать: за одно съ папенькой принципъ

29 апрѣля 81 года. Я, сударь мой, за нашего батюшку сто разъ въ часъ костьми ляжу; если смилостивится ножку протянуть, всю вылижу. Если нужно для его охраны все отечество на гнилой веревкѣ повѣсить, я сейчасъ повѣшу; собственнаго сынка, за малѣйшее шатаніе мыслей, въ казематъ засажу и заморю; собственную дочку-невѣсту собственными руками выпорю и по голой... если нужно, я полицмейстера Клейгельса превзойду, вотъ каковъ я, сударь! А какъ вы поступите, это одному всевидящему извѣстно. Въ нынѣшнее время, въ самомъ дворцѣ чудеса пошли: смотришь на человѣка, и кажется, преданнѣй не было на нашей планетѣ и не будетъ, взглянуть на державнаго вождя безъ священныхъ сотрясеній не смѣетъ; безъ малѣйшаго повода все глаза къ небу возводитъ, крестится, молитвы въ темныхъ углахъ шепчетъ, требникъ при себѣ носитъ, съ дворцовыми прислужниками про державнаго говоритъ со слезами безконечнаго умиленія, о крамольникахъ — со скрежетомъ, шипѣніемъ, присвистомъ пытокъ требуетъ, а послѣ, вдругъ, оказывается, что онъ подъ лисьимъ покровомъ святотатственнымъ злодѣямъ служилъ и отравленію способствовалъ.“ Смотрю на негодяя и глаза протираю, остервенѣлъ совсѣмъ и все коситъ, и коситъ въ бокъ.., Оказывается, что онъ зналъ, что подъ дверьми шефъ дворцовой охраны подслушивалъ... Вскорѣ крестъ получилъ и какіе-то прогонные...

—:—

Трясется державный вождь, трясется, но какъ дресированная шавка, ворчать не смѣетъ: разъ слуги вѣрные рѣшили — поѣдетъ непремѣнно. Отъ трусости его охватила черная меланхолія, пошелъ повсюду паутину розыскивать и духовъ въ отхожемъ мѣстѣ вызывать... Боялись обычныхъ припадковъ. Но нынче утромъ неожиданно развеселился, заржалъ, какъ жеребенокъ, и впалъ въ развратныя мысли: „Какъ только въ Парижѣ урву свободную минутку, сейчасъ же приглашу въ посольство дюжинки три кокотокъ высшаго сорта; изъ альянса онѣ безъ денегъ пойдутъ; напою даровымъ шампанскимъ, велю раздѣться и дѣдушку передъ ними

разыграю. Не спускалъ онъ женскому полу, не любилъ дремать, когда въ Смольный институтъ попадалъ. Послѣ великихъ реформъ любилъ отдыхать на дѣвическомъ ложѣ, умѣлъ дѣвицъ въ настоящую позицію ставить." Зазнался мозглякъ, забылъ, что въ молодые годы, исполнять супружескія обязанности, какъ слѣдуетъ, не можетъ; разгонится храбро, точно на врага, а тамъ смотришь, пошли и пошли знаки препинанія; обращаться съ заботами о наслѣдникѣ къ свитѣ, въ наше время какъ-то неловко. Положимъ, Екатеринѣ II придворные, въ виду наслѣдника, презентовали Салтыкова, но то были времена лихія, бардельныя. Къ неженатымъ дядюшкамъ-кузенамъ обратиться хотя и ловко, и не противорѣчитъ этикету, но безполезно... Но мои товарищи могутъ мнѣ замѣтить, что облюбованная Романовыми и княземъ Мещерскимъ педерастія, какъ бы опровергаетъ мои слова; отнюдь нѣтъ — вѣдь ихъ роль въ ней вполнѣ пассивная.

—:—

Дрожи, дрожи, царь полномощный, а все-таки ѣхать придется; попробуй только невполнѣ подчиниться своимъ подчиненнымъ, живо, подъ громъ бальнаго оркестра, ядъ сглотнешь и вдругъ нефритомъ заболѣешь. На всякій случай послали за Захарьинымъ, чтобы ослушать сердце. Благочестивый Захарьинъ обстукалъ, обслушалъ аттрофированный комочекъ съ дряблыми клапанчиками и рѣшилъ, что на Парижъ хватитъ.

Царица, на видъ невинненькая, всѣмъ довѣряетъ, и въ руки импотентнаго муженька не забираетъ. Нѣкоторые изъ либеральнаго лагеря уже начали ей приписывать умъ, образованіе, свободные взгляды, жажду конституціи. Но, конечно лакейскимъ розсказнямъ довѣрять не слѣдуетъ: у насъ споконъ вѣка, въ извѣстныхъ кружкахъ, принято всѣмъ царямъ, царицамъ, наслѣдникамъ приписывать эти необычайныя въ дворцовыхъ сферахъ качества. Вѣчныя горькія разочарованія, увы, не образумливаютъ; институтскими иллюзіями они хотятъ успокоить свою совѣсть, немного оправдать свой подлый гражданскій индеферентизмъ. Какія бы у нея не были качества, но единственнаго въ мірѣ сумасшед-

шаго дома долго не выдержитъ, непремѣнно рехнется...

Не понимаю, изъ-за чего царица разыгрываетъ такъ естественно, по временамъ, дурочку? Можетъ быть, изъ дворцоваго такта, политики, чтобы не оскорбить своимъ умомъ, образованьемъ, свободомыслiемъ роскошно вдовствующую Марiю, набитую трухой куклу, видимо, изъ желанья къ ней поддѣлаться, она цѣлый день устраиваетъ обворожительныя ямочки на щекахъ, улыбочки и пылко превозноситъ балы. Пока она еще набирается силъ, а до настоящей минуты лысинькая рѣзвушка-вдова, не смотря на анекдотическую глупость, водитъ самодержца-сынка, какъ моську на ленточкѣ, и не только за непослушанiе, но и за частыя остановки за маленькое, подчуетъ хлыстикомъ; ненавидимый всѣми, омерзительный Побѣдоносцевъ ею поддерживается. Память у царицы не дурная: нѣсколько фразъ, которыя ей приходится пустить въ ходъ, заучиваетъ довольно быстро. Но за то муженекъ совсѣмъ плохъ: поразительное, неустанное долбленiе во время приготовленiя къ престолу, окончательно отшибло и безъ того жалкую память; задолбленное онъ, конечно, безповоротно забылъ, а теперь зубритъ цѣлый день коротенькую несложную рѣчь, а запомнить никакъ не можетъ. Отвѣтную рѣчь президенту Фору двѣ недѣли учитъ, а начнетъ произносить, и тотчасъ перханье, кашель, выпячиванье дурацкое глазъ; заплетаетъ языкомъ, какъ косноязычный, и все перепутываетъ; ему нужно говорить Фору, а онъ вдругъ вклеитъ пассажъ изъ давно сказанной рѣчи Гилю, въ которой превозносится деспотiя — выходитъ такая окрошка, что всѣ кругомъ только рты разѣваютъ, какъ, лягушки.

—:—

Англичане наотрѣзъ отказались принимать нашего въ Лондонѣ и швырять народныя деньги на какiя-то охраны; они всѣ пришли бы въ восторгъ, если бы его взорвали. Пришлось королевѣ Викторiи угощать его на свой счетъ; страшно скупая старушка въ душѣ отчаянно бѣсилась... Полюбовался я старушкой во время торжественныхъ прiемовъ, головенка трясется, а за компанiю и коронка на головѣ балансируетъ, руки и плечи

красныя, какъ ротсбивъ. Послѣ смерти своего любимца камердинера Броуна, окончательно опустилась, стала безнадежнѣе прежняго тянуть виски*) и все себѣ подъ носъ брюзжитъ. Но этому Маѳусаилу въ юбкѣ можно все простить за ея полное преклоненіе передъ англійской конституціей.

Нашъ дуралей отличился: стыдливой молоденькой дѣвушкѣ, сосѣдкѣ по столу, вспомнивъ Побѣдоносцева, вдругъ хватилъ задолбленную тираду изъ библіи: „плодитесь, размножайтесь, какъ песокъ морской.“

По дорогѣ въ Шербургъ нашего слабило безконечно, рвало безпредѣльно; не понимаю, какъ живъ остался, Передъ самымъ Шербургомъ заметался, сталъ хныкать. всѣхъ упрекать: „Зачѣмъ завезли? развѣ не знаете, что Парижъ изъ петроля никогда не выходитъ? Вы хотите меня съ рукъ сбыть, все о новой коронаціи мечтаете. очень ужъ разлакомились! Твердите: державный вождь, державный вождь, а на самомъ дѣлѣ, какъ мужицкую лошаденку, въ упряжи держите и во всѣ стороны возжами дергаете; чѣмъ болѣю слушаю, тѣмъ болѣе помыкаете.“ Подъ конецъ ему самого себя такъ жалко стало, что расплакался... А океанъ, какъ бѣшенный и реветъ, и гудитъ, бомбардируетъ яхту, точно мины, бомбы грозно пророчитъ.

Шефъ жандармовъ Тянижиловъ сталъ его усовѣщивать; „Ваше Величество, не дрожите, все сойдетъ отлично: мы тысячу самыхъ отборныхъ провокаторовъ въ Парижъ отправили, молодецъ къ молодцу, каторжникъ на каторжникѣ; многіе за отцеубійство и дѣтоубійство судились; содержаніе ихъ Парижъ на себя принялъ. Квартиры террористовъ конвоемъ окружены, недремлющее око всюду. Наши архангелы не только своихъ,но и парижскихъ революціонеровъ подъ надзоръ приняли и у многихъ изъ нихъ пошарили въ квартирахъ, не по ихнему, а по нашему. Не вѣрьте, Ваше Величество, интригамъ, слухамъ, что-де они обокрали многія квартиры; если нечаянно кто- нибудь и сцапалъ, то гдѣ же этого не бываетъ?“ Пришла императрица успокаивать, но, видимо, все думала о встрѣчахъ, иначе чѣмъ объяснить, что въ самый раздирательный моментъ она

*) Очень крѣпкая водка изъ ячменя.

такія ямочки смастерила, что мы ахнули отъ восхищенія; роскошно вдовствующая позавидовала бы. Странная вещь: ротъ вдовствующей можно смѣло сравнить съ львиною пастью во дворцѣ дожей въ Венеціи, куда нѣкогда швыряли доносы, а какъ соберетъ его, вдругъ оказывается ротъ, какъ ротъ.

—:—

Стопъ машина! Наконецъ добрались до Франціи. Какъ услышалъ нашъ пальбу съ броненосцевъ, увидѣлъ цублику, неоцѣпленную желѣзными канатами, какъ замѣтилъ отсутствіе своихъ опричниковъ съ нагайками, такъ совсѣмъ растерялся. Президентъ Форъ ему говоритъ привѣтственную рѣчь, а онъ въ отвѣтъ отчитываетъ акафистъ Богородицѣ. Но за то царица не растерялась: смастерила обольстительную улыбочку и подала ручку Фору для лобзанья. Фору такъ ея ручка понравилась, что онъ сталъ послѣ къ ней довольно часто прикладываться, и безъ достаточныхъ поводовъ; скажетъ ей что-нибудь неожиданное, чрезвычайно пріятное, она, за неподготовленностью, потеряется, а онъ, чтобы загладить неловкость, возьметъ и чмокнетъ ручку; черезъ нѣсколько минутъ опять неожиданное, чрезвычайно пріятное, опять не отвѣтитъ, а онъ снова чмокъ. Каждую минуту ожидали, что за талью ее возьметъ. А нашъ колпакъ только хлопаетъ ушами и все думаетъ о покушеньяхъ, покушеній же Фора не замѣчаетъ.

По дорогѣ въ Парижъ все подходилъ къ окну и удивлялся, что публика смѣетъ во время, царскаго проѣзда подходить къ полотну желѣзной дороги — того гляди, кто-нибудь крикнетъ: „жарь!“ То ли дѣло у насъ: мчатся два фальшивыхъ поѣзда и одинъ настоящій; угадывай, какой взорвать нужно! Вдоль всей линіи солдаты во всеоружіи и казаки рыщутъ съ спасающими отечество нагайками. На станціяхъ встрѣчаютъ жандармы, шпіоны, опричники, а на десятки верстъ въ сторону, хотя бы и въ страду деревенскую, не только человѣкъ не показывается, но и птица не проносится. Изъ всего животнаго міра только однѣмъ свиньямъ разрѣшено, даже около самихъ станцій, взрывать пятакомъ

землю; свинья — эмблема консерватизма, мракобѣсія, розыска, вѣрноподданничества и трезвенности; какъ полный мракобѣсія русскій консерваторъ, она въ небо не смотритъ; какъ монархъ и всѣ придворные, рявкаетъ; какъ истинный шпіонъ, цѣлый день пятакомъ корни и развѣтвленія розыскиваетъ, и, наконецъ, всѣмъ извѣстно, что деспотію всегда сравнивали со свиньей, которая подкапываетъ корни у дуба, дающаго ей желуди.

Во время краткаго переѣзда семь разъ навѣстилъ сортиръ; Форъ, какъ бы въ пику, ни разу, но за то, во время отлучекъ, не дремалъ: каждой воспользовался, чтобы чмокнуть ручку. Царица почти мгновенно совсѣмъ распустилась, французская фамильярность ей стала нравиться; винить ее, конечно, нельзя—азіатскій этикетъ, ей видимо, надоѣлъ. Къ тому же президентъ Форъ мужчина плотный, красивый, до женщинъ падкій, не нашему мерзляку чета.

Подъѣзжая къ Парижу, совсѣмъ смутился, сталъ пепельный, коротенькій носикъ еще покорочѣлъ, жуетъ губами, но слова произнесть не можетъ, а какъ къ послѣдней станціи стали подъѣзжать, совсѣмъ рехнулся: ни съ того, ни съ сего, вздумалъ насвистывать не только Марсельезу, но и Карманьолу; на замѣчаніе генерала Рихтера, что самодержцу-де не совсѣмъ прилично насвистывать святотатственные гимны, онъ неожиданно выпалилъ: „А мнѣ наплевать! Пусть за республиканца и за сисилиста принимаютъ, авось не взорвутъ, а какъ черезъ границу, богъ дастъ, перевалимъ, опять „Боже царя храни затянемъ“. Паненька вплоть до восшествія на престолъ всюду слылъ за коммунара и даже за анархиста; этимъ пѣснямъ меня дядюшка Костя научилъ; повѣрь мнѣ—говоритъ—какъ очень либеральному стихотворцу и конституціоналисту, что когда тебѣ переодѣтому продирать куда зря придется, эти пѣсенки тебѣ жизнь спасутъ.“

Въ Парижѣ встрѣтили по московски: во всю длину пути войска шпалерами, а за ними, на чисто русской дистанціи, парижскіе франты и франтихи, съ развѣвающимися платочками, горланили поразительно и отпускали на счетъ царя шуточки весьма скабрезныя. Нашъ плюгавенькій торчалъ въ огромной коляскѣ, весь мут-

ный; въ посольство внесли на рукахъ; цѣлый часъ массировали. Во время массированья живота изумилъ всѣхъ количествомъ заключенныхъ въ немъ газовъ. Насилу, насилу пришелъ въ самодержавное состояніе. За обѣдомъ вздрагивалъ, косилъ; свою порцію долго ковырялъ, разсматривалъ и только тогда ѣсть принимался, когда посланникъ взятое съ его блюда все съѣдалъ. Послѣ обѣда вдругъ брякнулъ: „А знаете ли вы, господа, что у моего папаши сердце было минеральное, хрустальное, а у меня — известковое.“

Цѣлое утро долбитъ, полную искренности, прямо вылившуюся изъ державной души рѣчь, но отъ сильныхъ волненій сталъ перепутывать замысловатѣй прежняго, въ застольную рѣчь сталъ вплетать тропари, кондаки. Послали за заготовленнымъ заранѣе чревовѣщателемъ, за тѣмъ самымъ, что плѣнялъ весь Парижъ, не такъ чревовѣщаніемъ, какъ петоманствомъ,*) и рѣшили поставить его за спиною самодержца, въ оберъ-шьенковской ливреѣ, чтобы за него чревомъ произнесъ рѣчь, нашему оставалось только шевелить губами. Продѣлали репетицію и вышло на славу! Бестія-петоманъ такъ ловко схватилъ его голосъ, манеру, ежеминутныя перханья, что въ двухъ шагахъ не могли отличить. На радостяхъ, на прощанье заставили его потѣшить собственнымъ инструментомъ, и, зажавъ носы, выслушали самыя патріотическія мѣста изъ оперы „Жизнь за царя.“ Удивительно разносторонній человѣкъ! талантливъ со всѣхъ сторонъ; весь — можно сказать — музыка. По его уходѣ, нашъ сказалъ: „Не скрою отъ васъ, господа, что при нынѣшнемъ состояніи Россіи, при полномъ упадкѣ религіи и благоговѣйныхъ чувствъ къ престолу, такіе люди весьма нужны: они сумѣли бы восхвалять православіе и самодержавіе не однимъ языкомъ.“

---

*) Напгрывалъ задомъ цѣлыя оперы. аристократическія дамочки, зажавъ носъ, слушали ароматную музыку.

—:—

Торжественный обѣдъ описывать не стану — одна срамота. Посадили нашего вождя на главномъ мѣстѣ, и еле, еле виденъ, мизерный, сумрачный, головенка торчкомъ, лба нѣтъ, волосы прилизаны, носъ коротенькій, глаза блуждаютъ; не вышелъ ни ростомъ, ни умомъ, ни лицомъ; общій видъ — точно продралъ изъ дома умалишенныхъ. Начинаю болѣе, чѣмъ когда-нибудь, понимать, что самодержецъ немыслимъ безъ трехъ-аршиннаго роста, косой сажени въ плечахъ: идолъ, безъ гигантскихъ размѣровъ, вытертаго гроша не стоитъ. Замѣтьте: съ упадкомъ самодержавія и цари стали мельчать. Вспомните „Лоботряса“ Николая I. Онъ по крайней мѣрѣ былъ замѣчательная дылда, онъ умѣлъ глазища выпучивать, какъ разъяренный быкъ, индюкомъ выступать, умѣлъ рявкать такъ, что барабанная перепонка у близъ стоящаго могла лопнутъ...

Во время обѣда фараончикъ, прислушиваясь къ общему непривычному для него говору, самъ увлекся, хотѣлъ нѣсколько разъ заговорить, но не вытанцовалось; тщетныя усилія болѣзненно отражались на лицѣ, будь онъ одѣтъ бабою, всѣ подумали бы, что собирается въ первый разъ рожать двоешку. И о чемъ— спрашивается — сталъ бы онъ говорить? — Орденовъ ни у кого за столомъ не было, а онъ только умѣетъ спросить: „Гдѣ получилъ орденъ?“ Наконецъ дошло до рѣчи, знаменующей собою цѣлое историческое событіе. Поднялъ онъ бокалъ, рученка дрожитъ, какъ у младенчика съ родимчикомъ, но, къ счастью, невполнѣ растерялся, сталъ довольно сносно перебирать губами, а молодецъ петоманъ, съ нужнымъ волненіемъ и полагающимся въ такихъ случаяхъ величіемъ, произнесъ краткую рѣчь... Кто былъ посвященъ въ секретъ, въ тарелку носъ уткнулъ и губу прикусилъ, а остальные, сидящіе вдалекѣ, къ счастью не разобрали въ чемъ дѣло, нашли, что для русскаго порфпроносца, по праву рожденія крайне глупаго и никогда не упражнявшагося въ краснорѣчіи, онъ сварганилъ рѣчь, неособенно идіотскую. Вернувшись въ посольство, царь расцѣловалъ горячо петомана и собственноручно вручилъ табакерку съ музыкой, съ собственнымъ портретомъ, осыпаннымъ брил-

ліантами, и оставилъ при себѣ на жалованьи оберъ-шьенка. Придворные, какъ бы угадывая полныя благожелательности чувства монарха, стали поговаривать, не нужно ли для новаго придворнаго создать — если не новый чинъ — то, по крайней мѣрѣ, новый орденъ, въ pendant къ Станиславу? Но планъ разстроился отъ невозможности пріискать приличное положенію названіе. При частыхъ путешествіяхъ такой далеко не односторонній ораторъ — сущій кладъ, одна его сторона, въ моменты, составляющіе эпоху, будетъ за царя говорить рѣчи, другая, еще болѣе выдающаяся — того же царя, въ печальныя минуты послѣ покушеній, тѣшить музыкой и услаждать ароматами. Воскреснутъ Саулъ и Давидъ.

За табакерку и мѣсто петоманъ устроилъ сюрпризъ: предварительно раскрывъ настежъ окна, сыгралъ на собственномъ инструментѣ „Боже царя храни“ и „Славься на страхъ врагамъ“. Нечего и прибавлять, что величественная музыка все время сопровождалась воскуреніемъ ѳиміамовъ къ престолу всевышняго.

Въ большую оперу явился совсѣмъ мрачный, чисто всю ночь провалялся въ гатчинскомъ болотѣ. Началъ косить на углы ложи, видимо задумалъ разыскивать любимую паутину, забывая о томъ, что окутанъ охранною, сѣрою, невылазною паутиною съ самаго начала царствованья. Съ началомъ балета капельку оживился, видимо, вспомнилъ Лябуску. Во время антрактовъ два раза даромъ показывался публикѣ. Форъ и въ самой оперѣ изловчился нѣсколько разъ поцѣловять у царицы ручку. Вся публика перешла на сторону царицы, и не мудрено: у Николушки на лицѣ мракобѣсіе, молитвенность, а у ней все время играетъ обворожительная улыбочка. У него около рта чуть не обезьяньи морщинки, а у нея плѣнительныя ямочки. Французы вѣтрены, отзывчивы, страстны: улыбочки, ямочки имъ всегда по вкусу. Я увѣренъ, что они ее привѣтствовали искренно, какъ кокетливую бабенку. При выходѣ Форъ взялъ царицу подъ руку, а нашъ невѣжа пренебрегъ старухой Форъ, поплелся сзади одинъ и все тревожно озирался, ожидая, конечно, не бомбоньерочку, а бомбочку.

—:—

Рѣчь парижскаго мера Бодена, обращенную къ нашему самодержцу, можно перевести слѣдующимъ образомъ: „Мы, настоящіе республиканцы-соціалисты, привѣтствуемъ не тебя, но великую націю, проснувшуюся, стремящуюся къ освобожденію. Мы всегда были и останемся на сторонѣ тобою гонимыхъ, ссылаемыхъ, казнимыхъ. Не смотря на всѣ чисто оффиціальныя рѣчи и возлагаемыя на тебя надежды, какъ на союзника, ты останешься въ нашихъ глазахъ дикимъ анохронизмомъ, оплотомъ азіатскаго варварства, застоя, угрозой цивилизованному міру.“

Не знаю, понялъ ли нашъ дурачекъ рѣчь, но всѣ замѣтили, что онъ послѣ сильно лебезилъ передъ Боденомъ, имѣлъ видъ вспрыснутаго розочкой мальчишки. Удивить хамствомъ нашего уродца мудрено: его на родильномъ ложѣ восприняли лакеи, онъ росъ среди лакеевъ, лакеи его воспитывали, посредствомъ лакеевъ онъ правитъ Россіей; самихъ любовницъ получаетъ послѣ лакеевъ и до гроба остается лакеемъ своихъ лакеевъ.

Не знаю, зачѣмъ ему нужно было посѣщать Пантеонъ? Онъ находу поклонился Вольтеру, Руссо, Дидеро, Виктору Гюго, забывъ что эти писатели — краса, гордость не только Франціи, но и цѣлаго міра, у насъ не вполнѣ пропущены цензурой. Свѣтъ, исходящій изъ великихъ могилъ, сгустилъ мракъ въ его жалчайшей головѣ, онъ вышелъ, точно оплеванный. Увы, не нашелъ онъ въ храмѣ славы гробницъ императоровъ, королей, но съ ужасомъ узрѣлъ увѣковѣченныхъ въ бронзѣ, мраморѣ ненавидимыхъ имъ революціонныхъ писателей, народныхъ трибуновъ, грозныхъ бунтовщиковъ, крамольниковъ; инстинктивно почувствовалъ, что великое будущее принадлежитъ имъ...

Нашъ посолъ Моренгеймъ, догадавшись въ чемъ дѣло, захотѣлъ за обѣдомъ загладить неблагонадежный Пантеонъ и произнесъ рѣчь, необычную даже въ дворцовыхъ сферахъ; сложивъ руки, какъ бы на молитву, склонивъ умильно головку лысинькую, порхатую набокъ, онъ засюсюкалъ: „Ваше державное величество! невозможно жалкою, дрянною прозой выразить чувства,

питаемыя къ вамъ всей могущественной Франціей; она съ безконечнымъ трепетнымъ обожаньемъ припала къ пятамъ вашимъ, цѣлуетъ пылко страстно слѣдъ вашъ, ластится къ вамъ. Не понимаю и до гроба не пойму, какъ въ первый же день вашего пріѣзда не рухнула пресловутая, шаблонная, мальчишески болтливая республика, и, на счастье Франціи, не водворилась навѣки самодержавная, полномощная молодецкая монархія!! Отъ своего низкоподданическаго лица и отъ лучшихъ гражданъ Франціи, на колѣняхъ молю смилостивиться надъ гибнущей, но и въ самой гибели прекрасной, падшей Франціей, прекратите крамольныя оргіи, потоки петроля, нигилистическое кощунство, коммуну, бомбы, шатанье, плесканье, бурленіе мыслей! возьмите Францію подъ крылья орла, подъ клювы двухъ головъ, сдѣлайтесь ея повелителемъ, отцомъ, матерью, бабушкой. Пусть одна стопа самодержавнаго колосса попираетъ великія и малыя Россіи, царство Польское, княжество Финляндское, области татарскія, амурскія, манджурскія, другая—богатую шелковыми матеріями, бархатомъ, консервами, виномъ, шампанскимъ, цвѣтущую Францію. Невмоготу стали Франціи неистовства, святотатства изступленной прессы, народные выборы, говорильни! Извѣрился, истосковался западъ; духовной жаждою томимый, обратилъ онъ взоры на загадочный востокъ; рвутся запекшіяся уста къ живой водѣ, способной возродить, срастить развалившійся отъ свободъ западный міръ. Молю, внемли намъ, царь! и прости мою прямолинейную, полную посольской отваги рѣчь—она вырвалась изъ обожающей тебя души, какъ горный, разрушительный потокъ изъ дикаго, тѣснаго, швейцарскаго ущелья!“

Выслушалъ нашъ рѣчь спокойно, капельку поблудилъ глазами и изрекъ: „Держи карманъ шире, лисапатрикеевна! Скажите на милость, лѣзетъ ко мнѣ съ своей Швейцаріей!“ Одинъ злоязычникъ подшутилъ: „нужно — говоритъ — понимать царскія слова не односторонне, въ нихъ заключенъ чертовски тонкій смыслъ: не прослышалъ ли онъ чудомъ про неуловимаго икса, заполучившаго пятьсотъ тысячъ фран. изъ панамской кассы, иначе, какъ объяснить слова: „Держи карманъ шире?“

Душевное прояснение длилось недолго. Въ тотъ же вечеръ опъ, съ ошельмованнымъ имъ Моренгеймомъ, сталъ составлять манифестъ къ французамъ о согласіи стать ихъ автократомъ, но изъ вполнѣ русскаго патріотизма, повелѣвалъ излагать титлы въ слѣдующемъ порядкѣ: „Мы, особенно Божіею милостью, Николай II отъ сотворенья міра, годъ 7396 самодержецъ всея Руси, царь Польскій, князь Финляндскій, а также нынѣ самодержецъ царь Французскій, въ порывѣ неизреченной милости, разрѣшаемъ новымъ своимъ подаппымъ называть насъ: какъ бы въ соревнованіе съ бывшимъ „Королемъ Солнцемъ“ „Царь луна“ и не забывать, что луна не разъ устраивала солнечное затмѣніе...

—:—

О французахъ установилось мнѣніе, что они остроумны, но не злы. Но послѣ, какъ они отвели въ Версалѣ нашимъ августѣйшимъ спальню Людовика XVI и Маріи Антуанетты, я сильно усомнился въ распространенномъ мнѣніи: шутка была сѣрножелчная, зловѣще пророческая, сумрачно нравоучительная. Передъ ихъ спальней я остановился въ глубокомъ раздумьѣ, въ душѣ поднялись параллели и предчувствія... Трагическая, коронованная парочка, черезъ столѣтіе протянула руку другой, таинственно намекая на общую судьбу, фатальное совпаденіе!! На одпѣхъ и тѣхъ же постеляхъ раздѣленныя цѣлымъ вѣкомъ, спали двѣ вѣнценосныя парочки, наканупѣ великаго пробужденія ихъ націй... Въ концѣ прошлаго вѣка, въ этой пышной, фривольной, капризно убранной комнатѣ, думая только о себѣ, своемъ дворцѣ, опочивали нелѣпые слѣпцы, не предчувствовавшіе надвигающейся, всеразрушающей грозы. Они порхали, съ цѣлымъ роемъ расфранченныхъ придворныхъ, какъ райскія птички среди оранжерейныхъ цвѣтовъ; купались въ солнечныхъ лучахъ, пили съ упоеніемъ сладкій сокъ изъ душистыхъ растеній; въ атмосферѣ, напоенной пряными, разслабляющими ароматами царили сладчайшія, угодливыя улыбки, томные вздохи, долгіе томительные поцѣлуи, сладострастная истома, розы, соловьиныя трели... Въ изолированномъ отъ націи, тепличномъ дворцѣ, въ фанта-

стическихъ садахъ, вѣяли одни, навѣвающіе нѣгу, идиллическіе зефиры, буря казалась невозможной, странной, неестественной, но она тихо надвигалась и надвигалась, обращаясь постепенно въ ураганъ. Изъ багровыхъ низко нависшихъ тучъ, разрѣзая все небо, блеснули синія молніи, отъ громовыхъ ударовъ задрожала земля; страшныя спирали урагана стали шириться, охватили всю Францію, одинъ изъ грозныхъ порывовъ вмигъ снесъ, вынесшую цѣлые вѣка, Бастилію и сорвалъ вѣнценосныя головенки такъ же легко, какъ обыкновенный вѣтеръ срываетъ верхушки жалкихъ одуванчиковъ.

Слѣпорожденные, глухіе, вконецъ изуродованные дворцовымъ, сумасшедшимъ домомъ, они воображали себя сильнѣе исторіи; имъ казалось, что не они хрупкая игрушка въ ея рукахъ, но она, — исторія цѣлаго народа,—игрушка въ ихъ!!— Они дѣтски наивно отдавали приказанія солнцу остановиться, и жалчайшимъ безумцамъ порой казалось, что оно вѣрноподданически повинуется, замедляетъ ходъ; какъ же внуку короля-солнца не повелѣвать солнцемъ! Народу — разсуждали они—не нужно ни идеала, ни неба; передъ блескомъ брилліантовъ короны должны потускнѣть вѣчныя звѣзды; передъ свѣтомъ, льющимся изъ солитера державнаго жезла, долженъ померкнуть свѣтъ солнца.

Они необузданно веселились, бѣшено танцовали, кружились до самозабвенія, воображая, что поддерживающій ихъ дикій, чудовищный безпорядокъ, вѣченъ, что самоуправствамъ, насиліямъ, грабежамъ не будетъ конца. Ихъ усыпляли нѣжный шумъ, звонъ версальскихъ фонтановъ; они не предчувствовали звона набата, шума возставшаго народа, превосходящаго ревъ разъяреннаго океана, среди отвѣсныхъ скалъ. Они лили старое, красное вино, и имъ пришлось узрѣть иную красную жидкость, лившуюся потоками; ихъ собственная кровь хлынула на эшафотѣ въ моментъ, когда пустыя головы скатились въ пустые мѣшки.

Марія Антуанетта часто заглядывалась на мечтательныя головки своихъ придворныхъ дамъ, и въ одну ужасную ночь она увидѣла прогуливаемую на пикѣ, озаряемую факелами, голову своей фаворитки

Ламбаль, съ черно синимъ лицомъ, улыбкою Медузы, съ запекшеюся ярко красной кровью на лебединой шейкѣ, еще такъ недавно обвитой нитями драгоцѣннаго жемчуга. Ее, убаюкиваемую сладко приторною лестью придворныхъ, разбудили народныя проклятія, бѣшеные вопли, требующіе ея казни.

Врядъ ли Франція конца прошлаго вѣка, въ дни веселій, ликованій въ Версалѣ, представляла столько роковыхъ симптомовъ, какъ наша Россія, въ концѣ нынѣшняго. У насъ, какъ кровавая насмѣшка надъ міровымъ прогрессомъ,уцѣлѣли не одна, но нѣсколько Бастилій, и какъ блѣднѣютъ передъ затаенными въ нихъ невѣроятными ужасами, всѣ невзгоды разрушенной 14 Іюля.

Навѣрное, кровавые сны витали надъ головами нашихъ вѣнценосцевъ въ этой знаменательной спальнѣ, населенной призраками, подавляющими, какъ видѣнія Дантовскаго ада. Навѣрное, имъ снились: кровь безъ конца, туловища безъ головъ, головы въ мѣшкахъ гильотины, на пикахъ, и движущіяся ночью, при свѣтѣ факеловъ, народныя массы, грозныя, гнѣвныя, безпощадныя. Нашимъ вѣнценосцамъ плохо спалось, кто знаетъ, можетъ быть пыль конца прошлаго вѣка, уцѣлѣвшая въ складкахъ обоевъ и постелей, воскресила сны того вѣка, и въ вѣщемъ снѣ, безголовые, двухъ разныхъ вѣковъ, одинаково ими непонятыхъ, обмѣнялись страшными, таинственными мыслями...

—:—

Каждый вѣкъ, въ свои революціонныя движенія вноситъ новыя откровенія, пріемы, сюрпризы. Противъ свирѣпыхъ опричниковъ скоро будутъ орудовать не ножи, револьверы, а ужасающія, по разрушительной силѣ, взрывчатыя бомбы. Въ дни народнаго суда, вмѣсто ножа гильотины, будутъ разить молніи электрическихъ машинъ. Но многіе могутъ замѣтить, что такъ называемые Романовы съ быстротой, безсознательностью ночныхъ бабочекъ, стремятся въ огонь революціи только потому, что не имѣютъ ни малѣйшаго представленія о революціи, не знаютъ ни причинъ, ихъ вызывающихъ, ни въ чемъ онѣ

заключаются. Нѣтъ сомнѣнія, что въ ихъ воспитательную программу онѣ не входятъ; имъ читаютъ лекціи о неслыханныхъ въ остальномъ мірѣ процвѣтаньяхъ, преуспѣваньяхъ подъ бдящею, начальническую опекою благодатною державною сѣнью; въ ихъ конюшенно лакейской исторіи все пышно расцвѣтаетъ и нестерпимо благоухаетъ; царятъ тишь да благодать, народныя благодарности, припаданья, трепетанья, обожанья, слезы умиленія, восторга, и все, неизбѣжно, въ размѣрахъ безпредѣльныхъ, безконечныхъ. Вся ихъ исторія полна всевозможнѣйшихъ готовностей, ни по чемъ считается лечь костьми, закидать шапками. Черезъ всѣ вѣка проходитъ одинъ народный крикъ: „Рады стараться! всѣмъ довольны, Ваше императорское Величество!“ Ихъ исторія изъ „ура“ и „Боже царя храни“ не выходитъ; ими все покрывается, въ нихъ все сливается, ими все выражается; разбои, грабежи, насилія, всевозможныя и повсюдныя подавленія не болѣе какъ простыя попеченья... революція является простымъ недоразумѣніемъ, недосмотромъ, превратнымъ толкованіемъ. Стоитъ только дворникамъ, казакамъ, жандармамъ, полицейскимъ не дремать, и Россія, вполнѣ, отъ нея гарантирована. Но разъ всѣ задремали, и она вспыхнула, — ловкій энергичный полицмейстеръ, съ двумя, тремя сотнями казаковъ, вмигъ приведетъ неблагодарныхъ, зазнавшихся низкоподданныхъ въ прежній порядокъ, главное: нужно всѣхъ встрѣчныхъ, безъ разбора, забивать на смерть плетьми, топтать дѣвушекъ и дѣтей каблучищами съ гвоздями и разбивать, какъ можно болѣе, ни въ чемъ неповинныхъ головъ о стѣны.

Вся Россія какъ бы создана для начальственной кучки, для ея экзерсисовъ; чисто она свалилась съ Юпитера и уполномочена какимъ то всемогущимъ творцомъ, продѣлывать все, что она хочетъ и только въ своихъ интересахъ.

Все это такъ, но не нужно забывать, что послѣдовательностью, выдержанностью, стойкостью, наши широчайшія, славянскія натуры, увы, не отличаются, а монголо татарскія — и подавно.

Мы, благодаря вѣковой цензурѣ, совсѣмъ не умѣемъ логически мыслить; полное пониманіе, безъ полной

свободы прессы, конечно, не мыслимо. Мы вѣчно путаемся въ противорѣчіяхъ, проговариваемся въ самомъ дворцѣ: мы всѣ, капельку, анархисты. У насъ очень часто случается, что самый очумѣлый мракобѣсецъ, неожиданно отпускаетъ крамольную фразу, и послѣдняя полнѣйшая свинья, „чавкавшая вѣчно правду“, вдругъ устремляетъ меланхолическій взоръ въ небо.

Пословица говоритъ, что шила въ мѣшкѣ не утаишь, подавно нельзя было утаить, даже отъ Романовыхъ, головы Капетовъ, въ мѣшкахъ съ отрубями. Про послѣдніе дни, одинаково съ ними смазанныхъ, они имѣли болѣе насъ шансовъ услышать раздирательныя подробности; сбѣжавшіе въ Россію, послѣ разгрома, придворные, навѣрное, изливали свои опечаленныя души передъ нашими.

Но, увы, все соскользнуло съ ихъ мозговъ, какъ вода съ кожи жабы, они лишены абсолютно способности обобщенья. По ихъ понятіямъ и окружающихъ ихъ невѣжественныхъ идіотовъ, Франція сама по себѣ, а Россія сама по себѣ. Ихъ увѣрили, что Капетъ жалостно погибъ отъ того, что у него не было нашихъ нагаечниковъ, нашего III отдѣленья, нашихъ жандармовъ и провокаторовъ...

—:—

Какъ нашъ дробненькій, убогенькій обрадовался, когда благополучно добрался до поѣзда, отходящаго въ Берлинъ; забывъ самодержавный этикетъ, съ дѣтскою порывистостью бросился на шею президенту республики, трижды облобызалъ, назвалъ другомъ.

Подлый страхъ не покидалъ его до самой Германіи, по временамъ вздрагивалъ, подпрыгивалъ такъ, что мы хотѣли его пришить къ креслу, чтобы не слетѣлъ на полъ. Въ Германіи успокоился: „Тутъ—говоритъ—сисилистовъ выдаютъ, полиція капельку напоминаетъ мою. Кто знаетъ, можетъ быть, и мордобитія нерѣдки. Другъ Гиль только и мечтаетъ самодержцемъ сдѣлаться, — сухая рука все мѣшаетъ, какъ слѣдуетъ размахнуться и похерить конституцію; надоѣли ему ограниченья, но куда ему до меня: слишкомъ уже глухъ и слишкомъ глупъ, голова — чисто огромная

рѣдька, хвостомъ вверхъ! и усы какъ у нашего двуглаваго орла, крылья; чтобы быть умнымъ, нужно голову дыней дубовкой имѣть, какъ у меня.

Переѣхавъ черезъ нашу границу, пуще индюка раздулся, непозволительно сталъ покрикивать; въ совсѣмъ пустынныхъ мѣстахъ началъ подмѣчать крамольное шатаніе мыслей, посяганья на поѣздъ; въ собственномъ спальномъ вагонѣ, подъ матрацомъ, сталъ разыскивать ужасныя для него брошюры и всевозможные корни и развѣтвленія; завелъ рѣчь о Боркахъ, усомнился въ вѣчно бдящемъ перстѣ божьемъ: „Де не всякій же разъ перстъ будетъ спасать, не все же онъ будетъ шально торчать въ воздухѣ. Богъ можетъ устать и руку въ карманъ штановъ или мантіи запрятать. — въ небѣ не очень то тепло! Дѣдушку перстъ божій спасалъ, спасалъ, а подъ конецъ, все жъ таки, какъ пробка отъ кислыхъ щей взлетѣлъ“. На замѣчаніе Рихтера, что сравненіе съ пробкою, да еще отъ кислыхъ щей, весьма неумѣстно, рѣзко отвѣтилъ: „Я лучше васъ физику знаю, всѣ предметы одинаково взлетаютъ; нога и пробка, съ точки зрѣнія физики, все едино“. Женѣ сталъ вспоминать Форовскія чмоканья, въ пику сталъ превозносить Лябуску, одобрилъ Генриха VIII за то, что тотъ ловко умѣлъ съ женами расправляться, сталъ поносить Ганноверскій домъ и упрекать жену за изьяны въ сложеніи. Наши придворные нашли, что слишкомъ уже расфуфырился, стали на него знаменательно поглядывать, а одинъ, какъ бы въ шутку, сталъ изъ платка петлю дѣлать; взглянувъ на платокъ, тотчасъ же позорно смирился, живо принялъ свой прежній, полномощный образъ, ощипаннаго, обвареннаго кипяткомъ, худенькаго воробья, а послѣ весь вечеръ повсюду съ великою задумчивостью паутину разыскивалъ и въ сортирѣ снова старался духа вызвать.

Генералъ Р. нынче, тайкомъ, показалъ альбомъ императрицы съ карикатурами на мужа; двѣ не лишены чисто англійскаго юмора и мило раскрашены. На одной: на маленькой табуреточкѣ сидитъ, въ шапкѣ Мономаха, рахитическій недодѣлокъ; съ одной стороны — ночной горшечекъ, въ него изъ вскрытой на рукѣ жилы каплетъ кровь, истинно царская: желтая съ голубоватымъ отливомъ; съ другой — поразительно взъерошенный пѣ-

тухъ; изъ его тѣла проведена трубка въ жилу другой руки. Вверху надпись: „Чудеса нами гонимой науки; полная перемѣна крови и духа“, а внизу: „Набираюсь задора, мужества и еще кой чего для поѣздки во Францію: хочу быть истиннымъ gaulois!“ На другой: въ горностаевой мантіи, огромной коронѣ, весь въ орденахъ, — отъ пятъ до подбородка, — на полу, подъ большою козою лежитъ уродецъ, съ коротенькимъ носомъ и лбомъ, и отчаянно сосетъ молоко; внизу надпись: „Для поддержки самодержца одного козьяго молока заглаза достаточно козье молоко, давая всѣ нужныя силы для управленія страною, въ то же время спасаетъ отъ печальныхъ неожиданностей въ пищѣ. Въ наше полное утопій время истинный самодержецъ долженъ довѣрять только одной, вполнѣ здоровой, козѣ“.

Я знаю, что не только обидчивая дворцовая челядь, но и кой кто изъ либераловъ и даже радикаловъ, съ холуйскимъ микробомъ на днѣ души, упрекнутъ меня въ экзажированіи, въ непозволительномъ вышучиваніи, скажутъ, что я нарочно вкладываю въ уста манекена забавныя фразы и проч. Повѣрьте мнѣ, что людишки, мною выставленные, въ дѣйствительности неизмѣримо смѣшнѣе, жалче, глупѣе, а главное — злѣе и подлѣе. Напойте хорошенько самаго приближеннаго къ царю, и онъ вамъ на ушко подтвердитъ мою мысль.

Наши книжники, носящіе ливрею, если не на тѣлѣ, то на душѣ, оскорбляясь за барина и не зная, что найти въ писателѣ, тотчасъ же начинаютъ дружно кричать: „Авторъ слишкомъ рѣзокъ, циниченъ, все ругается“. Мнѣ кажется, что это съ цѣлью морочить простоватую публику, они разыгрываютъ изъ себя такъ прекрасно круглыхъ невѣждъ и недоумковъ. О боги! если бы они хотя-бъ немного перебрали въ памяти всѣхъ великихъ сатириковъ, памфлетистовъ, публицистовъ, поэтовъ всѣхъ вѣковъ и народовъ. Изъ дамскихъ какихъ то особенныхъ ручекъ пришлось бы вырвать библію съ ругательно циничными памфлетами пророковъ; нестѣсняющагося никакими словами Шекспира; крайне рѣзкихъ ругающихся, циничныхъ — Вольтера, Дидеро, Руссо, Байрона, Шелли, Виктора-Гюго, Гейне, Берне и десятки другихъ... Ругающимися циниками окажутся всѣ самые выдающіеся публицисты всѣхъ радикальныхъ ев-

ропейскихъ газетъ, а послѣднимъ словомъ ругани, цинизма — монументальное châtiments Виктора-Гюго. Если англійскія газеты не такъ рѣзко нападаютъ на правительство, то только потому, что оно уважаетъ свободу и законы страны... Они не понимаютъ даже слово — цинизмъ, не знаютъ что онъ все пошлое, грязное, сальное окутываетъ розовымъ флеромъ поэтизируетъ растлѣніе, раскрашиваетъ вырожденіе, порокъ, въ самыхъ отвратительныхъ мѣстахъ не договариваетъ, давая просторъ болѣзненно раздраженной фантазіи... Всюду пикантные намеки, раздражающая таинственность, и въ глубинѣ — никакой здравой мысли, разумной цѣли. „Петергофское гуляніе“ Лермонтова, конечно, грязная вещь, но отнюдь не циничны: „Гаврильяда“ Пушкина „La pucelle“ Вольтера: нецѣломудренными стихами вышучиваются христіанскія безсмыслицы. Не циничны самыя безцеремонныя эпиграмы того же Пушкина.

Они не хотятъ знать, что во всѣ вѣка, у всѣхъ народовъ самые мощные разрушители вѣкового зла, мишурнаго величія не стѣснялись лакейскою галантерейностью, не прибѣгали къ фарисейски трусливымъ виляніямъ, холопскимъ деликатесамъ; они напрямикъ громили всеобщаго врага. Пороки, мерзости, преступленія враговъ служили имъ орудіями бичеванія, осмѣянія, вышучиванія, втаптыванья въ грязь. Ихъ слово походило на ту грозную дубину, которой первые христіане разбивали всенародно языческихъ идоловъ.

Чтобы будить, волновать, подымать интеллигентную и народную массу, нужны не усыпляющіе, дремучіе, всѣми уважаемые и никѣмъ не читаемые фоліанты, но огненныя сатиры, памфлеты, поэмы, пѣсни, гимны, зажигательныя прокламаціи, бьющія въ самое нутро зла, освѣщающія свѣточами мстительныхъ Эвменидъ черныя бездны зла.

Много мнѣ пришлось на вѣку своемъ читать запрещенныхъ журналовъ, нерѣдко мнѣ попадались журналы, всего въ 16 страницъ, издававшіеся съ рискомъ жизни, — смотришь пятнадцать страницъ посвящены программѣ или спорамъ о программѣ... Охъ, ужъ эти программы! Точно наши молебны передъ начатіемъ малѣйшаго дѣла. Будто истинный революціонеръ, съ великимъ идеаломъ не видѣнъ весь въ каждой строчкѣ, въ каждомъ

нанесенномъ ударѣ. Развѣ всѣ пункты программы могутъ совпасть со всѣми сюрпризами жизни??

Смѣшно и странно, что уморительно важныя, претендующія на ученость, мокрицы, съ мутною слизью, вмѣсто крови, и всевозможные писаки, строчащіе отъ строчки, берутся быть судьями бойцовъ съ сердцемъ изъ „золота и стали“, которые за милліардъ не откажутся ни отъ одной своей строчки, и подъ пыткой — ни отъ одного своего слова, которымъ свѣтлое будущее воздвигнетъ монументы, и популярность, значеніе которыхъ, будетъ рости вмѣстѣ съ ростомъ націи.

Давно ли всевозможные лимфатическіе лакеи упрекали Герцена, Бѣлинскаго, Добролюбова, Писарева за рѣзкость, брань, дилетантство, отсутствіе научной, пирамидальной серьезности? А великаго Щедрина — не только за ненужную рѣзкость, брань, но и за цинизмъ?

Что же касается до небесныхъ дамочекъ и неземныхъ дѣвицъ, скажу, что имъ можно фигурировать полуголыми въ публичныхъ собраньяхъ, съ цѣлью матримоніальной рекламы, и avis aux amateurs, забавляться вполнѣ сальненькимъ и гнусненькимъ флиртомъ, зачитываться скабрезными, безсмысленными романишками, но отнюдь не слѣдуетъ читать книгъ, въ которыхъ безцеремонно, несалонно бичуются, практикуемые ими въ жизни, отвратительный цинизмъ и всевозможные пороки...

—:—

Удивительный народъ французы! какъ они ловко умѣютъ, въ своихъ интересахъ, играть комедіи, какъ входятъ во всякія роли, и въ очень важныя, и въ крайне лакейскія; папеньку нынѣшняго они вначалѣ чествили такъ, что у нашихъ царелюбцевъ волосы, не смотря на помаду, становились дыбомъ, а у одного полнаго генерала — по слухамъ — даже парикъ взъерошился отъ негодованія, ужаса. На митингахъ, въ собраньяхъ, во всѣхъ радикальныхъ газетахъ, его обзывали: „казакомъ, пандуромъ, кроатомъ, баши-бузукомъ, Жакомъ-вспарывателемъ женскихъ животовъ, заплечнымъ мастеромъ, палачемъ, мясникомъ—живодеромъ, выродкомъ“. Но не удовольствовавшись, перешли въ міръ живот-

ныхъ, звали: „мастодонтомъ, злымъ египетскимъ верблюдомъ, дромадеромъ, бѣлымъ сіамскимъ слономъ, однорогимъ носорогомъ, тапиромъ, ягуаромъ, кугуаромъ, гиппопотамомъ, крокодиломъ, бѣшенымъ волкомъ, гіеною, шакаломъ, выдрою, акулою, кашалотомъ, моржомъ и т. д.“ Но утонченная изобрѣтательность, увы, даже міромъ животныхъ не ограничилась, — спустилась въ міръ животно-растеній: безконечно обожаемаго самодержца сравнили съ огромною губкою, впитывающей и выбрасывающей человѣческую кровь. Рошфоръ каждый мѣсяцъ, перваго числа, справлялся объ участи беременной, запытанной Геси Гельфманъ. Въ Марселѣ десятитысячная толпа осадила русское консульство съ криками: „смерть чудовищу-царю! на фонарь представителя азіатской деспотіи!“ Во всѣхъ большихъ городахъ народныя собранія, — одно время — заканчивались дружнымъ крикомъ: „Смерть чудовищу — царю! смерть истязателю беременной женщины!“

Возрастающіе изо дня въ день комплименты, ласковыя прозвища, добрыя, задушевныя пожеланія стали понемногу дѣйствовать на нашихъ столбовъ отечества; у многихъ стала мелькать мысль, что подобное всеобщее настроеніе отрѣжетъ, въ концѣ концовъ, всей семейкѣ Романовыхъ и ихъ лучшимъ шпіонамъ путь въ Парижъ, и наступитъ конецъ жуированіямъ; страстныя, игривыя кокотки, упоительные кафе-шантаны станутъ не болѣе, какъ раздражающею грезою, подъуськиваніемъ изъ прекраснаго далеко... Задумались они глубоко, глубоко и рѣшили отправить десятокъ прогенныхъ третьеотдѣленцевъ для зондированья пути къ примиренью; къ третьеотдѣленцамъ пристегнулись: распродувная тварь — выкрестъ Ціонъ, напыщенно преданный, заштатный дипломатъ — Татищевъ и пять, шесть оголтѣлыхъ писакъ, съ девизомъ: „За деньги все напишемъ, за деньги все поддержимъ“. Оказалось: ларчикъ просто открывался... Осѣдлавъ дебелую кобылу — Лотарингію и ретиваго жеребца — Альзаса, шпіоны въѣхали на нихъ съ тріумфомъ не только въ Парижъ, но и въ самое нутро французовъ — ихъ карманы. Чудо свершилось воочію: на маленькій обрывокъ совсѣмъ тухлой свинины, на авось да небось, русское правительство выудило у французовъ семь милліардовъ

франковъ и устроило, съ преподнесеніемъ колоссальныхъ взятокъ, Тулонъ и нынѣшнюю встрѣчу.

Послѣ ареста въ Парижѣ русскихъ террористовъ, изучавшихъ взрывчатыя вещества, Ціонъ сбросилъ маску, нагло настрочилъ: „Послѣ того, какъ французы отдали намъ свои сбереженія свое золото, они должны къ нимъ немедленно приложить свою честь и отринувъ отъ себя свое позорное, революціонное прошлое, стать поставщикамп висѣлицъ; они не должны ни на минуту забывать, что если бы усовершенствованными бомбами удалось взорвать хозяина земли руской, все его хозяйство окончательно растроилось бы, и бумаги обезпечивающія французскій заемъ, мгновенно пали, а въ случаѣ революціи и совсѣмъ потеряли цѣнность".

Царь, провокаторы, охрана были спасены кокотки кафешантаны снова приблизились, услаждая, разнообразя жизнь мышиныхъ жеребчиковъ, изъ хлѣва Романовыхъ и ихъ свиты. Алексѣй, Владиміръ и прочая дрянь, стали снова осквернять своими особами парижскіе бульвары. Клички и прилагательныя, столь щедро расточаемыя, на время вошли внутрь, и когда царь не совсѣмъ мирно въ бозѣ почилъ, отъ отравы въ Ливадіи, ему, за неразысканіемъ другихъ душевныхъ качествъ, приписали миротворство, и на этомъ одноструннномъ инструментѣ, щедро оплачиваемыя французскія газеты разыграли много пѣсенокъ, напомнившихъ мелодичностью и богатствомъ внутренняго содержанія нашего самобытнаго „комаринскаго мужика", воспользовались даже, за неимѣніемъ лучшаго, тѣмъ, что Александра III-го раздуло, и онъ сталъ не только „десятью пудами высочайшаго сала" но гиппопотамомъ; ему приписывали ломанье подковъ, желѣзныхъ осей, — сдѣлали его конкурентомъ Зандова.

Никто не намекнулъ, что роль миротворца очень умаливалась тѣмъ невиннымъ обстоятельсвомъ, что Гатчинецъ началъ свое царствованіе вскорѣ послѣ тяжкой войны съ Турціей и промаялся въ заключеніи всего 13 лѣтъ, что финансы войною съ Турціей, всероссійскими голодовками, неслыханно безобразнымъ внутреннимъ управленіемъ были доведеды до состоянія, граничащаго съ наиполнѣйшимъ банкротствомъ и не допускали мысли о войнѣ не только съ Европой, но и съ ди-

карями. Такъ же никто не вспомнилъ инцидентъ съ Каульбарсомъ, который чисто самодержавнымъ самодурствомъ, казацкою разнузданностью, желаніемъ ввести въ Болгаріи кнутобойство, висѣлицу, безгласность, безправіе, чуть не заварилъ европейскую войну, отъ которой Европа спаслась, по истинѣ, только чудомъ

Покойный Гатчинецъ умѣлъ откладывать въ иностранные банки десятки милліоновъ на черные дни и столько же на свѣтлые, благодаря этимъ съэкономливаньямъ онъ деньгѣ цѣну зналъ, деньгу сильно чтилъ передъ деньгой сильно преклонялся. На что кажется былъ азіатъ, но послѣ заполученья отъ Франціи семи милліардовъ золотомъ, онъ въ Петергофѣ, передъ республиканцами французами, снялъ почтительно барашковую шапочку и надтреснутымъ голоскомъ сталъ подтягивать Марсельезу, а кому неизвѣстно, что въ семъ національномъ гимнѣ есть пассажи не только крайне оскорбительные для монарховъ, но и поносные, не только угрожающіе, но и съ трона низвергающіе.

Покойный Гатчинецъ, въ началѣ царствованія, даже въ сновидѣніяхъ не могъ себя представить въ Парижѣ; появись миротворецъ, и его умиротворили бы не бомбами, но тухлыми яйцами и разсыпчатыми проросшими картошками ; онъ, если можно такъ выразиться — потонулъ бы въ тухломъ желткѣ и картофельномъ пюрѣ; а нынѣ мающійся, хотя и съ дрожаньями, передергиваньями, рвотами, слабиньями и молитвами, все таки привезенъ былъ въ Парижъ!

Когда же — спрашивается — французы врали: тогда ли, когда давали въ бозѣ почившему Гатчинцу невозможныя и всевозможныя клички, или когда жаловали въ миротворцы? — Тогда ли, когда мѣшали его и всю фамилію съ содержимымъ водосточныхъ трубъ, или когда орали : „Боже царя храни?“

Ребенокъ догадается, что Тулонъ, Кронштадтъ, франко-русская недѣля, не болѣе, какъ корыстная, шовинистская ложь, дутое лицемѣріе, позорное фиглярство. Нѣтъ сомнѣнія, что Франція, живая, свободная, стремящаяся къ свѣтлому, великому будущему, попрежнему ненавидитъ, презираетъ нашу пещерную деспотію и попрежнему глубоко, искренно симпатизируетъ своимъ братьямъ по духу и идеалу — русскимъ революціоне-

рамъ, и пока жива душа Франціи, любовь къ нимъ не изсякнетъ. Пусть только завтра затрещитъ по всѣмъ швамъ деспотія, и вы увидите, какую отходную начнутъ ей читать сами шовинисты, нынѣ фиглярствующіе передъ порфироноснымъ, лютымъ ничтожествомъ.

Не за горами день, когда Франція, наконецъ, поймете, какъ она было нагло, жестоко одурачена, обворована нашимъ на все способнымъ, вѣроломнымъ, лживымъ, воровскимъ, разбойничьимъ правительствомъ. Она скоро раскуситъ субъектовъ, мастерившихъ союзъ, узнаетъ, гдѣ и кому они служатъ, какими гешефтами занимаются, какимъ обременены прошлымъ; она извѣдаетъ всю бездонность ихъ кармана, всю мерзость ихъ душевнаго омута. она узнаетъ, что не одинъ грабежъ имѣло ввиду русское правительство, но еще болѣе ужасное дѣло — водвореніе монархіи Бонапарта, котораго она держитъ въ своей арміи въ запасѣ. — Одна рука грабитъ республику, другая держитъ за пазухой ножъ для ея пораженія сзади.

—:—

Наконецъ вернулись и защемило сердце смертельною тоскою: Петербургъ окуталъ насъ своею душащею, свинцовой атмосферой; кажется, что само небо плачетъ о насъ, несчастныхъ русскихъ. Послѣ Парижа, сильнѣе прежняго гнетутъ всеобщая безгласность, рабская трусость; лицемѣрная съ искривленнымъ ртомъ, вмѣсто улыбки, благонамѣренность; трясущаяся, съ поджатымъ хвостомъ, благонадежность. и всюду, до ужаса, пониженная жизнь. О, боги! когда и чѣмъ все это кончится? Но яснѣе солнца, что длиться это не можетъ!

Опять стали рѣзать глаза недремлющіе спасители отечества — дворники; искоренители всѣхъ вольныхъ идей, утопій, кровожадные казачицы съ плетьми; изобрѣтатели всяческихъ гибельныхъ западней, агенты-провокаторы и разыскивающіе корни, развѣтвленія, тучи шпіоновъ. Отовсюду ползетъ, все заливая, все заражая бухарская темь, азіатская ночь, безъ разсвѣта.

О, милліоны разъ проклятый, чудовищный, могильный строй! На рубежѣ XX вѣка ты осмѣливаешься, спасая негодную шкуру, святотатственно преслѣдовать въ

человѣкѣ все человѣческое! Ты слѣпо, безумно, дерзаешь гнать науку, разумъ, свободу, мысль, совѣсть! Сгинь проклятый! Сгинь, „ужасъ міра, стыдъ природы!“

Ну и представили счетики, по возвращеніи! У министра финансовъ носъ не только повисъ, но и на бокъ загнулся, ходитъ, какъ вытащенный изъ Невы, и все про себя шепчетъ: „Вотъ и катай бюджеты безъ дефицитовъ! Потѣшай всю Россію и Европу на живую нитку сшитой брехней! Послѣ одной коронаціи въ двадцать лѣтъ финансовъ не поправишь, а тутъ, въ какія нибудь четырнадцать лѣтъ, двѣ коронаціи на матушку Россію обрушились, а къ нимъ прибавились еще путешествія! Нѣтъ, такъ управлять финансами нельзя! На дняхъ непремѣнно скраду десятокъ милліоновъ чистымъ золотомъ и сбѣгу въ свободную Америку!“. . .

. . . . . .

. . . . . .

1902 г.

Не нужно удивляться выраженію автора „Дневника“, что „носъ Витте не только повисъ, но и на бокъ загнулся“. По очень упорнымъ слухамъ, у министра разгрома финансовъ носъ такой же фальшивый, какъ, подлежащій его заботамъ рубль... Потерялъ онъ, полный финансовыхъ нюховъ, носъ, конечно, не за отечество. Страшно находчивый въ финансахъ, онъ оказался такимъ же находчивымъ въ пріисканіи новаго носа. Свѣтила хирургіи выкроилъ ему носъ изъ тѣла отставнаго жандарма, изъ части, не приносящей болѣе удовольствія, въ слѣдствіи глубокой старости... За согласіе жандармъ былъ награжденъ Николаемъ II Станиславомъ на лентѣ и пожизненною, крупною пенсіей. По слухамъ, носъ Витте гнется во время вѣтра на всѣ стороны, дрожитъ, какъ подтаявшій студень; въ сырую погоду онъ мокнетъ и покрывается легкою плѣсенью; во время мороза переливается цвѣтами, какъ хамелеонъ; во время засухи морщится и даже трескается. Во время бесѣдъ, Витте любитъ вынимать батистовый платокъ и вытирать очень часто свой полновѣсный и, въ то же время, призрачный носъ...

Министръ финансовъ Витте, всѣмъ существомъ такой же фальшивый, какъ его носъ, онъ также крутится по

вѣтру и такъ же мѣняетъ цвѣта. Онъ все сдѣлалъ, чтобы увѣковѣчить наше банкротство; онъ выпустилъ поразительный золотой, на которомъ на удивленіе міру, выбито 7 руб. 50 коп. за двадцать франковъ; другими словами: „lasciate ogni speranza“, чтобы этотъ золотой сталъ пятью рублями. Не смотря на всѣ грабежи, богатства страны растутъ, но золотой остается непоколебимымъ. Ясно, какъ день, что самодержавное, финансовое управленіе съ каждымъ годомъ, становится все мерзче, и мерзче.

Какъ бы поступили въ Италіи съ министромъ финансовъ, который, въ то время, когда за сто франковъ золотомъ платили сто десять бумажными лирами, вздумалъ бы выпустить золотой, выбивъ на немъ: *сто десять франковъ?* Если бы его не повѣсилъ въ гнѣвѣ народъ на первомъ фонарѣ, его, во всякомъ случаѣ, само правительство принуждено было бы, для успокоенія страны, посадить въ сумасшедшій домъ.

Но въ послѣднее время черный магъ русскихъ финансовъ откатилъ фразу, способную его — въ нѣкоторомъ родѣ — увѣковѣчить. Когда вся Россія начала охватываться революціоннымъ огнемъ, онъ въ своемъ интервью съ корреспондентомъ „Matin“, съ поздревско хлестаковской стремительностью, брякнулъ: „Скорѣй луна падетъ на землю, чѣмъ въ Россіи вспыхнетъ революція!“

Эта фраза чудовищной несуразностью сравненія, феноменальною глупостью, превзошла всѣ нелѣпости, высказанныя другими министрами. Такую колоссальную, гомерическую по своему невѣжеству, нелѣпость, достойную скрижалей, могъ сварганить только стоящій во главѣ нашего правленія. Какъ нужно было безконечно презирать страну, чтобы сказать такую фразу!... Передъ нею вполнѣ блѣднѣетъ призывъ короля испанскаго, титулярнаго совѣтника Поприщина: „Пойдемъ спасать луну!“ Чтобы сварганить такую фразу, нужно имѣть сифилисъ не только въ носу, но и въ мозгу.

И этотъ Кречинскій-Хлестаковъ, послѣ избіенія въ Петербургѣ безоружныхъ мужчинъ, женщинъ, дѣтей, вилялъ передъ радикалами и либералами, умывалъ руки, сваливая кровавое преступленіе на другихъ.

Стыдливая дѣвушка, довѣрившаяся содержателю публичнаго дома, рискуетъ быть менѣе обманутой, чѣмъ русскій, довѣрившій либерализму русскаго правительства, то есть кучѣ очумѣвшихъ идіотовъ и палачей.

Только безпощадно истребивъ ихъ всѣхъ до единаго, Россія добьется свободы. Этихъ умственно и нравственно горбатыхъ сама могила не исправитъ.

Теперь понятно, почему наши правители такъ неистово, безъ согласія, безъ контроля страны занимали, въ счетъ несчастныхъ будущихъ поколѣній, милліарды, почему такъ нагло, дерзко, безумно грабили, такъ чудовищно разбойничали, самоуправствовали, дико надругивались надъ несчастною страною. Они искренно вѣрили, не менѣе Витте, что скорѣе луна падетъ на землю, чѣмъ надъ ихъ преступными, свинцовыми головами разразится страшный, народный судъ, кровавая революція.

Да, дальновидные правители, вы скоро начнете въ свои идіотскія головы получать такіе удары, что вамъ покажется, что не только луна падаетъ съ неба, но и что всѣ звѣзды рушатся вмѣстѣ съ нею.

1910 годъ

Содержаніе

Дѣло Нечаева. 5
Нечаевъ. 36
Процессъ 196 45
Россійское броженіе подъ микроскономъ. 56
Александръ Освободитель. 68
Спасеніе отечества съ выдачею 100.000 руб. 97
Процессъ 16 107
Консерваторы и либералы 116
Великая казнь 128
Витова пляска 137
Александръ III Милостивый 146
Александръ III Реформаторъ, (картина I). 159
Александръ III Реформаторъ, (картина II) 178
Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ 184
Заколдованный кругъ 193
Бѣлый генералъ. 202
Божественное масло 212
Собачій пиръ. 221
О гадахъ 235
Сумерки земныхъ боговъ. 240
Царь Снѣгурочка 252
Похороны Судейкина 258
Чрезвычайный совѣтъ. 263
Душа на распашку. 269
Семейный совѣтъ 274
Интимный совѣтъ 284
Какъ дворяне бунтуютъ 292
Нижегородскій самодержецъ Баранъ I 296
Что такое республика? 300
Въ глухой улицѣ 308
Генералъ Кувыркасъ 310
Сокращенное Евангеліе Побѣдоносцева 318
Похороны Солитера. 322
Гатчина I Марта 87 года 340
Императоры предполагаютъ, динамитъ располагаетъ 352
Чортова лужа. 364
Власть тьмы 377
Знаменья времени 385
Черный годъ 397
Царь нигилистъ 409
Терроръ. 421
Владимиръ Львовичъ Бурцевъ 432
Еще о террорѣ 434
Къ народу (слово о царѣ). 442
Богдыханъ Никулангъ-Сю 449
Илья Ціонъ 465
Разсказъ очевидца о покушеніи Соловьева 471
Кара Націи 475
Любовь къ Царю 489
Николай въ Парижѣ. 495

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

Savine
PG3451
.A65
1910
kn.4